КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материалы
X Международной конференции

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материалы
X Международной научной конференции
9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия

Ответственный редактор
д.ф.и. Е. Л. Конявская

Москва
2019

УДК [902+94+82+81]”08/16”(082)
ББК 94:[63.3+63.4+80/84](2)4

При финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-20003)

Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории РАН

Редколлегия сборника: д.и.н., чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков, д.ф.н. М. Гардзанити, д.ф.н., чл.-корр. РАН А. А. Гиппиус, д.иск. В. В. Игошев, д.ф.н. А. М. Камчатнов, д.ф.н. В. М. Кириллин, д.ф.н. Е. Л. Конявская (отв. ред.), к.иск. И. А. Кочетков, д.и.н. О. Ф. Кудрявцев, д.и.н. П. В. Лукин, д.филос.н. В. В. Мильков, д.и.н. А. В. Назаренко, д.и.н., проф. РАН П. С. Стефанович, к.филос.н. игумен Тихон (Полянский), к.и.н А. А. Турилов, д.и.н., чл.- корр. РАН Б. Н. Флоря, к.ф.н. М. С. Фомина, д.и.н С. З. Чернов, д.и.н Л. Штайндорф, д.ф.н. Е. М. Юхименко

Рецензенты: д.и.н А. А. Горский,
к.и.н. С. М. Шамин

Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9—13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2019. — 246 с.

ISBN 978-5-91674-554-2

В сборнике представлены материалы X Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Работы демонстрируют методику и результаты комплексного подхода в исследовании Древней Руси. Среди авторов историки, археологи, историки церкви, историки литературы и языка, фольклористы, искусствоведы — все те, чьей сферой научных интересов являются историко-культурные феномены Руси с IX по XVII столетие.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Н. Абуков
К ВОПРОСУ О РОДОНАЧАЛЬНИКЕ ГОРОДЕНСКИХ КНЯЗЕЙ
13
А. И. Алексеев
СИНОДИК-ПОМЯННИК ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ 1620–1670-х ГОДОВ
14
А. С. Алексеева
ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ ВЕЛИКОУСТЮЖСКОГО СБОРНИКА
16
А. С. Алмазов
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И КОМПЛЕКТОВАНИЯ ШТАТА НЕЖИНСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
17
С. В. Алпатов
«НЫНЕ УЖ СОДРУЖИЛСЯ ТЫ С БЕСАМИ ТЕМИ, В КОРЕТЕ С ТОБОЮ ЕЗДЯТ»: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТОПОС РУССКОЙ САТИРЫ XVII–XVIII в.
19
М. Ю. Андрейчева
НОВОЕ О ПЕТРЕ ГУГНИВОМ
20
Т. В. Анисимова
ВВОДНАЯ ЧАСТЬ «ЗАВЕТОВ 12 ПАТРИАРХОВ» И ЕЕ ИСТОЧНИК (К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ)
21
Т. И. Афанасьева
ВАТИКАНСКАЯ ПСАЛТЫРЬ VAT. SLAV. 8: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУКОПИСИ
23
Г. С. Баранкова
ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО
24
С. И. Баранова, Л. А. Беляев
РОЖДЕНИЕ ЧЕРЕПИЦЫ: ПЕРВЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КРОВЛИ РУСИ (XV в.)
25
А. А. Бачинский
ТЕМА РАЗЛИЧИЙ И БЛИЗОСТИ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ИВАНА IV
26
Н. В. Башнин
КАЗНА ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА СВ. СОФИИ В XV–XVII в.: СОСТАВ И СОХРАННОСТЬ
27
Л. А. Беляев
РОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII–XV в. В КОНТЕКСТЕ АРХИТЕКТУРЫ
29
Л. А. Беляев, А. Н. Хохлов, И. А. Сафарова
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР В ТВЕРИ И ЕГО МЕСТО В АРХИТЕКТУРНОЙ ТРАДИЦИИ XIII–XV в.
30
А. В. Беляков
РУССКО-СИБИРСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ПО СВЕДЕНИЯМ «ТИТУЛЯРНИКА» 1577 г.
31
Е. В. Белякова
НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СБОРНИКА ЗИНАР (ПСЕВДОЗОНАР) У ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ОПЫТЫ ЕГО ИЗДАНИЯ
32
М. В. Бибиков
ГРЕЧЕСКОЕ ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО В АФОНСКОЙ РУКОПИСИ
34
С. В. Богданов
КТО ИЗ ЯРОСЛАВИЧЕЙ ПОГИБ В ТВЕРИ В 1238 г.?
35
А. А. Бондаренко
НЕТШИЧИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ
37

Д. М. Буланин
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛОВ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА
(АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ КАК ИДЕАЛ ПРАВИТЕЛЯ)
38
И. Г. Бурцев, А. В. Дедук
ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОРЛОВЫХ ВОРОТ
ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ КОНЦА XVI – XVII в.
40
И. Г. Бурцев, Е. В. Столяров
ТУЛЬСКИЙ МЕТАЛЛ В XIV–XV в.
(историко-археологический обзор)
41
Е. С. Бутрин
ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVII в.
(на материале г. Шуи)
41
Е. С. Быстрова, Е. М. Лоцманова, Е. А. Ляховицкий, И. А. Поляков, Е. С. Симонова, Д. О. Цыпкин
ДРЕВНЕРУССКИЕ ЧЕРНИЛА В СИСТЕМЕ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
43
А. М. Введенский
СЛОВОСОЧЕТАНИЕ «И ДО СЕГО ДНЯ» И ЕМУ ПОДОБНЫЕ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ
45
И. В. Вернер
ЦЕРКОВЬ И *СОБОР* В ПЕРЕВОДЕ ПСАЛТЫРИ 1552 г. МАКСИМА ГРЕКА
46
К. В. Вершинин
НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ ХРОНОГРАФИИ
48
А. В. Виноградов
СВЕДЕНИЯ О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ТИТУЛЯРНИКЕ 1488–1577 г.
49
А. Ю. Виноградов
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СЕРЕДИНЫ XI в.
В СВЕТЕ ПЕРЕДАТИРОВКИ МИТРОПОЛИЧЕСТВА ИЛАРИОНА
51
В. Г. Вовина-Лебедева
СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
ТЯГОЛЬНО-СОЛДАТСКОЙ КНИГИ ВАЖСКОГО УЕЗДА 1665 г.
52
И. А. Вознесенская, Г. А. Мольков
РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЙ П. Н. КРЕКШИНА И
А. А. МАТВЕЕВА В СОБРАНИИ БАН: УТОЧНЕНИЕ АТРИБУЦИИ
54
Г. С. Гадалова
ОБРАЗЫ ВЕЛИКИХ КНЯГИНЬ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТВЕРСКОГО КНЯЖЕСТВА
В МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА
55
М. Гардзанити
«СЛОВО О НЕСТРОЕНИЯХ И БЕСЧИНИЯХ» МАКСИМА ГРЕКА:
ОБ ИСТОЧНИКАХ ЖАЛОБЫ ВАСИЛИИ
57
А. А. Гиппиус
К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ УЧРЕЖДЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ АРХИЕПИСКОПИИ
57
О. В. Гладкова
ЗНАЧЕНИЕ ГРАФИКИ И ПУНКТУАЦИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ
СТРУКТУРЫ ПОВЕСТИ ОТ ЖИТИЯ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА
(на материале списка рнб. соловецкое собр. № 287/307)
59
А. А. Горский
СПОР О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕНИИ В СЕРЕДИНЕ XIII в.,
БАТЫЙ И МАЧЕХА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
60

Л. П. Горюшкина
ПОСОЛЬСКИЕ ПРИЕМЫ В МОСКВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XVI в.:
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
61
А. В. Григорьев
УСТОЙЧИВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ «УМНѢИ ОЧИ / УМНАЯ ОЧЕСА»
И ЕГО СИНОНИМЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ
62
А. Л. Грязнов
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ БЕЛОЗЕРСКИХ КНЯЗЕЙ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В XVI в.
63
А. Н. Гуслистова
ТОРГОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ КОМПАНИИ ВОЛОГЖАН ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.
65
А. Г. Гуськов
НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТРУКТУРЕ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
66
М. И. Давыдов
РОДОСЛОВЕЦ КАЗНАЧЕЯ БОГДАНА МИНИЧА ДУБРОВСКОГО –
НОВЫЙ СПИСОК РОДОСЛОВНЫХ КНИГ РУМЯНЦЕВСКОЙ РЕДАКЦИИ
68
А. В. Дедук
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ АЛЕКСИНА XIV–XVI в.
69
А. В. Дедук, А. В. Шеков
К ВОПРОСУ О РОДОВОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ
КНЯЗЕЙ ВОЛКОНСКИХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
69
Д. Г. Демидов, А. М. Камчатнов
ПРИЧАСТОДЕТИЕ И ЕГО РОЛЬ В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ
71
Н. А. Демичева
МОСКОВСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПРИСОЕДИНЕНИИ ПСКОВА К МОСКВЕ: ТЕКСТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА
72
И. В. Дергачева
ОТ ПОМЯННИКА К МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ:
ПРОБЛЕМЫ КОРРЕЛЯЦИИ КОММЕМОРАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
73
А. Р. Джиоева
ПЛАНЫ МОСКВЫ РУБЕЖА XVII–XVIII в. В СОБРАНИИ РУКОПИСНЫХ КАРТ БАН
74
Д. Г. Дитяткин
ПРОБЛЕМА «РУССКОГО КАГАНАТА» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
75
Д. Домбровский
ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЮЗА
ВСЕВОЛОДА СВЯТОСЛАВИЧА ЧЕРМНОГО С РОМАНОВИЧАМИ
76
А. В. Доронин
РУСЬ И НАРОДЫ СТРАШНОГО СУДА: ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ
77
А. В. Духанина
РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ЕПИФАНИЕВСКОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО
79
И. И. Елкина
ТЕКСТИЛЬНЫЕ НАХОДКИ XIV–XV в. НА ТЕРРИТОРИИ ЗАРЯДЬЯ
79
Н. В. Жилина
РЕЗЬБА ПО КОСТИ И РОГУ
В ДЕКОРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI в.
79
О. Ф. Жолобов
УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА МЕГАТЕКСТА: ТОЛСТОВСКИЙ СБОРНИК XIII в.
81

А. Е. Жуков
ЛЕТОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ: С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ СОЗДАВАЛСЯ «ЛЕТОПИСЕЦ НАЧАЛА ЦАРСТВА»?
82
В. Д. Жуков
К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ПОСОЛЬСТВА ВЕНЕДИКТА СУХОТИНА И СЕМЕНА ЗВЯГИНА В КРЫМ В 1640 г.: «ЗАЕМНЫЕ КАБАЛЫ» ЧЛЕНОВ ПОСОЛЬСТВА И ИХ ОПЛАТА МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
83
Л. И. Журова
МАКСИМ ГРЕК И ВАССИАН ПАТРИКЕЕВ: «СВОЙ» – «НЕ СВОЙ» В СУДНЫХ СПИСКАХ СОБОРА 1531 г.
86
Н. З. Зайц
ЕЩЕ РАЗ О «ПАРИЖСКОМ СОБРАНИИ» СОЧИНЕНИЙ ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА
87
Ю. Н. Звездина
ИКОНА «БОГОМАТЕРЬ ИЛЬИНСКАЯ ЧЕРНИГОВСКАЯ» 1696 г. ИСТОРИЯ В ОБРАЗЕ
88
В. В. Игошев
СОВМЕСТНАЯ РАБОТА РУССКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЮВЕЛИРОВ В КРЕМЛЕВСКИХ МАСТЕРСКИХ В XVI–XVII в.
89
И. В. Исланова
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОГОСТОВ НА ЮГО-ВОСТОКЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ
91
А. А. Казаков
ПОЧЕМУ АРХИЕПИСКОП СЕРАПИОН НОВГОРОДСКИЙ НАЗВАЛ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО «ЯБЕДНИКОМ»?
92
А. А. Калашникова
ИНСТИТУТ ДОКЛАДА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КНЯЖЕСТВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ И МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.
93
И. А. Кирпичников
ЭЛИТА РЯЗАНСКОГО СЛУЖИЛОГО «ГОРОДА» В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СМУТЫ: ПУТЬ В «МОСКОВСКИЕ» ЧИНЫ
95
В. Ю. Коваль
РОЛЬ АРХЕОЛОГИИ В КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ ФОРТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
96
Е. Л. Конявская
СМОЛЕНСКИЕ РОСТИСЛАВИЧИ И ИХ ЛЕТОПИСЦЫ: К ПРОБЛЕМЕ СМОЛЕНСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ
98
А. Л. Корзинин
О РЕКОНСТРУКЦИИ КОРПУСА ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДВОРА РУССКИХ ВЕЛИКИХ КНЯГИНЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – НАЧАЛЕ XVI в.
100
М. В. Корогодина
АТРИБУЦИЯ И ВРЕМЯ СОСТАВЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ПОСЛАНИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЕПИСКОПОВ В СОСТАВЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ
101
В. В. Коршаков
КАЗНА СВЯТОЙ СОФИИ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ НОВГОРОДЕ
102
Д. М. Котышев
К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ «КНЯЖЕГО ДВОРА» В КИЕВЕ В XI–XII в.
102
М. С. Крутова
РЕЦЕПТЫ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЧЕРНИЛ, КИНОВАРИ И КРАСОК В РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ XV–XIX в., ХРАНЯЩИХСЯ В ОР РГБ
104
О. Ф. Кудрявцев
ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ КАРТЫ МОСКОВИИ (1525 г.)
105

О. А. Кузнецова
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУКОПИСНЫХ АЗБУКОВНИКОВ
ПРИ СОЗДАНИИ АВТОРСКИХ ТЕКСТОВ XVII в.
106
Н. А. Кулева
К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ И ИСТОЧНИКАХ МИЛЮТИНСКИХ МИНЕЙ ЧЕТЬИХ
(на примере февральского тома)
107
В. С. *Курмановский*
К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(по материалам работ в московском кремле)
108
С. С. *Кутаков*
ОТДЕЛЬНАЯ КНИГА ТВЕРСКОГО УЕЗДА 1588 г. КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
109
В. А. Кучкин
ОРДЫНСКИЙ «ВЫХОД»
(по материалам душевных и договорных грамот русских князей XIV–XVI в.)
110
Ю. А. Лабынцев
ДРЕВНЕЕ ЛАВРИШЕВСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ:
ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.
112
А. В. Лаушкин
ВОКНЯЖЕНИЯ В ДОМОНГОЛЬСКОМ НОВГОРОДЕ: ВЫБОР ДНЕЙ
113
Л. В. Левшун
КАК ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ СТАЛ ВСЕСЛАВОМ-ЧАРОДЕЕМ: К ИСТОРИИ МИФОЛОГЕМЫ
115
Г. Д. Ленхофф
К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕТРА, ЦАРЕВИЧА ОРДЫНСКОГО, И ЕГО РОДА
116
Д. В. Лисейцев
БОРЬБА С КОРЧЕМСТВОМ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
117
А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПОЧИТАНИЕМ СОИМЕННЫХ СВЯТЫХ В XVI в.
118
О. В. Лицкевич
ЛИТОВСКИЕ И РУССКИЕ КНЯЗЬЯ, ПОПАВШИЕ В ПЛЕН К ТЕВТОНСКОМУ ОРДЕНУ В 1390 г.
119
П. В. Лукин
ЧТО ОЗНАЧАЕТ ФОРМУЛА «ВАША ОТЧИНА, (ДОБРО)ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ»?
ДУБРОВНИЦКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ
120
Д. А. Ляпин
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОНАСТЫРЕЙ ЮГА РОССИИ В XVII в.
122
А. В. Майоров
РУССКИЙ АРХИЕПИСКОП ПЕТР НА ЛИОНСКОМ СОБОРЕ
123
И. И. Макеева
К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ РЕДАКТИРОВАНИИ
СПИСКОВ РАННЕЙ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ КОРМЧЕЙ КНИГИ
124
А. А. Манохин
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ В ЧЕТВЕРТОМ ВИДЕ КОРМЧЕЙ ВАССИАНА (ПАТРИКЕЕВА)
125
А. В. Мартынюк
«РУССКИЙ КНЯЗЬ» В СОЧИНЕНИИ ИБН БИБИ –
НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА «УДАТНОГО»?
126

Ю. Маруяма
ФОНЕТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПАХОМИЯ ЛОГОФЕТА
(на материале автографа жития Сергия Радонежского)
128
С. А. Маслова
МОНГОЛЬСКИЕ ЧИНОВНИКИ ПО ДАННЫМ ЯРЛЫКОВ XIII–XIV в.
130
Д. Н. Маслюженко
ТЮМЕНСКИЕ И СИБИРСКИЕ ПОСЛЫ В МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XV – XVI в.
130
Т. А. Матасова
СПИСОК МОСКОВСКОЙ ГРАМОТЫ 1493 г. ИЗ МИЛАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
131
А. А. Медведев
ОБРЕТЕНИЕ И ДВОЙНОЕ ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ
В ЖИТИИ МОСКОВСКОГО МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ XVII в.
132
Е. А. Мельникова
СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ДВУСТОРОННИЙ НОВГОРОДСКО-ГОТЛАНДСКИЙ ДОГОВОР
ДОГАНЗЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ?
133
С. М. Михеев
НЕСТАНДАРТНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В ЗАПИСЯХ ПИСЦОВ АРХАНГЕЛЬСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ 1092 г.
134
М. В. Моисеев
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
И КАВКАЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ ВО ВРЕМЕНА ИВАНА ГРОЗНОГО
136
Б. Н. Морозов
ХРОНОГРАФ ПАТРИАРХА АДРИАНА 1697 г. ИЗ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ПРАГЕ
137
В. Д. Назаров
ДИНАСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА МОСКОВСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ. ПРЕЛЮДИЯ 1432 г.
139
С. А. Никонов
РУССКО-ДАТСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ И ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕВОДСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ В КОЛЬСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XVI в.
140
М. О. Новак, Я. А. Пенькова
ОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА КИРИЛЛА ИЕРУСАЛИМСКОГО В ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII в.
141
О. В. Новохатко
К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ В 1640–1660-е ГОДЫ
143
З. Е. Оборнева
ПРИЕЗД АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА МАКАРИЯ В РОССИЮ В 1654–1656 г.
ГРЕЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ И ТОЛМАЧИ
145
М. П. Одесский
ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА
146
Т. А. Опарина
СЛУЖИЛЫЕ ИНОЗЕМЦЫ ПРИ ЦАРЕ ВАСИЛИИ ШУЙСКОМ: РОТА ФЕДОРА СТАРОВСКОГО
147
С. П. Орленко, Е. В. Когут
КВАЗИДОСПЕХ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ XVII в.
149
А. В. Орлова
О НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ГЛАГОЛА **КЛѦТИСѦ**
(на примере фрагментов из «Слова о расслабленном» Кирилла Туровского и Великих Миней Четиих)
150
О. В. Панченко
ЖИТИЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА В СОСТАВЕ СОЛОВЕЦКОГО ПАТЕРИКА
И В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII–XIX в.
151

А. Д. Паскаль
ОБ ОШИБОЧНОЙ АТРИБУЦИИ МИНЕИ СЛУЖЕБНОЙ, НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ,
ОИДР 337 КАК ПАМЯТНИКА ЭПОХИ СТЕФАНА ВЕЛИКОГО
153
А. А. *Пауткин*
К ВОПРОСУ О ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПОХВАЛЫ
ВЛАДИМИРУ ВАСИЛЬКОВИЧУ ВОЛЫНСКОМУ
155
М. В. Печников
«СПИСАНИЕ» СТЕФАНА ПЕРМСКОГО ИЛИ «ПОСЛАНИЕ» ПАТРИАРХА АНТОНИЯ?
155
А. В. Пигин
ПОВЕСТЬ О ХРИСТОВОМ КРЕСТНИКЕ – МАЛОИЗУЧЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ XVII в.
156
Г. А. Пожидаева
РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ КОНДАКАРНОГО ПЕНИЯ НА РУСИ XI–XIV в.
158
С. В. Полехов, С. В. Городилин
К ВОПРОСУ О ПСКОВСКОЙ КУПЛЕ КНЯЗЯ СКИРГАЙЛА
159
И. А. Поляков
КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ КНЯЗЕЙ РОМОДАНОВСКИХ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.:
ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ РЕКОНСТРУКЦИИ
159
Т. Г. Попова
БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ В ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ РУКОПИСИ
ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО
161
Л. И. Постол
ГРАММАТИКА КОЛЛЕКТИВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
В ГАНЗЕЙСКО-НОВГОРОДСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
162
В. Г. Пуцко
ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО В СТРУКТУРЕ ЗАСТРОЙКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА (XI–XIII в.)
163
Е. В. Пчелов
ТИТУЛЬНЫЕ ГЕРБЫ ЦАРСКОГО «ТИТУЛЯРНИКА» В ТРЕХ ЕГО ЭКЗЕМПЛЯРАХ
И ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ТИТУЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКИ
164
М. В. Рождественская
О ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ НАДПИСИ О СМЕРТИ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА-ГАВРИИЛА
ИЗ ЦЕРКВИ БЛАГОВЕЩЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ
165
Т. В. Рождественская
ОТ КНИЖНОГО ТЕКСТА К УСТНОМУ:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ XII–XV в.
166
А. А. Романова
«РАЗНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРЕСВЯТЫЕ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ»
И СКАЗАНИЯ ОБ ИКОНАХ БОГОМАТЕРИ В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ XVIII в.
167
А. А. Роменский
LUMBARE VENEREUM КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
168
Ф. Ромоли
УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ *ПОВЕСТИ СТРАШНОЙ*:
К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ИТАЛЬЯНСКОГО ПУТИ МАКСИМА ГРЕКА
169
О. В. Русаковский
«УЧЕНИЕ И ХИТРОСТЬ РАТНОГО СТРОЕНИЯ ПЕХОТНЫХ ЛЮДЕЙ»:
АНАЛИЗ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ И ПОМЕТ НА СОХРАНИВШИХСЯ ЭКЗЕМПЛЯРАХ
ПЕРВОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ
170
Н. В. Савельева
НЕИЗВЕСТНЫЕ СЛОВАРИ-РАЗГОВОРНИКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ СБОРНИКЕ XVII в.
172

А. И. Савинова, Ю. В. Степанова
«КАРЕЛЬСКИЕ» ДВОРЦОВЫЕ ВОЛОСТИ В ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ В XVII в.:
ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗМЕЩЕНИЕ, ДЕМОГРАФИЯ
173
О. С. Сапожникова
АРГО ДВОРА ИВАНА ГРОЗНОГО И АВТОР ЖИТИЯ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА
175
И. А. Сафарова
КЕРАМИЧЕСКИЕ ПОЛЫ ТВЕРИ XIII–XVI в.
176
М. Б. Свердлов
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ IX–XI в.
177
Ю. В. Селезнев
РУССКИЙ КНЯЗЬ В ПОЛЬСКОЙ УСОБИЦЕ 1146 г. – ВЕРСИЯ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ
178
А. А. Селин
КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ О ПЕРЕГОВОРАХ ОСЕНИ – ЗИМЫ 1592/1593 г. В ТЯВЗИНЕ
179
А. В. Сергеев
СВЕДЕНИЯ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ КНЯЖЕСКИХ ФАМИЛИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
XVI–XVII в. В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ
181
А. В. Сиренов
О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА ВЛАДИМИРА НА КЛЯЗЬМЕ
182
Е. Р. Сквайрс
О ЯЗЫКОВОЙ РАБОТЕ КАНЦЕЛЯРИЙ ГАНЗЫ НАД ТЕКСТАМИ ПОСЛАНИЙ В НОВГОРОД
183
А. Е. Соболева
О НЕИЗВЕСТНЫХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО XVI в.:
ИСТОЧНИКИ, ЯЗЫК, ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ
184
Н. В. Соколова
НИЖЕГОРОДСКИЕ ДОЗОРНЫЕ КНИГИ 1587/1588 г. В ЗЕРКАЛЕ СМУТЫ
(к вопросу о датировке и локализации единственного списка)
185
К. Н. Станков
МИССИЯ В. Т. ПОСТНИКОВА В ЛОНДОН 1687 г. В РУССКИХ
И БРИТАНСКИХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ
187
А. Н. Старицын
ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ЛЕКСИНСКОГО МОНАСТЫРЯ
188
П. С. Стефанович
ОБ УБИЙЦАХ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ
190
С. В. Стрельников
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СУДЕБНИКА 1497 г.
191
Л. Б. Сукина
ДАНИИЛ ПЕРЕСЛАВСКИЙ И «УЧЕНИКИ ЕГО» В КОММЕМОРАЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ
ТРОИЦКОГО ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ
192
А. Е. Тарасов, А. А. Манохин
О ПСКОВСКОЙ ПОДБОРКЕ 14 АРХИЕРЕЙСКИХ ГРАМОТ XV в.
193
С. Н. Темушев
АНАЛИЗ БЫЛИННЫХ СЮЖЕТОВ, СВЯЗАННЫХ С ДАННИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ
195
С. Ю. Темчин
БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОКИ «ПРЕДСМЕРТНОЙ» ФРАЗЫ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
196

И. Тирет
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПОЧИТАНИИ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СТОЛОБЕНСКОГО В XVII в.: СРАВНЕНИЕ ДВУХ ЦИКЛОВ ЧУДЕС СВЯТОГО НИЛА
199
В. В. Ткаченко
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ В «ЖИТИЯХ СВЯТЫХ» ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО
200
Н. В. Трофимова
СОСТАВ И ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ В ЮЖНОРУССКОМ И ВЛАДИМИРСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XII–XIII в.
201
А. С. Усачев
СОСТАВ ЗАКАЗЧИКОВ РУКОПИСНЫХ КНИГ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-СЛУЖИЛОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ XVI в.
202
И. А. Устинова
К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЧИНОВ ПОСТАВЛЕНИЯ ЕПИСКОПА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.
204
Е. В. Уханова
О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОТЕКИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
205
А. Н. Федорина, А. М. Красникова
СЕЛЬСКИЕ КЛАДБИЩА XIII–XV в. В ОКРУГЕ СУЗДАЛЯ. ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
206
М. К. Ферро
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАКСИМА ГРЕКА. О ПОНЯТИЯХ «СУДЬБА» И «СВОБОДНАЯ ВОЛЯ»
207
Г. Ю. Филипповский
К ИСТОКАМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ХРИСТИАНСКО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕНТРА РУСИ
208
А. И. Филюшкин
ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ
208
А. А. Фролов
ПИСЦОВАЯ КНИГА БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ ПИСЬМА И. Д. ВЕЛЬЯМИНОВА 1538/1539 г.: К ИСТОРИИ РУКОПИСИ
210
Д. А. Хитров
МОСКОВСКИЙ УЕЗД В МАТЕРИАЛАХ ВАЛОВОГО ПИСЬМА 1620–1640-х ГОДОВ: К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПИСЦОВЫХ КНИГ
211
А. П. Хмелевская
МАРГИНАЛИИ КОДЕКСА ГАНКЕНШТЕЙНА: ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
213
О. И. Хоруженко
«НОВГОРОДСКАЯ ВЕЧЕВАЯ ПЕЧАТЬ» В НАЧАЛЕ XVIII в.
214
А. Н. Хохлов
ТОПОГРАФИЯ ТВЕРИ XII–XIV в.: ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА
215
А. Н. Хохлов, И. А. Сафарова, А. Б. Иванова, С. А. Кунгурцева
ТВЕРСКОЙ КРЕМЛЬ В XII–XV в. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ
217
Р. П. Храпачевский
ЮАНЬСКИЕ ИСТОЧНИКИ XIII в. О ПОХОДАХ МОНГОЛОВ НА РУСЬ И ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ
217
В. В. Хухарев
КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ ЖИЗДРИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ XII–XIV в.
219
Д. О. Цыпкин, А. Н. Алексеева, Е. А. Ляховицкий, Е. С. Симонова, М. А. Шибаев
К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЕРГАМЕНА ДРЕВНЕРУССКИХ КОДЕКСОВ КОНЦА XIV – XV в.
219

О. В. Чадаева
СПОРЫ О МИРОЗДАНИИ В РОССИИ В XVII в.
220
С. Б. Чебаненко
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ ГРИГОРИЯ ЧУДОТВОРЦА В ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ:
«МАЛЫЙ ОГРАДЕЦ», «ДРЕВА ПЛОДОВИТА»
221
М. С. Черкасова
ПОДОРОЖНАЯ ГРАМОТА ИВАНА III
223
С. З. Чернов
ДВА «ПОГОСТА» – ОДНО «ПЛЕМЯ»: МИРОВАЯ ГРАМОТА 1375 г.
И МЕХАНИЗМЫ КОЛОНИЗАЦИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ
224
Н. П. Чеснокова
О РОЛИ ЦАРСКИХ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ ГРЕЧЕСКИМ ИЕРАРХАМ И МОНАСТЫРЯМ В XVIII в.
227
П. В. Чеченков
ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА НИЖЕГОРОДСКОЙ СЛУЖИЛОЙ КОРПОРАЦИИ ПО СПИСКУ 1667 г.
228
Л. Е. Шабаев
ЧЕЛОБИТНЫЕ «ПО РОДСТВУ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.
229
Т. А. Базарова, С. М. Шамин
НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК «КАЛЯЗИНСКОЙ ЧЕЛОБИТНОЙ»:
К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ИСТОРИИ И ДАТИРОВКЕ ПАМЯТНИКА
231
И. Н. Шамина
АРХИВ ТРОИЦКОГО БЕЛОПЕСОЦКОГО МОНАСТЫРЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII в.
232
Б. Л. Шапиро
МОСКОВСКИЙ ВСАДНИК В КОНЦЕ XVII СТОЛЕТИЯ
(по описям имущества В. В. Голицына 1679 и 1689 г.)
234
М. А. Шибаев
О ПРИНЦИПАХ РАЗЛИНОВКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕРГАМЕННЫХ КОДЕКСОВ XIV–XV в.
235
Н. В. Штыков
СОЮЗНИКИ ТВЕРИ ВО ВРЕМЯ МОСКОВСКО-ТВЕРСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.
235
Л. Л. Щавинская
НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА
ГРОДНЕНСКОЙ ЗЕМЛИ – КОЛОЖСКОЙ ЦЕРКВИ XII в.
236
А. В. Энговатова
ЯРОСЛАВЛЬ ПОСЛЕ РАЗОРЕНИЯ ВОЙСКАМИ БАТУ-ХАНА
(вторая половина XIII – XV в.) (по археологическим данным)
238
М. К. Юрасов
ВЕНГРЫ И АЛАНЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ХАЗАРИИ (IX в.)
238
Е. М. Юхименко
НОВОНАЙДЕННЫЙ МАЙСКИЙ ТОМ ВЫГОВСКИХ ЧЕТИИХ МИНЕЙ
(СОБРАНИЕ М. С. БЫВШЕВА)
240
О. Янссон
ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА
«ДВОРА ЦЕСАРЯ ТУРЕЦКОГО» Ш. СТАРОВОЛЬСКОГО
241
М. Р. Яфарова
К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ МОСКОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
НАКАНУНЕ РАТИФИКАЦИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДОГОВОРА В СТАМБУЛЕ В 1682 г.
242

С. Н. Абуков (Донецкий ун-т)

К ВОПРОСУ О РОДОНАЧАЛЬНИКЕ ГОРОДЕНСКИХ КНЯЗЕЙ

История Городенского княжества весьма слабо отражена источниками. Только благодаря археологическим раскопкам установлено, что оно располагалось в Верхнем Понеманье [Воронин, с. 11–12]. Между тем это небольшое, но важное княжество периода Киевской Руси. С конца 90-х годов XX в. отмечается всплеск интереса к его судьбе среди исследователей.

В 1127 г. впервые упоминается городенский князь Всеволодко[1]. Существует четыре версии его происхождения. Первая опирается на Густынскую летопись XVII в., которая называет Всеволодка «Давыдовичем» и «Черниговским», то есть внуком Святослава Ярославича[2]. Однако Верхнее Понеманье никогда не принадлежало Святославичам. Но абсолютно невозможным делает такую генеалогическую схему тот факт, что в 1144 г. дочь Всеволодка стала женой черниговского князя Владимира Давыдовича, а это брак между дядей и племянницей[3].

Второй версией, доминирующей в исторической науке, мы обязаны В. Н. Татищеву. В известии о смерти он назвал князя «Всеволодом Давыдовичем, внуком Игоря» [Татищев, т. 2, с. 132]. Такая точка зрения укоренилась в генеалогии и разделялась всеми крупнейшими историками. Однако в известии о женитьбе он назвал Всеволодка уже Всеволодом Ольговичем, в другой раз — «Всеволодом из Городца» [Татищев, т. 3, с. 140, 154]. Историки показали, как путался в генеалогии автор «Истории Российской» [Соловьев, s. 71–74; Плахонин, с. 300–312]. К тому же выморочная судьба Дорогобужа и непозволительная степень родства исключают Давыда Игоревича из отцов Всеволодка. Таким образом, обе версии происхождения Всеволодка не могут быть приняты.

Что касается третьего варианта: принадлежности Городенской династии к полоцким Всеславичам, то ее трудно принять к рассмотрению [Гостев, с. 107–109]. Из славянских племен в Верхнем Понеманье преобладали дреговичи и волыняне, а не кривичи [Седов, с. 119]. Нет примеров связей между городенскими и полоцкими князьями, как и антропонимического сходства (так, мы не знаем ни одного имени Мстислав среди Всеславичей).

Наибольшую аргументацию получила сегодня гипотеза А. В. Назаренко, согласно которой Всеволодко — сын Ярослава Ярополковича, внука Изяслава Ярославича [Назаренко]. Однако 1) нет оснований предполагать существование потомков Ярослава Ярополковича Изяславича, кроме мифического Юрия Ярославича (на самом деле это внук Святополка); 2) не вполне ясно, правил ли он в Берестье, или это был временный захват; 3) нельзя утверждать, что Берестье и Городно представляли единое целое; 4) ни Святополк, ни потом Мономах не позволили бы потомкам Ярополка занять часть собственных владений; 5) антропонимически наблюдается полное несовпадение имеющихся имен. Очевидно, что Всеволодко и его сыновья восходят к другой линии Ярославичей.

После анализа всех княжеских линий приходится признать, что единственно возможным кандидатом в отцы Всеволодку может быть племянник Давыда Игоревича Мстислав. Приведем аргументы. Он, как и Всеволодко, также все время упоминается без отчества и исключительно как «сыновец» Давыда[4]. Имя

[1] ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 292.
[2] ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40. С. 75.
[3] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 317.
[4] Там же. Стб. 284.

отца Мстислава было, как видно, Всеволод [Норов, с. 155, 161–162; Янин, с. 122], а это говорит о преемственности имен в семье городенских князей, что характерно для различных линий Рюриковичей. Во время правления дяди на Волыни здесь располагалась и волость Мстислава, из которой он отправлялся с другими князьями в походы на половцев в начале XII в. Этнические, экономические, политические и династические связи Городна с Волынью хорошо известны. В Ипатьевской летописи одновременно сообщается о смерти Мстислава и женитьбе Всеволодка[5]. Здесь летописец объединил два важных события, представляющих собой новость из одной княжеской семьи. Кроме того, если Всеволодко — сын Мстислава, то такое родство устраняет важнейшее противоречие, а именно недозволенную степень родства с дочерью Мономаха [Абуков, с. 101].

Итак, по нашему мнению, родоначальником городенских князей был князь Мстислав Всеволодович, внук Игоря Ярославича. Генеалогическая схема: Игорь — Всеволод — Мстислав — Всеволодко — Мстислав — демонстрирует не только антропонимическсую преемственность. Она хронологически лучше соотносит время жизни Мстислава и Всеволодка, чем Давыда и Всеволодка, и устраняет ряд противоречий, один из которых разрешенная для браков степень родства. Важным аргументом является летописная статья, объединившая смерть Мстислава и брак Всеволодка, как и правление Мстислава по соседству с дядей на Волыни.

Литература

Абуков С. Н. Седьмая степень родства во внутридинастических браках Рюриковичей в XII веке // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 98–101.
Воронин Н. Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). М., 1954.
Гостев А. П. О возникновении удельного Городенского княжества и князьях городенских // Наш радавод. Гродна, 1993. Ч. 1. С. 107–109, 164–167.
Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г. М., 2000. С. 169–188.
Норов А. С. Путешествие игумена Даниила по Святой земле, в начале XII в. СПб., 1864.
Плахонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 321–330.
Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
Соловьев А. В. Городенские князья и Деремела // Russia mediaevalis. 1992. Bd. 7, 1. S. 69–83.
Татищев В. Н. История Российская. М; Л., 1963. Т. 2; М; Л., 1964. Т. 3.
Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. М., 1960. Т. 16. С. 112–131.

[5] Там же.

А. И. Алексеев (РНБ)

СИНОДИК-ПОМЯННИК ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ 1620–1670-х ГОДОВ

В последние десятилетия введено в научный оборот немало ценнейших источников в виде публикаций вкладных и кормовых книг, а также синодиков-помянников многих монастырей [Алексеев, 2001, 2006а, 2006б, 2007, 2010, 2018]. Особое место в ряду помянников наиболее известных обителей принадлежит синодику Чудова монастыря в Московском Кремле [Алексеев, 2013], содержащему поминания нескольких сот родов, представители многих из которых играли заметные роли в Московском государстве на протяжении XV–XVII в.

Единственный известный синодик Чудова монастыря, который ныне хранится в фондах Российской национальной библиотеки (РНБ. ОСРК. F. IV. 194), относится к виду «вечных» (другие названия: «подстенный», «стенной») помянников, то есть он прочитывался параллельно литургии лицом, которое не участвовало в богослужении. Синодики этого вида отличались большим объемом, поскольку в них записывались имена всех вкладчиков независимо от размера вклада, а также имена братии и трудников монастыря (некоторые родовые рубрики насчитывают десятки и даже сотни имен). Это дает в руки исследователей богатейший материал для изучения родственных связей, но одновременно ставит и сложнейшую задачу отождествления поминаемых лиц.

Наблюдения над поминальными записями позволяют предполагать, что синодик был заведен при архимандрите Иосифе, который возглавлял Чудов монастырь в 1621–1625 г. По-видимому, из активного оборота помянник был выведен при архимандрите Иоакиме Савелове (1664–1672). На протяжении

сорока лет, когда синодик активно пополнялся, должно было смениться несколько синодичных старцев, что и отразилось в смене почерков и многочисленных приписках. В частности, отметим, что записи, относящиеся к 1650-м годам, выполнены несколькими полууставными почерками, преимущественно коричневыми и бледно-коричневыми чернилами. Поздние записи делались не так аккуратно, как в первой части, а порой и весьма небрежно. В ряде случаев поминальные рубрики дополнялись новыми именами, которые писец старался уместить на ограниченных местах, что затрудняет прочтение.

Большая часть имен принадлежит боярской аристократии, приказной бюрократии и служилым людям Московского государства в период с 1550-х по 1670-е годы. Сравнительно немногочисленны записи имен, принадлежавших деятелям первой половины XVI в. Почти отсутствуют следы поминальной практики, которая, несомненно, была в Чудовом монастыре в XIV–XV в. Большую часть поминаемых составляют члены Государева двора второй половины XVI – середины XVII в. в чинах жильцов, стряпчих, московских дворян и представителей городских дворянских корпораций. Высшие чины Государева двора бояре и окольничие представлены полусотней фамилий.

Репрезентативно представлена в синодике бюрократия московских приказов XVI–XVII в., а также приказных митрополитов и патриархов. Помянник пестрит названиями ведомств: Галицкая четверть, Денежный двор, приказы: Казенный, Конюшенный, Новгородский, Печатный, Поместный, Разрядный, Стрелецкий, Стремянный. Устойчивыми были и связи Чудова монастыря с представителями дворцового ведомства: Большого дворца, Большого прихода, Казанского дворца, Кормового дворца.

Упоминаются в синодике роды российского купечества, а также представители торгово-промышленных слобод столицы. Сравнительно редки имена представителей Суконной и Сретенской сотен, но обильно представлены выходцы из московских слобод: Барашей, Голутвиной, Гончарной, Кадашевской, Конюшенной, Красносельской, Наливок, Новгородской, Пушкарской, Садовников, Семеновской – и торговых рядов: Ветошного, Железного, Женского, Москотильного, Овощного.

В географическом отношении на основании поминальных записей можно говорить, что в числе вкладчиков кремлевской обители были выходцы из Алатыря, Алексина, Балахны, Бежецкого Верха, Болхова, Владимира, Вязьмы, Дмитрова, Дорогобужа, Каргополя, Кимр, Коломны, Костромы, Кропивны, Курска, Мангазеи, Можайска, Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Перми, Пскова, Ржевска, Ряжска, Рязани, Саранска, Серпухова, Смоленска, Старицы, Суздаля, Торопца, Усолья, Чухломы и др.

В Чудовом синодике помещено четыре коллективных поминания: во-первых, это рубрика «Розных имян впись, которые по силам давали», под которой выписаны имена вкладчиков, в разное время сделавших в монастырь сравнительно небольшие вклады (Л. 178 об.–179); во-вторых, это поминание опальных (Л. 199–209) по царскому указу 1583 г.; в-третьих, это помянник братии Чудова монастыря (Л. 210–215 об.), тех, кто скончался в эпидемию чумы в 1654 г.; в-четвертых, поминание «убиенных под Конотопом» 28 июля 1659 г., где помещены 49 имен костромских дворян, павших на «государевой службе в приход крымского царя и изменника Ивана Выговскаго» в неудачном для русской армии сражении под Конотопом.

Надеемся, что публикация Чудовского синодика даст в руки исследователей ценный материал для изучения служилой аристократии, духовенства, среды приказных дельцов и их родственных связей. Также синодик содержит большое количество материала для исследователей русской ономастики.

Литература

Алексеев А. И. Роспись главам древнейшего синодика Московского Богоявленского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 2001. Вып. 4. С. 7–33.

Алексеев А. И. Древнейшая кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // История в рукописях и рукописи в истории. Сб. научных трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 363–378. [Алексеев, 2006а]

Алексеев А. И. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184. [Алексеев, 2006б]

Алексеев А. И. Древнейший синодик Макариева Унженского Троицкого монастыря // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 5–41.

Алексеев А. И. Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 17–117.

Алексеев А. И. Синодики московских Чудова и Богоявленского монастырей (опыт сравнительной характеристики) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 5.

Алексеев А. И. Синодики Московского Богоявленского монастыря XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXI Межд. науч. конф. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М., 2018. С. 60–62.

А. С. Алексеева (ИСл РАН)

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ ВЕЛИКОУСТЮЖСКОГО СБОРНИКА

Великоустюжский сборник (далее — ВС) представляет собой одно из крупнейших собраний рукописных заговоров первой половины XVII в.[1] Большую часть памятника составляют заговоры от оружия, но также отмечаются заговоры от порчи, от ревности, свадебные и на случай судебных тяжб. История сложения сборника до сих пор остается невыясненной, поэтому мы попытаемся подойти к решению этой проблемы со стороны кодикологии и текстологии.

Рукопись писана полууставом двух почерков: 1) л. 2—15, 2) л. 16—148. Две части, судя по защитным листам из толстой бумаги низкого качества, были сшиты не позднее XVII в. [Отреченное чтение, с. 177]. Первая часть ВС состояла из двух тетрадей: в первой — 7[2], во второй — 8 листов; 1-й лист с началом первого текста утрачен. Интерес вызывают записанные во второй части на нижних полях слово *коньць* (Л. 26 об., 115) и цифры: номер имеет каждый 8-й лист с оборотной стороны и каждый 9-й, на котором пишется цифра с предшествующего листа плюс 1. По-видимому, таким образом были пронумерованы тетради: на первом и последнем листах.

Представляется, что при переплетении первоначальный состав рукописи был нарушен. Во-первых, это касается отмеченных издателями л. 60 (должен находиться между л. 8 и 9) и л. 82 (ранее был между л. 66 и 67). Перестановка второго листа не была замечена владельцем рукописи, поскольку на л. 82 об. он подписал недостающее: «и рубаху» — что сделало рукопись вновь пригодной для чтения [Отреченное чтение, с. 68, 201]. Во-вторых, были переставлены местами несколько тетрадей (см. таблицу 1). Так, до переплетения рукопись начиналась с л. 27 (на нижнем поле цифра .а҃.), открывающегося текстом «О(т) стрелъ к ратному дѣлу. Во имя О(т)ц҃а и Сн҃а и Стго Дх҃а. Есть морѣ окиянъ, на томъ морѣ окиянѣ есть море желѣ(з)ное...»[3]. Л. 16—26 об. были окончанием сборника, которое обозначено первым словом *коньць*: «...и паде(т҃) предо (м)ною Ве(н҃)яминовою о(в҃)цею, а я(з) на не(м) ра(б҃) Бжи҃и им(р҃) лютою змеею вовѣки. Аминь. Конец».

Представим информацию о нумерации тетрадей ВС в виде таблицы. В первой графе находится буквенная цифирь, проставленная писцом; во второй указаны первый и последние листы тетради (номер листа дается в скобках, если цифра на нижнем поле отсутствует).

Таблица 1[4]

№	*листы*	*количество листов*	*пометы*
б/н	16—22 об.	6	
з҃і	23—(26 об.)	4	конец (Л. 26 об.)
а҃	27—34 об.	8	
в҃	35—42 об.	8	
г҃	43—50 об.	8	
д҃	51—58 об.	8	
є҃[4]	59, 61—66, 82 об.	8	
ѕ҃	67—72 об.	6	
з҃	73—80 об.	8	
и҃	81, 83[5]—89 об.	8	
ѳ҃	90—97 об.	8	
і҃	98—105 об.	8	
а҃і	106—113 об.	8	
в҃і	114—121 об.	8	конець (л. 115)

[1] РГБ. Ф. 122. Великоустюжское собр. № 32. Описание рукописи см.: [Отреченное чтение, с. 177—178].
[2] Л. 60, попавший при переплете не на свое место, писан первым почерком.
[3] Здесь и далее цитаты по рукописи приводятся в упрощенной орфографии.
[4] На л. 59 и 82 об.: *є҃є҃*.

ꙁі	122–129	8	
ѕі	130–137 об.	8	
ѥі	138–145 об.	8	
ѕі	146–(148)	3	

Как видно, не все тетради состоят из 8 листов: в тетради № 6 – 6 листов, № 16 – 3 листа, № 7 – 4 листа. Фрагмент из 6 непронумерованных листов перед тетрадью № 17, скорее всего, составляет одну тетрадь из 9 листов с л. 146–148.

Еще один аспект, требующий исследования, – мотивная и сюжетная структура ВС. А. А. Турилов и А. В. Чернецов обращают внимание на то, что в сборнике имеется много повторов, «причем иногда соответствующие тексты более или менее значительно варьируют, а иногда кажутся переписанными непосредственно с предшествующих страниц того же сборника» [Отреченное чтение, с. 68–69]. Исследователи находят два возможных объяснения подобному казусу: во-первых, многократное повторение может быть связано с магической практикой; во-вторых, переписчик и (или) заказчик мог стремиться к увеличению объема рукописи, что, по мнению А. А. Турилова и А. В. Чернецова, косвенно подтверждается тем фактом, что многие тексты были «перепрофилированы» за счет присвоения специального заголовка и других мер [Отреченное чтение, с. 69]. Однако, на наш взгляд, причина кроется в другом.

Анализ мотивов и сюжетов ВС показал, что во второй части рукописи есть не только повторяющиеся, но и уникальные элементы, которые выделяются в единый блок (Л. 114 об.–121); сюда же относим ряд мотивов, развивающихся только в определенном фрагменте (Л. 132–143 об.). Второе обозначение *конець* находится в начале данного отрезка (Л. 115) и, скорее всего, сигнализирует об остановке писца, который впоследствии привлек другой источник, содержащий преимущественно уникальные мотивы. Тот факт, что на л. 21–24 снова следуют повторяющиеся мотивы, можно интерпретировать двояко: либо новый источник содержал тексты близкой традиции, либо они снова записаны от того же «автора», что и заговоры на л. 27–114 об.

Итак, изучение надписей на нижнем поле второй части ВС привело к выводу, что в настоящее время некоторые тетради находятся не на своем месте. Писец дважды записывает слово «конец»: в одном случае (Л. 26 об.) это означает фактический конец сборника до перестановки тетрадей, в другом (Л. 115) – вероятное окончание одного источника и обращение к другому. Таким образом, вторая часть ВС восходит как минимум к двум источникам. Дальнейшее исследование текстологических и лингвистических особенностей рукописи позволит ответить на вопрос, письменные или устные источники привлекались при создании ВС, а также уточнить границы «швов».

Литература

Отреченное чтение в России XVI–XVIII веков. М., 2002.

[5] На л. 83 другим почерком на правом поле написано *зі*.

А. С. Алмазов (ГАУГН)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И КОМПЛЕКТОВАНИЯ ШТАТА НЕЖИНСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Гарнизоны русских «ратных людей» в украинских городах были важным фактором интеграции Левобережной Украины в составе России. Гарнизон во главе с воеводой был введен в Нежин в 1659 г. и разместился в местном «верхнем земляном городе» (замке) [Бабулин, с. 289]. Тогда же там появилась съезжая (приказная) изба, подьячие которой вели делопроизводство воеводской администрации. В нежинской приказной избе, как правило, работали от одного до трех подьячих. Объем делопроизводства был таков, что один подьячий не справлялся с ним, и в таком случае воеводы жаловались в Москву, поскольку эта ситуация грозила задержкой переписки с центральной властью[1].

[1] На такую ситуацию, в частности, жаловался воевода А. И. Траханиотов в ноябре 1681 г. (РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Ед. хр. 217. Л. 17).

Нежинские воеводы регулярно посылали в Москву отписки с просьбой решить проблему нехватки подьячих. Уже в 1660–1661 г. воевода С. И. Шаховской неоднократно писал в Москву, жалуясь на отсутствие подьячих в приказной избе[2]. Проблема нехватки подьячих в последующие годы периодически вставала вновь. В частности, марте 1680 г. в нежинской приказной избе снова не было подьячих[3].

Проблема дефицита подьячих возникла из-за того, что они присылались в Нежин, как правило, из городов Севского и Белгородского разрядов, воеводы которых сами жаловались в Москву на ту же проблему[4]. Еще одной причиной нехватки подьячих было их нежелание туда ехать и там работать. Так, путивльский подьячий Д. Инякин в 1673/1674 г. бежал со службы домой, а мценский подьячий А. Вощалцов в 1690 г., наоборот, отказывался ехать на службу в Нежин[5]. Нежелание подьячих служить в Нежине объясняется их недовольством своим материальным положением. Хотя денежное жалование было достаточно неплохим — как правило, 10 рублей[6], его покупательная способность в Нежине была невысока из-за дорогих хлеба, соли, дров и одежды. Кроме того, по словам Д. Инякина, в Нежине не было «челобитчиковых корыстных дел», что ограничивало доход только жалованием[7]. Отсутствие в Нежине «челобитчиковых дел» и необходимость присылки подьячих из других городов объяснялись тем, что под юрисдикцией нежинских воевод пребывал только гарнизон «ратных людей».

Одной из особенностей деятельности нежинской приказной избы была переписка с казацкой властью — гетманами, полковниками и др. Так, 19 августа 1677 г. воеводе К. Ф. Нарышкину писал гетман Левобережной Украины И. С. Самойлович. Воевода в отписке в Москву кратко пересказал содержание гетманского «листа»[8].

Кроме того, во время русско-польской войны 1654–1667 г. и во время осады нежинского замка в период восстания украинских казаков в 1668 г. подьячие приказной избы были вынуждены участвовать в обороне города. На это, в частности, указывает выдача 23 февраля 1668 г. подьячему И. Никитину для стрельбы 2,5 фунта зелья и фунта свинца[9].

Еще одна особенность: из-за частой смены путивльских, севских и мценских подьячих в нежинской приказной избе, как писал в «сказке» 10 января 1699 г. подьячий Д. Бунин, книги и столбцы в приказной избе были «не в призоре», дела лежали в беспорядке, часть из них была утеряна[10].

Также спецификой делопроизводства нежинской приказной избы было значительное количество «расспросных речей». Москва получала из Нежина информацию о положении дел за рубежом. Так, 13 октября 1672 г. воевода И. И. Ржевский отправил в разведку на Правобережную Украину стрельца украинского происхождения С. Прокофьева, затем тот вернулся со сведениями о положении дел там[11].

Таким образом, специфика комплектования нежинской приказной избы была обусловлена тем, что в ведении воеводы находились только «ратные люди», а также нежеланием подьячих служить в Нежине из-за низкой покупательной способности жалования. Основные особенности функционирования приказной избы были связаны, во-первых, с тем, что Нежин находился рядом с границей, а это обусловило необходимость участия подьячих в обороне замка, а во-вторых, воевода не имел власти над украинским населением, поэтому подьячие были загружены перепиской с казацкими властями.

Литература

Бабулин И. Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.

Брянцев М. В. Численность и социальная структура юго-западных городов России в конце XVII — 1-й четверти XVIII в. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1991.

[2] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 212, 234, 246–247.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ед. хр. 306. Л. 349.
[4] См., например: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 82–84 об.
[5] Там же. Л. 241–241 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 1327. Л. 25–26.
[6] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 255 об., 258 об. Для сравнения: в Путивле и Брянске такой годовой оклад получали только подьячие 1-й статьи [Брянцев, с. 129].
[7] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 258–259 об.
[8] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 1 об.
[9] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 23. Л. 135 об.
[10] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Ед. хр. 124. Л. 184–185.
[11] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 42, 74 об.

С. В. Алпатов (МГУ)

«НЫНЕ УЖ СОДРУЖИЛСЯ ТЫ С БЕСАМИ ТЕМИ, В КОРЕТЕ С ТОБОЮ ЕЗДЯТ»: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТОПОС РУССКОЙ САТИРЫ XVII–XVIII в.

В беседе восьмой из «Книги бесед» (1672–1675) протопоп Аввакум, обращаясь персонально к архиепископу Рязанскому Илариону, создает по сути собирательный образ тщеславного архиерея: «В корету сядет, ростопорщится, что пузырь на воде, сидя на подушке, розчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площаде, чтобы черницы-ворухи и униятки любили… А ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял. А ныне уж содружился ты с бесами теми, мирно живешь, в корете с тобою же ездят»[1].

Процитированную инвективу можно было бы счесть плодом личной наблюдательности и остроумия протопопа Аввакума, если бы не существовало целого ряда сходных по структуре сатирических контекстов. Аргументом в пользу того, что аввакумовское изображение «архиерейских объездов» соответствует некоему уже устоявшемуся ментальному и словесному стереотипу, служит фрагмент доношения воронежского священника Саввы Дугина (1731): «По регламенту архиереи Божии по области своей не ездят и смиренным духом не обходят, и ничему не научают, и церквей Божиих не смотрят. Учения душеспасенного как священником, так и мирским не подают. Но толко ездят по богатым местам для наживу и грабления попов… Ездят цуками, коней водят под седлами и великими обозами с мирскою гордою славою» [Шамин, с. 121–122].

Традицию обличения вельможной спеси высшего духовенства подхватывает Антиох Кантемир в сатире первой «На хулящих учения. К уму своему» (1729; опубл. 1769):

«Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо — бородою,
Клюку пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшися, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву»[2].

Вопрос о происхождении рассматриваемого литературного топоса должен решаться с учетом нескольких взаимосвязанных факторов.

С одной стороны, со времен Античности и до эпохи Просвещения в европейской сатире карета, колесница, паланкин — непременные атрибуты персонифицированного тщеславного Невежества (будь то конкретное лицо или собирательный образ) [Щеглов, с. 66–68]. С другой стороны, повозка, телега, корабль на колесах — неотъемлемый компонент средневековых карнавальных процессий и театрализованных действ раннего Нового времени [Даркевич, с. 313–333; Колязин, с. 149–158]. В частности, в отечественных «ведомостях о масленичном поведении» эпизод появления Масленицы включает в архетипическую конструкцию карнавального шествия элементы триумфального въезда в столицу военачальника во главе победоносной армии [Кузьмина, с. 53–60].

В этой связи любопытен формальный и смысловой изоморфизм ритуальных образов народных масленичных *катаний с горы* и графических образов бесов, катящих *под горку в ад* повозку с господами в дорогих одеждах и коронах, винную бочку с пьяницами, телегу со щеголихами, — в миниатюрах северодвинских лицевых сборников XVIII–XIX в. [Лихачев, Панченко, Понырко, с. 185–189; Белоброва, с. 153].

Особый интерес для рассматриваемой темы представляет польская политическая гравюра «Pojazd krylestwa Sarmackiego» (1657–1658), изображающая епископов, маршалов, канцлеров, кастелянов и иных вельможных особ Речи Посполитой в повозке, влекомой демонами в ад [Rabowicz].

Таким образом, проблема происхождения и эволюции сатирического топоса «бесы едут в одной карете с героем сатиры» оказывается комплексом вопросов о взаимодействии в русской устной, а затем и рукописной традиции архетипического фольклорного образа разгульного (масленичного, свадебного) шествия, бытовых впечатлений от архиерейских и иных вельможных

[1] *Аввакум, протопоп*. Из «Книги бесед» // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17. С. 143.
[2] *Кантемир А.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 60.

выездов, а также образов европейской вербальной и визуальной сатиры, потенциально доступных отечественному читателю XVII–XVIII столетий.

Литература

Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М., 2005.
Даркевич В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв. М., 2006.
Колязин В. Ф. От мистерии к карнавалу: театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М., 2002.
Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII в. М., 1958.
Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
Шамин С. М. «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4 (39/40). С. 97–147.
Щеглов Ю. К. Антиох *Кантемир* и стихотворная сатира. СПб., 2004.
Rabowicz E. Pojazd – satyra polityczna z roku 1657–1658 // Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. 1959. Z. 1–2. S. 157–173.

М. Ю. Андрейчева (ИРИ РАН)

НОВОЕ О ПЕТРЕ ГУГНИВОМ

В древнерусской книжности сведения о папе Петре Гугнивом как основоположнике латинской ереси фиксируются еще в Повести временных лет, а затем встречаются во многих антилатинских сочинениях (см. подробнее: [Попов, с. 18–22; Павлов, с. 5–26; Ведюшкина]). Как показали исследования, Петр Гугнивый, с деятельностью которого связывалось большинство вероотступлений латинян, был вымышленным персонажем, выступавшим в роли своеобразного антипода апостола Петра (см.: [Попов, с. 21]).

К. В. Вершинин и автор этих строк опубликовали в совместной статье новонайденный древнерусский Этногенеалогической трактат (далее – ЭТ), относящийся к домонгольской эпохе [Вершинин, Андрейчева]. Составитель ЭТ часть своего сочинения посвятил обличению «фрягов»-католиков, включив в него следующие уникальные сведения о Петре Гугнивом: **соблазнилъ же е петръ гоугнивыи. и по томъ нарекоша латына. того ра҃й латына стригоу҃ бороды. занеже петрꙋ гꙋгнивомꙋ потерґаша и постригоша бородꙋ ст҃ѣи ѡ҃ци** [Вершинин, Андрейчева, с. 16][1]. В антилатинских сочинениях, действительно, появление обычая брить бороды, как правило, приписывалось Петру Гугнивому. ЭТ, в свою очередь, поясняет причину, побудившую «гугнивого» папу навязать латинянам брадобритие: его собственная борода «пострадала» в ходе полемики с некими «святыми отцами». Обнаружить текстовую параллель к данному уникальному свидетельству в других полемических сочинениях против латинян пока не удалось. Тем не менее происхождение указанного сюжета можно установить. В разгар событий, приведших к расколу церкви на западную и восточную, антиохийский патриарх Петр написал послание константинопольскому патриарху Михаилу Керуларию, в котором, в частности, указал по поводу брадобрития (одного из пунктов обвинения латинян) следующее: «Что нам до того, что епископы (латинские) бреют бороды?.. Мы же делаем себе на голове гуменцо в честь первоверховного апостола Петра, на коем основана великая церковь Божия. Что нечестивые выдумали в поругание Святому, то мы благочестиво совершаем во славу и в честь его: римляне бреют бороды, мы же на верхней части головы делаем подобие венца…»[2]. Данный текст напоминает о давнем обычае клириков восточной части церкви остригать на голове волосы на макушке (такая стрижка именовалась «гуменцо» или «оброснение»). Тот же обычай вместе с брадобритием существовал и в среде католического священства. В комментарии антиохийского патриарха содержится и символическое толкование данной традиции, согласно которому она возникла в память о поругании апостола Петра от язычников, некогда ободравших ему волосы на голове и бороду. Отсюда среди клириков и монашествующих установилась традиция брить бороды и выстригать на голове гуменцо. Это же толкование встречается и в более ранних памятниках. Так, в слове «О божественном священнодействии» патриарх Иерусалимский Софроний (нач. VII в.) пишет следующее: «Кругловидное острижение волос на главе священника означает терновый венец, а двойной венец, образуемый волосами, изображает честную главу верховного Апостола, которую в насмешку остригли ему неуверовавшие и которую благословил Христос»[3].

[1] Текст ЭТ приводится по старшему полному списку, вошедшему в Софийский комплект Великих Миней Четьих (РГАДА. Ф. 201. Оп. 1. № 161) и опубликованному в первой части статьи [Вершинин, Андрейчева].
[2] *Сухомлинов М. И.* Исследования по древней русской литературе // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. 85. № 1. С. 334.
[3] Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1855. Т. 1. С. 271.

В древнерусской книжности также находим сведения о данном предании, зафиксированные в переводном сочинении патриарха Константинопольского Германа «Сказание церковное»[4]: **Дежди же вѣньць соугоубъ на главѣ сщенаго . знаменьемь власъ . образоуютъ вьрховьнаго апла петра . чьстьноую главоу . юже въ оучительскоую . и гдню проповѣдь посъланъ бывъ . и постригъ сѧ ѿ противѧщиихъ сѧ словеси . и обривъ ꙗко роугъ приимъ отъ нихъ . нъ то роуганью оучитель хъ блви . и сътвори досаженье въ чьсть . и роуганью въ славоу . и положи на главѣ ѥмоу вѣньць не ѿ камене драга . нъ каменьмь и скрижалью . и вѣры ѥго свьтаще сѧ . ꙗко злато и топанъзню . и камень драгыи . врьхъ бо красота и вѣньць .ві. те . каменьма оукраси сѧ . юже соуть апли . петръ же стыи ѥсть ститель** [Афанасьева, с. 235–236].

Из вышеприведенных источников видно, что в восточной церкви в память о поругании над апостолом Петром утвердился только обычай выстригать гуменцо, тогда как на латинском Западе к этой традиции прибавлялся обычай брадобрития. Подробное свидетельство об этом приводит Сикард Кремонский (втор. пол. XII в.): «После того как св. Петр был схвачен язычниками, ему обрили бороду его, срезали волосы с головы его, но он пожелал, чтобы то, что было сделано с ним в насмешку, рассматривалось как таинство в память либо о муках Господних, либо моральных заветов, что должны быть в нас» (цит. по: [Констебл, с. 176])[5].

Как уже было сказано выше, образ Петра Гугнивого выстраивался от противного как антипод апостола Петра, а точнее, как образ анти-Петра. Отсюда можно предположить, что исследуемый антилатинский фрагмент в ЭТ возник как антипод благочестивого предания об установлении стрижки волос у клириков. И для восточной и для западной церкви существовал общий обычай в память об апостоле выстригать макушку. Поэтому автор злоречивого «памфлета» о Петре Гугнивом сфокусировал внимание на брадобритии и, отталкиваясь от известной легенды, создал свой рассказ-перевертыш, в котором антиподу святого Петра – Петру Гугнивому рвут волосы на лице не язычники, но некие святые отцы, а поруганный латинский ересиарх по собственному подобию заставляет своих последователей выскабливать бороды.

Литература

Афанасьева Т. И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследования и тексты. М., 2012.
Ведюшкина И. В. Петр Гугнивый и Петр Монг // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 12. М., 2004. С. 309–312.
Вершинин К. В., Андрейчева М. Ю. Древнерусский этногенеалогический трактат (Ч. 1) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 14–17.
Констебл Дж. Бороды в истории. Символы, моды, восприятие // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 165–181.
Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
Попов А. Историко-литературный обзор полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.
Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь. Пг., 1902. Т. 2.

[4] Как показало исследование Т. И. Афанасьевой, сочинение патриарха Константинопольского Германа (630–650...653–658 – до 754 г.) переведено в кругу учеников свв. Кирилла и Мефодия в конце IX в. и попало на Русь не позже конца XI в. Старейший древнерусский список этого памятника сохранился в рукописи конца XII – начала XIII в. [Афанасьева, с. 44–45, 58].

[5] О традиции брить бороды у римо-католиков и ее связи с преданием об апостоле Петре см. также: [Православная богословская энциклопедия, с. 974].

Т. В. Анисимова (РГБ)

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ «ЗАВЕТОВ 12 ПАТРИАРХОВ» И ЕЕ ИСТОЧНИК (К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ)

В составе библейской части Тихонравовского хронографа рубежа XV–XVI в. (РГБ. Ф. 299. № 704; далее – Тх 704) и в библейском Сборнике Троице-Сергиева монастыря последней четверти XV в. (РГБ. Ф. 304/I. № 730; далее – Тр 730) обнаружен неизвестный ранее протохронограф, основанный на «изборном» Восьмикнижии, который, не зная Толковую Палею, использовал для рассказа об Иосифе и его братьях фрагменты «Послания Климента Смолятича» и «Заветов 12 патриархов» полной версии. Фрагменты последних либо отсутствуют в их краткой редакции Заветов Толковой Палеи, либо существенно переработаны [Анисимова, 2017; Анисимова, 2018а; Анисимова, 2018б]. Оказалось, что «Разговор Иосифа с братьями после смерти Иакова», следующий в Толковой Палее за «Благословением

Иакова», возник еще в протохронографе и построен на извлечениях из пространного вида «Завета Иосифа» (далее — ЗИ) — либо не вошедших в «Рассказ об Иосифе», либо существенно переработанных.
Эта взаимозависимость продемонстрирована ниже. Для сравнения использован текст ЗИ в библейском Сборнике (вынесенный за пределы протохронографа) с указанием листов и строк последней рукописи. Места непосредственной стыковки фрагментов подчеркнуты:

Тх 704. Л. 104 об. — 105 об.; Тр 730. Л. 40—40 об. «Разговор Иосифа с братьями»	Тх 704. Л. 94—97; Тр 730. Л. 28—30 История Иосифа протохронографа
ЗИ, 100.18—100 об.20 вы, братьа, възненавидѣсте мя, но господь възлюби мя, вы бо оубо хотѣсте мя оубити… и в различных скорбех оутешаа пресящаа в десяти искушенiи крѣпка сътвори мя господь. -:- …	
	ЗИ, 101.2—101 об.7 аще ми ся предаси, и боудеши, яко властелень нашь, владѣя всѣмъ домом… а аще кто речетъ о нас емоу, то не иметь вѣры.
[В]негда оубо егѵ̀птяныни льстяше мя, глаголющи: аще оубо боудеши съ мною, отвергуся коумиръ егѵ̀птяныня Потефрiа, вѣровати створю по закону бога твоего, к неи же отвѣщавъ, рекох: Амемьфрiи, госпоже моя, не в нечистотѣ хощеть богъ боящихся его, не въ прелюбодѣющих благовълить. ЗИ, 101 об.18—101 об.21 <u>она же</u> болма прилогаше козни своя на съблазнь ми. азъ же б(о)лма прилогах в пощенiих и въ молитвах, да мя избавить <u>господь от неа.</u>	И паки влязящи въпрошаше мя словесем господня, и глаголаше ми: аще хощеши, да ся отвергу кумиръ, то боуди со мною, и моужа своего вѣрою отстоупити идолъ, по законоу бога твоего ходящи. глаголахъ же к неи: не в ничистотѣ хощеть господь боящихся, ни въ прелюбодѣющих <u>благоизволить</u>.
и единою оубо съ отравою брашно присла ми, мнѣ же господь, богъ отца моего, откры ми. по семь же оубо пришедши въ храмъ мои, к неи же азъ рѣхъ: что оубо умысли, яко взяти животъ мои безс-правды, понеже присла ми брашно се, наполнивши ада смертьнаго? но яко веси въ мысли бога чтоущимь, а не оуспѣеть злоба невѣрных, и вземъ, и нача ясти пред нею, рекъ: богъ отець нашихъ съ мною еси. она же паде на лици своемъ пред ногама моима, плакася. ЗИ, 102 об.4—5 <u>и обеща ми ся не створити пакости</u>.	ЗИ, 101 об.21—102 об.4 <u>паки въ другое время</u> глаголи ми: да аще прелюбо не хощеши сътворити, то азъ оуморю египтянина… и посла ми ядь съ отравою растворену. и яко прииде скопець, нося отраву, и възрѣх, и видѣх его страшьна моужа, дающи ми с солиломь ножь. и разумѣхъ, яко брашно то съ отравою есть. и того дни не искусих ничтоже. по единомъ же дни пришедши ми, рече: что се не сиалъ от ади сеа? и рѣх к неи: яко исполнила еси смерти… но оувеси, яко въ смыслъ ли живущимь и бога чтущимь не оуспѣеть злоба невѣрных. и вземъ от яди тоя, пред нею начах ясти и рекъ: богъ отець нашихъ, сынъ божiи, богъ Аврамль, боуди съ мною. она же паде на лици своемъ на земли пред <u>ногама моима,</u>
по семъ обаче мыслею своею яряшется и внутрь прелю(бо)дѣиныи дѣмонъ распалашеть ю. ЗИ, 102 об.6—13 по семь пришедшю ми к неи потребных деля, рече и емьши мя за свѣтоу, влачаше мя на одръ постели своея. азъ же съвлекох с себя свитоу свою, избегох от егѵ̀птянины. она же, не полоучи хотiнiа своего, и обади мя къ господину моемоу. азъ же бьенъ бых и всажденъ бых въ темницю. египтян(и)ны же ЗИ, 102 об.17—103.2 поуще ко мнѣ глаголющи многажды: изволи скончати волю мою… и дасть имь тако же, якоже и мнѣ дарова.	и трепеща руками, и плакася. и въздвигнувъ ея оутѣших ея не плакати. она же молящи ми ся потомъ не сътворите безсчестiа того над моужем еа. и глаголаше: что се спаде лице твое? она же рече: болѣзнию сердечною болѣх. и егда же прискочи къ мнѣ, глаголющи: оудавлюся или съ стены свергуся, аще не боудеши съ мною. и разумѣх, яко от доуховъ вражьих насилоуеть си… Иосиф же, богоядньа вѣтвь, небреже лещи с нею. она же многажды красящися и влекущи его к собѣ, сеи же избежа из руку еа, оставивъ оудрие. она же, не полоучивши желанiа своего, рече в собѣ: то бы ми полезнее, аще бых его не видила, и оболга его к мужю своемоу, онь же всади его в темницю.

Таким образом, «Разговор Иосифа с братьями» был создан из «остатков» рассказа об Иосифе Прекрасном самим автором протохронографа, которые последний дополнил небольшими сюжетными

дублями, подвергнув их поочередно литературной переработке. Учитывая неразрывную связь рассказа об Иосифе с «Посланием Климента Смолятича», «Разговор Иосифа с братьями» и весь комплекс кратких «Заветов 12 патриархов» с «Благословением Иакова» могли войти в Толковую Палею не ранее середины XII в.

Литература

Анисимова Т. В. Новые данные о судьбе «Заветов 12 патриархов» в древнерусских хронографах // Сб. докладов Межд. науч. Конф. «From story Bibles. The Bjzantine-Slavic Palae». Ун-т г. Грайфсвальд (Германия), 28–30 сентября 2017 г. (в печати).

Анисимова Т. В. История Иосифа и его братьев в Тихонравовском хронографе // «Славянская библия в эпоху раннего книгопечатания». К 500-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. СПб., 2018. С. 304–313. [Анисимова, 2018а]

Анисимова Т. В. Фрагмент Тихонравовского хронографа в библейском Сборнике Троице-Сергиева монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 1–14. [Анисимова, 2018б]

Т. И. Афанасьева (СПбГУ)

ВАТИКАНСКАЯ ПСАЛТЫРЬ VAT. SLAV. 8: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУКОПИСИ

В Ватиканской апостольской библиотеке хранится уникальная рукописная пергаменная Псалтырь второй половины XIV в. Она подробно описана в каталоге славянских рукописей этой библиотеки [Джурова, Станчев, Япунжич, с. 72–73], но долгое время была труднодоступна для исследователей и не привлекала внимания русистов. Рукопись Vat. slav. 8 написана причудливым письмом, полубуквицей, сделанной на основе кириллического старшего полуустава [Нунцио; Карский, с. 214]. Об этом позволяют судить некоторые заголовки и записи, оставшиеся незашифрованными. Так, на л. 129–130 об. помещены таблицы вруцелето, в которых буквы написаны обычным полууставом, на л. 114 приведена в обычной графике молитва святого причащения.

Размер рукописи совсем небольшой — 105 × 77 см, что придает ей особое значение. Таких маленьких кодексов сохранилось совсем немного, и сразу приходит на ум другой такой же кодекс — так называемый служебник Никона Радонежского. Его размер составляет 9,6 × 7 см, это крошечная рукопись, также написанная старшим полууставом. Служебник, как и Псалтырь, написан мелкими буквами, их начертания во многом близки, хотя несомненно, что рукописи писали разные писцы, но они, возможно, происходили из одного книжного центра, где такие рукописи делались. Служебник Никона Радонежского написан в 1380–1381 г. в Москве, о чем свидетельствуют упоминания членов великокняжеской семьи Дмитрия Донского [Горский, с. 47–48]. Опираясь на внешнюю схожесть рукописей и почерков, можно предположить, что и Ватиканская псалтырь написана приблизительно в то же время — в начале 80-х годов XIV в.

Кроме того, по мнению Дж. Леви делла Вида, рукопись Vat. slav. 8 принадлежала киевскому митрополиту Исидору и с начала XVI в. уже хранилась в Ватикане [Ruysschaert, p. 52]. Среди славянских рукописей Исидора есть служебник Vat. slav. 14, созданный в Москве по заказу митрополита Киприана [Афанасьева]. Есть основания предполагать, что и Vat. slav. 8 могла быть еще одной русской рукописью, которую Исидор взял при побеге из Москвы, из Чудова монастыря в сентябре 1441 г. В таком случае Псалтырь, вероятно, также является московской рукописью, созданной в начале 80-х годов XIV в.

Как известно, в 1383 г. была учреждена Пермская епархия с кафедрой в Усть-Выми. Изначально пермские земли входили в состав Новгородской епархии, но московские князья, стремясь ослабить здесь новгородское влияние, перевели пермские земли сначала под власть Ростова, а затем учредили Пермскую епархию. Этой деятельностью активно занимался миссионер Стефан Храп, первый епископ Пермский, выходец из Великого Устюга. Как известно, он учился в Ростове, в Григорьевском «Затворе», и был очень образованным человеком, знавшим греческий язык. Он известен тем, что создал азбуку для зырян, желая перевести на нее богослужебные книги, тем самым повторив подвиг миссионеров Кирилла и Мефодия.

Пермская азбука не прижилась в этих землях, ею пользовались лишь как тайнописью, а богослужение

велось по церковнославянским книгам на кириллице. Тем не менее этот интереснейший эксперимент — создание азбуки для неславянского народа — должен был на чем-то проводиться. Плацдармом для изобретения новых букв могла стать Псалтырь — книга, которую средневековые книжники знали наизусть. На ней можно было отрабатывать любые начертания, не задумываясь, что кто-то не сможет их потом прочитать. Не является ли наша Псалтырь плодом такого эксперимента?

Пермская азбука дошла до нас в нескольких списках, и в каждом списке она имеет отличия, то есть начертания большинства букв не имеют четких и устоявшихся форм. М. Н. Сперанский сравнил различные варианты пермской азбуки в таблице [Сперанский, с. 74], из которой видно, что некоторые буквы имеют с Ватиканской псалтырью похожие начертания, при этом сам Сперанский не связывал написание Псалтыри и создание пермской азбуки как зависящие друг от друга явления. На наш взгляд, можно с определенной долей уверенности считать, что начертания букв «а», «гай», «жой», «коке», «мено» имеют близкие к полубуквице Псалтыри формы.

Литература

Афанасьева Т. И. Рукопись Vat. slav. 14 как служебник митрополита Киприана // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 11–12.
Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902.
Джурова А., Станчев К., Япунжич М. Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985.
Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.
Нунцио У. де. О славянской рукописи Ватиканской библиотеки № VII // ЖМНП. 1892. № 11. С. 141–147.
Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках. М., 1929. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.3).
Ruysschaert J. La formation des deux fonds de manuscripts slaves de la Vatican // Polata knigopisnaja. 1985. № 3. P. 50–62.

Г. С. Баранкова (ИРЯ РАН)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Вопросы лексической вариативности в сочинениях Кирилла Туровского имеют два основных аспекта исследования: это лексические замены в пределах одного контекста в разных списках его повествовательных и риторических сочинений и вариативность внутри самого текста того или иного произведения.

Первый из названных аспектов связан с поиском списков, наилучшим образом отражающих протограф сочинений Кирилла. Выявление лексических вариантов в разных списках помогает при их текстологической группировке и позволяет судить о том, как проводилось языковое и смысловое редактирование произведений Кирилла в русской книжности. Для риторических сочинений Кирилла, то есть восьми достоверно принадлежащих ему Слов, такая работа (не в полном объеме) была проделана Т. А. Алексеевой [Алексеева]. Частичные результаты, связанные с выявлением лексических разночтений по спискам повествовательных произведений (Притчи о душе и теле, Повести о беспечном царе и его мудром советнике и Сказания о черноризском чине), были получены Г. С. Баранковой и И. И. Макеевой [Баранкова, 2010; Макеева; Баранкова, 2016]. Проведенное сопоставительное лингвотекстологическое исследование риторических и повествовательных произведений показало следующее.

1. Лексическая вариативность в списках повествовательных произведений представлена значительно шире, чем в торжественных Словах.

2. Лексические различия характеризуют разные в текстологическом отношении группы, уточняя классификацию списков. Так, наличие многочисленных лексических замен в списке Повести ГИМ. Увар. 740: *послухъ — свидѣтель*, *книгъ — писании*, *огненое — пламенное*, *жидомъ — иудѣомъ*, *велможе — властели*[1] и т. п. — в сочетании с его текстологическими особенностями свидетельствуют в пользу выделения особой группы в составе второй редакции памятника.

3. Характер лексических замен дает возможность говорить о редактировании, проведенном для всех произведений Кирилла в Иосифо-Волоколамском монастыре. Для Притчи весьма вероятно редактирование, осуществленное в псковском языковом ареале. Особым характером лексической вариативности отличаются тексты Слов РГБ. Троиц. 9 [Алексеева, с. 126–133] и близкого ему

[1] На первом месте стоят варианты из списков первой, второй и третьей редакций памятника, на втором — из Уваровской группы второй редакции.

списка Национальной библиотеки Беларуси. НИО книговедения. № 091/4214К (далее — Бел. 091): *полагаху — полоскаху, клѣщить — тружають, брежю — доброчадну, струпы — коросты* Троиц. 9 — *гнои* Бел. 091, *пожирають* — поѣдають[2] и др.

4. В списках имеются индивидуальные замены, связанные с устранением архаичной и малопонятной писцам лексики. Таковы, например, варианты в списках РГБ. МДА. 146, ГИМ. Чуд. 258, ГИМ. Вахр. 90 и др.

5. По характеру представленных в списках разночтений не всегда можно судить о большей близости той или иной редакции к протографу, так как ряд архаичных вариантов может находиться то в одной из них, то в другой. Так, Повесть, известная в единственном списке XVI в. первой редакции (ГИМ. Син. 935), имеет ряд архаичных чтений, в том числе гапакс *вѣсть* (варианты по спискам *видъ — видѣние — очи)* в значении «зрение», представленный в искаженных формах в старших южнославянских списках Повести XIII–XIV в.: *зависть, задастъ*, что является косвенным подтверждением наличия этого чтения в протографе. Одновременно Син. 935 имеет ряд поздних лексических вариантов *кличь — плищь, подобна — потребна* и др. в отличие от списков второй редакции.

Вторым направлением исследования является изучение факторов лексического варьирования в текстах Кирилла. Общеизвестно, что писатель применял в своих произведениях разнообразные стилистические приемы, среди которых можно отметить широкое использование амплификации, синонимии. Примером развитой синонимии является ряд глаголов, используемых в торжественных Словах для воспевания праздника: *пѣти, въспѣти, въскликнути, възвеличити, възглаголати, възглашати, въпити, велегласовати, вельгласно въпити*. Модификация лексем в риторических сочинениях Кирилла содействовала приданию речи большой выразительности. Экспрессивная функция вариативности сочетается в Словах с изобразительной. Так, для изображения чинов всех святых и праведников, собравшихся на горе Елеонской во время Вознесения, Кирилл находит отдельные, неповторяющиеся лексические единицы: для праотцев — это *соборы*, для патриархов — *множество*, для пророков — *полки*, для апостолов — *лики*, для верных — *толпы*.

Наблюдение над лексическим варьированием в нарративных произведениях свидетельствует об использовании автором синонимов или слов с близким значением в коммуникативных целях, нередко для выражения оттенков значения слов: *мълва — мятежь, благъ, кротъкъ и милостивъ, мудръ и благоразуменъ, печера — вертепъ*. Иногда эти слова употребляются попарно, взаимно дополняя значения друг друга: *потязалъ и укорялъ, творець и зижитель* и т. п. Употребление ряда синонимов у Кирилла Туровского подчинено семантико-стилистической дифференциации, например: *пища* и *брашьно; облъчение* и *одежа*. При выборе синонимов Кирилл варьировал кирилло-мефодиевскую, преславскую и восточнославянскую лексику, что содействовало развитию языковой системы древнерусского литературного языка и выработке его нормы.

Литература

Алексеева Т. А. Лексика «Слов» Кирилла Туровского. Дисс. … канд. филол. наук. М., 1975.
Баранкова Г. С. Текстология и язык «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» Кирилла Туровского // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2006–2009. М., 2010. С. 313–354.
Баранкова Г. С. Место «Притчи о душе и теле» Кирилла Туровского в кругу его повествовательных и риторических сочинений // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб. — Казань, 2016. Вып. 6. С. 185– 217.
Макеева И. И. «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского в русских Кормчих // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2006–2009. М., 2010. С. 355–398.

[2] На первом месте стоят варианты из Слова о расслабленном по списку ГИМ. Увар. 589, повторенные в остальных его списках, на втором — из Троиц. 9 и Бел. 091.

С. И. Баранова (РГГУ), Л. А. Беляев (ИА РАН)

РОЖДЕНИЕ ЧЕРЕПИЦЫ: ПЕРВЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КРОВЛИ РУСИ (XV В.)

В истории русской материальной культуры есть своеобразная делеция. Наследуя традиции византийской и заимствуя технологии из западноевропейской архитектуры, строители Древней Руси обошли стороной такой важный элемент устройства здания, как черепичная кровля. На Руси и в период ранней Москвы использовались только деревянные, металлические и, возможно, каменные (плитчатые) покрытия. Добавим, что и в Новое время, невзирая на пристрастие к европейскому домостроительству, в России

керамические кровли применяли мало, можно сказать от случая к случаю (за исключением мест, где эта технология была усвоена в далеком прошлом и наследовалась в современном строительстве: Крым, Кавказ).

Причины тотального отказа Киевской и Северо-Восточной Руси от черепичного покрытия до сих пор неясны, тем более что есть эпоха, когда на тех же территориях ее применяли широко, во всяком случае, для покрытия каменных сооружений — это время Московской Руси, XVI–XVII в. Но ясной картины внедрения и особенно раннего распространения черепицы мы до сих пор не имеем. Ее изучение целесообразно начать с рассмотрения двух-трех эпизодов, которые стоит собрать и рассмотреть отдельно. Все они укладываются в рамки одного культурно-исторического периода русско-итальянского строительства в Москве последних десятилетий XV в., причем определенные коннотации связывают эти эпизоды с пространством витрувианских трактатов Европы.

А. А. Бачинский (ИРИ РАН)

ТЕМА РАЗЛИЧИЙ И БЛИЗОСТИ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ИВАНА IV

Политика Ивана IV нередко получала религиозное обоснование, которое артикулировалось как на уровне посольских миссий, так и на уровне дипломатической переписки, причем подобные аргументы использовались для объяснения и внутренней, и внешней политики. Важным в этой связи представляется вопрос о сознательном использовании религиозных тем в дипломатических целях как для сглаживания конфликтов, так и для демонстрации агрессивных намерений.

Транслируемая позиция царя по некоторым вопросам могла в значительной степени зависеть от внешнеполитического контекста. В частности, постоянно постулируемое неприятие определенных религиозных течений могло иметь широкую градацию. В посланиях европейским правителям Грозный неоднократно подвергал резкой критике протестантизм. Широко известна его полемика с пастором Яном Ракитой 1570 г. Однако особенную остроту критика протестантизма имела в начальный период Ливонской войны, когда Иван IV сообщил литовским послам Юрию Александровичу Ходкевичу, Григорию Богдановичу Воловичу и Михаилу Богдановичу Гарабурде, что наказывает ливонцев войной, в том числе за отпадение от католицизма[1]. Тем не менее в 1570-е годы, в период сближения царя с датским принцем Магнусом, Грозный дал последнему гарантию, что население Ливонии сможет сохранить вероисповедание. Вероятно, именно политический контекст повлиял и на то, что в письме Максимилиану II (с симпатией относившемуся к протестантизму) от 31 июля 1573 г. славящийся кровавыми расправами царь решительно осудил события Варфоломеевской ночи[2].

Религиозные вопросы по-разному освещались в отношениях с другими христианскими монархами и исламскими правителями. Царь одновременно мог уверять христианских правителей в возможности антиисламского союза и убеждать турецкого султана в дружественных намерениях, не касаясь чувствительных вопросов веры.

Различия в отношениях с Западом и Востоком проявлялись в том числе на уровне адаптации формуляра посланий, включавшего символические христианские элементы. В переписке с мусульманскими правителями в зависимости от политического контекста религиозные различия, присутствующие в формулах инвокации, российская сторона могла максимально сглаживать, а могла и подчеркивать.

В свою очередь, в отношениях с другими христианскими адресатами тема ислама становилась предметом убеждения и манипуляции. Так, в переписке с Максимилианом II и Рудольфом II Грозный многократно намекал на связь Стефана Батория с Турцией (а иногда и переходил к прямым обвинениям). Аналогичные упреки в адрес Батория звучали и в переписке с ним самим. Это связано с тем, что слабым местом короля Стефана царь видел происхождение — король Польши был семиградским князем, а Трансильвания — государством-вассалом турецкого султана. Помимо этого, Иван IV многократно указывал на развитие «ересей», которому не противостоит Баторий (арианство, «ересь люторская»).

Выдуманная Грозным связь Батория с исламом была одним из столпов, на которых он выстраивал образ Батория как лжехристианского, ложного правителя (второе основание заключалось в том, что оппонент являлся выборным монархом).

[1] Сб.РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 196, 275, 282, 288.
[2] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. № 2. Л. 65–65 об.

Еще один вариант применения темы ислама в московской дипломатии —использование антитурецкой риторики вкупе с намеками на возможность создания антиисламской лиги. Эта цель многократно возникает в переписке с Короной и Литвой, Молдавией, Швецией, Священной Римской империей и Папским престолом. Но, пожалуй, ярчайший пример эксплуатации этой темы дает миссия гонца Истомы Шевригина в августе 1580 г. в Ватикан. В привезенном им послании Грозный напоминал о своем давнем желании заключить союз с австрийским императором для войны с турками и уверял адресата, что хочет и дальше стоять с папой римским и всеми христианскими правителями против мусульман[3]. Осуществлению его намерений, как он настаивал, мешала кровопролитная война с Речью Посполитой, вызванная тем, что король «соединился» с султаном, дабы лить христианскую кровь.

Важно отметить, что тема вражды к исламу не всегда была характерна для дипломатической риторики Грозного. Она актуализовалась в посланиях, написанных в годы, когда у царя были соответствующие внешнеполитические планы (надежды на поддержку Габсбургов и папы римского) или, напротив, намечалось сближение Стефана Батория и папы римского и т. д.

В свою очередь, вопрос о том, какое из христианских учений истинное, католицизм или православие, звучал в двух дипломатических контекстах: во-первых, при критике оппонента-протестанта, который отказался даже от менее верного в глазах царя «закона латынского»; во-вторых, для осуждения правителя, не ограничивающего распространение протестантизма.

В другом ключе тема различий между православными и католиками использовалась на более низком дипломатическом уровне, чем монарший, причем исключительно в отношениях с Великим княжеством Литовским. Вельможи обеих стран во время сложных переговоров о мире пробовали апеллировать к теме религиозной близости православного населения.

Тем не менее значительно чаще, чем тема различий православных и католиков, на дипломатическом уровне звучит идея о близости всех христиан. В отношениях с великими князьями и элитой Великого княжества Литовского она обретает амбивалентный смысл. При переговорах о мире на первый план выходит ее положительный аспект, а в конфликтной ситуации стороны настаивают на том, что оппонент не соответствует идеалу христианского монарха.

Неслучайно и то, что именно в отношениях с Великим княжеством Литовским и Короной Польской мотив противоборства с «бесерменами» стал одним из наиболее распространенных элементов публицистической борьбы, превратившись во взаимные намеки на связи с врагом.

Вопросы об иных вероисповеданиях в дипломатической практике почти не поднимались. Исключение — тема иудеев. Она всегда трактовалась российской стороной как провокационная, а евреи-иностранцы воспринимались как люди, не подпадающие даже под условия мирных договоров[4].

Таким образом, можно сделать вывод, что религиозные аргументы могли быть не только причинами осуществления той или иной политики, но и способом воздействия на оппонента, особенно во взаимоотношениях между правителями-христианами.

[3] РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. № 1. Л. 1 об.–9.

[4] Ср. послание Ивану Грозному от Сигизмунда II Августа от 21 мая 1549 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 4. Л. 167 об.) и грамоту от Ивана IV Сигизмунду II Августу от декабря 1550 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 4. Л. 174–174 об.).

Н. В. Башнин (СПбИИ РАН)

КАЗНА ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА СВ. СОФИИ В XV–XVII В.: СОСТАВ И СОХРАННОСТЬ[1]

В историографии накоплен значительный опыт изучения описей государственных и церковных архивов (Н. Н. Оглоблин, Л. Н. Черепнин, А. А. Зимин, С. О. Шмидт, В. И. Гальцов, А. А. Амосов, М. С. Черкасова).

М. С. Черкасова обратилась к истории архива Вологодского архиерейского дома Св. Софии и указала на существование описей архиерейской казны 1660, 1663, 1674, 1676, 1681 и 1701 г. [Черкасова, с. 86–99, 338–416]. В дополнение к этим источникам выявлена опись 1688 г. (ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Ед. хр. 8.) и И. А. Поляков нашел подлинник переписных книг 1676 г. (РНБ. Ф. 777. Ед. хр. 322), который в отличие от списка РНБ. Ф. 550. Q.IV.386 сохранился полностью. Был проведен анализ трех документов 1676 (по списку), 1681 и 1688 г.

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 18-78-00108).

Опись казны Вологодского архиерейского дома Св. Софии от 10 ноября 1676 г. была составлена игуменом Ефремом «с товарыщи» по указу архиепископа Вологодского и Белозерского Симона после отставки архиерейского казначея старца Иосифа Васильева, который был «ногами болен». На эту должность назначили старца Никона из Подольного монастыря, дьяком стал сын боярский Иван Аленев. Описание документов и предметов, хранящихся в казне, произвели «архиепископля дому» игумен Ефрем и дьяки Данил Столбицкий и Кирилл Борисов. Вторая опись была составлена 1 апреля 1681 г. по указу архиепископа Вологодского и Белозерского Симона после смерти казначея старца Никона и назначения на его место «своего же архиепископля дому клюшенного, а Лопотова монастыря постриженика» старца Афанасия вместе с дьяком Иваном Аленевым. Перепись произвели «архиепископля дому духовных дел игумен» Феодосий и дьяк Данил Столбицкий. В сентябре 1688 г. по указу архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила после отставки казначея старца Афанасия «по ево челобитью для ево старостьи и скорби» была составлена опись казны. Новым казначеем стал постриженник Спасо-Прилуцкого монастыря старец Дмитрий, которому архиерейский приказной Иван Александров отвел «архиерейскую домовую денежную и всякую налишную казну и кабалы».

Сведения о документах, описание которых содержится в описях, сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Состав документов в казне Вологодского архиерейского дома Св. Софии по описям последней четверти XVII в.[2]

Вид документации	**1676 г.**	**1681 г.**	**1688 г.**
Правоустанавливающие документы постоянного хранения (жалованные грамоты, сотные, выписи из писцовых книг, меновные)	221	258 (213 с указанием контрагентов; 7 книг; у 38 глухие заголовки)	—
Документы текущего делопроизводства:			
— *отписи в уплате денег*	347	414 (в том числе один ящик с нераскрытым содержанием)	—
— *денежные кабалы*	29 (окончание описи утрачено, полный состав кабал не известен)	525	148
Всего	597	1197	148

Из таблицы 1 видно, что в описях зафиксировано разное количество документов, хотя все три переписные книги были составлены по одной и той же причине — из-за смены казначея, по схожему формуляру и с небольшим хронологическим промежутком — 5—7 лет. Эти наблюдения говорят о том, что для полной реконструкции состава архива Вологодского архиерейского дома необходимо учесть все описания казны.

Заметим, что большинство упоминаемых в описи документов имеют заголовок, в котором названы дата и вид документа, указываются контрагенты и кратко пересказывается его суть. Однако встречаются собирательные заголовки для нескольких дел или глухие заголовки с указанием вида документа и количества («Да три отписи в платежу стрелецкого хлеба»).

Стоит подчеркнуть, что в 1688 г. «вотчинные всякие государевы грамоты и все писмянные крепости» (документы постоянного хранения) были переписаны в отдельной книге (она пока не найдена) и «отведены» дьяку Петру Ташлыкову. Вероятно, данный документ зафиксировал разделение полномочий казначея и дьяка: в сфере компетенции первого остались только денежные средства, текущие документы (денежные кабалы) и различные материальные ценности, а второй стал ведать правоустанавливающими документами постоянного хранения.

Известно, что осенью 1612 г. в Вологде была уничтожена значительная часть архива архиерейского дома. Вероятно, поэтому в описях казны второй половины XVII в. нет описаний грамот Вологодской кафедре XVI в., но встречаются грамоты этого времени приписных к Вологодской кафедре обителей («Грамота великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии жаловалная бережелная Николского монастыря Мокрои̑ пустыни строителю старцу Селиверсту з братьею 85-го году»).

[2] Источник: Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII — начала XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2018. С. 419—579.

Еще одним существенным фактом является отсутствие описания в описях казны второй половины XVII в. древнейших жалованных грамот Пермской кафедре от Ивана III: 1) Жалованной тарханной и несудимой грамоты великого князя Ивана Васильевича пермскому епископу Филофею на владычни городки и деревни по р. Вычегде; 2) Жалованной (подтвердительной) грамоты великого князя Ивана Васильевича жителям Перми Вычегодской на владение реками, озерами и угодьями, которыми владели их деды и отцы по писцовой книге И. Гаврилова 1482 г., с запрещением отдачи земель епископу и монастырям в закуп и по душе; 3) Жалованной грамоты великого князя Ивана Васильевича пермскому епископу Филофею на Вымские и Вычегодские земли с деревнями и пустошами, пожнями, озерами и прочими угодьями[3]. Вероятно, эти акты хранились в Усть-Выми, и поэтому их не зафиксировали при описании казны в Вологде.

Литература

Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

[3] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 291, 291а, 291б.

Л. А. Беляев (ИА РАН)

РОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII–XV в. В КОНТЕКСТЕ АРХИТЕКТУРЫ

Мы стоим у начала нового этапа изучения соборных некрополей Северо-Восточной Руси[1]. Важность объектов зодчества отчасти препятствовала изучению их кладбищ. Они крайне ценны в общей картине перехода от Древней Руси к Московской, так как образуют чуть ли не единственную линию, тянущуюся через монгольский рубеж. Вопрос трансляции древнерусской традиции в среду конца XIII – XV в., соотношения этих культурных этапов уже лет 200 обсуждают историки. В археологии проблема выглядит как серия задач на хронологию и генезис типовых форм предметов, орнаментов, зданий. Задача выработки общей хронологии решится по мере накопления материалов и закрытых контекстов. Очевидно движение в изучении генезиса форм, технологий, орнаментики. Но период до завершения феодальной войны в Московском княжестве в археологическом материале проявлен плохо, здесь постоянно требуется критика источников.

Фундаментального строительства не вели более полувека, а редкие следы в письменных и археологических источниках так запутаны, что усилия их понять часто приводят к обескураживающему выводу: пожалуй, проще не иметь следов, чем тратить столько усилий на отвод ложных. Так, в истории строительства Москвы первый этап выглядит белым пятном, где маячат сообщения о храмах Ивана Калиты. У них нет натурного облика, и в 1970-х годах заявление об открытии домонгольских предшественников Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов вызвало волну интереса — к счастью, в основном критического. Проверка пустоватых гипотез и реальных, но плохо понятых фактов вернула нас чуть ли не к формулам XIX в. [Баталов, Беляев].

Отдельные здания постепенно открывают, но яснее не становится. Следы Спасо-Преображенского собора конца XIII в. в Твери показали характерные признаки владимиро-суздальского белокаменного строительства и резного орнамента [Беляев, Сафарова, Хохлов]. Частично исследован храм Бориса и Глеба XIII в. в Ростове [Иоаннисян], но до конца далеко. Заново собраны следы строительства XIV в. в Коломне [Мазуров]. В Крыму установлен прямой аналог плану церкви Иоанна Лествичника (но дата моложе на столетие)[2]. Н. Н. Воронин в свое время изучил собор в Нижнем Новгороде. Все это постепенно наделяет реальностью легендарные храмы и выявляет их истоки, рисуя развал ранее стройной владимиро-суздальской системы при медленном оживлении пограничных городов: Твери, Москвы, Нижнего Новгорода, даже Коломны.

Но вопросов намного больше. Один из коренных — трансляция технических умений, даже простой резьбы по камню, не говоря уже о навыках строить сложные сооружения. Нужна непрерывная цепочка работ на 50–70 лет, а ее пока не удается рассмотреть. Кто сохранил строителей, занял работой, дал

[1] См. обзор: [Беляев, Глазов, Зыков, Иоаннисян].

[2] Речь идет об октагональной капелле 1420–1430-х годов в Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун (Крым) [Герцен, Науменко, Шведчикова, с. 43, 252–256 (литература); рис. 1.12; ил. 8].

подготовить учеников? Следов перемещения в избежавшие разгрома XIII в. города не видно, а о дальних перемещениях не стоит гадать.

Вот тут на первый план выходят сложные организмы больших соборов, существовавшие долго и непрерывно. Их обновление и поддержание после разгрома требовало глубоких ремонтов, включая замену резных элементов и профилей. Но каменосечцы могли найти себе применение, пусть не в полной мере, вырабатывая тесаные изделия малых форм, саркофаги и надгробные плиты, — они требовались постоянно, позволяли совершенствовать ремесло, обеспечивали работой каменоломни.

По мере выработки традиции именно эти формы вошли в состав артефактов, важных для духовной самоидентификации «москвичей» в XV в. (саркофаги с выраженным оглавием; плиты с антропоморфной схемой орнамента; с начала XVI в. — устойчивая формула эпитафии). Определить их истоки и раннюю хронологию — значит прояснить генезис московской культуры.

Мы привыкли писать об орнаменте надгробий как о *московском*. Но близость техники и отчасти композиций XV–XVI в. к орнаменту плит Северо-Востока Руси XII–XIV в. позволяет свести их вместе. В самой Москве материалов XII — первой половины XV в. мало, их даты не точны, контекст смутный, а серии короткие (от одной-двух до десятка). Зато кладбища Рождественского монастыря во Владимире и Успенского собора в Ростове с привлечением переходных в хроногеографическом смысле памятников Переяслава дали серии, перекрывающие этот большой промежуток и связанные в архитектурно-археологическую систему. Так возникла почва для выведения московской традиции из владимирской.

Литература

Баталов А. Л., Беляев Л. А. Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII — первой половины XIV века // История русского искусства. М., 2019. Т. 3. С. 159–207.
Беляев Л. А., Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М. Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М., 2018. С. 62–72.
Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н. Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // Российская археология. 2018. № 2. С. 148–160.
Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб., 2017.
Иоаннисян О. М. Зодчество конца XII — первой половины XIII века // История русского искусства. М., 2019. Т. 2. Ч. 3 (в печати).
Мазуров А. Б. Архитектурно-археологические исследования в Коломне (1947–1984 гг.) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2019. № 1 (33). С. 3–44.

Л. А. Беляев, А. Н. Хохлов, И. А. Сафарова (ИА РАН)

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР В ТВЕРИ И ЕГО МЕСТО В АРХИТЕКТУРНОЙ ТРАДИЦИИ XIII–XV в.

В 2012–2014 г. авторами статьи осуществлены раскопки на месте Спасо-Преображенского собора в Твери, одной из легенд русской архитектурной археологии. Храм был возведен во второй половине 1280-х — начале 1290-х годов и простоял до 1670-х, когда был сменен новым городским собором (уничтожен в 1930-х годах). Обнаруженные фундаментные рвы и отдельные кладки обоих соборов позволили выявить схему плана, изучить случайно сохранившиеся первоначальные элементы композиции (южное крыльцо XIII–XIV в. и др.), собрать фрагменты резного белокаменного декора.

Спасо-Преображенский собор был четырехстолпным, с тремя апсидами, галереей и тремя притворами (по оси западного, южного и предположительно северного входов). Наос имел развитую восточную часть: обнаружен широкий фундаментный ров между восточными столбами, а также рвы между восточными столбами и стенами апсид. Исследованиями вскрыты фундаментные рвы южного и западного притворов; следов северной галереи не сохранилось. Южная галерея в восточной части не имела алтарного полукружия — ее восточная стена была прямой и подходила к основному объему собора несколько западнее места примыкания южной апсиды. Вскрыты также рвы поперечных капитальных стен западного притвора и восточная стена южного притвора. Рвы южной стены западного притвора существенно шире остальных, а примыкающая к нему юго-западная часть галереи, видимо, была несколько шире других ее частей.

Все данные подтверждают тесную связь памятника с традицией белокаменного строительства и фасадной орнаментации Владимиро-Суздальской Руси. В связи с этим встают два основных вопроса (об опорных точках связи между строителями середины 1230-х и мастерами 1380–1390-х годов на северо-востоке и о возможном воздействии собора на памятники эпохи Ивана Калиты в Москве и храмы более позднего этапа, середины — второй половины XIV в.) и ряд историко-технологических вопросов.

А. В. Беляков (ИРИ РАН)

РУССКО-СИБИРСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ПО СВЕДЕНИЯМ «ТИТУЛЯРНИКА» 1577 Г.

Документы дипломатических контактов Московского государства с Сибирью XVI в. до нашего времени сохранились в незначительных отрывках[1]. Да и те в подавляющем большинстве были известны исследователям в копиях рубежа XVIII–XIX в., подготовленных, судя по всему, для их публикации в многотомном Собрании государственных грамот и договоров. Подобная ситуация приводила к тому, что подлинность этих документов можно было поставить под сомнение, объявляя их возможной подделкой XVIII в. В них, в частности, содержится отрывок шертной грамоты хана Кучума Ивану Грозному. Факт шертвования можно было рассматривать как принятие Кучумом русского подданства с последующей изменой. А это, в свою очередь, обуславливало русские претензии на Сибирь.

Обнаружение в РГАДА источников первоначальной информации для издателей СГГД снимает вопросы о подлинности сибирских документов. Они содержатся в книге «Начало как пишетца к великим государем, к великому государю Ивану Васильевичю всеа Русии и великому государю Василью Ивановичю всеа Русии, и к великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, писаны грамоты от римских цесарей, и как начала писаны от великих государей от русских к римским цесарем и в ыные разные государства и из государств», созданной в 1577 или же в самом начале 1578 г.[2]

Данная находка заставляет пересмотреть хронологию дипломатических контактов Москвы с Сибирью и датировку посланий. В данном случае нас в первую очередь интересуют грамоты Кучума к Ивану IV с обещанием выплаты дани по прежним обычаям, а также ответная грамота Русского царя и составленный в Москве текст шертной записи.

Правитель Сибири из рода Тайбугидов Едигер б. Касим в 1555 или же в 1556 г. согласился на выплату дани Ивану IV. Его послы приезжали в Москву в январе 1555, октябре 1556, сентябре 1557, ноябре 1558 и в 1563 г.[3] В 1563 г. он был убит ханом Муртазой, возвратившим себе Сибирь [Маслюженко, Рябинина]. Первый дипломатический контакт с сибирскими Шибанидами фиксируется вскоре после захвата Сибири: «Столпик сибирской 7072-го году, приезд к Москве сибирсково Муртозы царя татарина Ташкина»[4]. После этого контакты прекратились на несколько лет.

Во второй половине 1560-х годов резко ухудшились отношения между сибирскими правителями и казахским ханом Хакк-Назаром, в этот период казахи начинают борьбу за башкирские улусы, ранее находившиеся под управлением ногаев и Кучума. В 1569 г. Хакк-Назар совершил крупный поход на Ногайскую Орду. Среди ногаев значительные потери понесли Шихмамаевичи, союзники Кучума. Он в свое время воспитывался у их отца Шейх-Мамая б. Мусы. Существует мнение, что на протяжении 1570-х годов казахи собирали дань с сибирских ногайцев и татар. В сложившейся ситуации сибирскому хану нужны были новые союзники. Однако Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябинина на основании прежней датировки грамот считают, что именно Москва первой напомнила о прежних даннических отношениях с Сибирью, сложившихся еще при Тайбугидах. Но 3 июня 1570 г. глава миссии (гонец?), Асис, уже был в Перми и тогда же был отпущен в Сибирь. По неизвестным причинам некоторое время ему пришлось провести в московской тюрьме. Возможно, он был одним из членов посольства 1563/1564 г., которых было приказано арестовать и о которых просил ногайский бий Исмаил.

Можем предположить, что в 1568 г. в Москву была передана грамота от Кучума с устным обещанием платить ежегодную дань, как при князе Едигере. В ответ на это, с некоторой задержкой Аиса, гонца хана Муртазы, плененного в 1563 г., отправили с посланием Ивана IV в Сибирь. Посчитав, что первое

[1] СГГД. М., 1819. Т. 2. № 45. С. 63–65; АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 179. С. 340–341.
[2] РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14.
[3] ПСРЛ. Т. 13. С. 248, 276, 285, 313, 370.
[4] Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 97. Л. 189 об.

послание не дошло, Кучум, возможно, летом-осенью 1570 г. посылает однотипное послание, а на словах сообщает о том, что уже начал собирать дань.

Предыдущие публикаторы относят послание Кучума к 1570 г., ссылаясь на сообщение о том, что 17 марта 1570 г. в Москву было привезено письмо от Кучума из Перми князем Никитой Ромодановским. Последнему, в свою очередь, это письмо около Николина дня осеннего привез «гогулетин из Конды Ивака Ивакин сын с Пелыма. Ему же ту грамоту дали в Сибири». Но в грамоте просят отпустить неких пленников. Аису же отпустили из тюрьмы и отправили в Сибирь уже в марте 1569 г. [Маслюженко, Рябинина][5].

В Сибири оперативно отреагировали на послание из Москвы и отправили посольство. В описании послания Кучума в Титулярнике № 3 указано, что даты нет, сами же составители этого документа указывают дату как 7080 г. Однако ответное послание царя Ивана Васильевича, размещенное ниже, имеет дату: октябрь 7080-го. Соответственно, данное послание Кучума в Москве должно было оказаться не ранее сентября этого года.

Дело было известно в архиве Посольского приказа еще в 1626 г.[6] С конца XVIII в. грамота и сопутствующие документы составляли четыре архивных дела: 1) грамота Ивана IV (из Александровской слободы) в Москву к боярам о сибирском царе; 2) известие из Перми о сибирских делах; 3) перевод грамоты Кучума; 4) отписка из Москвы от бояр (21 марта 1570 г.) к государю Ивану IV о сибирских делах[7]. В XIX в. отписка земских бояр, известия из Перми (17 марта 1571 г.) и грамота Ивана IV были опубликованы[8]. При этом грамоту Кучума издатели ошибочно отождествили с грамотой 1569 г.

В это время Кучум вел войну с Казахской Ордой и нуждался в союзниках. Он согласился выплачивать дань Москве в том же объеме, что платили Тайбугиды. Для этого в Россию отправили посла Таимаса, гонца Аиса и (абыза?) Магмед Бака Хозе-Сеипова сына[9]. Из Москвы они поехали с русским послом Третьяком Чабуковым и текстом шертной грамоты. Но ситуация вскоре поменялась, и в 1572 г. хан отказался от выплаты дани и пленил русского посла.

Литература

Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. № 1. С. 97–111.

[5] АИ. Т. 1. № 179. С. 340–341; РГАДА. Ф. 131. Оп. 2. Д. 2.
[6] Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 289. Л. 493 об.–494.
[7] РГАДА. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1–4.
[8] АИ. Т. 1. № 179. С. 340–341.
[9] РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 84 об.

Е. В. Белякова (ИРИ РАН)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СБОРНИКА ЗИНАР (ПСЕВДОЗОНАР) У ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ОПЫТЫ ЕГО ИЗДАНИЯ

В 2018 г. в Словацкой академии наук было подготовлено под руководством профессора П. Женюха издание Ужгородского списка сборника Зинар, или Псевдозонар, рубежа XVI–XVII в. (из собрания Закарпатского этнографического музея И-437). К участию в издании были привлечены Д. Найденова и автор данной работы. Хотя в основу издания был положен один список, международный характер издания позволил представить в нем сведения о значительном количестве новых списков этого канонического памятника. Псевдозонар является и первым печатным славянским каноническим памятником, изданным в Горажде в 1523 г. Значение сборника в Новое время только возрастало. Распространение Зинара шло параллельно с Кормчими, но по иным законам. Для понимания этих законов необходимы совместные усилия славистов по выявлению и изучению рукописной традиции этого сборника.

В российских собраниях имеется 3 списка Зинара XIV в. со среднеболгарской орфографией (ГИМ. Хлуд. 76; РГБ. Муз. 3169; РНБ. Q.II.90) и неполный сербский ГИМ. Щук. 370. Каждый из этих сборников имеет особенности в составе, связанные с утратами в тексте. Не привлекавшийся ранее исследователями Щукинский сборник важен тем, что в нем на л. 86–102 имеется начало Псевдозонара, утраченное в других списках.

К середине XIV в. относится и сборник ЦИАИ (София). 1160. Этот список был издан фототипически в Шумене в 2007 г. Ц. Янакиевой и А. Кръстевым[1]. В состав рукописи из ЦИАИ входят статьи, которые не встречаются в других ранних списках Псевдозонара. Но ряд статей из этой рукописи повторяется, по наблюдениям Д. Найденовой, в окончании 7 молдавских списков XVI–XVII в. [Žeňuch и др., s. 232–235].

С XIV в. распространяются и сокращенные Псевдозонары. Особое значение имела глава «О иноках и о иереях и прочая главы и о смиренномудрии, повеление святых 318 отец». Эта статья нередко открывает в сборниках выборку из Псевдозонара, наиболее ранний болгарский список конца XIV в. – «Ловчанский» БАН 13.3.77 (Яцимир. 44). Такие выборки имеются и в сербских и в восточнославянских сборниках XV в., представляющих собой новый тип монашеских собраний. Д. Найденова выделила сборники с этой статьей в особую редакцию, отнеся к ней и «Порфирьев Номоканон» (РНБ. Q.II.90), с чем вряд ли можно согласиться, так как рукопись из РНБ содержит полный текст Псевдозонара. К этому типу сборников относится опубликованный сборник начала XV в. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря[2]. Та же подборка из Зинара имеется и в сборнике РГБ. Унд. 35. Главы из Зинара выявлены и в составе Горичского сборника (САНУ. 446).

Путь памятника на русский север связан с книжностью Новгорода: в Новгороде была переписана Соловецкая Кормчая 1493 г., в состав которой входил полный список Псевдозонара. В Лисицком монастыре был написан и Великий Требник в 1504 г., в состав которого также вошел Псевдозонар (РНБ. Сол. 1085/1094). Выявление Требников, содержащих статьи из Зинара, – это особая задача, позволяющая понять место памятника в канонической традиции[3]. Вошел Псевдозонар и в сборник, содержащий Кормчую западнорусской редакции (РГБ. Егор. 245).

В XVI в. Пседозонар активно переписывали книжники Московской митрополии, сложился особый тип с учительными статьями, представленными группой из 7 рукописей.

Следующий этап редактирования сборника – составление оглавления в 151 (152) главах, которое присутствует, в основном, в молдавских списках. Это редактирование, как можно предположить, осуществлялось под влиянием печатных изданий. Рукописи в 151 главу делятся на группу, восходящую к ЦИАИ. 1160, так как последние дополнительные статьи совпадают с дополнительными статьями этой рукописи, и группу без дополнительных статей[4]. Эта группировка нуждается в дальнейшем уточнении, потому что имеются общие вставки в РГБ. Рог. 205 и Ужгородский Пседозонар, что позволяет предполагать возможность иной группировки списков. Изданный Ужгородский список имеет запись о смерти создателя Манявского скита Иова Княгинецкого и его сподвижника Феодосия. Это позволяет говорить о том, что список находился какое-то время или в Манявском скиту, или в других скитах, с ним связанных.

В молдавской рукописи 1557 г. (Bar Ms. slav. 636) тексту Пседозонара предшествует Предисловие покаянию, которое в редакции в 200 главах стало последней главой. Редакция в 200 главах, несомненно, украинского происхождения и имеет два вида: 1603[5] и 1620 г. Эти виды отличаются записью с обозначением года в указателе статей, а также маргиналиями. Редакция 1620 г., как правило, встречается в сборниках, в которые входят Матфей Властарь, Номоканон, Зинар. Она содержит ссылки на Стрятинский Требник 1606 г. Составление новых редакций сборника на этом не завершилось: появилась новая редакция, включающая «Науку иереям».

В XVIII в. последовали старообрядческие издания сборника и его продолжали копировать.

Наличие разных типов научных изданий этого канонического собрания открывает возможности для выявления новых списков памятника, имевшего большое значение в славянском православном мире.

Литература

Žeňuch P., Белякова Е., Найденова Д., Zubko P., Marinčák Š. Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníšskeho a svetského života z prelomu 16. – 17. storočia. Bratislava, Moskva, Sofia, Košice, 2018.

[1] Архивски Номоканон. Български ръкопис от XIV век. Фототипно издание. Шумен, 2007.
[2] Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. СПб., 2003.
[3] До сих пор неизвестно местонахождение Требника с Зинаром и Скитским уставом, описанного В. Мошиным.
[4] Один из списков этой группы из собрания Народной библиотеки «Иван Вазов» № 101 был издан А. Кемаловой с указателем слов: *Кемалова А.* Един юридический сборник от XVI век. Пловдив, 2016.
[5] Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 306. Собр. Киево-Печерской лавры. № 81.

М. В. Бибиков (ИВИ РАН)

ГРЕЧЕСКОЕ ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО В АФОНСКОЙ РУКОПИСИ

В непосредственной связи с представленными на прошлой конференции трудами Иакова Неаскитиота [Бибиков, 2017; Бибиков, 2018] находится еще один кодекс, хранящийся на Афоне в рукописном собрании библиотеки Русского монастыря Св. Пантелеимона[1]. Это — Codex Athous Panteleemon. gr. 83, который исходя из его содержания можно назвать «Славянским сборником», ибо книга включает неизвестные доселе греческие переводы древнерусских литургических и агиографических памятников и другие материалы по русской, сербской, болгарской истории Афона.

Кодекс форматом 330 × 210 мм содержит 148 листов. Как следует из колофона, рукопись переписана «рукой Иакова Святогорца пресвитера», то есть известным Иаковом Неаскитиотом. Сборник содержит греческие тексты «Последования святому Покрову», «Последования преподобному Антонию Россу» (то есть Антонию Печерскому), его Житие, Службу Феодосию, игумену Печерскому, и другие тексты.

На обороте начального (вне счета) листа помещен обзор оглавления книги. На л. 1 — трехцветный орнамент (зелено-желто-красный) и киноварная лемма Службы Покрову Богородицы: «1 октября месяца — память сверхчудесного св. Покрова Богородицы» (до л. 7). На л. 7 об.—14 об. расположено «Чудесное Повествование с Энкомием светоносному хрустальнозвучному пресвятому Покрову всепресвятой Госпожи нашей Богородицы и приснодевы Марии, как то видел св. Андрей во Христе Юродивый». На л. 14 об. читаем текст Георгия Схолария (патриарха Геннадия) из определений собора против Иоанна Векка, нач.: «(О том), что Латиняне в согласии с Иудеями, и Армянами, и Яковитами, и несторианами, и монофелитами, и другими… в году 6798 (1285)».

На л. 15 начинается текст Службы Антонию Печерскому: «10 (числа) июля месяца Последование с пением блаженного отца нашего Антония Росса». А на л. 19 об. (до л. 22) следуют стихи песнопений «Того же месяца, 10 (числа) — Память блаженного отца нашего Антония, который возвел в Киеве российском пещерный монастырь, названный Персечуи, и ученика его преподобного Феодосия…». На л. 23—35 помещено Житие Антония Печерского: «Житие и божественные деяния преподобного отца нашего Антония Росса и святогорца». В завершение текста Иаков свидетельствует (Л. 35): «Переведено и передано на языке со славянского русского “иллирийского” наречия на нашу обыденную греческую речь — мной, грешным и несчастным монахом Иаковом Святогорцем для пользы читающим братьям. Когда и храм во имя его (Антония. — *М. Б.*) был воздвигнут на горе, названной Самарийской, вне святой обители Эсфигмена. В год Спасителя 1848 в месяце июле. О каковом помолитесь, читающие».

На л. 35 об.—40 об. помещено Житие Феодосия Печерского. Раздел открывает черно-красный орнамент с надписанием киноварью: «Преподобного Феодосия». И далее — текст леммы: «Житие вкратце преподобного отца нашего Феодосия — ученика преподобного Антония, игумена Обители Пресческвуи, т. е. Пещерной».

Л. 41—47 занимает Повествование об Успенском соборе (в Киево-Печерской лавре). Черно-красный орнамент предваряет развернутую лемму сочинения: «Повествование о возведении чудесного Храма Успения Богородицы. И необыкновенная история, каким образом он возник в начале. Как блаженный Симон, ставший затем епископом Владимира и Сусдаря (так! — *М. Б.*), написал. И как он взял от образа распятого чудный серебряный венец и золотой пояс. И какого размера в соответствии с этим был воздвигнут тот священный Храм».

Новый раздел сборника открывается на л. 47 об. после многоцветного (зелено-желто-черно-красного) орнамента новым агиографическим текстом: «Месяца ноября, 23 (числа) — Последование св. Митрофана». На л. 48—[53] после трехцветного орнамента (черно-желто-красного) переписаны стихи Службы свт. Митрофану Воронежскому. Наконец, на л. [53]—69 об. помещено «Житие во святых отца нашего Митрофана, названного в ангельском чине Макарием, первого епископа Воронежа, чудотворца; переведено с русского наречия на наше».

Следующий раздел на л. 69 об.—72 (за черно-красным орнаментом) посвящен Энкомию апостолу Андрею Первозванному.

На л. 73—81 об. помещена «Заметка о подвизавшихся на Св. Горе Афон при богоненавистниках-папистах преподобных богоносных отцах наших». В лемме же указано: «Переведено со славянского», — что важно для «Славянского сборника».

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность Институту Русского Афона под руководством В. И. Пирогова и Д. В. Зубову, благодаря которым стали возможны археографические экспедиции на Афон в 2015 и 2018 г.

Далее Иаков Неаскитиот разместил на л. 82–82 об. «Краткое повествование о блаженнейшей памяти святых патриархах Иерусалимских Досифее и Хрисанфе (Нотаре)» — текст, также имеющий непосредственное отношение к истории русско-греческих церковных связей.

Важное значение для составителей сборника различных иноязычных, негреческих, произведений иллюстрирует колофон при лемме следующей статьи. На л. 83 после зелено-черно-красного орнамента следует «Беседа Полезная для делания умной молитвы, созданная на "дакском" наречии иеромонахом Василием, игуменом обители в Дакии (т. е. в Валахии), названной "Поиана Мерулиа"; монахом же Иаковом исправлено и украшено для лучшего усвоения читающими для всеобщей пользы душе». Так Иаков Неаскитиот характеризует собственный труд над молдо-валашским текстом. Раздел завершается на л. 113 об.

Таков состав афонского «Славянского сборника» Иакова Неаскитиота. Он создан в 1848 г. — в год работы Иакова над первой редакцией «Афониады», известной в рукописи Скита св. Анны на Афоне (Cod. Athous Sket. Ann. gr. 156). Рассматриваемый в докладе текст Жития Феодосия Печерского значительно превосходит по объему и содержанию известные до сих пор синаксарные греческие тексты памятника.

Литература

Бибиков М. В. Житие Антония Печерского в греческой традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 17–18.

Бибиков М. В. Житие Антония Печерского в греческой традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 5–11.

С. В. Богданов (ТвГУ)

КТО ИЗ ЯРОСЛАВИЧЕЙ ПОГИБ В ТВЕРИ В 1238 г.?

В 1238 г. в Твери, по сообщению Новгородской первой летописи (далее — НПЛ), погиб «сын Ярослава»[1]. Его отождествляют с сыном Ярослава Всеволодича [Кучкин, 1970, с. 104]. Существует мнение, что значение Твери в первой половине XIII в. было настолько велико, что зимой 1237/1238 г. князь Ярослав Всеволодич согласился оставить для обороны города своего сына, который стал единственным погибшим княжичем из его семьи [Кузьмин, с. 273].

Такое отождествление встречает возражения, поскольку источники не дают для него оснований. В Лаврентьевской летописи в статье 1238 г. содержится список сыновей Ярослава Всеволодича, его братьев и племянников, выживших во время нашествия[2]. Этот список М. Д. Присёлков считал завершением работы по слиянию ростовского и владимирского сводов, выполненной по заказу Ярослава Всеволодича [Присёлков, с. 141]. Ю. М. Лимонов показал, что списком княжичей заканчивался «свод Ярослава», провиденциалистский по своему характеру [Лимонов, с. 173, 179]. Составитель этой записи точно знал, что от монголов спаслись шесть сыновей Ярослава Всеволодича и что ни один из его отпрысков не погиб. Ввиду провиденциалистских настроений и ростовского, и владимирского летописцев трудно представить, что гибель княжича не будет ими замечена и он останется единственным безвестным погибшим потомком Всеволода Юрьевича.

Источники позволяют утверждать, что все погибшие князья и члены их семей были похоронены. Показательно, что останки Юрия Всеволодича были найдены на месте ситской битвы, он впоследствии был погребен в Успенском соборе во Владимире[3]. Останки Василька Константиновича были обнаружены в Шернском лесу, он был погребен в Успенском соборе Ростова[4].

В свете этих данных уместно поставить вопрос: почему же не похоронили этого неизвестного сына Ярослава Всеволодича и даже не вспомнили о нем? Ввиду имеющихся сведений полагаем, что в 1238 г. в Твери погиб не сын Ярослава Всеволодича. Но кто же тогда этот безвестный сын Ярослава и какого именно Ярослава? Таких Ярославов могло быть четыре: Ярослав Владимирович, внук Мстислава Ростиславича Храброго; Ярослав Ингваревич, внук киевского князя Ярослава Изяславича; Ярослав Владимирович, внук Мстислава Великого; Ярослав Мстиславич, сын Мстислава Удатного.

[1] НПЛ. С. 76, 288.
[2] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.
[3] Там же. Стб. 465.
[4] Там же. Стб. 476.

О последнем Ярославе можно сказать только то, что он, возможно, упоминается среди князей, присутствовавших на снеме в Киеве в 1231 г.[5], но полной уверенности в этом нет. Князь Ярослав Ингваревич впервые упоминается под 1220 г. среди князей, плененных польским королем Лешкой. Под 1226 и 1227 г. он упоминается на княжении в Луцке[6], этот город был отобран у него князем Даниилом Романовичем в обмен на Перемиль, а затем ему было дано Межибожье[7]. Дальнейшая судьба этого князя остается неизвестной, присутствие на северо-востоке его сына проблематично.

Князь Ярослав Владимирович — свояк Всеволода Юрьевича — княжил в Новгороде в 1181, 1187—1196 и 1197—1199 г., а затем в Вышгороде в 1205 г. и в Треполе в 1207 г.[8] Летописям известны его сыновья: Ростислав Ярославич (1193—1999), находился при отце в Новгороде[9], Изяслав-Михаил Ярославич (1190—1199), упоминается на княжении в Великих Луках[10], оба княжича умерли в одном году и были похоронены в Юрьевском монастыре[11]. В Н1 под 1193 г. упоминается о рождении еще одного сына Ярослава Владимировича, имя его неизвестно[12]. Его упоминание в южных городах хронологически совпадает с княжением в Переяславле Русском Ярослава Всеволодича (1200—1206)[13]. Это хронологическое совпадение представляется нам неслучайным ввиду того, что в конце XII в. «подлинным правителем» Переяславля Русского, как показал В. А. Кучкин, являлся Всеволод Юрьевич [Кучкин, 2017, с. 15—16]. Очень вероятно, что для поддержки сына на юг Руси он направил опытного Ярослава Владимировича, сведенного им в 1199 г. с новгородского стола. Таким образом, Ярослав Владимирович был тесно связан с семьей Всеволода Юрьевича, и его 44-летний сын теоретически мог быть на северо-востоке Руси в период нашествия.

Смоленский Ярослав Владимирович известен тем, что в 1233 г. захватил Изборск, но был изгнан и выдан псковичами Ярославу Всеволодичу, который заточил его в Переяславле-Залесском. В 1240 г. он при поддержке ливонцев повторно захватил Изборск, а в 1245 г. уже находился на княжении в Торжке и отражал набег литовцев[14]. Возможно, Ярослав Владимирович упоминается в НПЛ под 1225 г. вместе с отцом Владимиром Мстиславичем[15]. Под 1243 г. в НПЛ сообщается о погребении в Пскове убитой пасынком княгини Ярослава Владимировича. Это упоминание может быть симптоматичным: пасынок — это сын Ярослава, женившегося во второй раз. Не погибла ли первая супруга Ярослава Владимировича в Твери вместе с сыном зимой 1238 г.[16]?

Таким образом, упоминаемый в НПЛ «сын Ярослава» мог быть сыном одного из двух Ярославов Владимировичей, хорошо известных в Новгороде. Его статус в Твери остается под вопросом.

Литература

Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1.

Кучкин В. А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 95—112.

Кучкин В. А. Переяславль и Переяславское княжество в X — первой трети XIII в. // Российская история. 2017. № 4. С. 3—16.

Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.

Присёлков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

[5] Там же. Стб. 457.
[6] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750, 751.
[7] Там же. Стб. 753.
[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426, 428.
[9] НПЛ. С. 44.
[10] Там же. С. 39, 44.
[11] Там же. С. 44.
[12] Там же. С. 39, 41.
[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 428.
[14] ПСРЛ. Т. 3. С. 72, 77.
[15] Там же. С. 64, 269.
[16] Там же. С. 79, 297.

А. А. Бондаренко (ИРИ РАН)

НЕТШИЧИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Родословные книги XVI в. содержат уникальные известия, касающиеся службы тех или иных лиц в уделах, их отъездов и побегов за рубеж. В историографии уже ставился вопрос о полноте и достоверности этих сведений, а также возможности их сопоставления с данными других источников [Бычкова, с. 159]. Факты отъездов служилых людей, по замечанию С. Б. Веселовского, «не считались достойными сохранения в памяти потомства» — иначе в родословных книгах находилось бы большее количество подобного рода упоминаний [Веселовский, с. 120]. Отъехавшие на чужбину выпадали из поля зрения сородичей и современников и значились в родословцах бездетными, что не всегда соответствовало действительности.

В этом плане показательна судьба одного из потомков легендарного Александра Нетши — сына родоначальника Дмитриевых Михаила Шарапа. Все основные редакции родословных книг указывают на то, что он выехал в Литву с верейским князем Василием Михайловичем, где и умер бездетным[1]. Актовые источники Великого княжества Литовского опровергают показания родословцев: прожив в Литве около полувека, Михаил Шарап оставил потомство, которое прослеживается на протяжении нескольких поколений.

Обстоятельства побега Василия Верейского хорошо известны. Боясь опалы со стороны Ивана III, в 1483 г. удельный князь бежал к королю Казимиру, от которого получил в вотчинное владение ряд земель. Сведения источников о составе двора Василия Михайловича крайне скудны, Михаил Шарап среди его бояр не фигурирует. До 1507 г. он перешел на службу к другим князьям московского дома, прямым потомкам Владимира Храброго князьям Ярославичам. Это могло произойти либо после смерти верейского князя и его супруги Марии Палеолог (1501 и 1505 г. соответственно [Wolff, s. 549]), либом ранее.

Сохранилось несколько документов, фиксирующих состав земельных владений М. Д. Шарапа в Клецком и Городецком поветах — вотчине князя Ивана Васильевича Ярославича, у которого он выслужил имение Сухличи и «остров» Раков. В 1507 г. эти земли были «вечно и непорушно» подтверждены ему сыном Ивана князем Федором, дополнительно давшим своему боярину несколько «дворцов», дворов и «мест» под строительство «хором» в Клецке, Давид-Городке и их окрестностях[2]. В 1517 г. Федор Иванович пожаловал Шарапу два дворища в с. Твержичи (Отвержичи) Городецкого повета[3]. Условием владения этими имениями была служба князьям Ярославичам и их потомкам, а в случае их бездетной кончины — переход на службу к Сигизмунду I Старому. В течение 1507–1520 г. Михаил Шарап упоминался в числе бояр Ивана и Федора Ярославичей, присутствовавших при составлении ими вкладных грамот[4].

Вскоре после смерти Федора Ярославича его грамоты были подтверждены М. Д. Шарапу королем Сигизмундом I (1523 г.)[5] и королевой Боной Сфорца (1524 г.)[6], получившей владельческие права на бывшие удельные Пинское и Клецкое княжества. Будучи названным клецким боярином королевы, Михаил Дмитриевич должен был нести военную службу со своих имений в «час войны»; по переписи литовского войска 1528 г. он выставлял с них трех коней[7]. Последнее упоминание Михаила Шарапа датируется концом 1535 г., когда он отказался выкупать заложенные его сыном Самсоном Шараповичем по прозвищу Рума дворища с. Твержичи[8].

Впоследствии потомки Шарапа утратили и остальные земли в Клецком и Городецком поветах, именуясь в документах черниговскими и новгородскими боярами (земянами). Родовое прозвание

[1] «А у Дмитрея у Ивановича, у Данилова брата, дети: Шарап, съехал со князем Васильем с Верейским в Литву, да Петр Шибра, служил Шемячичу, да Иван, служил князю Дмитрею, да Федор, да Угрим, да Услюм, пять их бездетны, а у одного у Ивана дети» (Новые родословные книги XVI в. / Подгот. к печ. М. Е. Бычкова // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 158–159).

[2] Государственный архив Нижегородской области. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 181. Л. 1 (подлинник, см. публ.: *Пудалов Б. М.* Жалованная грамота князя Федора Ивановича Ярославича 1507 года // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 63–64); РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 38. Л. 548–549 (список 1596 г.); РГАДА. Ф. 1603. Оп. 4. Д. 3507. Л. 5 об.–6 (список 1677 г.).

[3] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 4. Д. 3507. Л. 2.

[4] Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильна, 1867. С. 130, 296, 297, 349; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси (далее — АСЗР). Вильна, 1896. Т. VI. С. 16.

[5] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 38. Л. 549–550.

[6] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 4. Д. 3507. Л. 11–11 об.

[7] Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга публічных спраў 1. Мінск, 2004. С. 152.

[8] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 135–136 об.

Шараповичи надолго закрепилось за ними, но при этом было приобретено и другое — Бакановские, полученное по одному из их имений. В 1551 г. Сигизмунд II Август даровал Андрею Самсоновичу «Шарапе Бакану Бакановскому» несколько волок земли, придав их к его дворищу Шараповщизне[9]. После взятия Великих Лук в 1580 г. Стефан Баторий назначил на должность местного городничего Ивана Самсоновича «Бакана Шарапу Бакановского»[10]. Правнукам М. Д. Шарапа, Петру Андреевичу и Григорию Ивановичу Шарапам Бакановским, Сигизмунд III в 1589 г. пожаловал черниговское село Иванчицы[11]. Из документов середины XVII в. известен смоленский стольник Самюэль Шарапа Бакановский[12]. Во время осады Смоленска русскими войсками в 1654 г. он руководил обороной Пятницких водяных ворот[13]. Списки упомянутых выше грамот 1551, 1580, 1589 г. были включены в «экстракт» Яна Собеского, выданный в 1677 г. смоленскому подстолему Василию Шарапе Бакановскому.

Актовые источники, таким образом, позволяют дополнить и существенно расширить сведения родословных книг об отдельных представителях служилого сословия. В случае с Михаилом Шарапом — потомком Александра Нетши в четвертом колене, о котором русские источники не оставили никаких известий, — акты дают информацию о его службе удельным и великим литовским князьям, ассимиляции его потомства в среде польско-литовской шляхты, данные о служебной карьере некоторых членов этой ветви Нетшичей.

Литература

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

[9] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 4. Д. 3507. Л. 20.
[10] Там же. Л. 20—20 об.
[11] Там же. Л. 20 об.—21.
[12] Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego księstwa Litewskiego. Województwo Smoleńskie 1650 r. Warszawa, 2009. S. 90.
[13] АСЗР. Вильна, 1904. Т. XIV. С. 28, 36.

Д. М. Буланин (ИРЛИ РАН)

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛОВ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА (АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ КАК ИДЕАЛ ПРАВИТЕЛЯ)

Грандиозный поход македонского царя и создание первой в человеческой истории многонациональной империи привели к эллинизации целого конгломерата народов Запада и Востока. Не приходится удивляться, что образ Александра Македонского в той или иной форме запечатлелся в разных культурах на обширной территории Евразии, а возникавшие там государственные образования, случалось не раз, объявляли себя наследниками царства Александра. Наиболее последовательно парадигматическое значение созданной македонским царем державы было осмыслено в императорском Риме и в объявившей себя его наследницей Византии. Император рассматривался как реинкарнация македонского царя, а в христианскую эпоху — как его функциональный эквивалент (imitatio Alexandri). Его образ, с целым набором символических ассоциаций, получил широкое распространение в панегирической литературе, причем в учебниках по красноречию ораторам специально рекомендовалось сравнивать с Александром объект прославления (Менандр Ритор). Образ Александра становится элементом императорского культа, который имел в Византии не только политическое, но и сакральное измерение и который обеспечивался своеобычными литературными жанрами. Один из них — «княжеское зерцало», лучшие византийские представители которого, в отличие от энкомиев, содержат нелицеприятный урок царям. Выразительные контрасты «княжеского зерцала», внушавшие правителям мысль о бренности человека, независимо от его сана, расценивались как эффективное профилактическое средство против склонности облеченных властью к гордыне (hybris).

Образ Александра Македонского, очень рано проникший в культуру Древней Руси и использовавшийся в разных жанрах письменности, нес там сугубо декоративную нагрузку, потому что само понятие империи долгое время оставалось здесь инородной политической и религиозной идеологемой. Византийские тексты, генетически связанные с императорским культом и доходившие до славян в виде

переводов, в том числе «княжеские зерцала» («Наставление» Агапита, «Тестамент» царя Василия), воспринимались на Руси как нравоучительные произведения общехристианского назначения. Положение дел резко изменилось с конца XV в., когда со всей остротой встал вопрос об идеологическом строительстве «священного царства» (читай: империи) с центром в Москве, которое возглавило бы православный мир вместо оказавшейся во власти неверных Византии. При этом Москва отнюдь не горела желанием стать прямой наследницей бесславно павшей империи. Кроме того, у московитов было довольно смутное видение самой категории империи, так что идеология новоявленного «священного царства» собиралась по частям из разных доступных источников, иногда полностью деформировавших исходную модель. Не удивительно, что с точки зрения византийской политической философии выстроенная в Москве имитация «священного царства» выглядела «доморощенной». Такой, надо думать, ее видел ориентированный на византийское наследие Максим Грек, который мечтал внедрить в московскую идеологию подлинные имперские стереотипы и который в одном из первых обращений к великому князю демонстративно именовал его «Василие Иоаннович Палеологе». Годы заточения научили со временем афонского старца быть в проявлениях своего византиноцентризма более осторожным. Тем не менее характерно, что именно Максим Грек несколько раз совершал поползновение внедрить в московскую письменность «княжеские зерцала» византийского образца. Причем неизменно в качестве достойного подражания идеала предлагался Александр Македонский, что можно квалифицировать как еще одну примету византийских пристрастий автора.

Первые книжные опыты, напоминающие о византийских «княжеских зерцалах», предпринятые Максимом до суда 1525 г., сохранились только в виде заготовок — переводов и заново отредактированных переводов греческих произведений и их фрагментов. Они воспроизводятся, а отчасти только называются в списке Кормчей Вассиана Патрикеева, отражающей поздний этап его работы над памятником, к созданию которого приложил руку и Максим Грек (Владимиро-Суздальский музей-заповедник. № 5636/399). Глава о царской власти включает: «Наставление» Агапита (редакция Максима Грека), «Тестамент» Василия (только называется), Послание патриарха Фотия Михаилу Болгарскому (только называется), мелкие переводы: извлечение из «Исагоги», два послания Аристотеля Александру Македонскому (в оригинале — Филиппу), беседу Александра с Филиппом, позаимствованную из речи Диона Хрисостома. Перечисленные тексты (включая «Тестамент» и Послание Фотия в редакциях Максима Грека), отчасти с дополнениями, восприняты были рукописной традицией Волоколамского монастыря. Тенденция комплекса ясна: в Византии Номоканон служил действенным орудием императорской пропаганды, с каковой целью для русского аналога Номоканона афонский старец и собрал названные тексты.

Яркий образец «княжеского зерцала» в византийском роде видим в «Поучениях» Валашского господаря Нягое Басараба его сыну Феодосию. «Поучения» известны в трех версиях — славянской, румынской и греческой. Кроме того, обнаружена была до сих пор не опубликованная частичная переделка греческой версии (работа не была закончена), где в роли автора выступает Василий III, а адресатом писания обозначен его сын, будущий Иван Грозный (Roma. Vallicellianus R100). Согласно весьма правдоподобному предположению И. Шевченко, эта перелицованная редакция произведения принадлежит Максиму Греку. Замечательно, что в «Поучениях» также фигурирует образ Александра Македонского. Царь объясняет Аристотелю, что он завоевал мир благодаря трем добродетелям — верности своему слову, правосудию и щедрости. Наконец, на склоне своих дней Максим Грек сподобился-таки написать собственный вариант «княжеского зерцала» под названием «Главы поучительны к начальствующим правоверно» (числом 27), которые были адресованы царю Ивану и которыми завершалось очередное прижизненное собрание сочинений афонского эрудита (в 25 глав). Из произведения полностью выхолощен тот боевой социальный пафос с нотами эгалитаризма, которым пронизаны лучшие византийские «зерцала». Содержание «Глав» мало отличается от традиционного напутствия правителю его духовника, преимущественно ограничиваясь рецептами, приличными для любого частного лица. Фиксируемая таким образом эволюция жанра «зерцала» в интерпретации Максима соответствует общей динамике его творчества. В последний период жизни, после всех своих злоключений, писатель был весьма осмотрителен в выборе тем и в их разработке. И все-таки отпечаток византийской традиции налицо и в «Главах»: в одной из рукописей (РНБ. Q.I.219) сохранился уникальный вариант произведения с добавленными в конце пятью главами, которые заметно оживляют обезличенный текст. Последняя из дополнительных глав предлагает в назидание царю легенду об Александре Македонском, восходящую к «Жизнеописаниям» Плутарха и иллюстрирующую щедрость греческого царя.

И. Г. Бурцев (ГМЗ «Куликово поле»), А. В. Дедук (РГАДА)

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОРЛОВЫХ ВОРОТ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ КОНЦА XVI – XVII В.

В середине XVI в. для защиты Московского государства от набегов крымских татар и ногаев к югу от р. Оки была сооружена грандиозная система оборонительных сооружений — Черта (Засечная черта [Яковлев, с. III и др.]). Строительство ее началось не позднее 1554 г. и закончилось к 1558–1560 г. [Бурцев, Конорев, с. 278–279; Бурцев, 2018, с. 7]. По данным письменных источников, Черта состояла из многих видов заграждений [Бурцев, 2015, с. 18][1]. Основные заграждения — засеки, то есть лесные завалы с подрубленными деревьями, — не сохранились. Но проведенное в 1751 г. отмежевание засек, приписанных к Тульскому оружейному заводу, от частных земель[2] сохранило на территории Тульской и Калужской областей основной массив засечных лесов.

В настоящее время ключевой проблемой изучения засек стала локализация фортификационных сооружений, поскольку в Черту входили специальные проходы сквозь засеки («ворота») — контрольно-пропускные пункты, поставленные на дороге и состоящие из совокупности сооружений (лесные завалы, надолбы, частоколы, валы, острожки, башни и городки). В XVI в. здесь действительно ставили ворота, а в XVII в. — строили остроги, вооруженные пушками.

Единственным пока известным сохранившимся подобным комплексом являются «Орловы ворота», получившие название от с. Орлово, расположенного в 1,5 км южнее засек. Впервые Орловы ворота упомянуты в разрядной книге 1475–1598 г. под 1595/1596 г.[3] К сожалению, пока неизвестно, какие сооружения были возведены там первоначально. По досмотру 1638 г. князя Н. М. Барятинского и Д. Шакурова «старых, государь, крепостей, на той засеки у Орловых варот нет никаких, все погнили, только, государь, знак есть, где какие крепости были…»[4]. «Засечная книга» 1638 г. говорит о трех старых воротах в южной части засек, расположенных друг от друга на расстоянии около 85 и 640 м (40 и 300 саж.)[5].

В 1638 г. на расстоянии около 240 м (112 саж.) к северо-западу от старых ворот под руководством воеводы князя Н. Барятинского был поставлен обнесенный рвом острожек. Размеры его составляли около 52 × 50 м (24 с локтем × 23,5 саж.), высота стены — более 4 м (2 саж.). Проездная южная башня имела размеры около 8 × 10 м (4 × 5 саж.). На месте трех старых ворот на дороге были возведены так называемые «опускные надолбы», вокруг острожка был выкопан ров, поставлены ряды надолбов.

Тогда же (уже на пространстве Лихвинских засек) «на погорелой поляне была сделана земляная крепость»[6], которая позже в документах фигурировала как «опасный городок»[7] и «город стоялой земляной, где стоять в приход крымского царя и царевичей, и больших воинских людей»[8]. Городок был обнесен рвом и имел размеры около 330 × 106 м (155 × 50 саж.), высота стен составляла около 3 м (1 кос. саж. с локтем), высота земляных башен — около 3–4 м (1,5–2 саж.), в нем были 4 земляные и 2 проездные деревянные башни.

Впервые остатки этих объектов выявил в 1947 г. А. В. Никитин, который провел их глазомерную съемку. Он определил размеры крепостей как 41 × 32 м для острожка и 300 × 110 м для городка. К сожалению, он неверно определил конфигурацию крепостей [Никитин, с. 182–183]. Проведенные в данном районе сотрудниками Тульской археологической экспедиции топографические съемки показали другие размеры: около 50 × 50 м для острожка и около 360 × 120 м для городка. Земляной городок имеет один редут и три 5-угольных бастиона[9]. Есть основания считать, что эти крепости были возведены стараниями голландского инженера Яна Корнилова [Яковлев, с. 45].

В ходе археологических исследований на земляном городке были собраны фрагменты белоглиняной керамики XII–XIII, XIV–XV, XVI–XVIII в. В восточной части памятника найдены фрагменты грубой лепной керамики раннего железного века. Здесь были обнаружены железные изделия, в том

[1] Засечная книга 1638 года // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1960. Вып. 23. С. 189–252.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 601. Л. 162–163 об.
[3] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 524–527.
[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Стб. 81. Л. 82.
[5] Засечная книга 1638 г. С. 205.
[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 97. Л. 162.
[7] См., например: Там же. Стб. 561. Л. 96, 97.
[8] Засечная книга 1638 г. С. 208.
[9] *Столярова К. А.* Отчет об археологической разведке в Щекинском районе Тульской области в 2017 г. Тула, 2018. Т. 1 // Архив ИА РАН. С. 48, 50.

числе кованая дверная петля и нож. На площадке острожка «у ворот» был заложен шурф 1 × 1 м, из которого происходят фрагменты круговой белоглиняной керамики XVI — начала XVIII в., подобная керамика найдена по склону примыкающего к объекту оврага. С площадки острожка происходит 50 находок XVI–XVIII в. — предметы быта и одежды, конского снаряжения, топоры, нательные кресты, наконечник стрелы, монеты, свинцовый брусок (вероятно, для отливки пуль), свинцовая прикладная печать[10]. В центре печати предположительно изображен двуглавый орел, надпись, возможно, читается как: «На мижи п[е]чать ... замок».

Проведенные археологические исследования подтвердили достоверность информации письменных источников и заложили основу для дальнейших поисков подобных воротных комплексов на остальной территории Черты.

Литература

Бурцев И. Г. Тульские засеки XVI–XVII вв.: историко-археологическое изучение // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 18–19.
Бурцев И. Г. Засечная черта Русского государства. Краткий исторический очерк // По следам Засечной черты. Тула, 2018. С. 4–17.
Бурцев И. Г., Конорев М. Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 272–282.
Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3 (МИА. № 44). М., 1955. С. 116–213.
Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.

[10] Там же. С. 48, 52–54.

И. Г. Бурцев, Е. В. Столяров (ГМЗ «Куликово поле»)

ТУЛЬСКИЙ МЕТАЛЛ В XIV–XV В. (ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Тульский регион имеет давние металлургические и кузнечные традиции. Именно здесь в 1632–1636 г. на реке Тулице строятся первые в России вододействующие доменные заводы голландца А. Д. Виниуса.

Изучение истоков тульской металлургии представляется весьма актуальной темой для исследования. К сожалению, данные письменных источников и материалы археологических исследований до последнего времени не могли прояснить раннюю, дозаводскую историю металлургического производства в Тульском железорудном районе (XII–XV в.). Кроме того, сложилось устойчивое, ничем не подкрепленное мнение, что древнерусскими металлургами железорудный район к югу от Тулы еще не был разведан.

В рамках археологических работ последних лет обследован ряд памятников археологии, непосредственно связанных с металлургическим производством. На некоторых поселениях выявлен полный цикл средневекового металлопроизводства: от добычи болотной руды (рудокопные ямы), ее варки и до изготовления изделий (мастерские). На десятках поселений зафиксированы следы металлургического производства: находки металлургических шлаков и сопел.

Столь ранняя история металлургического производства в тульском железорудном районе, безусловно, объясняется спецификой сырьевой базы. Производство здесь базировалось на разработке крупных поверхностных месторождений руд, а их залежи могли быть отработаны открытым способом.

Е. С. Бутрин (Государственный архив Ивановской области)

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVII в. (НА МАТЕРИАЛЕ г. ШУИ)

Важной составляющей тяглового единства посадской общины была «выпускная земля», принадлежавшая всему обществу и использовавшаяся им в качестве промысловых угодий. Особенности коллективного землевладения посадской общины подробно рассмотрены А. С. Лаппо-Данилевским. Он отрицал передел участков собственно посадской земли, общинное же владение мирскими угодьями (в том числе

и долевое — пахотными землями) напрямую выводил из тягла [Лаппо-Данилевский, с. 116–118]. Н. Д. Чечулин находил в XVI в. следы общинных переделов огородных (и даже лавочных) владений в городах, но его соображения не выглядят убедительными [Чечулин, с. 322].

Постараемся рассмотреть этот вопрос на материале общинного землевладения в г. Шуе. В сказке от сентября 1641 г. шуяне сообщают, что «исстари пожалованной» землей «со всеми угодьи сенными покосы мы владеем нерозделно вопче, а лес на той посадцкой земле чистим под пашню для пустоты»[1]. Следовательно, работы по организации общинной пашни велись всем «миром». Процесс эксплуатации пахотной земли характеризуют мирские приговоры, принятые в земской избе «на сходке» 10 апреля 1681, в апреле 1691 и в мае 1717 г. [Борисов, т. 1, с. 63; т. 2, № 222, 241, с. 461, 473]. В 1681 г. шуяне «приговорили разделить пахотную землю во всех шуйских трех полях по своим тяглам впредь на десять лет». В раздел было положено 63 полосы в поле «а в дву потому ж». «Тягло» с полосы составляло 50 денег. Отдавать пахотную землю сторонним людям «по свойству, по дружбе или в наем» было запрещено. В случае нарушения запрета «хотя на один год или на лето» земля отбиралась в мир и отдавалась «из миру в наем». В случае смерти лиц, владевших землей по малому тяглу, их наследники могли «тою землею владеть до урочных десяти лет безденежно», тогда как наследники крупных тяглецов должны были оплачивать оброк.

Применялась сдача земли в аренду между членами посадской общины, о чем свидетельствует челобитная шуянина А. Г. Посникова на М. И. Мунина от 8 июня 1671 г.: земля арендовалась на 10-летний срок, и отказаться от аренды ранее было невозможно [Борисов, т. 2, № 130, с. 405–406]. В приговоре 1691 г. условия раздела, кроме производства его «по тяглам» и десятилетнего срока, отсутствуют. В 1717 г. поле также было разделено «впред на десят лет безпереговорно». При этом размер тягла с полосы уменьшился до 20 денег. В данном приговоре оговорены условия «покупки» тягла одним шуянином у другого: владелец «большого тягла» обязан был вносить плату за него в земскую избу. Данное положение развивало тезис приговора 1681 г.: условия при наследовании тягла распространялись и на покупателя, получившего его благодаря приобретению городского двора с наделом в мирской пашне.

Первые два поля, как указано в приговоре 1691 г., представляли собой озимое и пар, а третье (за р. Тезой) — яровое. Озимое и паровое поля требовалось делить к началу следующего сельскохозяйственного цикла. Сохранился полный текст приговора 1681 г. с «полосной росписью» с полной «городебной» росписью к нему[2], неполная «полосная роспись» к приговору 1691 г.[3], а также «полевые» росписи к приговору 1681 г. — «поля, что за рекою Тезою»[4], поля «что за Троицею от Юрчаковского поля» и «Троецкого поля от межи до Бражникова лугу»[5]. Анализ этих документов свидетельствует о довольно сложной системе распределения пашенных угодий между тяглецами. После составления приговора производился «разруб» тяглецов на 63 полосы: каждый получал надел в определенной полосе исходя из тягловой мощности хозяйства. Таким образом, целый ряд крупных тяглецов имели в своем распоряжении наделы в нескольких полосах (И. К. Мыльников имел земли на 160 денег в 4 полосах), тогда как «молодшие люди» довольствовались скромными владениями в одной полосе (Ф. И. Сыромятников имел надел лишь на 1 деньгу). При этом значительное число тяглецов (включая некрупных) имели владения в нескольких полосах — это свидетельствует о том, что механизм распределения не был отработан. Полностью распределить землю по «тяглам» не удалось — часть ее на 22 деньги в 2 полосах была оставлена за «миром». Следующим этапом оказалось распределение работ по огораживанию всех трех полей: в случае пренебрежения этими обязанностями мирской приговор предоставлял «миру» право «на того огурщика бити челом из потравы».

Как свидетельствует анализ состава «городебщиков», они выбирались из числа владельцев крупных наделов. При этом состав полосных владельцев, определенных в первом списке, во внимание не принимался: крупные тяглецы объединялись для исполнения работ на полосах, не принадлежавших им. Что касается «полевых» росписей к приговору 1681 г., то при значительном совпадении (более 90 % персоналий) с исходной «полосной росписью», в них имеются некоторые отличия. Они преимущественно касаются наиболее крупных тяглецов, получавших дополнительные полосы к своим наделам. В данном случае можно вести речь об аренде крупных земельных участков: тогда оброк с полосы в земскую избу уплачивал арендатор и именовалась она уже по имени нового владельца[6]. При этом сравнять все

[1] РГБ. Ф. 67. Карт. 2. Д. 37. Л. 1–2 об.
[2] РГБ. Ф. 204. Карт. 26. Д. 3. Л. 1–18 об.
[3] РГБ. Ф. 67. Карт. 2. Д. 88. Л. 1–7.
[4] РГБ. Ф. 346. Карт. 1. Д. 70. Л. 1–2 об.
[5] РГБ. Ф. 67. Карт. 2. Д. 48. Л. 1–4 об.
[6] РГБ. Ф. 67. Карт. 6. Д. 64. Л. 1.

полосы при разделе не удалось: уже в «городебной» росписи упоминаются 4 полосы с 10-алтынным «наметом» (положенных в тягло 60 денег). В полосных росписях фигурируют уже «сравненные» полосы: 7 «больших» полос (по 56 денег) и 6 «малых» (по 44 деньги) в озимом поле и 6 «больших» и 5 «малых» полос в паровом.

Итак, пахотная земля распределялась исходя из тяглового оклада, который представлял собой условную величину, рассчитанную в денежном эквиваленте. Продажа городского двора влекла за собой и переход привязанной к тяглу пахотной земли к новому владельцу. Размер этого эквивалента мог значительно варьироваться (от 50 денег тягла с полосы в 1681 г. до 20 денег в 1717 г.). Во втором случае общий размер тягла составлял 1260 денег, что хорошо согласуется с размером оклада «по торговому промыслу и по пожиткам», обозначенным в окладной росписи И. Я. Голятина от февраля 1717 г.[7] Реальный размер тягла и «полосного оброка» эта величина определяла только относительно (в 1679/1680 г. оброк с полосы составлял 50 коп.).

Таким образом, шуйские материалы свидетельствуют о том, что владение пахотной землей жестко привязано к посадскому тяглу. При этом для ведения реального пашенного хозяйства широко применялась аренда, но лишь на полный срок до передела и исключительно внутри посадского «мира».

Литература

Борисов В. А. Собрание трудов (материалов) / Ред. Вопилин Е. Г., Баделин В. И. Иваново, 2002–2005. Т. 1–3.

Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.

[7] Государственный архив Ивановской области. Ф. 324. Оп. 1. Д. 611. Л. 1–8 об.

Е. С. Быстрова, Е. М. Лоцманова, Е. А. Ляховицкий, И. А. Поляков, Е. С. Симонова (РНБ), Д. О. Цыпкин (СПбГУ)

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЧЕРНИЛА В СИСТЕМЕ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Всестороннее изучение производства и функционирования в книгописной практике красителей, используемых для письма, — одна из важнейших задач исследования рукописных документов как явления материальной культуры.

Есть все основания полагать, что физические свойства красителей могут указывать на время и место создания рукописного памятника, то есть потенциально являются носителями информации, значимой для датировки и локализации по месту производства списков древнерусских текстов. Так, опыт визуализации водяных знаков древнерусских рукописей показывает, что цифровая съемка в ближней инфракрасной (ИК) области спектра, активно используемая с начала 1990-х годов в Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей РНБ в качестве основного метода «очистки» изображения маркировочного знака бумаги от текста [Цыпкин, с. 158–159], как правило, демонстрирует высокую эффективность применительно к памятникам XV в., существенно сниженную для памятников XVI в. и весьма низкую для памятников XVII в. Это, очевидно, указывает на хронологические различия спектральных характеристик чернил, использовавшихся древнерусскими писцами.

Выявление отличий в спектральных характеристиках чернил различных частей одного документа (например, основного текста и правки) имеет важное значение и для текстологических исследований. Они могут быть использованы для реконструкции процесса работы по переписке и редактированию текста — для выделения в нем различных «слоев».

Важным обстоятельством является и то, что чернила были неотъемлемым элементом рабочей повседневности древнерусского писца, который в разные периоды времени должен был иметь дело с существенно различающимися по своим свойствам и качеству писчими материалами (пергаменом или бумагой), применяя типы письма, принципиально различающиеся по своей технике (книжное письмо и скоропись). Соответственно должны были меняться и представления пишущего о необходимых и

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-00-00311 КОМФИ (руководитель проекта Д. О. Цыпкин).

желательных качествах красителя для различных случаев писцовой практики, которая предполагала решение как утилитарных, так и эстетических задач (создание роскошных кодексов и грамот). Не проводившееся до настоящего времени системное исследование этих представлений должно помочь вскрыть фактически не изученный пока «пласт» древнерусской культуры повседневности — категории и структур профессионального писцового сознания в части материалов письма.

Можно выделить три наиболее перспективных направления исследований древнерусских чернил.

Первое связано с изучением отразившихся в письменных памятниках данных о характере и функционировании в древнерусской письменной культуре чернил. Наиболее изученным на данный момент является корпус рецептов, представленных в рукописных сборниках. Гораздо менее исследованы с этой точки зрения хозяйственные документы. Анализ дошедших до нас расходных записей древнерусских монастырей и архиерейских домов XVI в., а также материалов Вологодского архиерейского дома XVII в. показывает, что, за исключением единичных случаев, этими церковными институциями не осуществлялась закупка ни чернил, ни ингредиентов для них. Однако такие закупки велись государственными учреждениями. Так, приходо-расходные книги Денежного стола Разрядного приказа содержат не только сведения об объемах приобретения чернил в течение каждого месяца, но и информацию о ценах и поставщиках. Сведения за 1614/1615 г., 1616/1617 г.[2], 1619/1620 г.[3], 1676/1677 г. [Новохатко, с. 536—537] позволяют констатировать, что Разрядный приказ закупал чернила «ведрами», «кувшинами» или «четвертными скляницами» у одних и тех же продавцов, которые обозначаются как «чернильщики». Интересно отметить, что цена на чернила в течение года не менялась. Для наших изысканий весьма перспективным представляется анализ неопубликованных приходо-расходных книг Разрядного приказа с целью выявления динамики изменения цен и объемов закупки чернил в течение XVII в.

Другим направлением являются экспериментальные исследования. Такие исследования, с одной стороны, предполагают изготовление чернил по зафиксированным письменной традицией рецептам (практическую реконструкцию древнерусской рецептуры), с другой — апробирование полученных экспериментальных образцов: исполнение этими чернилами письма различных исторических типов. В рамках экспериментального направления работ на данный момент изготовлено четыре варианта чернил по древнерусским рецептам (в записи XVIII в.)[4]. Апробация одного из этих рецептов (краситель, полученный на основании чернильных орешков и железного купороса), зафиксированного в 1723 г., продемонстрировала особенно хороший результат при исполнении древнерусской скорописи (по количеству текста, выполненного на одном заборе чернил, достигаемой четкости и тонкости штриха и т. д.), что полностью соответствует известному по древнерусским документам определению типа чернил как «скорописные».

Третье направление представляют исследования непосредственно древнерусских рукописно-книжных памятников посредством контроля проницаемости чернил для ИК-излучения. Для проведения такого анализа нами была сформирована специализированная мультиспектральная установка (на базе спектрозональной камеры QHY163m). На данном этапе осуществлено обследование 7 пергаменных кодексов XV в., результаты которого позволяют говорить о возможности уверенного различения как правок текста, так и периодов работы писца.

Литература

Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007.

Цыпкин Д. О. Наука наблюдения: экспертный подход в изучении рукописной книги // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 151—180.

[2] Приходо-расходные книги Московских приказов. Кн. 1 // РИБ. М., 1912. Т. 28. С. 275—368, 523—680.

[3] Приходо-расходные книги Московских приказов 1619—1621 гг. М., 1983. С. 167—241.

[4] Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV—XIX вв. СПб., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 178—179.

А. М. Введенский (СПбГУ)

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ «И ДО СЕГО ДНЯ» И ЕМУ ПОДОБНЫЕ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ[1]

Повесть временных лет (далее — ПВЛ) — летописный свод начала XII в., сохранившийся в списках XIV–XVI в. Так как это исторический памятник, то в нем рассказывается о событиях прошлого и все повествование ведется преимущественно в прошедшем времени, кроме прямой речи. Но в некоторых случаях летописец, описывая прошедшие события, прибегает к глагольным формам настоящего времени.

Как правило, переход от повествования в прошедшем времени к повествованию в настоящем осуществляется в придаточном предложении. Главное предложение содержит форму глагола в прошедшем времени, а придаточное — в настоящем. Основная цель употребления такого придаточного, как представляется, апелляция к исторической информации главного предложения, ее актуализация для читателя.

Такие конструкции можно разделить на две группы.

Придаточные первой группы сообщают какую-то новую информацию, которая актуальна для времени написания летописной статьи, например: «А улучи, тиверьцы сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру или до моря, и суть гради их и до сего дне»[2].

Данная группа придаточных указывает на причинно-следственную связь — событие в прошлом становится причиной реалии и (или) события в настоящем, о котором сообщается в придаточном.

Использование придаточных второй группы летописцем в подобных контекстах — обращение к знаниям читателя, например: «И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору и погребша и на горѣ… кде ныне Олъминъ дворъ»[3]. Придаточные второй группы сообщают о событии, которое не связано причинно-следственными отношениями с событием главного предложения.

В большинстве случаев при актуализации информации о прошлом в придаточных используются различные темпоральные наречия и словосочетания, указывающие, как и настоящее время глагола, на факт существования реалий на момент записи.

Такими наречиями могут быть: «ныне», «до сего дня», «доныне», «доселе» и «до днешнего дня».

Вторая группа существенно отличается от первой с точки зрения употребления наречий времени. Во второй группе используется только одно из них — «ныне», в первой же группе «ныне» практически не используется, чаще всего употребляется словосочетание «и до сего дня».

В историографии этим контекстам ПВЛ посвящена лишь одна большая статья М. К. Каргера. Исследователь резюмирует: «Летописное повествование красной нитью проходит устойчиво применяющийся прием своеобразной "научной аргументации", как бы подтверждающий историческое или полулегендарное повествование ссылкой на разнообразные вещественные памятники далекого для времени самого летописца прошлого» [Каргер, с. 64].

Обратившийся к подобным конструкциям в латиноязычных хрониках Яцек Банашкевич назвал латинскую формулу «usque in hodiernum diem» (и ей подобные), синонимичную летописному «и до сего дня», средневековыми знаками памяти. «Формула usque указывает, стало быть, на существование живой традиции какого-то факта, события и обнаруживает одновременно важное и актуальное значение этой традиции для местного общества» [Banaszkiewisz, s. 237].

Особняком стоит вопрос о появлении таких конструкций в тексте самой ПВЛ. М. К. Каргер считал, что данные конструкции появляются впервые в Своде Никона 1070-х годов, то есть на втором этапе составления летописных сводов XI в. С. М. Михеев с этим соглашается в своей реконструкции [Михеев, с. 72].

Эта идея кажется продуктивной, составитель Свода 1070-х годов почерпнул эти конструкции из одного из главных своих летописных источников: Хроники Георгия Амартола и (или) Хроники Иоанны Малалы. Данные византийские хроники насыщены такими конструкциями. Правда, нельзя исключать заимствование напрямую из библейских книг, что делает возможным появление таких конструкций в русском летописании на более раннем этапе.

Вернемся к причинам употребления данных конструкций в ПВЛ. Безусловно, большинство таких летописных контекстов связаны со знаниями летописца или его уверенностью в том, что сообщаемое

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137-П.
[2] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13.
[3] Там же. С. 23.

им является правдой. Но от исследователей как-то ускользнула одна важная деталь — летописцу также важно подчеркнуть правдивость своих знаний.

Эллиот Оринг в своем исследовании показал различные нарративные стратегии, которые использует рассказчик для того, чтобы слушатель поверил в его рассказ. Одной из них является упоминание physical evidence, которые могут быть материальными объектами или объектами, созданными во время рассказа [Oring, p. 151].

Важно отметить, что отсылка к «достоверным артефактам» — вербальным или предметным — есть способ доказательства правдивости изложенного, но одновременно — это и стратегия. То есть чтобы доказать, что это правда, нужно сослаться на наличие этого здесь и сейчас.

На наш взгляд, в некоторых случаях и в употреблении летописцем придаточных первой или второй группы (чаще первой) прослеживается желание автора просто доказать правдивость излагаемых им фактов.

Это накладывает некоторые ограничения на интерпретацию конструкций с «и до сего дня» и подобных. Иногда мы имеем дело со стратегией летописца убедить читателя в том, что эти события действительно были. К примеру, сведение о том, что Святослав разбил грады, которые стоят «пусты до днешнего дня», не означает, что летописцу известно об этих пустующих городах или он что-то о них слышал, — вполне возможно, что летописец просто знал о походах Святослава, где тот разрушал или должен был разрушать города. Стоят ли они пусты, существуют в таком виде во время написания этих строк, летописцу неизвестно, он реализует свою стратегию — пытается убедить читателя в правдивости излагаемого материала.

К сожалению, отличить летописные контексты, где летописец уверен в своих знаниях, от тех, где он просто использует риторический прием, весьма затруднительно.

Литература

Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. М., Л., 1955. Т. 11. С. 59–71.
Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
Banaszkiewicz J. Usque in hodernum diem: sredniowieczne znaki pamieci // Przeglad Histryczny. 1981. 72/2. S. 229—238.
Oring E. Legendry and the Rhetoric of Truth // Journal of American Folklore. 2008. 121 (480). P. 127–166.

И. В. Вернер (ИСл РАН)

ЦЕРКОВЬ И *СОБОР* В ПЕРЕВОДЕ ПСАЛТЫРИ 1552 Г. МАКСИМА ГРЕКА

Проблема передачи греческих лексем ἐκκλησία и ναός в славянских переводах Св. Писания привлекала внимание исследователей: отмечалась замена лексемы церковь на храмъ в соответствии с ὁ ναός в переводе Псалтыри 1552 г. Максима Грека, а затем у никоновских справщиков [Кравец, с. 262–264]; был сделан вывод о распределении вариантов перевода церковь и храм в зависимости от контекста, типа библейских книг и времени перевода: для кирилло-мефодиевской традиции характерен только вариант церковь, сохраняющийся в церковнославянских новозаветных текстах вплоть до Елизаветинской Библии 1751 г., однако Новый Завет Епифания Славинецкого последовательно использует только лексему храмъ, которая в более раннее время в некоторых контекстах встречается также в болгарских переводах Псалтыри, Апостола, Апокалипсиса и в толковых текстах [Пентковская, с. 101–104].

Проблема предпочтения одного из названных вариантов является не только и не столько проблемой унификации/дифференциации словоупотребления или изменения книжного узуса, сколько проблемой семантизации лексем, тесно связанной с экзегезой, в контексте конкретного перевода и, шире, в лингвокультурном контексте эпохи. В необходимости такого рассмотрения убеждает третий член оппозиции церковь — храмъ — соборъ. В отличие от церкви и храма, соборъ наделен более широким значением.

В библейских переводах, начиная с текстов афонской редакции, храмъ имеет значение иерусалимского храма, который может аллегорически толковаться как образ Христа или христианской церкви в целом. В максимальном объеме такая семантизация представлена в выполненном Максимом Греком в 1552 г. переводе Псалтыри (далее — П1552), в котором ὁ ναός во всех без исключения случаях переводится как храмъ. Речь идет и о иерусалимском храме, который Давид собирается возвести, и о небесном храме как месте присутствия Бога, и о земном храме как месте совершения таинств и жертвоприношений Яхве.

Греч. ἐκκλησία в списках П1552 [Вернер] во всех соответствующих стихах либо переводится как соборъ, либо — при сохранении старшего чтения церковь — сопровождается глоссой соборъ на полях. Глоссы двух интерлинеарных списков П1552 XVII в. и данные списков XVI–XVII в. без греческого подстрочника показывают, что соответствие ἐκκλησία — соборъ было в псалтырном тексте регулярным для Максима. Замена церкви на собор характеризует исключительно перевод П1552: ни в «сущем» тексте Толковой Псалтыри 1522 г., ни в правленной Максимом Троицкой Псалтыри (РГБ. Ф. 304/I. № 315) эти замены не представлены. В оригинальных сочинениях Максима соответствующие псалтырные цитаты также приводятся в традиционном чтении (ср., например, в «Стязании об известном иноческом жительстве» чтения из Пс 149: 1 и 25: 5 с лексемой церковь[1]).

Греч. ἐκκλησία многозначно: изначально обозначая ‘общее, народное собрание’, а также место его проведения, значение христианской церкви и собрания христиан эта лексема получила лишь в новозаветных текстах. В Псалтыри же ἐκκλησία переводит древнееврейское קָהָל, обозначающее ‘собрание, сборище, общество, сонм’, обычно с военно-политическими или религиозными целями. קָהָל передается в Псалтыри как συναγωγή всего лишь один раз, тогда как обычно συναγωγή соответствует лексеме עֵדָה, имеющей значение собрания без дополнительных коннотаций. Значение же места для собраний и молитвы верующих иудеев закрепляется за συναγωγή уже в Новом Завете (так же, как и значение христианской церкви за ἐκκλησία). Таким образом, хорошо известное в средневековой традиции символическое противопоставление церкви и синагоги как новозаветной универсальной христианской церкви и ветхозаветной национально ограниченной иудейской церкви, «закона» и «благодати», ни в древнееврейском, ни в греческом тексте Псалтыри не имеет непосредственного воплощения на языковом уровне.

Однако такое противопоставление обозначено в толковании: значительная часть псалтырных контекстов, помимо буквально-исторического прочтения, имеет прообразовательное толкование, в котором иудейская синагога рассматривается как прообраз христианской церкви, а молитвы в собраниях уверовавших язычников символизируют грядущее прославление Бога в христианских церквах. Греч. ἐκκλησία от ἐκκαλέω ‘вызывать, призывать’ за счет своей внутренней формы допускает употребление в обоих значениях, буквальном и символическом, в отличие от славянского церковь.

Заменяя в славянской Псалтыри церковь на соборъ, Максим Грек следует как внутренней форме греч. ἐκκλησία, так и ее многозначности. Производная от собрати лексема соборъ, действительно, позволяет адекватно передать как значение ‘сборище злонамеренных’, так и значение ‘собрание верующих иудеев’ в абсолютном большинстве контекстов с ἐκκλησία.

В символическом, то есть толковом, значении христианской церкви лексема соборъ для Максима Грека получала поддержку со стороны устойчивого сочетания соборная церковь, которое через южнославянские переводы XIV в. распространяется в восточнославянской письменности как устойчивый эквивалент καθολική ἐκκλησία и обозначает всеобщую, единую, универсальную церковь [Подтергера, Томеллери, с. 83–93]. Сочетание соборная церковь, подчеркивающее актуальное в контексте религиозных споров XVI в. единство и истинность христианской доктрины, не раз используется в сочинениях Максима Грека, в том числе и в составе Символа веры. Таким образом, вариант соборъ, получая дополнительные актуально-временные коннотации, оказывается, в отличие от церкви, удовлетворяющим абсолютно всем толкованиям в разных контекстах Псалтыри.

Небезынтересно, что числящий себя учеником Максима Андрей Курбский не делает разницы между прилагательными церковный и соборный. Такое же толкование церкви как собора представлено и в лексикографической традиции XVII в. [Подтергера, Томеллери, с. 93], которая, вполне вероятно, как и Курбский, могла опираться в том числе и на употребление лексемы соборъ в Псалтыри Максима Грека.

Литература

Вернер И. В. Лингвотекстология списков Псалтыри в переводе Максима Грека // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Казанский федеральный университет, 1–4 октября 2018 г. Труды и материалы. Казань, 2018. Т. 2. С. 33–37.

Кравец Е. В. Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века // Russian Linguistics. 1991. Vol. 15. P. 247–279.

Пентковская Т. В. Церковь и храм в церковнославянских новозаветных переводах // Восьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Мат-лы конф. М., 2018. С. 100–105.

Подтергера И. А., Томеллери В. С. Catholicus: съборьныи — каѳолическій — православьныи (из истории термина). Ч. I // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 44–108.

[1] Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2. С. 227.

К. В. Вершинин (ИРИ РАН)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ ХРОНОГРАФИИ

Исследуя Троицкий хронограф, О. В. Творогов обратил внимание на статью «От еллиньскаго хронографа пророчествиа о Христѣ историкиа», указав на неясность ее источника [Творогов, 1975, с. 96–97; Творогов, 1989, с. 288]. Эта статья читается (без заглавия) и в Тихонравовском хронографе (РГБ. Ф. 299. Собр. Н. С. Тихонравова. № 704. Кон. XV – нач. XVI в. Л. 406 об.–407 об.), восходящем «к ранней разновидности Троицкого» [Анисимова, с. 9]. Кроме того, она присутствует в «конвое» к спискам «Сказания о трех пленениях Иерусалима» в составе Великих Миней Четиих[1].

В тексте приводится ряд мессианских «прорицаний» языческих мудрецов. Здесь имеются как известные сюжеты (фрагменты Порфирия, Сивиллы и знаменитой IV эклоги Вергилия[2], прошедшие через посредство Евсевия Кесарийского)[3], так и требующие особых разысканий (например, цитаты, приписанные Гомеру, Аристотелю).

Источник данной статьи отыскивается в сборнике конца XV в. ГИМ. Синодальное собрание. № 682 (далее – Син. 682). В этой рукописи на л. 171 об.–188 об. читается полемико-апологетический трактат, в котором еще А. В. Горский и К. И. Невоструев отметили упоминание Порфирия, Сивиллы и Вергилия [Горский, Невоструев, с. 739–740]. Начало памятника отсутствует из-за утраты в протографе. Трактат делится на две части – антиязыческую и антииудейскую; в хронографах отразилась лишь первая. Там, где сравнение возможно, сходство текста несомненно:

Что же пакы реч(е) Сувила, Филипова нарицаемаа, едина от триих, еяже словеса приасте вси? Пишется о таинѣм и плотнѣмъ рождении Сп(а)са нашего И(су)с Х(рист)а: «Егож(е) даже (!) юницъ (!) Б(о)жие Слово неизреченно въ чревѣ прииметь, тогда руми царьствують» (Син. 682. Л. 173 об.).	Пакы же о таинемъ и плотъным (!) рожении господа нашего Исуса Христа рече Сувила волъхва Филипова, едина триихъ: «Егда же унича Слово Божие неизреченно въ чревѣ прииметь, тогда руми царьствують» [Творогов, 1989, с. 294].

В хронографы не попали некоторые другие сюжеты Син. 682, позволяющие сделать выводы о происхождении памятника. Среди них – ответ оракула Аполлона на вопрос жителей Кизика: «Еже к нему приидосте въ ц(е)рк(о)вь Хузическоую (!) <…> “Прорци нам, прор(о)че, Фои, Ветии, незабытивою (!) ег(о)[4]: покровъ сь что?”». Согласно объяснению оракула, святилищу «есть… имя Муриа (!)» и вскоре оно станет домом «Прес(вя)тыа Д(е)в(и)ца Мариа» (Син. 682. Л. 173–173 об.). Несмотря на порчу текста, очевиден его переводной характер: так, слова «Фои, Ветии, незабытивою» передают имена божества: Φοίβε, Τιτάν, Ἄπολλον. До искажения, видимо, читалось: «Фоиве, Титане…»; следующее слово – следствие буквального прочтения имени Ἀπόλλων (возможно, в рамках популярной с древних времен «народной этимологии» как производного от глагола ἀπόλλυμι, имеющего, в частности, значение ‘терять, утрачивать’). В византийской литературе этот рассказ встречается в трех вариантах. В одном случае (в хронике Малалы) пророчество дается аргонавтам[5]; в другом (в беседе «Об Афинском храме» Псевдо-Афанасия, гомилии Феодота Анкирского и краткой «Симфонии» изречений язычников) – семи афинским мудрецам[6]. Вариант с Кизиком (самый редкий) встречается в «Тюбингенской теософии» –

[1] В Успенском списке текст помещен под 29 февраля (ГИМ. Синодальное собр. № 991. Л. 888б–г), в Царском – под 17 января (ГИМ. Синодальное собр. № 178. Л. 927б–928б); в конце скопированы колофоны предшествующих рукописей (1398 и 1468 г.) В других списках «Сказания» нет ни колофонов, ни «конвоя». В последнем читается еще одна выписка из «Еллиньскаго хронографа» (о царствовании Тита и Домициана), соотносимая с фрагментами 212а–219, 207 Еллинского летописца 2-й редакции [Творогов, 1975, с. 294–295]. Сохранившиеся списки Троицкого хронографа в соответствующем месте содержат лакуну; можно думать, что указанный «конвой» восходит к их отдаленному протографу.

[2] Имя искажено: «Реергѣлъ руминъ» [Творогов, 1989, с. 294].

[3] Слова «Евсѣвѣи же и Сиула приркоста…» [Творогов, 1989, с. 294] отсылают, по-видимому, к упоминанию эритрейской Сивиллы в «Речи Константина»; здесь же находим цитату из Вергилия (PG 20. Col. 1293). Фрагмент Порфирия мог быть взят из другого сочинения Евсевия – «Евангельского доказательства» [Wolff, p. 180].

[4] Возможно, порча из ес(ть); с конъектурой вопрос приобретает осмысленный вид: «Ес(ть) покровъ сь что?».

[5] *Dindorf L.* Joannis Malalae Chronographia. Bonnae, 1831. P. 77–78.

[6] *Афанасий Александрийский, свт.* О храме в Афинах / Пер. с древнегреч., вступ. ст. и примеч. иером. Феодора (Юлаева), А. Г. Пернбаума // Богословский вестник. 2015. № 18–19. С. 385–386; *Erbse H.* Theosophorum Graecorum fragmenta. Stutgardiae; Lipsiae, 1995. P. 35–36; *Pitra J.-B.* Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. Parisiis; Romae, 1888. Vol. V. P. 2. P. 307.

подборке фрагментов «внешних» философов, составленной в конце V — начале VI в.[7] Интересно, что необычное написание «Муриа» (Μυρία) в прорицании оракула, непонятное в контексте «Теософии» (Х. Эрбсе допускает сознательное «затуманивание» речи для придания ей большей достоверности), в нашем трактате (не восходит ли он к протографу «Теософии»?) получает объяснение. Ниже читаем особый перевод Песн 5: 10 с толкованием: «Сестро, даи ж(е) ми бѣлость и огнь, избранныи от Мюриа… пронаречет Марию вышне слово» (Син. 682. Л. 177). Как указал А. А. Алексеев [Алексеев, с. 180][8], «Мюриа» — результат своеобразного понимания текста Песни Песней (ἀπὸ μυριάδων); но, очевидно, перед нами не ошибка переводчика, а игра слов.

Можно полагать поэтому, что текст из Син. 682 представляет собой утраченное в оригинале ранневизантийское сочинение. Имея гораздо большее значение, чем просто источник ранней русской хронографии, он нуждается в публикации и дальнейшем исследовании.

Литература

Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 41. С. 154–196.
Анисимова Т. В. Об одном малоизвестном источнике древнерусских хронографов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 9–19.
Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Ч. 3.
Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 287–343.
Wolff G. Porphyrii de philosophia ex oraculis haurienda librorum reliquiae. Berolini, 1856.

[7] *Erbse H.* Theosophorum Graecorum fragmenta. P. 35–36.
[8] Исследователю известен этот фрагмент в составе «Пророчества Соломона» (создано до 1234 г.; встречается также под названием «Словеса святых пророк») и — отдельно — в толковых сборниках. Теперь его источник можно считать установленным.

А. В. Виноградов (ИРИ РАН)

СВЕДЕНИЯ О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ТИТУЛЯРНИКЕ 1488–1577 Г.

Ввиду безвозвратной утраты русской посольской документации по связям с Крымом за периоды с 1540 по 1544 г. и с 1549 по 1562 г. и недостаточно полной информации официального летописного свода о ходе «ссылок» между Москвой и Бахчисараем в 40–50-е годы XVI столетия значительный интерес представляют сведения о приеме крымских и отправлении московских дипломатических миссий этого периода в титулярнике 1488–1577 г. (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 14).

Наиболее интересны сведения об обмене посольскими миссиями, малоизвестные или вообще неизвестные ввиду утраты русской посольской документации и лишь частично отраженные (или не отраженные вообще) в официальном летописном своде — Патриаршей (Никоновской) летописи.

1. Сведения о прибытии посольства от Дивея-мурзы в июле 1547 г. включают краткое описание приема послов государем Иваном Васильевичем[1]. Приводится обращение хана Сахиб-Гирея к государю Ивану Васильевичу в доставленном послании: «А грамоте в начале писано Великые Орды великого царя Сагиб-Киреево, царево, слово брату моему Ивану-князю заповеди слово то»[2].

2. Сведения об отправлении в Крым гонца Никиты Казаринова-Голохвастова в апреле 1548 г. вместе с отпущенными крымскими гонцами Утешем и Дивеем. Указано, что «большие послы» задерживаются. Приводится обращение к хану в отправленной с гонцом грамоте: «А в грамоте государевой в начале писано Великие Орды великому царю Сагиб-Кирею царю, брату моему, слова»[3].

3. Сведения об отправлении в июле 1548 г. посольства во главе с Иваном Васильевичем Полевым вместе с отпущенным крымским посольством Дивея-мурзы и ранее прибывшим гонцом Мустафой Шихом. Указано, что посольство везло в Крым два противня «шертной грамоты» — проект очередного

[1] РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 54 об.
[2] Там же. Л. 54.
[3] Там же. Л. 55.

русско-крымского «докончания». Приводится содержание «шертной грамоты» с указанием, что шерть (клятву) вместе с ханом должны принести и «иные царевичи»[4].

4. Сведения о прибытии осенью 1548 г. посольства Баймы вместе с отпущенным Н. Казариновым-Голохвастовым и о задержании в Крыму посольства И. В. Полева. Приводится обращение хана к государю Ивану Васильевичу в доставленном послании, идентичное отправленному с посольством Дивея-мурзы. Вместе с тем отмечается, что послание отправил калга (наследник престола) Эмин-Гирей и «иные царевичи»[5].

5. Сведения о прибытии в январе 1552 г. гонцов во главе с Джан-Мухаммедом (Ян-Магметем). Гонец Джан-Мухаммед (Ян-Магметь) прибыл в январе 1552 (7059) г. с известием о том, что «учинился Девлет-Кирей царем на Крыме». Приводится развернутое обращение хана Девлет-Гирея I в доставленном послании: «Великие Орды великого государя силы находца и победителя Девлет-Кирѣево слово брату моему великому князю московскому князю заповедь и наше слово то»[6].

6. Сведения об отпуске в январе 1552 г. гонцов во главе с Джан-Мухаммедом и об отправлении в Крым гонца Андрея Щепотьева, который повез грамоту от царя Ивана Васильевича новому хану, датированную январем 1552 г. Приводится обращение московского государя к хану: «А в грамоте в начале писано Божиею милостию царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии слово Девлет-Кирею царю брату моему». Отмечено, что грамоты отправлены к калге (наследнику престола) Мухаммед-Гирею, ко всем «царевичам» и к «мурзам»[7].

7. Сведения о возвращении осенью 1552 г. гонца Андрея Щепотьева вместе с крымскими гонцами во главе с Мухаммед-Шихом. Приводится обращение хана Девлет-Гирея I к царю Ивану Васильевичу аналогичное обращению в послании доставленном Джан-Мухаммедом. Приводится обращение калги Мухаммед-Гирея к царю Ивану Васильевичу в послании, доставленном его гонцом: «Силы находца и победителя Магмет-Кирѣево царевичево слово брату моему нашему великому князю всего христианства государю много много поклон». При этом отмечено, что аналогичное обращение содержится и в посланиях других «царевичей»[8].

8. Сведения об отправлении в Крым в ноябре 1552 г. гонца служивого татарина Сююндюка с извещением о готовящемся отправлении в Крым посольства Василия Ильича Наумова вместе со всеми крымскими послами, «которые в то время были задержаны». Указано, что все грамоты, отправленные с Сююндюком в Крым, написаны «по прежнему обычаю»[9].

9. Сведения об отправлении в Крым посла Ф. Д. Загряжского в июне 1553 г. Указано, что в отправленных с ним грамотах «начало было писано по прежнему обычаю». Отмечено, что «царь (хан) Федора Загряжского задержал»[10]. По летописным сведениям, отпуск в Крым посольства Магмеджара-мурзы вместе с посольством Федора Дмитриевича Загряжского состоялся 29 июня 1553 г.[11]

10. Сведения о возвращении из Крыма посольства Ф. Д. Загряжского и прибытии крымского посольства Джан-Болды (Ян Болдуя) в феврале 1558 г. Отмечено, что «своего посла государь на розмену Ян Болдую в Крым не отпустил». Содержится краткое описание приема Джан-Болды государем. Указано об отпуске посольства Шахмансура-улана. В Крым с отпущенным посольством послан служилый татарин Тавкей Темирев. Приводится краткое описание отправленной с Темиревым грамоты[12]. Изложение содержания грамоты известно по летописи[13]. В целом официальный летописный свод дает аналогичную картину хода «ссылок» между Москвой и Бахчисараем в январе 1558 г.

Дальнейшие сведения титулярника о ходе дипломатических «ссылок» между Москвой и Бахчисараем относятся к началу 1563 г., когда в Крым в качестве «сеунча» был отправлен Афанасий Федорович Нагой[14]. Упоминание о статусе «сеунча» в титулярнике 1488–1577 г. не случайно, так как формальным поводом для отправления посольства было извещение хана Девлет-Гирея I о взятии Иваном Грозным города Полоцка в ходе кампании 1562–1563 г. Известно, что посольство А. Ф. Нагого и дьяка

[4] Там же. Л. 55–55 об.
[5] Там же. Л. 55 об.–57.
[6] Там же. Л. 57–58 об.
[7] Там же. Л. 58 об.–59 об.
[8] Там же. Л. 59 об.–60.
[9] Там же. Л. 61 об.
[10] Там же.
[11] ПСРЛ. Т. 13. С. 232.
[12] РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 62.
[13] ПСРЛ. Т. 13. С. 288–289.
[14] РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 62 об.

Н. Свечникова было решено отправить в марте с вестью о том, что «государь недруга своего литовского короля воевал и город Полоцк у него взял»[15].

Ввиду наличия начиная с ноября 1562 г. посольской документации по связям с Крымом в составе фонда 123 РГАДА дальнейшие материалы титулярника вплоть до описания отправления в Крым в июне 1571 г. гонца Севрюка Клавшова, на котором заканчивается его раздел, посвященный «ссылкам» с Крымом, представляют собой предмет самостоятельного исследования. В данном случае речь должна идти уже о принципах «выборки» отраженных в нем материалов из всего массива материалов, содержащихся в крымских посольских книгах № 10–12, прежде всего в описании титулатуры царя Ивана Васильевича и хана Девлет-Гирея I в их посланиях, адресованных друг другу. Таким образом, материалы титулярника дают ряд важных сведений о дипломатических связях Русского государства и Крымского ханства.

[15] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 16–16 об.

А. Ю. Виноградов (НИУ ВШЭ)

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СЕРЕДИНЫ XI В. В СВЕТЕ ПЕРЕДАТИРОВКИ МИТРОПОЛИЧЕСТВА ИЛАРИОНА

Митрополит Иларион Киевский остается одной из самых обсуждаемых и вместе с тем загадочных фигур в истории Русской церкви. Впрочем, множество связанных с ним гипотез возникло из-за недостатка сведений о нем, равно как и об остальных русских митрополитах XI в. Так, большинство из них упоминаются в нарративных источниках лишь по разу: Феофилакт (до 1025 г.), Феопемпт (1039 г.), Иоанн I (1051 г.), Ефрем (1055 г.), Георгий (1072 г.). Между тем недавно открытый новый источник проливает свет не только на биографию Илариона, но и на церковно-политический контекст русской истории середины XI в.

Об Иларионе до митрополичества мы знаем очень мало: согласно Повести временных лет, он жил отшельником в пещере на месте будущего Печерского монастыря. Все древние летописи упоминают о поставлении Илариона Русина митрополитом в Св. Софии Киевской под 6559 (1051) г. Согласно В. Корниенко, граффито № 11168 из этого храма говорит о поставлении Илариона 12 февраля, однако ввиду невозможности выражения «Ярославъ поставиша» его чтение должно быть отвергнуто. По Сказанию о Борисе и Глебе, освященный 20 мая 1072 г. храм святых в Вышгороде был задуман Изяславом Ярославичем через 20 лет после освящения первого их храма митрополитом Иоанном: вряд ли задумка построить деревянный храм отстояла от его создания более чем на год — тогда первое его освящение состоялось 24 июля 1051 г. Поставление же Илариона совершилось после этой даты и до 26 ноября того же года, когда он освятил храм св. Георгия в Киеве, согласно проложному сказанию на память этого события.

То, что оно не могло иметь место в следующем, 1052 г., следует из переиздания А. А. Гиппиусом граффито № 1541 из Св. Софии Киевской, которое совпадает с записью в месяцеслове Мстиславова Евангелия об освящении Св. Софии митрополитом Ефремом 4 ноября, но добавляет дату — 6560 (1052) г. Речь идет о новом освящении собора, освященного совсем недавно (в 1037 г.): очевидно, это было необходимо после служения в нем неканоничного, с точки зрения митрополита-грека, русина Илариона, поставленного не патриархом, а русскими епископами. Итак, Иларион стал митрополитом между 24 июля и 26 ноября 1051 г., а перестал им быть до 4 ноября 1052 г.

Впрочем, за этот небольшой промежуток времени Иларион успел совершить ряд знаковых для Руси актов. Во-первых, вместе с князем Ярославом он создал новый церковный устав, призванный заменить собой греческий Номоканон, что предполагало отныне производство епископами церковного суда на понятном большинству клириков и мирян древнерусском языке. Во-вторых, в освященном им храме небесного патрона князя — св. Георгия — Иларион, согласно проложному сказанию, совершил также интронизацию нескольких (более двух) новых епископов. Даже если и овдовела одна из 4 русских епископских кафедр этого времени (Белгород, Чернигов или Полоцк; Новгород был занят Лукой Жидятой), то необычное поставление столь большого числа епископов можно объяснить только созданием новых кафедр, которые следует соотнести со второй группой русских епископий (Владимир-Волынский, Переславль, Ростов, Туров и, возможно, Юрьев), выделенной А. В. Назаренко (который отнес ее к 1040-м годам). Собрание епископов для их поставления было, вероятно, то же, что и для поставления Илариона, что приближает последнее к 26 ноября. За созданием новых епископий, так

же как и за избранием митрополитом русина Илариона, прослеживается курс Ярослава на создание полностью или частично независимой Русской церкви с развитым епископатом (до этого в случае смерти сразу двух епископов на Руси не оставалось достаточно епископов для поставления нового первоиерарха), возможно, вследствие конфликта с Византией в 1043 г.

Столь короткий срок митрополичества Илариона — около года, вкупе с последующим переосвящением Св. Софии Киевской, говорит скорее в пользу его низложения, чем быстрой смерти. Отказ Ярослава от митрополита-русина Илариона и амбициозного плана независимости Русской церкви был вызван неизвестными нам точно причинами, но компенсирован, очевидно, уступками со стороны Византии. В частности, Ярослав, вероятно, добился заключения брака своего сына Всеволода с «царицей-грекиней», от которого в следующем, 1053 г. родился Владимир Мономах. Другой уступкой Константинополя был, по всей видимости, отказ от преследования русских епископов, поставивших митрополитом Илариона.

Об этом можно судить по делу Луки Жидяты, который был новгородским епископом с 1036 г. До смерти Ярослава в 1054 г. новый митрополит-грек Ефрем не трогал Луку, но уже в 1055 г. на фоне создания «триумвирата Ярославичей» и новых титулярных митрополий в их столицах (Чернигове и Переславле) он, возможно, опасаясь возвышения и Новгородской кафедры, осудил Луку по навету его холопа (то есть вопреки нормам Русской Правды) и заточил на 3 (!) года в Киеве. Только в 1058 г. Лука смог возвратиться на свою кафедру, возможно, после конца митрополичества Ефрема.

На то, что избрание и поставление Илариона Киевским митрополитом было хорошо продуманным и заранее подготовленным актом, указывают несколько обстоятельств. Во-первых, как отметил А. Поппэ, право местных епископов на выбор митрополита без вмешательства патриарха утверждалось в византийском трактате «О правах митрополитов». А. Г. Бондач недавно убедительно показал, что этот трактат был написан в 1030-х годах Димитрием Кизическим, который в 1038 г. посягал даже на власть Константинопольского патриарха Алексея Студита. В таком контексте отстаивание прав русских епископов на поставление своего митрополита не выглядит каноническим произволом.

Во-вторых, в «Слове о законе и благодати», составленном до 1050 г. включительно (когда умерла упомянутая в нем как живая княгиня Ирина-Ингигерда), Иларион подводит богословскую базу под особый статус Русской церкви. В частности, просветителя Руси князя Владимира он сравнивает с апостолами — основателями крупнейших и авторитетнейших церквей: Рима (Петр и Павел), Асии (Иоанн Богослов), Египта (Марк). По мысли Илариона, даже при отсутствии апостольского происхождения, не закон, но благодать делает Русскую церковь равночестной остальным, древним церквям, а значит, и достойной собственного, русского иерарха.

В. Г. Вовина-Лебедева (СПбИИ РАН)

СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ТЯГОЛЬНО-СОЛДАТСКОЙ КНИГИ ВАЖСКОГО УЕЗДА 1665 г.

Тема истории крестьянской семьи на Русском Севере, как она выглядит по материалам государственных описаний, была уже затронута автором на прошлой конференции. Для анализа использовались государственные описания Важского уезда в архиве СПбИИ РАН. Одна из наиболее ранних книг — «тягольно-солдатская» (по определению Ю. С. Васильева) книга Подвинской четверти Важского уезда 1665 г. (далее — ТСК). Это рукопись из колл. 115, д. 309, сохранившаяся в копии XVIII в. Во время составления книги еще не закончилась русско-польская война 1654—1667 г., когда активно велись наборы даточных людей, особенно в дворцовых волостях. В ТСК понятие «даточные люди» не употребляется — используется только понятие «солдат», иногда «выборный солдат». Подавляющее большинство случаев набора в солдаты, отмеченных в ТСК, имели место в самом начале войны в 1654—1655 г. Писцам было, видимо, дано задание фиксировать судьбы солдатских жен и детей (начало книги, где обычно размещался наказ, не сохранилось). Поэтому ТСК содержит больше сведений о крестьянских семьях, в частности, о женщинах и судьбе их детей, чем обычные переписные книги.

Если попытаться проследить отражение в ТСК жизни солдатских детей, можно выделить несколько типичных вариантов детских судеб. Они зависели от того, что случалось с женами солдат (солдатским женам посвящено отдельное исследование). Но узнать об этом мы может только в тех случаях, когда на момент описания солдаты еще находились на службе. Если крестьянин к моменту описания уже возвратился со службы, мы лишены возможности узнать, где находились его жена и дети в период его отсутствия. Пример: в дер. Куликовской жил Якимко Марков «стар и слеп», с ним женатый сын

Фочка, который был взят на службу в 7163 г. «и был на государеве службе восьм лет безотходно» (Л. 407 об.).

Чаще всего после ухода отца на солдатскую службу дети оставались вместе с матерью или мачехой (последнего нельзя исключать, но это нигде не оговаривалось) жить у родственников. Из 430 случаев ухода в солдаты женатых крестьян, зафиксированных в ТСК, в 120 случаях их жены продолжали жить у родственников (чаще всего у свекра или деверя). Если женщина была бездетной, это всегда фиксировалось. Типичный пример: в Шелашской вол., в дер. Лукинской живет Якушко Тарасов, у которого на службе находился брат, а его «жена бездетна живет у Якушки» (Л. 63). Помета «бездетна» означала, что у солдатки в самом деле не было детей, а если по этому поводу не делалось никакой пометы, это могло значить лишь, что отсутствуют дети мужского пола, но могли быть дочери, которые просто не записывались в ТСК. И чаще всего мы встречаем следующее: Федка Акинфеев, в 7162 г. в службу описан его сын Сенка, «и ныне в выборных салдатех, жена ево живет у него Федки». Записи данного типа означают, что у родственников осталась жить солдатская жена с дочерьми. В случае, если речь шла о солдатском сыне (сыновьях), называлось его имя и возраст: в дер. Емельяновская живет Якушка Деомидов, родной брат которого Агапитко по прозвищу Худячко пошел на службу, а «Худячкова жена да сын ево Федка пяти лет живут у него Якушка...»; в дер. Сергиевской у крестьянина Герасимки Трофимова взяли на службу брата Митку, жена последнего и сын Васка 10 лет стали жить у Герасимки (Л. 44). Иногда встречались нетипичные случаи: жена солдата Тимошки Васильева, который был описан в службу от своего брата Мартинки Васильева из дер. Никольской Ровдинской вол., жила после этого вместе с сыном «в Шенкурске на посаде» (Л. 114). При этом нет никаких помет о том, что в Шенкурске у них имелась родня. Очевидно, были какие-то другие причины, заставившие жену Тимошки Васильева и его сына покинуть родную деревню и устроиться жить в городе.

Вторая модель состояла в том, что солдатская жена и дети по какой-то причине не получали приюта у родственников: ни у родни мужа, ни у своей. Тогда они «скитались в мире», то есть кормились за счет общины. Здесь работали те же правила составления записей: бездетные крестьянки описывались с соответственной пометой, солдатские сыновья назывались по именам с обозначением возраста, если имелись лишь девочки, писалось просто о «скитании в мире» женщины (без пометы «бездетна»). По ТСК из 430 случаев скитались бездетными 11 крестьянок, вместе с сыновьями 10, без всякого обозначения 57. Приходится признать, что солдатские жены с сыновьями гораздо реже были вынуждены скитаться и, видимо, чаще находили приют у родственников, чем крестьянки с дочерьми. Типичной записью с фиксацией солдатских сыновей можно считать следующую: в дер. Жерноковской жил «Ивашко Томилов сын Рачков... брат ево родной Ивашко же женатой сшел за себя, а жена ево Ивашкова да два сына Фирко пятинатцати лет и Шилко десяти лет скитаютца в мире» (Л. 14).

Следующая модель заключалась в том, что дети оставались жить с матерью, владевшей жеребьем. Такие случаи немногочисленны, и мы, как и в предыдущих вариантах, узнаем только имена и возраст сыновей, являвшихся единственными мужчинами во дворе. Чаще всего это были вдовы солдат, например, Антоница Андреева дочь, с которой вместе жил сын Симанко Марков десяти лет после того, как «с того же тяглово жеребья во 163-м году взят в салдаты муж ея Марчко Микитин, сшел за себя и в службе умре». В некоторых случаях речь идет не о вдовах, а о солдатских женах с детьми. Вчерашний ребенок мог даже сам владеть жеребьем, если так складывались обстоятельства. Например, в дер. Ногацевская записан «Мишка Иванов двенатцати лет» с упоминанием, что «с того тяглово жеребья во 163-м году описан в салдаты отец ево Ивашко Прокопьев от брата от Сенки Покофьева ж, и той Ивашко умре, а брат ево Сенка живет за делом в Яригинской деревне» (Л. 19).

И наконец, последняя модель состояла в том, что солдатская жена выходила замуж. В таких случаях дети могли оставаться жить у родственников первого мужа. Так, на л. 23—23 об. встречаем Никифорку Максимова, у которого был взят в солдаты «брат ево родной Федка женатой, сшел за себя, жена ево вышла замуж, а дети его, Федкины, Ивашко десяти лет и Коземко осми лет живут у него ж, Никифорка». Но такие случаи единичны, как и другие: когда солдатская жена выходила замуж, а дети скитались в мире. Встречаем три подобные записи, например: в дер. Гусевская был взят на службу наемщик Федка Емельянов, жена его вышла замуж, «а сын Гераско семи лет скитаетца в мире». Возможно, речь идет о пасынках, то есть Гераско был сыном Федки, но не его жены, вышедшей теперь замуж. Однако в подавляющем большинстве случаев, когда речь шла о солдатских женах, вышедших замуж, дети вообще не упоминаются. Трудно представить себе, что во всех 166 случаях, когда, по данным ТСК, солдатские жены вышли замуж, они имели только дочерей, а не сыновей и именно поэтому эти дети не обозначены в описании. Естественнее предположить, что замуж выходили в основном бездетные женщины.

И. А. Вознесенская (БАН), Г. А. Мольков (СПбГУ)

РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЙ П. Н. КРЕКШИНА И А. А. МАТВЕЕВА В СОБРАНИИ БАН: УТОЧНЕНИЕ АТРИБУЦИИ

Атрибуция Записок А. А. Матвеева и П. Н. Крекшина вызывает вопросы на фоне традиции рукописных сборников и использования этих текстов в историографии первой половины XVIII в. Вопрос об авторстве этих двух текстов остается открытым и требует серьезного исследования. Абсолютно все выявленные списки таких сборников анонимны. Иван Петрович Сахаров, атрибутировавший эти тексты Крекшину и Матвееву [Сахаров, Предисловие] и в целом «оказавший науке не малые услуги», известен также как автор подделок, в частности «рукописи Бельского», на которую он ссылался в своих публикациях [Пыпин, с. 26].

Оба автора, несомненно, оставили описания исторических событий 1680—1690-х годов. О Матвееве как авторе записок о времени стрелецких бунтов пишет В. Н. Татищев [Татищев, с. XIII], однозначные указания на Матвеева как на автора содержит предисловие текста, изданного И. П. Сахаровым [Погодин, с. 5—6]. Тем не менее свидетельства рукописных сборников, содержащих сочинения о правлении Петра I, позволяют рассматривать сахаровские «Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева» как компиляцию, объединяющую подлинное сочинение Матвеева (или его часть) с анонимным описанием событий того же времени.

Сосуществование в рукописях текстов Крекшина и Матвеева со ссылками на публикацию И. П. Сахарова отметил Г. Н. Геннади в одном из рукописных сборников БАН (17.4.3). В рукописных сборниках используется только часть текста Крекшина, начинающаяся словами: «Во дни благочестивого и великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, в счасливое его царствование...» Обрывается повествование на моменте прихода к власти царевны Софьи. Далее в сборниках следует текст о Стрелецком бунте, атрибутируемый обычно Матвееву, — использована его часть, описывающая события 1683 г. (со слов: «Въ лѣто наставшее, то есть 7191, отъ Рождества же Христова 1683, мѣсяца Генваря въ 11 день, в третьемъ часу дня явилося въ Москвѣ на небеси знаменіе» [Сахаров, с. 48]); ср. также [Колосова, с. 290], где неопределенно указывается, что сочинение Крекшина, помимо полных списков, «входит в сборники и хронографы, где текст этого памятника встречается часто лишь в отрывках».

По нашим наблюдениям, бытование двух отрывков из сочинений, изданных И. П. Сахаровым как записки Крекшина и Матвеева, в виде единого текста встречается в большом количестве рукописных сборников, датируемых 40-ми годами XVIII в. и более поздним временем (в БАН около 60 таких сборников; цитаты ниже — по рукописи Собрания текущих поступлений, № 571).

Взаимоотношения двух версий текста (в издании И. П. Сахарова и в версии рукописных сборников), хронологическую последовательность их возникновения позволяет установить сочинение Ф. П. Поликарпова — его «История», сохранившаяся в списке БАН 32.6.30. Рукопись имеет дату: «Сие краткое собрание истории Российской совершися в лето... 1715, 16 марта» [Пештич, с. 109—110]. В ней, по нашим наблюдениям, Поликарпов для описания событий первого стрелецкого бунта пользуется той версией записок, которая представлена в рукописных сборниках, — часть «Крекшина» с продолжением на 1683 г. по «Матвееву».

О заимствовании Поликарповым сведений из анонимного сочинения однозначно говорят точные текстуальные совпадения, иногда с изменением грамматической формы и морфемного состава и порядка отдельных слов (зверски рыкнувъ > звѣрски рыкнуша; в крузе мятежничьемъ > в круге мятежничи; вручили правление царства > вручили управление цр҃ства; всяких чиновъ людемъ ружья роздали > всякихъ чинов людемъ ружье роздавали; отдался кругъ от солнца светелъ > ѿдадеся ѿ сл҃нца кругъ свѣтелъ и др.).

Таким образом, обсуждаемая версия сочинения о стрелецком бунте уже существовала к 1715 г. В то же время записки Матвеева, о которых свидетельствует В. Н. Татищев и к которым относится предисловие, однозначно указывающее на автора, согласно общепринятому мнению, были написаны позднее 1715 г. Установить terminus post quem для сочинения Матвеева позволяет список упоминаемых в нем более поздних событий, приводимый М. П. Погодиным [Погодин, с. 7—8], из которых, в частности, следует, что Матвеев создал свой текст после кончины царевны Натальи Алексеевны в 1716 г. (упоминание об этом встретилось при изложении событий 16 мая 1682 г., то есть ожидаемо не входит в состав анонимного сочинения, известного по сборникам).

Итак, имеющиеся у нас точные даты позволяют установить относительную хронологию появления текстов, описывающих первый стрелецкий бунт, следующим образом. До 1715 г. существовало сочинение,

известное в рукописных сборниках (условно — «Крекшин» + «Матвеев»), которое послужило одним из источников Поликарпову при написании им исторического сочинения; затем (после 1716 г.) написал свои воспоминания о бунте Матвеев. Следовательно, части текста, опубликованного И. П. Сахаровым, написаны в разное время.

Наличие в этом раннем сочинении о событиях 1682—1683 г. отрывка из «Записок новгородского дворянина П. Н. Крекшина» в издании И. П. Сахарова показывает неаутентичность последних.

Литература

Колосова Е. В. К проблеме традиции древнерусской исторической повести в литературе XVIII века («Сказание» П. Н. Крекшина о Петре I как последний этап развития исторической повести XVII века) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 288—316.
Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1.
Погодин М. П. Об источниках для истории стрелецких бунтов // Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. М., 1875.
Пыпин А. Н. Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898. (ПДП. 127).
[Сахаров И. П.] Записки русских людей. СПб., 1841.
Татищев В. Н. История Российская. М., 1768. Кн. 1. Ч. 1.

Г. С. Гадалова (Тверской общественный фонд культуры)

ОБРАЗЫ ВЕЛИКИХ КНЯГИНЬ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТВЕРСКОГО КНЯЖЕСТВА В МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Начальной истории Тверского княжества посвящен первый Остермановский том (1254—1378 г.) Лицевого свода, созданного в третьей четверти XVI в.[1] Несколько миниатюр находятся в Голицынском и Лаптевском томах[2]. Достоинством Свода[3] является сопровождение словесного ряда зримыми образами. И если текст заимствован из поздней Никоновской летописи, внимание которой направлено на прославление рода князей-Рюриковичей, то миниатюры воссоздают образы как известных по летописям княгинь, так и безымянных женщин (например, первой жены князя Ярослава Тверского, погибшей в 1252 г.[4]) или тех, чьи имена не упомянуты при описании событий (свадьбы, рождения детей и т. д.).

На миниатюрах запечатлены самые важные моменты из жизни великой княгини Ксении Юрьевны, ее семьи и Тверского княжества: свадьба Ксении и великого князя Ярослава Ярославича в Новгороде, погребение мужа —владимирского князя Ярослава — в Твери, рождение сына Михаила, строительство Спасо-Преображенского собора, избрание тверского владыки Андрея, постриг дочери княжны Софьи, успение княгини[5]. Между тем сведения о деятельности княгини в Своде минимизированы. Так, о роли великой княгини Ксении в воспитании сына Михаила на страницах Лицевого свода нет никаких известий[6]. В записи об избрании в 1289 г. на Тверскую кафедру епископа Андрея на первое место, как и в Никоновской летописи, поставлено имя князя Михаила Ярославича[7].

Следует отметить, что только на этих миниатюрах княгиня Ксения представлена в светских одеждах и в короне с убрусом. Комплекс из трех платьев составлял наряд княгинь и княжон, то есть «полным выходным нарядом княгинь и боярынь было, согласно миниатюрам Свода, сочетание ферези, летника и опашня, причем каждая вещь раскрашивалась разным цветом» [Жабрева, с. 33]. Как правило, на миниатюрах видна верхняя одежда — опашень с широким меховым оплечьем или круглым отложным воротником и широкие рукава летника, украшенные драгоценными камнями. Примечательно, что коронами увенчаны царские головы (ханов, царевичей, сербских королей, царей и проч.) и головы русских княгинь [Арциховский, с. 173]. Видимо, желтая пятизубчатая корона — маркер княгини в светской жизни (головы

[1] БАН 31.7.30-I.
[2] РНБ. F.IV.225; F.IV.233.
[3] Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014. Кн. 6—9 [Электронный ресурс]. URL: https://www.runivers.ru/lib/book19785/ (дата обращения: 15.01.2018).
[4] Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 6. С. 165.
[5] Там же. Кн. 6. С. 228, 295, 297, 456, 477; Кн. 7. С. 4, 143.
[6] Ср.: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 207 (6827 г.).
[7] См.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 82. Ср.: ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 167 (6797 г.).

боярынь покрыты убрусом, ср. рождение Василисы Киасовской[8]). В монастыре или на смертном одре княгини изображены в монашеских одеждах или схиме без короны (исключение составляет преставление княгини Марии — вдовы Дмитрия Грозные Очи[9]).

Одежда или отдельные предметы быта списывались иконописцами XVI в. если не с древних миниатюр, то с известных археологических экземпляров. В этом отношении интересны, по мнению А. В. Арциховского, «ожерелья, которые исполняют роль гривен» на свадебных нарядах князя Ярослава Ярославича и Ксении [Арциховский, с. 152]. Ожерелья — «жгутовые гривны» и цаты разных достоинств — представлены в свадебных нарядах тверских князей и княгинь: у Анны Дмитриевны — цата только при венчании с великим князем Михаилом Тверским, у которого изображены две гривны и цата, как при венчании, так и за свадебным столом; у Анастасии (Тверской и Зубцовской) и князя Александра Михайловича — по одному жгутовому ожерелью за свадебным столом (иллюстрации венчания нет); у Софьи, дочери князя Юрия Московского, только за свадебным столом появляется жгутовая гривна в два ряда, как у князя Константина Михайловича[10].

Нет свадебных ожерелий ни у великого князя Дмитрия Михайловича Тверского и Марии Гедиминовны в Твери, ни у князя Василия Михайловича и Елены в Брянске[11]. Примечательно, что в Своде нет свадьбы великого князя Михаила Александровича, но тверской князь без супруги присутствует на свадьбе сына — князя Ивана Михайловича и его невесты Марии Кейстутовны. Гривен на молодых нет, но церемонии отведено целых три листа (приезд Марии, ее крещение, венчание и свадебный пир)[12]. Следует отметить, что нет ожерелий и у московского князя Симеона и княгини Марии, дочери великого князя Александра Михайловича Тверского. Для сравнения отметим, что на свадьбе с первой женой Анастасией Гедиминовной и у Симеона и у его невесты на шеях висят по две гривны[13]. Кроме того, удивляет небрежность в иллюстрации сведений о рождении у московского князя Симеона первенца Даниила от тверской княжны: сама миниатюра находится в тексте о мученике Круглеце, а текст о рождении Даниила расположен на листе с изображением чуда от мощей святителя Петра[14]. Подобное расхождение словесного и живописного ряда — свидетельство того, что художники работали отдельно от писцов.

При постриге первенца Михаила и Анны — сына Дмитрия — в группе женщин в убрусах нет княгини, голова которой должна была быть увенчана короной. Но и в тексте о ней нет ни слова. Однако отметим, что у Анны нет короны при рождении третьего сына Константина, тогда как при пожаре в княжеском доме она трижды изображена в короне (в спальне, окне и стоя на княжьем дворе). И потом, когда бежали из Твери после восстания 1327 г., Анна и Анастасия изображены в коронах в окнах карет, и когда княгиня Анна провожала сына Александра в Орду в 1339 г., и когда встречали Анна и Анастасия в Твери тела князя Александра Михайловича и княжича Федора[15].

Деятельность княгини Анастасии, главы семьи Александровичей, отражена на миниатюрах в период «нелюбия» между князем Константином Михайловичем и его племянником — Всеволодом Холмским. Кроме того, летописцы и художники запечатлели ее путешествие из Литвы, куда она ездила за внучкой, которую в Твери окрестил сам митрополит Алексей[16]. Страдательная роль досталась княгине Софье, которую супруг — князь Всеволод — отослал в Рязань не в карете, а верхом на лошади (!); княгиням Елене (Кашинской) и Анастасии (Дорогобужской) в момент их пленения великим князем Михаилом Александровичем Тверским, а также княгине Василисе Симеоновой, внезапно умершей после того, как муж, князь Михаил Васильевич, раскопал церковь Троицы в Кашине[17].

Активность княгини Елены уходит на второй план: она просто присутствует рядом с мужем, когда тот въезжает победителем в Тверь, и с внуком, заключившим мир с князем Михаилом Александровичем[18]. Ее советы мужу и сыну в Своде отсутствуют. А главное, нет упоминания княгини «Олены» при примирении в 1375 г. великого князя Дмитрия Донского с князем Михаилом Александровичем[19]. В Рогожском летописце есть важное свидетельство того, что кашинская княгиня, видимо, не только владела отчиной в период малолетства ее внука, но и в дальнейшем была совладелицей Кашина как старейшая в роде.

[8] Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 9. С. 286.
[9] Там же. Кн. 7. С. 78.
[10] Там же. Кн. 7. С. 36, 211, 213.
[11] Там же. Кн. 7. С. 214, 361.
[12] Там же. Кн. 9. С. 90–92.
[13] Там же. Кн. 8. С. 38; Кн. 7. С. 387.
[14] Там же. Кн. 8. С. 50.
[15] Там же. Кн. 7. С. 50, 80, 118, 290, 426, 439.
[16] Там же. Кн. 8. С. 29, 281.
[17] Там же. Кн. 8. С. 112, 351, 355, 397.
[18] Там же. Кн. 8. С. 349; Кн. 9. С. 12.
[19] Ср.: ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 112 (6883 г.).

Таким образом, роль женщин Тверского княжеского дома в Лицевом летописном своде ограничена семейными заботами светской жизни и молитвенным служением Богу. Образы великих княгинь, за исключением небрежных ошибок живописцев, маркированы в миру короной. Отсутствие или наличие украшений в свадебных нарядах князей и княгинь, по-видимому, было вольным решением художников Свода.

Литература

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М., 2004.
Жабрева А. Э. Женский костюм XVI века в миниатюрах Остермановского тома Лицевого летописного свода из собрания библиотеки РАН // Женская традиционная одежда и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. М.; СПб., 2012. Вып 2. С. 26–37.

М. Гардзанити (Флорентийский ун-т)

«СЛОВО О НЕСТРОЕНИЯХ И БЕСЧИНИЯХ» МАКСИМА ГРЕКА: ОБ ИСТОЧНИКАХ ЖАЛОБЫ ВАСИЛИИ

В «Слове, пространно излагающем с жалостью нестроения и бесчиния царей и властей последнего времени», написанном, вероятнее всего, около середины XVI в., в качестве главного действующего лица выступает персонифицированная аллегория — Василия — плачущая женщина во вдовьих одеждах, окруженная жестокими зверями, которая ведет диалог с неким путником.

Ее длинная жалоба содержит постоянные отсылки к суровым предсказаниям ветхозаветных пророков и иллюстрирует смутное состояние настоящего времени. Героиня «Слова» привлекает образ «vergene casta» («девы чистой»), берущий начало в 2 Кор 11: 1–2, что было использовано Савонаролой в поэтическом тексте «De ruina ecclesiae» («О погибели церкви») с обширными отсылками к ветхозаветным текстам и к Апокалипсису.

Максим Грек переработал эту модель Савонаролы, принимая во внимание также и другой поэтический текст «De ruina mundi» («О погибели мира»), на основе искусно выстроенной и сложной библейской экзегезы. В ней аллегория не только иллюстрирует отношения с русским царством, но и более обобщенно — в универсальном горизонте истории — показывает отношения между властью земной и царством Божиим в эсхатологическом ключе и отдает основополагающую роль пророческим фигурам как из Ветхого завета, так и из истории церкви, в которых Максим — alter ego путника в беседе с Василией — себя идентифицирует.

А. А. Гиппиус (НИУ ВШЭ, ИСл РАН)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ УЧРЕЖДЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ АРХИЕПИСКОПИИ[1]

Согласно статье 6497 г. Новгородской первой летописи (далее — НПЛ) младшего извода, после крещения Владимиром Святославичем Русской земли «поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа, а по иныимъ градомъ епископы и попы и диаконы». Этой констатации вторит помещенный в продолжении статьи краткий перечень новгородских владык, озаглавленный «А се новгородчкыи архиепископы» и открывающийся фразой: «пръвыи архиепископъ новгородьскыи Акимъ Корсунянинъ»[2]. Представление об исконном титуловании новгородских иерархов архиепископами отражает и использование этого титула в общем тексте двух изводов НПЛ, в котором он регулярно встречается с XI в. (первый раз под 1077 г. применительно к Феодору). Иную концепцию, членящую историю новгородской кафедры на два периода — епископский и архиепископский, отражает пространная версия перечня: здесь ряд архиепископов открывает Илья. Историческая недостоверность этой схемы явствует из факта именования архиепископом Нифонта в надписи на антиминсе 1148 г. Ее вторичность по отношению к краткому перечню выдает фраза об Иоанне Попьяне: «отвержеся архиепископии», заимствованная без изменения из краткой редакции и неуместная в композиции пространной. Происхождение данной схемы также не подлежит сомнению: она вызвана к жизни сообщением статьи 6673 г. НПЛ о пожаловании

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00352).
[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1950. С. 163.

Илье архиепископского титула — редактор перечня понял его в том смысле, что предшественники Ильи этого титула не носили. Несмотря на все это, представление о том, что новгородская кафедра сделалась архиепископской только в середине XII в., укоренилось в литературе и сейчас является общепринятым. В последнее время набирает все больше сторонников точка зрения Е. Е. Голубинского, связывающая начальный момент этого преобразования с получением архиепископского титула Нифонтом в 1147 г. в ходе церковного конфликта, вызванного поставлением на киевскую митрополию Климента Смолятича [Успенский; Назаренко; Печников].

Принятие этой гипотезы заставляет считать летописную титулатуру новгородских иерархов до Нифонта (и его самого до 1147 г.) наведенной позднейшими редакторами. Так, согласно Я. Н. Щапову, она «отражает не реальные их права на титул и его употребление в XII в., а те представления, которые существовали в XIV в. во время редактирования и переписки Синодального списка (соответственно — в XV в. для Комиссионного и других)» [Щапов, с. 62]. Такая характеристика, однако, вступает в противоречие с современным взглядом на историю текста НПЛ. Поскольку маловероятно, чтобы редактура была произведена независимо в Синодальном списке (ныне датируемом в его древнейшей части 30-ми годами XIII в.) и протографе младшего извода НПЛ, ее приходится возводить к общему протографу двух изводов — новгородской владычной летописи (далее — НВЛ). В настоящее время исследователи сходятся в том, что младший извод отражает вид текста НВЛ, который она приобрела в ходе «реформы», произведенной не позднее рубежа XII–XIII в., тогда как Синодальный список представляет «дореформенное» состояние текста (см. обзор проблематики и новейшую реконструкцию в статье [Гимон]). В таком случае редактура, превратившая ранних епископов в архиепископов, должна была быть произведена еще в XII в. Однако со стороны летописцев XII в. подобная фальсификация совсем еще недавней истории кафедры выглядит малоправдоподобной.

Сомнения в том, что редактура вообще имела место, вызывает и довольно пестрая картина, которую представляет из себя (архи)епископская титулатура рассматриваемого отдельно Синодального списка. Анализируя ее, необходимо учитывать то очевидное обстоятельство, что всякий архиепископ является в первую очередь епископом и лишь во вторую — носителем архиепископского звания, выделяющего его среди других иерархов. Это особенно справедливо в отношении Новгорода, архиепископия которого носила, как известно, чисто титулярный характер, оставаясь в подчинении Киевской митрополии. Использование архиепископского титула оказывается в этой ситуации в принципе факультативным. Показательно, что за пределами Новгорода новгородские иерархи домонгольского времени, бесспорно обладавшие званием архиепископа, упоминаются как епископы [Назаренко, с. 69]. С точки зрения условий «проявления» архиепископского титула в местном летописании имеет смысл разделять три типа упоминаний: 1) без имени, 2) с именем, 3) с именем и входящим в состав полного титула прилагательным «новгородский». Противоположность друг другу составляют контексты первого и третьего типов. В первых титул «архиепископ» не встречается ни разу; в контекстах же третьего типа с ним выступают имена всех новгородских владык за исключением Аркадия. Если бы титулатура Синодального списка была наведена ex post, это важнейшее исключение следовало бы признать случайным. Между тем сразу два обстоятельства оттеняют его историческую закономерность: 1) Аркадий — первый из новгородских иерархов, не назначенный из Киева, но избранный самими новгородцами; 2) преемник Аркадия на кафедре Илия — единственный владыка, пожалование которому архиепископского титула специально отмечено летописью. Доверяя летописи (а оснований не доверять ей мы не видим), можно, в порядке обсуждения, высказать следующую гипотезу. Почетный титул архиепископа предстоятели новгородской кафедры носили с момента ее учреждения — как это и написано в статье 6497 г. младшего извода НПЛ. Аркадию, избранному в Новгороде вопреки устоявшейся традиции, было при хиротонии в этом титуле отказано. Положение было восстановлено при Илье, но не сразу, а лишь после дипломатической миссии юрьевского игумена Дионисия, ходившего «с любовью в Русь»[3] — возможно, именно для того, чтобы уладить вопрос с архиепископством.

Не противоречат этой реконструкции и значительно увеличившиеся за последнее время сфрагистические и эпиграфические данные.

[3] Там же. С. 32, 219.

Литература

Гимон Т. В. Рубеж XII–XIII вв. в новгородском летописании // Slověne. 2017. № 2. С. 163–187.

Назаренко А. В. Киевский митрополит Иоанн I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 67–76.

Печников М. В. Новгородский свт. Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4 (47/48). С. 237–278.

Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

Щапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси XI–XIII в. М., 1989.

О. В. Гладкова (ОИДР)

ЗНАЧЕНИЕ ГРАФИКИ И ПУНКТУАЦИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПОВЕСТИ ОТ ЖИТИЯ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

(на материале списка РНБ. Соловецкое собр. № 287/307)

Повесть от жития Петра и Февронии Муромских Ермолая-Еразма (далее — Повесть) — произведение, хрестоматийно известное, введенное в научный оборот еще в XIX в.[1] В большинстве публикаций текст Повести сопровождался разделением его на четыре части[2] (не считая предисловия) и на абзацы. Такая дифференциация текста, опирающаяся прежде всего на труды М. О. Скрипиля[3] и Р. П. Дмитриевой[4], стала восприниматься как авторская, что на самом деле не соответствует ни авторским знакам рукописи, ни композиции, ни даже общему смыслу произведения.

Задача доклада заключается в попытке реконструкции разделения текста авторского списка Повести (РНБ. Соловецкое собр. № 287/307, сер. XVI в.) на основе его комплексного исследования – палеографического анализа, позволяющего выявить особенности графики и пунктуации рукописи, и герменевтической интерпретации полученных результатов с целью уточнения сюжетно-композиционного построения произведения.

В докладе будут рассмотрены строчные знаки и их позиции: более крупные по сравнению с обычными точки, иногда находящиеся между верхней и нижней границами строки и отделенные как от предыдущего, так и от последующего текста заметным интервалом (•), обычные точки, запятые, а также прописные и строчные буквы и их позиции. Таким образом, можно будет попытаться ответить на вопрос, насколько визуальное графическое разделение и маркирование текста информативны в плане его содержания.

В докладе будет представлена попытка классификации всех случаев употребления больших точек и прописных букв в авторском списке Повести. Так, большая точка (•) может сочетаться с последующей прописной буквой, но может сочетаться и со строчной. Наиболее часто (по соотношению точка/текст) большая точка присутствует в богословском вступлении-предисловии, которое отделено троекратным повтором знака. Последнее встречается лишь один раз и свидетельствует о том, что предисловие понималось автором как особая часть произведения:

гако ж си ст҃ы
прослàвї ѻ ни́хже на слѡ́во предлежи • • •[5]

Большая точка может завершать какую-то значимую, законченную по мысли часть, а последующая прописная буква начинать новую:

ви́димаꙗ ж
нбнаꙗ стихїꙗ сотворѝ сл҃нце и ꙗ҆ѹнѝ и звѣ́
зды • И на земли ж дре́вле созда чл҃ка по своѥ́м
ѡ҆бразѹ.

И т. д.

Постановку указанных знаков можно представить в виде условной схемы, где стрелкой (→) обозначен текст, а в квадратные скобки помещены крупные точки, прописные буквы и обычные точки в позиции перед прописной буквой:

[1] Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. 1. С. 29–48.

[2] С указанием номеров частей римскими цифрами.

[3] *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии (тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 224–256.

[4] Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 209–324.

[5] Повесть цитируется по изданию: [Гладкова, 2008, с. 218–235] — с сохранением деления на строки.

Заглавие: [повесть ѿ житиꙗ ст҃ы новы чю҆творе҆]

Вступление: [Б]→[·]→[·][И]→[·]→[·][Б]→[·][Є]→[.][С]→[·][Н]→[···]

Собственно житие: [Сє]→[.][В]→[.][·]→[·][С]→[·]→[.][С]→[.][С]→[.][С]→[·]→[,][С]→[.][С]→ [·]→[·][И]→[·]→[·]→[.][С]→[·]→[·][Є]→[.][С]→[.][П]→[.][С]→[.][С]→[·] [И]→ <Похвала:> [.][М]→[·]→ [·]→[.][Н] →

На основании проведенного комплексного анализа были сделаны следующие выводы:

а) Безусловно, вступление (предисловие) выделено автором как особая часть текста, его заканчивает и выделяет самый сильный и визуально самый заметный знак (· · ·). Далее такой знак в тексте Повести не встречается.

б) Сочетание крупной точки (которая либо заканчивает значимый фрагмент, либо начинает его, либо совмещает две эти функции) и прописной буквы разделяет вступление и собственно житие на пять неравных по объему частей. Таким образом, во *вступлении* выделяются следующие части: 1) описание Творца и сотворение им видимого и невидимого; 2) сотворение человека; 3) желание Творца спасти человека; 4) рассуждение о божественной и человеческой природе Христа, притча о древе, искупительная жертва Христа, слова Павла; 5) подвиги во имя Христа пророков, апостолов, мучеников и всех святых, к числу которых принадлежат и те, о ком пойдет речь далее. В *собственно житии* выделяются: 1) рассказ о Павле, его жене, змее, поединке Петра со змеем, поиске врачей (совпадает с делением Р. П. Дмитриевой; это *прообразовательный зачин*[6]); 2) рассказ о Февронии, заканчивающийся чудом с крошками (таким образом полностью выделена *история спасения Петра через Февронию*[7]); 3) диалог Февронии с боярами, притча о женском естестве, чудо о проросших деревцах и т. д. (выделена *история идеального правления и идеального супружества*); 4) завершение земного бытия, кончина, история с гробами (так выделена часть, посвященная *монашеству, преставлению и посмертным чудесам*); 5) *обращение людей* за исцелением. *Похвала* выделена особым сочетанием знаков: намерение воздать похвалу отмечено прописной буквой, а первые два «радуйся» начинаются с крупной точки.

в) Остальные знаки и сочетания знаков могут свидетельствовать о более мелком смысловом членении.

Таким образом, можно сказать, что употребление разного вида точек и прописных букв выглядит у Ермолая-Еразма вовсе не случайно, а вполне обоснованно с точки зрения содержания, что ставит исследователя перед необходимостью учитывать эти знаки при научной публикации текста и анализе его сюжетно-композиционной структуры.

Литература

Гладкова О. В. О славяно-русской агиографии. Очерки. М., 2008.

Гладкова О. В. Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX–XX веков. М., 2013.

[6] О прообразовательном зачине в агиографии см.: [Гладкова, 2013, с. 275 и след.].

[7] Подробнее см.: [Гладкова, 2008, с. 108–109].

А. А. Горский (ИРИ РАН)

НАСЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIII В., БАТЫЙ И МАЧЕХА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В 1247 г. великим князем владимирским стал Святослав, младший брат умершего в Каракоруме 30 сентября 1246 г. Ярослава Всеволодича. Занятие им стола во Владимире соответствовало порядку наследования княжеской власти на Руси и воле самого Ярослава. Тем не менее в том же 1247 г. Андрей и Александр Ярославичи отправились к Батыю и затем в Каракорум, где Александр получил Киев и формальное старшинство над всеми русскими князьями, а Андрей — Владимир. И впоследствии на великое княжение могли претендовать только потомки Ярослава, то есть монгольские правители оказывали предпочтение именно им.

Из известия Иоанна де Плано Карпини о жене Ярослава, находившейся в ставке Батыя и отправившей вместе с ним гонца к Ярославу в Монголию, следует, что овдовевший в 1244 г. великий князь успел вступить в третий (противоречивший канонам) брак. Вероятнее всего, это произошло во время его пребывания у Батыя весной 1246 г., и женой Ярослава стала близкая родственница правителя улуса Джучи. В этом случае у Ярославичей появилось свойство́ с Батыем и вообще Чингизидами, что и повлекло последующую поддержку владельческих претензий его сыновей в Каракоруме и Сарае.

Л. П. Горюшкина (МГУ)

ПОСОЛЬСКИЕ ПРИЕМЫ В МОСКВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XVI в.: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В XVI столетии Россия поддерживала оживленные дипломатические контакты с соседями. Порядок приема иностранных представителей предполагал непременные аудиенции у государя, поэтому можно говорить, что в дипломатических приемах сочетались церемониальная сторона придворной жизни и практическая сторона работы служащих внешнеполитического ведомства. Обращение к точным датам (датам с точностью до дня) приема послов государем дает возможность посмотреть, как соотносились эти две стороны придворной жизни: существовали ли приоритеты в выборе дней недели, стремились ли назначить прием на праздничный день или, наоборот, праздник предполагал отказ от практических дел и т. д. Также есть возможность посмотреть, насколько год государя выстраивался под эти приемы: двор ли подстраивался под посольства или, наоборот, послы подстраивались под распорядок государева двора.

Основной источник информации о приемах посланников государем — посольские книги. В отличие от официального летописания, здесь достаточно последовательно фиксировались даты приемов при дворе. Для рассматриваемого периода в нашем распоряжении имеются книги об отношениях России только в восемью партнерами: Польско-Литовским государством, Империей, Пруссией, Швецией, Данией, Крымским ханством, Ногайской Ордой, Османской империей (как с султаном, так и с православными иерархами в его подданстве). Поскольку материалы о дипломатических контактах с рядом стран утрачены, а в сохранившемся корпусе книг имеются досадные лакуны (связанные как с утратой отдельных книг, так и со способом фиксации информации), мы видим только часть картины. Однако сохранившиеся материалы обширны и позволяют если не полностью реконструировать календарную составляющую посольских приемов, то наметить некоторые тенденции.

В сведениях за время правления Василия III имеются значительные пропуски, однако сохранились сведения более чем о 150 аудиенциях для иностранных посланников у государя. Большинство дат относятся к приему посланников четырех государств: Польско-Литовского, Империи, Пруссии и Крымского ханства. Сведения за первую половину правления Ивана IV сохранились несколько полнее. В нашем распоряжении имеются сведения более чем о 350 аудиенциях. Вновь бóльшая часть известий относится к приему представителей только трех государств: Польско-Литовского, Крымского ханства и Ногайской Орды.

Послов принимали, как правило, вскоре после их появления в столице: в большинстве случаев ждать им приходилось в пределах недели. Исключения чаще были связаны с отъездом государя на богомолье или выходом в поход.

Если обратиться к соотношению дней приемов у государя с недельным циклом, то при Василии III отчетливо видно преобладание в качестве «приемных дней» воскресений (треть случаев), вторников и четвергов (по 20 %). Это соотношение в целом справедливо для приема как посланников-христиан, так и мусульман. Впрочем, для христиан чуть выше процент приемов в воскресенье, а для мусульман — в пятницу. При Иване IV тенденция в целом сохраняется: по-прежнему выделяются воскресенья (четверть случаев), вторники (17 %) и четверги (14 %). По остальным дням недели приемы распределены с равной частотой, причем для приемов христиан и мусульман ситуация одинакова. Преобладание воскресений, вторников и четвергов характерно и для точно датированных первых приемов и отпусков (с четким преобладанием воскресений). Знаком расположения государя к послу было приглашение к столу. Для времени Василия III сохранились даты 43 посольских «столов». Соотношение с днями недели здесь то же, что и в случае с приемами: преобладают воскресенья (порядка 40 %), вторники и четверги (по 21 %).

В годы малолетства Ивана IV посольских «столов» не было, они возобновились только в 1539 г. Для 1539–1567 г. сохранились сведения о 134 «столах» для послов. Около трети случаев приходится на воскресенье (это справедливо для приема и христиан, и мусульман), по остальным дням «столы» распределены равномерно, разве что процент субботних случаев чуть ниже.

Ситуации, когда в столице находилось одновременно несколько посольств из разных стран, возникали. Однако переговоры параллельно с несколькими группами послов отмечаются нечасто: обычно сессии чередовались. Известны редкие случаи, когда государь принимал в один день несколько посольств из разных стран. Но сами посольства не пересекались, а стол организовывался только для представителей одной страны.

Перерывы между аудиенциями могли быть довольно значительными (особенно часто в случае с представителями мусульманских стран). В правление Василия III аудиенции чаще приходились на

весенние месяцы, конец лета — начало осени и позднюю осень. В правление Ивана IV распределение аудиенций по месяцам коррелирует с привычкой государя к поездкам осенью и весной: на апрель — май и октябрь — ноябрь приемов приходится меньше.

Обобщая изложенное, можно отметить: согласно материалам посольств, отразившихся в посольских книгах, преимущественными днями, к которым приурочивались официальные приемы при дворе, были воскресенья, вторники и четверги. Хотя первую аудиенцию государь обычно давал послам вскоре после их прибытия в столицу, переговоры с посланниками из разных стран редко проводились параллельно: чаще сессии чередовались. Выбор времени для сессий отражает, в частности, и традиции государева двора (богомолья, праздники и т. п.).

А. В. Григорьев (МПГУ)

УСТОЙЧИВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ «УМНѢИ ОЧИ / УМНАЯ ОЧЕСА» И ЕГО СИНОНИМЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ

В Словаре русского языка XI–XVII в. как синонимичные описываются три устойчивых выражения со словом *око*: *внутрьнѣи очи*, *душевьнѣи очи*, *сердечьнѣи очи*: «ступивъ въ двьри цр҃ьковныя… съ страхъмъ стои, съмотря бываемыихъ съ вѣрою тѣлесныима очима и дшевьныима» (Изб. Св. 1076 г. Л. 55 об.)[1]; «Священникъ же видѣвъ дѣтища сердечныма очима, яко хощетъ съсудъ избранъ быти богу» (Ж. Авр. Смол. 35. XVI в.~XIII в. // ОРЯС. СПб., 1912).

Данные выражения определяются в Словаре русского языка XI–XVII в. как ‘духовный взор’[2], что само по себе требует дополнительного истолкования, при этом в словарях не фиксируется еще одно устойчивое сочетание, которое мы можем найти в памятниках древнерусской письменности: *оумьнѣи очи* (встречается в источниках с XI в.): «Буди пониженъ главою высокъ же умъмь, очи имея въ земли, умьнѣи же въ нб҃си» (Изб. Св. 1076 г. Л. 8).

Выражение *око души* (ψυχής ὄμμα) впервые встречается у Платона («Софист», 254a8–b1, «Государство», 533c7–d4), где имеется в виду ум, который восходит ввысь и пытается методами диалектики (διαλεκτικὴ μέθοδος) познать истинное знание. Для Аристотеля за «оком», которое он упоминает в связи с рассудительностью, так или иначе стоят не только ум, но добродетельный нрав и жизненный опыт [Орлов, с. 88].

Филон Александрийский, комментируя Ветхий Завет, соединяет в своих сочинениях элементы иудаизма и греческой философии. По его мнению, следуя Платону и Аристотелю, посредством разума мы можем прийти и к познанию Бога, Властителя всего сущего (ἡγεμὼν τοῦ παντὸς). Разум есть правитель души и тела человека, который наставляет в добродетели. Поэтому, наряду с выражением *око души*, впервые в эллинистической литературе у Филона встречается сочетание *око ума (разума)*: διανοίας ὀφθαλμός[3].

В то же время в Новом Завете, согласно ближневосточным представлениям, средоточием духовной и интеллектуальной жизни является сердце, именно оно принимает духовное решение об отношении человека к Богу, поэтому закономерно появление в Послании Павла к Ефесянам (Еф 1: 18) выражения *очи сердца* (τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς καρδίας): «Посему, когда Дух откроет нам тайны, тогда и в познании Бога мы будем, и очи наши просветятся и не будем сомневаться и говорить, что невозможно то или другое, но будем видеть все, как есть».

Также в святоотеческой литературе и древнерусских текстах многократно цитируется понимаемый метафорически фрагмент Евангелия от Матфея: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло» (Мф 6: 22–23; Лк 11: 34–36). Истолкователи единодушны, что здесь имеется в виду не орган «внешнего зрения», а некое «духовное око», которое дает возможность человеку реализовать свою жизнь по образу Божьему, служит для связи человека с Богом. В святоотеческой традиции «око» часто понимается как душа (чувственная сторона человека) — Иероним, ум — Иоанн Златоуст или дела и поступки человека — Августин Блаженный [Лопухин, с. 132]. Последняя точка зрения определяется тем, что «в греческом языке и греческой философии ум (νοῦς) — это не просто ментальная способность человека, а принцип жизни — и человеческой, и космической» [Лосев, с. 552].

Таким образом, фактически под «оком» имеются в виду в целом личностные свойства человека,

[1] Фрагменты из Изборника 1076 г. даются по изданию: Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1.
[2] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 328.
[3] De posteritate Caini // Philonis Alexandrini Opera quae supersunt ediderunt Leopoldus Cohn et Paulus Wendland. Berolini, 1897. Vol. II. P. 1–41.

скрытые после грехопадения Адама плотью, в этом случае, согласно библейской традиции, а не какой-то конкретный орган. Понимая это, Иоанн Златоуст в своих сочинениях вводит термин «внутреннее око» (ἔνδον ὄμμα) (De virginitate: PG 48, 537 и др.).

В древнерусских текстах встречаются переводы всех указанных выше греческих сочетаний: *оумьнѣи очи*, *внутрьнѣи очи*, *душевьнѣи очи*, *сердечьнѣи очи* (обычно в форме дв. ч.). В зависимости от оттенков значения и использования (сочетаемости) их можно распределить на несколько групп, учитывая, что точная семантика данных выражений понимается через широкий контекст, в том числе в составе более распространенных устойчивых оборотов[4]:

1. 'О непосредственном богообщении'. Преимущественно используется выражение *оумьнѣи очи (сердечьнѣи очи)* в сочетании с глаголами *возвести*, *воззьрѣти*, *зьрѣти*:

«Буди пониженъ главою высокъ же умъмь, очи имея въ земли, умьнѣи же въ нб҃си» (Изб. Св. 1076 г. Л. 8); «Въскорѣ к Нему умнии очи возведем и оттуду помощь получимъ» (Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, 1620).

2. 'О принятии решений, понимании сущности чего-либо, морально-нравственной оценке в согласии с Богом'. Преимущественно используются выражения *оумьнѣи очи*, *внутрьнѣи очи* (остальные встречаются реже) в сочетании с глаголами *прозьрѣти*, *провидѣти*, *видѣти* и др.:

«Сиа слышавъ самодръжець... рече: "велми сей [слепой] мужь въ разумѣ великъ и умныма паче очима многозрителнѣиши, аще и тѣлесныя сему затвориша"» (Ник.л. X, 197. ок. 1526–1530 г., сп. вт. пол. XVI в., вар. XVI–XVII в.); «И яко преста старець и възрѣвъ на отрока, и прозрѣ внутренима очима, яко хощет быти съсуд избранъ Святому Духу» (Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского, 1417–1418 г.); «Преподобный же Сергий, видѣ благоразумие отрока, зѣло возлюби его... провидѣ внутренима очима душевную его чистоту...» (ВМЧ, 17 ноября, 1530–1554 г.).

3. 'О принятии Бога, укреплении веры или крепости веры и, как следствие, жизни по христианским принципам' (в сочетании с глаголом *просвѣтити*) или 'об отпадении от веры' (в сочетании с глаголом *ослепити*). Могут быть использованы все рассматриваемые устойчивые сочетания (кроме *внутрьнѣи очи*):

«Сбери, г҃и, люди твоя расточеныя и уведи я у ц҃рквь сию и просвѣти очеса умная ихъ (διανόιας)» (Ефр. Сир. II (сл. 48), 262. XIII в.); «Сия окаянная Марфа... тмою прелести латынския ослепи свои душевныя очи лукаваго ради с нею дьяволя сплетения и мысли злыя литовскаго князя» (Из Степенной книги царского родословия, 1560–1563 г.).

Таким образом, нами изучена история и значения выражения *оумьнѣи очи* и его синонимов *внутрьнѣи очи*, *душевныя очи*, *сердьчьнѣи очи*. Показано, что выражение *оумьнѣи очи* в древнерусских текстах оказывается более частотным, чем его синонимы, и требует подробного лексикографического описания.

Литература

Лопухин А. П. Толковая Библия: в 12 т. СПб., 1912. Т. 8.
Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. Кн. 1.
Орлов Е. В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск, 2017.

[4] Цитаты из памятников XIV–XVII в. приводятся по среднерусскому подкорпусу Национального корпуса русского языка: www.ruscorpora.ru.

А. Л. Грязнов (НП НИЦ «Древности», Вологда)

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ БЕЛОЗЕРСКИХ КНЯЗЕЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В XVI В.[1]

В XV–XVI в. земельная собственность была важнейшей составляющей материальной обеспеченности служилых людей и способом сохранения и преумножения капиталов для духовных корпораций. Трансформация структуры общества, усложнение аппарата управления и изменения во внутренней политике, происходившие в это время, отражались в усложнении и изменении законодательства, в том числе и в земельной сфере.

Изучение поземельного законодательства XVI в. имеет давнюю историографическую традицию. Анализировались как отдельные постановления, так и все сохранившиеся указы в целом. Б. А. Романов

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00073 «Родовое землевладение Белозерских князей в XV–XVI вв.».

подробно проанализировал постановления, зафиксированные в Судебнике 1550 г. и в указах 1550-х годов [Судебники, с. 302–319]. Подробный разбор земельной политики при Иване IV содержится в монографии В. Б. Кобрина [Кобрин, с. 68–89]. Майский указ 1551 г. стал предметом тщательного изучения В. Д. Назарова [Назаров]. Отсутствие единства мнений в оценке земельного законодательства середины — второй половины XVI в. показывает, насколько важно уловить акценты, расставленные законодателем, и в этой связи на первый план выходит системный анализ конкретных примеров земельных отношений, зафиксированных в актовом материале и отражающих реальную юридическую практику периода действия соответствующих законодательных актов, а через результат реализации законодательства становится возможным оценить и само законодательство. Сопоставление сведений актов первой половины XVI в. с законодательством 1550-х годов позволяет в общих чертах определить основные моменты, характерные для вотчинного землевладения на Белоозере до середины XVI в.

Ограничение возможности приобретения вотчин на Белоозере иногородцами. О таком запрете, существовавшем при Иване III и Василии III, прямо говорится в указе 1551 г. Судя по всему, такой запрет реально действовал, поскольку сделок с иногородцами в белозерских актах практически не обнаруживается. Три исключения разительно отличаются от ситуации, прослеживаемой по актам XIV–XV в., когда такой закрытости не наблюдается и вотчины на Белоозере приобретают выходцы из разных земель и княжеств.

Отсутствие ограничения на распоряжение вотчинами бездетным вотчинником. Для 1520–1540-х годов есть примеры завещания всей родовой вотчины в монастырь и пример, когда родственникам была завещана только небольшая часть владений бездетного князя.

Право выкупа вотчины не ограничивается только ближайшими родственниками. Например, Иван Нащока Кемский воспользовался правом выкупа вотчин своего четвероюродного племянника, причем операция эта была осуществлена с вотчиной, как завещанной в монастырь, так и проданной частному лицу.

Нормы земельного законодательства распространялись на всех белозерских вотчинников, и для Белозерских князей особых постановлений не издавалось. Об этом свидетельствует текст майского указа 1551 г. и жалованная грамота Кирилло-Белозерскому монастырю от 3 февраля 1556 г. По ней монастырю разрешается приобрести вотчины на 2000 рублей, за исключением ряда земель и «оприч князей вотчинных, которым князем вотчин своих без нашего ведома продати не велено». Поскольку в качестве реализации этой жалованной грамоты за 1557–1559 г. было приобретено несколько вотчин у Белозерских князей на 1850 рублей, то очевидно, что Белозерские князья в число «вотчинных князей» не входили.

В законодательстве 1550-х годов проводится настойчивая линия на регистрацию сделок в Поместной избе. Непосредственно в купчих эта процедура не отражена, но она фиксируется как по ряду свидетельств в текстах различных документов, так и по специальным отметкам, которые были сделаны на актах после регистрации сделки в Поместной избе.

В первые годы после указа 1551 г. в купчих, как правило, не фигурируют родственники продавца, что свидетельствует об учете постановления, согласно которому послух и его потомки лишались права выкупа.

Постановление о правилах определения цены выкупа нашло отражение в судном деле о с. Борисоглебском 1557 г., во время которого князь Данила Ухтомский ссылался на государево уложение.

Указ 1562 г. предписывал изымать вотчину бездетных князей, а при наличии боковых родственников (братьев и племянников) переход им выморочной вотчины обуславливался царским распоряжением. Реализация этого пункта наиболее отчетливо видна на примере князя Александра Ивановича Кемского. Он умер бездетным в 1564 г., и его вотчины были отписаны на царя. Позднее от царского имени по нем был сделан вклад в Кирилло-Белозерский монастырь, сопоставимый по стоимости с вотчинами умершего князя (порядка 500 рублей).

Законодательство в земельной сфере не сыграло решающей роли в разрушении землевладения Белозерских князей в Белозерском уезде, хотя значительный урон, судя по всему, все же был нанесен вотчинам Кемских. Остававшиеся в Белозерье владения Белозерских князей были конфискованы во время опричнины вместе с вотчинами остальных землевладельцев. В Пошехонье вотчинное землевладение во время опричнины не было уничтожено и Белозерские князья в 1570–1580-е годы продолжали владеть родовыми вотчинами, чему есть несколько примеров. Здесь на первый план вышли именно влияние законодательства и реализация заложенных в нем норм на практике. В 1560–1580-е годы подвергались конфискации вотчины бездетных князей, вдов и дочерей, перешедшие в монастыри. В итоге к началу

XVII в. родовое землевладение Белозерских князей в Пошехонье было представлено всего несколькими небольшими вотчинами, а основной объем землевладения приходился на поместья.

Литература

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
Назаров В. Д. Княжеское родовое землевладение в России: традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): мат-лы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 16–35.
Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952.

А. Н. Гуслистова (НП НИЦ «Древности», Вологда)

ТОРГОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ КОМПАНИИ ВОЛОГЖАН ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В. [1]

Семейные торговые компании посадских людей были одной из самых устойчивых форм организации коммерческой деятельности в Вологде — крупнейшем экономическом центре Московского государства XVI–XVII в. Самые известные фамилии вологодского купечества включали в себя несколько поколений предпринимателей, деятельность которых можно проследить на протяжении двух веков. Пример таких компаний в Вологде XVII–XVIII в. мы видим в деятельности торговых семей Акишевых, Пудовых, Чадовых, Колесовых, Митрополовых, Носковых, Поляниных, Рыбниковых [Грязнов; Гуслистова, с. 127].

Опубликованные таможенные книги Тотьмы и Великого Устюга и городские кадастры Вологды 1610–1630-х годов позволяют проследить торговую деятельность тех посадских семей, коммерческая деятельность которых по каким-либо причинам ограничилась первой третью XVII в.

Деятельность братьев Василия и Тимофея Досадиных в начале 1610-х годов была настолько успешной, что семья по дозорной книге 1617 г. была записана лучшей. К 1627 г. братья имели 2 двора и три лавки в соляном ряду. Однако мелкооптовая торговля не была основной деятельностью семейной компании. Тимофей и Василий в писцовой книге 1627 г. названы «судовыми извощиками»[2]. Братья и их взрослые дети Лаврентий Васильев и Фадей Тимофеев владеют внушительной торговой флотилией — дощаниками и лодьями, судами средней и крупной грузоподъемности (длиной от 23 до 56 м). В одну навигацию компания могла использовать до 18 судов, а в течение пяти лет (примерного срока службы таких судов) — около 25 судов. Большое количество судов требовало, помимо ежегодного найма обслуживающего персонала, и содержания внушительного штата приказчиков (как постоянных, так и временных) — всего 27 человек. Учитывая свидетельства покупок Василием Досадиным лодей и «лодейного леса» и то, что почти всегда на судах компании присутствовали как вологодские, так и иногородние купцы, можно сделать вывод, что строительство судов (и возможная продажа) и коммерческие перевозки были основной специализацией семейной компании Досадиных.

Коммерческая деятельность главы семьи Алачугиных (Алачюгиных) Лазаря, скорее всего, началась еще на рубеже XVI–XVII в. В 1627 г. он имел в собственности 5 торговых помещений, которые были даны на основании владения «загородных своих лавок по старому чертежу». По дозорной книге 1617 г. Лазарь назван «середним», то есть имел солидный социальный статус, который к 1627 г. утратил[3]. Хотя в 1620-х Лазарь уже приобрел осадный двор в крепости на центральной улице и вел успешную торговлю в городах Сухоно-Двинского речного пути. Его сын Борис Лазарев с. Алачугин был к этому времени уже взрослым и смог стать полноправным участником семейной компании. Именно он информирует переписчиков о происхождении собственности отца, пока тот отсутствует. В компании в 1620–1630-е годы работает 7 приказчиков, интенсивно (несколько раз за сезон) используются собственные суда (как

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00147 «Просопографическая база данных посадских людей г. Вологды первой половины XVII в.».
[2] Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. М., 2018. Т. 3. С. 34, 45, 95, 170, 249.
[3] Старые торговые места семьи, как и все остальные лавки, и старый Гостиный двор до вологодского разорения 1612 г. располагались ниже крепости около московской дороги (см.: Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 3. С. 31, 35, 37, 41, 47, 94, 167, 246).

минимум 10 дощаников разной грузоподъемности, 2 лодки и барки)[4]. Помимо непосредственно торговли семья занимается и коммерческими перевозками — отец и сын Алачугины перевозят и чужие товары, и предпринимателей с грузами.

Самой многочисленной вологодской торговой компанией первой трети XVII в. была семья Мериновых, известная еще с конца XVI в. В дозорной книге 1617 г. главой семьи назван Андрей Меринов, записанный вместе с племянниками Третьяком и Василием в категорию «середних». Как и у других богатейших вологжан того времени, у Мериновых был участок на Мироносицком берегу и осадный двор в Городе [Грязнов, с. 798–802]. К 1627 г. семью возглавил Семен Меринов, который жил в одном дворе с другим крупным предпринимателем — Богданом Щелкуновым. В таможенных книгах 1620–1630-х годов упоминаются Михаил Андреев (вероятно, сын Андрея, главы семьи в 1617 г.), Никита, Ларион, Третьяк и Семен Ивановы (вероятно, племянники Андрея) и Ермола Третьяков (вероятно, сын Третьяка Иванова). Чаще всего члены семьи выступают как самостоятельные предприниматели, но в нескольких случаях действуют вместе. Очевидно, что в 1620-е годы розничная торговля в городе не входила в сферу интересов этой семьи, так как из коммерческой недвижимости у них было только лавочное место. Основным направлением деятельности семейной компании была транспортировка грузов и, вероятно, оптовые поставки широкого ассортимента товаров.

Семейные компании Досадиных, Алачугиных и Мериновых специализировались на масштабных коммерческих грузоперевозках и транспортных услугах, не теряя связи с мелкооптовой городской торговлей, и достигли значительного успеха, который, в силу разных причин, не удалось позднее закрепить.

Литература

Грязнов А. Л. Торговая компания Акишевых в конце XV — XVIII в. // Хозяйственные книги вологодского архиерейского дома святой Софии XVII — начала XVIII в. М.; СПб., 2018. С. 768–814.

Гуслистова А. Н. Торговые помещения Вологды по писцовым и переписным книгам XVII — первой четверти XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XIX вв.: сборник материалов Четвертой Международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Нижний Новгород, 2018. С. 119–127.

[4] Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. СПб., 2008–2013. Вып. 1–7; Таможенные книги Московского государства XVII века. М., Л., 1951. Т. 1; Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. Ч. 1–3 / Публ. Е. Б. Французова. М., 1984.

А. Г. Гуськов (ИРИ РАН)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТРУКТУРЕ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Внешнеполитическое ведомство Московского государства XVI — начала XVIII в. является одним из наиболее изученных учреждений приказной системы. Однако анализ структуры приказа со времен работы С. А. Белокурова [Белокуров] фактически не получил дальнейшего развития. Исключением стали две статьи Б. А. Куненкова [Куненков, 2003; Куненков, 2012], попытавшегося провести исследование на основе широкого пласта делопроизводственной документации. В итоге автор пришел к выводу об отсутствии в Посольском приказе «стабильных структурных элементов» и прямой зависимости его внутренней организации от персональной специализации старых подьячих [Куненков, 2012, с. 220–222]. Кроме того, в своей кандидатской диссертации и монографии А. В. Беляков опроверг точку зрения С. А. Белокурова о «разграничении посольских дел на западные и восточные» в пяти существовавших повытьях [Беляков, 2002, с. 252; Беляков, 2017, с. 222].

Представляется, что основной спорный момент в рассуждениях подавляющего большинства исследователей структуры Посольского приказа заключался в стремлении выявить четкую систему распределения дел и обязанностей. Подразумевалось, что выявленная схема действовала на протяжении определенного времени. Однако, согласно одному из основных принципов приказной системы, функционал ведомства или служащего определяется приказом-поручением. И меняться они могли достаточно гибко.

Проведенное исследование, основанное на архивных данных, показало значительное разнообразие способов формирования «отделов»-повытий дипломатического ведомства. Так, состав группы дел,

ведавшейся тем или иным старым подьячим, мог оставаться неизменным на протяжении десятилетия, а мог перекассироваться ежегодно. В свою очередь, круг определенных обязанностей, во-первых, мог переходить, вместе с повытьем, от подьячего к подьячему; во-вторых, мог закрепляться за определенным человеком; в-третьих, мог разделяться между несколькими служащими даже на период календарного года (поквартально). Отсутствовало постоянство и в категориальном функционале, например, судебные прерогативы иногда закреплялись за каждым повытьем, а иногда ведались одним определенным подьячим.

Хронологически первую четкую специализацию удается зафиксировать в 1644 г. (РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1695 г. Д. 126. Л. 68–70). Она включала четыре группы дел (компетенций, то есть предметов ведения или круга объектов, на которые распространяются полномочия), «курировавшиеся» старыми подьячими Третьяком Васильевым, Алексеем Корепановым, Иваном Хрипковым и Андреем Немировым. Количество компетенций варьировалось от 4 (у Корепанова — «крымское, дидлянское, Алтын-царь, касимовской царевич») до 13 (у Васильева — «литовское и запорожкие черкасы, цесарево, аглинское, турское» и т. д.).

Всего на настоящий момент удалось выявить и реконструировать более 30 вариантов распределения групп компетенций (структуры приказа) за 1644–1710 г. с лакунами за 1649–1672, 1674–1675, 1696–1699, 1703–1709 г. Общее число групп-«отделов», которые с 1673 г. получают название «повытья», насчитывало от 3 до 7 единиц.

Повытье возглавлялось старым подьячим. Назначение могло производиться и из «средней» статьи, но подьячие сразу же подавали прошения (которые оперативно удовлетворялись) о повышении оклада и статуса. Количество повытий совпадало с числом старых подьячих, причем каждое из них имело порядковый номер, определявший статус его руководителя (то есть глава первого повытья считался первым среди старых подьячих, второго — вторым и т. д.). При освобождении вакансии, обычно в связи с получением служащим чина дьяка (или уходе из приказа), происходило перемещение всех нижестоящих подьячих по иерархической лестнице. Если уходил подьячий из 3-го или 4-го повытья, то стоявшие перед ним руководители «отделов» оставались на месте, а повышались лишь нижестоящие. В редких случаях на вакантное место назначали подьячего из другого приказа, тогда перемещений не происходило.

В некоторые годы дополнительно выделялась малая группа дел, включавшая 1–3 компетенции (направления деятельности), которая не имела статуса повытья. Во главе нее стоял средний подьячий.

Список компетенций для повытья иногда изменялся со сменой руководителя, а иногда оставался прежним. Также подьячий мог получить более высокий статус с комплексом дел прежнего повытья. По каждому из направлений велся отдельный комплекс документации, формировавшийся по годам в отдельный столп (столбец).

Основное число компетенций было связано с внешнеполитическим направлением деятельности приказа и определялось названием государства, владения, народа или правителя: «гишпанское» дело, «французское», «аглинские», «персицкое», «индейское», «польское», «турское»; «галанцы и амбурцы», «вольные городы»; «греки», «армянское», «кумыки»; «папа», «цесарское» дело и т. д. В введении приказа находились выходцы из зарубежных стран, как поселившиеся во владениях русского царя на постоянной основе, так и временно прибывшие с дипломатическими или торговыми целями: «приезды и дела святейших вселенских патриархов», «старцы и приезжие греченя и волошеня», «юргенской царевич Авгань», «Алтын-царь», «аглинские гости и торговые люди», «московские торговые иноземцы» и др. Управляли повытья и отдельными территориями / населенными пунктами, группами населения, категориями служащих: «город Романов — и мурзы и татарове», «московские и ярославские кормовые царевичи и мурзы», «донские казаки», «Мещанская слобода», «переводчики и толмачи» и др. Иногда в повытья определяли узкоспециализированные дела, в той или иной степени связанные с дипломатическим функционалом: «полоняничные окупы», «почта», «вяземские таможенные доходы», «порубежные дела и перебещики».

В целом, основной структурной «единицей» Посольского приказа следует считать группу дел-поручений (повытье), складывавшуюся из обязанностей отдельного старого подьячего (небольшая группа могла управляться средним подьячим). По наблюдению Б. А. Куненкова, их можно полагать своеобразной «личной канцелярией “старых” подьячих» [Куненков, 2012, с. 206]. Отсутствие строго очерченного постоянного функционала определялось не «путанностью» и «нестабильностью» государственной структуры, а принципом необходимости, которая позволяла минимизировать численность и стоимость чиновничьего аппарата.

Литература

Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2002.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.

Куненков Б. А. Структура Посольского приказа во второй четверти XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 99–120.

Куненков Б. А. Персональная специализация «старых» подьячих Посольского приказа и структурирование ведомства в 30–40-е годы XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию В. И. Буганова. М., 2012. С. 205–223.

М. И. Давыдов (Владимиро-Суздальский музей-заповедник)

РОДОСЛОВЕЦ КАЗНАЧЕЯ БОГДАНА МИНИЧА ДУБРОВСКОГО – НОВЫЙ СПИСОК РОДОСЛОВНЫХ КНИГ РУМЯНЦЕВСКОЙ РЕДАКЦИИ

Родословные книги Румянцевской редакции (далее – Рум. ред.) уже давно и по праву пользуются высочайшим авторитетом у исследователей истории средневековой России. Текущее состояние и актуальные задачи дальнейшего изучения Рум. ред. недавно были вкратце проанализированы О. И. Хоруженко [Хоруженко].

Поскольку оба ранних списка Рум. ред. – Румянцевский I (далее – Рум. I) и Академический X – дефектны, исключительную важность приобретает вопрос поиска и ввода в научный оборот новых списков Рум. ред. Характеристике одного такого источника и посвящен настоящий доклад.

Список отложился в составе рукописи листового формата, на 1186 листах, по почеркам и филиграням датируемой 30-ми – серединой 40-х годов XVII в. (Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. № В-5636/519). По низу л. 1–313 (с пропуском отдельных листов) многократно повторяется скрепа «Кн(и)га казначея Богдана Минича Дубровскаго». Последний занимал пост казначея в 1643–1661 г. и, таким образом, являлся либо непосредственным заказчиком, либо одним из первых владельцев фолианта. Посему предлагаем в дальнейшем использовать отсылку к его имени как в названии самой рукописи, так и в названиях входящих в ее состав источников.

Собственно родословец занимает л. 1–103, остальной объем рукописи распределен между тремя блоками разрядных записей. Из них особо следует выделить третий блок (Л. 939–1184 об.). Он включает в себя разряды 7085–7105 г. в редакции разрядных книг 1493–1605 г. (по классификации Ю. В. Анхимюка) и завершается фрагментом разряда 7106 г. (окончание записи утрачено), который представляет собой начальную часть «Сказания о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова». Это – уже четвертый по счету выявленный текст «Сказания», но только второй, где присутствует (пусть и не целиком) начало данного произведения; другой, причем полный список «Сказания», датируемый последней четвертью XVII в., в свое время уже был опубликован[1].

Обратимся к характеристике помещенного в рукописи родословца (далее – Дубр.). Он писан одним почерком, беглой небрежной скорописью, киноварные выделения отсутствуют. Текст сохранился практически полностью – за исключением заголовка и первого листа оглавления с перечнем начальных 37 глав. Всего в Дубр. 43 главы. Структура и состав лиц в Дубр. четко коррелируют с соответствующими разделами Рум. I, что позволяет уверенно говорить о принадлежности Дубр. к Рум. ред. Более того, Рум. I и Дубр. несомненно восходят к одному дефектному протографу. На это указывает следующее обстоятельство. В Рум. I в главе 7 на л. 20 и в главе 12 на л. 70 имеются лакуны; в публикации Рум. I эти пропуски восполнены по другим источникам[2]. В Дубр. аналогичные лакуны присутствуют на л. 17 и 46.

Между собой Рум. I и Дубр. обнаруживают множество мелких несоответствий; если же говорить только о смысловых разночтениях, то их общее число приближается к 180, причем почти в 80 % случаев верными (либо более предпочтительными) являются варианты, предлагаемые Рум. I.

С другой стороны, в Дубр. в главе 8 на л. 20 помещена запись о наличии у князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского сына Михаила (прославленного полководца эпохи Смуты), в Рум. I этой записи нет. Появление данного известия в Дубр. вряд ли следует объяснять избирательным заимствованием из какого-то иного родословца; тут скорее уместнее говорить о том, что доработка Рум. ред. продолжалась и в начале XVII в.

[1] *Буганов В. И.* Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С. 167–184.

[2] Редкие источники по истории России. М., 1977. [Вып. 2]. С. 90, 119.

Отметим важнейшую особенность Дубр. В нем в отличие от Рум. I полностью сохранились первые четыре главы: глава 1 — родословец великих князей русских (начало на л. 1: «Августу, абладающе всею Вселенною, и раздели всю Вселенную брат(ь)е своей» и т. д.); глава 2 — Полоцкие (краткая роспись князей; последним показан Рогволод Борисович); далее, без обозначения номера главы — Черниговские (краткая роспись князей; последним показан Михаил Всеволодович); после главы 3 (Смоленские), без обозначения номера главы — удельные московские князья.

В этой части Дубр. весьма близок списку Уваровскому VII (ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 321; далее — Увар. VII). Обозначим наиболее примечательные случаи совпадения чтений обоих списков. Так, в главе 1 у великого князя Юрия Долгорукого ошибочно указаны два сына Святослава (Дубр. Л. 2, 2 об.; ср.: Увар. VII. Л. 3); в действительности, старший из них именовался Мстиславом. В самом же конце главы 1, после упоминания царя Ивана Васильевича и его детей (в Дубр. — царевичей Ивана и Федора, в Увар. VII — царевичей Ивана, Федора и Дмитрия), помещена уникальная запись о роде старицких князей: в Дубр.: «А княж Ондреев с(ы)н Владимер. А у Владимерав (sic!) с(ы)н Василей, Иван да Юрьи» (Л. 30); в Увар. VII: «Княж Ондре[ев] сын Владимер. У Владимера сын Василей, Иван да Юрью (sic!)» (Л. 4 об.). Добавим, последнее известие в 1843 г. было опубликовано (с произвольными чтениями и без точной ссылки на рукопись) тогдашним владельцем Увар. VII И. П. Сахаровым [Сахаров, с. 141] и с тех пор являлось, по сути, единственным введенным в научный оборот источником, где не просто фиксировался сам факт реального существования у князя Владимира Андреевича младших сыновей, но и сообщались их имена.

Археографическая значимость Дубр. представляется совершенно очевидной, особенно в свете ведущихся в настоящее время работ по подготовке нового, более полного и качественного издания Рум. ред.

Литература

Хоруженко О. И. Румянцевская редакция родословных книг: итоги и перспективы изучения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 153.

[*Сахаров И. П.*] О детях Старицкого князя Владимира Андреевича // Москвитянин. 1843. Ч. 5. № 9. С. 140–142.

А. В. Дедук (РГАДА)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ АЛЕКСИНА XIV–XVI В.

В докладе рассматривается проблема локализации городища, на котором располагался средневековый Алексин. В археологической литературе фигурируют три городища с средневековыми слоями, некогда находившихся в Алексине и его окрестностях: Ильинское, Сорокинское и Петровское. Относительно расположения Ильинского городища и его сохранности (не ясно, было оно уничтожено карьером или нет) были высказаны различные точки зрения. В докладе на базе картографического материала XVIII–XIX в. показана локализация Ильинского городища. Кроме этого, в докладе будут высказаны соображения по топографии Петровского городища и слобод города в конце XV–XVI в.

А. В. Дедук (РГАДА), А. В. Шеков (Тула)

К ВОПРОСУ О РОДОВОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ КНЯЗЕЙ ВОЛКОНСКИХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Генезис родового княжеского землевладения в России XVII в. до сих пор привлекает внимание исследователей [Павлов]. Нами были опубликованы сведения о том, что еще в первой четверти XVII в. князь Федор Волконский имел вотчину в самом центре былого княжества своих предков [Дедук, Шеков, с. 35–36]. Сейчас можно уточнить, что это был князь Федор Иванович Мерин Волконский, племянник князя Федора Тимофеевича Ястреба Волконского [Волконская, с. 32–37][1]. 16 мая 1613 г. была «запечатана грамота в Олексин по челобитью князя Федора Волконского: а велено старые его вотчины

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Ед. хр. 85. Л. 83–83 об.

села Березова крестьяном слушать по-прежнему»[2]. Пока это наиболее ранние сведения о владениях князя по р. Волконе, в состав которых входило и Тимофеевское городище — остатки укрепленного центра бывшего Волконского княжества.

Согласно отказной книге 7131 (1622/1623) г., земли княжеской вотчины были разделены между шестью помещиками, по 100 четей каждому[3]. Причина потери князем Ф. И. Волконским этого родового владения пока неясна, умер он позже — около 1630 г. [Волконская, с. 36].

Интересные сведения о борьбе между представителями разных ветвей рода князей Волконских за родовую вотчину — село Супруты и половину села Никольское (Беликово) с деревнями и с пустошами — в Колоденском стане Тульского уезда, в исторической Волконе, содержатся в деле 1640— 1645 г. о разделе вотчин и поместий князя Ивана Григорьевича Волконского, умершего бездетным[4]. Этот спор без сносок на место хранения и номера дела кратко описан в известной работе Е. Г. Волконской [Волконская, с. 48, 336—337]. Список с духовной князя А.В. Волконского 1601 г. из этого дела был опубликован А. В. Антоновым[5].

После смерти бездетного князя Александра Васильевича Волконского названная вотчина была отдана царем Борисом Годуновым за крымское посольство 1601—1602 г. князю Григорию Константиновичу Волконскому, довольно дальнему родственнику умершего [Волконская, с. 45— 48; Шеков, с. 335][6]. В 1640 г. князь Василий Богданович Волконский оспорил законность этого пожалования, сообщив в челобитной царю о том, что его отец, троюродный брат князя А. В. Волконского, «при царе Борисе по холопью доводу был за приставом у князя Данила Мезецкого», когда Григорий Константинович «по ложному челобитью» получил «их родовую вотчину». После освобождения князь Богдан Федорович яко бы судился за родовое наследство, но при царе Борисе дело было «не вершено». Затем «была та вотчина в споре и при боярех де под Москвою… и та де старая родовая вотчина отцу ево отдана, и владел тою вотчиною по свой живот», пока его не «убили под Москвою литовские люди»[7].

5 июля 1614 г. царь пожаловал князя Г. К. Волконского «старою ево вотчиною, что ему дано при царе Борисе за крымскую службу, а преж сего была за иноземцы, за Юрьем Албертом да за Индриком Кляусовым…». «А сказал, были де у нево на ту вотчину, на село на Супруту з деревнями царя Бориса и царя Василья жаловалные грамоты, и… в московское разоренье згорели…»[8].

В 1644—1645 г. спорная вотчина была разделена «полюбовно» между князьями Волконскими — Василием Богдановичем, с одной стороны, и близкими родственниками Григория Константиновича, племянником Львом Михайловичем и сыном другого племянника Андреем Михайловичем — с другой [Волконская, с. 48, 337]. Материалы дела проясняют и другие конкретные обстоятельства борьбы князей Волконских за свои старинные родовые вотчины в России эпохи царя Михаила Федоровича.

Например, в ходе указанного спора князь В. Б. Волконский обвинял оппонента в том, что «он, князь Лев, ведоя мое на себя челобитье, умысля, что ему та вотчинка некрепка, заложил ту спорную родовую вотчину за моим челобитьемь Василью Жидовинову и просрочил, и не проча себе, ту вотчинку разоряет и крестьянишек на правеже беспрестанно мучит, хотя ту вотчинку вечно запустошить»[9]. В итоге, в октябре 1643 г., по государеву указу, было «велено князя Лва да князя Ондрея Волконских дати на поруки в вотчином деле». Однако те «поруки по себе не дали и в Помесной приказ не пошли, учинились сильны». После того, как «пристав Матюшка Утинской в Помесной приказ привел князя Ондреева человека Волконского, и того ж часу в Помесной приказ пришел князь Ондрей Волконской с людьми своими и пристава Матюшку Утинского в приказе бил, и человека своиво у пристава выбил, и ис Помесного

[2] Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.). М., 1994. С. 95, 111, 112.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Алексин. Ед. хр. 10337. Л. 1—5; список с выписи: Там же. Столбцы по Туле. Ед. хр. 786/37893. Б/п (на 3 л.).

[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Туле. Ед. хр. 657/37795. Л. 1—138; 662/37800 (на 3 л.); 677/37812 (на 3 л.); 694/37825 (на 5 л.); 714/37837 (на 3 л.); 728/37848 (на 6 л.); 737/37853 (на 2 л., на 5 л.); 727/37847 (на 4 л.); 717/37839 (на 4 л.); 715/37838 (на 5 л.) и др. Авторы настоящих строк готовят публикацию спорного дела о вотчинах князей Волконских. Для этого производится выделение материалов дела из россыпи документов XVII в., хранящейся в столбцах Поместного приказа по Туле. Нумерация склеек столбца может быть изменена, сформированное дело предполагается выделить в отдельную единицу хранения.

[5] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2002. Т. 3. № 77. С. 59—63; *Антонов А. В.* Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 460—462, 471—478.

[6] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. Пол. 1. С. 56; РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Туле. Ед. хр. 657/37795. Л. 39, 41.

[7] Там же. Л. 63—64.

[8] Там же. Л. 41.

[9] Там же. Л. 51.

приказу… увел»[10]. Любопытно, что этот князь — А. М. Волконский — был прямым предком писателя Л. Н. Толстого.

Литература

Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.
Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628–1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 34–41.
Павлов А. Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // Quaestio Rossica. 2018. Vol. 6. № 4. P. 955–971.
Шеков А. В. Политическая история и историческая география Верховских княжеств. Середина XIII — середина XVI в. М., 2018.

[10] Там же. Л. 105–106.

Д. Г. Демидов (Гос. ун-т Чжэнчжи, Тайвань), А. М. Камчатнов (МПГУ)

ПРИЧАСТОДЕТИЕ И ЕГО РОЛЬ В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Принятая в синхронном словообразовании модель образования прилагательных типа *привлекательный* и наречий типа *привлекательно* «глагол → прилагательное → наречие» (*привлекать* → *привлекательный* → *привлекательно* и т. п.) может быть поставлена под сомнение: в эту модель не вписывается слово *следовательно*, потому что в русском языке нет и не было прилагательного **следовательный*.

Наблюдение за употреблением слов на *-тельный* показывает, что очень часто они употреблялись как причастия. Например, слово *касательный*, по данным НКРЯ, во всех зафиксированных случаях употреблено в значении причастия ‘касающийся’: свободность, *касательная* нравов; иждивении, *касательном* до пищи; предосторожности, *касательныя* до болезни; в делах, *касательных* до блага государства, и т. д. По этой причине слова на *-тельный* можно условно назвать «подобнопричастиями».

Известный из истории языка факт, что местоименные прилагательные образовались из именных, позволяет предположить, что слова на *-тельно* были первичными, а на *-тельный* — вторичными.

Такие «подобнопричастия» на *-тельный* были описаны М. Смотрицким в его «Грамматике славенския правилное Синтагма» и названы им причастодетиями: это, как и причастия с деепричастиями, формы глагола, обозначающие необходимость будущего действия или способность к будущему действию: «Причастодѣ́тїе Гл҃ъ прича́стный нарица́етсѧ ну́жду дѣ́йства знамену́ющїй».

Анализ употребления в памятниках древнерусской письменности таких слов, как *волительно*, *творительно*, *ослабительно*, *растительно*, *согрѣвательно*, *спасительно*, *побѣдительно*, *прощательно*, *обладательно*, *учительно*, *губительно*, *мучительно*, *огорчительно*, и ряда других убеждает в том, что все они имеют общее значение ‘способный к действию, названному производящей основой’.

В грамматиках русского языка причастодетию, в котором видели искусственную форму, созданную в подражание латинскому герундию, места не нашлось, и это справедливо, так как далеко не от каждого глагола может быть образовано причастодетие, что, собственно, и лишает эту форму статуса грамматической.

Однако причастодетие может быть понято как звено в словообразовательной модели «глагол → причастодетие → прилагательное» (*губить* → *губительно* → *губительный*); значение причастодетия — ‘способный к действию’.

Признание за этой моделью ее исторических прав позволит, во-первых, объяснить, почему в русском языке нет слов вроде **следовztельный* (причастодетие *следовательно* очень скоро стало употребляться в роли союза и вводного слова), во-вторых, отличить от нее другую, хотя и близкую к ней, модель «глагол → прилагательное» (*плавать* → *плавательный*) со значением ‘предназначенный для действия, названного производящей основой’.

Н. А. Демичева (МГУ)

МОСКОВСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПРИСОЕДИНЕНИИ ПСКОВА К МОСКВЕ: ТЕКСТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА

Московская повесть о присоединении Пскова к Москве (далее – Московская повесть) дошла до нас в пространной и краткой редакциях. Пространная редакция находится в Летописце XVI в. (РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 255); в Русском летописце в составе сборника XVII в. (РГАДА. Ф. 181. МГАМИД. Оп. 1. № 365); в сборной рукописи XVI в. (БАН. Ф. 1. Архангельское собр. Оп. 1. Д. 193). В Арх. 193 находится, по мнению М. В. Кукушкиной, наиболее древний текст повести: в нем есть упоминание Соломонии, что говорит о создании текста до развода Василия III с ней, более точно цитируются документы (см.: [Кукушкина, с. 475–476]).

Московская повесть отличается довольно большим объемом и установкой на фактографичность. Отметим, что указанная черта вообще характерна для московского летописания конца XV – XVI в. Например, стиль Московской повести о походе Ивана III 1477–1478 г. близок стилю деловых документов (стремление к точному указанию дат, имен, населенных пунктов при описании передвижений войск и переговоров, наличие перечней подарков, конфискованных земель). Большую часть повести занимает подробное описание передвижений войск Ивана III и удельных князей, откликнувшихся на призыв великого московского князя, а также переговоров Ивана III и новгородцев.

В Московской повести перечисляются имена послов и воевод, подробно описываются перемещения войск Василия III и его союзников, приводятся пространные речи псковичей и московского князя. За счет обильного цитирования речей, занимающего около половины объема текста, в произведении постоянно повторяются одни и те же идеи, выраженные одними и теми же фразами, что придает тексту достоверность и убедительность в глазах потенциального читателя.

Заметим, что слова и обороты «жаловать», «держать в старине», «оборонять» по отношению к деятельности Василия III присутствуют и в псковских, и в московских текстах о присоединении Пскова к Москве. Данные элементы принадлежат деловому языку и, вероятно, попали в эти независимые друг от друга произведения из документов. Однако в псковских текстах есть комментарии автора, в которых выражается сомнение в искренности цитируемых речей Василия III: «…а сердечныя никто же вѣсть, что князь великии здоумал на свою отчину…»[1]; «…лукавствуя ими и играя яко безумными…»[2]; «А все писалъ Псковоу мяхко…»[3]. В Московской повести подобные комментарии отсутствуют, соответственно, нет и противопоставления точек зрения автора и великого московского князя.

Иначе, чем в псковских текстах, изображается в Московской повести конфликт псковичей и И. Репни-Оболенского: псковский наместник первым жалуется Василию III на псковичей. Получается, что псковичи изначально представлены как преступники: «…его государское имя призираху и нечестно своим презорством и непослушанием держаху…»[4]. Акцентируется внимание на внутренних разногласиях псковичей, что также способствует формированию их негативного образа («…насилие велико черным и мелким людем от посадников псковских и бояр»[5]).

В Московской повести создается положительный образ великого московского князя, справедливо разрешающего конфликт. Василий III характеризуется как христолюбивый князь, не желающий проливать кровь («…помолясь живоначальнай Троицы, молебныя совершив…»[6]; «…славя бога и пречистую его матерь и великих чюдотворцов»[7]; «…с великою победою без крови…»[8]).

Краткая редакция Московской повести известна в трех списках: РГАДА. Ф. 201. Собр. М. А. Оболенского. № 46; СПбИИ РАН. Ф. 238. Собр. Н. П. Лихачева. № 513; ГИМ. Собр. А. Д. Черткова. № 115б. А. Н. Насонов выяснил, что эти рукописи отражают свод 1533 г. в особой редакции первой трети XVII в., при этом у Рум. 255 и Чертк. 115б есть общий протограф 40-х годов XVI в. (см.: [Насонов, с. 470–472]).

---

[1] ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 92.
[2] ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 6. С. 25.
[3] ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 225.
[4] Взятие Пскова // Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 187.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 194.
[7] Там же.
[8] Там же.

Хотя краткая редакция Московской повести в целом не отличается по идеологической направленности от пространной редакции, интересно рассмотреть специфику редакторской работы. По объему краткая редакция Московской повести более чем в два раза меньше пространной. Сокращения производятся посредством устранения речей послов Василия III и псковичей, прямая речь заменяется косвенной, однако сохраняются ключевые слова и обороты. Например, в пространной редакции приводится объемная речь псковичей к великому московскому князю. В краткой же редакции слова псковичей устраняются и заменяются на фрагмент текста, занимающий примерно в 8 раз меньше места. Однако редактор использует наиболее значимые обороты из речи псковичей и комбинирует их в единый резюмирующий текст, заменяя прямую речь косвенной. Такая работа была проведена с большинством речей пространной редакции. В краткой редакции также устраняется некоторое количество деталей (имен послов, небольших эпизодов). Причину ликвидации данных элементов следует связывать с их незначительностью и неактуальностью «...для более позднего книжника» (см.: [Никонов, с. 35]).

Таким образом, в Московской повести о присоединении Пскова к Москве отражена московская точка зрения на события 1509–1510 г.: в ней создается положительный образ Василия III и дается негативная характеристика псковичам. В пространной редакции особенно сильно заметно влияние документов. В краткой редакции ликвидируются незначительные детали и сокращаются эпизоды с дипломатическими переговорами.

Литература

Кукушкина М. В. Новый список Повести о псковском взятии // ТОДРЛ. М., Л., 1960. Т. 16. С. 473–476.
Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
Никонов С. А. Московская повесть о Псковском взятии: к вопросу о краткой редакции произведения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2009. Вып. 1. С. 34–36.

И. В. Дергачева (МГИК)

ОТ ПОМЯННИКА К МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ: ПРОБЛЕМЫ КОРРЕЛЯЦИИ КОММЕМОРАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В работе представлена история коммеморативных памятников, начинающаяся с Помянников, включавших перечисление имен лиц живых и умерших для поминовения их на церковных службах и известных в русской церковной практике по источникам начиная с XII в. Наиболее ранний из сохранившихся списков – «Вседенник святыя Богородица честнаго ея Рождества» (РГАДА. Ф. 381. № 141) – относится к рубежу XIV–XV в. Его особая ценность как исторического источника определяется достоверностью, подтвержденной необходимостью вкладов за каждое вписанное для поминовения имя. Существовали Помянники монастырские, соборных и приходских церквей, родовые, куда вносились записи имен одного рода.

Дарственные документы: данные, вкладные и духовные – хранились в фондах монастырей и архиерейских домов, куда и жертвовали вклады для спасения души, а также в органах местного управления – приказных избах, канцеляриях воевод, управлявших городами и уездами, ведавших административными, военными, поместными, финансовыми, полицейскими и судебными делами городов и уездов. Особое значение в поминальной практике имеют духовные, ибо в Древней Руси завещание носило аксиологический характер устроения жизни «будущего века». Наиболее ранние духовные или душевные грамоты частных лиц известны в копиях с XII в., завещания великих и удельных князей – с XIV–XVI в.

Решением Московского церковного собора 1666–1667 г. законодательно вводится практика ведения метрических книг, представляющих акты регистрации крещения, венчания и погребения. Их формуляр был утвержден в 1838 г.: книги имели три части, содержащие сведения о рождении, браке и смерти. Третья часть, ставшая важным коммеморативным документом, указывала имя, фамилию, место жительства, возраст умершего, дату и причину смерти, место захоронения. Метрические книги регистрировали церковные обряды, а не факт смерти, поэтому умершие, вынужденно похороненные без участия духовенства, в них не попадали. Метрические книги являются важным историческим источником и дают подлинные свидетельства о судьбе тех или иных лиц, в том числе умерших за рубежом.

А. Р. Джиоева (БАН)

ПЛАНЫ МОСКВЫ РУБЕЖА XVII–XVIII в. В СОБРАНИИ РУКОПИСНЫХ КАРТ БАН

В коллекции рукописных карт БАН есть шесть планов рубежа XVII–XVIII в., которые не вошли в опубликованные каталоги и оказались вне поля зрения исследователей[1]. Датируются они по водяным знакам, и два из них – 1702 или 1703 г. по дате, записанной буквенной цифирью в исчислении от Р.Х. и впоследствии на две трети обрезанной снизу. Это планы небольших кварталов Белого города и Кремля на листах разных размеров с незначительными утратами.

Самый большой из них (32 × 122 см) охватывает квартал между церковью Иоанна Богослова и Тверскими воротами. На плане указаны дворы с именами владельцев, иногда с промерами по длине и в поперечнике в саженях со ссылкой на писцовые книги 1639 г., также улицы, проезды, выходы со двора, площади, кузницы, лавки, амбары, «Крижечный двор», общественные здания (церковь, богадельня, бани). В отдельных случаях дан рисунок хором.

Имена прежних и новых владельцев дворов позволяют увидеть не столько изменения в сословном составе Белого города, наметившиеся с середины XVII в., [Белокуров, с. 20–54; Сытин, с. 179–180, 190–192], сколько масштабы самой смены владельцев в этом квартале: почти все дворы имеют новых хозяев. В относительно стабильном владении оказались лишь стоящие вдоль белокаменной стены между Никитскими и Тверскими воротами большие Загородные дворы «Ивана Овцы» и думного дворянина Богдана Васильевича Яковлева, а также малые дворы при храме, жителями которых были дьячки, пономари, попы и дьяконы.

Приведем надписи с именами сменившихся владельцев, сокращая формулировку «а ныне тем двором владеет» до минимума: «Двор решеточного приказщика Алексея Кашинцова, ныне… владеет Поместного приказа подьячей Василей Софонов»; «Двор княжны Ирины Голицыной, крестьянина Паисея Андреева… владеет Василей Софонов»; «[Дво]р окольничего… Федора Федоровича Волконского… [плем]яника ево Фомки… владение, [владеет] … Наумов»; «Двор вдовы Марьи Васильевой жены Самарина, владеет подковщик Андрюшка Григорьев»; «Двор Гришки Квасника… владеет мясник Федоско Семенов»; «Двор казенного двора сторожа Архипка Трофимова, владеет дьяк Василей Никитин»; «Двор вдовы Ирины Яковлевой жены Барсова, владеет дьяк Василей Никитин»; «Двор Льва Плещеева человека ево Игнашки Мокеева, а… владеет Бронные слободы тяглец Ротка Сенник»; «Двор сотника стрелецкого Ивана Кубасова… владеет Кирило Воеводин»; «Двор самопального Якова Васильева… владеет хлебенного дворца путной ключник Алексей Скорятин»; «Двор самопального ж Ермолая Юрьева… владеет Алексей Скорятин»; «Двор самопального ж Ивана Яковлева… владеет (оставлено пустое место. – *А. Д.*)»; «Двор немецкого попа Якова, а ныне в том дворе живет вдова Мавра Родионовского жена Мотовилова»; «Двор немчина Ивана Панциуса, а ныне… владеет князь Иван княж Иванов сын Несвицкой»; «В Леонтьеве ж дворе по скаске старожилов в сем месте был двор Андрюшки Чекуна»; «В том же дворе по скаске старожилов в сем месте был двор Фильки корабельщика, а в писцовых книгах 1639 году написан за Пракопьем Володимеровым»; «В сем месте по писцовой книге был двор Фильки ж корабельщика…»; «Двор Большаго приходу пристава Ивана Савельева, а… владеет Иван Иванов сын Бутурлин»; «Двор немчиней Ивана Мецтакова… владеет вдова Пелагея Мецтакова ж»; «Двор сотника московских стрельцов Несмеяна Логинова… владеет стольник Михайло Иванов сын Кутузов Голенищев»; «Двор Сеньки Ларионова… владеет Василей Андреев сын Секерин»; «Двор Любишки Квасника, а… владеет Сибирского приказу подьячей Федосей Федоров».

Показан также участок с новыми дворами, которые в писцовых книгах не фиксировались: «Двор Патриарша приказу подьячего Клима Спиридонова, а в писцовых книгах сего двора не написано»; «Двор Бориса Петрова сына Чаадаева…»; «Двор Приказу Большого дворца подьячего Тимофея Мартынова»; «Двор подьячего Фомы Иванова»; «Двор Хлебенного дворца подьячего Никифора Солманова»; «Двор Казанского приказу подьячего Козьмы Федорова»; «Двор Семена Горяинова»; «Во дворе Леонтья Ермолова, по скаске старожилов, в сем месте был двор Андреевской жены Баркова, а в писцовых книгах сего двора не написано». Подытоживает эту информацию запись: «И сверх писцовых книг прибыло от сих дворов от большие улицы земли 5 сажень бес трети, на длиннике на 13 саженях бес трети».

Чертеж на обороте имеет скрепу: руки приложили Бронной слободы тяглецы «Ротка Михайлов вместо отца своего старожила Михайла Понкратьева сына Шапошника по его веленью» и «Оружейной полаты истопник Симан Золотой вместо старожила Бронной слободы теглеца Родиона Игнатьева (?) с[ына] Сенника по ево ве[ленью]».

[1] БАН. Рукоп. карты. Доп. оп. 82. Л. 1–6.

Другой чертеж (32 × 41 см) охватывает квартал между Большой Никитской и Большой Смоленской улицами и церковью Иоанна Милостивого и Никитским монастырем (Кисловская слобода, Никитский монастырь, дворы мастериц и др.). На обороте листа видны части скрепы.

Показаны: «Большая Никицкая улица», «беломесцовы дворы», прорисован Никитский монастырь, церковь Иоанна Милостивого и некоторые дома.

Среди владельцев дворов названы: князь Василий Долгоруков, Иван Неронов, Апраксин, Анна Петровна Хитрово, Семен Федорович Плещеев, Афанасий Иванович Матюшкин, боярин Петр Иванович Матюшкин, «карла» Иван Юдин; постельницы «Палагея» Старова, Февронья Матвеева, Домна Попова, Степанида Елизарьева, Настасья Тимофеева, Агафья Копнина, «Парасковья» Подобедова, Татьяна Зайцева, Каптелина Степанова, Матрена Агаркова, Анна Соломеина; мастерицы Дарья Красная, Олена Скрыпина, Палагея Зуева; портомой «Кандратей» и портомоя Дарья «Чеббникова»; комнатная баба Соломонида Шпагина.

На других планах показаны двор боярина Н. И. Романова, еще дважды квартал между Б. Смоленской и Б. Никитской улицами и упрощенный до квадрата план Кремля (20 × 31 см) в красках, на котором изображены Воскресенские и Спасские ворота, 4 угловые башни, воеводские хоромы, амбар соболиный, двор пушечной, погреб, колодезь, приказ, зелейный погреб, колокольня, церковь, караульня.

Описанный материал является редким свидетельством истории застройки Москвы накануне переноса столицы в Петербург и должен заинтересовать широкий круг специалистов.

Литература

Белокуров С. А. Планы г. Москвы XVII века. М., 1898.
Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. М., 1950. Т. 1.

Д. Г. Дитяткин (ИРИ РАН)

ПРОБЛЕМА «РУССКОГО КАГАНАТА» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Основанием для разговора о вероятности существования в Восточной Европе в первой половине IX столетия некоего предгосударственного или раннегосударственного образования, получившего наименования «Русского каганата» и «каганата русов», послужил ряд раннесредневековых известий. Наиболее раннее упоминание о хакане «росов» встречается в «Бертинских анналах» под 839 г. О «хакане» русов сообщают также и некоторые арабо-персидские авторы: Ибн-Русте, Гардизи и др., чьи сведения восходят к так называемой «Анонимной записке» (IX в.). Однако лапидарность указанных сведений породила целый ряд вопросов, вокруг которых до настоящего времени ведутся дискуссии.

Во-первых, невыясненным остается вопрос о территориях, занимаемых «Русским каганатом». В исторической литературе предлагаются различные точки локализации этого объединения: Южная Балтика, северо-запад будущих русских земель, Среднее Подонье, Северное Причерноморье и др. Исходя из традиционного представления о существовании в землях восточных славян двух раннегосударственных центров — с Новгородом на севере и Киевом на юге, наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой «Русский каганат» располагался в Среднем Поднепровье. Подобная локализация позволяет рассматривать его в качестве одного из восточнославянских потестарно-политических объединений, непосредственно предшествующих образованию Древнерусского государства. Однако следует учитывать, что эта реконструкция истории «Русского каганата» является все же гипотетической, так как пока вопрос о его локализации не решен окончательно.

Во-вторых, дискуссионной является сама дефиниция «Русский каганат», так как «Бертинские анналы» прямо не говорят о существовании подобного политического объединения, они лишь указывают на наличие титула хакан у правителя росов. В этой связи некоторые исследователи причисляют «каганат русов» к «историографическим фантомам».

Д. Домбровский (Университет Казимира Великого)

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЮЗА ВСЕВОЛОДА СВЯТОСЛАВИЧА ЧЕРМНОГО С РОМАНОВИЧАМИ

Данная работа призвана показать важность микроисторических исследований, что дает, по нашему мнению, возможность наиболее точного использования источников. Отправной точкой является анализ известного в литературе [Пашуто, с. 200; Dimnik, с. 269; Nagirnyj, с. 165; Dąbrowski, с. 73; Kronika halicko-wołyńska, примеч. 153 на с. 48–49], но не исследованного исчерпывающе и разносторонне загадочного абзаца Галицко-Волынской хроники (Хроники Романовичей): «В та ж[е] лѣта кнѧжаше Всеволѡд[ъ] в[ъ] Кыевѣ | С[вѧ]тославичь, | имѣа великоую любовь къ дѣтем[ъ] Романовое» [Kronika halicko-wołyńska, с. 48][1].

Начнем с его источниковедческого анализа. Цитируемый отрывок, возможно, является незаконченным или испорченным, и притом помещается практически без контекста [Kronika halicko-wołyńska, примеч. 153 на с. 48–49]. Находится он в одном и том же месте во всех рукописях источника. Его размещение, несомненно, анахронизм. На самом деле он относится к киевскому правлению Всеволода Святославича Чермного, умершего летом 1212 г. ([Донской, с. 93; Рапов, с. 117; Войтович, с. 404], ср.: [Baumgarten, табл. IV]), между тем он помещен среди информации о событиях, происходивших в Галиче и Волыни после 28 сентября 1213 г. и до осени 1214 г. Их *terminus post quem* устанавливается датой убийства первой жены венгерского короля Андрея II Гертруды фон Андехс Мераниен, что случилось 28 или 29 сентября 1213 г. ([Huber, с. 163–175; Kosztolnyik, с. 46, 57]; ср.: [Wertner, с. 419–420]), *terminus ad quem* – Спишским соглашением между Андреем II и польским князем Лешеком Белым, которое датируется осенью 1214 г. [Włodarski, с. 52].

Не подрывает ли факт неуместности записи ее авторитет? По нашему мнению, нет. Нужно учитывать характер той части Галицко-Волынской хроники, в которой она зафиксирована. Это, несомненно, часть Свода Даниила Романовича, прерванная в 1258 г. и вскоре отредактированная. Эта часть Галицко-Волынской хроники отличается сложным характером. Возможно, ее первая редакция была создана около 1246/1247 г. [Пашуто, с. 68–92; Kronika halicko-wołyńska, с. LXII–LXIX, LXXV]. В ней можно найти многие сообщения, не отмеченные в других источниках. Мы согласны с недавно высказанным мнением А. Юсуповича о том, что, в частности, весь блок известий, в котором интересующий нас отрывок был помещен, мог возникнуть в окружении княгини Романовой [Jusupović, с. 47].

Термин *ad quem* для Всеволода, чтобы он мог показать «великую любовь к детям Романовой», не вызывает сомнений, потому что определяется датой смерти киевского князя. Тем не менее уже не так очевидна и не была предметом обсуждения в литературе дата *post quem* этого факта. Чтобы ее определить, следует обратить внимание в первую очередь на даты правления Всеволода Чермного в Киеве. Как известно, этот Ольгович трижды находился на киевском престоле. Первый раз – с середины августа по октябрь (?) 1206 г. Второй раз – с апреля по конец октября 1207 г. Третий раз – с весны 1210 до середины июля 1212 г. [Літопис руський, с. 522].

Анализ политической обстановки и судьбы Романовичей за это время исключает первые два варианта.

Заключение договора между киевским князем и новым правителем Галича, которым стал в результате свержения правления Игоревичей в сентябре 1211 г. Даниил, в ситуации острой конкуренции на различных фронтах Всеволода Чермного и Ольговичей с Ростиславичами за господство на юге Руси является наиболее вероятным из рассмотренных вариантов. Принимая во внимание время, необходимое для переговоров, это могло произойти уже в конце 1211 г. Мы не стали бы переносить намного вперед дату соглашения из-за известных событий поздней весны и лета 1212 г.

Причины заключения альянса вполне понятны. Для Всеволода это было, в первую очередь, восстановление связей с Галичем, утраченных после падения Игоревичей, и предотвращение участия Даниила в коалиции, созданной Ростиславичами. Фраза, используемая летописцем: «имѣа великоую любовь къ дѣтем[ъ] Романовое», может указывать на то, что киевский князь был инициативной и более сильной стороной союза. Процитированные слова также определяют характер отношений. Всеволод хотел стать защитником Романовичей.

Из-за поражения и смерти Всеволода в столкновении с Ростиславичами летом 1212 г.[2] союз перестал существовать. Его единственным долгосрочным эффектом был брак Михаила Всеволодича с Еленой

[1] Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 729.
[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 109.

(?) Романовной, заключенный для укрепления соглашения. Своеобразным историческим парадоксом является то, что зять Даниила и Василька и его сын Ростислав на долгое время (1235–1245) стали главными врагами Романовичей в битвах за Галич.

Литература

Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006.
Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ренн, 1991. Ч. 1.
Літопис руський за Іпатським списком / Перекл. Л. Махновець. Київ, 1989.
Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle // Orientalia Christiana. 1927. Vol. IX–1. Num. 35. P. 5–95.
Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich. Poznań – Wrocław, 2002. (Biblioteka Genealogiczna, pod red Marka Górnego. T. 6).
Dimnik M. The Dynasty of Chernigov 1146–1246. Cambridge, 2003 (Ed. 2. Cambridge, 2007).
Huber A. Studien über die Geschichte Ungarns im Zeitalter der Arpaden // Archiv für österreichische Geschichte. 1884. T. LXV. S. 153–230.
Jusupović A. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej. Kraków – Warszawa, 2019.
Kosztolnyik Z. J. Hungary in the Thirteenth Century. New York, 1996.
Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. Kraków; Warszawa, 2017. (Monumenta Poloniae Historica. Nova series. T. XVI).
Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziemi halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. Kraków, 2011. (Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. T. XII).
Wertner M. Az Árpádok családi története. Nagy-Becskereken, 1892.
Włodarski B. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925.

А. В. Доронин (ГИИМ)

РУСЬ И НАРОДЫ СТРАШНОГО СУДА: ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ

В рамках проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV – середине XVIII в. в контексте модерного нациогенеза в Европе», инициированного ГИИМ, мы не раз дискутировали по поводу иконографической программы Страшного суда. Коллеги настаивали на том, что народы с рус(с)ких икон XVI–XVII в. имеют отношение к новым надрегиональным идентичностям раннего Нового времени и их следует рассматривать как этнокультурные. Я пытался убедить их в том, что идущие за Моисеем народы – это те, кто уверовал в Бога единого, и их нужно понимать иначе – как этноконфессиональные общности, где доминантой является вера.

И все же почему среди народов Страшного суда – традиционно в правой части композиции (ошуюю Судии) – соседствуют «жидове» и «грекове», «мурини» и «ляхи», «кальвины и люторы» и «арапы», «русь» и «татаре», «немцы» и «калмыки», а еще «турци», «агаряне», «литва», «казылбаши» (персы), «индияне», «песьеглавцы» и др.? Комбинаций множество. Как русь (под кистью рус(с)ких же иконописцев) могла оказаться рядом с «татарами» и «сарацинами», иноверцами и др.? Убедительного ответа на эти вопросы у нас не было, как и у тех, кто занимался этим специально [Berezhnaya, Himka].

Но и В. Я. Петрухин тоже счел «парадоксальным отнесение к языческим народам православных греков и даже русских. Иудеи… также не вполне подходят к роли язычников с точки зрения ветхозаветной традиции» [Петрухин, Белова, с. 305], ведь «в любой традиционной культуре, базирующейся на принципе этноцентризма и связанных с ним представлениях об избранности "своей" веры, преобладающим является суждение о праведности своей конфессии и греховности чужой» [Петрухин, Белова, с. 302].

Ответы на эти вопросы, по моему мнению, нужно искать не в сегодняшней этно-/нациоцентричной парадигме, не в исторических особенностях начального русского христианства, столкнувшегося со многими народами и верами [Буслаев, с. 195], и уж тем более не в «двоеверии», якобы отличавшем древнерусскую иконографию Страшного суда [Цодикович, с. 86 и след.].

По левую сторону от Агнца-искупителя на суд сбираются «все народы» (Мф 25: 31–32), «великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков»

(Откр. 7: 9). Предводительствует ими Моисей. За ним «канонически» первые иудеи [Петрухин, Белова, с. 308] и прочие народы Завета. Среди них и мусульмане (еще в XVI в. их считали в Европе лишь одной из сект); и иудеи; и «индияне» с «калмыками», и «кезелбашене», то есть буддисты и зороастрийцы (которые могли быть поняты как монотеисты); и песьеглавцы (среди них проповедовал Андрей Первозванный). Нет, это не язычники, место которых в геенне огненной *a priori*. Но и с язычниками вместе все это народы Божьи, народы общего/единого Начала. (В XVII в. рассказы о них благодаря революции в географии и книгопечатании могли дойти до Речи Посполитой.) А представление о том, что все это разные конфессии, только начинает оформляться в середине XVI в.

Ни в Ветхом Завете, ни в Новом – даже памятуя о конвенциональности их переводов (так, «язычники» в Синодальном переводе Библии правильно понимать как «языки», ср. с другими переводами Библии) – мы не встретим «нечестивых народов». Да, «нечестивцев», «людей нечестивых», но нигде – «нечестивых народов» (это прерогатива модерных толкований Библии). Ведь все народы в универсальной христианской парадигме едины через Адама в теле Христовом, а история человеческая – общая от начала до Страшного суда, и все народы занимают свое место на ее древе. А те же турки могут стать инструментом в руках Господа в наказание другим народам за отступление от его заветов (ср. падение Константинополя).

Спасение уготовано Человеку, но не какому-либо народу. Всё на суд Господень. И когда Откровение (21: 24) благовествует, что «спасенные народы будут ходить во свете его», то здесь следует понимать людей, как и везде в Библии («всякое племя и колено, и язык и народ» (Откр 14: 6)), а не этносы или нации в их модерной интерпретации.

В. Я. Петрухин признает, что «список [народов Страшного суда] носит по преимуществу конфессиональный, а не этнический характер, поскольку… этничность и конфессиональность выступали как синонимы» в данном случае [Петрухин, Белова, с. 305]. Но это не дает ему оснований утверждать, что «этносы в этом конфессиональном контексте получают статус “языков”, относятся к “язычеству”… и именно поэтому русь и греки оказываются среди языков, предстающих перед Судией» [Петрухин, Белова, с. 310]. Под «языками» следует понимать племена и народы, а не язычников. Моисей ведет на Страшный суд не нечестивые, а, наоборот, избранные народы: «Блаженны званые на брачную вечерю Агнца» (Откр 19: 9). Язычники не званы!

Мир Библии и ее иконография не этно-, но христоцентричны. В этноконфессиональном главное конфессиональное. Это мир веры, а не этносов или наций. Гроб Господень – центр ойкумены, во Христе народы едины, Искупитель свершит суд над народами, когда «приидет во славе Своей и все святые Ангелы с Ним» (Мф 25: 31–32). Все народы едины от Начала, у них общая история, история одних в руках других по воле Господа. Библия не разъединяет и не противопоставляет народы, но собирает их в универсум, кульминацией бытия определяя Страшный суд.

Этноцентричен мир сегодняшний. Мы идентифицируем «свое», отталкиваясь от «чужого», противопоставляя. Мы задаем вопросы иконографии Страшного суда из другой системы мировоззренческих и исторических координат, модерной. Мы тянем нити нашей истории не к Адаму, Аврааму или Ною. Наш мир деуниверсализирован, децентрализован, десакрализован, секуляризирован. Нации утверждают собственные автохтонные начала. Потому и возникает вопрос, как в одном ряду пред Агнцом-искупителем предстали на Страшном суде «турци» и «русь», «индияне» и «люторы и кальвины» и др. Христианину в XVI–XVII в. такой вопрос не пришел бы в голову.

Литература

Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001.
Петрухин В. Я., Белова О. В. О «нечестивых» народах на Страшном суде: эсхатологический и иконографический мотив // Петрухин В. Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 302–310.
Цодикович В. К. Семантика иконографии «Страшного суда». Ульяновск, 1995.
Berezhnaya L., Himka J.-P. The world to come: Ukrainian Images of the Last Judgment. Harvard, 2014.

А. В. Духанина (ИРИ РАН)

РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ЕПИФАНИЕВСКОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

При значительном интересе исследователей к Житию Стефана Пермского, написанному выдающимся древнерусским книжником Епифанием Премудрым в конце XIV или начале XV в., рукописная традиция текста оказалась незаслуженно обойденной вниманием. Обращение к этой теме позволило во многом восполнить возникший пробел. На данный момент известно 36 списков Епифаниевской редакции Жития XV–XVIII в. Около трети списков отражают так или иначе сокращенный текст Жития (без части глав, иногда с перестановками). На основе разночтений построены две классификации списков: по подвидам (с точки зрения близости к оригиналу, с учетом разночтений, связанных с ошибками переписки) и по видам (с учетом элементов стилистического редактирования). Можно говорить о существовании местных традиций текста Жития (например, кирилло-белозерской). Важную часть рукописной традиции Жития составляют отрывки: они известны в составе около 30 сборников; к ним относится самый ранний список Жития (середины XV в.); наиболее распространенным среди них оказалась глава «О азбуке пермской», представленная в сокращенных вариантах. Отрывки из Жития могут помещаться комплексами и образовывать самостоятельные рукописные традиции. Включение в разного рода сборники отрывков из Жития Стефана Пермского свидетельствует о том, что оно воспринималось не только как собственно агиографическое произведение, но и как авторитетный источник исторических, географических, лингвистических, а также церковно-исторических сведений. Изучение рукописной традиции Епифаниевской редакции Жития дало возможность составить представление об истории текста: его редактировании, бытовании и распространении, уточнить его место в древнерусской книжности.

И. И. Елкина (ИА РАН)

ТЕКСТИЛЬНЫЕ НАХОДКИ XIV–XV В. НА ТЕРРИТОРИИ ЗАРЯДЬЯ

Археологический текстиль на территории Москвы и Подмосковья встречается нечасто. В первую очередь это связано с климатическими условиями и составом почв. Тем не менее редкие находки из курганных захоронений, несмотря на их сильную фрагментарность, все же дают общее представление о текстиле домонгольского периода.

Текстиль XVI–XVII в., известный в основном благодаря исследованиям захоронений монастырских некрополей, позволяет ответить на многие вопросы по истории костюма периода позднего Средневековья. Однако текстильных находок, относящихся к периоду XIV–XV в., практически не встречается. Поэтому любая текстильная находка этого времени вызывает несомненный интерес.

При проведении археологических работ на территории Зарядья в 2015 г. в слоях XIV – первой половины XV в. были выявлены сильно фрагментированные текстильные находки (31 предмет), которые сохранились благодаря слою серой супеси с большим количеством щепы и навоза, способствующему сохранности органики. При изучении находок среди них были определены фрагменты изделий, выполненных из шелка и шерсти. В их числе тканые, вязаные, плетеные и валяные изделия. Среди находок имеются предметы импорта: фрагменты дорогих шелковых узорных тканей и сукно. Этим материалам будет посвящен планируемый доклад.

Н. В. Жилина (ИА РАН)

РЕЗЬБА ПО КОСТИ И РОГУ В ДЕКОРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI в.

Резьба по кости и рогу как вид художественного ремесла довольно хорошо изучена, но работы нацелены на исследование региональных материалов и отдельных категорий костяных изделий [Давидан; Бочаров; Флёрова; Smirnova; Меснянкина; Сергєєва; Кондратьева; Иванова, Иванова; Дементьева]. Поэтому остается актуальной общая характеристика декоративной стороны древнерусского костерезного ремесла.

При описании декора приняты во внимание соответствие декора форме предмета, характер декора: бесструктурное покрытие (отсутствие ритма) и орнамент (ритмическая организация). Определяются вид орнамента (геометрический, абстрактно-криволинейный, плетеный, растительный, зооморфный); композиция: бордюр, розетка, парная/геральдическая, сетка. В состав декора могут входить надпись, сакральное изображение, повествовательный сюжет, схема (звено орнамента, знак собственности).

В работе использован археологический материал Старой Ладоги (с середины VIII в.), Новгорода, Гнездовского археологического комплекса, Киева, других памятников Южной и Северной Руси. Декор импортных костяных изделий, известных в данный период на Руси (Скандинавия, Византия), рассматривается, поскольку отражает стилистические закономерности своего времени и важен для анализа процесса сложения древнерусской орнаментации.

Плоскостной геометрический орнамент расчесок и гребней показывает нарастающую тенденцию к соответствию форме. В X в. новгородский материал показывает преобладание композиций с поперечными линиями, в XI в. — с продольным расположением декора [Smirnova, p. 70].

На различных предметах (гребни, ложки, копоушки, наконечники стрел, игольники) более всего распространен геометрический орнамент. Линейный орнамент в виде бордюров подчеркивает общий контур, но образует и более сложные варианты: зигзаг, косые линии (выделены в зоны-полосы). К X — началу XI в. складывается орнамент из косых крестов с заштрихованными зонами и из параллельных угловых линий (по материалам Старой Ладоги с IX в.).

Орнаменты, переходные к сетке (полосы двойных крестов), распространены в X—XI в. Сложившаяся композиция сетки в Старой Ладоге известна с середины VIII — начала IX в., распространена на других памятниках в X—XI в. По материалам Мининского археологического комплекса такой орнамент связан с изделиями из погребений по обряду ингумации XI в. [Меснянкина, с. 224].

Линейный орнамент объединяется с циркульным (точка в центре окружности). Материалы Старой Ладоги показывают развитие к ритмизации: в середине VIII — первой трети IX в. — нерегулярные композиции, в IX в. — краевые и поперечные бордюры; в X—XI в. поперечные бордюры распространены и на других памятниках. Отдельный циркульный орнамент показывает в целом те же тенденции, образуя композиции розетки и сетки к X—XI в.

Абстрактно-криволинейный орнамент более связан с циркульными элементами. Во второй половине IX — начале XI в. наблюдаются повторяющиеся дугообразные фигуры или одиночные S-видные. Линейный арочный орнамент (композиция сетки или бордюра), витой орнамент характерны для накладок византийских костяных ларцов из Гнездово X в.

Плетеный или витой орнамент подразделяется на прямолинейный и криволинейный. Примеры криволинейного тяготеют к скандинавским стилям Еллинге и Маммен. Скандинавский плетеный орнамент характеризуется разной толщиной переплетающихся лент и выделяющимися треугольными звеньями. В X—XI в. есть примеры вещей с одиночными схемами звеньев сложных скандинавских орнаментов, что можно рассматривать как свидетельство их освоения. Плетеный регулярный, прямолинейные витой или плетеный орнаменты можно рассматривать как упрощение и адаптацию сложных скандинавских образцов (Гнездово, Новгород, X — середина XI в.).

Растительно-завитковый орнамент пышного стиля известен на накладках для лука X в. из кургана Гульбище и Седневских курганов (Чернигов и округа). Он демонстрирует разработку на Руси широко известного в Европе одного из наиболее ярких стилей данного времени.

Зооморфные завершения на роговых остриях X в. дают скандинавскую стилистику, но есть и упрощенные примеры с геометризованными звериными головками. Геометризованный характер декора наблюдается на рукояти кнута из Киева (Щекавица) X в. и навершии из Старой Ладоги. Оба предмета обильно дополнены бордюрами геометрического и абстрактно-криволинейного орнамента.

Народную традицию обобщенной передачи зверя и птицы демонстрируют гребень из Пскова и привеска-уточка из Изборска (VIII—IX в.), гребень из Старой Ладоги (X—XI в.), застежки узды из Киева, Вышгорода и Шестовиц (XI в.). Поделки из Тимеревского комплекса дают примеры примитивных попыток передать звериный образ на концах удлиненных предметов (IX—XI в.).

Европейская или германская традиция представлена на фрагментированных изделиях: киевской накладке с изображением грифона (X—XI в.) и ложке с Гнездовского городища (X в.). Пластина византийского ларца с изображением четвероногого зверя отличается геометризованной стилистикой, свойственной византийскому искусству в данное время.

Таким образом, на Руси наблюдаются и, вероятно, усваиваются образцы скандинавского и византийского орнаментов. Упрощенные и обобщенные варианты способны лечь в основу будущих стилей.

Литература

Бочаров Г. Н. Резьба по кости в Новгороде // Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1983. С. 111–140.

Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник. Л., 1962. Вып. 4. С. 95–108.

Дементьева А. С. Гребни первой группы из Гнездова // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. М., 2018. Вып. 1. (Труды ГИМ. Вып. 210). С. 91–101.

Иванова И. В., Иванова Н. Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога // Археологические вести. 2012. № 18. С. 124–144.

Кондратьева О. А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси — России. Археологические и этнографические очерки. СПб., 2011.

Меснянкина С. В. Изделия из кости и рога // Археология севернорусской деревни. М., 2008. Т. 2. С. 215–253.

Сергєєва М. С. Косторізна справа у стародавньому Києві. Кипв, 2010.

Флёрова В. С. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела — Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001.

Smirnova L. Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition Gordon House; Oxford, 2005. (British Archaeological Reports. International Series. 1369).

О. Ф. Жолобов (КФУ)

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА МЕГАТЕКСТА: ТОЛСТОВСКИЙ СБОРНИК XIII в.[1]

Толстовский сборник — рукопись РНБ. F.п.I.39 древнерусского письма из собрания графа Ф. А. Толстого (далее — ТС). Имеет большой объем — 184 л., хотя начало и конец утрачены. Предварительно датирована второй половиной XIII в. [Сводный каталог, с. 324]. Рукопись относится к особому виду книжной продукции в Древней Руси с непостоянным, смешанным составом, образующим мегатекст с продуманной антологической композицией.

В Казанском федеральном университете при поддержке РФФИ впервые готовится интернет-издание рукописи. 97 листов ТС уже стали вместе с модулями поиска и онлайн-указателей частью «Казанской электронной коллекции славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв.»[2]. Параллельно с подготовкой интернет-издания ведется комплексное исследование ТС (см.: [Жолобов 2018а; Жолобов 2018б; Жолобов 2018в; Новак; Пенькова; Žolobov, Novak]). После публикации полного текста ТС его материалы могут быть включены в Словарь древнерусского языка[3], где до сих пор они, к сожалению, отсутствуют.

В качестве объемной антологии-мегатекста ТС представляет срез универсальной грамматики второй половины XIII в., включающей как глубокие архаизмы, так и синхронные инновации, как славянизмы, так и русизмы, в том числе регионализмы.

Показательным и важным оказывается не столько набор тех или иных грамматических единиц или вариантов граммем, сколько их распределение в структуре мегатекста. Так, не может удивить наличие в ТС форм супина, однако расположение их в ТС диагностически показательно: абсолютное их большинство находится в Словах Кирилла Туровского (отношение 14 к 4!), где сохраняются исконные формы супина с управлением РП: пришьдъшалаго ѡжнвїтъ насъ похвалнмъ 5 об., прнде ѡбновнтъ тварн н ст҃ѣстъ ѵ҃лвка 26 и под. Разнообразен состав глагольных лексем в супине, и все это вместе свидетельствует об актуальности данных форм для древнерусского языка. Обращает на себя внимание и необычно высокая концентрация форм настоящего исторического, форм 2 л. ед. ч. аориста и имперфекта, а также перфекта в 3 л. в Словах Кирилла Туровского. В свою очередь, высокой частотностью отличается перфект 3 л. с эвиденциальной семантикой в Сказании Афродитиана. Анонимную Притчу о премудрости характеризуют редкие формы будущего сложного I и II.

Анализ именных и членных форм причастий доказывает, что в номинативе вне подлежащной или атрибутивной функций за редкими показательными исключениями, в отличие от косвенно-объектного употребления, в ТС допускаются только именные формы, что свидетельствует о развитии у них

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, F.п.I.39)» (проект № 18-012-00428).

[2] Электронная коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв., Казанский федеральный университет, лаборатория палеославистики, ИАС «Манускрипт», 2007–2018. URL: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54. Сборник Слов и поучений («Толстовский сборник»), втор. пол. XIII в. (РНБ, F.п.I.39), 184 л. [Электронный ресурс] / О. Ф. Жолобов и др.; проект «Манускрипт». URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=96362255 (дата обращения: 08.05.2019).

[3] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XI–. М., 1988–2016–.

предикативной функции. Именно в этой позиции отмечаются образования с древнерусскими суффиксами: рѣшаѵе 13, прихождаѵе 25, мнмонда 25 об. У Кирилла Туровского эта закономерность выступает наиболее последовательно и проявляется также во внеродовой унификации: нб҃са веселѧтьсѧ своѩ украшающе свѣтила 34 и др.

Наблюдается развитие категории одушевленности, выражающееся в употреблении В=РП, не только в дв., но и во мн. ч.: Книжницѧ нꙁумѣвъшесѧ пытають родителю прозрѣвъшаго 26 об.; въ тъ же ѵа҃с пустивъ ст҃ын еп҃пъ старѣшинꙑ цр҃квꙑнꙑѩ и гражанъ 80 об. и др. Развитие дуалиса проявилось в инновациях — в частности, в местоименном склонении атрибутивных форм. На фоне безошибочного употребления дв. ч. выделяется ранний пример употребления мн. ч. вместо дв.: придоша двѣ женѣ видѣтъ гроба 11 об.

Наибольшее число инноваций наблюдается в системе числительных, где, в частности, представлены самые ранние в книжном источнике примеры числительных *сорок* и *девяносто*.

Обращает на себя внимание такое явление, как вариативность числовых форм существительных и совмещение сингулярных и плюральных форм, когда числовые формы становятся выразителями квалитативной семантики.

Литература

Жолобов О. Ф. О контрастирующих орфографических системах в рукописи XIII в. (к интернет-изданию Толстовского сборника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 77–89. [Жолобов, 2018а]

Жолобов О. Ф. Слово-притча о премудрости в списках XII–XVI вв. // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции (Казанский федеральный университет, 14–17 октября 2018 г.). Казань, 2018. Т. 1. С. 85–90. [Жолобов, 2018б]

Жолобов О. Ф. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы (1–4 октября 2018 г.): труды и материалы. Казань, 2018. Т. 2. С. 73–77. [Жолобов, 2018в]

Новак М. О. Слово на Рождество Христово в Толстовском сборнике XIII в. (РНБ, F.п.I.39): атрибуция и композиция // Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции. М., 2019. С. 137–142.

Пенькова Я. А. Перфект и аорист в Сказании Афродитиана по Толстовскому сборнику XIII в. // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы (1–4 октября 2018 г.): труды и материалы. Казань, 2018. Т. 2. С. 155–159.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Žolobov O., Novak M. Verb Forms Functioning in Cyril Turovskij's Homilies (In Comparison to the *Tale of Igor's Campaign*) // Zeitschrift für Slawistik. 2018. 63 (1). P. 74–89.

А. Е. Жуков (НИОР БАН, СЗИУ РАНХиГС)

ЛЕТОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ: С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ СОЗДАВАЛСЯ «ЛЕТОПИСЕЦ НАЧАЛА ЦАРСТВА»?[1]

«Летописец начала царства» является одним из наиболее значительных произведений русского историописания эпохи Ивана Грозного. Ему посвящена обширная историография. В научной литературе рассматривались обстоятельства, в которых велась работа над текстом памятника, а также особенности его исторической концепции [Зимин, с. 31–41; Лихачев, с. 362–370]. Однако попыток определить, с какой целью создавался «Летописец», не предпринималось. Ниже мы сформулируем некоторые суждения относительно задач, которые ставили перед собой составители «Летописца начала царства». Данный вопрос является ключевым не только для изучения рассматриваемого памятника, но и для летописания в целом, поскольку ответ на него приближает нас к пониманию природы летописного жанра.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что большинство известий «Летописца» посвящено контактам с другими государствами. Причем в памятнике охвачен весь круг дипломатических сношений Московского царства: от Ногайской Орды до Священной Римской империи. Данное обстоятельство само по себе свидетельствует о стремлении авторов «Летописца» дать общий обзор международной обстановки. Методика работы составителей была достаточно проста: в текст вносились краткие записи, которыми предваряются посольские документы [Лихачев, с. 366].

[1] Работа выполнена за счет средств гранта Президента РФ № МК-4070.2018.6 «Летописный свод 1560 г. и русское летописание эпохи Ивана Грозного».

Следует также обратить внимание на рукописную традицию «Летописца начала царства». Памятник сохранился в нескольких списках, доведенных до разных дат. В предыдущих работах мы пришли к выводу, что первоначальная редакция завершалась 1552 г. Впоследствии на ее основе была создана вторая редакция, которая стала официальным летописцем эпохи Ивана Грозного. Ее списки доведены до 1556, 1558 и 1560 г. Данную особенность рукописной традиции мы связываем с их восхождением к одной рукописи, пополнявшейся известиями за новые годы [Жуков]. В разных списках отразились различные этапы работы над ней. Примечательно, что пополнение было не постепенным. Известия за несколько лет вносились в текст единовременно. На наш взгляд, даты, до которых на разных этапах своего существования доходил государственный летописец, не являются случайными. На 1556, 1558 и 1560 г. приходятся наиболее значимые дипломатические контакты Московского государства с православным Востоком.

Греческие послы посещали Москву на протяжении всей первой половины XVI в. Однако с середины столетия дипломатические сношения стали более частыми. Одним из ключевых вопросов, который затрагивался на переговорах, было признание легитимности царского титула, принятого Иваном Грозным в 1547 г. 1 октября 1556 г. в Москву прибыло посольство митрополита Иоасафа Евгрипского [Россия и греческий мир, с. 206]. 20 января 1558 г. старцы Синайской горы Сильвестр и Малахия привезли в Москву грамоту александрийского патриарха Иоакима [Россия и греческий мир, с. 235], а в сентябре того же года на православный Восток было отправлено посольство архидьякона Геннадия и купца Василия Позднякова [Россия и греческий мир, с. 240]. Послы должны были посетить Александрию, Антиохию, Иерусалим и Синай. Наконец, в ноябре 1560 г. из Константинополя прибыла грамота с утверждением царского титула московского государя [Россия и греческий мир, с. 273–275].

Переговоры 1556, 1558 и 1560 г. были достаточно представительными. На них затрагивались ключевые вопросы отношений Московского царства и православного Востока. Подобного рода мероприятия требовали от российских властей подготовки. С одной стороны, было необходимо свободно ориентироваться в международных отношениях. С другой — в интересах московского государя, желавшего получить царский титул и укрепить свое положение в православном мире, было продемонстрировать греческим послам, чем живет его земля и каких успехов удалось добиться на ниве укрепления христианской веры. Именно в связи с подготовкой к приему или отправлению посольств на православный Восток следует рассматривать даты, до которых доведены дополнения «Летописца начала царства». Памятник стал своеобразным справочником, опираясь на который можно было получить представление о внешнеполитической обстановке в Европе. В заключение хотелось бы отметить, что в данный контекст в полной мере вписывается завершение первоначальной редакции памятника взятием Казани. Составители снабдили повествование о Казанском походе многочисленными аллюзиями к Повести о взятии Царьграда турками Нестора Искандера [История русской литературы, с. 452–453], представив присоединение Казанского ханства как реванш православного мира за события 1453 г. [История русской литературы, с. 450]. Таким образом подчеркивалась роль Москвы как защитницы мирового православия.

Литература

Жуков А. Е. К вопросу об истории текста «Летописца начала царства» // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 348–382.
Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.
История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1.
Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1 / Отв. ред. С. М. Каштанов; подгот. к публ. С. М. Каштанова, Л. В. Столяровой, Б. Л. Фонкича.

В. Д. Жуков (РГАДА)

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ПОСОЛЬСТВА ВЕНЕДИКТА СУХОТИНА И СЕМЕНА ЗВЯГИНА В КРЫМ В 1640 Г.: «ЗАЕМНЫЕ КАБАЛЫ» ЧЛЕНОВ ПОСОЛЬСТВА И ИХ ОПЛАТА МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ[1]

Дипломатический кризис конца 30-х — начала 40-х гг. XVII в. обернулся серьезными проблемами для московских посольств в Крыму. Издевательства и пытки над русскими посланниками с целью достижения своих интересов издавна были обычным явлением на территории Крымского ханства [Юзефович, с. 35–36]. В 1639 г., пытаясь добиться от посланников Фустова и Ломакина прибавки к уже врученным

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00496.

поминкам, ближние люди хана Бегадыр Гирея, всячески третируя их, заставили членов посольства брать на себя кабалы у местных ростовщиков с тем, чтобы уплатить недостающие, с точки зрения крымцев, суммы. Долги по вымученным кабалам впоследствии оплачивались в Посольском приказе по приезде туда крымского гонца Салтыка в 1640 г. [Жуков].

Аналогичная история произошла в апреле 1640 г. с посольством В. Сухотина и С. Звягина, направлявшихся в Крым для уплаты поминок хану и его приближенным. Однако в отличие от ситуации, сложившейся с посольством Фустова и Ломакина, где спор развернулся вокруг размера поминок, здесь акцент был поставлен на проблеме титулования русского государя самодержцем[2]. Прибыв в Крым, посланники отвергли все требования чиновников и хана об уплате суммы в дополнение к тому, что было прислано Фустовым и Ломакиным, и «были посажены в подклети» [Новосельский, с. 277–278]. Благодаря вмешательству крымских чиновников Бегадыр Гирей перестал давить на посланников, и «в дальнейшем прием поминок прошел без всяких особых грубостей» [Новосельский, с. 277–278].

Тем не менее хан, не получив от Сухотина и Звягина прибавки к присланной сумме, продолжил нажимать на посланников, подняв вопрос о титуловании русского государя самодержцем. В период XV – начала XVII в. эта проблема не отражалась в дипломатических документах: московские государи фактически не настаивали на своей суверенности, независимости, чтобы лишний раз не обострять отношений с Крымом [Юзефович, с. 29]. Но со времени царя Михаила Федоровича «вопрос этот стал предметом постоянных дипломатических споров» [Новосельский, с. 278].

Вместе с выплатой поминок производилось оформление шертной грамоты, в которой закреплялась та или иная система отношений [Хорошкевич, с. 25]. В условиях неустойчивости мирных отношений между Крымом и Московским государством такие соглашения нуждались в постоянном подтверждении [Новосельский, с. 106]. Присланный с Сухотиным и Звягиным образец шертной грамоты Бегадыр Гирей отверг. В ней московский государь именовался самодержцем. Вместо нее 25 августа 1640 г. хан «шертовал на записи, написанной с “повеленьем” и без наименования государя самодержцем» [Новосельский, с. 106]. Отказавшись принять запись, Сухотин, Звягин и другие члены посольства были подвергнуты пыткам, хотя и не таким жестоким, как Фустов и Ломакин. Не выдержав истязаний, посланники приняли шертную запись Бегадыр Гирея [Лашков, с. 90–94].

Реконструировав последовательность событий, развернувшихся вокруг посольства Сухотина и Звягина, А. А. Новосельский не указывает на тот факт, что посланники и рядовые члены посольства были вынуждены брать займы у местных ростовщиков на собственные нужды[3]. Впоследствии, 9 января 1641 г., 23 заемные кабалы Сухотина, Звягина и их сотрудников, в общей сложности 22 человек, привез в Посольский приказ крымский гонец Мустофа Чилибей, чтобы получить оплату долгов посольства из московской казны.

Состав кабал членов посольства и размер выплат по ним

Соц. группа	Всего человек	Процент от общего числа	Сумма денег, потраченных на каждую группу (в руб.)	Средний размер займа (в руб.)
Посланник и подьячий	2	9	90	45
Переводчик и толмач	2	9	16	8
Служилые по прибору	5	23	330	66
Арбачеи	1	4,5	6	6
Духовенство	2	9	207	103,5
Крестьяне	1	4,5	9	9
Другие	9	41	1062	118
Всего	22	100	1720	50,8

В. Сухотин и С. Звягин были вынуждены платить «поплатную» пошлину за золотую печать, привешенную к шерти: «…И грамоту шертную им посланником в руки дал, а у грамоты привешена

[2] [Новосельский, с. 278]; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1640 г. Стб. 4. Л. 153–155.
[3] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Л. 333–353.

печать царева золотая. И положили на них поплатну и отпустил на стан»[4]. По расходным книгам мы видим, что для оплаты пошлины за печать посланники брали займы у местных купцов и потом государева казна оплачивала их долги: «…И в росходных их Венедиктовых и Семеновых книгах написано, что они те денги 11 рублев заняли для государева дела к цареве шертнои грамоте на печать. И по государеву указу те денги плачены гонцом из государевы казны из Болшого приходу»[5].

Сопоставление данных по кабалам двух посольств — Сухотина и Фустова — показывает, что в 1641 г. на их оплату было потрачено меньше, чем в 1640 г. Это связано, прежде всего, с меньшим количеством заемщиков в посольстве Сухотина, нежели в посольстве Фустова, — 22 человека против 72 соответственно [Жуков, с. 307–308].

Как и в случае с посольством Фустова и Ломакина, большинство заимодателей составляли татары (13 человек). Наибольшее число данных кабал также связано с ними (16 кабал). Средний размер займа, который давали татары, составил 72 рубля. Среди ростовщиков также есть 4 караима, оформивших на членов посольства 6 кабал, по которым они должны были заплатить в среднем 92 рубля, что является самым высоким показателем, по сравнению с татарскими и греческими купцами. Бóльшие суммы займов у караимских купцов, по сравнению с другими, мы наблюдаем также в посольстве Фустова и Ломакина [Жуков, с. 309]. Одна операция по кабале связана с греческим купцом, ее размер — 80 рублей.

Общая сумма займа зависела от количества заимодателей. Из 22 случаев (по количеству заемщиков) мы встречаем лишь один эпизод, когда заимодателей было четыре. В остальных случаях заимодатель был один.

Основная масса займов (11 человек) не превышала 30 рублей. Три человека взяли займов на сумму от 50 до 80 рублей. Пять человек — на сумму от 100 и более рублей и четыре человека — на сумму от 200 и более рублей.

В 1641 г., как и в 1640 г., часть заемщиков должны были вернуть определенную сумму денег государевой казне, оплатившей их обязательства. Из 22 человек на 19 были оформлены кабалы, а на троих — поручные записи. Шестнадцать человек остались должниками перед государством. Из них 7 человек должны были вернуть от 2 до 50 рублей, 9 человек — от 80 до 230 рублей. Выкуп четверых был произведен за счет их жалованья: у троих вычли из жалованья от 6 до 10 рублей и у одного — более 50 рублей.

Московские посланники и раньше сталкивались с недружественным отношением крымцев, но в условиях политического кризиса оно стало особенно жестоким. Споры о размере поминок и именовании русского государя самодержцем в шертной грамоте были главным камнем преткновения в русско-крымских отношениях начиная с эпохи Михаила Федоровича. Обычным делом стали ограбления, пытки и вымогательства денег у посланников и их сотрудников, вследствие чего они были вынуждены оформлять займы у местных купцов. В противном случае, посланникам и их подопечным могла грозить смерть или продажа за море в качестве рабов, а южная граница России могла подвергнуться опустошительным набегам.

Литература

Жуков В. Д. К вопросу о судьбе посольства Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крым в 1639 г.: «заемные кабалы» рядовых членов посольства и их оплата Московским государством // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3. С. 305–310.

Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию (конец XV — начало XVI в.). М., 2001.

Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай: обиход, этикет, церемониал. СПб., 2007.

[4] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1640 г. Стб. 4. Л. 104.
[5] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Л. 334.

Л. И. Журова (Институт истории СО РАН)

МАКСИМ ГРЕК И ВАССИАН ПАТРИКЕЕВ: «СВОЙ» – «НЕ СВОЙ» В СУДНЫХ СПИСКАХ СОБОРА 1531 г.[1]

О влиянии Вассиана Патрикеева на публицистику Максима Грека, сотрудничестве двух ярких личностей писали В. Ф. Ржига, Н. А. Казакова, А. А. Зимин, Н. В. Синицына, Н. Н. Покровский, А. И. Плигузов. В фундаментальном исследовании жизни и творчества Вассиана Патрикеева Н. А. Казаковой линия отношений князя-инока с ватопедским монахом намечена [Казакова], но она может быть выписана тщательнее. Основным источником изучения может служить «Судный список Максима Грека» [Судные списки, с. 90–139][2], в тексте которого сохранились сцены общения двух единомышленников «с очей на очи» и показания свидетелей, которые, по словам митрополита Даниила, были «учениками и советниками» в книжном деле инока грека и князя-инока. В «Судном списке Вассиана Патрикеева» [Казакова, с. 285–318] Святогорец не представлен как участник судебного разбирательства. Н. Н. Покровским сделан вывод о неразрывной связи двух процессов [Судные списки, с. 74]. Необходим полный сопоставительный анализ двух судных списков.

Сотрудники афонского монаха по переводческой деятельности (старец Селиван), писцы (каллиграфы Михаил Медоварцев, Исак Собака), люди из ближайшего окружения Вассиана Косого (монахи Чудова монастыря Вассиан Рушанин и Вассиан Рогатая Вошь), представшие на судебном процессе, связаны «книжным делом», которое стало особым предметом заседаний Собора.

Сами судные списки представляют собой документ исторической памяти, но в них отразилась игра живой памяти индивидуальных личностей. В истории событий, наблюдаемых на судебных заседаниях, можно видеть, как складывались модели поведения личностей. «С очей на очи» главные обвиняемые – Максим Грек и Вассиан Патрикеев – были поставлены в двух эпизодах «Судного списка Максима Грека»: «о хулных строках» в Житии Богородицы, «Метафрастова творения, Максимова перевода», и о Житии Пафнутия Боровского, русского чудотворца. В разбирательстве перевода Жития Богородицы главным моментом стала крамольная фраза: «Иосиф... обручает по совещанию архиереов себе отроковицу, совокупление же до обручения бе». Когда Вассиану Косому дали прочесть о тех строках донос Васьяна Рушанина, то князь-инок сказал: «Мне... до Максима дела нет никакова, и не говаривал есми с ним ничего. А Васьян Рушанин – волнои человек, что хочет, то и говорит, и что хочет, то и пишет. А яз ему и с Максимом, и без Максима не говаривал ничего, и дела ми до них нет» (С. 104). Отказ опального князя от своих друзей, безусловно, тактический ход в поведении подсудимого, но он не снижает значимость разорванных отношений неординарных личностей. В «Судном списке Вассиана Патрикеева» этот эпизод представлен в несколько ином виде: Даниила, главного обвинителя, больше всего интересовал вопрос, посылал ли князь-инок Житие Богородицы на Белоозеро, «во свою пустыню».

В остром обсуждении болезненной темы о святости русских чудотворцев, в частности Пафнутия, рассматривалось Житие игумена Боровского. Максим Грек на суде сказал, что Житие ему дал Вассиан, «И старец Вассиан княж Иванов сын в тот час стал с Максимом с очей на очи, *препирались много* (курсив мой. – *Л. Ж.*): "Яз де тобе жытия Пафнутиева не давывал, и не было у меня николи же житиа Пафнутиево, а тобе есми про Пафнутия никогда ничего не говаривал, то ты на меня все ложь возводишь". И Максим рек: "Господине, душа твоя подимет"» (С. 113). Эта реплика («это на твоей совести») – важная деталь в модели поведения Святогорца. Сцены очных ставок демонстрируют отчуждение друзей. Но в разбирательстве обвинения о «заглаживании строки» в Деяниях (Деян 8: 37) Михаил Медоварцев цитировал Вассиана Патрикеева: «А до Максима есмя по тем нашим книгам Бога хулили, а не славили, ни молвили. А ныне есмя Бога познали Максимом и его учением» (С. 105). Такая высокая оценка, данная старцем Вассианом переводческой деятельности Максима Грека, несомненно, свидетельствует о его уважительном отношении к ватопедскому монаху, о безусловном признании авторитета Святогорца. Следовательно, показания свидетелей истинны, а ответы обвиняемых – игра, самозащита.

Писец и помощник Максима Грека Михаил Медоварцев и старец Вассиан Рушанин, который «у князя Васьяна старца мало время в келье побыл, правя книги у него», в своих показаниях объединяли Максима Грека и Вассиана Косого. Михайло неоднократно подчеркивал, что оба «мне молвили: "То не твоя, ты только пиши, а так то и надобе, то есть истина"» (С. 104); «князь Васьян старец и Максим инок Грек мне молъвили: "Не сказываи ты ничего, занеже они того не ведают, а что они знают? Им надобно пиры и села искати и смеятися с воры"» (С. 102). Сама реплика по интонации похожа на речь Вассиана, признаками которой были обличения и едкая ирония. Но объединение в устах свидетеля имен двух обвиняемых определяет восприятие судьями лиц единой групповой идентичности.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00094а.

[2] Далее текст цитируется по этому изданию, страницы указаны в круглых скобках.

Свидетельские показания и непризнание их обвиняемыми, отказ от сотрудничества разрывают связи между Максимом Греком и Вассианом Патрикеевым. Приводит ли создание зон отчуждения к разрушению идентичности? Речь идет о культурной идентичности, которая формировалась вокруг таких личностей, как интеллектуал Максим Грек и «великий временной человек» при Московском государе — князь-инок Вассиан Патрикеев. Анализ мировоззренческих, ценностных, этико-психологических, прагматических линий поведения участников процесса позволяет видеть возведение границ между ними. В репликах свидетелей наблюдаем явно выраженный когнитивный диссонанс. Признаками групповой идентичности стали общие «вины», но их непризнание развело участников процесса на «своих» и «не своих». Однако наказания, которые понесли все участники процесса, позволяют видеть механизм идентификации членов коллектива книжников, которые находились в многомерном пространстве судных списков с ранжированием значимости их ролей.

Литература

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подг. Н. Н. Покровский. М., 1971.

Нежа З. Зайц
(Институт истории и культуры Словенской академии наук и искусств)

ЕЩЕ РАЗ О «ПАРИЖСКОМ СОБРАНИИ» СОЧИНЕНИЙ ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА

В докладе анализируется рукописное наследие преподобного Максима Грека, которое хранится в Национальной библиотеке в Париже.

В России сохранились три известных варианта полного собрания сочинений, собственноручно составленных преподобным Максимом Греком. В научной литературе эти собрания получили названия Иоасафовское, Хлудовское и Румянцевское (см. об этом подробнее: [Синицына, 1977, с. 223–262]). Каждое из них представляет собой в каком-то смысле самостоятельный свод избранных автором сочинений. Однако остается открытым вопрос: на каких основаниях можно говорить об избранных или собранных им сочинениях? Если признан факт, что преподобный Максим Грек собирал, составлял и правил свои сочинения собственной рукой три раза в своей жизни, то возникает также вопрос, не приступил ли он к работе над собранием своих сочинений в известных списках уже четвертый раз — после первой неудачной попытки.

Рукописное собрание сочинений Максима Грека, которое хранится в Национальной библиотеке в Париже, было названо С. Белокуровым «Нижегородско-парижским собранием» [Белокуров], впоследствии это название было принято также Н. В. Синицыной [Синицына, 2014, с. 34]. Состав сочинений преподобного Максима Грека в этом рукописном собрании — почти полный. Его содержание в большей мере соответствует собраниям Синодальному (ГИМ. Син. 491), а также Хлудовскому и Иоасафовскому. Тем не менее перечень сочинений, опубликованный уже А. Лангелерем [Langeler], по порядку и последовательности расположения текстов не совпадает полностью ни с одним из собраний, хранящихся в российских библиотеках.

В последнее время этой рукописью занимался И. Шевченко [Ševčenko], который не завершил исследование: он остановился на анализе только двух произведений преподобного Максима Грека («Слово о покаянии» и «Слово на еллинскую прелесть»).

Вопрос о дате создания этого собрания пока не решен. Тот факт, что в него включены некоторые сочинения, известные до сих пор только в составе Румянцевского собрания, позволяет предположить, что при формировании «Парижского собрания» были использованы материалы из раннего авторского архива. Но поскольку многие произведения совпадают с Синодальным собранием, эта редакция сочинений в парижской рукописи отражает заключительную стадию авторской работы над собственными текстами. Важнее всего представляется то, что некоторые разночтения отражают следы того протографа, который не сохранился в известных списках рукописи преподобного Максима Грека в России.

Поэтому неслучайно, что при издании Второго собрания сочинений в 2014 г. Н. В. Синицына для проверки текста взяла за основу именно рукопись из Парижа, так как она оказалась ключевой для понимания намерений самого преподобного Максима Грека при его решении приступить к работе по

созданию собрания своих авторских сочинений. Но обилие ошибок и неполное приведение разночтений из парижской рукописи, которое наличествуют в опубликованных текстах Второго тома сочинений преподобного Максима Грека, не соответствует критериям научного издания.

В связи с этим в докладе приводится палеографический и кодикологический анализ рукописи, а также дается сопоставление издания Второго собрания сочинений преподобного Максима Грека с материалом из собрания сочинений, которое хранится в Национальной библиотеке в Париже.

Литература

Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899.
Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.
Синицына Н. В. Творчество преподобного Максима Грека 30–50 гг. XVI в. // Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2. С. 12–46.
Langeler A. Maksim Grek, byzantijn en humanist in Rusland. Amsterdam, 1986.
Ševčenko I. Gleanings 5 (Conclusion) // Paleoslavica. 2001. IX. С. 349–358.

Ю. Н. Звездина (Музеи Московского Кремля)

ИКОНА «БОГОМАТЕРЬ ИЛЬИНСКАЯ ЧЕРНИГОВСКАЯ» 1696 г. ИСТОРИЯ В ОБРАЗЕ

Икона «Богоматерь Ильинская Черниговская», созданная в Чернигове в 1696 г., в ознаменование Азовской победы, была привезена в Москву в январе 1697 г. и передана в дар Петру I архимандритом черниговского Троице-Ильинского монастыря Лаврентием Крщоновичем. Очевидно, он же составил сложную программу образа, включившего в себя множество аллегорических композиций и текстов.

Сегодня исследователи обращаются по преимуществу к иконе из собрания Государственного музея истории религии (далее — ГМИР), Санкт-Петербург, очевидно, созданной после привоза образа в 1696 г. из Москвы под Петербург. Второй список, худшей сохранности, ныне хранится в Москве в Государственной Третьяковской галерее, он датируется примерно так же — первой третью XVIII в. Еще одна икона находится в Ризположенской церкви возле московского Донского монастыря.

По указанию царя Петра образ 1696 г. был поставлен в главном храме России — Успенском соборе Московского Кремля, где совершались важнейшие ритуалы, в том числе венчание на царство, а также оглашались важные государственные указы. Однако образ недолго оставался в Москве. В 1708 г., снова по указанию Петра I, его перевезли в предместье новой северной столицы — Санкт-Петербурга — в ознаменование известия о победе над шведами, полученного здесь царем в праздник Перенесения мощей митрополита Петра. Вскоре на этом месте выстроили деревянную церковь, освященную в память святого, здесь и сохранялась икона «Ильинской Черниговской». Вероятно, тогда же или вскоре после того был создан точный список образа, хранящийся ныне в ГМИР. В 1941 г. храм (в XIX столетии отстроенный в камне) был закрыт, а в 1947 г. разобран. Первоначальный образ 1696 г. исчез.

Сведения об образе в начале XX в. были опубликованы [Карпинский]. Из этой статьи известно, что образ был написан маслом на холсте, приблизительно в то же время в ознаменование победы создано несколько подобных икон, и уже в прежние времена возникла путаница — за образ, поднесенный царю Петру, принимали другие иконы.

На иконе из собрания ГМИР воспроизведены все композиции и тексты, она написана темперой на дереве. Примечательно, что она происходит из той же церкви Петра митрополита в Санкт-Петербурге, где до разрушения храма находился образ 1696 г. Мы можем предположить, что в этой церкви находился и список с первоначальной реликвии, в 1920-е годы переданный в музей. Об образе, написанном на холсте и поднесенном царю, сведений более не имеется.

Известно, что Лаврентий Крщонович привез с собой в Москву и пять экземпляров книги святителя Димитрия, будущего митрополита Ростовского и Ярославского, «Руно орошенное», а также три печатных листа с изображениями Азовской победы (на бумаге и ткани). «Руно орошенное» повествует о чудесах первой Ильинской Черниговской иконы, написанной в 1658 г. монахом Геннадием Константиновичем. Новый образ объединил и тему долгожданного взятия Азова, и триумф монарха-победителя, буквально под сенью иконы Ильинской Черниговской Богоматери.

Для изучения памятника 1696 г. особенно важна серебряная риза к иконе «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1658 г. (вклад гетмана Ивана Мазепы 1695 г., ныне хранится в Черниговском историческом

музее им. В. В. Тарновского). Лаврентий Крщонович — очевидный автор программы образа — использовал композиционные особенности и некоторые сюжетные детали серебряной ризы. Орнаментальные рамки картушей демонстрируют совпадение с серебряными рамками вокруг композиций на раме. Но внутри них помещены совсем другие сюжеты (на ризе это Богородичные праздники). Следует отметить совпадение деталей в композициях на нижних полях. В обоих случаях представлен военный лагерь, а по центру — герб (в отличие от двуглавого орла, на ризе красуется герб Мазепы в окружении воинской арматуры). Обе композиции имеют изображения двух светил — солнца и луны. На ризе они освещают своими лучами представленные на нижнем поле сцены. На иконе 1696 г. полумесяц показан в лапах у льва, то есть трактован как символ Турции, побежденной российским воинством.

После Азовской победы, которая в большой степени была обеспечена черниговским войском под предводительством полковника Якова Лизогуба, в городе ожидалось прибытие царя Петра и патриарха Адриана. Оно, впрочем, не состоялось. Тем не менее патриарх на иконе присутствует как возглавляющий благодарственный крестный ход из Троицкого собора в монастыре, архимандритом которого в том же 1696 г. был назначен автор программы образа, Лаврентий Крщонович.

Царь Петр в образе также присутствует. Он многократно упомянут в протяженных текстах, написанных на полях и фоне иконы. В этом духовном панегирике обыгрывается значение имени Петр — 'камень', что следует рассматривать как текстовую параллель символическому изображению камня внизу по центру, под двуглавым российским орлом.

В Московском Кремле, думается, не могли не реагировать на появление нового образа. В год привоза его в Москву последовало указание патриарха Адриана написать в кремлевский Успенский собор три иконы: «Воскресение Христово», «Распятие с апостольскими страданиями» и «Святые Константин и Елена». Иконы писал патриарший иконописец Федор Никитин Рожнов, мастер Ипполит готовил к ним резные киоты. Работа была завершена в 1699 г. Примечательно, что в том же году царь Петр посетил крепость Азов.

Мы полагаем, что создание этого своеобразного триптиха было связано с Азовской победой (напомним, что первая икона комплекса — «Воскресение Христово» — соответствует воскресному дню, когда был взят Азов). Этот памятник внес еще один смысловой акцент прославления — триумф Всепобедного Креста.

Литература

Карпинский К., свящ. Сведения об иконе Божией Матери Троицко-Ильинской Черниговской, поднесенной, по взятии Азова в 1696 году, Императору Петру Великому // Вера и жизнь. Чернигов, 1913. № 13. С. 45–55.

В. В. Игошев (ГосНИИР)

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА РУССКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЮВЕЛИРОВ В КРЕМЛЕВСКИХ МАСТЕРСКИХ В XVI–XVII в.

В XVI в. в Москву, в царские мастерские Ивана Грозного, приглашались для работы западноевропейские ювелиры, которые совместно с русскими мастерами работали над созданием серебряной раки преподобного Сергия Радонежского. И. Е. Забелин указывает имена царских мастеров-серебряников, русских и иностранцев, которых царь Федор Иванович наградил в 1585 г. после завершения работы по созданию этого замечательного произведения. Раку преподобного делали: Третьяк Астафьев, Гость и Степан Дмитриевы, Булгак и Иван Лисицыны, Микита Макаров, Сидор и Федка Никитины, Иван Островенский, Дмитрий Петров, Григорий Романов, Роман Степанов (он же — Ратман) и Василий Юрьев [Забелин, с. 112]. Ф. Я. Мишуков приводит сведения о создании серебряной раки преподобного Сергия группой мастеров, во главе которых были два иностранца — Клеус Севастьянов и Борис Томосов. В составе артели были: Лисицыны — Иван и Булгак, Петровы — Тимофей и Дмитрий и др. [Мишуков, с. 103] Форма и декор серебряной раки св. Сергия во многом схожи с западноевропейскими образцами эпохи Ренессанса.

В конце XVI — начале XVII в. при дворе Бориса Годунова вместе с русскими работали западноевропейские ювелиры, которые приглашались из-за рубежа. Это венецианский мастер Франческо Аскентини, Яков Ган и др.

После страшного разорения и разрухи Смутного времени в Москве постепенно воссоздаются кремлевские мастерские — Серебряная, Золотая, Оружейная, Царицына и Алмазная палаты. В столицу

приглашаются лучшие иконописцы, оружейники и ремесленники различных специальностей, а также прославившиеся своим искусством западноевропейские ювелиры.

В Золотой палате западноевропейскими мастерами золотого, серебряного, канительного и алмазного дела создаются важнейшие царские регалии, печати, роскошные вещи дворцового обихода: парадное оружие, предметы конской упряжи, золотая питьевая посуда, детали украшения одежд. Особенно большое внимание уделяется изготовлению уникальных драгоценных предметов, необходимых для богослужения в храмах, разграбленных за время Смуты. Это напрестольные кресты, оклады Евангелий, сосуды для Евхаристии, митры, оклады икон, складни, раки и др. Создание таких произведений, поступавших в виде многочисленных вкладов от царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича в храмы и монастыри в различные регионы России, связано с политикой, направленной на собирание земель в единое государство, а также на централизацию и упрочнение царской власти.

В 1626–1627 г. мастер алмазного дела немец Иван (Ян) Лент по приказу царя Михаила Федоровича изготовил детали драгоценного убора на икону Троицы письма Андрея Рублева в Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря. Это три золотые цаты, обильно украшенные многоцветными драгоценными камнями, эмалью и жемчугом. К каждой цате привешены три золотых «плаща».

Группой западноевропейских ювелиров в 1624, 1627 и 1633 г. изготовлены три золотых венца («шапки») государя, повторяющие в общих чертах древнейшие великокняжеские венцы. Из этих венцов, украшенных драгоценными камнями, эмалями, жемчугом, в Музеях Кремля сохранился только один — 1627 г.

Западноевропейскими златокузнецами различных специальностей под наблюдением окольничего В. И. Стрешнева и думного дьяка Ефима Телепнева в 1627–1628 г. изготовлены роскошные золотые предметы царского «Большого наряда» — налуч и колчан. В этой работе принимали участие немцы — Иван (Ян) Лент, Якуб Гаст, Елькан Лардинус (Ларинус), Иван (Ян) Мартинов, Индрик Симфрет, Кондратий Фрик и Яков Фрик; голландцы — Юлис Фанцкель и Онуфрий Ромздер. Ведущими мастерами во многих коллективных работах был Иван Лент, получавший самое высокое среди иноземцев жалование — 19 рублей 27 алтын 2 деньги.

В 1635 г. группой западноевропейских и русских мастеров в царскую Золотую палату было сделано «государево серебряное позолоченное место» (трон) весом серебра — 12 пудов 39 фунтов 35 золотников. Трон был украшен разнообразными чеканными изображениями и стилизованным растительным орнаментом, декорированным цветной эмалью по рельефу. В работе над троном участвовали: немцы — Исаия Цинкгрэфф и Никлас Люторс, швед Яков Рупков, голландцы Индрик Сифрет и Яков Ромздер, а также Павел Гермар, Индрик Рыф, Индрик Аренц (Аренс). Этот трон упоминает А. Олеарий: «три года над ним работали немцы и русские, причем самым видным мастером в этом деле был житель Нюрнберга Исаия Цинкгрэфф»[1]. Попытка реконструкции внешнего вида серебряного трона 1635 г. предпринята М. В. Мартыновой, установившей, что этот замечательный памятник был переделан в 1682–1683 г. в двойной трон царей Ивана и Петра Алексеевичей [Мартынова]. Еще один царский трон был изготовлен западноевропейскими ювелирами в 1640 г.

В конце 1620-х — начале 1630-х годов западноевропейские ювелиры сделали золотой оклад иконы «Богоматерь Взыграние Младенца» и панагию с резным изображением вмч. Екатерины на ониксе в золотой оправе. В 1634 г. Онуфрий Ромздер и Яков Фрик изготовили митру с золотыми накладками для царского вклада в ростовский Успенский собор. В 1636–1637 г. ведущий русский золотых дел мастер Гаврила Овдокимов совместно с западноевропейскими ювелирами сделал золотой чеканный оклад Евангелия, сохранившийся в Российской государственной библиотеке [Игошев; Троицкий, с. 88].

При высочайшем художественном и техническом уровне мастерства иностранцы во многом следовали традициям и вкусам русских заказчиков, выполняя их пожелания, повторяя каноничные формы церковной утвари, иконографию священных изображений, учитывая назначение различных предметов. Русские заказчики, а также изографы и серебряники, работавшие вместе с западноевропейскими ювелирами, вносили те или иные изменения, корректируя замысел иностранцев. Все литургические, вкладные и другие надписи на подобных произведениях делались исключительно русскими резчиками (граверами).

Иностранные ювелиры совместно с русскими изографами и серебряниками принимали участие в создании царских регалий, драгоценной церковной утвари, предметов святительских ризниц, различных вещей дворцового обихода. Такие произведения служат примером постепенной приспособляемости и адаптации искусства древнерусских мастеров к иноземным формам и декору, что является свидетельством открытости и восприимчивости древнерусского искусства к новым стилистическим направлениям в XVI–XVII в. При этом отечественное ювелирное искусство заметно обогащалось, становилось более

[1] Олеарий Адам. Путешествие в Московию. М., 1996. С. 57.

изысканным и утонченным, но не теряло своего яркого своеобразия. Следует отметить, что русские мастера серебряного и золотого дела не только сами перенимали опыт и учились у иностранцев, но и отдавали на ученье своих детей.

В результате совместной работы западноевропейских и русских ювелиров в кремлевских мастерских создавались новые типы роскошных или более простых произведений церковного и светского назначения. Московские мастера осваивали ранее неизвестные технологические приемы изготовления и украшения золотых и серебряных предметов: расписную эмаль, технику прозрачной и глухой эмали по чеканному горельефу и резьбе (оброну), огранку и новую закрепку драгоценных камней. В этот период заметно расширяется цветовая палитра эмалей, постепенно изменяются стилистика орнамента, характер лицевых изображений. Иностранные ювелиры внесли в декоративное оформление отечественных предметов церковного и светского назначения новую стилистику ренессансного орнамента. Все эти новации западноевропейских мастеров постепенно усваивались и творчески перерабатывались московскими мастерами.

Литература

Забелин И. Е. О металлическом производстве в России до конца XVII в. СПб., 1853.
Игошев В. В. Вклады бояр Романовых в Троице-Сергиев монастырь // Русское искусство. Вып. 3. 2013. С. 82–89.
Мартынова М. В. Двойной трон царей Ивана и Петра Алексеевичей // Материалы и исследования. Вып. XX. М., 2010. С. 126–147.
Мишуков Ф. Я. Утварь Троицкой Лавры // Троице-Сергиева лавра. Сергиев, 1919. С. 103.
Троицкий В. И. Словарь московских мастеров золотого и алмазного дела XVII века. М.; Л. 1928–1930.

И. В. Исланова (ИА РАН)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОГОСТОВ НА ЮГО-ВОСТОКЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Анализируемые административные центры расположены в бассейнах верхнего течения р. Мсты, включая р. Шлину, и верхнего течения рек Шеры и Волчины, относящихся к бассейну Верхней Волги. К настоящему времени здесь известно пять древнерусских новгородских погостов, упоминающихся в Договорных грамотах Великого Новгорода с князьями и (или) в берестяных грамотах XI и XII в. (№ 573, 789, 844, 885). Это Жабна, Млёво, Шидовичи, Имоволожье и Волчино. Название последнего поселения известно только по берестяной грамоте.

Археологическое исследование погоста Жабна (селище Жабны 1), расположенного в бассейне Верхней Шлины, проводилось в 1987 г. [Буров]. Немногочисленные материалы (керамика XII–XVI в., спица-булавка для ручной прялки и грузило) происходят из сборов и из рекогносцировочного раскопа площадью 24 кв. м. Во Млёво на р. Мсте при впадении в нее р. Млёвки были проведены только небольшие разведочные работы, когда на огородах был собран керамический материал [АКР, 2012, с. 318]. В 1989–1990 г. велись охранные раскопки на одном из селищ (селище Шитовичи 6 на правом берегу р. Шегры), входящих в археологический комплекс памятников у с. Шитовичи [АКР, 2010, с. 128–129]. В раскопе площадью более 700 кв. м были обнаружены многочисленные вещевые и керамические артефакты. На других селищах археологического комплекса (Шитовичи 2–5), лежащих на левом берегу Шегры, и поселении Крутец собирался подъемный материал [АКР, 2010, с. 89, 128–129].

На погосте Имоволожье (селище Заречье 1), расположенном на юго-восточном берегу оз. Имоложье, исследовано более 30 кв. м [Исланова, Дементьев]. Обнаружены остатки двух наземных, видимо, срубных построек. Из культурного слоя получена представительная коллекция вещей и керамики. На трех селищах (Воронцово 1–3), представляющих погост Волчино, собирался подъемный материал при разведочных работах 1979, 1996, 2013 г. [АКР, 2012, с. 269–270; Исланова]. В фондах Тверского государственного объединенного музея находится также серия вещевых находок, поступивших от разных лиц.

Два поселения (Жабна, Млёво) остались на тех же местах и в Средневековье, и в Новое, и в Новейшее время. Современное с. Шитовичи находится рядом с древнерусскими селищами, но «переместилось» несколько дальше от реки.

Суммируя имеющиеся материалы, можно выделить серию археологических признаков, характерных для большинства рассматриваемых погостов.

Это крупнейшие для микрорайонов административные центры, археологически фиксируемые как крупное селище (Жабны 1, Заречье 1, Млёво 1) или скопление селищ (Шитовичи, Воронцово).

Населенные пункты, за исключением погоста Жабна, возникают не позднее X в., что фиксируется по находкам дирхемов и лепной керамике, аналогичной бытовавшей на поселениях Приильменья.

В культурном слое присутствуют находки вислых печатей или пломб дрогичинского типа (Шитовичи 6, Заречье 1, Воронцово 1).

Все погосты упоминаются в новгородских берестяных грамотах.

Поселения расположены на участках водных и сухопутных путей.

Рядом с населенным пунктом находился могильник. Первоначально он был представлен сакрально-погребальными объектами — сопками и (или) курганами с захоронениями по обряду кремации (Млёво, Шитовичи, Воронцово, Заречье). С XI в. здесь же возникают курганные кладбища с захоронениями по обряду ингумации (Воронцово, Шитовичи) и, возможно, грунтовые могильники (Жабны, Млёво, Заречье).

На основании наличия некоторых из перечисленных признаков можно предполагать, что в исследуемом регионе в древнерусское время могли существовать еще несколько подобных новгородских административных центров: на южном берегу оз. Молдино (селища Молдино 1, 3–5), на юго-восточном берегу оз. Коломно (селище Коломно 1) и на оз. Удомля при истоке р. Съежи (Троица поселения 1–3, селище 1 или Стан поселение 1) [АКР, 2012, с. 320–321, 350, 356–359].

Литература

АКР, 2010 — Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 3. Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Кесовогорский, Краснохолмский, Куршиновский, Лесной, Максатихинский, Молоковский, Сандовский, Селижаровский, Сонковский районы / Авт.-сост. Кашкин А. В., Комаров К. И., Король Г. Г., Нефедов В. С., Патрик Г. К., Янишевский Б. С. М., 2010.

АКР, 2012 — Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4. Бологовский, Осташковский, Пеновский, Удомельский, Фировский районы / Авт.-сост. Исланова И. В., Комаров К. И., Король Г. Г., Нефедов В. С. М., 2012.

Буров В. А. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // Российская археология. 1995. № 2. С. 44–58.

Исланова И. В. Древнерусский археологический комплекс Воронцово на р. Волчине // Археология Владимиро-Суздальской земли. М., 2017. Вып. 7. С. 38–50.

А. А. Казаков (МГУ)

ПОЧЕМУ АРХИЕПИСКОП СЕРАПИОН НОВГОРОДСКИЙ НАЗВАЛ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО «ЯБЕДНИКОМ»?

В 1509 г. находившийся в заточении в Спасо-Андрониковом монастыре новгородский владыка Серапион адресовал митрополиту Симону послание, в котором дважды назвал своего обидчика Иосифа Волоцкого «ябедником»[1]. Конфликт между Серапионом и Иосифом был вызван переходом Иосифова монастыря под патронат великого князя (1507 г.), который совершился без благословения новгородского архиепископа. Не без интриг со стороны удельного князя Федора Борисовича Волоколамского владыка послал Иосифу «неблагословенную» грамоту, в которой, среди прочего, упрекнул волоцкого игумена в том, что тот «отступил от небеснаго, а пришел к земному». Иосиф Волоцкий, не согласившись с прещениями архиепископа, обратился в Москву, своеобразно истолковав фразу о «небесном» и «земном»: Серапион «учинил Волок небом, а Москву землею, а князя Федора Волоцкого небесным, а великаго князя Московьскаго земным». В результате соборных разбирательств новгородский архиепископ был лишен кафедры[2]. Контекст, в котором Серапион употребил выражение о «небесном» и «земном», неизвестен, поскольку сама грамота не сохранилась. Вероятно, первоначальный смысл фразы был иным, а интерпретацию Иосифа Волоцкого архиепископ посчитал преднамеренно лживой и поэтому назвал Иосифа «ябедником», то есть клеветником[3].

Кроме прочего, опальный владыка, живописуя последствия Иосифовых деяний, отмечал, что «в тех его лжах злых мнози от государя в темницех заключены, во мнозех муках продолжали, у мнозех имения восхищена и мнози и доселе от государя не в любви»[4]. По предположению Я. С. Лурье, Серапион таким

[1] Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 331–332.
[2] Там же. С. 220–226.
[3] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003 (Репр. изд. 1903 г.). Т. 3. Стб. 1632.
[4] Послания Иосифа Волоцкого. С. 331.

образом намекал на «бесчисленные аресты лиц, заподозренных в сочувствии разгромленной в 1504 г. новгородско-московской ереси» [Лурье, с. 320]. Впрочем, слова владыки можно связать с событиями в удельном Волоке, во всяком случае, анонимное послание в защиту Серапиона упоминает, что переход Иосифова монастыря под патронат Василия III имел крайне неблагоприятные последствия для Волоцкого удела и его князя Федора Борисовича. Своими действиями игумен Иосиф, по словам неизвестного автора, удельного князя «уничижил, и вооружил на него великого государя. И князь великий Василей Ивановичь всеа Руси на князя Федора великий свой гнев послал и с очей его сослал и бояр и дьяков его обесчестил»[5]. Далее аноним, обращаясь к Иосифу Волоцкому, пишет: «А ты, господине, у кого ся научил ратовать, и кто тя вооружил на брань? У кого еси взял стрелы и кто тя научил стреляти и кто щит приготовил? И почему еси дворянин великого князя, сяков ли, господине, добрый пастырь?»[6]. Последствия перехода Иосифова монастыря под патронат Василия III, очевидно, сказались на отношении современников к самому игумену Иосифу: его поведение рассматривалось ими как не подобающее монаху и священнику, но вполне допустимое для слуги великого князя.

И здесь уместно вспомнить, что понятие «ябедник» имело в средневековой Руси еще одно, изначальное и более употребительное, значение: 'служитель, судебное должностное лицо'[7]. Будучи заимствованием из древнескандинавских языков и восходя, таким образом, ко времени интенсивных славяно-варяжских контактов [Литвина, Успенский, с. 131, примеч. 129], это понятие сохраняло свое исконное значение еще в первой трети XVI в. В жалованной грамоте Василия III лопарям 1530 г. упоминаются «ябедники Ноугородцкпе» — чиновники, исполнявшие судебные решения[8].

Вполне возможно, архиепископ Серапион не случайно назвал Иосифа Волоцкого «ябедником», понимая, как многозначность понятия может быть воспринята современниками, но одновременно боясь напрямую указать на тесную связь волоцкого игумена с великим князем, которая и без того привела к неблагоприятным для владыки последствиям. Неявный смысл, вложенный опальным владыкой, был подхвачен сочувствующими, которые могли выражать свои мысли более открыто — отсюда родилось представление об Иосифе Санине как «дворянине великого князя». Не исключено, что такая многозначность характеристики волоцкого игумена была очевидна не только непосредственным свидетелям событий, но и потомкам. Полемическое сочинение старообрядцев против патриарха Никона сообщает, что тот «преподобнаго отца Іосифа Волоколамскаго злословилъ зѣло и поносилъ и ябедникомъ называлъ»[9]. Вполне возможно, Никон, при его взглядах на характер взаимоотношений между «священством» и «царством», также расценивал поведение Иосифа Волоцкого как весьма предосудительное.

Литература

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда… Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018.
Лурье Я. С. Серапион // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 319–320.

[5] Там же. С. 338.
[6] Там же. С. 348.
[7] Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1631.
[8] СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 436.
[9] Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII–XVIII вв. / Подгот. к изд. и предисловие В. Н. Перетца // ИОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 1. С. 166.

А. А. Калашникова (СПбИИ РАН)

ИНСТИТУТ ДОКЛАДА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КНЯЖЕСТВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ И МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

О судебном процессе XV–XVI в. мы можем судить преимущественно на основании сохранившихся до наших дней судебных протоколов: судных списков, правых грамот и докладных правых грамот. Эти документы содержат в себе информацию об объекте спора, истце, ответчике и судье, показания свидетелей, копии документов, представленных в качестве доказательства на суде, решение по делу. От XV – первой половины XVI в. сохранились в основном земельные споры. Всего, по нашим подсчетам, за этот период известно о 297 разбирательствах, и только 18 из них — это неземельные дела о беглых

холопах[1], поджогах[2], кражах[3], клевете[4], долгах[5], погромах[6], убийствах и грабеже[7]. В данной статье речь пойдет об институте доклада в земельном суде.

Схема процедуры земельного судебного разбирательства выглядела следующим образом: сторона, считающая, что ее права на земли нарушены, обращалась к великому (или удельному в зависимости от подсудности) князю с просьбой разобраться в конфликте. Князь устно или письменно (указная грамота[8]) давал распоряжение отправиться на спорные земли судье, который либо разбирал дело на месте и выносил решение, либо отправлял дело на доклад. Доклад принимал сам великий князь, или он мог кому-нибудь это поручить. Например, при Иване III в 1480-х годах земельные дела разбирал Иван Иванович Молодой: сохранилось 8 грамот, в которых он упоминается как судья, принимающий доклад[9], и еще три, в которых он разбирает дело целиком с самого начала[10]. Статус судьи, принимавшего доклад, всегда был выше статуса судьи, разбиравшего дело на месте. Обе стороны спора должны были присутствовать на докладе и подтвердить подлинность зачитываемого вслух судного списка, в котором излагалась суть дела. Затем судья, принимающий доклад, выносил решение по делу. Однако этим судебное разбирательство не заканчивалось. Судья на докладе приказывал судье, начавшему земельное разбирательство, вынести тот или иной приговор и выдать об этом соответствующие документы (докладную правую грамоту) победившей стороне.

Относительно процедуры доклада в историографии нет единого мнения. Большинство современных исследователей называют доклад судом второй инстанции [Алексеев, с. 118; Кобрин, с. 170; Кром, с. 459–462; Пашкова, с. 104]. Однако судебная инстанция предполагает пересмотр дела, на докладе же первоначальное разбирательство не пересматривалось, напротив, на его основе выносился приговор. На это еще в XIX в. обратил внимание правовед Ф. М. Дмитриев [Дмитриев, с. 152–154, 288–291]. Он писал, что, передавая дело на доклад, низший судья никогда не выносил приговор. Таким образом, судебное разбирательство на месте выступало в роли подготовительной части доклада. Инстанция была одна, но она разделялась на две части — следственную и обвинительную. С выводами Ф. М. Дмитриева согласились и другие исследователи, такие как Г. К. Стефановский и Н. Ланге [Стефановский; Ланге, с. 71]. С позицией дореволюционных правоведов соглашается современный исследователь К. В. Петров [Петров].

При описании процедуры доклада возникает вопрос: почему одни дела решались на месте, а другие необходимо было отправлять на дополнительное разбирательство судье более высокого статуса? М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что в первой половине XV в. великий князь разбирал все дела сам, а потом по мере роста территорий княжества стал поручать первоначальное разбирательство доверенным людям [Владимирский-Буданов, с. 730]. С этой гипотезой соглашается К. В. Петров, отмечая, что доклад фиксируется в судебных актах не ранее 1460-х годов [Петров, с. 106, 114]. Отметим, что от первой половины XV в. сохранилось всего 7 судебных документов, включая грамоту с широкой датировкой 40–60-е годы[11]. Едва ли этого источникового материала достаточно для того, чтобы утверждать, что процедура доклада в это время не использовалась; возможно, до нас не дошли документы, фиксирующие ее.

Вероятно, определенная взаимосвязь между ростом территорий Московского княжества и динамикой земельных дел действительно существовала, однако вряд ли эта зависимость была прямой и непосредственно касалась процедуры доклада[12]. Например, Белозерское княжество при Михаиле Андреевиче было относительно компактным и сильно не менялось в своих размерах, но, тем не менее, белозерский князь не всегда сам разбирал земельные споры, а иногда прибегал к процедуре доклада[13].

[1] АСЭИ. Т. 3. № 357; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 1997. Т. 1. № 228, 229 (две грамоты), 296; Т. 3. № 457.
[2] АФЗХ. Ч. 1. № 222; РИБ. Т. 32. № 74; АСЭИ. Т. 3. № 390.
[3] РИБ. Т. 32. № 123; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 40; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. 3. № 154.
[4] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 2008. Т. 4. № 502.
[5] Там же. № 220.
[6] Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Киев, 1860. Т. 1. № 57.
[7] Там же. № 45; РИБ. Т. 2. № 186; АСЭИ. Т. 3. № 390 (включенный акт).
[8] АФЗХ. Ч. 1. № 249.
[9] АСЭИ. Т. 1. № 523, 524, 525, 537, 538, 539; Т. 2. № 481, 483.
[10] АСЭИ. Т. 1. № 521, 522; Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. № 17. С. 50.
[11] АСЭИ. Т. 2. № 90, 450; Т. 3. № 31, 32, 319 (включенный акт); *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 6, 9.
[12] Скорее эта связь выражалась в резком росте количества земельных споров в 1490-х годах, когда проводились земельные описания.
[13] АСЭИ. Т. 2. № 188.

Кроме того, имея возможность передать разбор доклада доверенным людям, великие князья, однако, делали это далеко не всегда. Даже малолетний Иван IV сам принимал доклады и выносил приговоры[14].

Вероятно, передача дела на доклад была связана с компетенцией судьи. Писцы, проводившие земельные описания Московского княжества в 1490-х годах, параллельно разбирали земельные споры, возникающие в ходе этих описаний. Эти люди имели полномочия решать дела на месте, тогда как писцы, занимающиеся земельными описаниями в 1430–1440-х годах, передают дела на доклад.

Литература

Алексеев Ю. Г. У кормила российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.
Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.
Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859.
Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М., 2010.
Ланге Н. Древние Русские смесные или вобчие суды. М., 1882.
Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. М., 2000.
Петров К. В. Процедура судебного «доклада» в русском праве XV – первой половины XVI в.: к истории формирования судебных органов в России // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 106–115.
Стефановский Г. К. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории Русского права // ЖМНП. 1873. Март. С. 13–112.

[14] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. М., 1998. № 125; РГБ. Ф. 303. Архив Троице-Сергиевой лавры. Кн. 518. Л. 164–165 об., 339–339 об., 341–341 об.; *Каштанов С. М.* По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 г. и архив Троице-Сергиева монастыря) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1979. Вып. 40. № 6; Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. № 44, 46.

И. А. Кирпичников (МГУ)

ЭЛИТА РЯЗАНСКОГО СЛУЖИЛОГО «ГОРОДА» В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СМУТЫ: ПУТЬ В «МОСКОВСКИЕ» ЧИНЫ

Исследователями установлено, что результатом Смутного времени стала значительная трансформация правящей элиты Московского государства, однако конкретные механизмы этих изменений по-прежнему требуют внимательного изучения [Павлов, 2006]. Ключевые перемены в составе «государева двора» были связаны с интенсивным пополнением «московских» чинов (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы) новыми лицами (прежде всего – из рядов провинциального дворянства). Обращение к «боярскому списку» 1606/1607 г.[1] позволяет установить, что начало этому процессу было положено уже в первые годы Смуты. Так, по подсчетам И. О. Тюменцева, половина дворян московских, упомянутых в списке, получили этот чин от Лжедмитрия I или Василия Шуйского [Тюменцев, с. 355]. Абсолютное большинство новопожалованных происходили из «выбора», причем только из нескольких городов было представлено более двух лиц. На этом фоне значительно выделяется один центр – Рязань, где московское дворянство получили восемь выборных, а всего в столичных чинах оказались 15 представителей местной верхушки. Такое положение вещей, безусловно, неслучайно, учитывая выдающуюся активность рязанских служилых людей в начальный период Смуты [Кирпичников].

Чиновное возвышение стало важнейшим событием в истории рязанской элиты. После «аристократизации» «государева двора», проведенной во второй половине 1580-х годов [Павлов, 1992, с. 103, 251], лишь отдельные выходцы из самых знатных местных кланов могли потенциально рассчитывать на попадание в столичные чины. К началу XVII в. из всех рязанских родов вне «выбора» (в статусе жильцов) находились лишь трое Измайловых. В «московской» части «боярского списка» 1606/1607 г. можно найти сразу восемь членов этой семьи, которые получили новые чины с соблюдением внутриродовой иерархии (старшие представители в рамках одного поколения – московское дворянство, младшие – стольничество). Единственным исключением стал А. В. Измайлов – думный дворянин, «ближний человек» Самозванца, сохранивший свое положение и при Шуйском. Можно предполагать, что большинство Измайловых были пожалованы уже после свержения Лжедмитрия I: за время его правления разрядами упоминаются только А. и И. В. Измайловы [Белокуров, с. 5, 203].

Как и Измайловы, «фамильным гнездом» были пожалованы в московские дворяне А., И. и Г. Н. Ржевские. В позднейшей челобитной один из братьев утверждал, что он подвергся ссылке при

[1] Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 132–155.

Лжедмитрии I[2]. Наиболее вероятно, следовательно, что производство Ржевских в новые чины также имело место уже после прихода Шуйского к власти. Информация разрядов о назначениях И. Ржевского позволяет заключить, кроме того, что он не принимал участия в движении Болотникова [Белокуров, с. 10].

К числу выходцев из наиболее знатных рязанских родов принадлежали Г. Ф. Сунбулов (пожалован в московские дворяне) и И. И. Дмитриев (в стольники). Сунбулов возглавлял рязанских повстанцев в походе на Москву и, вероятно, получил новый чин за переход на сторону Шуйского. Обстоятельства возвышения Дмитриева неизвестны, однако в связи с этой фигурой следует обратить внимание на еще один контекст возвышения некоторых рязанцев — «дворовое» прошлое. Отец Дмитриева некогда являлся стольником особого «двора» Ивана IV и вернулся в ряды выборных дворян после его ликвидации. В «московские» чины в первые годы Смуты попали также двое Биркиных. Члены этого рода вовсе не отличались знатным происхождением, но и они ранее были весьма активными «дворовыми» деятелями [Мордовина, Станиславский, с. 165–166, 172].

Логика пожалований в «московские» чины отражала как статусные градации внутри рязанской верхушки, так и степень участия конкретного лица в событиях начального периода Смуты. В отличие от Сунбулова, худородный П. П. Ляпунов (также возглавлявший рязанских повстанцев и перешедший на сторону Шуйского) получил только прибавку к окладу, но не новый чин. С другой стороны, в «выборе» остался и выходец из наиболее знатного рязанского рода — Ф. Ю. Булгаков, который провел весь этот период на воеводстве в Сибири[3].

Наблюдение за дальнейшими служебными траекториями выходцев из рязанских родов показывает, что все они закрепились в «московских» чинах и затем расширяли свое представительство в столичной элите. Последствия этого процесса были, однако, неоднозначны. Попадание выборных дворян в «московские» чины могло привести к ослаблению их связи со своим сообществом. Показательно, что в ходе возмущения рязанцев против Шуйского стряпчий Н. В. Измайлов (зарайский воевода) был убит; еще двое членов рода упомянуты в «боярском списке» как плененные повстанцами[4]. Восстание рязанского «города» возглавили не Измайловы, а менее видные представители местной верхушки — выборные дворяне Сунбулов и Ляпунов. Через некоторое время после пожалования «московского» чина Сунбулов получил назначение в другой регион и также утратил связь с рязанским сообществом[5]. Его предводителем стал в итоге Ляпунов, который, несмотря на полученное думное дворянство, остался в Рязани. С другой стороны, попадание на столичную службу далеко не всегда означало успешную интеграцию в правящий слой. Трудно считать случайностью тот факт, что целый ряд новопожалованных рязанцев — И. Биркин, И. Дмитриев, А. и И. Ржевские, Г. Сунбулов — впоследствии отказали Шуйскому в лояльности и «перелетели» в Тушинский лагерь.

Литература

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время: 7113–7121 гг. М., 1907.
Кирпичников И. А. Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605–1606 гг.) // Рязанская старина, 2009–2012. Рязань, 2019. Вып. 7–10. (в печати)
Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153–193.
Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
Павлов А. П. Государев двор в первой половине XVII в. (1613–1645) // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 308–404.
Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008.

[2] СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Д. 520.
[3] Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 144.
[4] Там же. С. 134–135.
[5] Там же. С. 173, 228.

В. Ю. Коваль (ИА РАН)

РОЛЬ АРХЕОЛОГИИ В КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ ФОРТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Фортификация Древней Руси оказалась чрезвычайно сложной проблемой для историков военной архитектуры, и причина тому кроется в кажущейся очевидности остатков этой фортификации, представленной валами. Валы окружали древнерусские города, «Змиевы валы» отгородили славянские земли от степей. Земляные насыпи не вызывали никаких сомнений у исследователей, поскольку земляные редуты использовались на памяти нескольких поколений в XIX в. и выглядели чем-то обыденным,

само собой разумеющимся. И не было бы никаких в том сомнений, если бы не летописи, постоянно говорившие о городских стенах, а не о валах. И если бы при земляных работах на валах раз за разом не обнаруживались остатки каких-то деревянных конструкций. Для объяснения этих «нестыковок» было найдено «соломоново решение»: конструкции внутри валов были названы «внутривальными», которые якобы «укрепляют» насыпь. А поверх насыпи были умозрительно реконструированы полые деревянные стены, благо такие стены были известны по сибирским острогам, часть которых сохранилась до конца XIX в., и их могли воочию наблюдать историки военной архитектуры. Так сформировалась концепция насыпных валов, увенчанных полыми стенами или частоколами, благополучно кочующая из публикации в публикацию. В свою очередь, сформировавшаяся «картинка» стала образцом для современных натурных реконструкций средневековых укреплений (в Киеве, Болгаре, Дмитрове, Лухе).

Археологи поначалу полностью восприняли эту чисто умозрительную, лишенную критического анализа, концепцию. Многочисленные прорезки валов, предпринятые в 1950–1960-х годах П. А. Раппопортом, не принесли никакого нового знания о конструкциях валов, поскольку проводились на низком методическом уровне, в виде узких траншей или зачисток осыпей, часто без фиксации планов. Многие десятки профилей этих разрезов оставались непонятными и воспринимались как иллюстрации названной концепции. Удивительно, но на протяжении многих десятилетий не возникал вопрос, зачем вообще нужны «внутривальные» конструкции, оправданы ли они с инженерной точки зрения, почему для их создания всегда использовалась только самая ценная и трудная в обработке древесина дуба, а не любая иная, раз она все равно обречена на гниение под земляной насыпью. И это еще не весь перечень вопросов, которые лежали на поверхности.

Надо признать, что первым усомнился в концепции «насыпи + полые стены/частоколы» не археолог, а историк архитектуры Г. В. Борисевич, предположивший, что так называемые «внутривальные» конструкции в действительности являются остатками древо-земляных стен — деревянных стен, состоявших из клетей-«городней», заполненных землей. В ходе любого разрушения таких стен (пожар, гниение дерева, разборка их людьми) земля высыпалась вовне и вместо стены образовывался «вал». Тем не менее без скрупулезных археологических исследований проверить эти допущения было невозможно. И именно археологу принадлежит честь такой проверки и доказательства правильности нового понимания «валов» — речь идет о Ю. Ю. Моргунове, изучавшем фортификацию южнорусских городищ. Многолетние исследования, проведенные на самом высоком методическом уровне, привели его к однозначному выводу: во всех тех случаях, когда им проводились раскопки валов древнерусского времени, обнаруживалось, что в действительности эти валы были руинами древо-земляных стен. В одних случаях эти стены не перестраивались и погибли одноразово, в других — подвергались многократным перестройкам, когда первоначальная стена частично разбиралась, а на ее основе воздвигалась новая. Чем больше было таких перестроек, тем более сложной становилась структура земляных руин, то есть «вала».

Впоследствии выводы Ю. Ю. Моргунова подтвердились при прорезке валов городов среднерусской полосы — Старой Рязани (работы А. В. Чернецова и И. Ю. Стрикалова), Ярославля (раскопки А. В. Энговатовой), Ростиславля Рязанского (работы автора). Подтвердились они и при новейших исследованиях более ранних фортификаций IX–X в. в детинце Киева (раскопки Г. Ю. Ивакина) и Новгородского (Рюрикова) городища (работы Е. Н. Носова).

Выяснилось также, что конструкция древо-земляных стен имела некоторые различия: разными были размеры городней, число рядов таких городней в стене, кроме того, наряду с городнями применялась совершенно иная техника воздвижения стен — «перекладная», когда слои бревен пересыпались землей. В ряде случаев стены опускались на самое дно рва, как бы «облицовывая» его склон (киевский Детинец X в., Ростиславль XIV в.). Таким образом, конструктив древо-земляных стен не был однообразным и различался многими деталями. Однако на значительном временном отрезке (от IX до XVI в., самым поздним примером выступает древо-земляная стена Смоленска, выстроенная после его присоединения к Москве) при всех различиях сохранялась концептуальная позиция древнерусских фортификаторов — они воздвигали вертикальные преграды, то есть стены. Этим древнерусское оборонное зодчество отличалось как от более раннего, так и от более позднего. В раннем железном веке и раннем Средневековье в лесной зоне Восточной Европы небольшие по площади городища оборонялись именно при помощи насыпных валов (кстати, без всяких «внутривальных» конструкций), которые либо вообще не имели дополнительных деревянных укреплений по гребню, либо усиливались наклонно положенным на поверхность вала частоколом или легким бруствером по гребню. В Новое время (с XVI в.) с развитием огнестрельной артиллерии произошел стремительный переход к новым видам фортификации — каменно-кирпичной, земляной (насыпи с деревянными обшивками), чисто-деревянной (ряды частоколов или полые стены с бойницами для пушек и ружей). Именно эти виды фортификационных сооружений сохранились

в наилучшей степени до наших дней, и именно они формировали ретроспективные представления о древнерусской фортификации.

Таким образом, в Восточной Европе на протяжении 3 тысячелетий применялись различные способы строительства фортификаций, среди которых древнерусская фортификация занимает особое место. Важно также понимать, что априорные суждения о том, что представляет собой тот или иной вал, не имеют никакой научной ценности, поскольку без проведения археологического изучения валов на современном методическом уровне получить объективные данные об их конструктиве и датировке невозможно.

Е. Л. Конявская (ИРИ РАН)

СМОЛЕНСКИЕ РОСТИСЛАВИЧИ И ИХ ЛЕТОПИСЦЫ: К ПРОБЛЕМЕ СМОЛЕНСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Проблема смоленского летописания XII в. и на сегодняшний день остается проблемой, поскольку не выявлено значительного объема летописных текстов, которые можно определить как локально смоленские. Целый ряд известий Ипатьевской летописи определялись как предположительно смоленские в XIX в. В. С. Иконниковым и в наше время Л. В. Алексеевым.

О летописании, восходящем к окружению Рюрика Ростиславича, писалось практически во всех работах, посвященных Киевскому своду конца XII в. М. Д. Присёлков, обратив внимание на пространные некрологи братьям Ростиславичам, читающиеся в Ипатьевской летописи, выдвинул гипотезу о существовании «Семейной хроники Ростиславичей», сложившейся в период киевского княжения Рюрика [Присёлков, с. 88–89].

Если исходить из традиционной методики выявления информации локального происхождения того или иного летописного сообщения, то такими чертами обладает ряд известий, связанных со Смоленском. Одно из них — сообщение о рождении в 1172 г. у Рюрика сына Ростислава-Михаила. Меньше признаков локального текста в известии 1193 г. о рождении у Давыда сына Федора[1], но и его стоит рассматривать в таком качестве.

В целом же нужно иметь в виду особенности позиции представителей этого княжеского дома в отношении владения главным столом в Смоленской земле и владений в Русской земле. Последние были для них бесспорно приоритетными. В связи с этим имеет смысл искать не столько местный смоленский материал, то есть предполагать, что некий летописец работал в столице княжества, сколько исходить из того, что своих летописцев могли иметь и Ростислав Мстиславич, и братья Ростиславичи.

Так, относительно повествования о последних днях жизни Ростислава Мстиславича Л. В. Алексеев замечает, что он был в это время киевским князем и «имел вокруг себя далеко не смоленское окружение» (то есть киевское) [Алексеев, с. 17]. Однако ситуация сложнее. Нет сомнения, что первое известие статьи 1167 г. — рассказ о созыве Ростиславом «братии», чтобы общими усилиями дать благополучно проехать «гречнику и залознику», — и дальнейшее повествование о поездке Ростислава на встречу с сыном Святославом и новгородцами представляют единое целое.

Об этой долгой поездке рассказано с большими подробностями. Князь был уже болен, после заключения «поряда» с новгородцами в Луках он возвращается в Смоленск. Состояние его еще больше ухудшилось, сестра его Рогнеда «нача молитися велачи ему лечи Смоленьски, въ своемъ ему зданьи» (Стб. 529). На это требование сестры Ростислав отвечает, что хочет быть упокоен в Киеве. Если же Бог избавит его от болезни, то он желает постричься в Киево-Печерском монастыре, о чем помыслы у него были и ранее. Подробности его прежнего общения с архимандритом Киево-Печерского монастыря Поликарпом, зафиксированные в данном рассказе, породили предположение, что указанный летописный сюжет мог быть создан в этой обители и, скорее всего, самим Поликарпом [Лихачев, с. 231]. Однако о пострижении, как ясно из текста, князь говорил и со своим духовным отцом, неким попом Симеоном, которого он призовет к себе в последние минуты своей жизни. Учитывая единство текста статьи, которая начинается с иного сюжета, не относящегося к поездке, предположение о печерском происхождении рассказа должно быть оставлено. Писавший весь текст летописец был при князе и в Киеве, когда он собирал «братию», и сопутствовал ему в течение всей поездки, о чем говорят временные и топографические указания. П. П. Толочко выдвинул предположение, что поп Симеон, духовник Ростислава, и был его летописцем [Толочко, с. 114–115]. Он отождествляет попа Симеона с игуменом Андреевского монастыря, названного в летописи таким же именем и упоминаемого под 1170 г. в рассказе о смерти и похоронах Владимира Андреевича Дорогобужского. В этом рассказе одно из главных действующих лиц — Давыд

[1] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 679 (далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках).

Ростиславич, что делает предположение о продолжении летописной деятельности Симеона вероятным: духовное лицо, связанное с отцом-родоначальником могущественного клана Ростиславичей, скорее всего не могло быть равнодушно к жизни и деятельности его потомков. Проблема в другом. С момента смерти Ростислава (в это время Симеон фигурирует как «поп») до истории с похоронами Владимира Андреевича проходит ровно три года. Мог ли священнослужитель проделать за столь небольшое время такое продвижение в церковной карьере, чтобы из «попа» стать игуменом известного киевского монастыря? Употребление этого слова в расширительном смысле сомнительно, поскольку в Древней Руси четко различали «бельцов», «мирских попов» и иеромонахов, встречалось выражение и «чернечьские попы». А если сам Симеон писал летописный текст или руководил записями, он должен был быть особенно внимателен к точности в указании своего сана. Однако такое изменение карьеры лишь сомнительно, но не невозможно. И важно отметить, что в Ипатьевской летописи этого периода есть еще одно упоминание некоего Симеона — уже в качестве смоленского епископа — под 1197 г. в рассказе о преставлении Давыда Ростиславича. Священнослужитель, столь близкий к родоначальнику Ростиславичей, вполне мог оказаться на епископской кафедре Смоленска. А поскольку авторство Симеона в статье 1167 г. видится весьма вероятным, то имеет смысл предполагать, что и в дальнейшем Симеон подвизался на летописном поприще.

Если рассматривать статью 6705 г., которая начинается с рассказа о преставлении Давыда Ростиславича, то духовный сан летописателя не вызывает сомнения. Дата преставления князя связана им с церковным праздником. Характерны и восторженные слова о смоленской Михайловской церкви, созданной Давыдом. Акцентируется, что похоронен Давыд в каменной монастырской церкви свв. Бориса и Глеба («во ѡтни емоу блгв҃нии юже бѣ создалъ ѡц҃ь его Ростиславъ» (Стб. 702)). То же выражение «ма въ ѡтни блгс҃вньи» было употреблено в повести о преставлении Ростислава Мстиславича, что является очень существенным подтверждением вероятности отождествления двух Симеонов.

С большими подробностями рассказывается о последних днях Давыда: завещание стола сыновцу Мстиславу Романовичу, отправка сына Константина брату Рюрику Ростиславичу «на роуцѣ», пострижение князя в монахи, пострижение его супруги. Говорится, что его несли в монастырь на Смядыни, «больна соуща». В день своего преставления, повествует автор рассказа, Давыд «хоудъ изнемогаꙗ ко исходоу дш҃и» (Стб. 705), почувствовав приближение смертного часа, он сотворил последнюю молитву и предал душу в руки Бога. Ясно, что пишущий был свидетелем этих последних дней и похорон князя и ему дороги святыни Смоленской земли. Важно и то, что из всех Ростиславичей, некрологи которым читаются в Ипатьевской летописи (то есть они были в Киевском своде 1198 г.), только относительно него имеется указание на число прожитых лет и лет княжения. Но если эти данные летописец, как и мы сегодня, мог извлечь из летописных текстов, то сведений о годе рождения Давыда в Ипатьевской летописи нет. Понятно, что такая информация в самом Смоленске могла быть получена без труда.

Имеет смысл рассмотреть и возможность отождествления Симеона — духовника Ростислава и его летописца с Симеоном — игуменом Андреевского монастыря. При тех препятствиях этого отождествления, о которых было сказано выше, по сравнению с Симеоном-епископом у Симеона-игумена есть и преимущество: нет проблемы возраста Симеона. Две смерти — отца Ростислава и сына Давыда — отстоят друг от друга на 30 лет[2]. Тем не менее, хотя лета епископа Симеона, если это он был духовником Ростислава, в момент смерти Давыда должны быть весьма преклонными, ничего невозможного в этом нет.

Разумеется, это только один аспект летописания Ростиславичей. В дальнейшем анализу должны подлежать повести о преставлении Романа и Мстислава Ростиславичей. Апологетикой Мстислава отличается еще несколько иных летописных сюжетов Ипатьевской летописи. Кроме того, можно думать о происхождении в среде Ростиславичей рассказов о конфликтах с Андреем Боголюбским, отстаивании их чести Мстиславом и т. д. Видимо, смоленское происхождение имел и рассказ о походе на Новгород в 1170 г., сохранившийся в Ипатьевской летописи в соединении с рассказом Владимирского летописного свода[3].

Литература

Агафонов И. С. «Антиновгородская версия» повествования о походе на Новгород 1170 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 5–11.
Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
Толочко П. П. Русские летописи и летописцы XI–XIII вв. СПб., 2003.

[2] Даты представления епископа Симеона мы не знаем, известно лишь, что в 1206 г. кафедру уже занимал Игнатий.
[3] Об особенностях двух рассказов см.: [Агафонов].

А. Л. Корзинин (СПбГУ)

О РЕКОНСТРУКЦИИ КОРПУСА ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДВОРА РУССКИХ ВЕЛИКИХ КНЯГИНЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – НАЧАЛЕ XVI в.[1]

В современной литературе недостаточное внимание уделено изучению персонального состава двора великих княгинь Софьи Витовтовны, Марии Ярославны, Софьи Палеолог, Елены Ивановны. Трудности в рассмотрении этого сюжета связаны с фрагментарностью источниковой базы, распыленностью документов по различным архивам, в том числе зарубежным. Изучение княгининого двора позволит пролить свет на его устройство, функции, эволюцию, раскрыть роль в политических делах. Состав двора Марии Ярославны, Софьи Палеолог был затронут в работах С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, А. В. Кузьмина, Т. А. Матасовой [Веселовский, с. 250, 416; Зимин, 1988, с. 292, 293, [Кузьмин, с. 93, 227; Матасова, с. 117–120, 173, 194–197, 200]. О дворе великой княгини Елены Ивановны, дочери Ивана III и супруги великого князя Литовского Александра Ягеллончика, писали Е. Ф. Тураева-Церетели, К. Петкевич [Тураева-Церетели, с. 161, 170, 172, 176, 201, 233, 246, 258, 259, 260, 278, 292, 293, 304; Pietkiewicz, 1995, s. 39–40; Pietkiewicz, 1997, p. 94, 95, 130]. Изучение двора великих княгинь неотделимо от реконструкции корпуса источников, отразивших его состав.

Из основных типов источников о служилых людях великих княгинь следует отметить в первую очередь акты. Сведения об интересующих нас лицах содержатся в жалованных тарханных и несудимых грамотах, скрепленных подписями бояр, дворецких, дьяков, входивших в окружение жен великих князей. В частности, хорошо сохранился корпус грамот, исходящих от великой княгини Марии Ярославны, супруги Василия Темного[2]. Иногда из актов можно извлечь не прямые, а косвенные данные, указывающие на дворян великих княгинь. У Софьи Витовтовны, свекрови Марии Ярославны, конюшим, вероятно, был Иван Юрьевич, впервые упоминающийся в данной грамоте великой княгини Ферапонтову монастырю в августе 1448 г.[3] В духовной грамоте 1451 г. Софья Витовтовна выменяла у И. Старкова «Фоминьское место» в Москве за «Ивановьское место конюшего» около города[4]. И. Г. Пономарева допускает, что «Иван Юрьевич мог быть конюшим как матери Василия II, так и его самого» [Пономарева, с. 283]. Исходя из того, как великая княгиня Софья свободно распоряжалась землями Ивана Юрьевича, он был близок к ней и, скорее всего, являлся именно ее конюшим [Кузьмин, с. 93].

Информация о лицах, служивших великой княгине Елене Ивановне, содержится в Литовской метрике, актах Западной и Южной России[5].

Многочисленны упоминания о фигурах, входивших во двор великих княгинь, в частных родословцах 30–40-х годов XVI в., второй половины XVI в. Наиболее ценные пометы о служебной деятельности содержат ранние Летописная и Румянцевская редакции родословных книг[6]. Некоторые сведения частных родословцев, касающиеся служебных назначений придворных лиц, могут вызывать сомнения. Так, в родословии Мячковых встречается упоминание о том, что правнук Олабуги, сын Ивана Яковлевича Мячка, Федор Меньшой Мячков «был казначей, а после и дворецкой у великой княгини Марьи, великого князя Васильевой жены Васильевича. А после тот же Федор Мячков был в уделе у князь Андрея Васильевича Меньшого на Вологде боярин и дворецкой» [Веселовский, с. 416; Кузьмин, с. 227–228]. А. В. Кузьмин полагает, что Федор Мячков мог быть дворецким на Вологде после 1481 г., когда был ликвидирован Вологодский удел, ссылаясь на то, что Федор Мячков, подобно другим дворецким территориальных дворцов, подписывал жалованные грамоты [Кузьмин, с. 228]. Трудно говорить определенно об образовании особого Вологодского дворца со своим дворецким после 1481 г. Очевидно, Вологда в конце XV – первой трети XVI в. входила в сферу управления дворецкого Большого дворца [Черкасова]. Кроме этого, дьяк Федор подписывал не сами жалованные грамоты, а подтверждения жалованных грамот. Приказывали (то есть выдавали либо подтверждали) жалованные грамоты в изучаемый период не дьяки, а дворецкие, иногда бояре. Вероятно, представители фамилии Мячковых, составляя свою родословную, задним числом приписали почетные чины своему предку Федору Меньшому Мячкову. О нем известно, что он был дьяком, но не боярином и дворецким удельного

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI – первая треть XVI в.)».

[2] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 46, 246–248, 271, 385, 386, 397, 445.

[3] АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 323. С. 305; ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 41. С. 32.

[4] ДДГ. № 57. С. 177.

[5] Lietuvos Metrika. Knyga N 9 (1511–1518): Uzrasymu Kn. 9. Vilnius, 2003. P. 7, 8, 11–17, 85, 89, 96, 100, 131–138, 231, 232, 246, 257, 279, 293, 294, 308, 309, 325, 343, 364, 365; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1863. Т. 1. № 37, 41; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. № 149; СПб., 1848. Т. 2. № 81.

[6] Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 65, 70, 71, 75, 125, 132, 164.

князя Андрея Меньшого [Зимин, 1971, с. 257]. Сомнительно и занятие Федором должности казначея, а после — дворецкого Марии Ярославны. Можно допустить, что Ф. Мячков (подобно О. Аракчееву[7]) был казенным дьяком («казначеем и дьяком») великой княгини.

Сведения о служилых людях великих княгинь сохранились в разрядных книгах (в виде единичных упоминаний), в свадебных разрядах[8]. В подлинных посольских книгах по связям России с Литовским государством содержатся имена придворных из окружения великой княгини Елены Ивановны, находившихся с ней в Литве[9].

Литература

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 219–286.
Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России в последней четверти XV — начале XVI в. М., 1988.
Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.
Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2015. Т. 2.
Матасова Т. А. Софья Палеолог. М., 2016.
Пономарева И. Г. Конюшие XV в. // Грани русского Средневековья. Сб. статей в честь 90-летия профессора Ю. Г. Алексеева. М., 2016.
Тураева-Церетели Е. Ф. Елена Иоанновна, вел. кнг. Литовская, королева Польская. СПб., 1898.
Черкасова М. С. Кубено-Заозерский край в XIV–XVI вв. // Харовск. Вологда, 2004. С. 46–105.
Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995.
Pietkiewicz K. Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka // Lietuvos valstybė XII–XVIII a. Vilnius, 1997. S. 75–131.

[7] АСЭИ. Т. 1. № 266. С. 193; [Зимин, 1991, с. 168].
[8] Древняя Российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 13. С. 3–4.
[9] Сборник РИО. Т. 53. С. 171, 398–403.

М. В. Корогодина (БАН)

АТРИБУЦИЯ И ВРЕМЯ СОСТАВЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ПОСЛАНИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЕПИСКОПОВ В СОСТАВЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ[1]

В составе Кормчей книги, формировавшейся на Руси в последней трети XIII в. на основе присланного из Видинской митрополии нового перевода канонических правил, сохранилось два фрагмента, посвященных обязанностям епископов, их поставлению и возможности перехода с кафедры на кафедру. Один из фрагментов включен в толкование к 71-му правилу Карфагенского собора, другой вставлен в соборное постановление о четвертом браке императора Льва VI. Одинаковая тематика, взаимные отсылки и текстологическая близость фрагментов позволяют предполагать, что они заимствованы из одного текста. По жанру текст следует считать посланием, поскольку в нем присутствуют прямые обращения к адресату. Лексические особенности показывают, что текст является переводом с греческого, выполненным в Болгарии. Греческий оригинал послания остается неизвестным.

Исследование сохранившихся посланий и постановлений о поставлении епископов показывает, что вопрос о перемещениях архиереев наиболее живо обсуждался в Константинопольской церкви во второй четверти — середине XIII столетия. Возможно, дошедшее в славянском переводе послание было подготовлено в период патриаршества Германа II в 1220-е — начале 1230-х годов; его создание могло быть связано с конфликтом епископа Мелитенского Мануила с клиром. До середины 1230-х годов послание было переслано в Тырновскую архиепископию в связи с признанием в Никее автокефалии Тырновской архиепископии. Послание, во многом опиравшееся на сочинения Арефы Кесарийского, было присоединено к «Томосу единения» еще в составе греческого номоканона. Не позже 1262 г. греческий номоканон с посланием попал в Бдин, где послание было переведено, а его фрагменты вставлены в славянскую Кормчую книгу, готовившуюся для пересылки митрополиту Киевскому Кириллу II. Получившиеся в результате схолии на правило Карфагенского собора 71 и на «Томос единения» трактуют поставление епископа на кафедру как брачный союз, который может быть разрушен, если необходимо поощрить заслуги епископа и даровать ему более высокую степень.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-512-18006 Болг_а по теме «Миграция текстов в культурном пространстве Slavia Orthodoxa».

В. В. Коршаков (ЕУСПб)

КАЗНА СВЯТОЙ СОФИИ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ НОВГОРОДЕ

В современной научной литературе о Новгороде укрепилась точка зрения, восходящая к Е. М. Прилежаеву и окончательно оформленная более ста лет назад Б. Д. Грековым, согласно которой казна Софийского собора была одновременно «общегосударственной казной» Новгородской республики. Такой взгляд является результатом потребительского отношения к немногочисленным историческим источникам, сообщающим о казне Святой Софии в республиканский период истории Новгорода. Прочтение летописных сообщений о софийской казне в контексте общего авторского замысла новгородских летописей республиканского времени и привлечение сведений из других источников позволяют обоснованно предполагать, что в действительности средства Софийского собора были церковной казной. Траты софийской казны на иные нужды происходили только в чрезвычайных ситуациях в режиме реквизиции.

Д. М. Котышев (МБОУ «Лицей № 13», г. Троицк Челябинской обл.)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ «КНЯЖЕГО ДВОРА» В КИЕВЕ В XI–XII В.

По вопросу о локализации княжеского двора в литературе нет единого мнения. Начиная с М. Ф. Берлинского, «княж двор» локализовали в пределах «города Владимира» [Берлинский, с. 66]. Эту точку зрения разделяли Н. В. Закревский, Н. И. Петров, В. А. Богусевич, М. К. Каргер, П. П. Толочко и С. Р. Килиевич [Закревский, с. 840; Петров, с. 107–108; Богусевич; Каргер, т. 1, с. 271; Толочко, с. 123–124; Килиевич, с. 102–103]. Иная точка зрения восходит к мнению Н. А. Максимовича, размещавшего «княж двор» у стен Софии [Максимович, с. 107–108]. Сторонниками данного подхода являлись И. Е. Забелин, Н. И. Кондаков, А. В. Прахов, а в настоящее время – С. А. Высоцкий [Забелин, с. 57–58; Кондаков, с. 214; Прахов; Висоцькій, с. 68]. Как же соотносятся эти предположения с показаниями источников?

Действительно, сообщения о «княжем дворе» под 1068 г. говорят о том, что он размещался в пределах «города Владимира»[1]. Начиная с XII в. на страницах летописей упоминается «великий двор» и «Ярославов двор». При этом объединение этих определений зафиксировано только под 1150 г.[2] Во всех остальных случаях «великий двор» и «Ярославль двор» употребляются как самостоятельные понятия[3]. Однако контекст их употребления дает основания утверждать, что описывают они одну и ту же княжескую резиденцию.

Отождествление «княжего двора» XI в., находившегося в «городе Владимира» с «великим двором» летописных текстов XII в., на мой взгляд, совершенно неправомерно. Напомню, что ключевым аргументом сторонников данной концепции является утверждение, что церковь св. Василия, заложенная в 1183 г. Святославом Всеволодовичем на «…вѣлицемъ княжемь дворѣ…»[4], и церковь, которая была создана Владимиром Святославичем в 996 г., представляют собой один и тот же храм. Однако такое отождествление сталкивается с рядом вопросов.

Как явствует из текста летописного сообщения под 6691 г., речь шла о возведении новой постройки («…созданѣ єи бывши Ст҃ославомъ Всеволожичемь…»), а не об обновлении старой. Следовательно, Васильевская церковь, возведенная в 996 г., имела другое местоположение, вероятнее всего, в пределах «города Владимира».

Анализ полевой документации раскопок В. В. Хвойки 1907 г. дал основание Д. Д. Ёлшину предположить, что сооружение, открытое в 50 м к западу от северо-западного угла Десятинной церкви и в 30 м от северо-восточного угла галереи «западного» дворца, является остатками не светской, а культовой постройки [Ёлшин, с. 153]. По информации А. А. Спицына, сделавшего в свое время выписки из дневников В. В. Хвойки, в раскопе 17 был вскрыт слой камня со следами извести, который исследователь принял за мастерскую по обработке камня [Корзухина, с. 339].

Опубликовавшая эту информацию Г. Ф. Корзухина предположила, что слой камня, скорее всего, являлся развалом монументального каменного сооружения [Корзухина, с. 332–334]. В раскопе 21 была выявлена стена из бороздчатого кирпича, датируемого не ранее XIII в. В кладке был отмечен вторично использованный тонкий квадратный кирпич конца X в. (на основании этого Г. Ф. Корзухина

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 171.
[2] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416.
[3] Там же. Стб. 321, 396, 397, 416, 637.
[4] Там же. Стб. 634.

предположила, что здание ремонтировалось в XIII в.). На соседнем участке 20 В. В. Хвойкой были выявлены «...фундаменты какой-то гражданской постройки, прикрытые сверху двумя сплошными повалившимися один на другой слоями штукатурки, обрушившейся вместе со стенами здания. Лицевая сторона этой штукатурки оказалась украшенной богатой фресковой росписью» [Хвойка, с. 88]. Дополнительная информация из дневников А. А. Спицына говорит о том, что на фресках были «... изображения нескольких человеческих фигур в натуральную величину» и орнамент [Корзухина, с. 340]. На мой взгляд, следует согласиться с мнением Д. Д. Ёлшина, что «...фигуративный характер фресок может также указывать на то, что постройка была не аналогичной светским, а представляла собой культовую постройку, возможно, небольшую церковь» [Ёлшин, с. 149].

По моему мнению, есть основания рассматривать остатки этой постройки как следы той самой церкви св. Василия, которая была возведена в 996 г. Полная идентичность строительных материалов из развалин постройки материалам Десятинной церкви является серьезным аргументом в пользу подобного предположения.

Кроме того, археологические исследования детинца не дают, на мой взгляд, оснований утверждать о наличии свободного пространства вдоль улицы Десятинной и к северо-востоку от нее, где С. Р. Килиевич размещала «великий двор» [Килиевич, с. 102]. Здесь исследовательница, как мне представляется, вошла в противоречие с результатами собственных исследований: в ходе раскопок в 1970–1980-х годах вдоль улицы Десятинной выявлена плотная застройка территории жилыми комплексами XI–XIII в.[5]

Эти обстоятельства противоречат сведениям летописи об обширности «великого двора», на котором устраивались конные состязания[6]. Как косвенное свидетельство в пользу локализации «великого двора» у стен Софии могут рассматриваться остатки обширной светской постройки, датируемой концом XI – началом XII в., которые расположены неподалеку от Ирининской церкви. Не исключено, что перед нами остатки княжеской резиденции XII в. [Каргер, т. 2, с. 76–77; Раппопорт, с. 15, № 16][7].

Суммируя все наблюдения, хотелось бы отметить следующее. Княжеская резиденция близ Софии («княж двор», «великий двор» или «двор Ярославль») возникает не раньше первой половины XII в. К этому же времени относится появление практики вечевых собраний близ Софии, включая торжественное «посажение» князя на стол. Следовательно, перенос «княжего двора» отражает перемещение политического центра, маркируя, таким образом, этапы становления киевской политии как самостоятельного субъекта.

Литература

Берлинский М. Ф. Краткое описание Киева. СПб., 1820.
Богусевич В. А. Про феодальні двори Києва XI–XIII ст. // Археологія. 1957. Т. 11. С. 14–20.
Висоцькій С. О. Іпатівський літопис про Золоті ворота у Києві та Володимирі // Український історичний журнал. 1980. № 2. С. 64–68.
Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв. М., 1991.
Закревский Н. В. Описание Киева. М., 1868. Т. 2.
Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1; М.; Л., 1961. Т. 2.
Килиевич С. Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII веков: по материалам археологических исследований. Киев, 1982.
Кондаков Н. И. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.
Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // Советская археология. 1956. Т. 25. С. 318–336.
Максимович Н. А. Обозрение старого Киева. Киев, 1877. Т. 2.
Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897.
Прахов А. В. О вновь открытых фресках Киево-Софийского собора и киевском кладе 1885 г. // Записки Императорского Русского археологического общества. 1877. Т. 2. С. 51–56.
Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982.
Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970.
Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (с комментариями и иллюстрациями). Киев, 2008.

[5] *Килиевич С. Р.* Отчет об археологических исследованиях на территории Великого княжего двора в Киеве 1972 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1972/34б. Е. х. 6226. С. 2–4, 7–10; *Ее же*. Отчет о раскопках 1973 г. Старокиевского отряда Киевской археологической экспедиции по ул. Десятинной № 2 // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1973/22б. Е. х. 6667. С. 4–9; *Ее же*. Отчет об археологических раскопках на Киевском детинце 1975 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1975/25в. Е. х. 7830. С. 2–8; *Ее же*. Отчет о раскопках 1976 г. Старокиевского отряда киевской археологической экспедиции на территории киевского детинца (ул. Владимирская, № 2) // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1976/14б. Е. х. 7940. С. 3–5; *Ее же*. Отчет о раскопках 1977 г. Старокиевского отряда киевской археологической экспедиции в усадьбе № 5 по Десятинному переулку // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1978/20а. Е. х. 8751. С. 2–4.

[6] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 397.

[7] Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 168.

М. С. Крутова (РГБ)

РЕЦЕПТЫ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЧЕРНИЛ, КИНОВАРИ И КРАСОК В РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ XV–XIX в., ХРАНЯЩИХСЯ В ОР РГБ

Особое значение для исследователей русской письменности имеют рецепты изготовления чернил, киновари и красок, поскольку они помогают в проведении палеографического анализа рукописного источника. В большинстве случаев исследователи-искусствоведы опираются на «Ерминию, или Наставление в живописном искусстве, составленную иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом в 1701–1733 годах»[1]. Филологи и историки чаще обращаются к материалам, опубликованным в 1906 г. известным палеографом, лингвистом, историком, книговедом Павлом Константиновичем Симони в книге «К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении» [Симони]. Этот замечательный палеограф представил около 30 источников, датирующихся XV–XVIII в. Хотя шифры рукописей с течением времени изменились, часть из них, хранящихся в РГБ, ГИМ, РНБ, БАН, нам удалось установить. Была также уточнена датировка рукописей, находящихся в ОР РГБ. Так, наиболее ранний содержащий рецепты чернил и красок сборник ОР РГБ из собрания Троице-Сергиевой лавры № 408 был датирован третьей четвертью XV в.

Представленные П. К. Симони разнообразные рецепты до сих пор не потеряли своего научного значения, потому что он не только тщательно скопировал тексты (с максимальным соблюдением графики и орфографии рукописного источника), но и сопроводил их необходимыми комментариями. Именно эта академическая обстоятельность при воспроизведении рукописного текста позволила другим исследователям опираться на них в своих исследованиях. Так, известный фундаментальный труд по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси В. А. Щавинского [Щавинский] полностью основан на источниках, опубликованных П. К. Симони, о чем свидетельствуют его ссылки на них. К сожалению, авторы учебников по палеографии ограничиваются, как правило, изложением кратких сведений об изготовлении железистых и сажевых чернил, тогда как этих типов гораздо больше, и их мы находим как в трудах П. К. Симони, так и в других списках, которыми более чем за сто прошедших лет пополнились с 1906 г. рукописные собрания книгохранилищ. Так, в ОР РГБ хранятся не только три указанные им рукописи, а более сорока, в которых содержатся рецепты изготовления чернил и красок для письма.

Как правило, рецепты находятся в составе разных хозяйственных, медицинских или кулинарных и иконописных сборников, но совершенно неожиданно их можно встретить, например, в сборнике задач на сообразительность.

Важно отметить тот факт, что начиная с XVIII в. в рецептах указываются не только естественные, природные компоненты, но и химические, продающиеся в аптеках. Вызывают интерес рецепты «для куриозности»: «о написании невидимого письма», «показание чем писать вместо золота на бумаге», «о чернилах для писма несгораемых», «каким образом можно написать внутри яица по скорлупе, не разбивая яица», «способ, чем секретные писма писать» и др.

Эти рецепты интересны как с практической точки зрения — составления вещества на основании определенных ингредиентов, так и с точки зрения изучения их лексических и текстологических особенностей. В разных сборниках были выявлены лингвотекстологические варианты названий красок, киновари чернил, единиц меры и веса, а также сосудов, в которых приготовляются растворы.

Изложенное позволят сделать вывод о научной значимости для изучения истории русского языка и культуры данного вида рукописных источников.

Литература

[Симони П. К.] К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении: Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV–XVIII столетий / Собр. и снабдил ввод. ст. и объясн. примеч. Павел Симони. [СПб.], 1906. Вып. 1.

Щавинский В. А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935.

[1] Ерминия, или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом, 1701–1733 год / [Пер.] Порфирия, еп. Чигиринского. Киев, 1868.

О. Ф. Кудрявцев

ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ КАРТЫ МОСКОВИИ (1525 г.)

Самые ранние карты, посвященные исключительно или, по крайней мере, преимущественно Московии, появились в Европе, как и следовало ожидать, на волне возникшего по разным причинам огромного интереса к ней в середине 20-х годов XVI в. Именно тогда были созданы первые значительные сочинения, специально посвященные ей, и в одном из них, «Книге о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII», его автором, известным итальянским гуманистом Павлом Йовием, было обещано «воспроизвести местоположение сего региона (Московии. — О. К.) на печатном чертеже». Однако ни первое издание этой книги, ни все последующие никакая карта Московских земель не сопровождала. Полагали даже, что она так и не вышла в свет.

Однако карта нашлась. И в двух вариантах. Первый был обнаружен в рукописном атласе, созданном в первой половине XVI в. в Венеции генуэзским картографом Баттиста Аньезе. Второй представляет собой печатное издание, подготовленное, возможно, Павлом Йовием и предназначенное, по-видимому, для его книги, но по какой-то причине не присоединенное к ней. Обе карты имеют много общего, пояснением к ним служит почти одинаковая надпись: «Карта Московии, составленная на основе рассказов посланца Дмитрия так, как он сам узнал от многих, поскольку, по его собственному признанию, всю страну он объехал далеко не полностью. Год 1525, октябрь»[1].

На печатной карте, как и на карте Аньезе, нет Рифейских или Гиперборейских гор, с которых бы брали истоки великие реки Восточной Европы. То есть ее автор (или составитель) разделяет представления о географии этого региона, высказанные Матвеем Меховским в 1517 г.[2] и поддержанные в числе прочих космографов Павлом Йовием[3]. Но на напечатанной карте — и в этом ее самое значительное отличие от труда Аньезе — нанесен Герцинский лес, причем так, как он описан у Павла Йовия. «Непрерывной полосой тянется [он], — сказано в книге итальянского гуманиста, — по Московии в северо-восточном направлении до Скифского океана, так что беспредельная величина его всегда обманывала ожидания людей, старавшихся найти его конец»[4]. То же видим и на карте: огромная лесная полоса, правда, никак не названная, продолжается от верхнего Днепра в направлении верхней Волги и затем далеко на северо-восток почти до Скифского, или Северного Ледовитого, океана.

Внимательное рассмотрение двух самых ранних карт Московии — и изготовленной Баттиста Аньезе для его рукописного атласа, и напечатанной в одно время с ней — позволяет согласиться с уже высказанным в историографии мнением о том, что они «настолько близки между собой, что могут рассматриваться как варианты единого сюжета» [Старков, с. 9]. Однако полагать вслед за этим, что напечатанная карта, автором которой мог быть Павел Йовий, была положена в основу карты Аньезе [Старков, с. 14], неправильно, ибо при таком допущении невозможно объяснить очевидные и существенные расхождения в географических объектах и написании их названий на этих двух картах. Скорее следует предположить наличие какого-то общего прототипа в виде чернового чертежа, на который составители обеих карт ориентировались, дополняя или даже поправляя его данными других источников.

Появление двух карт Московии осенью 1525 г., почти в одно время с книгами об этой стране Павла Йовия, Альберта Кампенского и Иоганна Фабри, — свидетельство большого и напряженного внимания Европы к недавно заявившему о себе на ее восточных границах мало известному государству. Рассмотренные карты призваны были дать дополнительно к описаниям Московии упомянутых выше авторов ее детальное и наглядное изображение как сложного географического объекта. И надо признать, их составителям — несмотря на немалое число допущенных неточностей — это удалось.

Литература

Старков В. Ф. Описание карты 1525 г. // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 8–15.

[1] См. изд.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. Форзац; [Старков, с. 10–11].
[2] *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. Введение; I.II.5; II.I.3; II.II.1 / Изд. подготовил С. А. Аннинский. М.; Л., 1936. С. 46, 84, 110, 116, 128, 163, 186, 192.
[3] *Йовий П.* Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в. С. 241, 273.
[4] Там же. С. 235, 264.

О. А. Кузнецова (МГУ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУКОПИСНЫХ АЗБУКОВНИКОВ ПРИ СОЗДАНИИ АВТОРСКИХ ТЕКСТОВ XVII в.

Строчные азбуковники, азбучные письмовники, краестрочные алфавиты — под этими названиями в науке известны алфавитные собрания этикетных фраз для составления посланий с акростихом. Они осознавались именно как подспорье для создания текстов, о чем свидетельствует заголовок в рукописи конца XVII — начала XVIII в.: «Алфавит слогателно и акростихитно и сиречь краестрочнои. сими убо строки. аще кто изволит послания сочинити. Ему же краегранесие. В сих стисех изоосрящет по подобию комуждо прочее в прочих по залотиречии»[1].

На разные списки этого «пособия», распространявшегося в рукописных сборниках, указывали Д. Л. Мордовцев [Мордовцев, с. 71], А. М. Панченко [Панченко, с. 75], О. Е. Кошелева [Кошелева, с. 295–300]. Исследователи отмечали связь этого памятника с виршевой культурой XVII в., однако до сих пор вопрос непосредственного влияния азбуковников на авторские послания начала столетия подробно не разбирался, а предположения о заимствованиях не имели убедительных текстологических подтверждений. Следовало выявить характер текстовых соответствий между посланиями и азбуковниками, создававшимися в одну и ту же эпоху.

Для анализа были выбраны списки РГБ (РГБ. Ф. 299. № 411. Л. 205 об.–213 об.; № 380. Л. 140–162), а также весь корпус стихотворных посланий первой половины XVII в., известных на данный момент. При работе необходимо было отделить точные соответствия от повторяющихся моделей, фразеологии эпохи. А. С. Демин указывал на связь азбучного письмовника с прозаической перепиской XVI в. [Демин, с. 97], что закономерно ввиду формульности эпистолярного стиля, а А. М. Панченко [Панченко, с. 75] приводил примеры строк с устойчивыми образами, которые столь типичны, что не способствуют установлению межтекстовых связей. Строки стихотворных посланий первой половины XVII в. иногда начинаются со слов «Аз же убо» — такие примеры есть и в азбуковнике («Аз же убо ныне благодарное ти моление приношаю»[2]), однако само по себе это словосочетание не является показательным. Соответствие строке из азбуковника обнаруживает одно из посланий Михаила Самсонова: «аще убо благодарное моление ныне приношаю»[3]. В азбуковник попадают строки, содержащие библеизмы, которые в стихотворных посланиях могут воспроизводиться из первоисточников или святоотеческих толкований. Таков характер соответствий в послании справщика Савватия к архиерею, ср.: «Аминь глаголю вам, ищите прежде царствия небеснаго»[4] — «Писано есть от самех божественных уст, // по тому же последует и великий Иоанн Златоуст, // и инии божественнии отцы, // на них же ныне нетленныя венцы: // “Ищите прежде царствия небеснаго // и не любите света сего мира прелестнаго”»[5]; «Задняя забывай на предняя простирайся»[6], «На предняя блага простирайся задняя и скорбная забывая»[7] — «И ты, государь мой, сим утешайся, // а на предняя простирайся»[8].

Показательные и многократные соответствия с текстами из азбуковника были обнаружены в четырех случаях: послание дьяку М. И. Поздееву, подписанное Ермолаем Азанчеевым, послание М. Ю. Татищева к царю, послание Антония Подольского к Симеону Федоровичу и послания Петра Самсонова к разным лицам. В первом случае сходство особенно показательно: среди других сходств первые четыре строки послания идентичны фразам из азбуковника, даже концевые элементы почти не изменены. Однако является ли это прямым доказательством влияния азбуковника на послание? В половине случаев сходные элементы не обнаруживают соответствий в первой букве строки — если предположить, что авторы первой половины XVII в. обращались к этому «пособию», то их мог интересовать не столько подбор фраз для акростиха, сколько сами этикетные формулы. При этом с уверенностью можно сказать, что фразы, составляющие азбуковник, вторичны и представляют собой выписки из разных текстов до середины XVII в., возможно, тех же виршевых посланий.

Компоненты азбуковника слабо структурированы, носят характер случайных выписок, часто

[1] РГБ. Ф. 299. № 380. Л. 140.
[2] РГБ. Ф. 299. № 411. Л. 205 об.
[3] Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммен. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 253.
[4] РГБ. Ф. 299. № 380. Л. 140 об.
[5] Виршевая поэзия. С. 177.
[6] РГБ. Ф. 299. № 411. Л. 209.
[7] Там же. Л. 210 об.
[8] Виршевая поэзия. С. 177.

дублируют друг друга, располагаясь в нескольких разделах, но с добавлением союза, междометия или предлога. Однотипные строки встречаются и в пределах одной буквы: фразы «Аз же благодарительному преподобию пад челом бию» и «Аз же таковому твоему благосердию много челом бью»[9] записаны на расстоянии 10 строк друг от друга.

Иногда составитель азбуковника вместо единострочных фраз выписывает двоестрочия с парной рифмой: «Всесветлых писаний неизглаголанная сладость. // В ней же явися православным всемирная радость. // Вечный всесилный боже всякия благодати. // В день страшный сподоби одесную тебе стати»[10] — первые две строки с большой вероятностью взяты из стихотворного предисловия к хронографу 1627 г. («ныне же убо и нам преславно явися всемирная радость, // всесветлых писаний неизглаголанная сладость»[11]), где они имеют явную смысловую связь с контекстом. В основном рифмованные фрагменты появляются в конце разделов («Яко же милосердие свое к нам являеши // потолику щедраго бога сотворяеши»[12]). Подобные выписки также свидетельствуют о влиянии авторских стихотворных посланий на азбуковник.

Литература

Демин А. С. Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 90–99.
Кошелева О. Е. Как сочинять послания в виршах? «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История» [Электронный ресурс]. 2013. Т. 4. Вып. 6 (22). URL: http://history.jes.su/s207987840000605-4-1 (дата обращения: 01.05.2019). С. 283–316.
Мордовцев Д. Л. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862.
Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

[9] РГБ. Ф. 299. № 411. Л. 206.
[10] Там же. Л. 207.
[11] Виршевая поэзия. С. 293.
[12] РГБ. Ф. 299. № 411. Л. 213 об.

Н. А. Кулева (ИРЯ РАН)

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ И ИСТОЧНИКАХ МИЛЮТИНСКИХ МИНЕЙ ЧЕТЬИХ (НА ПРИМЕРЕ ФЕВРАЛЬСКОГО ТОМА)

Видное место в истории агиографии занимает свод миней четьих, составленный в 1646–1654 г. священником из Сергиева Посада Иоанном Милютиным и тремя его сыновьями, который хранится в Синодальном собрании ГИМ (ГИМ. Син. № 797–808).

Было проведено исследование состава февральского тома Милютинской минеи (Син. 802) в сопоставлении с более ранними списками миней четьих за соответствующий месяц: февральской минеей первой четверти XV в. из собрания Московской духовной академии (РГБ. Ф. 173/I. № 92; далее — Мин. чет. февр.), Волоколамской минеей второй половины XV в. (РГБ. Ф. 113. № 594; далее — Волок. 594), домакарьевской февральской минеей XV–XVI в. из собрания Новгородского Софийского собора (РНБ. Соф. № 1377), Великими Минеями Четиими митрополита Макария XVI в. (РНБ. Соф. № 1320; ГИМ. Син. № 991, Син. № 179), Чудовскими (Годуновскими) минеями 1600 г. (ГИМ. Чуд. № 311), Тулуповскими минеями, около 1630 г. (РГБ. Ф. 304/I. № 674). Сопоставление этих списков, кроме Тулуповских миней, показало их связь. В большинстве случаев все памяти святым, которые существуют в февральском томе Милютинских миней четьих, присутствуют и в более поздних списках.

Следует отметить, что Мин.чет.февр. — самый ранний сохранившийся список миней четьих за февраль месяц. Особенность этого памятника заключается в том, что все жития и гомилии здесь являются переводными, и нет сказаний о русских святых [Афиногенов, с. 270–283; Срезневский, с. 377–390].

Как известно, состав миней четьих после митрополита Макария изменился (в них отсутствуют проложные сказания и стишной пролог, Книги Отцов Церкви и др.). То есть они приобретают вид ранних домакарьевских миней. Необходимо отметить, что Син. 802 содержит основной состав переводных житий и гомилий, который мы находим в более ранних минеях. Отсутствуют лишь Слова Тимофея Иерусалимского и Авраамия Эфесского на Сретение (2 февраля), Мучение еп. Авраамия Аравийского (5 февраля), Надгробное слово Григория Нисского о Мелетии (12 февраля). Расположение памятей в Син. 802, которые уже имелись в более ранних минеях четьих, соответствует календарю ВМЧ и Чуд.

311. Возможно, что составители Милютинских миней имели доступ к одному из этих комплектов и использовали его в качестве источника.

Следует сказать, что под 11 февраля память сщмч. Власия Севастийского представлена в Син. 802 двумя житиями, одно из которых соответствует минейному тексту, помещенному в Мин.чет.февр., другое идентично тому, что имеется в Волок. 594, Соф. 1377, ВМЧ, Чуд. 311. В первом случае на полях сделана отметка: «из старой минеи четьи», во втором — «сїе мучение списано изъ миней же четїихъ».

Интересно также отметить, что под 10 февраля к основному тексту Жития мч. Харлампия на полях сделана приписка: ꙗтъ быс(ь) сѓыи харлампїи и приведенъ къ колѧну игѣмону и въпрошенъ х҃а исповѣда гл҃ѧ. Эта вставка есть в Волок. 594, Соф. 1377, ВМЧ, Чуд. 311, но ее нет в Мин. чет. февр. То есть можно предположить, что писец имел перед собой, как минимум, две минеи четьи за февраль месяц. Сначала он переписывал Житие с одной минеи, а затем, обнаружив недостающий фрагмент в другой, написал его на полях. На основании вышеизложенных замечаний и поскольку известно, что работа над этим комплектом миней происходила в Троице-Сергиевой лавре, можно предположить, что одним из источников для составителей Син. 802 была именно Мин.чет.февр. первой четверти XV в.

Анализируя состав памятников, входящих в февральский том Милютинских миней, наблюдаем, что он существенно расширен за счет произведений, посвященных русским святым, главным образом князьям. Если в ВМЧ и Чуд. 311 их всего два (Житие прп. Дмитрия Прилуцкого (11 февраля) и Житие свт. Алексия (12 февраля)), то в Син. 802 статей русского происхождения уже 14. Причем два из этих минейных текстов посвящены еще не канонизированным русским святым: прп. Герману Соловецкому и князю Ярославу Мудрому.

По мнению А. В. Сиренова, основным источником княжеских житий для Милютинских миней послужила Степенная книга [Сиренов, с. 4]. Так, например, из нее взяты Житие князя Георгия Всеволодовича, Житие князя Всеволода Псковского, Сказание о князе Ярославе Мудром.

Среди источников Милютинского минейного свода исследователи называют минеи четьи, созданные монахом Троице-Сергиевой лавры Германом Тулуповым [Красин, с. 14; Понырко, с. 66]. Проанализировав состав февральских томов данных минейных собраний, мы убедились, что они независимы друг от друга, поскольку в них совпадает лишь одна память — Житие прп. Дмитрия Прилуцкого (11 февраля).

Проведенный анализ состава Син. 802 с более ранними списками миней четьих показал, что данное собрание содержит основной костяк переводных памятников, который воспроизводился в томах за указанный месяц с достаточным постоянством.

Литература

Афиногенов Д. Е. Новгородское переводное четье-минейное собрание: происхождение, состав, греческий оригинал // Monumenta linguae slavicae. Dialecti veteris fontes et dissertationes. Freiburg i. Br., 2000. T. XLIV. S. 270–283.
Красин Д. Четии Минеи Иоанна Милютина // Известия Московского университета. 1871. № 1. С. 1–14.
Понырко Н. В. Иоанн Милютин // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 66–69.
Сиренов А. В. Милютинские минеи и черновик Степенной книги // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 3. С. 3–8.
Срезневский И. И. Февральская книга Минеи четии древнего состава по списку XV в. // Сб. ОРЯС. СПб., 1875. Т. 12. С. 377–390.

В. С. Курмановский (ИА РАН)

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(По материалам работ в московском кремле)

Проблема соотнесения выявляемых археологических объектов эпохи русского Средневековья с социальными реалиями, известными по данным письменных источников, в современной отечественной археологической науке, как представляется, стоит достаточно остро. Решение ее видится в тщательном исследовании «эталонных» археологических объектов, об историческом характере которых имеются надежные данные письменных источников. Примером могут служить, в частности, выявленные в Неревском раскопе Новгорода усадьбы представителей боярского клана Онцифоровичей-Мишиничей.

Предпринимается историческая идентификация на основе комплексного анализа данных археологии и письменных источников археологических объектов, выявленных в ходе раскопок 2007 г. на Подоле Московского Кремля — одной из максимально обеспеченных сведениями документальных источников территорий Московской Руси. Полученные данные могут быть использованы при социально-исторической интерпретации иных археологических памятников данного периода.

С. С. Кутаков (ГАУГН)

ОТДЕЛЬНАЯ КНИГА ТВЕРСКОГО УЕЗДА 1588 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ[1]

Древнейшая отдельная книга, упоминаемая источниками, относится к 1554/1555 г.[2], что хронологически совпадает с первым упоминанием «Поместной избы»[3]. Возникновение отдельных книг напрямую связано с формированием поместной системы, которая развивалась с конца XV к середине XVI в. из практики личных пожалований великого князя в государственную систему, обеспечивавшую боеспособность вооруженных сил страны, включавшую поместные верстания и отделы земель в поместья в соответствии с поместными окладами служилых людей, и чем далее, тем более следовавшую ритму работы нарождающейся бюрократии, нежели милости государя [Абрамович, с. 201–202; Кром, с. 552–553].

В соответствии с Каталогом писцовых описаний К. В. Баранова, источники упоминают 27 отдельных книг, 4 из которых считаются отдельными предположительно[4]. Половина упомянутых источниками отдельных книг относится к 80-м годам XVI в.

По сведениям Каталога К. В. Баранова, отделы поместий в Тверском уезде проводились в 1583/1584–1588/1589 и 1587/1588 (7096) г.[5] В обоих отделах участвовали князь М. А. Щербатов и дьяк А. Григорьев. Сведения об отдельных книгах 1583/1584–1588/1589 г. требуют проверки. Что касается отделов поместий в 1587/1588 г., то они проводились в Тверском и Новоторжском уездах. Отдельная книга, отразившая раздачу поместий в Тверском уезде, сохранилась в подлиннике, хранится в РГАДА и опубликована[6]. А. В. Антонов называет эту книгу единственным сохранившимся памятником, иллюстрирующим масштабную работу правительства по решению проблемы снижения уровня боеготовности поместного ополчения из-за безземельности и бедности широких слоев служилых людей[7].

Отдельная книга Тверского уезда 1588 г. фиксирует широкую раздачу дворцовых и порожних земель в поместья. В сохранившейся части книги указаны отделы земель в 84 поместья[8]. Они производились в соответствии с окладами помещиков, которые составляли от 150 до 550 четей. Большинство поместных окладов (59, 5 %) составляли 200–250 четей. Поместья отделялись в большинстве волостей и станов Тверского уезда. Наиболее масштабные отделы производились в Шейском, Микулинском и Захожском станах, в которых были сосредоточены обширные дворцовые земельные владения. До этого времени они находились в распоряжении Симеона Бекбулатовича, которого в 1576 г. Иван IV пожаловал великим княжеством Тверским [Кутаков, 2016; Кутаков, 2018].

Материалы отдельной книги 1588 г. содержат большое количество данных по исторической географии феодального землевладения в Тверском уезде. Кроме того, некоторые косвенные сведения отдельной книги 1588 г., дополняемые данными других писцовых материалов XVI в., позволяют проследить историю землевладения в Тверском уезде на протяжении XVI в. В частности, удается реконструировать раздел вотчины князя Андрея Борисовича Микулинского между тремя его сыновьями в начале XVI в. Село Городище, известное в писцовых книгах как «Княж Владимирово Городище», соотносится с вотчинным центром Владимира Андреевича Микулинского. Села Новое на Шоше и Лотошино на основе сведений отдельной книги 1588 г. могут быть связаны с вотчинными центрами Юрия и Василия Андреевичей Микулинских соответственно[9]. Все три брата не оставили потомства, а их владения, вероятно, перешли в дворцовое ведомство. Впоследствии три бывших центра вотчин микулинских князей были переданы на содержание двора князя Симеона Бекбулатовича. Отдельная книга 1588 г. зафиксировала раздачу этих земель в поместья из дворцовых земель.

---

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-31-01074-ОГН «Историческая география феодального землевладения в Тверском уезде XVI века».

[2] Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV – начала XVII века. Предварительный список. Версия 1.1 (26.01.2016) / Сост. К. В. Баранов. [М.], 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://rgada.info/materiali/baranov_catalog.pdf (дата обращения: 01.05.2019). С. 47.

[3] *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI – XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 125.

[4] Каталог писцовых описаний Русского государства.

[5] Там же. С. 99, 110.

[6] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 494–634.

[7] Там же. С. 9.

[8] А. В. Антонов в предисловии к публикации книги говорит о 85 отделах-описаниях и об отсутствии первых девяти отделов (Там же. С. 10, 12).

[9] Там же. С. 622, 610.

Литература

Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI вв. Дисс. … докт. ист. наук. Л., 1975.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.

Кутаков С. С. Удел великого тверского князя Симеона Бекбулатовича: локализация и происхождение // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2016. № 2. С. 102–112.

Кутаков С. С. Тематическое картографирование тверских писцовых материалов XVI века средствами ГИС // Вторая зимняя школа по гуманитарной информатике: сборник тезисов докладов (г. Калининград, 5–7 декабря 2018 г.). Калининград, 2018. С. 81–88.

В. А. Кучкин (ИРИ РАН)

ОРДЫНСКИЙ «ВЫХОД» (ПО МАТЕРИАЛАМ ДУШЕВНЫХ И ДОГОВОРНЫХ ГРАМОТ РУССКИХ КНЯЗЕЙ XIV–XVI в.)

После завоевания в 1237–1240 г. большей части русских княжеств Батыем и установления в 1242 г. власти завоевателей над покоренными землями наиболее тяжким последствием монгольского господства над Русью стал введенный иноземными правителями налог на русское население — харадж. На Руси он стал называться «выходом», или ордынской «данью». «Выход» собирался каждый год и выплачивался, скорее всего, частями дважды в году: поздней осенью и в последний месяц весны. Но сколь ни существенны вопрос о сроках выплат, а также вопросы организации сбора «выхода», его хранения и доставки в Орду, главной проблемой изучения истории ордынской дани является определение ее размера. Сделать это очень сложно, поскольку источники чрезвычайно редко говорят о превратившихся в обыденные выплатах Орде. Исключения составляют завещания и договоры русских (преимущественно — московских) князей XIV–XVI в. Начиная с конца XIV в. в этих документах достаточно часто появляются статьи, где речь идет о выплатах сарайской Орде, а иногда приводятся данные о размерах таких выплат. ИРИ РАН уже несколько лет ведет работу по переизданию душевных и договорных грамот русских князей XIV–XVI в. В ходе такой работы выяснилось, что целый ряд грамот должен быть передатирован, а содержание грамот, касающееся выплат ордынского «выхода», уточнено и теснее увязано с фактами политической и военной истории XIV–XVI в. Прояснению таких вопросов и посвящен данный доклад.

В 70-е годы XIII в., примерно 30 лет спустя после установления власти монголов над Русью, владимирский епископ Серапион горько сетовал на то, что в его время мы (русские) «в сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ»[1], косвенно свидетельствуя о том, что отток материальных и денежных средств из русских земель в Орду был велик. Спустя почти столетие вопрос о дани в Орду оставался главным в политике северо-восточных русских княжеств. Статья 11 договора 1375 г. Москвы и Новгорода с Тверью постановляла, что «а с Татары wже буде*т* на*м* миръ, по думѣ. А буде*т* на*м* дати выхо*д*, по думѣ же, а буде*т* не *д*ати, по думѣ же»[2], тесно увязывая невыплату или выплату «выхода» с войной или миром с Ордой. Однако о размерах «выхода» приведенные свидетельства не говорят. Указания на суммы дани извлекаются из более поздних душевных и договорных княжеских грамот. Так поступил П. Н. Павлов, первым из советских историков поднявший вопрос о размерах ордынского «выхода». Однако систематического изучения таких грамот Н. П. Павлов не провел, ограничившись лишь извлечением из них отдельных цифр. В итоге он пришел к выводу о понижении после Куликовской битвы 1380 г. русских выплат Орде [Павлов, с. 101]. Между тем московский летописец отметил, что в 1384 г. «бысть великая дань тяжкаа по всему княжению великому, всякому без отьдатка, со всякые деревни по плътинѣ. Тогда же и златом даваша въ Орду, а Новъгородъ Великыи дал черной боръ»[3]. Концепцию П. Н. Павлова поддержал А. А. Горский. От себя же привел аргумент в ее пользу: после известного стояния на Угре 1480 г. Ивана III и хана Ахмата «в договорах Ивана III со своими братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким, заключенных 2 февраля 1481 г., появляется новое изменение формулировки пункта об отношениях с Ордой — указание размера выплат в 1000 рублей» [Горский, с. 178]. Действительно, такая цифра есть в статьях 25 названных грамот: «в выход ти мнѣ давати, в

[1] БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 374.
[2] ДДГ. № 9.
[3] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149.

тысячꙋ рꙋблевъ, сто рꙋблевъ и тритцат(ь) алтын и три денги…»[4], только ее интерпретация должна быть совершенно иной. Как показал В. А. Аракчеев, в грамотах от 2 февраля 1481 г. речь идет не о реальной тысяче рублей, выплачивавшейся Орде, а об условной единице — 1000 рублей, в которую братья Ивана III должны были внести по 100 руб. 30 алт. 3 ден. [Аракчеев]. Главная мысль статьи В. А. Аракчеева вполне справедлива. Она подкрепляется и другими показаниями источников. Так, из второго договора серпуховского князя Владимира Андреевича с великим князем Василием I, датируемого теперь 1402—1404 г., следует, что Владимир должен был дать Василию I «с Углеча Пола в сем(ь) тысач руб(ловъ) сто руб(ловъ) и пат(ь) руб(ловъ)»[5]. Те же 105 рублей взимаются с Углича и тогда, когда общая сумма «выхода» снижается до 5000 рублей[6]. Чем объяснить постоянство такой выплаты с Углича при серьезных изменениях общей суммы «выхода»? Только тем, что угличские 105 рублей относились к условной счетной единице — 1000 рублей. В таком случае побор с Углича при 7000-м «выходе» должен был составлять 735 рублей, а при 5000-м «выходе» — 525 рублей. Выясняется, что размер побора с Углича не был постоянным, он изменялся вместе с изменениями общей суммы «выхода». Рамки таких колебаний были достаточно узкими. В самом раннем княжеском договоре, где фиксируется общая сумма «выхода»[7], эта сумма равна 5000 рублям. Участник договора, серпуховский князь Владимир, должен был внести «в пать тысачь руб(левъ) триста рублевъ и дватцать руб(левъ)», то есть реально со своих владений выплатить 1600 рублей. В начале XV в. ситуация изменилась. Как указывалось выше, в договоре 1402—1404 г. речь шла о «выходе» размером в 7000 рублей. Уже один этот факт свидетельствует о том, что в XV в. «выход» не уменьшался, а возрастал. Возрастал потому, что Орда воспользовалась затруднительным положением Василия I, пытавшегося помешать Литве захватить Смоленск. Попытки оказались тщетными. 11 июня 1404 г. Витовт овладел Смоленском. В такой обстановке Василий I был бессилен противодействовать даннческим притязаниям Орды. Однако вскоре положение изменилось. По завещанию конца 1408 г. серпуховского князя Владимира его наследники должны были вносить дань в пятитысячный «выход». Однако в завещании 1432 г. звенигородского и галичского князя Юрия Дмитриевича говорится, что он в семитысячный выход брал со Звенигорода 511 рублей, а с Галича — 525 рублей[8]. Здесь важно отметить, что размер «выхода» вновь повысился до 7000 рублей, но, по-видимому, опять на непродолжительное время. Повысился потому, что в Орде хорошо знали об острой борьбе за московский стол и понимали, что повышение нормы выхода не вызовет у московских князей, занятых этой борьбой, противодействия. Со времени вторичного возвращения Василия II на московский стол (1434 г.) в его договорах с родственниками появляется оборот типа «оу вас ми имати въ выход по старымъ девтеремъ»[9]. Последний раз оборот с упоминанием девтерей употреблен в договоре 1483 г.[10] «Старые девтери» ведут ко времени Василия I, который платил «выход» в 5000 рублей. По-видимому, «выход» такого размера сохранялся до 1484 г. События 1480 г. на него не повлияли. В 1503 г. в своем завещании Иван III большой раздел посвятил ордынским выплатам. По его расчетам, в условную тысячу рублей его наследники должны были внести 1003 руб. 9 грив. 3 ден. В 1389 г. такой взнос составлял 960 рублей. Следовательно, «выход» продолжал расти и в начале XVI в. Таким образом, утверждения современных исследователей о снижении размеров выхода в конце XIV — XV в. являются фикцией, основанной не на системном исследовании источников, а на выборке отдельных примеров, уменьшающей выплаты Орде с владений московских князей в 5—7 раз.

Литература

Аракчеев В. А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Мат-лы Всероссийской с межд. участием научной конф. (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 17— 31.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. 1958. Т. 13. Вып. 2. С. 74-112.

[4] ДДГ. № 72.
[5] Там же. № 16.
[6] Там же. № 17.
[7] Там же. № 11.
[8] Там же. № 29.
[9] Там же. № 34.
[10] Там же. № 78.

Ю. А. Лабынцев (ИСл РАН)

ДРЕВНЕЕ ЛАВРИШЕВСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ: ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.

В конце 2018 г. в Киеве было осуществлено издание факсимильного типа известного Лавришевского Евангелия, датируемого концом XIII — началом XIV в.[1] Этот труд украинских издателей и украинских и польского ученых, снабдивших издание своими аналитическими статьями, сделав теперь данную рукопись широко доступной, несомненно, привлечет новых ее исследователей.

Вместе с тем до сих пор остаются совершенно неясными обстоятельства, при которых Лавришевское Евангелие оказалось вне стен монастыря и стало собственностью известного библиофила, в 1804—1806 г. министра иностранных дел России А. Чарторыского. Версия о том, что эта рукопись все еще была в монастыре в 1824 г., неверна, как и то, что в 1830-е годы А. Чарторыский вывез ее в Париж [Гнатенко, с. 382].

В свое время, поработав с Лавришевским Евангелием, хранящимся в Кракове, мы убедились, что к нему как к святыне и к тому же своеобразному архиву-книге было совершенно особое отношение в стенах монастыря и в православный, и в униатский (базилианский) периоды. Следы всего этого зафиксировались непосредственно на нем. Более того, об этой рукописи достаточно давно было известно и вне стен обители, в первую очередь семейству местных магнатов Хрептовичей, с начала XIV в. опекунов Лавришевского монастыря, выстроивших в своем имении Щорсы для огромной родовой библиотеки целый дворец, находящийся всего в четырех верстах к югу от места многовекового нахождения Лавришевского Евангелия [Лабынцев; Лабынцев, Щавинская, 2013]. Хрептовичи имели даже достаточно точную «копию различных записей и помет» в этом кодексе, который, по словам Т. Нарбута, в 1822 г. «лавришевские базилиане… подарили князю Адаму Чарторыскому, сыну» [Narbutt, s. 119—120].

Когда Лавришевское Евангелие было уже у А. Чарторыского, но не позднее середины 1820-х годов, для Н. П. Румянцева был сделан список «Записи имений на древнем пергаменном Евангелии, писанном в начале четырнадцатого века, принадлежащем Князю А. А. Чарторискому» [Востоков, с. 124—126]. Румянцевский список достаточно верный, он входит в состав небольшого, на 11 листах, собрания копий вкладных, в том числе в различные полесские православные храмы в XVI в. (в Пинске и Турове), воспроизведенные латинской графикой. Некоторые особенности этого собрания копий позволяют допустить, что румянцевский список вкладных на Лавришевском Евангелии и остальные копии делались, возможно, разными лицами, притом последние с уже имеющихся латинографичных (польскографичных) копий. Румянцевский список осуществлен непосредственно с оригинала, который переписчик имел перед собой и составил практически полный достаточно точный кириллографичный свод всех 14 вкладных записей на 7 листах. Подобное мог предпринять только кто-то из наиболее деятельных многочисленных участников румянцевского «ученого кружка» или «дружины», каковые проживали как в российских имперских столицах, так и на ее периферии, в том числе западной. Само Лавришевское Евангелие тогда находилось, скорее всего, в Пулавах — этой знаменитой резиденции Чарторыских, превращенной ими, потомками древнего некогда православного рода, в значительный культурно-политический центр неподалеку от Люблина.

Нам удалось выявить еще один ранний список вкладных на Лавришевском Евангелии[2]. Он латинографичный, сделан на голубоватой бумаге большого формата, имеющей годовое обозначение ее производства «1821». Таким образом, можно достаточно точно определить возможную дату составления данного списка, примерно соответствующую времени появления списка румянцевского. Причем оба они сделаны не только в один и тот же временной отрезок, но и непосредственно с оригинала рукописи. В отличие от списка для Н. П. Румянцева этот латинографичный, вернее, польскографичный список выполнен лицом, не только достаточно слабо разбиравшим кириллографичные записи, но и не всегда понимающим их смысл, на что указывает, например, включение под № 10 записи «Kuropta w hon kurow silna pomahaiet oczyn», не имеющей никакого отношения к вкладным и представляющей собой запись своего рода текущей бытовой практики, которую также можно отнести и к неким советам медицинского характера. И все же основные вкладные в этом списке, хотя и со множеством ошибок и пропусков отдельных слов, были перечислены, принципиальное исключение составляет отсутствие полного текста важнейшей вкладной на с. 176—177 рукописи[3], от которой под № 13 воспроизведено одно только краткое пояснение «Koronata Kniazia Nawohrotskaho Roku 1329-». Полностью также отсутствует обрезанная

[1] Лавришівське Євангеліє XIV століття: Видання факсимільного типу. Дослідження. Київ, 2018.
[2] РНБ. Ф. 958. Собрание разноязычных рукописей. Е. х. 316 (F.XVII.161). Л. 1—2.
[3] Biblioteka Muzeum Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura IV 2097.

запись на с. 1 рукописи «Сє азъ кнѧзь… Борисовичь…», но в целом остальные записи воспроизведены в той последовательности, в которой они наличествуют в самом Лавришевском Евангелии.

Румянцевский список по отношению к оригиналу вкладных также можно назвать палеографически упрощенным, так как вместо букв «ꙗ» и «ѧ» постоянно употребляется буква «я», титла везде раскрываются без обозначения этого, некоторые знаки опускаются, отдельные буквы прочитываются неправильно и т. д. Запись в рукописи на с. 176–177 приведена под № 14 после записи № 13 на с. 280, а не наоборот, хотя все остальные вкладные даны в том порядке, в котором они помещены в Лавришевском Евангелии.

Итак, нам известно, по крайней мере, о трех достаточно ранних списках вкладных на Лавришевском Евангелии, причем два из них датируются первой половиной 1820-х годов. Все они выполнены непосредственно с оригинала рукописи и неоспоримо свидетельствуют о значительном интересе к этому древнему кодексу, являвшемуся в том числе и хранителем важнейших сведений по истории как самого монастыря, так и белорусских земель средневекового периода в целом. В условиях, когда книжные собрания Лавришевского монастыря за несколько лет с начала XIX в. по 1824 г. сокращаются втрое, более чем с 1600 до менее чем 600 томов, Лавришевское Евангелие становится собственностью А. Чарторыского [Лабынцев, Щавинская, 2006. Специальный интерес, проявленный к Лавришевскому Евангелию уже в первой четверти XIX в., имеет все признаки научного свойства и абсолютно совпадает с той начавшейся волной славяноведческих исследований в Европе, которые в Российской империи особенно деятельно стали осуществляться в связи с инициативами Н. П. Румянцева.

Литература

Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842.
Гнатенко Л. Лавришівське Євангеліє – пам'ятка литовсько-руської книжної писемності та історії // Лавришівське Євангеліє XIV століття: Видання факсимільного типу. Дослідження. Київ, 2018. С. 381–396.
Лабынцев Ю. А. Родовая библиотека графов Хрептовичей в развитии восточноевропейской гуманитаристики XIX в. // Библиотека в контексте истории. М., 2011. С. 185–192.
Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Библиотека Лаврышевского монастыря // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры. Мінск, 2006. С. 158–163.
Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Великий книголюб канцлер Иоахим Хрептович // Библиофильство и личные собрания. М., 2013. С. 161-166.
Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Dodatki do Dziejów narodu litewskiego Tomu VII-go. Wilno, 1840. T. 7.

А. В. Лаушкин (МГУ)

ВОКНЯЖЕНИЯ В ДОМОНГОЛЬСКОМ НОВГОРОДЕ: ВЫБОР ДНЕЙ

Торжественные церемонии, сопровождавшие утверждение Рюриковичей на княжеских столах, были пронизаны символизмом обретения власти и отражали важнейшие политические представления своего времени. Как и другие привычные ритуалы, сопутствовавшие человеку от рождения до похорон, в большинстве случаев такие церемонии не описывались, а лишь упоминались летописцами, из-за чего дошедшие свидетельства о ритуальной стороне древнерусских вокняжений оказываются лаконичны и отрывочны. В поисках информации, способной пролить хоть какой-то свет на столь важный элемент политической культуры Руси, исследователи среди прочего обращали внимание на хронологию событий — их приуроченность к знаменательным дням церковного календаря. Такие обращения имели место при обсуждении вопроса о наличии или отсутствии в церемониях церковной составляющей [Рорре, р. 273; Толочко, с. 143, 146; Гвозденко, с. 29–30]. Впрочем, ни в одной из упомянутых работ сохранившиеся хронологические данные не были проанализированы во всей полноте. Отметим также, что при анализе этих данных следует учитывать два важных момента. Во-первых, в бурном потоке политических событий князья порой были вынуждены действовать стремительно, не теряя времени, и не имели возможности выбирать день для церемонии. Поэтому при изучении интересующей нас календарной практики, способной продемонстрировать некий «хронологический идеал» проведения церемонии, следует принимать в расчет только те события, где возможность выбора заведомо существовала. Во-вторых, соотнесенность вокняжений с праздничными днями еще не говорит о том, что в самих церемониях непременно присутствовали церковные элементы (специальные благословения духовенства, произнесение особых чинопоследований, посажение на стол в храме и др.), а лишь свидетельствует о подчеркнуто христианском контексте события, в день которого князь при большом стечении народа неизбежно оказывался в храме на богослужении. Другими словами, было ли занятие стола вплетено в

череду церковных служб праздника, или же лишь соседствовало с ними — решить этот вопрос одним наблюдением за датами весьма затруднительно.

Полагая подробно рассмотреть календарную приуроченность всех вокняжений домонгольского времени в специальной работе, в настоящем кратком сообщении мы хотели бы обратиться к одному уникальному множеству в границах этой общей совокупности данных. Речь идет о датах занятия князьями новгородского стола. Уникальность новгородского материала заключается и в его обилии (Новгородская первая летопись зафиксировала 26 датированных событий такого рода за XII — первую треть XIII в., что составляет почти половину от общего числа подобных фактов, сохраненных древнейшим летописанием), и еще в том, что в Новгороде, судя по описываемым в летописи обстоятельствам, почти во всех случаях у организаторов церемоний имелась теоретическая возможность выбора дней для их проведения (разумеется, в известных рамках). Таким образом, изучение новгородского материала позволяет выявить тот самый «хронологический идеал» вокняжения (в его локальном проявлении) или же констатировать отсутствие такового. (Уточнение годовых дат проведено по Н. Г. Бережкову [Бережков].)

Начнем с дней недели, которые избирались в Новгороде для посажения князей. Наименьшее число событий пришлось на понедельники, среды и пятницы — соответственно: 2, 2 и 1. Среднюю позицию заняли вторники, четверги и субботы — 4, 3 и 4. Чаще же всего для церемонии выбиралось воскресенье — 10 случаев, или 39 % от общего их числа (речь идет о вокняжениях Святослава Ольговича 19 июля 1136 г., Святополка Мстиславича 19 апреля 1142 г., Мстислава Юрьевича 30 января 1155 г., Романа Мстиславича 14 апреля 1168 г., Рюрика Ростиславича 4 октября 1170 г., Романа Ростиславича 18 февраля 1179 г., Владимира Святославича 17 августа 1180 г., Ярополка Ярославича 30 марта 1197 г., Константина Всеволодовича 20 марта 1205 г. и Святослава Всеволодовича 10 февраля 1208 г.). Добавим к этому, что, учитывая тесную смысловую и богослужебную связь праздника с его кануном, эту воскресную группу, по всей видимости, следует пополнить и субботними вокняжениями, «тянущими» к воскресенью. Тогда в такую объединенную группу попадет уже более половины всех случаев — 14, или 54 %.

Теперь посмотрим на крупнейшие церковные праздники. На них в Новгороде были назначены 3 вокняжения, два из которых пришлись одновременно и на воскресенья: 25 декабря 1139 г. на Рождество Христово в Новгород вошел Святослав Ольгович; 19 апреля 1142 г. на Пасху — Святополк Мстиславич; 30 марта 1197 г. на Вербное воскресенье — Ярополк Ярославич. И еще 2 церемонии произошли накануне двунадесятых праздников (одна из них — в субботу): Всеволод Мстиславич был посажен на столе 17 марта 1117 г., в Лазареву субботу, накануне Вербного воскресенья, а Ярослав Владимирович — 20 ноября 1187 г., в канун Введения.

Еще 3 вокняжения произошли в церковные праздники, имевшие особый статус в родовой традиции Рюриковичей (одно из них — в субботу): в 1136 г. новгородцы «прияша» князя Владимира Всеволодовича 15 июля — в день памяти еще не прославленного церковью Владимира Святого, соименного новому новгородскому князю (об особом отношении в княжеской среде того времени к этому дню, равно как и ко дню именин Крестителя Руси 1 января, см.: [Лаушкин, с. 47–50, 52–57]); в 1141 г. Ростислав Юрьевич «вниде… на столъ» 26 ноября, в субботу, на память почитаемого среди князей вмч. Георгия Победоносца и именины своего отца; в 1200 г. Святослава Всеволодовича «посадиша… на столѣ» 1 января — на праздник Обрезания Господня и память свт. Василия Великого, небесного покровителя Владимира Святого.

При совмещении этих данных получается следующая картина. На воскресенья и упомянутые праздники пришлось 14 вокняжений из 26, или 54 % случаев. Если к этому числу добавить церемонии, назначенные сверх того на субботы и кануны двунадесятых праздников, то цифра сближенных с церковными торжествами событий возрастет до 18, или до 69 %. Какой из двух результатов ни брать за основу, любой из них ведет к выводу, что, хотя вокняжение в праздник и не являлось императивным правилом для организаторов церемоний, такое приурочение рассматривалось в большинстве случаев как наиболее подходящее.

Литература

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Гвозденко К. С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольское время // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 17–35.
Лаушкин А. В. К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 45–57.
Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.
Ророе А. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // The 17th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. Washington, 1986. P. 272–274.

Л. В. Левшун (Минский гос. лингвистический ун-т)

КАК ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ СТАЛ ВСЕСЛАВОМ-ЧАРОДЕЕМ: К ИСТОРИИ МИФОЛОГЕМЫ

В современной белорусской культуре образ «Всеслава Чародея», «Князя Чародея» или даже просто «Чародея» стал брендовым для формирующейся национально-государственной идентичности, а собственно слоган, отсылающий к этому не столько даже образу, сколько культурологическому концепту-мифологеме, употребляется во всех областях культурного дискурса как нечто самоочевидное, не требующее объяснений и тем более доказательств.

Начало этому процессу было положено в 20-е годы XX в., в эпоху конструирования белорусской национальной героики и белорусского героического пантеона, когда для становления и развития белорусской нации нужны были национальные герои, и молодой белорусский национализм в качестве таких героев предложил древних правителей белорусских земель, первым из которых оказался Всеслав Брячиславич Полоцкий, чей образ был чрезвычайно удобен для создания яркой и убедительной мифологемы национального героя. Весьма показательно, что в «Краткой истории Беларуси» Вацлава Ластовского 1910 г. эта мифологема полностью отсутствует — автор лишь в заключении рассказа о «вещем» полоцком князе словно походя замечает: «Сваім розумам, неспакойным характарам і славай чарадзея Усяслаў надоўга застаўся у памяці народа…» [Ластоўскі, с. 4]. А вот в «Кратком очерке истории Беларуси» В. М. Игнатовского 1926 г. мы видим уже сформированную мифологему, отвечающую всем критериям национального героя [Ігнатоўскі, с. 42, 44—47], особенно это заметно, когда В. М. Игнатовский почти буквально приводит фразу из «Истории» В. Ластовского, усилив ее эмоциональное воздействие на читателя: «Сваім розумам, сваім непакорным, бурным духам князь-чараўнік надоўга застаўся ў народнай памяці» [Ігнатоўскі, с. 42].

Утверждение и распространение мифологемы «Всеслав Чародей» особенно активизировалось в Беларуси во времена перестройки (1985—1991), когда в союзных и автономных республиках СССР сформировались самостоятельные национальные элиты. Одна за другой выходят книги, в которых образ Всеслава Брячиславича служит обоснованием идеологем/мифологем, формирующих «новую» белорусскую идентичность в условиях самостоятельной государственности: «Асоба князя Усяслава Чарадзея і яго пачатковая дзейнасць» — название раздела в книге Н. Ермаловича [Ермаловіч, с. 107]; «Чарадзей сёмага веку Траяна: Усяслау Полацкі» — название монографии С. В. Тарасова [Тарасаў]. Весьма характерным примером быстрого создания национальной мифологии можно считать книгу с интригующим названием «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» [100 пытанняў і адказаў], где в 8-м ответе воскрешается и расцвечивается новыми красками созданный В. М. Игнатовским образ Всеслава Чародея как национального героя.

В новейшей белорусской историографии Всеслав Брячиславич Полоцкий устойчиво (с минимальными исключениями) упоминается с прозвищем «Чародей»: «Княства Усяслава Брачыславіча “Чарадзея”» — название статьи Г. Семенчука [Семянчук]; «Крест Чародея. Три Софии Всеслава Полоцкого: взгляд из Киева» — название статьи В. Рычки [Рычка]; «Князь Всеслав Чародей и его время» — название исторического очерка В. В. Строкина [Строкин]; «Всеслав Чародей» — название главы в книге И. Литвина [Литвин, с. 71—78]; «Князь полоцкий Всеслав по прозванию Чародей» — название книги А. В. Велько [Велько] и др.

Пожалуй, еще более устойчиво употребление этого прозвища по отношению к Всеславу Полоцкому в учебной литературе всех уровней (исключения есть, но они редки и нерегулярны): как «Чарадзей» фигурирует этот правитель в коллективном курсе лекций белорусских историков [Гісторыя Беларусі, 2000, с. 89], «Князь Всеслав Чародей» назвал П. Г. Чигринов раздел в своем учебнике [Чигринов, с. 23]; «Чарадзеем» представлен Всеслав Полоцкий во многих школьных учебниках и учебных пособиях для вузов (например: [Гісторыя Беларусі, 2006; Вучэбны дапаможнік, с. 31—36; История Беларуси, с. 83—85] и др.).

Между тем еще О. В. Творогов в своей статье «Всеслав Брячиславич» в Энциклопедии «Слова о полку Игореве» заметил: «ни один из известных нам исторических источников не свидетельствует о том, что при жизни Всеслава Брячиславича ему приписывали какие-то сверхъестественные черты» [Творогов, с. 260]. Эти представления основаны исключительно на сообщении Повести временных лет о рождении Всеслава «от волхвования» и весьма произвольной интерпретации известных строк «Слова о полку Игореве», характеризующих быстроту передвижения Всеславова войска («самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше»).

Однако ни В. Ластовский, ни В. М. Игнатовский, ни тем более современные белорусские мифотворцы не были первыми, кто назвал Всеслава Брячиславича чародеем; все они опираются на некую, пусть не

древнюю, но все же вполне сформировавшуюся к началу XX в. традицию. Тем не менее до сих пор не был поставлен вопрос, а кто собственно положил начало этой традиции, кто первым употребил роковое слово, ставшее вскоре прозвищем — по сути оскорбительным — для «вещего» полоцкого правителя. Анализ историографического материала привел к выводу, что источником данной мифологемы является «История России...» С. М. Соловьева, где Всеслав Полоцкий регулярно называется «чародеем» [Соловьев].

Литература

100 пытанняў і адказаў з Гісторыі Беларусі / Уклад. І. Саверчанка, Зм. Санько. Мінск, 1993.
Велько А. В. Князь полоцкий Всеслав по прозванию Чародей / Под ред. О. А. Яновского. Минск, 2017.
Вучэбны дапаможнік па курсу «Гісторыя Беларусі». Мінск, 2006.
Гісторыя Беларусі: Падручнік: У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў — па люты 1917 г. / Пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. Мінск, 2006.
Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 1. Са старажытных часоў да кан. XVIII ст.: Курс лекцый / І. П. Крэнь, І. І. Коўкель, С. В. Марозава [і інш.]. Мінск, 2000.
Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мінск, 1990.
История Беларуси с древнейших времен до середины XIII в.: учеб. пособие для 6-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / Г. В. Штыхов, С. Н. Темушев, В. В. Ракуть; Под ред. Г. В. Штыхова, Ю. Н. Бохана; Пер. с белорус. яз. Л. Г. Киселевой. Минск, 2009.
Ігнатоўскі У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Выд. 4-е, перароблене. Менск, 1926.
Ластоўскі В. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910.
Литвин И. Наш Затерянный мир, или Малоизвестные страницы белорусской истории. Минск, 2015.
Рычка В. Крест Чародея. Три Софии Всеслава Полоцкого: взгляд из Киева // Родина. 2007. № 10. С. 68–72.
Семянчук Г. Княства Усяслава Брачыславіча «Чарадзея» // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 1998. С. 281–291.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 29 т. СПб., 1852. Т. 2. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_1020.shtml (дата обращения: 20.04.2019).
Строкин В. В. Князь Всеслав Чародей и его время (исторический очерк) [Электронный ресурс] // интернет-портал МОЙ ПОЛОЦК. Сайт о Городе и для Города. URL: https://polock.info/page/knjaz-vseslav-charodej-i-ego-vremja-istoricheskij-ocherk (дата обращения: 10.05.2013).
Тарасаў С. В. Чарадзей семага веку Траяна: Усяслау Полацкі. Мінск, 1991. (Нашы славутыя землякі).
Творогов О. В. Всеслав Брячиславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 256–261.
Чигринов П. Г. История Беларуси. 2-е изд., доп. Мінск, 2002.

Гейл Ленхофф (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес)

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕТРА, ЦАРЕВИЧА ОРДЫНСКОГО, И ЕГО РОДА

Авторская установка, сюжет и лексика «Повести о Петре, царевиче ордынском» отражают противоречивую картину жизни четырех поколений рода, который основал племянник хана Берке, крестившийся под именем Петра. Даже укоренившись в своей вотчине в Сотемском стану Ростовского уезда, Петр и его оцерковленные потомки продолжали считать себя верными подданными золотоордынского хана, гордились статусом Чингисидов и обращались к ордынским послам за помощью при конфликтах с местным населением. Сопоставление сообщенных в повести сведений с сохранившимися документальными источниками позволяет внести важные коррективы в существующие гипотезы о возникновении столь нестандартного памятника.

В работе обосновывается предположение, что самоопределение представителей рода как монгольской знати относится к переломному времени правления сильного хана Узбека (1313–1341), а именно к периоду, когда Орда безраздельно господствовала над Ростовским княжеством, но до перехода Сретенской половины Ростова к Москве (ок. 1331 г.). Актовые известия и родословные росписи указывают на то, что поворотным моментом в самосознании семьи была Куликовская битва. В 1380 г. потомок Петра Ордынского Петр Игнатьевич «почалъ писатца Чириковъ» и «явился въ полку великого князя Дмитрѣя Ивановича, какъ великий князь Дмитрѣй Ивановичь ходилъ на Мамая». Но Мамай не принадлежал к Чингисидам, а в 1480 г. Чириковы воевали в полку углицкого князя Андрея Большого против чингисидского правителя Большой Орды Ахмата. Об отсутствии у последующих поколений семьи интереса к своему чингисидскому происхождению свидетельствует единственное дошедшее до нас местническое дело Чириковых (1665 г.). Ссылаясь на устное заявление Михаила Никитича Чирикова, дьяк отмечает службу его предков «при великих князьях... и при великих государех... по Великому Новгороду и по Ярославлю Большому и в иных городех, и ныне... служат в городех же по выбору и по дворовому списку», но не указывает на «царское» происхождение основателя рода.

Д. В. Лисейцев (ИРИ РАН)

БОРЬБА С КОРЧЕМСТВОМ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Торговля алкоголем в России XVII в. составляла существенную статью дохода бюджета страны. Популярность алкогольных напитков и их высокая цена в государевых кабаках создавали соблазн продавать их в нарушение государственной монополии. Этот незаконный вид предпринимательства именовался корчемством. В столичном регионе борьба с ним возлагалась на Новую четверть, привлекавшую для этого значительные людские ресурсы — до 120 детей боярских, с которыми в корчемных «выимках» участвовали представители московского посада[1]. Пример действий Кабацкого приказа против нелегального производства и продажи хмельных напитков иллюстрируется случаем, имевшим место в мае 1629 г. Узнав о поездке государевых псарей в Черноголовскую волость за вином, приказ снарядил туда отряд детей боярских. Однако жителей волости кто-то успел предупредить, и участники рейда не застали на месте никого из жителей, успевших к тому же разобрать мост через Клязьму. Удалось обнаружить только «схороненные» запасы солода и хмеля и посуду для производства, хранения и торговли вином (только винных бочек объемом от 8 до 30 ведер нашли не менее 30)[2]. Карательные меры не возымели действия — в 1644 и 1645 г. из Москвы снова отправляли отряды детей боярских с целью препятствовать подвозу в Черноголовскую волость солода и овса[3].

В значительной степени причиной неудачи в борьбе с корчемством была непоследовательность правительства в вопросах производства алкоголя, столь выгодного государственному бюджету. Если торговля вином, пивом и хмельным медом была монополией государства, то изготовление значительной части этих напитков передавалось в руки частных лиц — «уговорщиков». Они производили порой весьма крупные партии вина, предназначенного для государевых кабаков. Только в нижегородских винокурнях в 1652/1653 г. уговорщик гороховлянин Григорий Кувалдин подрядился «искурить» для московских нужд 10 тысяч ведер вина[4]. Насколько реальной была возможность контролировать деятельность уговорщика и не допустить продажи им «сверхплановой» продукции в обход государевых кабаков? Известно, что правительство могло пойти и на шаги, фактически амнистирующие подпольное винокурение. После московского пожара 1626 г., когда столичные кабаки остались без товара, жителям подмосковных деревень (в том числе — Черноголовской волости) было предложено вести «укуренное вино» в Москву на кабаки (причем предполагалось, что иные крестьяне доставят в Кабацкий приказ партии свыше 100 ведер). За это вино правительство обещало платить по 33 копейки за ведро, грозя при этом наказаниями тем, у кого потом найдут не сданный в кабаки алкоголь[5]. При таких колебаниях правительственного отношения к частному винокурению наивно было бы рассчитывать на искоренение нелегальной торговли вином.

Документы свидетельствуют, что корчемство существовало практически повсеместно, а участвовали в этой форме незаконного предпринимательства представители практически всех слоев общества — дети боярские и их дворники, служилые немцы, стрельцы, казаки, посадские люди, пономари, крестьяне. Власть практиковала широкий спектр наказаний не только за само корчемство, но и за приобретение контрафактного алкоголя. Для корчемщика на первый случай назначался штраф в размере 2 руб. 12 коп. 1,5 ден., что примерно соответствовало годовой стоимости минимальной «продуктовой корзины» [Устюгов, с. 237–238; Милов, с. 488; Новохатко, с. 539–540]. При повторной поимке корчемщика штрафовали на 5 руб., в третий раз — на 10 руб., причем «рецидивист» на несколько дней садился в тюрьму, подвергался телесному наказанию и конфискации имущества. Потребители «корчемного питья» штрафовались, соответственно, на 25, 50 коп. и, наконец, на 1 руб.[6] В крупных городах такие штрафы за год могли дать существенную сумму: в Москве, например, в 1622/1623 г. их собрали почти на 280 руб.[7] Наказание за корчемство, однако, не было суровым настолько, чтобы пресечь его. В Ельце только с 17 февраля по 28 марта 1617 г. выимка вина осуществлялась семь раз (один раз — вторично)[8]. В Мценске в 1618 г. корчемством промышляло не менее 13 человек, из которых стрелецкий голова Кузьма Болотников еще и занимался винокурением[9]. Привлечение дополнительных ресурсов (отправка в города

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 179. Л. 38; Ф. 396. Оп. 1. Д. 40199. Л. 12.
[2] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 40479. Л. 51 об.–52 об.
[3] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 41. Л. 243 об.; Кн. 43. Л. 58–58 об.
[4] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 64. Л. 28–28 об.
[5] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 40199. Л. 13–14.
[6] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 37533. Л. 3; Д. 37574. Л. 5–6; Д. 38498. Л. 180–181; Д. 38940. Л. 49–50; Д. 49971. Л. 6–7; Д. 53002. Л. 5.
[7] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 50124. Л. 5, 6.
[8] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 2. Л. 5.
[9] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38936. Л. 115.

эмиссаров, обязанных бороться с нелегальной торговлей алкоголем) не приносило плодов. В Калуге, Туле, Зарайске, Коломне, Белоозере фиксируются случаи явного покровительства городской администрации корчемщикам[10].

Высокая прибыльность винной торговли и непоследовательность правительственной политики в сфере питейной торговли способствовали тому, что корчемство в XVII в. оставалось широко распространенным явлением.

Литература

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1988.
Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007.
Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

[10] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 37534. Л. 1; Д. 37649. Л. 1–2; Д. 37733. Л. 1–2; 37746. Л. 3; Д. 37919. Л. 105; Д. 38011. Л. 13, 23; Д. 38126. Л. 3, 6, 10; Д. 38212. Л. 1; Д. 38498. Л. 1, 181; Д. 38939. Л. 47–51, 91; Д. 40016. Л. 40 об.; Ф. 1107. Белоозерская приказная изба. Оп. 1. Д. 455. Л. 15.

А. Ф. Литвина (НИУ ВШЭ), Ф. Б. Успенский (НИУ ВШЭ, ИСл РАН)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПОЧИТАНИЕМ СОИМЕННЫХ СВЯТЫХ В XVI в.

Разнообразное и многоплановое почитание личных святых покровителей, своих небесных тезок, является отличительной чертой русского благочестия, равно характерной как для домонгольского времени, так и для того периода, который с достаточной степенью условности можно назвать поздним Средневековьем. При этом в культе патрональных святых едва ли не с самого начала присутствовали две то противоборствующие, то переплетающиеся тенденции — обобщающего синкретического накопления и сугубо выверенной, точной и адресной дифференциации.

С одной стороны, существовало представление, что всякому человеку предпочтительнее иметь побольше собственных заступников, с другой же стороны, личный, нерасторжимый характер связи между христианином и его небесным тезкой обеспечивался именно ювелирной конкретикой, предзаданностью их связи. По-видимому, в глазах человека Средневековья точное знание, с кем именно из многочисленнейшего сонма святых он связан благодаря своему имени, служило залогом надежного функционирования этой связи.

В домонгольское время синкретизм и накопление были, как кажется, важнее: носитель имени Андрей в XI или XII столетии мог чтить практически на равных апостола Андрея и, скажем, Андрея Юродивого, Андрея Критского и Андрея Стратилата. Однако уже на этих ранних этапах устанавливается чрезвычайно важная для Руси практика празднования именин, выделяющая в календаре один совершенно определенный день, связанный с памятью одного совершенно определенного святого. Дата празднования именин недвусмысленно демонстрирует, что празднующий наречен, к примеру, в честь Федора Тирона, а не Федора Стратилата, Федора Чудотворца, Федора Начертанного или кого-либо еще из многочисленных свв. Федоров месяцеслова. Такая точность соотнесения важна на всем протяжении жизни человека и после его смерти — именно в день поминовения его небесного тезки будут в свое время поминать и его самого, к этому дню будут приурочены заздравные и заупокойные службы и корма, ради которых его семья дает вклады в церкви и монастыри.

Начиная с XIII в., а тем более позднее, на излете Средневековья, пресловутая календарная точность, связанная с почитанием строго определенного святого тезки, лишь возрастает. Весьма сильной и заметной становится, в частности, тенденция нарекать ребенка непосредственно в честь святого, на день памяти которого он появился на свет. В таком случае его связь с этим святым воспринимается провиденциально, как результат выбора, совершенного не людьми, но Божьим промыслом. При этом имя, выпавшее новорожденному таким образом, зачастую может оказаться совершенно не подходящим по семейным, родовым или социальным соображениям. В подобной ситуации можно попросту подобрать ему другое имя, а можно снабдить его сразу двумя — более приемлемым для семьи и соответствующим дате рождения. Последний сценарий, сценарий христианской двуименности, оказывается достаточно популярным и полностью соответствует старинному принципу накопления и совместного почитания небесных патронов-тезок.

С другой стороны, на фоне столь выверенной календарной точности позднего русского Средневековья в середине XVI–XVII в. намечается совершенно особая практика, подразумевающая, как встарь,

личное почитание сразу нескольких соименных святых. В докладе мы продемонстрируем целый ряд ее образчиков, охватывающий довольно широкий хронологический спектр — от первой половины XVI до начала XVIII в. Здесь же ограничимся лишь упоминанием знаменитого Малюты Скуратова († 1573), который в крещении получил имя Григорий.

Малюту/Григория, как и многих людей его ранга, предписывалось поминать дважды в год — на день кончины (1 января) и на 30 сентября, когда церковь отмечает память св. Григория, просветителя Армении. Существенно, однако, что Иван Грозный распорядился устраивать еще один корм, приурочив его к 25 мая, когда церковь отмечает память св. Григория, чудотворца Печерского. Время прославления этого последнего св. Григория доподлинно не известно — во всяком случае, в древнейшем помяннике Киево-Печерского монастыря 1482 г. его еще нет, а в «Анфологионе» 1619 г. его память уже обозначена под 25 мая. Таким образом, свидетельство о грозненской инициативе удревняет историю его почитания в Московской Руси по крайней мере на несколько десятилетий.

Едва ли, однако, царь мог не знать, что именины его любимца приходились на другой день — 30 сентября. Тем не менее он счел нужным посмертно связать его с еще одним, собственно русским святым. Для такого знатока отечественной истории на троне, каковым был Иван Грозный, особую роль в выборе этой даты могло играть и житийное предание, связанное с Григорием Чудотворцем. Как известно, этот смиренный постриженник Феодосия Печерского, отправившись к Днепру за водой, неожиданно столкнулся с дружиной молодого князя Ростислава Всеволодича (брата Владимира Мономаха). Он призвал их к покаянию и предсказал скорую смерть в воде, за что сам был утоплен дружинниками. На следующий день, 26 мая, князь вместе со своими воинами и впрямь утонул во время отступления после битвы с половцами, а на третий день тело святого было чудесным образом обретено в его же собственной келье. Тот специфический склад ума, которым отличался царь Иван, позволяет осторожно допустить, что он контрастно сопоставил этот агиографический сюжет с жизненным путем Малюты Скуратова.

Казус Малюты Скуратова при всем своем своеобразии вписывается в общую модель «благочестивого треугольника», присваивающую одному и тому же лицу двух небесных покровителей-тезок. Один из этих двух соименных святых — древний, в честь кого он был наречен, тогда как другой — святой собственно русский, чаще всего недавно прославленный, из числа тех, кто, по удачному выражению А. С. Преображенского, «особенно активно творит чудеса, а с другой стороны, еще не избалован вниманием донаторов». Предполагается, что русский святой и его земной подопечный изначально получили свои календарные имена по одному и тому же небесному покровителю. При этом, как правило, прослеживаются некие особые причины, связывающие человека именно с этим «новым» святым.

О. В. Лицкевич (Минск)

ЛИТОВСКИЕ И РУССКИЕ КНЯЗЬЯ, ПОПАВШИЕ В ПЛЕН К ТЕВТОНСКОМУ ОРДЕНУ В 1390 г.

Согласно «Летописцу великих князей литовских», во время наступления войск Тевтонского ордена и мятежного князя Витовта на Вильно в августе — сентябре 1390 г. произошла битва близ городка Вейшишки на реке Вилии. В ней были захвачены в плен литовские и русские князья Глеб Святославич Смоленский, Василий Константинович, Семен Евнутьевич, Иван Тета и Лев Плаксич. В этом сообщении объединены данные о нескольких стычках войск Великого княжества Литовского и Ордена. 28 августа 1390 г. произошла битва близ Старого Ковно, в которой попали в плен три русских князя. Затем один из отрядов Ордена и Витовта переправился через Вилию, направляясь к Трокам; здесь возле Вейшишек (в районе современной д. Гейсишкес к востоку от Кярнаве) путь ему пыталось преградить войско во главе с керновским князем Александром Вигунтом. Еще одно крупное боестолкновение, согласно третьему летописному своду Великого княжества Литовского (Хроника Быховца и Вавельский фрагмент), имело место на поле на Шешкинях близ Вильно; его историчность остается под вопросом.

Глеб Святославич был одним из старших сыновей смоленского великого князя Святослава Ивановича. Попав в плен к литовским князьям после поражения на реке Вихре близ Мстиславля в апреле 1386 г., он вплоть до 1390 г. мог находиться на территории Великого княжества Литовского. В первые месяцы 1390 г. Витовт передал его великому магистру Тевтонского ордена в Пруссии вместе с группой заложников. Далее Глеб Святославич некоторое время сидел в заточении в Мариенбурге. Сообщение «Летописца великих князей литовских» о его пленении в битве близ Вейшишек является

недостоверным. Василий Константинович (ошибочно называемый в некоторых списках «Летописца» Глебом) был сыном князя Константина Ольгердовича. Семен Евнутьевич был сыном князя Евнутия Гедиминовича и владел Степанью на Волыни; его не следует путать с князем Семеном Ивановичем Гольшанским, который в 80-х годах XIV в. также имел владение на Волыни (предположительно Дубровицу). Имя Ивана Теты, вероятно, было искажено уже в протографе «Летописца». Речь может идти о карачевском князе Иване Мстиславиче Хотете, который был внуком князя Святослава Титовича и Феодоры Ольгердовны. Лев Плаксич происходит из известного в конце XIV в. княжеского рода. Новый свет на его происхождение проливает опубликованное недавно поручительство за Братошу Койлутовича 1387–1394 г.: в нем фигурирует племянник Льва Плаксича Иван Русанович, а значит, он, как и большинство других поручителей, имел владения недалеко от Ошмян. Предлагается версия, что вотчина Плаксичей находилась в районе Постав, на юго-западном рубеже исторической Полоцкой земли, где до наших дней сохранилась деревня Плаксы (от литовского Plokščiai). Глеба Святославича из плена освободил Витовт, когда вернулся в Великое княжество Литовское в 1392 г. Остальные четыре князя были освобождены после 15 августа 1393 г. в обмен на братьев Ордена, находившихся в плену в Литве. В октябре 1393 г. бывшие пленные (в том числе князья Василий Константинович и Иван) были доставлены людьми Витовта в Краков, где получили от короля Владислава (Ягайла) деньги на покупку коней и других необходимых вещей, чтобы вернуться домой.

П. В. Лукин (ИРИ РАН)

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ФОРМУЛА «ВАША ОТЧИНА, (ДОБРО)ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ»? ДУБРОВНИЦКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Согласно новгородскому проекту Коростынского договора, заключенного в августе 1471 г. с московским великим князем Иваном III после поражения на Шелони, новгородцы обещали: «…от васъ, от великихъ князеи, намъ, вашеи отчинѣ Великому Новугороду, мужемъ вол[ь]нымъ не отдатися нікоторою хитростью…»[1]. Еще за несколько месяцев до этого, перед Шелонской битвой, в договоре с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV с Новгородом 1471 г. новгородцы характеризовали себя иначе; в документе указывается, что новгородские послы действуют «от всего Великого Новагорода мужеи волныхъ»[2]. Тенденция признавать себя людьми «своими» по отношению к московскому великому князю, но при этом «вольными» проявлялась в Новгороде и ранее[3].

В Пскове встречаются начиная со второй половины XV в. несколько иные, хотя и похожие, выражения. Так, в 1461 г., согласно псковской летописи, псковичи «повелѣша» своим послам «бити челомъ» приехавшему в Великий Новгород Василию Темному «о жаловании и о печаловании своея отчины, мужеи псковичь добровольных людеи»[4]. Формула «великокняжеская отчина — мужи псковичи (весь Псков), добровольные люди» носила вполне официальный характер, о чем свидетельствует грамота Пскова другому московскому великому князю Ивану III 1477 г., в которой псковичи обращаются к нему так: «А вамъ, своимъ государемъ вѣликимъ княземъ русскимъ и царемъ, отчина ваша, доброволные люди, весь Псковъ челомъ бьемъ»[5].

В историографии эти формулы обычно интерпретируются как переходные, парадоксальные, противоречивые, свидетельствующие о постепенном подчинении республик Москве. Обычно считается, что в Коростынском договоре речь идет о признании себя «органической частью Русского государства» при сохранении своего внутреннего статуса, внутреннего порядка управления [Алексеев, с. 84]. Примерно в таком же духе характеризуется в одном из последних исследований и соответствующая псковская формула. По М. М. Крому, она означает, что Псков находился под «московским протекторатом», но сохранял «административную автономию». Этот статус исследователь интерпретирует в рамках предложенной американским социологом и историком Ч. Тилли концепции «фрагментированного суверенитета». Аналогичный статус был, по мнению М. М. Крома, и у Великого Новгорода [Krom, p. 451–456][6].

Однако если речь идет только о постепенном процессе усиления великокняжеской власти над «органическими частями» Русского государства, то чем можно объяснить бурные протесты новгородцев

[1] ГВНП. С. 46. № 26.
[2] Там же. С. 130. № 77.
[3] НПЛ. С. 390.
[4] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 58.
[5] ГВНП. С. 324. № 338.
[6] Подробнее историографию вопроса см.: [Городилин, 2018, с. 65–68].

против московского давления перед окончательным присоединением Новгорода к Москве? Оценки в московских летописях «псковского взятия» в 1510 г. как великой победы? Поминальный плач по утраченной вольности в псковском летописании?[7]

Проблема состоит в том, что в наших источниках отсутствуют развернутые пояснения того, как сами новгородцы или псковичи понимали эти формулы. Имеется, однако, возможность посмотреть, как трактовали во многом похожую ситуацию в другой республике эпохи позднего Средневековья и Нового времени — в Дубровнике (Рагузе). Со второй половины XV в. после завоевания Османской империей Балкан Дубровник вынужден был признать верховную власть турецкого султана, был обязан выплачивать Порте ежегодную дань и торговые пошлины (торговля была главным источником дохода республики) [Фрейденберг, с. 75–81]. При этом Дубровник пользовался полной внутренней самостоятельностью, и характерно, что в историографии высказывались самые разные мнения по поводу его статуса: от признания его частью Османской империи до полного отрицания какой-либо зависимости Дубровника от турок [Фрейденберг, с. 110]. Однако, в отличие от Новгорода и Пскова, Дубровницкая республика просуществовала до начала XIX в., поэтому в нашем распоряжении есть данные, позволяющие судить, как именно понимали дубровчане свою зависимость от турецкого султана.

28 ноября 1677 г. власти Дубровника во главе с его формальным выборным правителем («ректором») отправили послание своим представителям в Стамбуле, в котором выражали недовольство неким документом, который те распространили при османском дворе Порты [Kunčević]. В послании Дубровника утверждается, что использованные ими выражения нанесли ущерб «чести и свободе» республики (all'honore ed alla libertà di questa Republica). Суть этого ущерба заключалась в утверждении, что дубровчане добровольно подчинились султану Орхану, правившему еще в XIV в., который даровал им их город в свободное владение. Власти Дубровника заявили, что это более чем оскорбительно «для нашей свободы», так как они «никогда не были подчинены Великому Господину (султану. — П. Л.), но вверили себя его защите с предложением выплаты ежегодной дани». По утверждению дубровчан, ни Орхан, ни какой-либо другой султан не имеют никакого отношения к вольностям республики, поскольку ее свобода была унаследована от предков, а не дарована каким-либо государем. Ниже власти Дубровника дают вполне четкую формулировку своего понимания статуса республики. Возмутившись тем, что посланники использовали слово sudditi ('подвластные, подчиненные'), они заявили, что «благодаря Господу» пользуются «полной свободой в глазах всего мира» (godendo per la gratia di Dio piena libertà in conspetto di tutto il mondo). И далее: «Есть большая разница между тем, чтобы быть подвластными людьми и быть данниками» (Vi è gran differenza tra il essere suddito ed essere tributario). По мнению властей Дубровника, на вопрос, кому принадлежит город Рагуза, надо отвечать: «Синьорам рагузянам» (S[igno]ri Ragusei), но при этом находится под защитой (sotto la prottetione) турецких султанов[8].

Не говоря о временно́й разнице, между притязаниями дубровчан в этом документе и новгородско-псковскими формулами есть много весьма существенных расхождений, как формальных, так и содержательных (связанных с различиями в исторической судьбе республик и особенностями их идеологий). Тем не менее можно предположить, что, если бы у нас сохранились новгородские и псковские документы такого же характера, там, скорее всего, содержались бы похожие обоснования того, что признание верховной власти московского великого князя никоим образом не умаляет древних республиканских вольностей (вспомним хотя бы ситуацию со спорами, как именно нужно новгородцам именовать московского великого князя, «господином» или «государем»!).

Таким образом, сравнительно-исторический взгляд на казавшееся многим исследователям парадоксальным и противоречивым сочетание полной свободы Новгорода и Пскова и одновременного признания ими верховной власти московского великого князя показывает, что ключ к этому парадоксу следует искать не столько в изобретении некоей общей концепции, объясняющей его, сколько в принятии того факта, что «объективного» статуса республик не было. Как турецкий султан считал Дубровник в той или иной степени «органической частью» своих владений, так же считали и московские великие князья применительно к Новгороду и Пскову. Но идеология республик основывалась на совершенно иных представлениях. В ее рамках идея о том, что московский великий князь обязан их защищать от внешних врагов, прекрасно — и вовсе не противоречиво — сочеталась с убеждением в собственной «полной свободе». По отошению к Пскову на это недавно обратил внимание С. В. Городилин. В псковском летописании преобладающим контекстом, в котором фигурирует формула с упоминанием «отчины» и «добровольных людей», оказываются обязательства великого князя жаловати и боронити Псков либо псковские просьбы

[7] См. аналогичные и вполне естественные сомнения, высказанные несколько ранее: [Городилин, 2018, с. 68].

[8] Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Дубровачка акта и повеље. Београд, 1939. Кн. III. Св. 2 / Сабр. и об. Ј. Радонић. С. 889–891. № CCCXV.

о том же [Городилин, в печати]. Псковские (и новгородские) летописцы и дубровницкие нобили не советовались друг с другом относительно того, как наилучшим (и самым выгодным для себя способом) описать статус своих республик, но, находясь в схожей во многом ситуации, делали это схожим во многом образом.

Литература

Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим». Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.
Городилин С. В. Иван Репня Оболенский: «наш князь» или чужой наместник? К вопросу о статусе псковских князей в XV — начале XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. М.; Псков, 2018. Вып. 33. Мат-лы 63-го заседания (2017 г.). С. 65—89.
Городилин С. В. «Твоя отчина мужи псковичи люди добровольные»: к вопросу о происхождении и политико-правовом контексте летописной формулы. (в печати)
Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1984.
Krom M. The City of Pskov in the Fifteenth and Early Sixteenth Centuries // Russian History. 2014. Vol. 41. № 4. P. 440—457.
Kunčević L. Discourses on Liberty in Early Modern Ragusa // Freedom and the Construction of Europe / Eds. Q. Skinner, M. van Gelderen. Vol. I. Religious and Constitutional Liberties. Cambridge, 2013. P. 201—202.

Д. А. Ляпин (Елецкий гос. ун-т)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОНАСТЫРЕЙ ЮГА РОССИИ В XVII в.[1]

Хозяйственное освоение Юга России в XVI—XVII в. было связано с постепенным продвижением населения в степь, распашкой целинных земель, строительством крепостей и заселением их округи. Этот процесс формировал структуру местного общества, связанного сетью экономических, социальных и повседневно-бытовых связей. В эти отношения были прочно вплетены и представители Русской православной церкви, включая и черное духовенство.

Монастырь, как правило, выступал конкурентом для служилых землевладельцев, был объектом нападок и жалоб. Местные монастыри не отличались богатством и благочестием, а структура повседневной жизни монахов строилась на тех же формах поведенческих моделей, что и у большинства представителей местного сообщества. Под формами поведенческих моделей мы понимаем сложный комплекс реакций, которые помогают людям справляться с повседневными трудностями и реализовывать свои жизненные установки, нормы и ценности.

Рассмотрим два эпизода из жизни монастырей на Юге России, чтобы лучше увидеть некоторые аспекты повседневной монастырской жизни.

Первый эпизод — конфликт внутри братии воронежского Карачунского монастыря. Местные монахи и игумен Варсофоний не заботились о своем хозяйстве, много пили и сами спаивали своих крестьян. Все собранное с церковных земель зерно они тратили на изготовление вина и пива. В результате за несколько лет около 50 монастырских крестьян «разбрелись безвестно». В 1625 г. в монастырь попросился на жительство старец Исайя, который начал выступать против игумена Варсофония, сетуя на разорение обители. В итоге монахи решили проучить нового инока: они связали его и положили под доску, а потом «по доске скачучи и пляшучи, пели: “радуйся царь Иудейский!”»[2]. Как мы видим, поведение братии воронежского монастыря было направлено на поддержание максимально возможной комфортной жизни и прямо противоречило иноческим идеалам.

Другая форма поведения служителей монастыря связана с рачительной хозяйственной деятельностью. Примером здесь может быть конфликт между игуменьей Девичьего Покровского монастыря в Воронеже Агафьей и помещиками крепости Коротояк в 1662—1663 г.[3]

В 1662 г. монастырские земли в Воронежском уезде стали захватывать коротоякские помещики, и вскоре их границы земель подошли к пашням монастырских бобылей, живших в местной деревне Хворостань. Тогда игуменья Агафья подала челобитную на имя Г. Г. Ромодановского, возглавлявшего Белгородский разряд, с жалобами на помещиков. Началось следствие, которое показало, что монастырь законно владеет землями и помещики не имеют на них никаких прав.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 8-39-20001 мол_а_вед.
[2] *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. М., 2004. Т. 1. С. 22.
[3] Государственный архив Воронежской области. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 151. Л. 1.

Недовольные итогом следствия, помещики Коротояка обратились к своему воеводе Даниле Фуникову, «наговоря и подкупя, чтоб он заодно с ними ту деревнишку разорил»[4]. В результате Д. Фуников разработал план захвата деревни. Он решил внезапно напасть на нее, бобылей прогнать, дома их разорить, а потом сразу же распределить земли помещикам. Однако план этот не удался, так как бобыли оказали неожиданно серьезный отпор, они отбили свою деревню у помещиков и послали гонца к игуменье. Тогда воевода решил устроить возле деревни нечто вроде военного лагеря и собрать новые силы из числа помещиков Коротояка.

Игуменья Агафья, узнав о произошедшем, немедленно отправилась со своими монастырскими старицами в деревню, чтобы подсчитать убытки и своими глазами увидеть следы сражения. Однако в деревне они оказались в осаде, поскольку воевода как раз начал новое наступление. Располагая большими силами, он окружил деревню, старясь взять ее измором.

Бобыли и старицы монастыря успешно отбивали попытки прорваться в деревню несколько дней. Наконец, собравшись с силами, Д. Фуников начал генеральный штурм, в ходе которого прорвал оборону и ворвался в деревню. Однако здесь бобыли и старицы сумели отбить удар, хотя и понесли потери: несколько монахинь и два бобыля были взяты в плен.

Захваченных стариц воевода планировал утром «посадить в воду», а пока в лагере был устроен пир. Однако «божиим соизволением те старицы у тех коротоячен из рук у пьяных ушли»[5]. На утро Д. Фуников отправился к деревне «со многими людьми» и велел передать Агафье, что поймает ее и «посадит в воду» вместе со всеми ее старицами, а дома бобылей разорит.

Но игуменья уже написала новое письмо Г. Г. Ромодановскому, в котором сетовала, что сидит в осаде, защищая свою деревню. Воеводу Д. Фуникова она изображала настоящим злодеем: «а я богомолица твоя разорена от него без остатка: прийти и пробежать нельзя, хоть голодом помирай, потому что заставы учинены везде людей многих»[6].

Г. Г. Ромодановский велел Д. Фуникову немедленно прекратить войну с монастырем, в итоге тот снял осаду с деревни и вернулся в Коротояк. Однако в дело вмешалась чума («моровое поветрие»), вспыхнувшая в 1666 г. В результате помещики из Коротояка оставили эти земли, а затем «разбежались» и монастырские бобыли, «ныне все их дворы пусты», — докладывал в Монастырский приказ новый воевода Василий Уваров[7].

Таким образом, рассмотренные нами аспекты повседневной жизни монастырей Юга России показывают, что иноков не отличали какие-то особые формы поведенческих моделей. Их ценности и жизненные ориентиры были схожи с ценностями большей части местного общества. Насельники монастыря могли поступать как расчетливые хозяева и устраивать настоящие бои с местными помещиками за свои земли или же, напротив, вести праздную жизнь, спаивая своих крестьян.

[4] Там же.
[5] Там же. Л. 2.
[6] Там же.
[7] Там же.

А. В. Майоров (СПбГУ)

РУССКИЙ АРХИЕПИСКОП ПЕТР НА ЛИОНСКОМ СОБОРЕ

Устанавливается, что роль русского архиепископа Петра на Лионском соборе (1245 г.) не сводится только к передаче сенсационных сведений о татарах, как обычно принято думать. Не менее важной по своим последствиям оказалась демонстрация готовности к возобновлению переговоров о союзе церквей, продолжавшихся с переменным успехом на протяжении всего XIII в. между Апостольским престолом и правителями Византийской (Никейской) империи. Русские церковные иерархи, возглавлявшие Киевскую митрополию Греческой церкви, в середине 1240-х годов сыграли важную и пока еще недооцененную исследователями роль в установлении прямых контактов Греческой и Римской церквей и возобновлении переговоров о церковном единстве.

И. И. Макеева (ИРЯ РАН)

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ РЕДАКТИРОВАНИИ СПИСКОВ РАННЕЙ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ КОРМЧЕЙ КНИГИ

Кормчая ранней русской редакции, или русская Кормчая, была создана в Киеве при митрополите Кирилле в последние годы его деятельности — в 1273–1280 г. Ее источниками послужили сербская Кормчая (старший список — Иловицкий 1262 г.) и древнеславянская Кормчая (старший список — Ефремовский XII в.).

Источники и историю русской Кормчей подробно рассмотрел Я. Н. Щапов [Щапов]. На первом этапе созданная в Киеве Кормчая, состоящая из 70 глав, получила распространение на сопредельной территории. В 1286 г. для волынского князя Владимира Васильковича был сделан список, не дошедший до нашего времени; он положил начало Волынской группе списков. Свидетельствующая об этом запись, находившаяся в рукописи, в дальнейшем воспроизводилась в других списках Волынской группы, которую представляют Арадская кормчая XV в. (Арадское епископство в Румынии. № 21) и Погодинская кормчая XVI в. (РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 234), а также вторая часть Харьковского списка XV в. (Харьковский исторический музей. Инв. № 21129).

Второй этап работы связан, по мнению Я. Н. Щапова, с северо-востоком и северо-западом Руси, где в русскую Кормчую было добавлено до 40 статей. Этот этап представляют Новгородская (Климентовская) кормчая 1282 г. (ГИМ. Синодальное собр. № 132), Воскресенская кормчая начала XIV в. (ГИМ. Синодальное собр. № 131), Варсонофьевская кормчая XIV в. (ГИМ. Чудовское собр. № 4), Тихомировский список XV в. (ГПНТБ СО РАН. Собр. М. Н. Тихомирова. Р-539) и первая часть Харьковского списка.

Текстология списков Кормчей ранней русской редакции, с одной стороны, подтверждает принадлежность Арадского и Погодинского списков к одной и той же Волынской группе. Нередко они сохраняют чтения, тождественные первоисточникам — сербской и древнеславянской Кормчим. С другой стороны, в самой старшей Новгородской кормчей имеется немало испорченных чтений и вариантов, отличающихся от остальных рукописей. При этом в каждой из них присутствуют индивидуальные чтения. На таком достаточно разнородном фоне, на первый взгляд, трудно говорить о каком-то общем редактировании. Однако текстологический анализ правил и толкований к ним одиннадцати соборов (Никейского, Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского, Лаодикийского, Константинопольского, Эфесского, Халкидонского, Сардикийского и Карфагенского) позволяет предположить, что минимальная языковая правка была проведена, и она затронула употребление слов *попъ* и *презвитеръ*.

Из древнеславянской Кормчей составители заимствовали правила, из сербской Кормчей — толкования к ним [Срезневский, с. 90–94; Мошкова]. Соответственно в русской Кормчей в правилах, как и в первоисточнике, употреблялось существительное *попъ*, а в толкованиях — *презвитеръ*[1]. Попыткой устранить имевшееся расхождение расширением употребления слова *попъ* объясняется правка, сделанная в антиграфе списков, появившихся на втором этапе истории русской Кормчей.

Такое редактирование, заключавшееся в замене слова *презвитеръ* на *попъ*, проведено в толкованиях на правила Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского, Лаодикийского, Константинопольского и Эфесского соборов. Толкования следующих за ними Халкидонского, Сардикийского и Карфагенского соборов редактуре не подвергались; в них осталось первоначальное существительное *презвитеръ*. Не отредактированы также начинающие Кормчую Апостольские правила и правила I Никейского собора[2]. Таким образом, над антиграфом начальной части русской Кормчей, к которому восходят Новгородский, Воскресенский, Варсонофьевский и Харьковский списки, работали два писца-редактора. Один из них, начавший и затем продолживший работу, сохранял первоначальное чтение; второй, трудившийся над серединой, довольно последовательно провел редактирование.

В дальнейшем писец протографа Варсонофьевского и Харьковского списков продолжил редактирование: там, где в толкованиях еще оставалось существительное *презвитеръ*, он заменил его на слово *попъ*.

Очень разнородная картина употребления двух существительных представлена по спискам в Апостольских правилах. Наиболее близкой к антиграфу оказывается Воскресенская кормчая, в которой

[1] По рукописям наблюдается распределение вариантов слова: *презвитеръ* отмечается в Арадском и Погодинском списках, *прозвитеръ* — в Варсонофьевском и Харьковском, *прозвютеръ* — в Воскресенском, *прозвутеръ* — в Новгородском.

[2] В находящихся между ними правилах апостола Павла толкований нет.

сохраняется первоначальное существительное *презвитеръ*[3]. В Варсонофьевском и Харьковском списках преобладает, как и следует ожидать, слово *попъ*; в Новгородской кормчей чаще употребляется *презвитеръ*. Даже в списках Волынской группы (Арадском и Погодинском) появилось существительное *попъ* при первоначальном (и находившемся в сербской Кормчей) *презвитеръ*. Видимо, начало протографа этих двух рукописей также пытались редактировать.

Литература

Мошкова Л. В. Апостольские правила в Кормчей русской редакции: принципы соединения текста // Религии мира: История и современность. СПб., 2012. С. 44–75.
Срезневский И. И. Обозрение древних русских списков Кормчей книги // Сборник ОРЯС. СПб., 1897. Т. 65. № 2.
Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

[3] Из 25 позиций, где мена *презвитеръ — попъ* отмечается хотя бы в одном из шести списков, в Воскресенском отмечено всего два таких случая.

А. А. Манохин (МГУ)

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ В ЧЕТВЕРТОМ ВИДЕ КОРМЧЕЙ ВАССИАНА (ПАТРИКЕЕВА)

С источниковедческой стороны Кормчая Вассиана (Патрикеева) подробно охарактеризована М. В. Корогодиной [Корогодина, т. 1, с. 312–387; т. 2, с. 188–220]. Четвертый вид стал последним ввиду осуждения и смерти автора. Его оригинал — рукопись из Владимиро-Суздальского музея-заповедника 5636/399 (далее — ВСМЗ.5636/399).

Начало сравнению Кормчей Вассиана со Сводной Кормчей митрополита Даниила было положено работами А. И. Плигузова [Плигузов, 1985; Плигузов, 2002, с. 141–179]. Сводная Кормчая также сохранилась в прижизненном списке РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 27 (далее — Унд.27). По ключевым вопросам позиция Вассиана суммирована М. В. Корогодиной [Корогодина, т. 1, с. 374–387]. Однако оба исследователя не привлекали весь спектр помещенных в Кормчие статей. Минимальное внимание уделялось и вступительным статьям Четвертого вида Кормчей Вассиана (Патрикеева). Они получили лишь короткую характеристику [Корогодина, т. 2, с. 201]. Тем не менее эти разнородные заметки играют роль своеобразного «предисловия» к Кормчей книге, в котором могут скрываться базисные постулаты, важные для понимания позиции Вассиана (Патрикеева).

Одна из отсылок Вассиана очень подробна: «В Григории Акраганском в 20-м слове на 5 листе Никонскаго посланиа». Это отсылка о священстве и царстве, на 20-е послание из Тактикона Никона Черногорца, в Вифаиду, которое неоднократно в разном объеме встречается в Сводной Кормчей (Унд.27. Л. 17 об., 23, 25). В нем утверждается чрезвычайная важность священства и царства, поскольку на них «весь наш живот с Богом висит». Этот постулат общий для Вассиана и Даниила.

Следом (Л. 2) идет 1-я глава из «Собрания в 87 главах Юстиниана царя», являющаяся началом 6-й новеллы. М. В. Корогодина отметила, что она не совпадает с русской и сербской редакциями [Корогодина, т. 2, с. 201]. В Сводной Кормчей эта статья (Унд.27. Л. 17 об.) восходит к Сербской редакции с некоторыми добавлениями. Эти дополнения, вероятнее всего, сделаны Даниилом, так как носят идеологическую направленность — возвышение священства над царством.

На л. 2 об.–3 находятся три заметки, посвященные прецеденту отречения св. Григория Богослова от Константинопольского престола. Это важный для Вассиана момент: св. Григорий добровольно оставил кафедру, а 3-е правило Кирилла Александрийского это прямо запрещает. Интерес Вассиана к этой теме отмечался [Корогодина, т. 1, с. 379–381].

За этим на л. 3 об.–4 помещено сказание Максима Грека о переводчиках. Обращает на себя внимание отсутствие Алексея Аристина в этом перечне. А именно с его толкованиями, включавшими слова о монастырских селах, не соглашался Вассиан (Патрикеев).

Л. 4 занимает самая известная заметка из Кормчей о «супротивном» в правилах. Необходимо обратить внимание и на вторую ее часть, ответ Варлаама и Собора. В нем содержится традиционное понимание канонического права: чужда идея о «супротивном» в правилах. Именно такой подход к каноническому праву демонстрирует и митрополит Даниил, вполне продолжая ответ Варлаама.

Л. 10 (Овч.149. Л. 11 об.–12) занимает статья «Великаго царя Улиентиниана…». Именно этот текст — перевод Максима Грека части 6-й и 7-й глав 4-й книги «Церковной истории» св. Феодорита

Киррского [Плигузов, 2002, с. 150; Корогодина, т. 1, с. 361]. Есть этот же текст и в Сводной Кормчей, однако там он существенно отредактирован. Даниил вложил в уста императора Валентиниана целых две речи, прославляющие епископов. Текст Даниила демонстрирует то, что Б. М. Клоссом названо «теократической идеей» [Клосс, с. 70]. Из общего базисного постулата о важности священства и царства из 20-го послания Тактикона Никона авторы приходят к принципиально разному результату. Для митрополита Даниила душа куда важнее тела, а священство выше царства.

Серия отсылок на Евангелия и Апостол раскрывает причины создания Вассианом Кормчей. Всякий христианин (а это и Вассиан (Патрикеев)) должен приносить пользу, зная Священное Писание. Незнающий его впадает в ересь и будет осужден на Страшном суде. Таким образом, Вассиан вполне мог считать свое дело полезным, составляя свою Кормчую.

Но здесь встает вопрос об источнике знания всех Божественных писаний. Согласно 64-му Трулльскому правилу и толкованиям (Унд.27. Л. 430 об.—431 об.), учительский сан — прерогатива только епископата. А согласно словам Иоанна Златоуста, приводимым Вассианом, всякий мирянин должен приносить пользу. Именно это фундаментальное расхождение и предопределило реакцию Даниила на Кормчую Вассиана [Казакова, с. 286].

Но позиция, которой придерживается Даниил, появилась позднее. Здесь надо обратить внимание на последнюю заметку Вассиана. На л. 11—11 об. расположен перевод речи Марка Эфесского на Флорентийском Соборе. Центральный мотив этой речи — единство в возвращении к преданию святых отец и борьба с различными нововведениями. Вассиан справедливо полагает, что Марк Эфесский имел в виду 1-е и 2-е правила Второго Никейского Собора.

Именно здесь проявляется базисное различие в подходах между Вассианом и Даниилом. Вассиан отрицает развитие канонического права и практики жизни. Основа этого — строгое и широкое понимание текста 1-го правила Второго Никейского Собора. Позиция же Даниила прямо обратная. Митрополит Даниил принимает это развитие. Изначально миряне могли учить, а Трулльский Собор это запретил. Изначально монахи жили в пустыни в уединении, а впоследствии обросли многолюдными поселениями. Апостолы были бедняками, а впоследствии Церковь разрослась и стала богатой. Соответственно, и понимание 1-го правила более узкое и менее строгое. Митрополит Даниил и сам развивает каноническое право, составляя совершенно ни на что не похожую каноническую книгу, исправляя и дополняя тексты, что видно на примере статьи «Великаго Уалентиниана…».

Кормчая Вассиана даже не началась, а уже содержит массу информации о позиции автора по ключевым вопросам. Все эти заметки и отсылки не всегда систематизированы, но являются авторским произведением — комплектом базисных для автора положений, на основании которых будет дальше строиться книга.

Литература

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., 1960.
Клосс Б. М. Никоновский свод и русское летописание XVI—XVII веков. М., 1980.
Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1: Исследование. Т. 2: Описание редакций. СПб., 2017.
Плигузов А. И. Противостояние митрополичьей и вассиановской Кормчих накануне судебных заседаний 1531 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1985. С. 23—68.
Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.

А. В. Мартынюк (Белорусский гос. ун-т)

«РУССКИЙ КНЯЗЬ» В СОЧИНЕНИИ ИБН БИБИ – НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА «УДАТНОГО»?

В истории Древней Руси есть несколько частных сюжетов, которые давно известны исследователям, но до сих пор не получили удовлетворительной интерпретации. Одним из таких сюжетов является рассказ арабского историка Ибн Биби, автора «Сельджук-намэ», о походе сельджукского войска в Крым и участии в боевых действиях некоего «русского князя». На рассказ Ибн Биби обратили внимание востоковеды: П. М. Мелиоранский еще в конце XIX в. ввел его в научный оборот [Мелиоранский], а А. Ю. Якубовский в 1927 г. дал его подробный анализ с акцентом на историю торговых связей в регионе Черного моря [Якубовский]. В изложении А. Ю. Якубовского данный сюжет получил довольно широкую известность в историографии.

Кратко напомним канву событий. Сельджукский султан Ала-ад-дин Кейкобад принял решение направить войско в Крым для наказания жителей города Судака, виновных в ограблении купцов.

Войско отправилось морем из Кесарии, его возглавил амир Хусам-ад-дин Чупан. Узнав о приближении сельджуков, жители Судака отправили гонцов за помощью к кипчакам (половцам). Не названный по имени кипчакский хан откликнулся на призыв и прибыл с войском к Судаку, вместе с ним был и некий русский князь. В двухдневной битве кипчаки были разгромлены и бежали. В этой ситуации русский князь вступил в переговоры с амиром Чупаном и прислал ему богатые дары, которые были благосклонно приняты амиром. После этого сельджукское войско подступило к Судаку и принудило его жителей к покорности. Общая интенция рассказа Ибн Биби — прославление государственной мудрости султана Ала-ад-дина Кейкобада, полководческих талантов амира Чупана и воинской доблести сельджукских воинов, одолевших врагов в далеких землях за Русским/Хазарским морем.

А. Ю. Якубовский убедительно датировал данный поход периодом от 1219 г. (времени занятия престола султаном Ала-ад-дином Кейкобадом) до событий «татарской смуты» 1222—1223 г., упоминаемой далее в тексте Ибн Биби. Однако исследователь воздержался от попыток идентифицировать «русского князя»; не было представлено обоснованной версии о «русском князе» и в последующей историографии.

На наш взгляд, не до конца использованы те возможности, которые дает сам рассказ Ибн Биби. Принципиальным обстоятельством является тот факт, что сельджуки двигались по морю, а значит, у жителей Судака не было времени для того, чтобы вовремя узнать о приближении врага, отправить посольство за помощью и получить ее. Дословно Ибн Биби говорит следующее (в пересказе А. Ю. Якубовского): «Когда войско, идя по направлению к Хазарии, прошло море, жители Сугда (Сугдака) увидели, что плывет большое войско. Они немедленно отправили к Хусам-ад-дину посла [...]. Одновременно власти Сугдака отправили гонца в степи к кипчацкому хану. Когда флот с войсками турок-сельджуков приблизился к берегу, тотчас же хан кипчацкий отправил посла с уведомлением к князю русскому. В результате из русских и кипчаков составили войско в 10.000 всадников». И далее: «Войско же султана благополучно пристало к берегу, куда и перенесло свое снаряжение. Амир Хусам-ад-дин пир устроил и до полуночи предавался с амирами веселью. Под утро явился с передового поста всадник и заявил, что показались отряды вражеского войска» [Якубовский, с. 55]. Итак, из рассказа Ибн Биби следует, что русский князь уже находился в землях половцев, когда в Крыму высадилось сельджукское войско. Русский князь действует в повествовании «Сельджук-намэ» вполне автономно, а значит, он находился там со своей дружиной, а не пребывал в качестве пленника и т. п.

Другим принципиальным моментом рассказа является то, что русский князь располагал значительными материальными средствами: «С послом русский князь отправил к Хусам-ад-дин Чупану большие подарки, состоящие из лошадей и русского льна и 20.000 динаров» [Якубовский, с. 56]. Одним из очевидных предположений, которое можно сделать на основе рассказа Ибн Биби, является предположение, что неизвестный нам пока по имени русский князь прибыл к половцам с целью ведения переговоров с ханами и найма половецких отрядов.

Примем к сведению эти данные и обратимся к событиям на Руси и к данным древнерусским источников. Одним из «нервов» политической истории южных земель Руси в это время была борьба за Галич, в которой принимали участие Даниил и Василько Романовичи, черниговские Ольговичи, венгерский король Андрей II и др. В определенный момент в эту борьбу активно включился и Мстислав Мстиславич, яркая фигура истории Древней Руси, вошедший в историографию под прозвищем «Удатный». Биография этого князя неоднократно становилась предметом рассмотрения, последней по времени крупной работой является монография А. Б. Головко. Для целей нашей статьи важен вывод украинского исследователя (опирающегося в этом вопросе на предшествующую историографическую традицию, прежде всего на работы М. С. Грушевского), что утверждение Мстислава в Галиче прошло в несколько этапов [Головко, с. 98—135]. Хронология «битвы за Галич» требует дальнейшего уточнения, однако мы можем взять обобщающую реконструкцию А. Б. Головко как рабочую гипотезу: 1215 г. — первая попытка вмешательства Мстислава в галичские дела; 1218 г. — овладение Галичем; 1219 г. — утрата Галича в результате вторжения венгерских и польских войск; 1220 г. — неудачная попытка отбить город; 1221 г. — окончательное утверждение Мстислава в Галиче.

Эти события довольно подробно освещены в Галицко-Волынской летописи (далее — ГВЛ), некоторые сведения содержат и иные летописи. Согласно ГВЛ, непосредственно после поражения и утраты Галича (осень 1219 г.) Мстислав Мстиславич сказал своему зятю и союзнику Даниилу Романовичу: «поиди кнѧже в Володимерь а ѧзъ поидоу в Половци»[1]. При следующем упоминании имени Мстислава ГВЛ сообщает, что «приде Мьстиславъ с Половци»[2], половецкие воины упоминаются и в дальнейших событиях, завершившихся взятием Галича и утверждением там Мстислава (весна 1221 г.)[3]. Данные

[1] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 735.
[2] Там же. Стб. 736.
[3] Там же. Стб. 737—738.

сведения подтверждает и Воскресенская летопись: «Тое же зимы (1220/1221 г. — А. М.) иде на Галичь Мстиславъ Романовичь изъ Кіева, и Мстиславъ же Мстиславичь изъ Торчьскаго, и иніи князи съ ними и съ Половци»[4].

Итак, летописи эксплицитно сообщают о желании Мстислава Мстиславича отправиться в Половецкую землю за помощью, а затем фиксируют наличие половецкого контингента в его войске. Сопоставление с рассказом Ибн Биби позволяет выстроить следующую схему событий:

Мстислав Мстиславич ведет борьбу за Галич, терпит поражение и отправляется за помощью к половцам (осень 1219 г.);

Некий русский князь оказывается в Половецкой земле в момент прибытия туда войска турок-сельджуков и действует как союзник половцев;

Князь Мстислав Мстиславич вновь подступает к Галичу, имея в рядах своего войска половцев, и занимает его весной 1221 г.

Приведенные наблюдения позволяют высказать гипотезу, что именно Мстислав Мстиславич был тем «русским князем», о котором говорится в рассказе Ибн Биби. Князя связывали тесные отношения с половцами: он был тестем хана Котяна. Отметим также, что к владениям Мстислава принадлежал Торческ — главный город черных клобуков и опорный пункт для походов в степь. Включение событий под Судаком в контекст политической истории Руси и биографии князя Мстислава Мстиславича позволяет уточнить их датировку и достаточно уверенно отнести к 1220 г., учитывая морской характер похода сельджуков — к периоду летней навигации этого года.

В завершение отметим следующее обстоятельство. Столкновение с турками-сельджуками под Судаком состоялось незадолго до появления на горизонте Руси монгольских отрядов Джэбэ и Субэдэя. Очевидны параллели между этими событиями: появление неведомого врага — просьба половцев о помощи — решение русских князей эту помощь оказать. Можно в осторожной форме высказать предположение, что «положительный опыт Судака» (когда русскому князю удалось договориться с новым врагом) мог послужить неудачным образцом для ситуации в ходе битвы на реке Калке, когда потерпевшие поражение русские князья вступили в переговоры с монголами и пали жертвой их вероломства. Главным из этих князей был киевский князь Мстислав Романович, который вместе с Мстиславом Мстиславичем принимал участие в походе на Галич зимой 1220/1221 г. и, если верна наша реконструкция, должен был слышать от последнего рассказ о его столкновении с сельджуками под Судаком.

Литература

Головко О. Князь Мстислав Мстиславич «Удатний» і його доба. Кам'янець-Подільский, 2017.
Мелиоранский П. Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII веках // ВВ. СПб., 1894. Т. I. С. 613–640.
Якубовский А. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // ВВ. Л., 1928. Т. XXV (1927). С. 53–76.

[4] ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 128.

Ю. Маруяма (Токийский университет)

ФОНЕТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПАХОМИЯ ЛОГОФЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОГРАФА ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО)[1]

Пахомию Сербу (Логофету) посвящено значительное число научных работ, однако в лингвистическом отношении его творчество изучено довольно слабо. При исследовании языка его сочинений большинство ученых опирается на списки, переписанные русскими писцами. Как показало наше исследование, в фонетико-орфографическом и морфологическом отношениях подобные списки, возможно, сильно адаптированы к русскому языку, многочисленные сербские черты, присущие пахомиевскому оригиналу, заменены соответствующими русскими вариантами. Подобные материалы скорее позволяют охарактеризовать церковнославянский язык русского извода XV в., чем язык самого Пахомия.

К счастью, до нас дошли рукописи, в работе над которыми Пахомий Серб участвовал как писец. Они могут предоставить языковые аргументы в пользу атрибуции Пахомию других обнаруженных рукописей и представляют собой неоценимый материал для исследования книжно-языковой деятельности в русских монастырях.

[1] Публикация подготовлена в рамках гранта Grant-in-Aid for Scientific Research (Япония) научного проекта № 17K02713 «Книжно-языковая культура на Руси XV века и второе южнославянское влияние».

Автографы Пахомия разделены на две группы: списки памятников, имевшихся в монастырских библиотеках, и списки собственных произведений. Некоторые списки первой группы подверглись лингвистическому описанию: Историческая Палея (РГБ. Троиц. 180) [Сперанский, с. 110–112] и Подвижнические наставления (РГБ. Троиц. 753) [Јелесијевић, с. 52–64]. Языковые особенности, которые характерны для списков Пахомия, указывают на навыки писца-серба. А автографы второй группы до настоящего времени оставались вне поля зрения лингвистов, несмотря на то, что именно в них ожидается проявление языковых особенностей Пахомия в самом чистом виде. Задача настоящей работы — охарактеризовать язык Пахомия на основе одного из автографов второй группы — автографа пахомиевского Жития Сергия Радонежского (далее — ЖСР).

В 1440–1443 г. Пахомий поселился в Троице-Сергиевом монастыре и прожил там до 1459 г. В это время он работал над ЖСР, создав несколько редакций произведения.

Более десяти лет назад среди рукописей из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря XV в. М. А. Шибаевым был обнаружен список ЖСР (РНБ. Соф. 1248. Л. 329–375)[2]. Согласно палеографическому исследованию, это самый ранний список ЖСР, переписанный лично Пахомием Логофетом в начале 40-х годов XV в. Его текст может быть отнесен к 4-й редакции [Шибаев, с. 290–293] по классификации Б. М. Клосса [Клосс, с. 170–189]. В настоящей работе будет рассмотрен данный автограф.

Текст насыщен фонетико-орфографическими и морфологическими сербизмами: написания с буквой **ь** вместо **ъ**, **и** вместо **ы**, **є** вместо **ѧ**, которые ведут к ряду суффиксальных сербизмов; характерные для сербского языка формы прилагательных и причастий в именительном и винительном падежах и т. д. Например: **Ѳтефань ѹбо вьзвратисѧ вь свои ем монастирь. ст҃ии же ѡста ту единь безмльвьствѹе** (Л. 336 об.); **кто бо есмь азь грѣшни и недоини. Таковых даровь сбытисѧ ѿ ст҃ѣишаго патрїарха** (Л. 349). Однако Пахомий, как видно из приведенных примеров, употребляет и элементы русского языка: буквы **ъ, ы, ѧ**; написания **_ер_** в соответствии с *tьrt; написания **ж** в соответствии с *dj и т. д. В настоящей работе мы остановимся на употреблении буквы **ъ**.

В сербском языке в X–XI в. произошло совпадение фонем /ъ/ и /ь/, в результате которого сложилась правописная практика, использующая на месте этимологических *ъ и *ь исключительно букву **ь**. Прежде всего возникает вопрос: начертание ера с мачтой Пахомий употребляет как **ъ** или просто как вариант графемы **ь**? М. А. Шибаев, судя по подготовленному им тексту [Шибаев, с. 294–319], поддерживает первую интерпретацию. А С. Јелесијевић считает, что Пахомий использует одноеровую орфографию с употреблением вариативных начертаний буквы **ь** [Јелесијевић, с. 45]. Автор настоящей работы, изучая распределение начертаний ера с мачтой (далее их условно назовем буквой **ъ**) в автографе ЖСР, пришел к выводу, что прослеживается определенная тенденция: Пахомий использует двуеровую орфографию.

В исследуемом автографе буква **ъ** употребляется 208 раз: в середине слова — 43 раза, на конце служебных слов — 26 раз, на конце самостоятельных слов — 139 раз. Что касается середины слов, то буква **ъ** встречается в приставках **въз_, въ_, съ_**, где всегда употребляется этимологически правильно (18 раз). В остальных случаях, исключая сочетания редуцированных с плавными типа *tъlt (9 примеров), этимологически ожидаемое употребление **ъ** появляется лишь в словах **тъкмо** (Л. 351 об., 361) и **въмѣнѧти** (Л. 364 об.). Видимо, употребление ъ в корне слов вызывает большую трудность у Пахомия.

На конце служебных слов (предлогов **въ, къ, съ, прѣдъ, близъ, вьслѣдъ** и союза **нъ**) буква ъ всегда пишется правильно.

В подавляющем большинстве случаев буква ъ употребляется на конце самостоятельных слов, хотя и не всегда этимологически верно. Данная буква чаще всего встречается в флексиях определенных грамматических форм, где, возможно, Пахомий испытывал меньше сложностей при написании, чем в других положениях.

Следует отметить, что подобное пахомиевское употребление еров не совсем соответствует так называемому «ресавскому правописанию», сложившемуся в Сербии во второй половине XIV в. По правилам ресавской школы, **ъ** пишется на месте звучащего гласного, в предлогах и приставках в отличие от буквы **ь**, которая употребляется на конце слова [Мошин, 1973, с. 67–69; Мошин, 1972, с. 258–259]. Исходя из этого можно предположить, что, несмотря на уклонение в сторону церковнославянского языка сербского извода, Пахомий чувствовал потребность в употреблении русизмов в соответствии с русской манерой письма, прикладывая для этого большие усилия.

[2] Фотокопия списка опубликована на сайте РНБ по адресу: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/SergeyRadonezhsky/_Project/page_Manuscripts.php?izo (адрес первого листа рукописи).

Литература

Јелесијевић С. О једном аутографу јероманаха Пахомија Србина // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 2016. Књ. LXXXII. С. 38–74.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

Мошин В. „Револуције“ у историји старог српског правописа // Српска књижевност у књижевној критици. Београд, 1972. 1. С. 250–262.

Мошин В. А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 43–75.

Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

Шибаев М. А. Авторский вариант Жития Сергия Радонежского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 290–319.

С. А. Маслова (ИРИ РАН)

МОНГОЛЬСКИЕ ЧИНОВНИКИ ПО ДАННЫМ ЯРЛЫКОВ XIII–XIV в.

Ярлыки, выданные правителями Золотой Орды русскому духовенству, содержат уникальные сведения о представителях монгольской администрации. Эти документы во многом отражают русское понимание и употребление названий монгольских должностей, поэтому особенно важно проследить терминологию монгольской номенклатуры в источниках русского происхождения. Документы правителей разных частей Монгольской империи позволят сделать выводы о том, какое отношение чиновники, перечисленные в ярлыках, имеют непосредственно к Руси. Комплексное изучение источников, содержащих сведения о монгольских чиновниках, даст возможность составить наиболее полное представление о системе ордынской власти над Русью.

Д. Н. Маслюженко (Курганский гос. ун-т)

ТЮМЕНСКИЕ И СИБИРСКИЕ ПОСЛЫ В МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XV – XVI в.

Внешнеполитические отношения Тюменского и Сибирского ханств с Московским государством хорошо изучены в историографии. Однако источники почти не дают возможности реконструировать процесс подготовки соответствующих грамот и их доставки, включая состав посольств.

Еще при узбекском хане Абу-л-Хайре, чей престол находился в Чимги-туре, существовал «диван», отвечавший за делопроизводство. Однако при ханах из тюменской ветви династии Шибанидов он не упоминается, хотя ведение внешнеполитической переписки при соблюдении правил делопроизводства свидетельствует о наличии в Тюмени и Сибири образованных людей, знакомых с соответствующими практиками. Они должны были работать в рамках одной традиции, иначе сложно объяснить наличие идентичной титулатуры «Баатырь царь» применительно к хану Кучуму и его правнуку Кучуку при разрыве между их письмами почти в век.

Первое посольство от тюменского хана Ибрахима прибыло в Москву в 1489 г. Его возглавлял базарский (то есть руководивший ханским орду-базаром) князь Чюмгур, который был послом и при переговорах 1493 г.[1] Его сопровождали бакшей (писец) Кулдербыш и толмач Сейтяк, названный паробком[2]. В привезенной ими грамоте нет указания на то, кто ее писал, хотя в пришедших в это же время посольствах от ногайских мурз Мусы и Ямгурчея указано, что авторами были Магамет бакшей и Абекир бакшей. Высокий статус посла подчеркивает значительный интерес к переговорам со стороны тюменского лидера, хотя при этом и обращает на себя внимание небольшая численность самого посольства, особенно сравнительно с синхронными ногайскими. При этом главенство Чюмгура свидетельствует о том, что он, возможно, был специалистом по московскому направлению дипломатии. Повторение имен послов будет характерно и для некоторых последующих переговоров.

[1] СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 6, 14.

[2] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 19.

В августе 1507 (7015) г. в Москву вместе с людьми Алчагира (одного из старших сыновей Мусы) прибыло посольство от тюменского царевича Ак-Курта. Его возглавлял «Телевлю князь Куйат» в сопровождении паробка Мусы[3]. Здесь также обращает на себя внимание княжеский статус посла, который к тому же был представителем влиятельного монгольского клана кыйят, тесно связанного с Шибанидами.

В январе 1555 г. в Москву прибыли послы Тягриул и Пантьяда, которые представляли сибирского князя Едигера и «всю землю Сибирскую», пытавшуюся уйти из-под контроля Шибанидов. В ноябре 1557 г. в качестве сибирского посла выступал Боянда (возможно, тот же Пантьяда), который вскоре оказался в московской тюрьме. Уже в сентябре 1558 г. прибыло новое посольство в лице Ивтемира с неизвестными «товарищами», которые привезли дань и шертную грамоту. Следующее посольство в Москву прибывает только в 1563 г., его возглавлял Чигибень (в иных документах Чибичень князь), который привез дань и челобитную[4]. В это же время в Москву прибыли и послы от тюменского хана Муртазы и его старшего сына Ахмад-Гирея. Хотя в русских источниках не сохранились их титулы, из ногайских писем в Москву известно, что послами были Мамин-шах (скорее всего, шейх) и Ташкын-баатыр[5].

Следующие посольства будут отправлены уже сибирским ханом Кучумом, внуком Ибрахима. В 1570 г. в Москву прибыл сибирский татарин Аиса, который привез грамоту[6]. Спустя год посольство состояло из посла Таимаса и гонца Аисы, которые привезли грамоту с нишаном, то есть печатью Кучума. К грамоте приложили руки «лучшие сибирские люди», а написана она была Магмедом Баки, сыном «Хозесеиповым» (возможно, Ходжа-сеитовым). При этом Таимас и Аиса указывали, что «грамоте и писате не умеем», а следовательно, не могли печатей своих и рук приложить. В 1593 г. с грамотой прибыл посол Магмет[7]. Косвенно это говорит об уменьшении численности посольства и снижении статуса самих сибирских послов. Последнее может быть связано с тем, что с определенного времени в имеющихся источниках просто не фиксируется титулатура послов. Хотя, например, главой посольства правнука Кучума Кучука к тобольскому воеводе был бухарский мурза Казык Кочаков, которого сопровождали посол Игичака и кашевар Контайка [Трепавлов, с. 207–201].

Симптоматично, что грамота от Кучума была написана, видимо, представителем одного из суфийских тарикатов, которые с 1570-х годов играют большую роль в Сибирском ханстве. Например, посольские функции в переговорах между Кучумом, Абдаллахом II и лидерами Алтыулов выполняли бухарский ходжа Дин-Али и сибирский абыз Игебердей [Беляков, Маслюженко, с. 235]. В 1601 г. хафиз (абыз) Менглибай вел переговоры в Тюмени от лица Кучумовичей Хаджима и Каная [Трепавлов, с. 133]. Абыз Безелек из Чатов при Канае был отправлен с посольской миссией в Москву [Миллер, с. 196]. Исламизация привела к усилению роли духовенства в лице абызов в подготовке писем и организации посольств, однако до 1600-х годов их участие в самих посольствах в Москву было скорее исключением.

Литература

Беляков А. В., Маслюженко Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6. С. 229–243.
Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.
Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

[3] Там же. С. 59, 73.
[4] ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 248, 276, 285, 370.
[5] Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1801. Ч. 9. С. 103, 123.
[6] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 340.
[7] СГГД. Ч. 2. С. 63–64, 133.

Т. А. Матасова (МГУ)

СПИСОК МОСКОВСКОЙ ГРАМОТЫ 1493 г. ИЗ МИЛАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА

В 1959 г. в Бари увидела свет книга Джино Барбьери, посвященная связям Москвы и Милана XV столетия. По сей день эта работа — единственное крупное исследование на данную тему, выполненное на высоком научном уровне. Среди главных заслуг автора — введение в научный оборот большого комплекса

архивных источников. Бросается в глаза, однако, ошибка в подписях к ил. 5—6, где приведена фотография русской грамоты 1487 г. (҂ѕцчє = 6995) и сказано, что это грамота 1493 г. В исследовании отмечено, что грамота была скопирована по-древнерусски в герцогские регистры и переведена на итальянский язык (ил. 7 представляет собой фотографию этого перевода).

Мое знакомство с оригиналами этих документов обнаружило, что грамота 1487 г. — это не та грамота, что была переписана и переведена в герцогской канцелярии. Грамота 1487 г. была изучена Е. Ф. Шмурло (о чем не знал Барбьери), а в регистрах действительно сохранилась грамота 1493 г., однако ее оригинал пока не обнаружен. Таким образом, миланский список московской грамоты 1493 г. — не известный ранее источник, до настоящего времени не только не исследованный, но и не опубликованный даже в виде фотографии. Анализ почерка свидетельствует о том, что копирование текста грамоты в регистры осуществил один из руководителей миссии 1493 г. — грек на русской службе Мануил Ангелов. В докладе будут отмечены и другие особенности этого документа, как с источниковедческой, так и с содержательной точек зрения.

А. А. Медведев (МПГУ)

ОБРЕТЕНИЕ И ДВОЙНОЕ ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ В ЖИТИИ МОСКОВСКОГО МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ XVII в.

«Слово о житии во святых отца нашего Алексия митрополита Киевского и всея России, чудотворца», написанное между 1686 и 1696 г. монахом Чудова монастыря Евфимием, включает в себя подробный рассказ об обретении и двойном перенесении мощей святителя Алексия. Автор этого сочинения использовал редакцию, написанную Пахомием Логофетом, и те тексты, которые помещены в Никоновской летописи под 1378 г. и в Степенной книге царского родословия, так как именно в этих памятниках находятся фрагменты об обретении и перенесении мощей святителя Алексия. Поэтому наша задача заключается в сопоставлении редакции Евфимия Чудовского с редакциями Пахомия, Никоновской летописи и Степенной книги.

В начале повествования Евфимий приводит рассказ о первом деревянном храме, построенном в Чудовом монастыре самим святителем Алексием во имя святого Архистратига Михаила. Во время совершения божественной литургии крыша этого храма, пришедшая от долгого времени в ветхость, обрушилась, причем все находящиеся в это время в храме остались невредимыми.

После этого события великий князь московский Василий Васильевич повелел построить каменный храм. Во время закладки фундамента нового храма были обретены мощи святителя Алексия. С этого момента начали чтить память святителя. В новом храме, освященном, как и прежний, во имя Архистратига Божия Михаила, был построен придел в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, в котором и положили мощи митрополита Алексия.

Евфимий Чудовский использовал сведения о первом обретении мощей из редакций Пахомия Серба и Степенной книги, так как составитель Жития для Никоновской летописи описывает это событие довольно кратко и лаконично, сообщая только, что во время княжения великого князя Василия, при святейшем митрополите Фотии, обвалился верх церкви, где проходила литургия, тогда и были обнаружены мощи митрополита.

Евфимий Чудовский, следуя в дальнейшем за автором редакции Жития в Степенной книге, рассказывает о заложении церкви во имя святого Алексия в Чудовом монастыре, куда были перенесены его мощи. В 1484 г. во время княжения великого князя Иоанна Васильевича при митрополите Геронтии стараниями архимандрита Геннадия в обители началось строительство новой трапезной с храмом во имя святителя Алексия. В 1485 г. мощи святого Алексия были перенесены из придела Благовещения Пресвятой Богородицы.

Составитель Жития для Степенной книги в эпизоде строительства храма в честь Алексия довольно подробно рассказывает о попечении о церкви святого Алексия архиепископа Геннадия, многое сделавшего для возвеличивания храма. Он же установил день перенесения честных мощей святителя Алексия.

12 февраля 1535 г., в день памяти святителя, мощи Алексия были переложены в новую серебряную гробницу. Автор добавляет сведения о том, что великий князь Василий Иоаннович повелел создать серебряную раку для мощей святителя Алексия, а икону святого поместить на верхней доске и богато украсить. Создание серебряной раки было связано с обетом, данным Василием III о рождении сына. После появления на свет Иоанна в 1530 г. были изготовлены новые драгоценные раки для мощей святителей Петра и Алексия.

Эти сведения Евфимием могли быть взяты из Никоновской летописи, в которой речь идет о том, что в 1535 г. митрополитом Даниилом было совершено перенесение честных мощей святого Алексия в новую серебряную раку.

Евфимий довольно детально и подробно описывает второе перенесение мощей святителя Алексия. Так как храм и трапеза, построенные новгородским архиепископом Геннадием, пришли в ветхость, в 1683 г. по повелению князя Феодора Алексиевича и по благословению патриарха Московского и всея России Иоакима была построена на новом месте новая большая трапеза.

20 мая 1686 г. с помощью князей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича в сопровождении патриарха Иоакима, всего духовенства и множества народа мощи митрополита Алексия были повторно перенесены из старого трапезного храма в только что построенный и положены на приготовленном месте между двумя храмами, Благовещения Пресвятой Богородицы и святителя Алексия.

Сцена обретения мощей и рассказ о перенесении мощей в созданную митрополитом церковь Архангела Михаила во всех рассмотренных нами памятниках — это вполне законченные фрагменты, имеющие свой оригинальный сюжет и систему действующих лиц, содержащие реально-исторические детали. Только редакция Пахомия Логофета в этом фрагменте изобилует большим количеством библейских цитат и риторическими средствами.

В Евфимиевской редакции, как и в редакции Степенной книги, отсутствует описание посмертных чудес после обретения и перенесения мощей, которые были в редакции Пахомия Серба. В этом книжники следуют за летописцем Никоновской летописи, закончившим жизнеописание сведениями об обретении мощей святого.

Степень использования биографического и исторического материала в редакциях Жития митрополита Алексия была различной и определялась временем их создания, осведомленностью книжника, наличием у него определенного круга источников. Евфимий Чудовский отбирал сведения, касающиеся митрополита Алексия и основанного им Чудова монастыря, которые совпадают с ранними памятниками. А рассказ о втором перенесении мощей, который не был известен составителям предшествующих редакций, занимает особое место в тексте, так как Евфимий мог быть свидетелем этих событий.

Е. А. Мельникова (ИВИ РАН)

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ДВУСТОРОННИЙ НОВГОРОДСКО-ГОТЛАНДСКИЙ ДОГОВОР ДОГАНЗЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ?

Упоминание «старого мира» в первом сохранившемся новгородском договоре с Готским берегом и немецкими городами («Се язъ князь Ярославъ Володимѣричъ, сгадав с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцкымъ Яковомъ, и съ всѣми новгородъци, потвердихомъ мира старого…»[1]), датируемом 1191/1192 г. [Янин, Зализняк, с. 168–174; Рыбина, 2001, с. 103–105], вызвало дискуссию о времени заключения этого мира. Почти все исследователи (исключение составлял Л. Гётц, который отвергал возможность заключения более раннего, чем конец XII в., договора) датировали его 1160-ми годами (Э. Боннел; В. Реннкамп, связавший заключение договора с деятельностью баварского и саксонского герцога Генриха Льва (1129–1195) и выдачей Любеку в 1161 г. Артленбургской привилегии; А. Л. Хорошкевич и др.). Однако аналогии в «Законе гутов» (у Е.А. Рыбиной ошибочно — в «Городском праве Висбю»), и в статьях договора, возможно, восходящих к тексту «старого мира», позволили Е. А. Рыбиной предположить, что «старый мир» был заключен в эпоху доминирования Готланда в торговле с Новгородом. По ее мнению, «старый мир» мог быть составлен в первой половине или даже начале XII в. в виде двустороннего соглашения между новгородскими и готландскими купцами без участия немецкой стороны [Рыбина, 2001, с. 105–106; Сквайрс, Фердинанд, с. 19–21, 41–47].

Однако не только аналогии в городском праве Висбю указывают на существование новгородско-готландского договора, предшествовавшего договору 1191/1192 г. Немецко-готландский проект договора 1268/1269 г.[2] содержит два блока статей, посвященных правам немецкого и готского дворов (IX–XIV и XXIV–XXVI, по нумерации Ф. Г. Бунге, повторенной С. В. Бахрушиным). В первом случае речь идет о правах обоих дворов, во втором — только Готского. При этом часть предполагаемых привилегий повторяется в обоих комплексах статей: запрещение застройки территории между дворами и Дворищем

[1] ГВНП. № 28. С. 55.

[2] Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von Fr. G. von Bunge. Reval, 1853. Bd. 1. 1093–1300. № 413. Col. 517/518–527/528; Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 64–68.

(XIII и XXV), предоставление «свобод» (IX и XXIV). «Готландский» комплекс содержит также статьи, запрещающие застройку территории на 8 шагов от двора (XXV) и разрешающие Готскому двору не участвовать в мощении мостовых на ранее проданном участке (XXVI). Эта группа статей завершает договор, и за ней следует только общее заключение о паритете сторон. Таким образом, в самом конце проекта после многочисленных статей, касающихся процедуры разрешения конфликтов, мер и др., авторы договора возвращаются к вопросу о правах — только Готского двора. Хотя в статье о свободе пути до Дворища имеется ссылка на договор, заключенный при князе Константине (Всеволодовиче, 1205—1207: …quam rex edidit Constantinus), подразумевающая, возможно, включение соответствующего положения в письменный договор, а не его нововведение. Это тем более вероятно, что в следующем условии — запрещении застройки вокруг Готского двора — авторы проекта апеллируют уже к некоему «древнему праву» (secundum justitiam antiquam). Включение — в качестве дополнения, в конце проекта — условий, касающихся только Готского двора, как кажется, подтверждает вероятность существования двустороннего новгородско-готландского договора.

Предложенное Е. А. Рыбиной время его заключения — начало — середина XII в. — хорошо вписывается в историческую обстановку того периода. Проникновение немецких купцов на Готланд отмечается письменными (и археологическими) источниками лишь с середины XII в. — после Артленбургской привилегии 1161 г., и их активность в балтийской торговле резко возрастает во второй половине XII в. Интенсивная же деятельность готландцев в IX—XI в. на востоке засвидетельствована более чем 70000 восточных монет в 351 кладе (на 2013 г.), и не случайно, что «варяжское подворье» в Новгороде («Поромонь двор» < farmannagarpr), основанное, вероятно, Ярославом Мудрым в 1015—1016 г. для его наемников-скандинавов [Мельникова, с. 185—186], приобретая официальный статус торгового двора, начинает именоваться именно «Готским», хотя в торговле с Новгородом участвовали купцы и из других регионов Скандинавии. Однако данных о времени учреждения двора нет. Археологически существование Готского двора прослеживается с начала XII в. [Рыбина, 1973], но участок от Готского раскопа до берега Волхова (вероятно, древнейший) не исследован из-за застройки, и потому ранняя история двора неизвестна. Исходя из признаваемого всеми договорами принципа паритета сторон, можно предполагать, что одновременно с Готским был основан и новгородский двор в Висбю, упомянутый в договоре 1259 г.[3] Основание дворов, вероятно, сопровождалось заключением договора.

Таким образом, включение исключительно «готландских» статей в проект договора 1268/1269 г. и доминирующая роль Готланда в балтийской торговле до второй половины XII в. позволяют достаточно уверенно говорить о существовании до этого времени билатерального новгородско-готландского торгового договора, что, впрочем, не исключает и заключения еще одного договора в 1160-е годы.

Литература

Мельникова Е. А. К предыстории Готского двора в Новгороде // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 184—198.
Рыбина Е. А. Раскопки Готского двора в Новгороде // Советская археология. 1973. № 3. С. 100—107.
Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.
Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
Янин В. Л., Зализняк А. А. Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам: (Из раскопок 1951—1983 гг.) // Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 89—219.

[3] ГВНП. № 29.

С. М. Михеев (ИСл РАН, РАНХиГС)

НЕСТАНДАРТНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В ЗАПИСЯХ ПИСЦОВ АРХАНГЕЛЬСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ 1092 г.[1]

В Архангельском евангелии 1092 г. (РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 1666) имеются две ранее не поддававшиеся дешифровке записи писцов: маргиналия Мичка о заставке в начале месяцеслова и выходная запись пресвитера Петра в конце рукописи.

На верхнем поле л. 123г, над большой заставкой «покоем» (то есть в виде буквы П) в начале месяцеслова имеется приписка писца Мичка: **а люба заставице искаже҃ пю ·:·~**

[1] Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ № 17-29-09015 «Новые источники по истории русского языка и письменности: Публикация, историко-филологический анализ и дигитализация древнерусских текстов».

Заставице — это звательный падеж от *заставица*, то есть слова а *люба* заставице являются обращением к заставке — ‘Хороша же ты, заставка!’. Последовательность букв *искаже*^{н}*пю* недавно была расшифрована А. Л. Лифшицем [Лифшиц]. В ряде славянских рукописей можно встретить буквы в роли слов, являющихся их названиями: *а҃* вместо слова азъ, *б҃* — вместо *букы*, *в҃* — вместо *вѣдѣ* и т. д. (ср.: [MacRobert; Баранкова]). В этом контексте А. Л. Лифшиц объяснил запись *пю* как субститут словоформы *покою*, то есть слова *покои* (названия славянской буквы П) в звательном падеже. Заставка, к которой относится приписка, действительно выглядит как очень широкая буква П, то есть как искаженный «покой». В целом запись Мички должна переводиться следующим образом: ‘Хороша же ты, заставка искаженный «покой»!’. По мнению А. Л. Лифшица, появление этой иронической маргиналии было вызвано художественной неудачей автора заставки, испортившего заполняющий ее орнамент.

Выходная запись на л. 177г21 тоже содержит нестандартные сокращения. Без деления на слова она имеет следующий вид:

коньча^{х}·[а]з[ъпе]^{т}·т[о]ми$^{[м]}$·вълѣ^{т} ≠ а҃х҃·презвут^{е}·грѣшь^{н}

В начале второго слова, возможно, стояла буква *ѧ*, а не *а* (то есть *ѧзъ*, а не *азъ*). Интерпретация отрезка *т*[*о*]*ми*$^{[м]}$ давно является предметом дискуссии. Последнюю букву этого отрезка (надстрочную, над *і*) ранее читали как *н*, однако в рукописи на этом месте видна несколько затертая миниатюрная буква *м* под титлом.

Прежде чем приступить к анализу темного отрезка, следует отметить, что слова, стоящие на концах разбитых пунктуационными знаками отрезков, записаны с применением суспензии — такого метода сокращения, при котором сохраняется начало слова и опускается его продолжение (ср.: [Гиппиус, с. 82–85]): *коньча*^{х} = *коньчахъ*, *пе*^{т} = *Петръ*, *лѣ*^{т} = *лѣто*, *презвут*^{е} = *презвутеръ*, *грѣшь*^{н} = *грѣшьныи*. Очевидно, что тем же образом должно быть сокращено и слово на конце интересующего нас темного отрезка.

Осмысленное прочтение последовательности *т*[*о*]*ми*$^{[м]}$ возможно, если поделить ее на три слова: *т*[*о*] *ми і*$^{[м]}$, где под сокращением *і*$^{[м]}$ скрывается слово имя. Избыточное на первый взгляд пояснение *то ми имя* ‘это мое имя’, по-видимому, возникло из-за нестандартных сокращений попа Петра. Ср. выражение «а псалъ грамотицю сью чл вкъ им емоу крс тьно ковъ» в записи на первом листе стихираря XII в.(РГАДА. Ф. 381. Собр. Синодальной типографии. № 152).

В целом можно предложить чтение «Коньчахъ азъ Петръ — то ми имя — въ лѣто 6600, презвутеръ грѣшьныи» — ‘Закончил [писать книгу] я, грешный священник Петр (это мое имя [так записано]), в 6600 году’.

Итак, датированная запись 1092 г. в Архангельском евангелии написана с применением суспензии, то есть без окончаний слов: «Коньчахъ азъ Пет*ръ*, то ми им*я*, въ лѣт*о* 6600, презвуте*ръ* грѣшьн*ыи*» (курсивом даны пропущенные буквы). В современном переводе, но без раскрытия сокращений, запись Петра можно воспроизвести так: «законч^{н} яп^{ё} этомоеи^{м} в6600го^{д} греш^{н} священ^{н}», то есть «Закончил я, Пётр (это [так здесь сокращено] мое имя), в 6600 [1092] году, грешный священник».

В докладе пойдет речь об этих и других записях Архангельского евангелия.

Литература

Баранкова Г. С. Редкий способ сокращения слов, связанный с названиями кириллических букв // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М., 2013. С. 115–134.

Гиппиус А. А. НИНОМИСН КНМЕТ: о двух автографах мастеров Софии Новгородской // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Великий Новгород. СПб., 2015. Вып. 6. С. 74–90.

Лифшиц А. Л. Декоративный элемент и комментарий к нему: Об одной записи в древнем Архангельском Евангелии // Manuscripta Medievalia: От истории бытования к современной реставрации. К 90-летию Г. З. Быковой (1928–2017). Тезисы докладов конф. с международным участием. 9–10 июля 2018 г., Москва, ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря. М., 2018. С. 26–27.

MacRobert C. M. Alphabetic suspension in Glagolitic and Cyrillic manuscripts // Slovo. Zagreb, 2008. 56–57. S. 319–332.

М. В. Моисеев (Музейное объединение «Музей Москвы», РГГУ)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И КАВКАЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ ВО ВРЕМЕНА ИВАНА ГРОЗНОГО

Взаимоотношения Московского государства с кавказскими сообществами и государствами давно и плодотворно изучаются (А. А. Цагарели, Е. Н. Кушева, В. В. Трепавлов, В. Н. Сокуров, К. Ф. Дзамихов, С. Х. Хотко и другие). Ряд вопросов исследованы глубоко и с возможной степенью подробности. Однако именно для этой проблематики характерен острый источниковый голод. Кроме скудных летописных сообщений от времени правления Ивана IV до нашего времени сохранились послания Темрюку Айдаровичу от октября 1564 г.[1], Мамстрюку Темрюковичу от апреля 1578 г.[2], грузинскому князю Леону от ноября 1564 г.[3] Такое незначительное количество посланий ставит вопрос об общем уровне этих отношений и поиске альтернативных источников.

Для реконструкции общего хода отношений Московского государства с кавказскими сообществами, объединениями и государствами исследователи вынуждены привлекать эпиграфические и фольклорные памятники. Серьезное значение имеет и Опись так называемого Царского архива, общую характеристику сведений которой в рамках кавказоведческих штудий дала в свое время Е. Н. Кушева [Кушева, с. 11–12]. Использование посольских книг по связям России с другими государствами позволило расширить источниковую базу, но ряд вопросов так и остались нерешенными. Все это оставляло и оставляет поиск новых источников более чем актуальным.

Именно поэтому можно признать выявление в РГАДА источника «Книга, названая ТИТУЛЯРНИК, содержащая: Краткую выпись о титулах, писанных как к российским великим князьям государям Иоанну Васильевичу, Василью Иоановичу и царю Иоану Васильевичу в грамотах от разных европейских и азиатских государей и владельцов, и от вселенских греческих патриархов, так равномерно с российской стороны к европейским и азиатским государям и владельцам, а именно при взаимной переписке…»[4], можно признать большой удачей, и вот почему.

Сам документ представляет собой рукопись в 4° на 193 + 2 л. (отсутствует л. 39). Размер: 195 × 145 × 30 мм. Черный кожаный переплет «в сумку» с ремешком около 810 мм. На корешке прикреплены четыре листа бумаги, на первом машинописью написана цифра «3», ниже чернилами на прямоугольном листе «Архивъ / древний», под ним — «Титулярни[..]», на нижней бумажной бирке: «№Iй». В книге двойная кириллическая пагинация черными чернилами и актуальная карандашная арабская. На л. 1–2 почерком XVIII в. указан номер Титулярника: № 3 — и его хронологический охват: «6997/1488 окт. — 7085/1577» — и изложено краткое содержание. Титулярник хранился в архиве МГАМИД под № 3, под которым был известен А. Ф. Малиновскому и Н. М. Карамзину. В 1840-е годы при переформатировании архива попал в отдельный выделенный фонд 166 «Дела и сочинения о титулах (титулярники) — (коллекция) из фондов Посольского приказа, Посольской канцелярии и Московского архива Коллегии иностранных дел», был сменен номер книги с № 3 на № 14, что и нашло отражение в пометах на форзаце и на корешке кодекса. Под № 1 был известен В. И. Ульяницкому [Ульяницкий, с. 60]. В XX в. этот источник оказался крепко забытым и считался потерянным. Обнаружение его в ходе целенаправленного поиска вернуло нам весьма важный документ, содержащий подчас уникальные сведения по большинству направлений внешней политики Московского царства. Ниже я приведу ту информацию, которую этот титулярник содержит по кавказскому вектору московской дипломатии.

В этом источнике содержится информация по отношениям с черкесами, Тарковским (Кази-Кухумским) шаухальством и северо-кавказским Тюменским княжеством[5]. Кроме этого, приводится инструктивный материал по составлению посланий и общим правилам поведения в ходе миссии: «Да ко всем черкасским князем и к мурзам пятигорских черкас грамоты от господаря писаны по тому ж без господарьских тител. А в речех всем велено от господаря поклон правити и о здоровье вспросити, и речь

[1] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 206 об. — 207 об.
[2] РГАДА. Ф. 115. Оп. 2. № 1. Л. 1–1 об. Дважды публиковалась: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 8–9; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. № 21.
[3] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 207 об. — 209.
[4] РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 1–1 об.
[5] Там же. Л. 89 об. — 90 об., 93 об. — 95.

говорити по наказу»[6]. Сами послания даны в выдержках, иногда обширных, иногда скупых. К сожалению, в случае с перепиской с кавказскими владетелями авторы титулярника ограничились передачей только начального и конечного протоколов. Но мы можем установить адресатов и даты грамот.

Итак, в этом источнике зафиксированы: недатированное послание от крым-шаухала, вполне возможно, что это именно то письмо, о котором в Описи посольского приказа 1626 г. написано следующее: «Грамота от шевкала кумыцкого к царю и великому князю, а х которому имянем, того не написано, а в ней пишет, что государевы послы и грамоты до него дошли, писана на листу на бумаге, по татарски, а на ней написано вверху по-руски: лета 7067-го октября в 23 день с шевкальским послом Бекбулатом»; далее, грамота от апреля 1559 г., возможно, к Улу-Ахаю II или Умалат II, Токлую князю Тюменскому от 1558/1559 г.

Эти данные позволяют нам расширить свои представления о кавказском векторе внешней политики Москвы. Впрочем, на современном этапе необходимо проанализировать этот вновь обнаруженный источник, выявить его связи с другими титулярниками, посольскими книгами, летописями и другими источниками.

Литература

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.

Ульяницкий В. А. Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв. По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Приложения. Из Титулярника № 1, 6997 (1488), окт. — 7085 (1577).

[6] Там же. Л. 94 об.

Б. Н. Морозов (ИСл РАН)

ХРОНОГРАФ ПАТРИАРХА АДРИАНА 1697 г. ИЗ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ПРАГЕ

В собрании рукописей Славянской библиотеки в Праге под шифром T 9762 хранится русская рукописная книга (в лист, на 384 л.), датированная 1697 г. и имеющая заголовок: «Chronograf». Это определение взято из киноварного заголовка на титульном листе книги: «Хронограф, сие есть Временописец, благословением великаго господина, святейшаго кир Адриана архиепископа царствующаго великаго града Москвы и всея России и всех Северных стран патриарха, написася, и за труд даяние и о строение книги сея его же архипастырское делателем бысть. Мироздания 7206 лета, воплощения же Бога слова Иисуса Христа 1697-го, индиктиона 6, месяца октоврия. В царствующем великом граде Москве».

Судя по внешнему виду книги, нет сомнения, что перед нами экземпляр из патриаршей библиотеки. Об этом говорит его парадное оформление: титульный лист, писанный киноварью, помещен в роскошную заставку-рамку с оригинальным растительным орнаментом и лицевым изображением Иисуса Христа. Весь текст написан каллиграфическим полууставом конца XVII в., также с киноварными заголовками и инициалами. Современен созданию рукописи и переплет — доски в коже с тисненым изящным орнаментом[1].

В составленных Ю. К. Бегуновым обзорах древнерусских рукописей Славянской библиотеки данная рукопись ошибочно названа «Хронографом 3-й редакции 1 разряда (по А. Попову)» (то есть Хронографом редакции 1620 г.) [Бегунов, 1970а, с. 328; Бегунов, 1970б, с. 206]. С его же определением она отмечена в статье О. А. Белобровой «К истории библиотеки патриарха Адриана» [Белоброва, с. 414].

В действительности это популярная в отечественной книжности конца XVII в. новогреческая Хроника Дорофея Монемвасийского, переводившаяся на русский язык Арсением Греком с 1654/1655 г. и законченная Дионисием Греком в 1665 г. Перевод готовили к изданию на Московском печатном дворе (одной из причин для этого был рассказ Хроники о введении патриаршества в России), о чем свидетельствуют предисловия в многочисленных списках памятника. Но в рукописи, изготовлявшейся для патриарха Адриана в 1697 г., это предисловие было опущено. Не были, кажется, включены в данный список Хроники Дорофея Монемвасийского какие-либо дополнения и исправления, хотя такие рукописи

[1] Сканированные листы рукописи и переплет можно увидеть в Общеевропейской электронной библиотеке рукописей: «Manuscriptorium. Digital Library of Written Cultural Heritage». URL: www.manuscriptorium.com/en (дата обращения: 12.05.2019).

с русскими дополнениями конца XVII в. известны (естественно, окончательный вывод об этом можно сделать при полном текстологическом анализе памятника).

Данный патриарший «Хронограф» должен представлять для исследователей русской книжной культуры конца XVII в. определенный интерес. Ведь в окружении Адриана были выдающиеся книжники этой эпохи. Почерк титульного листа и оглавления (Л. 1–7) пражской рукописи Т 9762 принадлежит Кариону Истомину — секретарю и главе канцелярии патриарха. Это особый полуустав со скорописными элементами — декоративными росчерками и лигатурами. Им написан и знаменитый букварь 1692 г. (в нем приведены и учебные примеры скорописных написаний), и предшествующая ему лицевая рукопись «Книга любви знак в честен брак», поднесенная Карионом на свадьбу царя Петра Алексеевича с Евдокией Лопухиной в 1689 г. В предисловии к факсимильному изданию данной рукописи Л. И. Сазонова называет этот почерк «круглящимся полууставом» и далее пишет, что он был «одним из нескольких вариантов письма, которыми владел искусный мастер Карион Истомин» [Сазонова, с. 106]. Это замечание имеет важное значение, потому что основной текст патриаршего списка Хроники Дорофея Монемвасийского 1697 г. написан иным почерком — хорошо разработанным мелким полууставом, не содержащим скорописных элементов. Его принадлежность возможно установить при сравнении с другими рукописями патриаршего скриптория.

Как известно, Карион Истомин много лет работал на Московском печатном дворе, а вскоре после создания данной рукописи — в марте 1698 г. — стал его главой. Может быть, этот список Хроники Дорофея Монемвасийского связан с возрождением планов ее издания? Отсюда и отсутствие ссылок на ее перевод в 1664/1665 г. при патриархе Никоне? О популярности переводных греческих хроник в этот последний период древнерусской придворной книжности свидетельствует известный факт создания Карионом Истоминым в 1699 г. лицевого «Греческого летописца» для царевича Алексея Петровича. Рукопись эта не сохранилась, но в обширном архиве Кариона Истомина могут быть сведения о его занятиях переводными греческими хрониками. Также в архивах патриарших приказов можно найти сведения о рукописи 1697 г. — награждение («за труд даяние») ее создателей, причем из заголовка ясно, что «делателей» было несколько.

Внимания требуют и латинские записи на последних листах книги, выполненные курсивом тонким пером. Первая на л. 383 об., ниже заключительных слов основного текста Хроники, сделанных крупным полууставом, их переводит: «Конец и Богу Слава» — «Finis et Deo Liaus», Вторая, более пространная, находится на л. 384 об., первоначально чистом (специалисты могут прочесть ее на указанном сайте Manuscriptorium). В этой записи можно отметить написание заглавной латинской буквы «К» с декоративным росчерком («хвостом») в нижней части, который характерен для каллиграфического варианта русской буквы «К» в почерке Кариона Истомина. Нам кажется, что сам тип подобного написания заглавного «К» (а возможно, и других букв) мог быть взят Карионом из латинского курсива. Но такую же «К» с росчерком, писанную также тонким пером, можно увидеть в русских пробах пера на бумаге, наклеенной на внутренней стороне второй крышки переплета. Конечно, предположение, что это рука Кариона Истомина, надо тщательно проверить.

Дальнейшая судьба патриаршей рукописи отразилась в скорописной записи на л. 384 об.: «1737-го марта в 24 день продал сию книгу Комерц-канторы камисар Матвей Ключарев зачисто и подписался своею рукою». А о принадлежности книги в XIX — начале XX в. библиотеке подмосковного имения Самариных Измалково свидетельствует штамп на внутренней стороне первой крышки переплета: «Измалковская библиотека. Ж. VII, 16». Измалковская библиотека была приобретена правительством Чехословакии в 1920-е годы.

Литература

Бегунов Ю. К. Малоизвестные рукописи «Славянской библиотеки» в Праге // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 327–329. [Бегунов, 1970а]

Бегунов Ю. К. Описание малоизвестной части коллекции древнерусских рукописей «Славянской библиотеки» в Праге // // Bizantinoslavica. 1970. T. 31. Fasc. 2. P. 204–215. [Бегунов, 1970б]

Белоброва О. А. К истории библиотеки патриарха Адриана // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 406–414.

Сазонова Л. Е. Археографический комментарий // Карион Истомин. Книга любви знак в честен брак. М., 1989. С. 106–108.

В. Д. Назаров (ИВИ РАН)

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА МОСКОВСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ. ПРЕЛЮДИЯ 1432 г.

Историография темы огромна, и, на первый взгляд, тут вряд ли можно сказать что-то существенно новое. Но сопоставление разных версий летописных рассказов в сочетании с информацией (прямой и попутной) документальных текстов позволяет выстроить хронологию и логику политических событий лета — осени 1432 г.

Существуют два основных летописных рассказа. В первом (великокняжеский свод конца XV в. и связанные с ним летописи) дана дата приезда на Москву из Орды Василия II 29 июня (Петров день, А. А. Зимин ошибся, приняв ее за день отъезда [Зимин, с. 28]) с пожалованным ханом Улуг-Мухаммедом «великим княжением». Параллельно в Звенигород прибыл удельный князь Юрий Дмитриевич, направившийся оттуда в Дмитров: он был дан Юрию к его уделу ханом в качестве компенсации. Затем говорится о смерти князя Андрея Дмитриевича в Можайске и захоронении его тела в Архангельском соборе в Москве. Далее сообщается об отъезде князя Юрия, «бояся» Василия II, из Дмитрова в Галич (столицу удела) и о «взятии за себя» Дмитрова Василием II. Под 6941 г. (он, как и 6940 г., в своде по сентябрьскому стилю) говорится о побеге «от великого князя» боярина Ивана Дмитриевича Всеволожа (именно он тактикой действий при переговорах в Орде обеспечил победу Василия II) в Углич к князю Константину Дмитриевичу, оттуда в Тверь, а позднее в Галич к князю Юрию[1].

Иной набор фактов в Сокращенном своде 1493 г. и близких к нему памятниках. Первое известие — о возвращении Василия II с ханским послом, царевичем Мансыр-уланом, и о возведении его послом на великокняжеский стол во Владимире в Успенском соборе 5 октября 10 индикба (то есть 6940 г., здесь по мартовскому стилю). Далее говорится о кончине князя Андрея Дмитриевича (без указания на место смерти и погребения), об обручении «осенине» Василия II с дочерью князя Ярослава Владимировича Марией, «внукой Марьи Голтяевы», о бегстве боярина И. Д. Всеволожа «тогды же» в Тверь, а затем в Галич к Юрию. Последнее — изгнание его наместников Василием II из Дмитрова, который он «взял за себя». Рассказ повторен в официальном своде 1508 г., а также в целом во 2-й редакции свода 1518 г. (отразился в Львовской и Софийской второй летописях). В ее тексте использован также источник с точной датой смерти князя Андрея (9 июля в Можайске) и развернутой формулой места погребения — «на Москве в церкви архангъила Михаила на площади»[2].

К лету 1432 г. относится, по нашему мнению, докончание Василия II вместе с удельными князьями Константином Дмитриевичем, Иваном и Михаилом Андреевичами с удельным князем Василием Ярославичем. Смысл документа — легитимация статуса, фиксация обязанностей и прав князя Василия в структурах владетельных князей московских Рюриковичей, определение состава его удела. Все названные лица находились в Москве в связи с погребением Андрея. От Можайска до Москвы 90 верст, в договоре не назван в числе владений Василия II Дмитров, отсюда дата — докончание было заключено в середине июля 1432 г.[3]

В. А. Кучкин датировал духовную грамоту князя Юрия Дмитриевича июлем-августом 1432 г. Уточняем его вывод. Дмитровом Василий II овладел не позднее 11 августа (см. ниже), то есть написание завещания «перед бояры» произошло не позднее середины июля и скорее в Звенигороде, чем в Дмитрове, волости которого Юрий делил между тремя сыновьями[4].

Важную информацию находим в актах Троице-Сергиева монастыря. Данная на «свое село» Синьково в Каменском стану Дмитровского уезда на имя игумена Зиновия была составлена в ходе пребывания Василия II в Дмитрове и его окрестностях (полное отсутствие иммунитетных статей). Документ датирует запись в Кормовой книге: корм давался 11 августа, назван только Василий II. На обороте подлинника помета: «приказал Микита Константинович»[5]. Думаем, что с этой поездкой великого князя связана его жалованная грамота монастырю на ловлю бобров в р. Воре и данная Ивана Константиновича обители на земли в одноименной волости[6]. Выясняется, что бояре И. К. и Н. К. Добрынские сопровождали великого князя в его поездке (о них см.: [Веселовский, с. 307–313]). Жалованную двусрочную грамоту на села Вилгощ и Присеки в Бежецком Верхе Василий II дал Зиновию 26 сентября 1432 г. «у Троицы» (память Сергия Радонежского 25 сентября) явно по дороге во Владимир на церемонию возведения на

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 250; Т. 26. С. 188–189; Т. 27. С. 103; Т. 28. С. 99, 265.
[2] ПСРЛ. Т. 27. С. 269, 344; Т. 39. С. 143; Т. 20. С. 288; Т. 20. С. 238; Т. 6. Вып. 2. Стб. 64–65.
[3] ДДГ. № 27. С. 69–70.
[4] Там же. № 29. С. 73–75. О составе Дмитровского удела в XV в. см.: [Назаров, 1975, с. 46–49].
[5] АСЭИ. Т. 1. № 84. С. 70–71; Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М., 2008. С. 246–247.
[6] [Каштанов. Приложение, № 3, с. 345]; АСЭИ. Т. 1. № 73. С. 65. О владельцах вотчин в Каменском стану см.: [Назаров, 1998, с. 440–443, 446–447].

великокняжеский стол[7]. Предполагаем, что тогда же состоялся обмен землями в волости Воре с доклада Зиновию между Троицкой обителью и Стромынским монастырем, в числе свидетелей назван архимандрит нижегородского Печерского монастыря Никандр. Его пребывание в Троице, думаем, связано с грядущими событиями во Владимире[8].

Резюмируем. Хронология и логика событий лета — осени 1432 г. выглядит так. Июль — консолидация московских удельных князей, московского боярства вокруг Василия II, получившего от хана ярлык на великое княжение (повтор ситуации весны — лета 1425 г.) и попытка князя Юрия закрепить за собой и детьми Дмитров. Август — сентябрь — Василий II силой возвращает Дмитров с волостями под свой контроль, Юрий отказывается от военных действий и уходит в Галич. Тогда же фиксируется особое отношение московского великого князя к троицкому игумену Зиновию и к обители в целом (см.: [Назаров, 2018, с. 42]), что способствовало консолидации служилых бояр вокруг Василия II. Длительное (более трех месяцев) пребывание ханского посла было связано с обострением борьбы в Большой Орде в 1432—1433 г. (см.: [Сафаргалиев, с. 234—237; Почекаев, с. 232—236]), с поездками по Руси для сбора дани и иных платежей в адрес посольства. Причем сама церемония возведения на великое княжение состоялась вопреки прямому нарушению Василием II решения хана по Дмитрову. Октябрем 1432 г. (после 5 октября) датируем обручение великого князя с Марией Ярославной и бегство боярина И. Д. Всеволожа к Юрию по маршруту Углич — Тверь — Галич. Само событие стало результатом действий одной матери и двух бабушек: великой княгини Софьи Витовтовны (мать Василия II), княгини Елены Ольгердовны (бабушка княжны Марии Ярославны и ее брата Василия по линии отца, дальняя родственница Софьи по клану Гедиминовичей) и Марии Голтяева (жена боярина Ф. Ф. Голтяя из рода Кошкиных, теща князя Ярослава Владимировича и бабушка княжны Марии и князя Василия). В рамках ближайшего окружения Василия II бенефициарами стали Добрынские, Голтяевы и их ближайшие родственники Захарьины. А впереди двадцать с лишним лет войн и переворотов.

Литература

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991.
Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
Мошкова Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья третья) // Вестник «Альянс-Археo». СПб., 2017. № 20. С. 52—108.
Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России XII—XX вв. М., 1975. С. 46—62.
Назаров В. Д. О проездном суде наместников в Средневековой Руси // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1987. С. 84—91.
Назаров В. Д. Комментарии к актам московского Богоявленского монастыря // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. М., 1998. С. 419—520.
Назаров В. Д. Когда Троице-Сергиева обитель стала «семейным молением» московских великих князей // XI Международная научная конференция. Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Тезисы докладов. Сергиев Посад, 2018. С. 41—43.
Почекаев Р. Ю. Цари Ордынские. СПб., 2012.
Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

[7] Историю владения см.: [Назаров, 1987, с. 84—89]; работа осталась неизвестной Л. В. Мошковой, вернувшейся к датировке акта 1442 г., см.: [Мошкова, с. 60—61].
[8] АСЭИ. Т. 1. № 74. С. 65—66; № 75. С. 66.

С. А. Никонов (Мурманский арктический гос. ун-т)

РУССКО-ДАТСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ И ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОЛЬСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XVI в.

Территориальный конфликт на Кольском полуострове, развивавшийся в XVI—XVII в. между Россией и странами Северной Европы — Данией и Швецией, уходит корнями в эпоху Средневековья. Остроту он приобретает со второй половины XVI в., что было вызвано рядом факторов, среди которых существенную роль играло стремление Дании контролировать морской путь вдоль побережья Европейского Севера России. Эффективное использование морских магистралей не могло обойтись без контроля над

прибрежными районами. В свою очередь, этот вопрос имел значение и для России — ведь именно на побережье Баренцева моря вплоть до строительства Архангельска осуществлялась русско-европейская торговля.

В период 1550-х — начала 1580-х годов территориальный конфликт между Данией и Россией носил локальный характер и проявлялся в нарушении сторонами границ даннических округов, где происходило взимание подати с саамов — коренных жителей Кольского полуострова и Северной Европы. В начале 1580-х годов конфликт нарастает, что проявилось в агрессивных действиях датских судов на побережье Баренцева моря, грабивших русских и иностранных промышленников.

Ответом России на этот вызов стало основание на месте Кольской волости острога и учреждение здесь воеводского управления. Строительство крепости в Коле вписывалось в общую политику укрепления рубежей России на Европейском Севере в 1570—1580-е годы, вызванную усилением русско-шведского противостояния в период Ливонской войны. Именно в эти годы идет строительство крепостей в Соловецком монастыре, Сумском остроге, Кеми, Архангельске.

Первые воеводы, управлявшие Кольской землей в 1580-е годы, помимо административных, выполняли и военно-политические задачи для предотвращения столкновения с Датским королевством. В этот период в должности сменилось шесть воевод, служебное положение которых было различным. Трое из них (Г. Б. Васильчиков, С. Ф. Благово, М. Ф. Судимантов) были связаны службой с опричным и с «особым» двором Ивана Грозного; один (В. Ф. Загряжский) нес службу по Земскому двору; двое (А. И. Палицын, А. Г. Ярцов) на момент назначения воеводами в Колу не занимали высоких должностей. Один из кольских воевод (Г. Б. Васильчиков) впоследствии известен на дипломатической службе Московского государства.

Задачами кольских воевод становятся строительство крепости и формирование гарнизона, для чего в южных поморских волостях Кольского полуострова набирались крестьяне. С 1583 г. воеводы Колы вступают в дипломатические контакты с руководством норвежской крепости Вардё (русское название — Варгав). До 1582 г. эти отношения, как можно судить по косвенным данным, были в ведении воевод Холмогор. Дипломатические поручения воевод заключались в организации торговли в Коле, урегулировании территориального конфликта. Перенос во второй половине 1580-х годов международного торга в Архангельск, организация регулярных переговоров по территориальному спору с Данией привели к изъятию этих функций из ведения воевод Кольского острога.

Таким образом, пограничный русско-датский конфликт на Кольском полуострове вызвал усиление России в регионе, что было закреплено созданием крепости, учреждением воеводского правления и стрелецкого гарнизона. Все эти меры способствовали и оформлению самой территориально-административной единицы — Кольского уезда.

М. О. Новак (Казанский научный центр РАН, КФУ, ИРЯ РАН),
Я. А. Пенькова (ИРЯ РАН)

ОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА КИРИЛЛА ИЕРУСАЛИМСКОГО В ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII в.[1]

В статье обсуждаются текстологические и лингвистические особенности Огласительных слов Кирилла Иерусалимского в Толстовском сборнике XIII в. (РНБ. F.п.I.39; далее — Толст). Данный источник изучается в рамках проекта, предусматривающего всесторонний лингвистический анализ памятника и создание его машиночитаемой транскрипции с последующим размещением на портале «Манускрипт» (http://manuscripts.ru).

Внимание к Огласительным словам (далее — ОС) продиктовано несколькими соображениями. Подробного описания языковых особенностей этого текста в Толст до сих пор не существует, хотя катехизические беседы Кирилла занимают более половины данного кодекса (л. 89—184 при общем объеме рукописи в 184 листа). Между тем ОС входят в число наиболее древних славянских переводов христианской литературы [Желтов]. Текстологическая позиция Толст при этом нуждается в верификации. А. Вайан [Vaillant] высказал мнение, поддержанное впоследствии О. Г. Кадочниковой,

[1] Исследование выполняется при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00428 А «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, F.п.I.39)».

что Толст представляет собой древнейший список преславской редакции ОС, так же как поздний список Рум194 (конец XVI – начало XVII в., РГБ. Ф. 256), в противоположность целому ряду списков «консервативной», или «гностической», редакции: Хиландарским листкам (ОГНБ. 1/ 1(533)), Син478 (конец XI – начало XII в., ГИМ), Тр124 (XV в., РГБ. Ф. 304/I) и др. [Кадочникова, с. 59–61]. При этом текст Толст, достаточно далеко отстоящий по времени от предполагаемого возникновения архетипа преславской редакции, подвергся сокращению и, очевидно, дальнейшей редактуре.

Для выявления черт, характеризующих Толст на фоне других списков ОС, мы сопоставили с рукописями Син478, Тр124, Рум194 тексты второго и третьего оглашений, достаточно полно представленные в названных кодексах[2].

Анализ выборки из 45 словоформ и контекстов показал некоторое преобладание совпадений Толст с чтениями «консервативной» редакции – их 25, при семи совпадениях с Рум194 и 13 оригинальных случаях, не совпадающих ни с ранними, ни с поздним списком. Совпадения могут затрагивать как грамматические формы, так и лексику (включая словообразовательную структуру). Приведем несколько примеров в таблице (орфография источников упрощена):

Греческие соответствия	Син478	Толст	Тр124	Рум194
αὐτεξούσιον	самовластьно (Л. 8 об.)	самославьно (Л. 92 об.)	самовластьно (Л. 10)	самовластно (Л. 172 об.)
αὐτοπροαιρέτως	самовольнѣ (Л. 8 об.)	самохотьнѣ (Л. 92 об.)	самовольнѣ (Л. 10)	самохотнѣ (Л. 172 об.)
φλέγει / φλέγεται	жежеть (Л. 9)	жьжеть (Л. 93)	жжеть (Л. 10 об.)	съгорить (Л. 172 об.)
συναπέβαλε / συναπέθου / συναπέθετο	съотьложиль еси (Л. 9)	съо҃ложілъ еси (Л. 93)	съо҃ложилъ еси (Л. 10 об.)	о҃ложи (Л. 172 об.)
τὸ φλέγον	полаштеѥ (Л. 9)	палащеѥ (Л. 93)	полащее (Л. 10 об.)	горѧчьсть его (Л. 172 об.)
τινα	етера (Л. 9)	етера (Л. 93)	етера (Л. 10 об.)	нѣкоего (Л. 172 об.)
ὁ νυμφίος	женимы (Л. 19)	женимыі (Л. 98)	женимы (Л. 18)	жених (Л. 178)
μὴ οὖν ἔσο λοιπόν ἔχιδνα	не боуди оубо ктомоу ехидьна (Л. 23)	не буді уже ехідна (Л. 100)	не буди убо ктому ехідна (Л. 21)	не бѫді оуже ехидна (Л. 180)

Таким образом, можно предположить, что прототип Толст более тесно был связан именно с древнейшей, «консервативной» редакцией, но список мог испытать влияние и других версий текста или даже свидетельствовать о существовании особой редакции, отличающейся как от консервативной, так и от преславской.

Обращение к лексическому уровню текста ОС показало наличие нетривиальных славяно-греческих параллелей. Некоторые из них поддерживаются всеми рассмотренными рукописями:

мыло (Толст, л. 99 об.): λουτήρ ‘ванна’. Лексикографические материалы не фиксируют славянское мыло в значении локуса, но только в вещественном значении.

притыкати (Толст, л. 99 об.): συγκρίνειν ‘сравнивать’. Данная греческая параллель не отмечена в словарях, при наличии там контекстов с глаголом притыкати в значении ‘сравнивать’ с иными соответствиями (например, ἀπεικάζω[3]).

Также обнаружены лексические единицы, не отмеченные в наиболее известных лексикографических изданиях:

[2] Греческий текст оглашений приводится по: *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1857. T. 33; [Кадочникова].

[3] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 61.

въскрилатити: і въскрілатівша д҃шю (Толст, л. 99 об.; в остальных списках то же; греч. πτεροφυήσαντα от πτεροφυέω ‘обрастать перьями, оперяться или окрыляться’). Отсутствует в словаре И. И. Срезневского[4], Slovník jazyka staroslověnského (далее — SJS)[5], Словаре древнерусского языка (далее — СДРЯ)[6]. Словарь русского языка XI—XVII в. (далее — СлРЯ) фиксирует только глаголы воскрилити(ся), воскриляти(ся)[7], соотносимые с субстантивом крило, тогда как глагол въскрилатити соотносится с адъективной основой крилат-.

идоложертвище: зане ст҃ыѧ съсуды въ идоложертвіщі ѡскверні (Толст, л. 97; греч. букв. ἔνδον εἰδώλον ‘внутрь идолов’). Отсутствует в словаре И. И. Срезневского, SJS, СДРЯ, СлРЯ; обнаруживается только в Толст. В Рум194 отсутствует, а списки Син478 (Л. 14 об.) и Тр124 (Л. 16 об.) представляют чтение оутрь въ идольствѣ. Последнее существительное также отсутствует в указанных словарях.

пустынелюбьць: відіши лі… пустынелюбца (Толст, л. 99 об.; в остальных списках то же; калька с греч. φιλέρημον от φιλέρημος ‘любящий одиночество, нелюдимый’).

Таким образом, даже фрагментарный анализ ОС в составе Толст на фоне других списков показывает, с одной стороны, недостаточную изученность рукописной истории этого памятника, с другой — особое значение Толст как для лингвистического, так и для текстологического исследования ОС.

Литература

Желтов М. свящ. Кирилл, еп. Иерусалимский // ПЭ. Т. 34. С. 299—318 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravenc.ru/text/1840257.html#part_3 (дата обращения: 05.05.2019).

Кадочникова О. Г. Поучения святителя Кирилла Иерусалимского в древнеславянском переводе: лингвотекстологический анализ. М., 2017.

Vaillant A. La traduction vieux-slave des Catéchèses de Cyrille de Jérusalem // Byzantinoslavica. 1932. Vol. IV. № 2. P. 253—302.

[4] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

[5] Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae / Kurz J., Hauptová Z. (ed.). T. I—IV. Praha, 1966—1997.

[6] Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—. М., 1988—.

[7] Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 43.

О. В. Новохатко (ИРИ РАН)

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ В 1640—1660-е ГОДЫ

Несмотря на многие десятилетия споров о зарождении абсолютизма в России в XVII в., вопрос этот все еще тревожит умы историков. Однако современные исследователи, хоть и несмело, все более склоняются к тому, что сама постановка вопроса не несет в себе ничего существенного для прояснения реальной ситуации в России указанного периода. Во-первых, сам термин «абсолютизм» — это идеологический конструкт, не соответствующий реальной жизни даже «признанных» абсолютных монархов.

Во-вторых, историческая наука продемонстрировала, что по важнейшим проблемам этого явления нет единой точки зрения. Эти проблемы суть: определение и классовая сущность абсолютизма, его социальная база, приемы образования абсолютизма, соотношение понятий «абсолютизм» и «самодержавие», форма монархии, предшествующая абсолютизму, время возникновения абсолютизма и этапы его развития, оценка исторической роли абсолютизма в России и т. д. Таким образом, от доктрины абсолютизма применительно к России XVII в. ничего не остается.

Что же происходило в России той эпохи, особенно в середине века, когда для всех были очевидны существенные перемены, совершавшиеся в русской жизни? Представляется, что стоит отметить общее, что связывало Россию и Европу, и особенное, что было специфичным для нашей страны в середине XVII в.

Как и ее западные соседи, Россия жила в эпоху раннего Нового времени, со всеми вытекающими из этого следствиями. Она вела активные войны за преобладание на торговых путях (с Польшей в 1632—1634, 1654—1667 г., Швецией в 1656—1658 г.), продолжались присоединение северо-западных областей, Сибири, Украины, Кавказа и Закавказья, продвижение в глубь Дикого поля, попытки продвинуться в Молдавию. В это же время страна противостояла татарским набегам и строила грандиозную цепь

укреплений на границе со «степью» (Белгородскую засечную черту). Естественно, что фактически непрерывное пребывание России в состоянии войны в течение рассматриваемых трех десятилетий (из которых 13 лет пришлись на тяжелейшие войны с Речью Посполитой и Швецией) наложило особый отпечаток на все сферы государственной деятельности.

Для управления этими процессами, для администрирования новоприобретенных земель была необходима сильная центральная власть, концентрация всех отраслей управления в руках государя и Думы.

К середине XVII в. все военные, административные и судебные функции управления городами и уездами были сосредоточены в руках воевод, назначаемых государем. Жесткость властной вертикали компенсировалась мобильным и гибким центральным административным аппаратом (приказами), дополнявшимся разнообразными структурами местного выборного управления.

Для управления выросшей территориально страной со сложным национальным и конфессиональным составом требовался больший численно и высокопрофессиональный административный аппарат. Исследования показывают, что к середине XVII столетия приказная система значительно развилась и окрепла, а также была модернизирована в соответствии с изменившимися реалиями, в частности, в военной сфере.

Для эпохи раннего Нового времени в Европе характерно создание и распространение армии нового типа, так называемой регулярной. В России полки нового строя были созданы после Смуты, с восстановлением и укреплением государства. Регулярная армия требовала на порядки больше денег, чем поместное войско. В России XVII в. главным и постоянным источником пополнения казны был внутренний, то есть налоги. Усиливавшаяся централизация власти проявлялась не только и не столько в том, кто собирал налоги (это были и выборные, и назначаемые лица), а в том, кто налоги устанавливал и ими распоряжался. За исключением экстремальных ситуаций, когда верховной власти требовалась общественная поддержка для введения сверхобычных налогов («пятая» или «десятая» деньга), налогообложение полностью находилось в компетенции верховной власти.

Важным фактором в политическом развитии России в XVII в. стало Смутное время, показавшее всем социальным группам русского общества, что для сохранения государственного суверенитета необходим общественный консенсус. Последний, исходя из менталитета эпохи, мог быть сформирован только вокруг монарха, который виделся точкой соединения всех социальных векторов и в то же время верховным арбитром в конфликтах различных социальных групп.

К середине XVII в. власть новой династии в России значительно окрепла, что нашло отражение в Соборном уложении 1649 г. Впервые в истории российского законодательства были четко определены властная структура и статус каждой из ее частей, от государя до местного выборного самоуправления. Властная иерархия представляла собой четкую вертикаль, на вершине которой находился государь, обладавший всей полнотой власти. Значительное внимание уделялось утверждению высокого статуса государя внутри страны и за рубежом.

На 40–60-е годы XVII в. пришлось и такое важное событие, как церковная реформа и раскол. В политическом аспекте это проявилось в противостоянии двух основных ветвей власти — светской и духовной. Верховная светская власть удержала за собой лидирующие позиции в государстве. В то же время реформирующаяся Русская церковь действовала в духе Нового времени, проводя модернизацию сверху, стремясь к стандартизации структуры и обрядов, и, не имея своей политической организации, включалась в общую систему государственного управления.

Государство все более вторгалось в сферу экономики, проводя политику меркантилизма и протекционизма. Заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику правительства в это время оказывало быстрое увеличение роли России как поставщика сырья на международном рынке. Сочетание как внутренних, так и внешних факторов привело к окончательному установлению в стране крепостного права.

В целом 40–60-е годы XVII в. в России можно определить как время строительства суверенного национального государства, сопровождавшегося активной военной и колонизационной политикой, укрепления единой центральной власти, модернизации и усиления государственных структур, увеличения роли государства во многих сферах жизни страны.

З. Е. Оборнева (ИРЯ РАН)

ПРИЕЗД АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА МАКАРИЯ В РОССИЮ В 1654–1656 г. ГРЕЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ И ТОЛМАЧИ

В сочинении сына патриарха антиохийского Макария о путешествии в Россию в 1654–1656 г. немалое внимание уделено переводчикам и толмачам, сопровождавшим первоиерарха антиохийской церкви. В арабском оригинале в этих контекстах в основном используются два термина: tarǧumān, заимствованное большинством европейских языков в адаптированной форме «драгоман», и арабский неологизм, передающий русское слово «переводчик», — bārīfūǧīkūs с греческим окончанием м. р. — ος. Первый термин используется 100 раз, тогда как второй — только 14, и данный неологизм Павла Алеппского так и не вошел в лексическую систему арабского языка [Петрова, с. 267].

По мнению Г. Муркоса, первого переводчика сочинения архидиакона Павла на русский язык, если первый термин использовался для обозначения переводчика-грека, который сопровождал патриарха, то второй — для обозначения штатного служащего Посольского приказа. Это не совсем так: прежде всего, bārīfūǧīkūs — письменный переводчик, tarǧumān — устный переводчик, толмач. С момента въезда Макария Антиохийского в Калугу для его встречи и сопровождения был назначен письменный, то есть самый высокий по рангу, переводчик Посольского приказа (bārīfūǧīkūs). В арабском тексте есть пояснение: «главный tarǧumān» или «царский tarǧumān», переводчик документов с греческого на русский [Петрова, с. 267]. Согласно документам Посольского приказа, это Иван Боярчиков, посланный в Калугу для встречи антиохийского патриарха. Сопоставление сочинения Павла Алеппского с документами Посольского приказа позволяет обнаружить, что Иван Боярчиков умер во время морового поветрия в Коломне осенью 1654 г.: «Умер и *барифоджикос* (переводчик), т. е. царский толмач, который приехал с нами из Калуги. Тогда наш владыка патриарх ходатайствовал перед наместником, и тот, спустя долгое время, прислал нам другого переводчика, ибо, по принятому обыкновению, в патриаршем приказе постоянно бывает один или два переводчика на случай надобности»[1]. После его смерти в Коломну из Посольского приказа был послан толмач Афанасий Буколов, а также переводчик Борис Богомольцев, о чем мы узнаем из его последующей челобитной [Оборнева, с. 59].

Во время первого пребывания Макария Антиохийского в России наиболее важную роль в сопровождении патриарха и его свиты играл переводчик Посольского приказа Борис Богомольцев, который участвовал в подготовке посещения патриархом Троице-Сергиевой лавры и Звенигорода, а также толмачи Иван Селунский и Дмитрий Остафьев (сопровождавшие вместе с Борисом Богомольцевым первосвятителя в лавру), Николай Костюрский и Афанасий Буколов. Павел Алеппский сообщает о приставленном к ним переводчике следующее: «У царя есть люди, освободившиеся из плена, кои знают нашу страну по пядям, как и весь свет. По этой причине они делаются переводчиками. При нас постоянно был один из них, знающий двенадцать языков: арабский египетского наречия, турецкий, греческий и франкский; а родом он московит»[2]. В этом отрывке используется слово tarǧumān, чаще обозначающее устного переводчика. Можно не сомневаться, что речь идет о толмаче Посольского приказа Афанасии Буколове, так как никто в Посольском приказе, насколько это ясно из документов, не мог знать вместе с греческим языком арабский. Этот незаурядный человек, попав в плен, был выкуплен с галер самим александрийским патриархом Герасимом, а после служил у греческого купца, торговавшего с Египтом и Константинополем, благодаря чему мог выучить арабский, греческий и турецкий языки, возвращению же его на родину способствовал голландский капитан, который доставил бывшего пленника из Венеции в Амстердам: во время путешествия бывший пленник мог выучить «франкский» [Фаизов]. Свидетельство Павла Алеппского может вызвать некоторое сомнение, но проживший три с половиной месяца в Венеции Афанасий в конце своей жизни именуется специалистом по греческому, турецкому и итальянскому языкам.

Для сопровождения до Путивля, к патриарху, как и при встрече, был назначен переводчик и толмач: «Нам назначили переводчика и толмача сопровождать нас до границы земли казаков» (в этом месте используются оба термина: tarǧumān и bārīfūǧīkūs) [Петрова, с. 268]. Документы РГАДА говорят нам, что в обратный путь первосвятителя антиохийской церкви сопровождали переводчик Дементий Чернцов и толмач Афанасий Буколов.

[1] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 241.
[2] Там же. С. 320.

Кроме этих двух терминов, в сочинении Павла Алеппского используется причастие от глагола fassara — mufassir в тех контекстах, где переводчик — не государственный чиновник, а переводчик литературы: «У них есть переводчики из греков, которые переводят одну (книгу) за другой» [Петрова, с. 268].

Таким образом, наши наблюдения позволяют выявить, о каких переводчиках и толмачах идет речь в сочинении Павла Алеппского, а информация, известная сыну антиохийского патриарха Макария, дополняет биографические сведения о переводчиках Посольского приказа.

Литература

Оборнева Э. Е. Переводчик Посольского приказа Борис Богомольцев (1624–1673 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 50–61.
Петрова Ю. І. Лексеми «переклад», «перекладач» в арабо-християнському рукописі XVII століття // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Україна і світ: діалог мов та культур» 29–31 березня 2017 року. Київ, 2018. С. 266–269.
Фаизов С. Ф. Хождение за три моря Афанасия Букалова // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 86–88.

М. П. Одесский (РГГУ)

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Положение Ю. Крижанича (1618–1683) в истории мысли уникально. Его систему некорректно отождествлять ни с «иллирийской идеей» XVII в. (Мавро Орбини), ни ретроспективно с классическим панславизмом XIX в. С одной стороны, Крижанич может быть отнесен к русской культуре XVII в., пересекался с другими интеллектуалами (Ф. М. Ртищевым, Епифанием Славинецким, Симеоном Полоцким, даже мимолетно — с протопопом Аввакумом) и обращался к общим с ними темам. С другой, он — «чужой». Католик, который если со временем и отказался от идеи объединения церквей, то не показывал и желания перейти в православие. Не русский: «сербенин города Бихача» (по собственному определению, по современной классификации — хорват), стремившийся служить царю Алексею Михайловичу, но не отказавшийся от служения общему славянскому делу и в конце концов оставивший Россию. Наконец, он — оригинальный мыслитель: по характеристике католического начальства — «голова сумбурная и экстравагантная до невозможности». Все это обуславливает особое место его идейных конструкций, в том числе этногенетических, которые полностью в эпоху Алексея Михайловича не вписываются.

Как известно, для Крижанича русское дело — часть славянского, которому он был верен всю жизнь. Он анализировал опыт не только русского народа, но и других, а политически мечтал, чтобы Русское господарство заботилось о братьях-славянах. Однако столь же известно, что Крижанич, в сочинении «Граматично изказанје об Руском језику» выделяя «вь нашем народу» шесть «льудств» и языков (русский, ляшский, чешский, болгарский, сербский, хорватский), отдавал исторический приоритет русскому: «…осталним всим зачално јест льудство и јме Руско». Среди задач этого грамматического труда — борьба с искажениями, которые привносят в русский язык всякого рода иноземцы: «…ност чудо, јеже Билорусјани из калного студенца черајући, немогут нам подат чиста напоја. А про превод светих божьих и цирковних кньиг, које нам преведоше Греки, что речем?» Сам Крижанич соотносил это с актуальными спорами о книжной справе («шатост која се јест учинила дльаради кньижних преводов»), но прежде всего здесь, очевидно, следует учитывать контекст его оригинальной идеологии.

В основном оставленном на Руси сочинении «Политика» (собственно «Razgowori ob wladatelystvw») Крижанич предложил царю Алексею Михайловичу обширную программу реформ. Могущественное государство должно опираться на современные технические достижения, но — в определенной степени — закрыться от остального мира: «Первая причина, по которой мы подвергаемся презрению, пренебрежению и поруганию народов, — это наше невежество и наше неуважение к наукам, а вторая причина — наше чужебесие или глупость, из-за которой терпим, что чужеземцы властвуют над нами, и обманывают нас всеми способами…». Обличая «чужебесие», Крижанич даже корректировал основополагающее для европейской традиции учение Аристотеля о формах правления: к указанным древнегреческим философом извращенным формам (охлократия, олигархия, тирания) он значимо добавил «ксенархию», «чужевладство». Пропагандируемые Крижаничем реформы, которые оградят Россию от «чужебесия», касались экономики, политики, дипломатии. Так, он рекомендовал русским государям воздерживаться от

браков с представителями иностранных династий, принять титул «король», который в отличие от царя считал славянским, и т. п.

Формулируя этногенетическую концепцию, адекватную своему мировоззрению, Крижанич не прибег ни к оригинальным построениям, ни к трансплантации идей из иноземного источника. Он предпочел установку на реферативный обзор (близкий к исчерпывающему) моделей, которые уже существовали в русской культуре, и поиск наиболее подходящей среди них. Крижанич назвал и отверг (1) «басню», «будто бы наш славянский народ произошел от скифского племени или будто скифы были нашими предками и прародителями» и «будто бы Александр послал славянским князьям (Великосану, Асану и Авесхасану) письменные привилегии или жалованные грамоты», а также (2) «другую басню», «будто новгородцы посылали к варягам просить князя». С особой энергией «сербенин» призывал отказаться от этногенетических конструкций, подразумевающих претензии на (3) римское наследство. Он называет «глупой и грубой ложью», что «будто бы царь Иван или Владимир Великий происходили из рода Августа», и заявляет, что «не друг нам тот, кто зовет наше королевство "Третьим Римом"»: «Такой [человек] не желает нам ни удачи в делах, ни добра, а желает гнева Божьего, разорения и всякого зла. Ибо после разрушения этого преславного царства его название и римский герб стали злосчастными (то есть проклятыми, окаянными и сулящими неудачу). Не может исполниться пророчество Даниила, пока Римское царство не будет до конца разрушено Иисусом Христом».

Напротив, Крижанича вполне устроило «Сказание о Словене и Русе», которое содержало библейскую генеалогию легендарных родоначальников и которое было включено в несколько хронографических произведений: «Лучше и полезнее было бы следовать истине и считать, что наш язык так же стар, как и иные первоначальные народные языки, и был создан Богом при разделении языков. И тогда жил наш праотец — Словен, так же как и родоначальники иных народов, и наш народ произошел от него, а не от иного народа». Легендарная генеалогия соответствовала идее автохтонности славян (и русских), гарантируя право на самоуважение и политическую независимость.

В заключение необходимо подчеркнуть, что и представления Крижанича-грамматика о русском языке не сводимы к традиционному пуризму, будучи обусловлены этногенетической конструкцией. Утопическим идеалом Крижанича был экстравагантный синтез русского языка с другими, естественно, только славянскими (в духе позднейших проектов В. Хлебникова). Прямо наследуя библейскому Ною, русские должны мыслить себя как единое целое со славянским миром и одновременно как один из культурно-политических центров — в общем ряду с прочими великими народами.

Т. А. Опарина (РАЖВиЗ Ильи Глазунова)

СЛУЖИЛЫЕ ИНОЗЕМЦЫ ПРИ ЦАРЕ ВАСИЛИИ ШУЙСКОМ: РОТА ФЕДОРА СТАРОВСКОГО

Присутствие иностранных военных в России отмечается с XV в., когда московские правители стали приглашать для личной гвардии западноевропейцев. Впоследствии сформировалось специальное военное ведомство для иностранцев — Панский (Иноземский) приказ. В нем в количественном отношении начали преобладать иммигранты из Речи Посполитой. С конца XVI в. в Иноземском приказе появляются «греки» — выходцы из Османской империи и ее вассальных государств [Флоря, с. 59]. Полностью реконструировать их деятельность и персональный состав этого времени практически невозможно: делопроизводственные документы Панского (Иноземского) приказа погибли в пожаре 1626 г. Вызывает серьезные проблемы и воссоздание судеб «греческих» ратников в период Смутного времени. Но дошедшие косвенные источники первой половины XVII в. позволяют раскрыть участие «греков» в сражениях периода правления царя Василия Шуйского (1606–1610). Важными документами являются послужной список «грека» Афанасия Арнаута, а также свидетельства «литвинов» и «поляков», входивших в роту Федора Старовского, как и их потомков.

При царе Василии Шуйском в Иноземском приказе выходцы из Речи Посполитой и Османской империи и ее вассальных государств были объединены в единые подразделения. Известно об одном из них — конной роте поместных иноземцев Федора Старовского[1]. Большинство участников роты оказалось

[1] В этот период известен «литвин» Иван Старовский — домовладелец на Туле в 1588 г., участник восстания Ивана Болотникова (1604–1606). В настоящее время документы не позволяют говорить определенно о родственной связи этих двух людей.

в России в конце XVI в. О своем переселении при царе Федоре Иоанновиче говорили Афанасий Арнаут и Матвей Вольский, Иван Шолковский именовался «старым иноземцем».

Некоторое время поручиком в роте был Воин Остафьев Демской, с которым связано первое упоминание об этом подразделении. Его сын назвал дату 1605/1606 г.: «в прошлом в 114 году при царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Русии… был (Воин Демской. — *Т. О.*) … на государеве службе… в Федорове роте Старовского»[2].

Рота участвовала в подавлении восстания Ивана Болотникова, обосновавшегося в Калуге. Временно роту возглавил поручик Воин Остафьев Демской, сын которого так свидетельствовал об отце: «был на государеве службе под Ельцом поручиком в Федорове в роте Старовского. А как Федор Старовскои ис-под Ельца взят был к Москве, и без нево велено та рота ведать и был в ротмистрах Воину Демскому»[3]. Осада Калуги длилась с 20 декабря 1606 до начала мая 1607 г. Важным оказалось сражение на реке Вырке около 23 февраля 1607 г. под стенами монастыря Св. Николы Чудотворца. В бою погиб Воин Демской: «…и был в ротмистрах Воин Демскои. А убили иво при царе Василье под Калугою на Вырке»[4]. «Грек» Афанасий Арнаут выжил в схватке, но потерял коня, при этом сумев захватить в плен есаула восставших казаков: «Как был посылан был боярин Иван Никитич Раманов с товарыщи против воровских людеи пот Колугою к Николе Чюдотворцу на Вырку, и в те поры воровских казаков побили; и я том бою взял козачья есоула… да подо мною убили коня наповал»[5].

Следующее упоминание о роте относится к сражению в окрестностях Болхова на реке Каменке, когда правительственная армия во главе с Д. И. Шуйским была разбита восставшими. В Болховском бою (30 апреля и 1 мая (10—11 мая) 1608 г.) был смертельно ранен «литвин» Матвей Вольский. Его сын Иван смог доказать, что «отец мои Матвеи, родом литвин, выехал из Литвы блаженные памяти при государе Федоре Ивановиче… и служил государеву службу старого выезду с помесными иноземцы в Федорове роте Старовского. А убили отца иво Матвея на государеве службе при царе Василье под Болховым, как был бой на Каменке с литовскими людьми»[6]. Афанасий Арнаут остался жив и вновь взял «языка»: «А после того, как был ис-пот Тулы послан боярин князь Дмитреи Иванович Шуискои под Болхов, и была посылка ис-под Болхова на Каменку против литовских людеи, и я с литовскими людьми бился и взял поляка Яна Батвиньева»[7].

Особой службой роты Федора Старовского стала охрана свиты Марины Мнишек, возвращавшейся в Речь Посполитую по условиям польско-русского договора. Польские пленники отправились 23 июля 1608 г. в сопровождении многочисленного эскорта. Власти усилили отряды русских дворян ротой Федора Старовского. Афанасий Арнаут мог позже с гордостью сообщить: «А как был с Москвы отпущен Седомирскои в Литву, а те поры был с ними в провожатых боярин князь Володимир Тимофеевич Долгорукои да Иван Олександрович Колтовскои, и я в те поры был в роте у Федора Старовского»[8].

Наиболее вероятно, рота приняла участие в обороне Москвы от армии Лжедмитрия II в 1608—1609 г. Безусловно, Афанасий Арнаут защищал столицу от войск Самозванца: «сидел на Москве в осаде»[9].

Из других документов известно, что в 1609 г. в роту Федора Старовского входили «московские иноземцы» Тугарин Семенов и Федор Васильев сын Хвостов[10]. Не совсем ясно, в какое время находился в роте «старый иноземец» Иван Шолковский. Около 1615 г. он утверждал: «Служил яс, холоп твой, твои царские службы [с] своею братьею с иноземцы с Москвы в роте Федора Старовского»[11]. Уехав в свое поместье в Белозерском уезде, он был пленен отрядом бунтующих казаков, которые отправились грабить Русский Север. Иван Шолковский присоединился к ним, был пойман и предстал перед судом, где давал показания о своих предшествующих службах.

Точных сведений о прекращении деятельности Федора Старовского нет. Безусловно, в 1618 г. ротмистром Афанасия Арнаута, сумевшего пережить все перипетии Смуты, был Николай Любомирский[12]. Можно предположить, что к этому времени Федора Старовского уже не было в живых.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 48. Л. 12—13.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 48. Л. 11а—12.
[4] Там же.
[5] РГАДА. Оп. 9. Ф. 210. Оп. 14. Стб. 1. Ч. 3. Л. 997.
[6] РГАДА. Оп. 9. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 799. Л. 135—138.
[7] РГАДА. Оп. 9. Ф. 210. Оп. 14. Стб. 1. Ч. 3. Л. 998.
[8] Там же.
[9] Там же. Л. 999.
[10] Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV—XVII вв. / Подг. Цепков А. И. Рязань, 2005. Т. II. С. 298.
[11] Документы о восстании 1614—1615 гг. / Подг. А. Л. Станиславского // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 285—307.
[12] Осадный список 1618 г. / Подг. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов, И. Граля // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2009. Т. VIII. С. 77.

Таким образом, сохранившиеся документы позволяют выявить имена ротмистра, поручика и некоторых рядовых ратников этого польско-литовско-греческого подразделения. Они воевали плечом к плечу с ротами западноевропейцев — «старых поместных» иноземцев. Возглавлявший одну из них ротмистр Денис Фонвизин готов был подтвердить свидетельства сыновей погибших воинов роты Федора Старовского. Служилым иноземцам пришлось преодолевать все трудности Смутного времени.

Литература

Флоря Б. Н. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI — начало XVII в.) // Освободительные движения на Балканах. М., 1978. (Балканские исследования. Вып. 3). С. 58—89.

С. П. Орленко, Е. В. Когут (Музеи Московского Кремля)

КВАЗИДОСПЕХ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ XVII в.

В собрании Музеев Московского Кремля хранится ряд удивительных и загадочных предметов, которые до сих пор являются источником недоумения и жгучего интереса исследователей. Все они условно могут быть отнесены к защитному вооружению, однако история их создания и подлинное назначение по сей день представляют собой неразгаданную тайну.

Безусловно, самым известным из этих предметов является русский тарч XVII в. (Инв. № Ор-887). Предмет состоит из круглого стального щита и наруча, смонтированного в центре, перпендикулярно полю. На тыльной стороне латной рукавицы сохранилось крепление для клинка (ныне утраченного). Впервые тарч упомянут в Переписной книге царской оружейной казны 1687 г. Сведений о существовании в русском средневековом войске такого предмета вооружения, внятных его описаний и документированных эпизодов боевого применения не выявлено. Не имеющий прямых аналогов, весьма импозантный по своему внешнему виду предмет неизменно привлекал к себе внимание.

Начиная с 30-х годов XIX в. в различных изданиях, посвященных отечественной истории, древним достопамятностям, вооружению русского войска, публикуются как изображения тарча отдельно, так и русских воинов XVI—XVII в., вооруженных тарчем. В итоге не только у широкой публики, но и у специалистов сложилось устойчивое мнение о существовании в арсенале русских воинов тарчей — редкого и ограниченного по условиям боевого применения образца комбинированного защитно-наступательного вооружения, дошедшего до нашего времени в единственном экземпляре в собрании Оружейной палаты.

В собрании Музеев Московского Кремля хранится еще один весьма необычный предмет, попадающий в категорию «оружейная экзотика». Это железная шляпа с одним отогнутым вверх полем (Инв. № Ор-4673). В музейном инвентаре предмет атрибутирован как «Западная Европа, XVI век». Однако ряд нюансов указывает на московское происхождение этой странной вещи. Она описана в Переписной книге 1687 г.: «Шляпа сделана ис свитских (шведских. — *С. О., Е. К.*) досок...». В XVII столетии Россия «свитское железо» в прутах и досках в больших количествах закупала для нужд придворной оружейной мастерской. Каким-либо образом определить, что вещь откована именно из шведского доскового железа, а не иного, в XVII в. было практически невозможно. Такая информация могла попасть в документы Оружейной палаты только при изготовлении вещи в стенах этой мастерской.

В коллекции конского убранства Музеев Московского Кремля хранится интересный экспонат, записанный как «голова конская» (Инв. № Ор-6163). Железный, состоящий из нескольких частей, с тканевым подбоем предмет рассматривался как часть конского доспеха. В музейном инвентаре место и время создания предмета не бесспорно определено как «Западная Европа, XVII в». Впервые вещь описана в Переписной книге оружейной казны 1687 г.

Необходимо отметить, что все три вышеупомянутых предмета можно соотнести с некоторыми образцами западноевропейского защитного вооружения. Так, тарч из собрания Оружейной палаты напоминает редкий тип западного щита, имевшего ограниченное боевое применение, — так называемый «траншейный рондаш» (единичные экземпляры хранятся в собраниях музеев Парижа, Вены, Брюсселя). В собрании Музея Армии в Париже хранятся несколько боевых наголовий, выполненных в форме шляпы и датированных 30-ми годами XVII в. Конская «железная голова» подобна западноевропейским шанфронам — элементам доспеха, защищавшим голову (преимущественно лобовую часть) лошади.

Вместе с тем все перечисленные предметы из собрания Музеев Московского Кремля имеют ряд существенных конструктивных отличий от своих западноевропейских аналогов. Другой важной чертой

вещей из кремлевского собрания является их чрезвычайно большая масса. Согласно сведениям описи Оружейной палаты конца XIX в., вес тарча составляет около 8 кг, железной шляпы — более 3 кг, а конской головы — 6,5 кг. Такой вес делает функциональное использование этих предметов крайне затруднительным или вовсе невозможным. Кроме того, все три предмета роднит между собой некоторая грубоватость исполнения.

Таким образом, мы можем констатировать наличие в собрании Музеев Московского Кремля небольшой группы необычных предметов, которые уместно охарактеризовать как «квазидоспех». Весьма актуальным остается вопрос о происхождении и назначении этих вещей.

Руководство Оружейной палаты, стремясь компенсировать потери, понесенные кадровым составом придворной оружейной мастерской от московской чумы 1654 г., активно набирало новых мастеров на западных землях, отвоеванных у Речи Посполитой. В числе ремесленников наряду с поляками, белорусами, русскими были и выходцы из Западной Европы. Среди этих специалистов документы архива Оружейной палаты фиксируют присутствие на службе в 1656–1660 г. бронника — «немчина» Петра Ушмана (Умшана) и двух «французан» Ивана Кощуна и Гадиана Савостьянова. О последнем известно, что он прибыл из Вильно. Еще один мастер-«немчин» — Юрий Бой — поступил в Оружейную палату после службы на тульском «железном заводе».

Всех четверых объединяет крайне непродолжительный срок работы в придворной оружейной мастерской. Ни один из них не прослужил в Оружейной палате существенно более двух лет. Причин тому могло быть немного: смерть или отставка в связи с болезнью, тяжкий проступок или причастность к преступлению и, разумеется, неудовлетворительный уровень квалификации. Еще один вариант — перевод мастера в другое ведомство.

Возможно, кому-то из вышеперечисленных оружейников принадлежала идея удивить «московитов» невиданным, экзотическим предметом наподобие траншейного щита, для большего эффекта смонтировав наруч с клинком перпендикулярно полю. Такого же рода диковинными для русских людей образцами «доспеха» явно задумывались железная шляпа и «голова конская». Чрезвычайно высокая оценка железной конской головы — 100 рублей — говорит о том, что на каком-то этапе этот замысел увенчался успехом.

А. В. Орлова (МГУ)

О НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ГЛАГОЛА **КЛѦТИСѦ** (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТОВ ИЗ «СЛОВА О РАССЛАБЛЕННОМ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО И ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТИИХ)

В употреблении древнерусского глагола **клѧти(сѧ)**, восходящего к праславянскому **klęti, *klьnǫ (sę)*[1], существует достаточно четкое, хотя и не абсолютное, распределение. При наличии частицы **с** для него характерно значение ‘клясться, присягать’, при ее отсутствии — ‘проклинать, осуждать’[2]. Такое распределение связано с тем, что исходный смысл клятвы — это проклятие, адресованное самому себе [Толстая, с. 275]. В древности проклятие выступает как неотъемлемый элемент клятв, представляя собой гарантию выполнения обещанного или верности сказанного и демонстрируя идею наличия силы, способной наказать клятвоотступника.

В «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского, основанном на эпизоде об исцелении расслабленного при купальне Вифезда в субботу (Ин 5: 1–15), мы встречаем необычное употребление глагола **клѧтисѧ**, которое по-разному описывается в исторических словарях: **ꙁнаѥмиі мои гноушаютьсѧ мене... || ...вси ѹ҆лвци мною кленутсѧ, а ѹ҆тѣшающего не ѡбрѣтохъ... лежю притча к наказанью; мною вси глумѧтсѧ.** (КТур XII сп. XIV, 37–38)[3]. В Словаре русского языка XI–XVII в. представлено значение ‘гнушаться’[4], то есть ‘брезговать, чуждаться, испытывать чувство неприязни’, в то время как авторы Словаря древнерусского языка XI–XIV в. определяют значение этого слова как ‘проклинать, осуждать’[5].

Данную фразу произносит сам расслабленный, который, по мысли Кирилла Туровского, символизирует человечество, освобождающееся через Христа от первородного греха: **въстани и возми**

[1] Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1983. Вып. 10. С. 39.
[2] Там же; Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1991. Т. 4. С. 228–229; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 193.
[3] Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1991. Т. 4. С. 229.
[4] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 193.
[5] Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1991. Т. 4. С. 229.

ѡдръ свои, да слышить мѧ Ѧдамъ, и ѡбновиться нынѧ с тобою ѿ истьлѣныꙗ, в тобѣ бо перваго преступленыꙗ Ѥвжину клѧтву исцѣлѧꙗ. (КТур (С.) XII сп. XIV в.)[6]. По всей видимости, составители Словаря русского языка XI–XVII в. исходят из того, что глагол **клѧтисѧ** дублирует семантику предыдущего глагола — **гнѹшатис**. Однако для слова **клѧтисѧ** значение 'гнушаться, брезговать' не является характерным. Поэтому более точным следует признать определение, предложенное в Словаре древнерусского языка XI–XIV в., — 'проклинать, осуждать'. При этом остается непонятным, почему здесь представлена форма **кленѹтсѧ**, а не более ожидаемая в данном случае — **кленѹтъ**.

Подобное употребление глагола **клѧтисѧ** встречаем и в цитате из 101-го псалма (Пс 101: 9) в составе Великих Миней Четиих: **И еже:** «**Всѧ дни поношахѹ ми врази мои, и хвалѧщеи мѧ мною клехѹсѧ**» (ВМЧ, Дек. 24, 1984) (Картотека древнерусского словаря). Данная цитата является фрагментом «молитвы страждущего, когда он унывает и изливает перед Господом печаль свою» (Пс 101: 1), которая символизирует состояние еврейского народа во время Вавилонского плена. Как мы видим, в Великих Минеях Четиих, так же как и в «Слове о расслабленном», представлено словосочетание **клѧтисѧ мною**. А. П. Лопухин комментирует этот фрагмент следующим образом: «Трагическая судьба еврейского народа сделала последнего предметом клятвы для других. Когда кому-либо желают высказать зложелания, то ничего не находят более выразительного, как сказать "пусть будет с тобою, как совершилось с евреями"» [Лопухин, с. 330].

На наш взгляд, проклятия, представленные в «Слове о расслабленном» и в 101-м псалме, иллюстрируют в рамках классификации Кристофера Фараона, приводимой Б. Кентом в статье «Проклятия в Деяниях: слушая Апостольские осуждающие речи в сопоставлении с текстами магических заклинаний»[7], третий тип проклятий, а именно: аналогии с чем-либо, часто с использованием особых фигурок. «Предполагалось, что жертва должна принять атрибуты этого объекта. Например, "Как холоден этот предмет, пусть X станет таким же холодным"» [Kent, p. 418]. Однако в данном случае аналогия проводится не с каким-либо предметом, а с человеком, чье положение вызывает отторжение, страх, чувство брезгливости. Так, для окружающих очевидно, что болезнь расслабленного и страдания нищего, символизирующего еврейский народ, являются карой Господней (Божьим проклятием), поэтому люди, с одной стороны, опасаются и избегают их, а с другой — используют их образ в своих клятвах как наказание, которое грозит обрушиться на них при невыполнении обещанного такого же рода болезнью и отвержением других людей. Окружающие при клятве буквально проклинают себя образами расслабленного и страждущего, что свидетельствует об актуализации в данных фрагментах исходного смысла глагола **клѧти(сѧ)**.

Таким образом, на основе проанализированного материала мы приходим к выводу, что в указанных фрагментах представлено «проклятие по аналогии», которое сопровождается актуализацией внутренней формы глагола **клѧти(сѧ)**, в связи с чем его значение должно быть уточнено: 'клясться, используя в качестве меры воздействия, наказания образ проклятого'.

Литература

Лопухин А. П. Толковая Библия: в 12 т. СПб., 1912. Т. 4.
Толстая С. М. Из лексики древнего славянского права: *klętva, *rota, *prisęga, *věra // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург, 2015. С. 274–276.
Kent B. H. M. Curses in Acts: Hearing the Apostles' Words of Judgment Alongside 'Magical' Spell Texts // Journal for the Study of the New Testament. 2017. Vol. 39 (4). P. 412–440.

[6] *Сухомлинов М.* Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858. Т. II. С. 40.
[7] Здесь и далее перевод с английского выполнен нами.

О. В. Панченко (ИРЛИ РАН)

ЖИТИЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА В СОСТАВЕ СОЛОВЕЦКОГО ПАТЕРИКА И В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII–XIX В.[1]

Занимаясь исследованием житий соловецких святых, входящих в состав Соловецкого патерика (РНБ. Соф. № 452), мы пришли к выводу, что текст Жития митрополита Филиппа в этом сборнике относится к особой редакции, не выделенной ранее исследователями. Как показало дальнейшее ее изучение,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00845 «Памятники поздней соловецкой агиографии (XVII–XIX вв.): текстологическое исследование».

она была создана на Соловках около 1635 г. специально для *второго* «соловецкого житийника», включавшего службы и жития митрополита Филиппа и Германа Соловецкого. Создателем ее, как нам удалось установить, был соловецкий уставщик Никодим (также известный в древнерусской книжности как Никодим Типикарис). Взяв за основу текст Тулуповской редакции Жития, он существенно его выправил и распространил отдельные сюжетные мотивы, создав таким образом его новую стилистическую редакцию.

Это неожиданное открытие неизвестного ранее этапа в литературной истории Жития побудило нас провести новое исследование взаимоотношений его редакций, результаты которого существенно отличаются от выводов, представленных в монографии И. А. Лобаковой [Лобакова, с. 144–146]. Само исследование будет опубликовано в 67-м томе ТОДРЛ, здесь же приведем лишь наиболее значимые его результаты.

Главный из них относится к установлению текста первоначальной редакции Жития, который, как показывает проведенный нами текстологический анализ, представлен в Тулуповской редакции. Мнение И. А. Лобаковой о близости к архетипу текста Краткой редакции следует признать ошибочным [Лобакова, с. 40, 144]. По сути Краткая редакция является лишь простым сокращением Тулуповской. Отсутствие в ней обширных поучений митрополита Филиппа царю (заимствованных из «Поучения Агапита») вовсе не говорит о первичности ее текста. О том, что в протографе Краткой редакции эти поучения все же читались, свидетельствуют многочисленные текстологические «швы», сохранившиеся в ее тексте. Сокращая текст своего источника, составитель Краткой редакции последовательно замещал в ней каждый из монологов митрополита Филиппа фразой о том, что в этом месте святой произнес поучение «от Божественного Писания». Например: «Святый же Филиппъ... просвѣтися душею и укрѣпися сердцемъ, начатъ царю глаголати многая от Божественнаго Писания»; «И посемъ многая словеса от Божественнаго Писания изрече»; «И паки многая предлагаше от Божественнаго Писания»; «И ина многа изрекъ». Эти и подобные фразы-«заместители» встречаются в Краткой редакции множество раз, маркируя все те места, где в ее протографе читались поучения св. Филиппа.

Протографом же Краткой редакции, как показывает сопоставление разночтений, послужил текст Румянцевского списка Тулуповской редакции (РГБ. Ф. 256. № 361), который сам по себе является поздним компилятивным списком, созданным в конце 1630-х годов. Переписчик его сверял текст Тулуповской редакции с Никодимовской (ок. 1635 г.), заимствуя из нее отдельные чтения.

Точнее время создания Краткой редакции может быть отнесено к эпохе после перенесения мощей святителя Филиппа в Преображенский собор (в 1646 г.), поскольку о месте их первоначального погребения в монастыре (в подклете собора) в ней сказано как о давно прошедшем событии: «...ту *бѣ* и мощи его *положены*, егда от заточения принесены». В то же время в более ранней Тулуповской редакции (начала XVII в.) о том же месте погребения мощей святителя сказано еще в настоящем времени: «... идѣже *нынѣ лежат* честныя его мощи, от заточения принесены».

Несомненно вторичным является текст и другой редакции Жития – Колычевской (вопреки мнению Г. Г. Латышевой, считавшей ее первичной [Латышева, с. 31]). Одним из основных доказательств ее вторичности по отношению к Тулуповской является то, что в Колычевской был увеличен сонм соловецких святых: к «двоице» Зосимы и Савватия было добавлено имя Германа. Это могло произойти не ранее 1627 г., когда в Соловецком монастыре были обретены мощи «блаженного старца» Германа, после чего его также стали именовать «преподобным». Таким образом, время создания Колычевской редакции относится к периоду после 1627 г.

Итак, первоначальной является Тулуповская редакция Жития. Напомним, что такое же мнение высказывали ранее В. О. Ключевский [Ключевский, с. 312], Р. Г. Скрынников [Скрынников, с. 279] и В. А. Колобков [Колобков, с. 77–89]. Но приведенные ими аргументы были все же недостаточными.

Главная сложность в решении основной текстологической задачи нашими предшественниками была связана с неразличением ими текстов двух близких редакций: Тулуповской и Никодимовской (последняя лишь недавно была выделена нами). Вместо Тулуповской они ошибочно привлекали для сопоставления текст Никодимовской редакции, что существенно затрудняло анализ разночтений. Более того, в монографиях И. А. Лобаковой и В. А. Колобкова под именем «Тулуповской» был опубликован текст именно Никодимовской редакции, а текст Тулуповской приведен лишь в разночтениях. Чтобы избежать дальнейшей путаницы, нами подготовлена новая публикация текстов обеих редакций по спискам, соответствующим их названиям: Тулуповской – по списку Германа Тулупова (РГБ. Ф. 304/I. № 694) и Никодимовской – по списку четьей минеи Никодима Типикариса (РНБ. Сол. № 815/925).

В заключение скажем несколько слов и о предполагаемом авторе Жития. Как нам представляется, имя его сохранилось в древнейшем списке Тулуповской редакции (РНБ. Сол. № 971/1081), который

был создан, судя по филиграням, в начале XVII в. Внизу его заглавного листа читается фраза, написанная тайнописью: «Spisano inokom Warfolomieem gьjtelipondo (?)». И хотя расшифровать последнее слово нам не удалось, имя автора Жития читается в ней совершенно ясно: «Списано иноком Варфоломѣем...». (Напомним, что подобным образом — на нижнем поле заглавного листа — указывалось и имя автора Жития Зосимы и Савватия в ранних его списках: «Списано бысть Спиридоном, митрополитом Киевским».)

О том, что здесь речь идет именно об авторе, говорит древность этого списка (близкого ко времени создания самого Жития), а также то, что текст его выполнен тремя почерками, что позволяет сразу отвергнуть версию, будто указанная запись может иметь отношение к писцу этой рукописи.

Кем же был этот инок Варфоломей, названный в древнейшем списке Жития «списателем» (то есть сочинителем) этого произведения? Согласно составленной мной картотеке книжников Соловецкого монастыря, им, вероятнее всего, был инок Варфоломей Коноплев, который в 10-е годы XVII в. был ближайшим сподвижником другого соловецкого книжника — соборного старца Иоасафа, ставшего впоследствии Московским патриархом (1634–1640). В 1636 г., уже в патриаршество самого Иоасафа, Варфоломей Коноплев был произведен в игумены Соловецкого монастыря. В том же году по благословению патриарха была издана Служба митрополиту Филиппу, что по сути свидетельствовало об официальном прославлении святого.

Таким образом, в патриаршество Иоасафа и в игуменство Варфоломея Коноплева состоялось прославление опального святителя, чему, по-видимому, каждый из них немало способствовал. В том случае, если автором Жития митрополита Филиппа действительно был Варфоломей Коноплев, время создания этого сочинения следует относить к началу XVII в.

Литература

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.
Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 30–62.
Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.
Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники Русской Церкви. Новосибирск, 1991.

А. Д. Паскаль (РГБ)

ОБ ОШИБОЧНОЙ АТРИБУЦИИ МИНЕИ СЛУЖЕБНОЙ, НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ, ОИДР 337 КАК ПАМЯТНИКА ЭПОХИ СТЕФАНА ВЕЛИКОГО

Рукописный список Минеи служебной, ноябрь — декабрь, с датировкой ее XV в. из бывшего собрания Общества истории и древностей российских (РГБ. Ф. 205. № 337) стал известен исследователям из каталога Е. И. Соколова, опубликовавшего также впервые тексты рукописной пометы безымянного монаха на л. 187 о пожаре 1536 г. в молдавском монастыре Путна и о реставрации кодекса в 1722 г. игуменом Михаилом [Библиотека, с. 22–36].

Эти данные использовал в 1960 г. Эмиль Турдеану, опубликовав перевод пометы на французский язык и включив на основании датировки Е. И. Соколова данную Минею в перечень литературных памятников эпохи Стефана Великого [Turdeanu, p. 63–64]. В 1963 г. к тексту пометы обратился Александру Гонца, опубликовав работу о первой больнице в монастыре Путна, также приняв датировку Е. И. Соколова [Gonța, p. 251–252]. Составители вышедшего в 1986 г. «Предварительного списка славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» оставили датировку Е. И. Соколова [Предварительный список, № 857, с. 116], как и Раду Константинеску в своем труде, опубликованном в том же году [Constantinescu, p. 110, № 564].

К XV в. рукопись была отнесена румынской исследовательницей в работе о рукописях из монастыря Путна [Szekely, с. 157, 165 (№ 6)], а к 70-м годам XV в. — Валентиной Пелин в составленном ею репертуаре рукописей времени Стефана Великого [Pelin, p. 315, № 70]. Датировка Е. И. Соколова вошла и в Сводный репертуар Выдржыла Кындя [Cândea, p. 204, № 460]. Наконец, румынский славист Стефан Горовей, публикуя текст записи о пожаре по транслитерации, оставляет временем создания рукописи XV в. [Gorovei, p. 117–118].

Однако непосредственное изучение данного списка Минеи показывает, что на самом деле рукопись датируется последней четвертью XIV в. (вод. зн.: 1) Кораблик, очень близок: Piccard, № 156030 — 1376 г.; 2) Козел, знак двух разновидностей, очень близки: Mošin, № 1662 — 1383 г. и Briquet, № 2836 — 1375, 1379 г.; 3) Раковина, знак очень близок: Briquet, № 4499 — 1375 г.; 4) Лук со стрелой, знак двух разновидностей, очень близки: Moin, № 412 — 1375—1376 г. и № 428 — 1375/1390 г.), что исключает ее из круга оригинальных памятников, созданных во времена воеводы Стефана Великого и тем более — во времена создания монастыря Путна (1466—1470).

Сохранившиеся же в ней записи о пожаре и о реставрации кодекса свидетельствуют лишь о том, что рукопись с 1536 по 1722 г. действительно находилась в этом монастыре. Возможно, пребывание этого списка Минеи в стенах обители имеет и более раннюю историю, но достоверных подтверждений сам рукописный кодекс об этом нам не дает.

Использовался ли этот список Минеи в монастыре Путна как образец или источник для переписки текстов Миней, ноябрь — декабрь? Скорее всего, нет, так как мы не знаем списка Минеи, ноябрь — декабрь, достоверно переписанного в монастыре Путна в XV—XVI в.

Использовался ли этот список Минеи в монастыре Путна как часть минейного богослужебного круга в ноябре — декабре? Возможно, лишь частично — для месяца декабря, так как известен список Минеи служебной, ноябрь, написанной в 1467 г. в монастыре Нямц монахом Касианом для монастыря Путна по поручению воеводы Стефана Великого (Монастырь Путна. Музей. Инв. № 557.III). Это позволяет, конечно, предполагать, что рукопись № 337 из собрания ОИДР могла входить в состав полного комплекта Миней, созданного во времена основания монастыря, однако такое предположение требует поиска все же более основательных аргументов.

Возникающий же при новой датировке естественный вопрос о происхождении данного списка Минеи (его правописание — среднеболгарское со следами сербского оригинала, текст акцентирован) требует отдельного специального изучения, так как в современном славяноведении отсутствуют общепризнанные и безусловные критерии отнесения по своему происхождению к молдавским славянских рукописных книг для времен до начала деятельности известного каллиграфа и писца Гавриила Урика из монастыря Нямц (1413—1450) [Паскаль, 2018, с. 367—368, примеч. 10], с именем которого связано появление и в дальнейшем господство тырновской (среднеболгарской) орфографии в рукописной традиции Молдавского княжества [Турилов, с. 139—140; Паскаль, 2019].

Литература

Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских. Вып. 2. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. вкл. / Труд Е. И. Соколова. М., 1905.

Паскаль А. Д. О рукописном наследии молдавского книжника Гавриила Урика из монастыря Нямц // Istorie şi cultură: In honorem academician Andrei Eşanu. Chişinau, 2018. С. 343—375.

Паскаль А. Д. Вопросы происхождения древнейших кириллических рукописей, найденных на территории Румынии, в современной румынской историографии // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика-2. М., 2019. С. 234—259.

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.

Турилов А. А. Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 139—168.

Cândea V. Mărturii româneşti peste hotare: creaţii româneşti şi izvoare despre români în colecţii din străinătate. Serie nouă. IV. Polonia – Rusia. Bucureşti, 2012.

Constantinescu R. Manuscrise de origine românească din colecţii străine: repertoriu. Bucureşti, 1986.

Gonţa A. I. Studii de istorie medievală, texte selectate şi pregătite pentru tipar de Maria Magdalena Székely şi Ştefan S. Gorovei; cu un cuvânt înainte de Ioan Caproşu. Iaşi, 1998.

Gorovei S. Egumenii Putnei (secolele XV—XVII). Capcane false, controverse inutile // Analele Putnei. 2012. VIII. 1. P. 93—124.

Pelin V. Manuscrise din domnia lui Ştefan cel Mare. II // Analele Putnei. 2008. IV. 2. P. 249—325.

Szekely M. M. Manuscrise răzleţite din scriptoriul şi biblioteca Mănăstirii Putna // Analele Putnei. 2007. III. 1. P. 153—179.

Turdeanu É. L'activité littéraire en Moldavie à l'époque d'Étienne le Grand (1457—1504) // Revue des Études Roumaines. 1960. V—VI. P. 21—67.

А. А. Пауткин (МГУ)

К ВОПРОСУ О ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПОХВАЛЫ ВЛАДИМИРУ ВАСИЛЬКОВИЧУ ВОЛЫНСКОМУ

Волынская летопись XIII в. представляет собой наглядное свидетельство проявления средневековой поэтики «готового слова». В повествовании о болезни и смерти Владимира Васильковича важную роль играют заимствования не только из «Слова о Законе и Благодати» Илариона, но и из киевского великокняжеского летописания второй половины XII в. При создании пространной похвалы князю планомерно, в определенной хронологической последовательности использовались элементы некрологов Ростиславичам. Они послужили фондом смысловых и вербальных топосов (молитва, плач, похвала). Через заимствованные фрагменты так называемой Киевской летописи 1198 г. в волынский текст проникли и выражения, восходящие к Александрии Хронографической (Т. Л. Вилкул называет их «микрозаимствованиями»). Их следует считать вторичными.

Оригинальное повествование о княжении Владимира Васильковича, дополненное целым собранием фрагментов произведений XI–XII в. и актуализирующее разновременные источники, — свидетельство стремления искусного волынского летописца конца XIII в. заявить о себе как о наследнике киевской книжной традиции. Возникший под его пером комплексный текст по-своему подытоживает и завершает целую литературную эпоху.

М. В. Печников (ЦНЦ ПЭ)

«СПИСАНИЕ» СТЕФАНА ПЕРМСКОГО ИЛИ «ПОСЛАНИЕ» ПАТРИАРХА АНТОНИЯ?

Памятник церковно-полемической литературы, представляющий собой наиболее обширное произведение, посвященное обличению отлученных от церкви стригольников, давно привлекает внимание исследователей, которые черпают из него основные сведения о взглядах представителей этого новгородско-псковского движения.

Большинство списков произведения относится к XVI в. (старший в «митрополичьем формулярнике» начала XVI в. — ГИМ. Син. 562. Л. 304 об.–315) и приписывает авторство константинопольскому патриарху Антонию IV (1389–1390, 1391–1397), представляя произведение в качестве грамоты последнего в Новгород[1]. А. В. Горский и К. И. Невоструев обнаружили список ГИМ. Син. 700 (Л. 280–298, конец 20-х — первая половина 30-х годов XVI в. или середина XVI в.), который содержит в заглавии имя первого пермского епископа, известного миссионера свт. Стефана (1383–1396) («А сие списание от правила святых апостол и святых отець дал владыце наугородцкому Алексею Стефан владыка Перемыскыи на стриголникы») и представляет собой особую редакцию памятника [Горский, Невоструев, с. 303]. Исследователи отметили, что во вводной части «послания Антония» архиепископ Суздальский Дионисий оказывается посланным в Новгород не патриархом Нилом в 1382 г.[2], а Антонием, который стал патриархом после 1385 г., когда Дионисий умер. Кроме того, текст обеих редакций содержит невероятную для послания патриарха фразу «его же митрополита освятить нам патриарх, того вси чтем, яко Христова наместника», а также ссылку на Киево-Печерский патерик с упоминанием Антония и Феодосия Печерских[3]. Возражения митрополита Макария (Булгакова) [Макарий (Булгаков), с. 485–486] следует признать неудачной попыткой вернуться к прежней версии истории произведения. А. С. Павлов предложил датировку «Списания» 1386 г., когда Стефан Пермский приезжал в Новгород[4]. Авторство Стефана было признано большинством ученых. Только в конце XX в. Г. М. Прохоров [Прохоров, 1988; Прохоров, 1989; Прохоров, 1995] выдвинул основанную исключительно на ряде предположений гипотезу, что поучение принадлежит перу Суздальского архиепископа Дионисия[5].

[1] См., например: АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 6. С. 9–16; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 2008. № 118. С. 390–398.

[2] НПЛ. С. 378; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 326, 339; Источники по истории еретических движений XIV — начала XVI в. // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 230–234; РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Приложение. Стб. 183–188.

[3] Источники по истории еретических движений... С. 239, 242.

[4] РИБ. СПб., 1880. Т. 6. № 22. Стб. 211–212 (предисловие к публикации). О визите Стефана в Новгород см.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 347; Т. 15. Вып. 1. Стб. 151.

[5] НПЛ. С. 378; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 326, 339.

По мнению А. И. Алексеева [Алексеев, 2011; Алексеев, 2012а, с. 158–171; Алексеев, 2012б, с. 58–72], первоначальная редакция представлена «посланием Антония», которое было составлено в среде новгородского или псковского духовенства в конце XIV – первой трети XV в., при этом произведению было приписано авторство патриарха, присылавшего незадолго до этого свои грамоты в Новгород.

Исследователь, тем не менее, не оспорил наблюдения, что в совпадающей в двух редакциях основной части «Послание» имеет явно испорченные, вторичные чтения [Печников, с. 92–99]. В начальной части «Списания» с самого начала последовательно развивается тема достоинства священства и еретичества стригольников, что в «Послании» грубо нарушается компилятивной вставкой, превращающей его из полемического трактата в послание высшего церковного иерарха[6].

Включение в титул новгородского владыки Пскова, читающееся в начале всех списков «Послания», не характерно для конца XIV – первой трети XV в., оно появляется к середине XV в. Фраза обеих редакций «его же митрополита освятить нам патриарх, того вси чтем, яко Христова наместника» заставляет сомневаться в том, что «Послание» составлено новгородским церковным книжником в конце XIV – первой трети XV в.: на это время приходится период конфронтации между архиепископией и митрополией.

Напротив, обращение новгородского архиепископа Алексея (1360–1388, ум. в 1390 г.) к пермскому епископу вполне естественно для 1386 г., в условиях, когда признанный митрополит на Руси отсутствовал, новгородцы еще в 1385 г. постановили лишить митрополитов судебных полномочий в своей земле, а Стефан, глава соседней епархии, уже заслужил репутацию умелого церковного полемиста.

Заголовок Син. 700 производит впечатление раннего, появившегося до XVI в., когда Алексей, не погребенный в Софийском соборе, был уже малоизвестен, а Стефан Пермский, напротив, уже получил общерусское почитание (Житие нач. XV в.), но при этом в заголовке как святой не обозначен.

Поэтому самой обоснованной остается точка зрения, согласно которой полемический антистригольнический трактат составил и передал архиепископу Алексею святитель Стефан Пермский, указанный в заголовке текста, наиболее близком к протографу.

Литература

Алексеев А. И. О редакциях сочинения против стригольников, приписываемого патриарху Антонию или епископу Стефану Пермскому // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 6–7.

Алексеев А. И. Стригольники: Обзор источников // Вестник церковной истории. 2012. № 3/4 (27/28). С. 151–203. [Алексеев, 2012а]

Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. [Алексеев, 2012б]

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Вып. 3.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. М., 1995. Кн. 3. Отд. 1.

Печников М. В. Вторая редакция «Списания» Стефана Пермского (к вопросу о времени и месте составления) // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 90–107.

Прохоров Г. М. Дионисий // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 189–190.

Прохоров Г. М. Стефан // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 415–416.

Прохоров Г. М. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995. С. 26–29.

[6] См.: Источники по истории еретических движений... С. 236–237. Примеч.

А. В. Пигин (ИРЛИ РАН)

ПОВЕСТЬ О ХРИСТОВОМ КРЕСТНИКЕ – МАЛОИЗУЧЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ XVII в.

Повесть о Христовом крестнике (далее – Повесть) – памятник русской литературы XVII в., в котором разрабатываются традиционные для христианской словесности темы Божьего милосердия, покаяния грешника, «земной» и «небесной» справедливости. Рукописной традиции Повести было посвящено дипломное сочинение студентки Ленинградского государственного университета Г. Г. Малютиной. На основе 18 изученных списков Повести исследовательница выделила три варианта ее текста [Малютина].

Сведения о Повести не вошли в обобщающие труды по истории древнерусской литературы и в академический «Словарь книжников и книжности Древней Руси».

В докладе затрагиваются три вопроса: происхождение Повести, ее литературная история и жанровая природа.

Текст Повести представляет собой контаминацию двух сюжетов: а) Христос становится крестным отцом сына бедных, но благочестивых родителей; б) персонаж (в данном случае крестник Христа) отправляется на небеса, где вершит суд над грешниками. Первый из этих сюжетов имеет, по-видимому, древнерусское происхождение: в международных указателях сюжетов [Tubach; Uther; и др.] он не зафиксирован. В славянской фольклорной традиции этот сюжет получил и другое, по сравнению с Повестью, продолжение: Христов крестник идет к Богу в гости, по дороге ему задают вопросы, на которые он приносит ответы, отрок узнает о своей и своих родителей посмертной участи [СУС 471]. Второй сюжет — о небесных судах — проник на русскую почву из западноевропейской традиции: рассказ о том, как простой человек, обычно портной, оказался на небе и начал, подражая Богу, наказывать грешников на земле, известен по сборникам новелл и сказок XVI–XIX в. (Г. Бебеля, Я. Фрея, Й. Викрама, братьев В. и Я. Гримм и др.) [Dinslage]. При этом новеллистический шутливый колорит, характерный для европейских версий сюжета о «портном на небе», в древнерусской повести оказался утрачен. Вероятно, объединение двух указанных сюжетов произошло на русской почве в XVII в. — в период активного усвоения на Руси европейской нарративной традиции. Такая контаминация известна и по фольклорным версиям [СУС 800], но вопрос о взаимоотношениях Повести и устной легенды остается открытым.

Повесть получила распространение как в новообрядческой, так и в старообрядческой среде, чаще всего она входила в состав сборников разнообразного литературного содержания. Текстологический анализ более 30 списков Повести конца XVII – XIX в. позволил выделить пять ее редакций, взаимоотношения между которыми установлены пока предположительно.

В процессе редактирования существенной переработке подверглись все ключевые эпизоды Повести. Путь отрока в гости к крестному отцу, Христу, изображается то как смена четырех городов, с железными, серебряными, золотыми и хрустальными воротами, то как восхождение по девяти небесным сферам (под влиянием апокрифической литературы («Книга Еноха» и др.)). В одном списке на небо к Христу отправляется душа крестника, а его тело остается на земле — традиционный мотив визионерской литературы.

Большой интерес у книжников вызывал мотив небесных судов: меняется описание грехов, за которые крестник карает людей (социальная несправедливость, колдовство, преступления против семейной этики и т. д.), появляются новые важные детали в их осмыслении. Во всех вариантах текста Христос упрекает крестника в немилосердии к грешникам, возвращает его на землю и призывает к покаянию. Судьба отрока после путешествия на небо не всегда описывается редакторами. Но в большинстве списков ей уделяется пристальное внимание: отрок становится монахом и до конца своих дней живет в монастыре; или уходит спасаться в «дальнюю пустыню», потом возвращается к своим родителям, Бог забирает душу крестника в небесные палаты, а от его тела происходят чудеса исцеления. В одной редакции внимание переключается на родителей отрока: после ухода сына в далекие неведомые страны в поисках Бога они принимают постриг и становятся основателями монастыря. Таким образом, финальная часть повествования выстраивается в некоторых редакциях по законам агиографических жанров (жития святых, сказания о создании монастырей).

Местом действия в списках назван то некий город Андобург «Венгерской земли», то библейские Вефул или Вифлеем, то Магдебург «Цареградской области», то просто некий «от великих солнечных градов» «на восточной стороне» (примечательно, что нигде не назван российский город). В заглавиях содержатся ложные ссылки на книги, из которых якобы выписана Повесть: «Палестинские хроники», «Библия», «Бытие», «Великое Зерцало», «Старчество».

В жанрово-стилистическом отношении редакции Повести достаточно разнообразны: они обнаруживают связи с апокрифами, агиографией, визионерской литературой, со сказками, с «прикладами» из «Великого Зерцала», с патериковым повествованием. Одновременно Повесть может быть прочитана как притча: истинным чудом оказывается здесь не вознесение к Божьему престолу по небесам или путешествие через волшебные города с диковинными воротами, а обретение Бога через «труды и подвиги», через открытие любви к человеку как высшей ценности. Тема самозванства — отрок самовольно занимает «царский престол» Христа — открывала перед читателем широкий простор для исторических ассоциаций.

Литература

Малютина Г. Г. Из истории русской повести XVII в. «Повесть о крестном сыне» // Материалы XII Всесоюзной научной студенческой конференции. Апрель 1974 г.. Филология. Новосибирск, 1974. С. 40–42.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Dinslage S. Schneider im Himmel // Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Berlin, 2007. Bd. 12. S. 146–149.

Tubach F. C. Index Exemplorum. A Handbook of Medieval Religious Tailes. Helsinki, 1969.

Uther H.-J. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Helsinki, 2004. Parts 1–3.

Г. А. Пожидаева (ВТУ им. Щепкина)

РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ КОНДАКАРНОГО ПЕНИЯ НА РУСИ XI–XIV в.

Кондакарное пение – ранний вид пространного (мелизматического) пения, которое предназначалось по большей своей части для кафедральных соборов – Св. Софии в Киеве и Великом Новгороде, Успенском во Владимире и др. В кафедральных соборах служили высшие церковные иерархи – митрополиты, архиепископы, поэтому богослужение в них отличалось большей торжественностью и музыкальностью чина и проводилось по Уставу Великой (соборной) церкви.

Предназначение кондакарного пения для кафедрального богослужения обусловило небольшой по количеству круг его источников. Они представлены на Руси четырьмя типами: нотированными и ненотированными кондакарями, рукописями, содержащими отдельные нотированные кондакарные песнопения, а также песнопениями с вкраплением кондакарной нотации в знаменную.

Основным источником для изучения кондакарного пения являются кондакари конца XI – первой половины XIII в., нотированные кондакарной нотацией; сохранилось пять таких кодексов: Типографский, Благовещенский, Успенский, Троицкий или Лаврский и Синодальный; кроме последнего все опубликованы.

В соответствии с циклами богослужения в книге выделены минейная, триодная, октайная и вседневная части. Первые две части являются более устойчивыми, последние две более вариативны и отражают более позднее формирование песнопений этих циклов. Как полижанровая книга кондакарь кроме кондаков содержит множество других жанров: икосы, аллелуарии, ипакои, катавасии, прокимны, светильны, стихиры, тропари, припевы, Трисвятое, причастны, полиелей, а также строки других псалмов и малого славословия.

Интересную и мало изученную часть источников представляют ненотированные кондакари, сохранившиеся в двух списках: это кондакарь ОИДР XII в. и сербская копия XIV в. с русского источника. Существование источников такого рода свидетельствует об устной практике кондакарного пения на раннем этапе его развития в XII в. Вместе с тем соотношение нотированных и ненотированных кондакарей (5 и 2) показывает грамотность певчих кафедральных соборов северо-западной Руси уже с конца XI – начала XII в. и на протяжении конца XII – начала XIII в. (Новгород) и северо-восточной Руси к началу XIII в. (Ростов).

Отдельные кондакарные песнопения, нотированные кондакарной нотацией, встречаются в некоторых источниках знаменного пения; изредка они входили в службы наиболее торжественных и почитаемых праздников приходских храмов.

Наконец, сохранились источники, в которых кондакарная нотация включалась в знаменную: таковы списки ранних песнопений первым русским святым – Борису и Глебу и Феодосию Печерскому; вкрапления нельзя считать случайными, так как они повторяются в различных списках.

Кроме того, отметим вкрапления единичных кондакарных знаков в отдельных знаменных песнопениях. С одной стороны, это говорит о грамотности писцов и певчих, которые знали не только знаменную, но и кондакарную нотацию, но, с другой стороны, это показатель того, что нотации еще не освоены настолько, чтобы их различали как нотации разного предназначения. Русские кондакари нотированы сложной кондакарной нотацией, но, видимо, в более простом знаменном пении встречались такие развитые мелодические обороты, которые удобнее было записать кондакарными знаками, поэтому абсолютно строгое разделение нотаций не всегда соблюдалось. Это подтверждает и единство нотаций той эпохи как принадлежащих одной системе музыкальной письменности, и стилистическая близость

ладоинтонационного фонда знаменного и кондакарного пения, что имеет огромное значение для прочтения ранних образцов русского певческого искусства.

Смешение нотаций — знаменной и кондакарной — отмечено в Благовещенском кондакаре: музыкальная стилистика песнопений определяет применение ее различных видов.

Алфавит знаков кондакарной нотации по Типографскому уставу и Благовещенскому кондакарю совпадает в большей части, что показывает единство традиции пения и формирование нотации уже к рубежу XI–XII в. Дополнение знаков нотации в Благовещенском кондакаре показывает развитие певческой традиции и ее нотации на протяжении XII — начала XIII в.

Происхождение кондакарей относится к северным регионам Руси. Источники южнорусского происхождения, не пережив нашествия Батыя, не сохранились, хотя, несомненно, в Киеве и других городах юга Руси должны были знать кондакарное пение и должны были быть книги, содержащие этот вид пения, поскольку оно было обусловлено церковным уставом, общим для всей Руси.

Типографский и Благовещенский кондакари были написаны в Великом Новгороде, что установлено по языковым признакам северного «цоканья» (замены Ч на Ц). Кондакари Успенский, Троицкий (Лаврский) и Синодальный имеют ростовское происхождение, которое также установлено филологами. Кроме того, музыкальная палеография подтверждает их разделение на две группы: почерк в нотации сходен в двух кондакарях северо-западного региона и трех — северо-восточного.

Особенности *нотации* Типографского кондакаря показывают начальную стадию ее формирования. В более поздних списках нотация становится более стабильной, однако в дополнительных разделах Благовещенского кондакаря порой прослеживается экспериментальный характер записи, проявляющийся в смешении знаменной и кондакарной нотаций.

Певческая традиция кондакарей является единой для всех списков. Различные *музыкальные редакции* выявлены в кондаках Борису и Глебу, которые записаны в новгородских и ростовских списках, при этом ростовские редакции являются более мелодичными и напевными. Это показывает, что круг кондакарного пения развивался в XI–XIII в. и представлял живую традицию.

Несмотря на небольшое количество источников кондакарного пения, они имеют большое значение, представляя ранний корпус певческой книжности. Особенно важны они для музыковедов, но не только. Музыкантам они предоставляют материал для изучения певческой традиции и нотации раннего периода в целом, степени их самостоятельности и византийских влияний. Эти источники важны также для филологов, текстологов, археографов, историков литургики и кодикологии церковно-певческой книжности, художественного оформления рукописей и т. д. Хотелось бы обратить внимание коллег на важность комплексного изучения этих источников, обязательно включая их нотацию, что будет способствовать более глубокому изучению начального периода русской профессиональной музыкальной культуры.

С. В. Полехов, С. В. Городилин (ИРИ РАН)

К ВОПРОСУ О ПСКОВСКОЙ КУПЛЕ КНЯЗЯ СКИРГАЙЛА

В докладе рассматривается известная купчая князя Скиргайла у Пскова, опубликованная Л. М. Марасиновой. Уникальность акта обусловлена как содержащимся в нем единственным упоминанием о связи этого литовского князя с Псковом, так и тем, что это один из двух известных (наряду с пожалованием Якову Голутиновичу) примеров того, как псковское городское сообщество распоряжалось земельными участками. Наблюдения, связанные с системой материального обеспечения и землевладения князей в Пскове, ее сходствами и различиями с новгородской, а также рассмотрение биографии князя Скиргайла Ольгердовича в контексте внутриполитического развития и международного положения Великого княжества Литовского позволяют датировать куплю 1380 или первыми месяцами 1381 г. и связать ее с очередной попыткой активизации восточной политики этого государства.

И. А. Поляков (РНБ)

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ КНЯЗЕЙ РОМОДАНОВСКИХ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ РЕКОНСТРУКЦИИ

Настоящая работа посвящена исследованию библиотеки князей Ромодановских, собиравшейся представителями рода на протяжении XVII — начала XVIII в. Несмотря на то что некоторые рукописи были известны в историографии, попытки реконструировать состав средневековой библиотеки ранее не

предпринимались. Толчком к изучению данной проблемы стало выявление реестра книг из библиотеки стольника князя С. В. Ромодановского (1661–1680), записанного им на последних листах учебного пособия РНБ. F.XIII.5 [Поляков, 2017; Поляков, Цыпкин, 2017]. В дальнейшем автором также было обнаружено ядро родового собрания рода, хранящееся в Отделе рукописей БАН [Поляков, 2019].

В ходе изучения книжной библиотеки князей Ромодановских нами было проведено исследование по выявлению рукописей и печатных книг, принадлежавших представителем рода, в библиотеках и архивохранилищах страны. В результате работы с фондами ОР РНБ, СПбИИ РАН, НИОР БАН, ИРЛИ РАН, НИОР РГБ, РГАДА, ОР ГИМ, ГАВО, Калужского объединенного музея-заповедника, БАН Литвы на сегодняшний день было обнаружено 30 рукописных и более 100 печатных книг, являвшихся частью родовой библиотеки в XVII – начале XVIII в. Большая часть книжного собрания (14 рукописей и печатные книги) в 1720-е годы принадлежала последнему представителю рода, князю И. Ф. Ромодановскому. После его смерти в 1730 г. книги перешли по наследству к его единственной дочери Екатерине, жене графа М. Г. Головкина. В 1741 г. граф М. Г. Головкин, граф А. И. Остерман и другие придворные были обвинены императрицей Елизаветой Петровной в государственной измене, их имущество было конфисковано. В ходе деятельности конфискационной комиссии рукописи Ромодановских – Головкиных были переданы в Библиотеку Академии наук. В дальнейшем, в 1920-е годы, одна из рукописей – реестр входящей и исходящей документации Казанской воеводской избы – была передана из БАН в ЛОИИ СССР, где и хранится сегодня (СПбИИ РАН. Колл. 115. № 376). Вместе с рукописными в Академию наук были переданы и печатные книги графа М. Г. Головкина, преимущественно просветительского содержания. Церковные книги князей Ромодановских XVII – начала XVIII в., напротив, не заинтересовали работников конфискационной комиссии и были оставлены на хранение в Воскресенской церкви дворцового села Покровского. В фондах РГАДА сохранилась опись книг 1764 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1/51. Л. 1–11 об.).

В отличие от вышеупомянутой коллекции другие рукописи, принадлежавшие старшей ветви рода, уже в XVIII в. не составляли единого книжного комплекса. В первой половине – середине XVII в. боярин князь В. Г. Меньшой Ромодановской в разные годы заказал для себя подборку книг духовного содержания, в том числе: лицевой Апокалипсис (ГИМ. Епархиальное собр. № 736), Житие Саввы Сербского (РНБ. Собр. А. А. Титова. № 3705), житийные сборники (РГБ. Ф. 37. № 313; Ф. 256. № 154). Возможно, к ним также относятся сборники духовного содержания (БАН. П.I.А.33 (Петр. гал. № 25); П.I.А.34 (34.3.5)), принадлежавшие во второй половине XVII в. его сыну князю Д. В. Ромодановскому и переданные после его смерти в библиотеку Петра Великого.

В конце 20-х – середине 40-х годов XVII в. князем В. Г. Меньшим Ромодановским была предпринята работа по переписке и редактированию разрядных и родословных книг для родовой библиотеки, главным результатом которой стало составление уникального местнического сборника БАН. 16.18.3. В XVIII в. части этого родового комплекса разошлись по собраниям коллекционеров. Так, разрядная и родословная книги В. Г. Меньшого Ромодановского в 1776 г. были куплены калужским помещиком А. В. Рагозинским, а затем переданы его потомками в БАН Литвы (БАН Литвы. F.22. № 51, 61). Разрядная книга в двух частях, хранившаяся у князя Ф. Г. Ромодановского, попала к Г. Ф. Миллеру (РГАДА. Ф. 199. № 159. Кн. 2. Ч. 1, 2).

Среди выявленных книг определяются рукописи, заказанные молодым книжником князем С. В. Ромодановским. В конце 1670-х годов помимо учебного пособия «Азбуки фряской» (РНБ. F.XIII.5) в его библиотеку входила разрядная книга (Калужский объединенный музей-заповедник. Инв. 7051), родословная книга (ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 570), одна из частей сборника-конволюта (РГБ. Ф. 37. № 329. Л. 1–6). По нашему мнению, князь С. В. Ромодановской или его родственники также принимали участие в подготовке учебного пособия ГИМ. Синодальное собр. № 1, в составе которого сохранилась «Азбука фряская словенского языка» [Поляков, Цыпкин, 2019].

Стоит отметить, что в ходе исследования практически не удалось обнаружить рукописи, принадлежавшие младшей ветви рода. К ним можно отнести только Астрологический календарь на 1660 г. (БАН. П.I.А.2 (Петр. гал. № 57)) с владельческой записью князя Ю. И. Ромодановского и «Сказание о Тихвинской иконе» его внука И. Ф. Ромодановского (РГБ. Ф. 228. № 103).

Таким образом, промежуточным результатом исследования стало выявление 30 рукописных и более 100 печатных книг, составлявших единую библиотеку рода в XVII – начале XVIII в. На наш взгляд, перспективным направлением в изучении данной темы станет анализ региональных собраний архивов, музеев и библиотек, в которых могут находиться рукописи и печатные книги князей Ромодановских.

Литература

Поляков И. А. Стольник князь С. В. Ромодановской и его библиотека // Петербургский исторический журнал. СПб., 2017. № 2. С. 194–205.

Поляков И. А. Анализ и атрибуция рукописей из библиотеки князей Ромодановских (XVII–XVIII века) // Библиотековедение. 2019. Т. 68. № 1. С. 55–66.

Поляков И. А., Цыпкин Д. О. Азбука РНБ. F.XIII.5 в жизни молодого князя Ромодановского // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции, Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 275–277.

Поляков И. А., Цыпкин Д. О. Сборник учебных материалов конца XVII в. ГИМ Синодальное собрание 1 // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции, Москва, 11–12 апреля 2019 г. М., 2019. С. 330–332.

Т. Г. Попова (Северный (Арктический) федеральный ун-т)

БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ В ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ РУКОПИСИ ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО

Всего в греческом тексте Лествицы насчитывается не менее 683 библейских цитат. Наиболее часто Лествичник цитирует Псалтирь (не менее 159 раз) и Евангелие от Матфея (не менее 109 раз). Кроме прямых цитат, книга Лествичника содержит большое число аллюзий и реминисценций.

Первый славянский перевод Лествицы выполнен не позднее середины X в. книжниками Преславской школы. Древнейшая сохранившаяся рукопись перевода представляет собой русский извод общеславянского литературного языка середины XII в.; кодекс хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в собрании Н. П. Румянцева (Ф. 256), под номером 198 (далее – Рум. 198). Примеры ниже даются по тексту названной рукописи с указанием листов и строк.

Чуткий и талантливый переводчик Лествицы, передавая цитату, проявляет большое мастерство. Так, фрагмент οὐδ᾽ ὅλως ἔννοιάν τινα πρὸς τὸν ποιμένα πονηρὰν λογισάμενος, ἐκ τῆς πρὸς αὐτόν μου πίστεως καὶ ἀγάπης. Εἴρηκε γὰρ τις, ὅτι" Ἡ ἀγάπη οὐ λογίζεται τὸ κακόν" *1 Кор 13: 5* в переводе выглядит как **ннкакоже помъ|сла ннкоегоже· о нгоу|менѣ ꙁла помышлїа|въ· ѿ вѣры мн ꙗже къ | томоу н любъве· ре бо | нѣкто ꙗко лїобы не по|мышлїаеть ꙁла** 31в, 4–10. Греческое πονηρός передается разными лексемами (**лоукавын**, **пронъірнвын**, **ꙁаѩпнвын**), однако в данном случае переводчик выбрал **ꙁълын**, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть смысл цитаты. Переводчик, как и автор Лествицы, был мастером слова и обладал поэтическим талантом. Цитата *Без всякого же прекословия меньший благословляется большим* χωρὶς δὲ πάσης ἀντιλογίας τὸ ἔλαττον ὑπὸ τοῦ κρείττονος εὐλογεῖται *Евр 7: 7* встречается в Лествице дважды, при этом Лествичник использует другие глаголы, вероятно, передавая этот фрагмент по памяти: Χωρὶς γὰρ πάσης ἀντιλογίας, τὸ ἔλαττον ὑπὸ τοῦ κρείττονος κατακοσμεῖται **безъ | всѧкого бо протнвосл|внѧ· хоужъшее ѿ боль|шаго оутвараѥ̇т сѧ** 29в, 3–6 и χωρὶς γὰρ πάσης ἀντιλογίας, τὸ ἔλαττον ὑπὸ τοῦ κρείττονος καταργεῖται **безъ всѧкоꙗ | бо соупротнвословнїа· | хоужеѥ ѿ большаго | бл҃гвнт҃ сѧ** 96в, 12–15. Во втором случае славянский переводчик принимает решение привести текст Лествицы в соответствие с текстом Библии, переводя καταργεῖται как **бл҃гвнт҃ сѧ**. Подобные решения характеризуют переводчика как опытного и зрелого книжника, узнававшего (знавшего наизусть) библейские тексты. Благодаря его деятельности текст перевода не уступает в выразительности тексту оригинала. Однако оценить по достоинству первый славянский перевод Лествицы по тексту древнейшей его рукописи невозможно.

Писец Рум. 198 обладал слабой писцовой выучкой и допустил множество всевозможных ошибок, самыми частыми из которых являются пропуски, в том числе пропуски целых фрагментов текста. В числе «потерянных» писцом фрагментов часто оказываются цитаты. На месте *Сир 7: 39* Ὑπερμιμνήσκου τὰ ἔσχατά σου, καὶ εἰς τὸν αἰῶνα οἱ μὴ ἁμάρτῃς в тексте Рум. 198 лакуна (67в, 8). Контекст **ꙁаконъ ѹ̀бо ꙗко съвьр|шенъıн· братъне намъ | ѹ̀правлєнъѥ въꙁгла|сн** 162в, 1–4 без привлечения греческого текста (Ὁ μὲν νόμος, ὡς ἀτελής, «Πρόσεχε σεαυτῷ·" ὁ δὲ Κύριος, ὡς ὑπερτελής, καὶ τὴν τοῦ ἀδελφοῦ ἡμῖν διόρθωσιν προσπεφώνηκεν) понять невозможно. В том, что темнота данного контекста не характеризует деятельность автора первого славянского перевода Лествицы, легко убедиться, обратившись к другим рукописям этого перевода, сохранившим данное чтение.

Пропуски писца Рум. 198 ведут к потерям аллюзий. Так, например, во фрагменте Φεύγοντες φεύγωμεν τοῦ μὴ βλέπειν, μηδὲ ἀκούειν καρποῦ, οὗ μὴ γεύσασθαι λοιπὸν συνεταξάμεθα **бѣжаще бѣжн|мъ· еже не гл҃дати нн | слышати· нн слышатї** | (так! – *Т. П.*) **оубо обѣщахомъ сѧ** 104в, 4–7 утрачена аллюзия на *Быт 2: 17* (ἀπὸ δὲ τοῦ ξύλου τοῦ γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρὸν, οὐ φάγεσθε ἀπ᾽ αὐτοῦ) в результате писцового пропуска лексем *плода, еже не вкушати* (καρποῦ, οὗ μὴ γεύσασθαι). Греческое ἑβδομηκοντάκις ἑπτά *Мф 18: 22* в Рум. 198 выглядит как **се|дмьдесѧтнщды** 36в, 5–6.

Иногда писец Рум. 198 пропускает части слов: Πίε προθύμως μυκτηρισμὸν, ὡς ὕδωρ ζωῆς *Откр 22: 1* **н** (так! вместо *пии*. – *Т. П.*) | **съ оусьрднемь роуга|нию· акы водоу живо|тноую** 44в, 15–18; Ὅπου γάρ εἰσι δύο οἱ ἔσχατοι συνειλεγμένοι, ἐκεῖ ἐστιν ὁ Θεὸς ἐν μέσῳ αὐτῶν *Мф 18: 20* **иже** (так! вместо *идеже*. – *Т. П.*) **бо** | **еста послѣдн҃таѧ събь|рана· тоу есть б҃ъ посре|дѣ тою** 193г, 14–17. Моисей θεόπτης в Рум. 198 именуется **видьць** 19в, 2 (вместо *Боговидец*).

Писец Рум. 198 иногда не дописывает второй элемент графемы **ы**, и на месте названной графемы в рукописи функционирует **ъ**, что меняет смысл всей фразы: Ἐξαγορεύσω κατ᾽ ἐμοῦ τὴν ἀνομίαν μου τῷ Κυρίῳ· καὶ σύ ἀφῆκας τὴν ἀσέβειαν τῆς καρδίας μου *Пс 31: 5* **Исповѣмь на сѧ беза|конне свое гвн· и тъ** (так! вместо *ты*. – *Т. П.*) **остави неоустьѐ сьрд|цѧ моего** 26г, 12–17.

Реже, чем пропуски, у писца Рум. 198 встречаются написания лишних букв, однако эти ошибки также приводят к потере смысла: Ὁ ταύτῃ ἁλούς, Κυρίου δεηθήσεται· ματαία γὰρ παρ᾽ ἐκείνῳ σωτηρία ἀνθρώπων *Пс 59: 13* **иже тѣлъмь** (так! – *Т. П.*) **оукраде|нъ г҃оу помолит сѧ· пꙋ|стошъно бо оу того с҃пс|ниє оуг҃уско** 127б, 17–19. Выше речь идет о гордости, и смысл текста потерян по причине написания **тѣлъмь** вместо **тѣмь**.

В результате ошибок писца теряются синтаксические связи: Πνεῦμα ἅγιον δρόσου ἀγνείας κατὰ τὴν Παρθένον ἐπῆλθεν ἐπὶ σε *Лк 1: 35* **дхъ с҃тын· росы** | **унстыѧ· акы на дѣ|воу въшъло** (так! – *Т. П.*) **на тѧ** 36а, 19–21; Ὅτι εἰ ἠθέλησας θυσίαν *Пс 50: 18* **ꙗ|ко аще бы въсхотѣлъ** / **жьртвѣ** (так! – *Т. П.*) 142г, 19–21.

В аллюзии на *Ин 11: 38–44* писец Рум. 198 ошибся в написании имени Иисуса: ἴδῃ καὶ αὐτὸς τὸν Ἰησοῦν ἐληλυθότα **оузрить и тъ· издран|лꙗ** (так! – *Т. П.*) **пришъдъша** 9а, 5–6.

Текст Лествицы рассчитан на опытных книжников, хорошо знающих Библию. Таким был автор преславского перевода Лествицы. Однако в результате многократных переписок неопытными писцами текст перевода, сохранившийся в отдельно взятой рукописи, может быть неясным. Чтобы понять смысл отдельных его фрагментов, необходимо обращение к греческому тексту и (или) тексту других рукописей перевода.

Л. И. Постол (МГУ)

ГРАММАТИКА КОЛЛЕКТИВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ГАНЗЕЙСКО-НОВГОРОДСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Работа посвящена вопросу номинации Ганзы в новгородско-ганзейских грамотах XIV–XV в. Лексема *kopman*, первичное значение которой – ‘купец’, в текстах нижненемецкой документации употребляется в составе формулы наименования Ганзы *de gemene kopman van der Dudeschen hanse* ‘объединенное купечество немецкой Ганзы’. С помощью этой формулы, зачастую сокращаемой до одного слова *de kopman* ‘купец/купечество’, в большинстве случаев переводится на нижненемецкий язык древнерусское обозначение Ганзы «немецкие купцы», включающее существительное в плюралисе. Контрастное сравнение нижненемецких и древнерусских текстов показывает, что в нижненемецком языке существительное в форме единственного числа может наполняться семантикой собирательности, близкой к семантике множественного числа, и употребляться в качестве коллективного обозначения.

В. Г. Пуцко (Калужский музей изобразительных искусств)

ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО В СТРУКТУРЕ ЗАСТРОЙКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА (XI–XIII в.)

Вопросы церковной топографии русской архитектуры XI–XIII в. сегодня могут быть решены в идеале с учетом археологического изучения города. Поэтапное формирование и развитие планировочной структуры исторически сложившейся застройки позволяет более четко осветить истоки русского градостроительства и его пространственной связи с ландшафтом. Поставлен вопрос и о византийском воздействии на русское градостроительное искусство, с учетом замечаний о степени применения на Руси Закона градского. Занесенные из Византии традиции, как свидетельствует конкретный материал, были применены с максимальным учетом местных условий.

Из работ, посвященных непосредственно древнерусским церковным постройкам, следует выделить статью А. Н. Грабара о многопрестольных храмах-соборах и их принципиальном отличии от европейских «кафедралов», обычно являвшихся епископскими. Русские же, начиная с киевских сооружений XI–XII в., были связаны с княжеским двором либо с монастырем. Уделено в литературе внимание также посвящению русских храмов XI–XIII в. Рассмотрена киевская церковная топография этого периода. Важными являются фундаментальные исследования П. А. Раппопорта, особенно составленный им весьма информативный каталог памятников. В данном случае речь идет лишь о тех сооружениях, которые характеризуют место храмов в городской застройке.

Летопись сохранила известие о том, что принявший крещение князь Владимир «повеле рубити церькви и поставляти по местомъ, идеже стояше кумиры»[1]. Известную уже в 944 г. в Киеве церковь св. Ильи принято локализовать существующим ныне сооружением 1692 г. на Подоле. Но в истории русского церковного зодчества и в народном сознании первым сооружением является церковь Богородицы Десятинной в «Городе Владимира» — детинце на Старокиевской горе, на христианском кладбище. Она возведена греческими мастерами, но с учетом местных условий и входила в состав княжеского дворцового ансамбля.

Древний Киев состоял из Верхнего города, расположенного ниже Подола, Копырева конца, Замковой, Щековицы и Лысой гор, а также окраинных районов. Уже в XI в. рядом с крепостью детинцем появился более обширный город Ярослава, композиционным центром которого стал Софийский собор. В третьей четверти XI в. возникает город Изяслава с Дмитриевским монастырем. Все это пространство оказывается плотно застроенным не только гражданскими сооружениями, но и храмами, судя по данным письменных источников и результатам археологических исследований. Здесь же находилось и несколько монастырей (Дмитриевский, Янчин, Вотчий, Михайловский). Надо также учесть, что на этой территории еще были позже бесследно исчезнувшие деревянные храмы. Сведения о каменных постепенно пополняются благодаря новым открытиям. Немало церквей обнаруживается уже за пределами древнего Киева, в его окрестностях: на Подоле, на Щекавице, в Кловеком, Спаса на Берестове и Печерском монастырях, а также в более удаленном Выдубицком монастыре. Характерно, что все наиболее значительные церковные сооружения в Киеве и его окрестностях возведены в XI и первой половине XII в., и каждое из них умело вписано в городскую застройку, прекрасно согласовано с рельефом местности. Особенно это характеризует монастырские ансамбли.

Переяславль-Южный расположен на равнине, у слияния рек Альты и Трубежа. Широкое церковное строительство в нем начинается в конце XI в. благодаря митрополиту Ефрему. Храмы иного типа, чем в Киеве, и большая их часть сосредоточена в детинце. Наиболее примечательным был собор Архангела Михаила со своеобразной плановой схемой. Недалеко находились епископские ворота с надвратной церковью. Раскопанные храмы небольшие, бесстолпные, четырехстолпный и двустолпный. Но Воскресенская церковь в окольном городе шестистолпная с тремя апсидами и хорами, сооруженная в 1130-х годах.

В Чернигове тоже большинство церквей сосредоточено в детинце, поднимающемся над окружающей местностью в устье Стрижня, впадающего в Десну. Древнейшим является Спасский собор в традициях константинопольской архитектуры, около 1036 г. Почти рядом Борисоглебский собор. Восточнее находилась Михайловская церковь, в северной части детинца — Благовещенская и восточнее церковь-усыпальница. Невдалеке возвышается Пятницкая церковь, 1211–1214 г., уже на посаде. На западном отроге горы Елецкий монастырь с Успенским собором 1115–1119 г. Еще дальше находился древний Богородицкий монастырь с его пещерным комплексом.

[1] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 103.

Киевское градостроительство предопределило характер застройки Владимира на высоком плато в окружении оврагов. Свой неповторимый архитектурный облик он приобрел при князе Андрее Боголюбском и князе Всеволоде. Центральный храм княжества — белокаменный Успенский собор. Рядом с ним нарядный дворцовый Дмитриевский собор, восточнее — Рождественский монастырь. Около 1200 г. в северо-западной части города основан Успенский Княгинин монастырь. Строительство церквей вне городских стен, к западу от Среднего города началось уже в 1157—1163 г. Сами Золотые ворота с надвратной церковью построены в 1162—1164 г.

Иначе развитие церковного зодчества проходило в Новгороде, который складывался в условиях равнинного ландшафта берегов реки Волхова. Организующим ядром города стал детинец с Софийским собором. Церковное строительство на Софийской стороне оставалось преимущественно деревянным, и каменные сооружения в XII—XIII в. были немногочисленны. Интенсивно строили на Торговой стороне, где в 1113—1116 г. возведен Никольский собор на Ярославовом дворище, в 1127—1130 г. — церковь св. Иоанна на Опоках, в 1135—1144 г. — церковь Успения на Торгу, в 1204—1207 г. — Пятницкая церковь. Еще в 1092 г. основан Петропавловский монастырь на Синичьей горе, где каменная церковь сооружена лишь в 1185—1192 г. В 1170 г. основан Благовещенский монастырь на Мячине, около 1134 г. — Пантелеймонов монастырь. От небольших загородных монастырей отличаются своими крупными соборами Антониев и Юрьев монастыри. В состав загородных ансамблей входила построенная в 1103—1107 г. княжеская церковь Благовещения на Городище.

В Ладоге все известные каменные церкви, сооруженные между 1153—1210 г., оказываются расположенными почти в ряд на берегу Волхова. Древнее городище занимает мыс при впадении в Волхов Ладожки. Исключительно богат храмами XII — начала XIII в. Смоленск, занимающий место на высоких холмах, разделенных глубокими оврагами, в верхнем течении Днепра. Но Соборная гора с заложенным в 1101 г. Успенским собором не стала центром стольного города: князья основали свою резиденцию на реке Смядыни, где возник монастырь и в 1145—1153 г. построен Борисоглебский собор. В 1196—1200 г. появился собор на восточной окраине Смоленска, на Протоке, и тогда же на западной окраине возведен собор Троицкого монастыря на Кловке. В Полоцке на правом берегу Западной Двины при впадении в нее Полоты, на возвышенности, на Верхнем замке в 1053—1056 г. возведен большой Софийский собор. Позже появляются храмы на Нижнем замке и в детинце, на рву. От них отделены большим пространством Евфросиньев и загородный Бельчицкий монастыри. Галич занимает холмистый мыс, образованный рекой Луквой и ее притоком, недалеко от впадения в Днестр. Детинец укреплен с южной стороны двумя линиями валов со рвами, а с юго-запада примыкает окольный город. В 1147—1152 г. в детинце был построен Успенский собор. В окрестных урочищах существовали монастырские и приходские церкви 1163—1219 г.

Фактический материал выявляет общие закономерности: расположение детинца с собором на высоком плато или на холмистом мысу и распространение каменного строительства от центра к окраинам и окрестностям. Но учитывается и рельеф местности. Вошло в обычай окружение города монастырями, имевшими оборонное значение. Типология застройки обнаруживает проявление многообразия. Византийские мастера строят в XI — начале XII в. в основном в Киеве и южных княжеских городах. С середины XII в. чаще встречаются преимущественно новые композиционные решения.

Е. В. Пчелов (РГГУ)

ТИТУЛЬНЫЕ ГЕРБЫ ЦАРСКОГО «ТИТУЛЯРНИКА» В ТРЕХ ЕГО ЭКЗЕМПЛЯРАХ И ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ТИТУЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКИ[1]

Так называемый «Царский Титулярник» был создан, как известно, к 23 мая 1672 г. мастерами Посольского приказа (экземпляр РГАДА). Затем с него в течение лета-осени 1672 г. были сделаны две копии — для царя Алексея Михайловича и наследника Федора Алексеевича (экземпляры Библиотеки Эрмитажа и РНБ). Позднее, как установила А. С. Косцова, с Эрмитажного экземпляра в начале XVIII в. была сделана копия, которая также хранится в РНБ. Известен и экземпляр конца XVII в. из собрания ГИМ. В четырех экземплярах (РГАДА, Эрм. и два РНБ) имеются цветные изображения гербов, в том числе титульных гербов Московского государства. Сравнение их изображений по всем экземплярам «Титулярника» ранее не проводилось.

[1] Работа подготовлена в рамках НИР «Символика власти Московского царства и Российской империи» по гос. заданию № 33.7198.2017/8.9.

Принадлежность двух «копийных» экземпляров 1672 г. может быть определена как по характеру самого текста, так и по особенностям иллюминации. Миниатюры Эрмитажного экземпляра (в том числе с титульными гербами) сохранились не полностью, они были утрачены еще до начала XX в. Сопоставление всех титульных гербов в трех первых экземплярах «Титулярника» показывает: 1. Работа над двумя «копийными» экземплярами велась параллельно; 2. Во второй части комплекса гербов (начиная с Пермского герба, 14-го из 32) Эрмитажный экземпляр обнаруживает большую близость к Архивному, нежели Библиотечный; 3. Колорит гербовых изображений Эрмитажного экземпляра более богатый, нежели колорит Библиотечного. В Эрмитажном экземпляре чаще используется золотой цвет, в Библиотечном — серебряный; 4. В заключительной части гербов (начиная с Мстиславского герба, 27-го из 32) в Библиотечном экземпляре обнаруживается инверсия поворота фигур по сравнению с Архивным и Эрмитажным экземплярами; 5. В Новгородском гербе в Эрмитажном экземпляре количество рыб в два раза больше, чем в Архивном и Библиотечном. Все это ясно показывает, что Эрмитажный экземпляр обладал более высоким статусом, нежели Библиотечный, и потому именно он предназначался для царя, а Библиотечный — для наследника. Статусная принадлежность экземпляров, таким образом, была обозначена некоторыми чисто эмблематическими способами.

Анализ изображений титульных гербов показывает также, что так называемое «Описание гербам», изученное и опубликованное О. А. Белобровой, вопреки мнению исследовательницы, не являлось нормативным документом при работе над «Титулярниками». Разительные отличия описаний от изображений в некоторых случаях свидетельствуют о том, что «Описание гербам» представляет собой некую, хотя и связанную с «Титулярниками», но параллельную и более вариативную традицию. Ряд деталей в описаниях вовсе не находит изобразительных аналогов.

Анализ структуры изображений гербов демонстрирует одну явно выраженную тенденцию. В ряде гербов (Псковском, Вятском, Пермском, Болгарском и др.) последовательно усилена христианская (православная) семантика, по сравнению с предшествующими аналогами. Это произошло именно в «Титулярнике», который тем самым представлял собой заключительный для XVII в. этап в становлении русской территориальной геральдики допетровской Руси. Такая тенденция хорошо соотносится с теми интерпретациями ряда гербов «Титулярника», представленных в геральдических виршах конца XVII в., авторство которых приписывается С. И. Гадзаловскому.

М. В. Рождественская (СПбГУ)

О ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ НАДПИСИ О СМЕРТИ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА-ГАВРИИЛА ИЗ ЦЕРКВИ БЛАГОВЕЩЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ

Новонайденная надпись о смерти князя Всеволода-Гавриила на стене церкви Благовещения на Городище в Великом Новгороде, обнаруженная в результате археолого-архитектурных работ В. В. Седова летом 2016–2017 г., была представлена отдельными устными докладами и лекционными сообщениями А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева[1]. Ими подготовлена статья, в которой дается прочтение, перевод и подробный анализ этой надписи [Гиппиус, Михеев][2]. В качестве ее источников в целом и в отношении отдельных слов и словосочетаний А. А. Гиппиус и С. М. Михеев указывают на летописные статьи о смерти князей, на текст псалма 60: 2 («От конец земли к Тебе воззвах, внегда уны сердце мое, на камень вознесл мя еси, наставил мя еси») и на «Слово о полку Игореве».

Летописные статьи о смерти князей были недавно рассмотрены А. М. Ранчиным на материале Повести временных лет. Он пришел к выводу, что «некрологические записи о кончине князей в ПВЛ могут быть разделены на несколько типов, различия между которыми в целом носят глубоко не случайный, системный характер» [Ранчин]. Благовещенская надпись включается в ряд летописных некрологов, хотя не во всем соответствует делению А. М. Ранчина на известия о смерти князей-страстотерпцев или равноапостольных, известия о смерти князей-язычников и «киевоцентричные» известия. Из всех других приведенных автором примеров заслуживает внимания летописная запись о смерти князя Владимира Святославича (6523), в которой обнаруживаются общие черты с Благовещенской надписью. Так, при кончине Всеволода Мстиславича, которая застала его в Пскове, там пребывал Святополк Изяславич, но

[1] См. лекцию, прочитанную в МЦНМО 30 марта 2018 г. (https://www.mccme.ru/head/news/gippius-miheev-2htm), и ряд других от 30 и 31 октября 2018 г.

[2] Благодарю А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева за предоставленную возможность познакомиться с рукописью статьи до ее публикации.

смерть князя утаили и не хоронили 7 дней, подобно тому, как в 1015 г. другой Святополк (Окаянный) также утаил смерть князя Владимира Святославича. Похоронили Всеволода Мстиславича в церкви Св. Троицы, «юже «бяше самъ создалъ», так же как и гроб Владимира Святославича «поставиша… въ святей Богородици, юже бе създалъ самъ». Упоминается здесь и плач над телом умершего князя сошедшихся людей «бе-щисла», что не всегда приводится в других летописных некрологах. Аналог фразы «И уныло бяше сьрдце ихъ (дружинников Всеволода. — *М. Р.*) тугою по своемь князи» А. А. Гиппиус и С. М. Михеев справедливо видят во фразе из «Слова о полку Игореве»: «Уныша цветы жалобою (с жалостию), и древо с тугою къ земле преклонилось» — о разгроме Игоревой дружины половцами. Однако литературный контекст Благовещенской надписи этим не ограничивается. Фразы со словами «уныние (уныть)», «туга», «жалость (желение)», «плач», «скорбь», «сердце», «печаль», «дружина» в ситуации смерти и плена как смерти находим также в списках XV—XVIII в. апокрифического «Слова на воскресение Лазаря» («на Лазарево воскресение»), близкого по времени Благовещенской надписи XII—XIII в. Оно, в свою очередь, имеет стилистические и символико-мотивные связи со «Словом о полку Игореве», в котором пленение героя половцами описано как временная смерть. [Рождественская]. Кончина Всеволода Мстиславича, послужившая поводом для создания Благовещенской надписи, и пребывание в адской темнице ее пленников — пророков и праведников во главе с царем Давидом и Адамом в «Слове на воскресение Лазаря» выявляет гораздо большее тематическое и лексическое сходство между этими двумя текстами. Своеобразным «связующим звеном» между всеми указанными источниками является текст Псалтыри, причем его смысл полнее отражен в «Слове на воскресение Лазаря», которое расширяет литературный контекст Благовещенской надписи, включая ее в широкую письменную традицию средневековой Руси.

Литература

Гиппиус А. А., Михеев С. М. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: Предварительный обзор (в печати).

Ранчин А. М. Семантика и функции княжеских некрологов в Повести временных лет: некоторые наблюдения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 109—110.

Рождественская М. В. Еще раз о времени написания апокрифического «Слова на воскресение Лазаря» // История: Дар и Долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 250—257.

Т. В. Рождественская (СПбГУ)

ОТ КНИЖНОГО ТЕКСТА К УСТНОМУ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ XII—XV в.[1]

Предметом анализа являются тексты «малых форм» — памятники древнерусской эпиграфики, преимущественно граффити на стенах храмов и надписи в составе фресковых композиций, а также берестяные грамоты, которые используют фрагменты литературных источников, в том числе богослужебного характера. Условия создания этих эпиграфических текстов предполагают стадию их устного бытования, чему способствует открытая структура цитируемых книжных текстов (например, «Беседа трех святителей», «Пчела» и др.), наличие стереотипных языковых и текстовых формул. Большинство надписей датируются по палеографическим и языковым данным более ранним временем, чем рукописная традиция источника цитирования. Варьирование в надписях орфографических и языковых норм, компрессия текста по сравнению с источником могут быть связаны как с цитированием по памяти, с отражением местных письменных традиций, так и с технологическими причинами (зависимость от особенностей архитектурного пространства в надписях-комментариях при фресковых изображениях). Анализируемые в докладе эпиграфические тексты свидетельствуют о характере репертуара книжных памятников и о степени его распространенности в грамотной среде средневековой Руси, а в отношении литургических и библейских цитат — об использовании той или иной редакции их славянского перевода.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352).

А. А. Романова (БАН)

«РАЗНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРЕСВЯТЫЕ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ» И СКАЗАНИЯ ОБ ИКОНАХ БОГОМАТЕРИ В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ XVIII в.

Сборники, содержащие чудеса от икон Богоматери, — достаточно распространенное явление в русской книжности XVII–XVIII в. Сборники, соединяющие краткие рассказы о чудотворных иконах Богоматери, явленных в разное время в разных странах, получили распространение в рукописной традиции XVII–XVIII в. Наиболее известным рукописным сборником такого типа является «Звезда пресветлая», включающий преимущественно переводные тексты, а также русские дополнения к ним. Также в Московском государстве получили распространение печатные варианты сводов сказаний о богородичных иконах, такие как «Небо новое» Иоанникия Галятовского (Львов, 1665), «Огородок Марии Богородицы» Антония Радивиловского (Киев, 1676), «Руно орошенное» Димитрия Ростовского (Чернигов, 1683).

Помимо полнотекстовых сказаний в XVIII в. получает распространение особый жанр — перечни чудотворных икон, в которых упоминались как иконы, явленные за пределами России, так и российские святыни. Эти перечни активно исследовались специалистами в области истории живописи. Перечни могут включать только наименования икон, сопровождаться изображениями этих икон — гравированными или нарисованными от руки [Ebbinghaus; Белоброва; Кочетков]. В последние годы активно изучается свод кратких сказаний об иконах Богоматери — «Солнце пресветлое», содержащий, помимо кратких данных о чтимых богородичных иконах, также полемику с иконоборцами [Кобяк].

Помимо сборников сказаний об иконах и перечней икон в русской книжности XVIII в. можно указать на любопытное сочинение, которое читается в рукописи, происходящей из Тихвинского монастыря: РНБ. Новое собрание рукописной книги (далее — НСРК). Q.484, Сборник сказаний об иконах Богоматери середины XVIII в., на л. 346–394 об. Самоназвание произведения — «Разные явления пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии», нач.: «По вознесении Господа нашего Иисуса Христа еже на небеса…». Это пример памятника, в чем-то заимствовавшего данные печатных изданий (среди источников анонимный составитель называет «Рай мысленный» (1653), Минеи Четьи, вероятно, Димитрия Ростовского и «Многосложный свиток» (по-видимому, из сборника «Книга слова избранныя святых отец о поклонении и о чести святых икон» (М., 1642)).

Текст «Разных явлений» начинается с заимствования из «Рая мысленного» — легенды, согласно которой по Вознесении Иисуса Христа ученики Господа метнули жребий, где им проповедовать Евангелие. Вместе с ними метнула жребий и Богоматерь, и ей выпал жребий — «Иверская земля, на Афонскую гору до моря окиана». К теме жребия Богоматери текст возвращается неоднократно и в дальнейшем. Затем излагается легенда о приходе с Афона в Киев Антония и о приходе к нему мастеров, посланных Богоматерью строить церковь Успения. Согласно указанию на полях, эта легенда восходит к Минее.

Следующий рассказ посвящен истории иконы Богоматери, созданной апостолом Лукой, ее переносу в Иерусалим, затем в Константинополь, оттуда последовательно в Киев, во Владимир и в Москву, и чудесам, которые произошли от иконы в этих городах. Особое внимание в тексте уделено истории заступничества Богоматери перед лицом иноземного вторжения. Этим сюжетам посвящено повествование о чуде от иконы Богоматери во время прихода «царя Крымского», о Феодоровской иконе, Казанской иконе, иконе Богоматери Казанской на Романове. Перечисляются иконы, которые начали почитаться во время моровых поветрий и природных бедствий, такие как Нерехтская, Седмиозерская, Шуйская. Подробно рассказывается о явлении икон подвижникам: Сергию, Кириллу Новоезерскому, Паисию Угличскому, Мартиниану Зеленецкому, Герасиму в Пустынском монастыре в Соли Вычегодской. В состав «Разных явлений…» вошли и некоторые переводные легенды, такие как легенда о человеке, который каждый день пел «О тебе радуется», и змея не могла влезть к нему в рот во время сна. Завершается текст «Разных явлений…» похвалой Богоматери и ее родителям.

Свод сведений об иконах в рукописи НСРК, таким образом, содержит большую подборку кратких сказаний об иконах, явленных в России, — список этих икон не совпадает с краткими перечнями или сборниками сказаний о чудесах Богоматери.

Повествование об иконах во многих случаях сопровождается указанием на их размеры («тои же образ мерою пятилистовой», «тои же образ аршин»), что, вероятно, указывает на то, что составитель «Разных явлений» мог быть иконописцем. На географическую привязку сочинения, возможно, указывает подробное изложение истории иконы Богоматери Тихвинской — происхождение сборника из Тихвинского монастыря добавляет вескости этому аргументу. Точное время возникновения памятника неизвестно, можно предположить, что он был создан в первой половине XVIII в.

Литература

Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XIX вв. М., 2005.

Кобяк Н. А. К вопросу об источниках сочинения о чудесах богородичных икон «Солнце пресветлое» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Мат-лы XXVII Межд. научной конф. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 245–247.

Кочетков И. А. Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII–XIX веков // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 404–417.

Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. (Veröffentlichungen der Abteilung für slavischen Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin. Bd 70).

А. А. Роменский (ГИАМЗ «Херсонес Таврический»)

LUMBARE VENEREUM КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Хроника в восьми книгах, составленная епископом города Мерзебурга Титмаром, обоснованно считается одним из ключевых и наиболее достоверных источников по истории Восточной Европы последней четверти X — начала XI в. Высокая репутация труда саксонского архипастыря объясняется тем, что он был непосредственным современником русских князей Владимира, Святополка и Ярослава, работая над своим произведением в 1012–1018 г. Знатность рода, личные связи со многими из «сильных мира сего», доступ к документам и воспоминаниям очевидцев обеспечивают аутентичность его сведений. В этом свете заслуживает переосмысления характеристика личности князя Владимира Святославича, содержащаяся в VII книге хроники (VII, 72–74)[1].

Специалисты давно обратили внимание на двойственность образа «короля Руси»: с одной стороны, он пополняет перечень отрицательных персонажей хроники, с другой — не лишен некоторых добродетелей, прежде всего нищелюбия и щедрости. Владимир не одинок в склонности к безнравственным поступкам, сближаясь в этом амплуа с еще одним антигероем, Болеславом Храбрым. Объясняя этот парадокс, А. В. Назаренко предположил, что текст § 72–73 и 74 главы VII имеет различное происхождение: информация главы VII, 72–73, получена от бежавшего в 1016–1017 г. в Польшу князя Святополка или его окружения (Владимир показан «жестоким распутником» и «беззаконником»), тогда как сведения о милостынях Крестителя Руси, вероятно, принесены кем-то из саксонцев — участников похода на Киев в 1018 г. [Назаренко, с. 439–441]. А. Е. Мусин подчеркнул роль «мигрирующей устной традиции», передатчиком которой, не исключено, стал школьный товарищ и друг Титмара, Бруно Кверфуртский (отметим, что против этой гипотезы свидетельствует комплиментарная характеристика, данная Владимиру в письме самого Бруно, который воздержался от пересказа легенд, порочащих облик князя) [Мусин, с. 180]. А. Поппэ полагает, что известия о гипертрофированной сексуальности правителя были позаимствованы саксонцем-информатором из досужих анекдотов, передающихся на киевских улицах [Поппэ, с. 44]. Так или иначе, описанный Титмаром портрет князя-женолюбца в основных интенциях весьма сходен с летописным, хотя и не несет характерной для Повести временных лет однозначной дидактической направленности.

Наиболее странным выглядит сообщение о «венерином набедренике», якобы усугублявшем склонность Владимира к блуду. А. Е. Мусин детально исследовал вопрос о сексуальности Владимира и возможных трактовках этого уникального известия. Lumbarum venereum, видимо, представлял собой некую перевязь и мог отражать традицию византийских брачных поясов. Исследователь предполагает и другую интерпретацию — возможную связь с ритуальными практиками любовной магии и соответствующими археологическими артефактами фаллообразной формы, языческим обрядом инициации. По его мнению, князь мог носить некий эротический амулет, не обязательно имеющий форму повязки или перевязи [Мусин, с. 180–189].

На наш взгляд, возможно иное объяснение этого загадочного термина. Прежде всего, необходимо довериться источнику в том, что lumbarum связан с повязкой или перевязью, на что указывает контекст использованной Титмаром евангельской цитаты (Лк 12: 35). Предполагать в нем некий фаллический любовный амулет нет оснований, хотя, безусловно, нельзя исключить распространение эротической магии в Киеве начала XI в. Однако, как представляется, функциональное назначение перевязи было принципиально иным — она не разжигала плотские страсти, а, напротив, служила для их усмирения.

[1] Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre korveier Überarbeitung / Herausgegeben von R. Holtzmann // MGH SS rer. Germ. Berlin, 1935. T. 9. S. 486, 488.

В византийской аскетической традиции встречаются сведения о ношении разнообразных предметов (кольца, колокольчики) на половых органах, особенно характерное для юродивых, нередко таким провокативным образом подчеркивающих отречение от мира. Упоминания об этой форме своеобразной аскезы в империи ромеев прослеживаются начиная с XII в.; они имеются и в агиографической литературе восточных и южных славян [Иванов, с. 236–237]. Демонстративное унижение становилось одной из форм умерщвления плоти, избавление от чувственности приближало, в видении современников, к духовному совершенству. Нельзя исключить в этом вопросе более раннего влияния на византийскую аскетику исламского мистицизма, примера бродячих дервишей-каландари (хотя доказать это крайне трудно). Однако все же более близким к Владимиру Святославичу представляется западный пример св. Франциска Ассизского, проповедовавшего в одной набедренной повязке и таким образом экстравагантно демонстрировавшего свое смирение [Иванов, с. 339–340, 357–358].

Разумеется, не приходится прямо отождествлять правителя государства с бродячими отшельниками в византийской, исламской или западной традиции. Препоясывание перевязью в случае с Владимиром, несомненно, не было рассчитано на провокативную демонстрацию, подчеркивая лишь внутреннее смирение и самоуничижение перед Богом. Нет ничего удивительного в том, что Титмар неверно интерпретировал доносившиеся до него слухи о необычных деталях туалета князя. Если наша гипотеза верна, то случай с Владимиром является одним из самых первых примеров подобных аскетических упражнений. Лишь столетие спустя такая аскетическая парадигма получает распространение на православном Востоке и католическом Западе.

Литература

Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из варвара христианина? М., 2003.
Мусин А. Е. Князь Владимир Святой и культура Киевской Руси глазами Титмара Мерзебургского // Княжа доба. Історія і культура. 2016. Т. 10. С. 165–198.
Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
Поппэ А. В. Владимир Святой. У истоков церковного прославления // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., 2008. Вып. 1. С. 40–107.

Франческа Ромоли (Университет Пизы, Италия)

УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ *ПОВЕСТИ СТРАШНОЙ*: К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ИТАЛЬЯНСКОГО ПУТИ МАКСИМА ГРЕКА

Цель работы — исследование источников Повѣсти страшной и достопамятной, и о съвръшеном иноѵьскомъ жительствѣ Максима Грека. Как известно, произведение, первая редакция которого относится, вероятно, к первому периоду славянского творчества автора (до 1525 г.), соединяет два отдельных рассказа. Первый из них посвящен картезианскому ордену, его основанию и правилу, а второй — фигуре Джироламо Савонаролы.

Филологическое исследование авторского заявления о достоверности, предпосылаемого первому рассказу и относящегося к нему, позволило определить типологию его источников, охватывающую свидетельство автора как очевидца, письменные и устные источники: истину пишу, юже самъ не точию писано и видѣх и прочтохъ, но и слухом приях от мужеи достовѣрных, сирѣчь добродѣтелию жития и премудростию многою украшеных, у них же азъ, зѣло юнъ сыи, пожих лѣта доволна [Romoli, в печати (а)].

Как удалось доказать, на прямом свидетельстве автора основаны описание монастыря Гранд Шартрез и изложение его обычаев, ошибочно приписываемых картезианскому правилу [Romoli, в печати (а), (г)], а на письменных источниках — изложение других обычаев, верно относимых к тому же правилу, и отчет об основании ордена. Письменные источники включают картезианский устав, хронику *Chronicon Cartusiense* и произведение *De vita sua* монаха Гвиберта Ножанского [Romoli, в печати (б), (в)].

Устные источники первого рассказа *Повести* остаются неисследованными. Максим Грек определяет их как мужей достоверных, добродетельных и премудрых, у которых в юности он прожил несколько лет. Единственная часть рассказа, пока не обнаруженная в источниках, — отчет о французском государстве и университете. Именно эту часть следует отнести к устным источникам, как, впрочем, указывает выражение якоже слышах от нѣкых.

Парисиа градъ есть нарочитъ и многочеловѣченъ въ Галиехъ, яже нынѣ глаголются Франза, дръжава велия, и преславна, и богатяци бесчислеными благыми, ихже пръвое и изрядно есть – еже о философьскых и богословьских догматѣх наказание же и тщание, туне подаема всѣмъ вкупѣ рачителемъ сицевых изрядных учении. Казателемъ бо сицевыхъ учении оброкы обилны даются во вся лѣта от царскых съкровищь, по многому любочестию царствующаго тамо, и егоже имать желанию о словесном художьствѣ. Тамо обрящеши всякое художьство не точию нашего благочестиваго богословия и философии священныя, но и внѣшняго наказания всяческая учения, въ съвръшено достижение свое руководяща рачителя своя, ихже множество многочислено зѣло, якоже слышах от нѣкых. Отовсюду бо западных странъ и сѣверьскых събираются въ предреченном великом градѣ Парисии желаниемъ словесных художествъ не точию сынове простѣишихъ человѣкъ, но и самѣх иже въ царскую высоту и боярьскаго, и княжескаго сана: овѣх убо сынове, овѣх же братия, овѣх же внучята и инако сродникы. Их же кождо время доволно въ учениих прилѣжно упразднився, възвращается въ свою страну, преполонъ всякыя премудрости и разума, и есть сицевыи украшение и похвала своему отечьству, съвѣтникъ бо ему есть предобръ, и предстатель искусенъ, и споспѣшникъ ему добрѣишыи въ вся, елика потребна ему будут [Журова, с. 239–240].

Устные источники можно определить при тщательном рассмотрении итальянского пути автора в поисках многолетней остановки у кого-то, хорошо знакомого с французскими учреждениями. Описание западного периода его жизни черпается из трудов И. Денисова [Denissoff] и Н. В. Синицыной [Синицына], сверяется с результатами последних исследований в области палеографии и филологии [Speranzi, 2010; Speranzi, 2013; Speranzi, 2016; Garzaniti; Romoli, в печати (б), (в)] и подвергается критическому рассмотрению путем прямого обращения к славянским источникам.

Результаты исследования завершают разыскания в области источников *Повести* и позволяют развить знания о итальянском периоде жизни Максима Грека.

Литература

Журова Л. И. Повесть об иноческом жительстве и Повесть о Савонароле // Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. С. 239–258.
Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008.
Denissoff É. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution a l'histoire de la pénsee religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Louvain – Paris, 1943.
Garzaniti M. Michele Trivolis/Massimo il Greco (1470 circa – 1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // Cristianesimo nella storia. 2015. 2 (36). P. 341–366.
Romoli F. писану видѣх / писано и вѣдах. Sulle fonti della Povest' strašna di Massimo il Greco. (в печати) (а)
Romoli F. Ancora sulle fonti della Povest' strašna. Alle origini della riflessione sul monachesimo certosino di Massimo il Greco. (в печати) (б)
Romoli F. Ancora sulle fonti (scritte) della Povest' strašna di Massimo il Greco. La fondazione dell'ordine certosino. (в печати) (в)
Romoli F. La forma di vita domenicana nella testimonianza di Massimo il Greco e le sue fonti. (в печати) (г)
Speranzi D. Michele Trivoli e Giano Lascari. Appunti su copisti e manoscritti greci tra Corfù e Firenze // M. Garzaniti, F. Romoli (a cura di). Massimo il Greco, Firenze e l'umanesimo italiano // Studi Slavistici. 2010. 7. P. 263–297.
Speranzi D. Marco Musuro. Libri e scrittura. [Roma,] 2013.
Speranzi D. Massimo il Greco a San Marco. Un nuovo manoscritto // A. Alberti, M. C. Ferro, F. Romoli (a cura di). Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti. Firenze, 2016. P. 191–204.

О. В. Русаковский (НИУ ВШЭ, Москва)

«УЧЕНИЕ И ХИТРОСТЬ РАТНОГО СТРОЕНИЯ ПЕХОТНЫХ ЛЮДЕЙ»: АНАЛИЗ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ И ПОМЕТ НА СОХРАНИВШИХСЯ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Книга «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1649) широко известна как одно из первых светских изданий Московского печатного двора и первый и единственный перевод западного военного трактата (сочинения «Kriegskunst zu Fuß» Иоганна Якоби фон Валльгаузена 1615 г.), изданный в Москве в допетровскую эпоху. Сведения о круге читателей, получивших доступ к «Учению и хитрости», а также о том, как они взаимодействовали с печатным текстом, весьма скудны. Благодаря приходно-расходным книгам Московского печатного двора нам известны имена покупателей 95 экземпляров книги, выпущенных в свободную продажу [Луппов, с. 126–131]; единичным остается указание источников на пожалование ее в качестве воинского устава командиру второго выборного полка Матвею Кровкову

в 1661 г. Эти отрывочные сведения не позволяют, однако, составить сколько-нибудь полную картину функционирования «Учения и хитрости» в русской культуре XVII — начала XVIII в.

Существенно расширить наши знания о бытовании «Учения и хитрости» в XVII — начале XVIII в. может анализ владельческих записей и помет на сохранившихся экземплярах книги (ср. о некоторых экземплярах: [Зернова, с. 66]). По нашим оценкам, в российских и зарубежных библиотечных и музейных коллекциях, а также в частных собраниях на настоящий момент сохранились более 50 экземпляров этого издания. Лишь небольшая их часть описана надлежащим образом с воспроизведением всех сохранившихся в них рукописных помет. В ходе настоящего исследования предполагается фиксация и анализ помет на возможно большем числе экземпляров «Учения и хитрости». Это позволит уточнить сложившиеся представления о судьбе книги в интеллектуальной культуре и, возможно, военно-организационной практике XVII — начала XVIII в.

Большая часть владельческих записей содержит краткую информацию об имени и, в некотором случае, статусе владельцев книги. Их социальный состав в целом соответствует реконструкциям, сделанным на основании записей в приходно-расходных книгах Московского печатного двора: выявлены экземпляры, принадлежавшие представителям высшей аристократии и московского дворянства. Для провинциального дворянства книга, по всей видимости, осталась в большинстве случаев недоступна. Некоторые экземпляры, сохранившиеся в отечественных собраниях, содержат владельческие записи на иностранных языках (английском и голландском), указывающие на приобретение и чтение книги иноземцами. Отдельную группу помет представляют записи работников Московского печатного двора, сделанные или в момент работы над изданием, или после приобретения книг в личную собственность для последующей перепродажи.

В некоторых записях владельцы книги кратко определяют ее содержание или жанровую принадлежность. Если для XVII в. характерны пометы, пересказывающие в той или иной форме заглавие самого текста, то записи первой половины XVIII в. в целом следуют определению «Учения и хитрости» как воинского устава, данному в «Уставе воинском» 1716 г. Книга описывается в них как «старой военной артикул» (экз. ГПИБ, инв. № 44907) или «солдатский устав» (экз. РНБ, инв. № 901); в ней, по мнению владельцев, «начертана вся таина брани» (экз. Государственного Эрмитажа, инв. № 9638 [Платонов, Мальцева, Кудрявцев, с. 225–227]). Пространная французская запись первой половины XVIII в., находящаяся в одном из экземпляров Британской Библиотеки (25.f.14), содержит краткое сообщение об истории русских войск в XVII в. и обстоятельный рассказ о возникновении самой книги, которые, впрочем, весьма далеки от действительности [Cleminson, Radoslavova, Thomas, Voznesenskii, p. 103–104].

Часть владельческих помет не относится напрямую к содержанию книги, представляя собой пробы пера, рисунки, разрозненные хронологические записи. Зафиксированы списки фрагментов литературных и вероучительных текстов, помещенные на пустых листах издания и оборотах гравюр (экз. ГПИБ, инв. № 45053). Особый интерес представляют пометы, образующие непосредственный комментарий к тексту книги. В ряде случаев владельцы «Учения и хитрости» давали в своих записях перевод иноязычных слов (в подписях к гравюрам, не переводившихся на русский язык в самом издании) или толкование неясных им русских выражений. Иногда авторы помет выражали свое мнение относительно данных в тексте практических рекомендаций или замечаний религиозно-этического характера. Наконец, примечательно наличие иноязычных записей, переводящих распорядки «ратного строения» на английский язык (экз. РНБ, инв. № 898), что может служить дополнительным аргументом в пользу возможного использования «Учения и хитрости» иноземными офицерами на царской службе.

Литература

Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

Луппов С. П. Читатели изданий московской типографии в середине XVII века. Л., 1983.

Платонов Е. В., Мальцева О. Н., Кудрявцев С. А. Государственный Эрмитаж. Старопечатная кириллическая книга XVI–XVII вв. Каталог коллекции. СПб., 2016.

Cleminson R., Radoslavova D., Thomas Ch. G., Voznesenskii A. V. Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections. A Union Catalogue. L., 2000.

Н. В. Савельева (ИРЛИ РАН)

НЕИЗВЕСТНЫЕ СЛОВАРИ-РАЗГОВОРНИКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ СБОРНИКЕ XVII в.

В истории русской средневековой лексикографии особое значение имеет проблема создания и бытования двуязычных словарей-разговорников. К настоящему времени зафиксировано около двадцати памятников XV–XVII в. подобного жанра с русскоязычной составляющей, большая часть этих текстов создавалась европейскими купцами и путешественниками (перечень памятников см., например: [Левичкин, с. 196–198], здесь же ссылки на издания текстов и основная библиография по теме).

В рукописном сборнике 1668 г. (ГИМ. Музейское собр. № 2803) мне удалось обнаружить три неизвестных словаря, записанные со слов носителей языков, на слух, и отражающие, таким образом, живую речь XVII в.: это карело-русский словарь-разговорник (Л. 177–185 об.), разговорник коми-зырянского языка (Л. 185 об.–188 об.) и тюркско-русский словарь, самый значительный по объему и содержанию (Л. 77–134 об.)[1].

Известные до сих пор записи лексики этих языков, сделанные до конца XVII в., единичны и кратки [Симони, с. 5–14; Мещерский; Русские заговоры, с. 46–54, 102–110, 286–310; Современный Коми язык, с. 174–205; Муллонен, Панченко]. Ни один из вновь найденных словарных сводов не имеет на сегодняшний день кириллических аналогов, близких по лексическому ряду, хронологии, жанру и объему текста.

Все словари записаны по тематическому принципу. Карельский свод имеет заглавие: «Сказание о преведении корельскаго речения на слове(н)ский». Язык словаря можно определить как тверской диалект собственно карельского языка. Словарные статьи (ок. 600 лексем) собраны в двадцать глав произвольно, не в алфавитном порядке: небесные тела и погодные явления, времена года и дни недели, части человеческого тела, одежда, дом и дворовое строение, кухонная утварь и пища, родственные отношения, животные и растения, рыбы, птицы, скот, полевые работы и рабочие инструменты, лексика, связанная с церковным строением и обрядом, воинская лексика, кузнечное и мельничное дело. Подавляющее большинство лексики карельского словаря — это имена существительные, лишь иногда вписаны соответствующие контексту глаголы или небольшие словосочетания.

Непосредственно к карельскому разговорнику примыкает русско-коми-зырянский словарь, озаглавленный «Звательные речи зырянского языка, сиречь сирскаго». По предварительному заключению лексика словаря относится к ареалу междуречья Камы, Вычегды и Юга. Словарик гораздо меньше по объему, половину его занимает подробно расписанный денежный счет, от деньги до тысячи рублей. Далее приводится лексика, расположенная без рубрикации примерно по тем же тематическим группам: родственные связи, воинская лексика, кухонная утварь и пища, домашний скот, одежда, птицы и звери, домовое строение. Завершается словарь записью перевода на коми-зырянский язык молитвы «Трисвятое».

Русско-тюркский свод имеет название: «Сия книга Эли(х)въ сиречь Алфави(т), преведено с турскаго на словенскую ре(ч)». Язык словаря можно определить как крымский диалект тюркского (турецко-османского) языка, наиболее близкий современному крымско-татарскому языку. Лексический материал изложен в 33 главах: вначале идут разделы, касающиеся духовно-религиозной тематики, затем лексика, обозначающая части человеческого тела, названия родственных отношений, одежда, дом и дворовое строение, кухонная утварь и пища, животные и растения, рыбы, птицы, скот, разного рода работы и рабочие инструменты; завершается свод турецким счетом. Словарь включает не только отдельные лексемы, но и словосочетания и пространные фразы, многие слова, как существительные, так и глаголы, приведены с парадигмами. Помимо переводов отдельных лексем тюркский свод содержит целый ряд этнографических, исторических, топонимических и иных статей, топографическое и географическое описания Крыма, пути из Крыма в Святую Землю, сведения о турецких завоеваниях и территориях, апокрифы. Таким образом, «Книга Элихв» представляет собой особый лексикографический жанр, переходный между словарем-разговорником и энциклопедическим тезаурусом, Азбуковником.

Ценность вновь найденных материалов подчеркивается тем, что по совокупности целого ряда палеографических и текстологических аргументов, в числе которых и запись-автограф составителя сборника, вновь найденные словари атрибутируются замечательному версификатору и педагогу «черному дьяку» (впоследствии «черному попу», иеромонаху) Прохору Коломнятину, автору стихотворного учебно-

[1] Сердечно благодарю И. Н. Воевуцкого, С. А. Мызникова, Р. В. Гайдамашко за консультации по особенностям языка новых словарей.

дисциплинарного пособия «Школьное благочиние» [Мордовцев; Демин, с. 48–51; Кошелева]. Новые биографические сведения об этом книжнике позволяют судить о времени и обстоятельствах создания им словарей. Тюркско-русский разговорник, очевидно, был записан в 40-е — начале 50-х годов XVII в. в крымском плену, позднее отредактирован автором и записан в составе сборника 1668 г. Около 1652 г. Прохор Коломнятин принял постриг в Переяславском Троицком Данилове монастыре, карельский и зырянский словари записаны им, очевидно, после пострига, в частности, об этом свидетельствуют особенности карельского разговорника, который отражает язык тверских карел, населивших Поволжье в результате миграционных процессов, особенно мощных в 1640–1660-е годы.

Таким образом, вновь найденные тексты представляют собой цикл важных источников по истории русской лексикографии, а их составитель — чернец Прохор Коломнятин — несомненно, может рассматриваться не только как одна из ярких фигур в истории русской педагогической мысли, но и как один из основателей русской лексикографии европейского типа.

Литература

Демин А. С. Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 48–52.
Кошелева О. Е. Как сочинять послания в виршах?: «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.) // Человек читающий: Между реальностью и текстом источника. М., 2011. С. 283–316.
Левичкин А. Н. Отрывок русско-голландского словаря XVII века из Пскова // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. СПб., 2017. Вып. 16. С. 196–235.
Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVII — начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л., 1961. Т. 23. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. С. 16–32.
Мордовцев Д. Л. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862.
Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск, 2013.
Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010.
Симони П. К. Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV–XVII столетий. М., 1908.
Современный Коми язык. Лексикология / Ред. А. И. Туркин. М., 1985.

А. И. Савинова, Ю. В. Степанова (ТвГУ)

«КАРЕЛЬСКИЕ» ДВОРЦОВЫЕ ВОЛОСТИ В ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ В XVII в.: ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗМЕЩЕНИЕ, ДЕМОГРАФИЯ[1]

В XVII в. вследствие военных конфликтов и перехода части северо-западных территорий России под власть Швеции происходило перемещение населения этих территорий в восточные и южные районы Новгородской земли и центральные районы Русского государства [Вершинский; Готье; Жербин; Saloheimo]. Чаще всего в письменных источниках переселенцы называются «корелянами» и «зарубежными выходцами». Имеются и другие названия: «заонежане», «новоприходцы кореляне», «выходцы из-за свейского рубежа» и др., всего около 20 вариантов. Наиболее ранние сведения о перемещении «корелян» в бассейн Верхней Волги относятся к 1640-м годам. В этот период их переселение шло семьями или небольшими группами на поместные и монастырские земли. В 1650–1660-х годах начинается расселение «корелян» на дворцовых землях.

В задачи настоящего исследования входят локализация, анализ демографических данных и динамики развития дворцовых волостей, заселенных «корелянами» в XVII в. Основными источниками исследования являются писцовые описания дворцовых волостей Бежецкой и Деревской пятин Новгородской земли, Новоторжского и Бежецкого уездов 1668/1669 г., Тверского уезда 1677/1678 г. и актовый материал. Исследование большого массива географических данных было произведено с применением ГИС-технологий [Савинова, Степанова]. В работе по локализации топонимической информации XVII в. были использованы результаты историко-географических исследований данных территорий в XVI в. [Приходно-расходная книга, с. 100–119; Фролов, Голубинский; Фролов, Пиотух].

В 1650–1660-х годах в Верхневолжье формируются дворцовые волости, в которые началось целенаправленное переселение «корелян» государственной властью. Вероятно, одной из первых стала

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00429.

Заборовская волость Деревской пятины, расположенная к югу от Вышнего Волочка. Известно, что в нее в 1550-х годах переходили «кореляне» из соседних территорий Валдайского Иверского монастыря. Вероятно, во второй половине 1550-х годов шло расселение «зарубежных» выходцев в Осеченском, Раевском, Михайловском Трестенском, Васильевском Кострицком, Никольском Тучевском погостах, расположенных на юге Бежецкой пятины, в Бельской и Дорской волостях Новоторжского уезда, а также на дворцовых землях в Есеницком, Полянском, Китаевском, Ивановском, Верховском, Мещерском, Лошицком, Городецком, Каменском станах Бежецкого Верха. Переписная книга 1668/1669 г. дворцовых земель Новоторжского и Бежецкого уездов упоминает «корелян» «старого» и «нового» выхода[2]. Переселенцы «старого» выхода, вероятно, появились в Верхневолжье 1640–1650-х годах. «Кореляне» «нового» выхода, по-видимому, прибыли в Бежецкий Верх в 1660-х годах. Переписные книги 1668/1669 г. в нескольких случаях указывают на 1667–1668 г. их поселения. В 1660-х годах «кореляне», уже поселившиеся за монастырями и помещиками, целенаправленно перемещались государственной властью в дворцовые волости. Так, в 1663 г. был перемещен 161 двор карел из земель Краснохолмского Никольского Антониева монастыря в Бежецком Верхе в дворцовую волость[3]. В этот же период сформировалась небольшая «карельская» дворцовая волость Погорелец на севере Тверского уезда.

На дворцовых землях «кореляне» селились чаще всего компактно на пустошах либо, реже, в жилых деревнях. Так, в Тверской половине Бежецкой пятины сформировался крупный анклав, состоящий из населения 19 «карельских» погостов в Мстинско-Моложском междуречье. К нему примыкали дворцовые «карельские» территории Бежецкого Верха и Новоторжского уезда. По количеству пустошей и по площади наиболее крупными стали территории в Осеченском Воскресенском и Козловском с Толмачевской слободой погостах.

Пустоши передавались группам «корелян»-переселенцев на оброк. В Тверской половине Бежецкой пятины и в Заборовской волости Деревской пятины в общей сложности были поселены 28 групп «корелян». Одна группа могла получить пустоши в погостах, удаленных друг от друга на большие расстояния (до 30 км). Среди переселенцев были выходцы непосредственно «из-за шведского рубежа», а также «кореляне», ранее переселившиеся в различные районы Новгородской земли. В Заборовский погост Деревской пятины переходили «кореляне» из земель Валдайского Иверского монастыря – выходцы из Соломенского, Угнемского, Сустомского погостов Корельского уезда. В Бежецкую пятину переселились «кореляне» из Локоцкого погоста Деревской пятины, ряда погостов Шелонской пятины. Эти данные свидетельствуют о поэтапном процессе перемещения населения «из-за шведского рубежа» после окончания Смутного времени. Выходцы из Карелии перемещались в центральные районы Новгородской земли, а затем только в Верхневолжье. По данным переписей поместных и монастырских земель, известно также о переселении «корелян» на Верхнюю Волгу из заонежских погостов и Белозерья.

Оценка численности «корелян», переселившихся на рассматриваемые дворцовые земли, может быть лишь приблизительной, поскольку для ряда волостей можно установить только количество расселившихся групп. Предположительно в Тверской половине Бежецкой пятины и в Заборовской волости Деревской пятины в 1660-х годах проживало около 2500–2800 «корелян» мужского пола.

На примыкающих дворцовых землях Бежецкого уезда в 1668 г. проживало в общей сложности 1149 человек мужского пола в 72 населенных пунктах. В Бельской волости Новоторжского уезда в 1668 г. в 25 деревнях и одном селе проживало 402 «корелянина» мужского пола, описание же Дорской волости не сохранилось. В волости Погорелец Тверского уезда насчитывалось 140 «корелян» мужского пола.

Таким образом, на образующих единое пространство дворцовых территориях Бежецкого и Новоторжского уездов, Бежецкой пятины и Заборовского погоста Деревской пятины Новгородской земли в конце 1660-х годов в общей сложности проживало около 4000–4300 «корелян» мужского пола.

Литература

Вершинский А. Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4. С. 73–105.

Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

Приходно-расходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 гг. («Книга записей софийской пошлины») / Сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб., 2011.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 11461.

[3] Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1904. С. 37–38.

Савинова А. И., Степанова Ю. В. Расселение Тверских карел в XVII–XIX вв.: опыт изучения с применением ГИС-технологий // Электронный научно-образовательный журнал «История» [Электронный ресурс]. 2017. Т. 8.
Фролов А. А., Голубинский А. А. Веб-картографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» // Историческая география. 2016. № 3. С. 440–455.
Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли. М.; СПб., 2008. Т. 1.
Saloheimo V. Pohjois-Karjalana historia: II: 1617–1721. Joensuu, 1976.

О. С. Сапожникова (БАН)

АРГО ДВОРА ИВАНА ГРОЗНОГО И АВТОР ЖИТИЯ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА

Язык, стиль Ивана Грозного и его современников неоднократно были предметом изучения. Исследователи отмечают широкий спектр лексики (от торжественной книжной до бранной), которой с легкостью оперировал царь в своих посланиях до «полного нарушения всех правил средневекового писательства» (Д. С. Лихачев). Сдерживаемые рамками литературного и иерархического этикета, его придворные и современники оставили сочинения в традициях древнерусской книжности, но отражающие начитанность и виртуозность цитирования не менее интересную, нежели царь. Андрей Курбский, взявшийся за перо, уже будучи вне контекста московской жизни, стал самым знаменитым оппонентом царя, буквально сражающимся с ним словом. Как отметил С. М. Соловьев, оба писателя, как и их образованные современники, привыкли уважать и признавать новое оружие — слово. Представляется, что время Ивана Грозного с его атмосферой интереса и уважения к слову, чтению, к рассуждениям об истории, «вере греческого закона» отличает такое явление, которое социолингвистика изучает на примере профессиональных и социальных корпораций, — это язык замкнутой социальной группы (н-р, язык офеней, язык английской аристократии викторианской эпохи, язык русского дворянства XIX в. (французский), «престижный вариант языка» Оксфорда и Кембриджа и др.). «Каждая сфера, в которой находится человек, содержит новые роли, отношения и коды» (Р. Т. Белл).

Государственная элита XVI в. при расцвете публицистики, интереса к слову пришла естественным и закономерным образом к обозначению своего статуса и своей «особости» не только поведением, роскошью, соперничеством в родовитости, но и вербальной индикацией. При дворе Ивана Грозного возникает запрос на особое языковое поведение, которое задает просвещенный царь, которое ему угодно и которому способны соответствовать/угождать избранные. Язык замкнутой социальной группы не обходится без лексики, избыточной по сравнению с обиходной, без специальных терминов, идиом. В сочинениях Грозного и Курбского до нас дошли лишь отголоски языкового репертуара избранного круга, поскольку он предназначался для устного использования, среди своих. Сейчас можно сказать, что важной составляющей этого языка стала заимствованная из греческих переводных памятников терминология — греческие и латинские по происхождению названия государственных должностей и воинских чинов Римской империи. Присущая переводным памятникам и сконцентрированная в большом количестве в ВМЧ, эта лексика вряд ли могла использоваться в реальных ситуациях (например, при военных действиях, в дипломатической практике). Лишь случайно она просачивается в нарративные памятники.

Однако есть сочинение, которое, на наш взгляд, является показателем востребованности и хорошего знания такой лексики теми, кто причастен к продуцированию главных идеологем времени, — а это примерка на себя «одежд» Византии в самых разных смыслах (translatio imperii, sancti, etc.), в данном случае — проекция на придворные и воинские чины Империи (translatio ordinis). Использование иноязычной «государственной терминологии» в проекте такого масштаба, как Степенная книга, — совершенно очевидно преднамеренное, продуманное. Составитель даже предпослал Степенной книге статью «Царьскыя сановникы», поскольку заимствованная лексика не могла не затруднять чтение. Автором этого уникального по жанру труда считается Андрей-Афанасий, царский духовник, митрополит всея Руси (1564—1566), который был лично знаком с Максимом Греком и пользовался его трудами, в том числе, по-видимому, и «Толкованием именам по алфавиту» (и другими составлявшимися именно в это время (50—60-е годы XVI в.) лексикографическими сводами (А. С. Усачев, А. А. Юдин)). Словари начинают создаваться, когда общество осознает потребность в правильном использовании иноязычной лексики. Приведем некоторые примеры совпадения лексики в сочинениях современников:

Послания Грозного: «**епархомъ и синклитомъ**», «**ипаты и стратиги**», «**скипетромдержания».** Сочинения Курбского: **синглит**, **стратилатъ**, **стратигъ**, антипат, **скипетр, ипат, патрикии.**

Степенная книга (предисловная статья «Царьскыя сановникы»): **е**рапархъ, **стратилатъ**, чигосъ, ипатъ, **синьклитикъ**, патрикии, **архонъ**, логофетъ, комитъ, дукс, **препоситъ,** доместикъ, тривунъ, протиторъ, игемонтъ, спафарие, тиронъ, схоларь, **анфипатъ**, тривонатарии, **кентирионъ**, халтуларь (в тексте Степенной книги: **скипетродержание**).

«Толкование именам по алфавиту Максима Грека»: ипарх, **епархъ, упатии**, **анфипат.**

В кругу текстов, в которых точно и без ошибок используется данная лексика, оказывается Житие митрополита Филиппа (см.: **сигклитъ, скипетръ**, **препоситъ, архонъ, кентирионы, коментарсии, анагностъ**). Трудно назвать древнерусское агиографическое сочинение, содержащее подобную терминологию. Более того, редчайшее слово «коментарсии» использовано в Житии в своем прямом значении: «тюремные надзиратели» (лат. и греч. термин), в то время как в ранних Азбуковниках XVI в. оно имело неверное толкование: «коментарисии толкуется стерѣишина княжи мужем» (Л. С. Ковтун). Этот и другие термины использовал человек, для которого подобные слова, не вошедшие в широкое употребление, были на уровне обиходных, он использовал их без затруднения и обращения к словарям, что свойственно людям круга Грозного. Остается присоединиться к ученым, считавшим, что Житие Филиппа содержит свидетельства современника или даже очевидца (Г. П. Федотов, И. Шевченко, В. А. Колобков, Р. Г. Скрынников, Г. Г. Латышева), и добавить, что этим очевидцем и был написан первоначальный текст Жития. О том, что он был создан при жизни Грозного, свидетельствует, на наш взгляд, выражение Жития «царь нашъ». Для определения почившего государя данное выражение было невозможно, доказательством тому являются не только тексты летописей, житий, но и редакции самого Жития Филиппа, где местоимение «наш» внимательными авторами поздних редакций убиралось или заменялось. Именно в этих же списках читается удивительным образом не замеченное исследователями и невозможное для древнерусского сочинения неэтикетное определение «некий» по отношению к митрополиту всея Руси Афанасию, не имевшему конфликтов с государем, не запятнавшему себя в каких-либо интригах, единомышленнику и преемнику митрополита Макария: «…по его приказу Афонасия *некоего* возведоша на митрополию». Объяснение такого невероятного определения может быть только одно — так мог написать о самом себе автор сочинения, что согласуется с древнерусской традицией самоуничижения, преумаления своего статуса и заслуг («…*смиренным* Афанасием, митрополитом всея Руси», «Канон молебен Кюрила *грешнаго*» и т. д.). На это неэтикетное определение непременно обращали внимание древнерусские редакторы и при работе над текстом заменяли «некий» на «митрополит всея России Афанасий». Предложенное авторство согласуется с использованием лексики, характерной для круга Ивана Грозного, Степенной книги, трудов Максима Грека, Андрея Курбского и снимает вопросы относительно удивительной осведомленности некоего современника, якобы пересказывавшего соловецкому писателю через много лет в мельчайших подробностях обстоятельства конфликта между царем и митрополитом.

И. А. Сафарова (ИА РАН)

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПОЛЫ ТВЕРИ XIII–XVI в.

В работе рассмотрены керамические покрытия полов по данным археологических раскопок последних десятилетий на территории города Твери. Основной источниковой базой является крупная коллекция плиток пола, полученная при раскопках на месте собора Спаса Преображения, построенного в 1285–1290 г. Этот материал дополнен данными других раскопов.

На основании изучения морфологии и техники изготовления выделены типы плиток, характерные для разных хронологических периодов. Прослеживается эволюция керамических покрытий полов в Твери на протяжении трех столетий. Проведен анализ топографии находок с целью определения объектов — зданий, интерьер которых украшали керамические полы.

М. Б. Свердлов (СПбИИ РАН)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ IX–XI в.

Индоевропейское происхождение объясняет начала комплексной экономики, основанной на пашенном земледелии, а также семантическое содержание языка и культуры восточных славян как одного из европейских народов. Письменные, лингвистические, археологические источники, а также сравнительно-исторические материалы позволяют определить общеславянский период V — начала VII в. как время позднего племенного строя. Для него характерны верховные функции народного собрания, состоявшего из мужчин, для решения основных вопросов войны, мира и суда. Существовали институты выбранного на нем князя в соответствии с его заслугами перед племенем или происхождением из знатного рода, а также княжеской дружины, состоявшей из свободных мужчин. Эти племенные структурные составляющие были соединены функциональными связями. При решении судебных дел по убийству часть штрафа отходила пострадавшему роду, часть — племени. В мирное время члены племени приносили князю добровольные подношения продовольствием как выражение почести. Традиция этих отношений сохранилась в названиях древнерусских податей — *дар* и *почестье*. Князь материально обеспечивал членов своей дружины за службу-дружбу.

Начало в IX в. развитого железного века имело следствием трансформацию восточнославянских традиционных племенных структур. Малая семья стала основой неразделенной семьи и соседской общины. Восточнославянские племена, расселившись на пространствах лесной зоны Восточной Европы, ассимилировали местные балтские и финно-угорские племена, распространяя на новые этнокультурные общности свои названия. Основные вопросы социально-политической действительности решались князем и племенной знатью — старейшинами (лучшие мужи), хотя в критических ситуациях племенные собрания совершались. Интегрирующее значение имели материальные процессы: развитие ремесел, внутренняя торговля, восточнославянская денежная система, транзитные пути по речным системам Восточной Европы, появление городов. Наиболее обоснованным в научной литературе таких новых восточнославянских предгосударственных образований стали, по нашему мнению, *племенные княжения*. Вероятно, формировались межплеменные союзы. На северо-западе и юго-востоке восточнославянские племенные княжения вступали в сложные экономические отношения со скандинавами и народами Хазарского каганата.

Учитывая общественно-политический и этнокультурный контексты «эпохи викингов», представляются обоснованными гипотезы, в соответствии с которыми в основе предания об избрании на княжение Рюрика находятся исторические реалии первой половины — середины IX в. на северо-западе Восточной Европы. Скандинавы стали участвовать в объединительных процессах, происходивших в племенных княжениях, вследствие чего их конунги стали исполнять функции восточнославянских князей.

В образовавшемся потестарном государстве, этнокультурную основу которого составляли восточнославянские племенные княжения, сформировались в X в. основные государственные институты. 1. Публичная власть — династия Рюриковичей и иерархически организованная структура — дружина, состоявшая из княжих мужей и отроков. 2. Публичное право — восточнославянская в нормативных основах Правда Русская («Закон Русский» русско-византийских договоров 911, 944 г.). 3. Регулярно взимаемое во время полюдья фиксированное податное обложение — «подымное» от дома-дыма — хозяйства малой семьи. 4. Войско. 5. Территориальное деление по городам с волостями и погостам. Высшими государственными должностями являлись княжеские воеводы и посадники. За их исполнение, а также за осуществление военных и гражданских обязанностей в составе дружины княжие служилые люди получали часть собираемых податей. В XI в. отмечаются и раздачи князем денег служилым людям. В странах раннесредневековой Западной Европы такие виды материального обеспечения за службу королю (императору) назывались «феод-должность» и «феод-деньги». Во время полюдья, которое совершалось в X в. и являлось круговым объездом племенных княжений князем, членами его семьи и княжими мужами с дружинами, осуществлялось прямое княжеское управление, во время которого участники полюдья «кормились», что также являлось средневековой формой материального обеспечения за службу князю.

В X в. образовалось государство, которое из потестарного развилось в политически единое во главе с династией Рюриковичей. В середине X в. император Константин Багрянородный называл его Ῥωσία. В европейской латиноязычной письменности с начала XI в. оно устойчиво указывалось как Ruzzia, Ruscia и т. п., а его правитель как rex, тогда как в древнерусской письменности с XI в. оно описательно характеризовалось как этногеографическая общность — «Русская земля». Этот процесс стал объективной

причиной попыток княгини Ольги утвердить распространявшуюся на Руси монотеистическую религию — христианство — посредством учреждения епископии. Через тридцать лет ее внук Владимир ввел православие в качестве государственной религии. Наряду с распространением христианских религиозно-нравственных ценностей оно придало княжеской власти сакральность. В продолжение и развитие деятельности династии Рюриковичей X в. внешнеполитическая, культурная и династическая политика русских князей с XI в. стала органической составной частью стран Центральной, Северной и Юго-Восточной Европы.

Таким образом, княжеская власть на Руси IX–XI в. генетически продолжила и развила на раннесредневековом государственном уровне традиции индоевропейского и славянского родоплеменного общества. При отсутствии альтернативных источников власти она стала осуществлять верховные социально-экономические, политические, правовые функции, определяя содержание социальных, политических, правовых отношений, внутренней, внешней, идеологической, церковной политики государства, культуры его правящих сословий. Ей стали свойственны сакральность и знаковая система символов, отделявших князя и княжескую власть от других социальных слоев и институтов Руси IX– XI в.

Ю. В. Селезнев (Воронежский гос. ун-т)

РУССКИЙ КНЯЗЬ В ПОЛЬСКОЙ УСОБИЦЕ 1146 г. — ВЕРСИЯ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В событиях борьбы за власть в Польше между князем Владиславом II и его сводными братьями Болеславом и Мешко широкое участие принимали русские союзники первого. Весной 1146 г. во время осады Познани упомянут русский князь — родственник Владислава II, имя которого в источниках не названо и идентификация которого вызывает затруднения.

При этом наличие у краковского князя союзников на Руси вполне закономерно, ведь Владислав II был сыном Сбыславы Святополковны (дочери киевского князя Святополка Изяславича, тогда как его братья являлись сыновьями второй жены Болеслава III Кривоустого — Саломеи фон Берг-Шельклинген).

Более того, для укрепления своего союза с русскими князьями краковский князь Владислав II в 1142 г. женит своего сына Болеслава на дочери великого князя киевского Всеволода Ольговича Звенислава. Тем самым Владислав устанавливает военно-политические связи с сильнейшим на тот момент князем Руси. Вполне закономерно, что династический брак позволил краковскому князю уже зимой 1142/1143 г. использовать русский отряд в борьбе со своими сводными братьями: Болеславом IV Мазовецким и Мешко III Великопольским. Театр военных действий можно реконструировать предположительно: союзники соединились у Червинска и, вероятно, разорили земли братьев Владислава.

В 1144 г. летописи фиксируют уже участие войск во главе с князем Владиславом II в усобице русских князей. В рамках похода мощной коалиции во главе с киевским князем Всеволодом Ольговичем была предпринята попытка сместить с галицкого престола князя Владимира Володаревича.

Под следующим 1145 г. русские летописи упоминают о походе князей Игоря Ольговича с киевской дружиной, его брата Святослава Ольговича Новгород-Северского, Владимира Давыдовича Черниговского и Святослава Всеволодовича Волынского «на Ляхи в помочь» Владиславу II. Его братья Болеслав и Мешко вынуждены были заключить мир, уступив «4 городы» (вероятно, Серадзско-Ленчицкую землю) Владиславу, которому, таким образом, удалось разъединить великопольские и мазовецкие владения своих противников. Князю Игорю Ольговичу при этом достается Визна, город на Нареве, к северу от Дрогичина, открывающий дорогу в Пруссию.

Весной 1146 г. князь Всеволод Ольгович совершил еще одну попытку сместить Владимира Володаревича. Собрав значительную коалицию, в которую вошли войска Владимира Давидовича Черниговского, Игоря Ольговича Новгород-Северского, Святослава Ольговича Стародубского, Вячеслава Владимировича Туровского, Изяслава Мстиславича Переяславского, Ростислава Мстиславича Смоленского, Святослава Всеволодовича Волынского, а также отряды поляков князя Болеслава (своего зятя) и половцев, Владимир Володаревич Галицкий выдвинул свои войска к Звенигороду. Здесь его блокировали войска коалиции. Однако штурмом овладеть крепостью не удалось. Коалиция была распущена.

В это же время князь Владислав II начал новое наступление на Мазовию и блокировал своих братьев в Познани. Причем мы видим, что дружина его старшего сына Болеслава, зятя киевского князя

Всеволода Ольговича, находится в это время в составе коалиции войск, осаждающих Звенигород. При этом Великопольская хроника и чешская хроника Винцентия Пражского упоминают об участии в осаде Познани русских войск во главе с русским князем — родственником Владислава II. Ян Длугош, вероятно, смешивая два разных похода — 1145 и 1146 г., называет руководителями русской армии князей Святослава Всеволодовича, Изяслава Давыдовича, родного брата Владимира, а также некоего «Всеволодимира», князя галицкого (таковым тогда был Владимирко Володаревич).

А. В. Назаренко в комментарии к свидетельству хроники Винцентия Пражского указывает, что «Владислав II опирался на помощь киевского князя Всеволода Ольговича, тогда как младшие Болеславичи поддерживали на Руси союз с сыновьями киевского князя Мстислава Великого — прежде всего с Изяславом, с малолетним сыном которого Мстиславом была помолвлена их младшая сестра Агнеса (Агнешка)». Эту же мысль высказал польский исследователь С. Смолка, считая Ольговичей главными союзниками Владислава II.

Однако все перечисленные в свидетельстве Яна Длугоша князья в данное время (весна 1146 г.) участвуют в усобице на Руси. Причем первые среди перечисленных воюют против последнего — галицкого князя. Таким образом, представители династии черниговских Ольговичей, с которыми породнился Владислав II, женив на дочери киевского князя своего сына Болеслава, не могли участвовать в осаде Познани.

Кто же из русских князей, находясь с краковским князем в родственных отношениях, мог в это время оказать поддержку Владиславу II?

Стоит напомнить, что Владислав II состоял не только в свойстве с черниговской ветвью Рюриковичей. Краковский князь был сыном первой супруги Болеслава III, которой являлась Сбыслава Святополковна. Ее брат Ярослав пользовался поддержкой своего зятя и погиб во время осады Владимира-Волынского в 1123 г. В середине 1140-х годов взрослыми были двое его сыновей — Юрий (Пинский) и Вячеслав (Клецкий). Причем высказывается мнение, что первый из них был рожден до 1112 г. от второго брака князя Ярослава Святополчича с Юдитой-Марией, дочерью польского короля Владислава I Германа — теткой Владислава II. Таким образом, по женской линии князья Юрий и Владислав II оказываются двоюродными братьями. Матерью князя Вячеслава (род. ок. 1114 г.) считается третья жена князя Ярослава Святополчича дочь князя Мстислава Владимировича, которая была отослана мужем в 1119 г., что означало развод и вылилось в усобицу, закончившуюся смертью Ярослава. Тем не менее и Вячеслав является кузеном Владислава II.

Таким образом, русскими князьями — родственниками князя Владислава II — могли быть братья Ярославичи (сыновья князя Ярослава Святополчича). Наиболее вероятно, что войска возглавлял старший из них — Юрий, который оказывался в двойном родстве с краковским князем: с одной стороны, являлся сыном тетки Владислава, с другой — приходился племянником матери последнего, которая была сестрой его отца.

А. А. Селин (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)

КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ О ПЕРЕГОВОРАХ ОСЕНИ — ЗИМЫ 1592/1593 г. В ТЯВЗИНЕ

Тявзинский мирный договор между Московским государством и Шведским королевством, подписанный фактически через три года после окончания активных военных действий между сторонами, был итогом длительных дипломатических баталий [Флоря; Рябошапко]. Переговоры в деревне Тявзино, неподалеку от Ивангорода, начались уже осенью 1592 г. Московскую сторону представляли послы окольничий М. Г. Салтыков, дворянин Д. И. Черемисинов и дьяк П. Дмитриев; шведскую — К. Флеминг, Й. Бойе, А. Э. Столарм и Г. Донов. Этот первый этап переговоров, длившийся до середины января 1593 г., практически не изучен. Его материалы в составе фонда 96 РГАДА не сохранились.

В рукописном архиве СПбИИ РАН хранится расклеенный столбец объемом 344 сстава, в котором сохранилась часть делопроизводства этих переговоров — тот массив документации, который копировался

в Новгороде. В обстановке опасности «морового поветрия» отписки послов в Москву несколько раз копировались: сперва подлинники доставлялись из Тявзина по Ивангородской дороге на заставу в Тесово (стоявшее в Тесове войско весь рассматриваемый период возглавляли кн. В. В. Булгаков-Голицын и И. И. Великого Гагин), там они копировались, копии пересылались в Новгород. Там в приказной избе при воеводе боярине кн. В. И. Шуйском они копировались еще раз, а списки, сделанные в Новгороде, отправлялись в Москву. Именно оседавший в Новгороде пласт документов (списки посольских отписок, сделанные в Тесове, подлинные отписки из Тесова от воевод В. В. Голицына и И. И. Великого Гагина, отпуски отписок из Новгорода в Москву) сохранился в составе данного столбца (СПбИИ РАН. Колл. 226. Оп. 2. Ед. хр. 296). На бумажной обложке XIX в. сделаны пометки «Тявзинское» (зачеркнута), «Посольские дела Михайла Салтыкова о перемирии с шведами 1592–1593 года. Черновой подлинник, принадлежащий Академии наук. Ср. Карамз. X, стр. 167». На наклейке на обложке третьим почерком написано: «Г. Бередникову». Коллекция 226 (коллекция Библиотеки Академии наук) Научного архива СПбИИ РАН составлена из документов, в 1931 г. переданных из БАН в Историко-археографический институт АН СССР. По всей вероятности, наряду с другими документами делопроизводства Посольского приказа, эти документы в 1830-е годы оказались переданы Я. И. Бередникову, как члену Археографической экспедиции или, позднее, Археографической комиссии. В настоящее время в состав столбца входит 107 документов (списков и отпусков с грамот).

Значение документов, сохранившихся в столбце, сложно переоценить. В донесениях из-под Ивангорода подробно пересказывались конспекты переговоров, ведшихся между московской и шведской делегациями, в них давалась хронология временных разрывов и возобновления переговоров. М. Г. Салтыков регулярно сообщал о происходивших во время переговоров эксцессах (бегства из шведского и московского станов, допросы перебежчиков со шведской стороны, спорадическое возобновление военных действий). В них содержатся также указания на передвижение крупных отрядов московских войск по Ингрии (во главе с П. Н. Шереметевым и кн. Ф. И. Хворостининым).

Предметом спора посольств было предстоящее разграничение территорий и характер предстоящего соглашения. Фактически московская сторона предъявляла претензии на Нарву и Корелу (Кексгольм) и требовала заключения «вечного мира»; шведская, ссылаясь на отсутствие необходимых полномочий, настаивала на перемирии при сохранении status quo на момент начала переговоров.

Риторические приемы послов, характер взаимных угроз в ходе переговоров заслуживают особенного внимания. Шведские послы строили риторику на возможных совместных антимосковских действиях с Польско-Литовским государством и Крымом (будучи в общих чертах осведомленными о походе Казы-Гирея к Москве 1591 г.); московская сторона дезавуировала шведские угрозы пренебрежительными отзывами о боевых качествах шведского войска в кампаниях 1590–1591 г. в Ингрии. В наказе московских послов, по всей вероятности, были выписки из посольской документации предшествующего времени: в спорах со шведскими уполномоченными они оперировали ссылками на противостояние Швеции и Новгорода в XV в. и на политические события со времени воцарения Густава Вазы.

Заключительная часть переговоров, в ходе которой шведские послы согласились на заключение двухлетнего перемирия, была ознаменована дошедшим до посольских станов известием о смерти короля Юхана III. Одновременно шведские войска в Финляндии проявили активность и даже осуществили рейд на южное побережье Финского залива. Предполагаю, что в XX в. часть документов расклеенного столбца оказалась в других коллекциях СПбИИ РАН. В коллекции 109 («Порубежные акты») сохранился русский перевод записи шведских послов К. Флеминга, Й. Бойе, А. Э. Столарма и других, данной М. Г. Салтыкову с товарищами, о согласии на заключение перемирия на два года — от Крещения 1593 до Крещения 1595 г. (СПбИИ РАН. Колл. 109. Ед. хр. 802). Именно этот документ, по всей вероятности, был заключительным в данном деле.

Литература

Рябошапко Ю. Б. Тявзинские переговоры 1594–1595 гг. // Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974. Ч. 2. С. 25–68.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII века. М., 1973.

А. В. Сергеев
(Ин-т промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства)

СВЕДЕНИЯ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ КНЯЖЕСКИХ ФАМИЛИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVII в. В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ

В основу настоящей работы положены результаты изучения синодика Чудова монастыря (далее — ЧМ) XVII в.[1] и других письменных памятников, связанных с этой обителью[2]. По данным указанных источников определены княжеские фамилии, представители которых в разное время делали вклады в ЧМ, уточнены биографии отдельных вкладчиков, сделана попытка установить хронологию и выяснить динамику княжеских вкладов. К сожалению, наиболее ценные для биографических изысканий вкладные, кормовые книги ЧМ не сохранились или их местонахождение неизвестно[3]. Данное обстоятельство повышает ценность информации, которую можно узнать из дошедших до нас памятников.

Присутствие имен тех или иных лиц в монастырском синодике указывает на сделанный вклад деньгами или вещами, достаточный для «вечного поминания». В главных обителях Московского государства эта сумма составляла около 50 руб.,[4] а в иерархии монастырей, установленной в 7054 (1545/1546) г., ЧМ было отведено первое место[5]. Подтверждение данного факта содержится также в одном памятнике ЧМ: 28 февраля 1586 г. князь Сава Щербатый дал «по отце своем князе Дмитрие 25 руб., а в 30 руб. дал на себя память своею рукою. И за тот его вклад отца его князя Дмитрея в Чюдове монастыре погребли честно и имя его в братцкои сенаник и во вседневнои написали»[6].

Охарактеризовать динамику вкладов: когда их делалось больше, а когда меньше — можно, определив даты соответствующих записей в синодике ЧМ. Решению этой задачи способствует сравнение поминаний синодика ЧМ с датированными записями вкладной книги и синодика ризницы Троице-Сергиева монастыря[7]. С. В. Стрельников справедливо отметил, что «сравнительно-сопоставительный метод» в данном случае оправдан, поскольку вклады обычно делались в определенные жизненные моменты (по умершим родственникам, перед уходом в монастырь и т. п.) и часто сразу в несколько монастырей [Стрельников, с. 311]. Датировке вкладов помогают также сведения разрядных, родословных книг и иных источников.

Всего в Хозяйственных книгах, синодике ЧМ отмечены вклады и обусловленные ими поминания представителей 67 княжеских фамилий. Поскольку князья и княгини иногда давали несколько вкладов в разное время, то общее число поминальных записей в синодике больше — около 100. Среди княжеских фамилий преобладают «первостепенные», но есть несколько малозначительных — князья Мышецкие, Болховские и др. Вкладчиками ЧМ были фамилии, представители которых входили в состав Государева двора и по делам службы бывали в Москве. Стоит отметить, что в синодике ЧМ нет поминаний князей кабардинских, ногайских, татарских, хотя в крупные монастыри (Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский и др.) князья Шейдяковы, Черкасские и др. вклады давали. Является указанное обстоятельство случайностью или нет — определенно решить сложно.

К сожалению, установить точно время для каждого княжеского вклада в ЧМ не удалось, тем не менее можно констатировать, что их временной диапазон охватывает 1538–1670-е годы и наибольшее количество пришлось на период 1586–1650 г. Указанная динамика не вполне согласуется с аналогичными показателями по другим обителям, в которых наибольшее число княжеских вкладов отмечено во второй трети XVI в., а в последних десятилетиях XVI — первых десятилетиях XVII в. произошел существенный спад, и с середины 1620-х годов — новый подъем, хотя уровень второй трети XVI в. не был достигнут [Сергеев, 2016, с. 133; Сергеев, 2017, с. 359; Сергеев, 2018, с. 61]. Скорее всего, отмеченное своеобразие динамики княжеских вкладов в ЧМ отражает плохую сохранность данных о них за первую-вторую трети

[1] РНБ. Ф. 550. F.IV.194.
[2] Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Составитель С. Н. Богатырев. М., 1996; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 50–74; *Кистерев С. Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 годов // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 59–234.
[3] Упоминание о вкладной книге есть в Описи хранилища ЧМ 1755 г. (АСЭИ. Т. 3. С. 73. № 501).
[4] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 56.
[5] «В лето 7054-го царь и великий князь Иван Васильевич пожаловал, указал места архимандриту троецкому Сергиева манастыря да кириловскому игумену, да павнутьевскому, да осифовскому: троецкому под чюдовским, а кириловскому под андрониковским, а павнутьевскому под богоявленским на Москве за торгом, а осифовскому под павнутьевским; а преж им мест не бывало» (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 180).
[6] Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. С. 40–41.
[7] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря; РГБ. Ф. 304/III. № 25.

XVI в., утрату подавляющего большинства сведений за этот период, но возможны иные объяснения. Для более основательной интерпретации данного факта необходимо специальное изучение вкладов княжеских фамилий в столичные монастыри и сопоставление их с данными по ЧМ и другим обителям Московского государства. Не исключено, что в сравнении с «региональными» столичные монастыри имели особенности, отразившиеся в динамике княжеских вкладов, составе вкладчиков.

Литература

Сергеев А. В. Троице-Сергиев монастырь и княжеская аристократия Московского государства в XVI–XVII в.: виды и динамика вкладов // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материальные свидетельства духовной культуры. Сборник материалов IX Международной конференции. 16–17 октября 2014 года. Сергиев Посад, 2016. С. 132–143.

Сергеев А. В. Представители княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII веков во вкладных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: Сборник статей. М., 2017. Вып. 4. С. 326–374.

Сергеев А. В. Письменные памятники Ярославского Толгского монастыря как источник биографических сведений о представителях княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII вв. // История и культура Ростовской земли. 2017. Ростов, 2018. С. 45–62.

Стрельников С. В. Особенности редактирования вкладных и кормовых книг Ростовского Борисоглебского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 305–322.

А. В. Сиренов (СПбИИ РАН)

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА ВЛАДИМИРА НА КЛЯЗЬМЕ

Вопрос о времени основания города Владимира на Клязьме, одного из столичных центров средневековой Руси, обсуждается уже более двух веков. Летописи сообщают две даты основания города: в 990 г. при князе Владимире Святославиче или в 1108 г. при князе Владимире Мономахе. Известие о походе Владимира Киевского в Суздальскую землю и основании города Владимира появляется в летописях только в начале XV в., в комплексе с другим вымышленным известием, и по этим причинам не может быть признано достоверным. Рассказ об основании города в 1108 г. при Владимире Мономахе попадает в летописи только в XVI в. Его источником является внелетописная статья «А се князи русьстии», которая входит в состав конвоя Комиссионного списка Новгородской I летописи, датируемого серединой XV в. В тексте сказано, что Владимир Мономах основал город Владимир за 50 лет до строительства Успенского собора. Поскольку Успенский собор был возведен в 1158 г., то составитель Львовской летописи вычислил дату основания Владимира путем простого арифметического действия: 1158–50=1108. Как видим, обе даты недостоверны, поэтому не имеет смысла спорить, от какой из двух дат следует вычислять возраст города Владимира — от 990 или от 1108 г. Очевидно, что реконструировать раннюю историю города Владимира нужно иначе, опираясь на другие свидетельства.

Важным является зафиксированное летописью под 6684 (1176) г. указание владимирцев, что их город якобы основал «великий Владимир». Очевидно, имелся в виду либо Владимир Святославич, либо Владимир Мономах. В пользу первого варианта доказательств, в том числе археологических, не имеется. Существование города Владимира при Владимире Мономахе гораздо более вероятно. Свидетельством этого традиционно считают строительство Мономахом Спасской церкви — первой каменной постройки города. Источником здесь опять-таки является статья «А се князи русьстии», которая содержит перечисление всех белокаменных храмов Владимира, Суздаля, Боголюбова, Кидекши и Юрьева-Польского. При этом допущены ошибки в датировке и атрибуции отдельных построек. Так, церковь Воздвижения на Торгу отнесена ко времени правления Святослава Всеволодовича, а укрепления в Кидекше — к деятельности Бориса Михалковича. Очевидно, что автор этого текста описывал имевшиеся в его время белокаменные храмы и фортификационные сооружения и высказывал свои предположения относительно времени их постройки. В таком случае под церковью Спаса во Владимире, якобы построенной при Владимире Мономахе, имеется в виду Спасо-Златовратская церковь, сооруженная Андреем Боголюбским в 60-е годы XII в. А это значит, что о каменном строительстве во Владимире времени Мономаха говорить не приходится. Перед нами просто ошибка книжника XIV–XV в.

Первым каменным храмом, построенным во Владимире, следует считать Георгиевскую церковь, которую специалисты датируют серединой XII в. Получается, что город Владимир в середине XII в.

выглядел следующим образом. Самая выгодная для строительства площадка, на которой в 1158–1160 г. был построен Успенский собор, оставалась без храма. Указание летописей XV–XVI в. о возведении Владимиром Святославичем в 990 г. деревянного Успенского собора не выдерживает критики. Единственный каменный храм находился на менее укрепленном холме. Едва ли можно предположить, что самый выгодный в фортификационном отношении береговой холм оставался незанятым. Археологические раскопки, проведенные на этом холме Н. Н. Ворониным и В. П. Глазовым, склоняют исследователей к мнению, что здесь в XI в. существовало мерянское поселение. Получается, что славянская крепость в первой половине XII в. занимала дальнее от реки плато, на котором построили Георгиевскую церковь. Место же на крутом берегу Клязьмы было занято мерянским поселением. Видимо, уже при Андрее Боголюбском эти два населенных пункта объединили в единую крепость, которая состояла из двух окруженных валами частей. Летописное известие 1238 г., рассказывающее о захвате Владимира татаро-монгольскими войсками, обозначает две части владимирской крепости как Печерний град и Новый град. Название «Печерний град» употреблено для крепостных сооружений вокруг бывшего мерянского поселения. Исследователи пытались объяснить это название от древнерусского слова «печера» (пещера), предполагая либо наличие пещер, либо некоей связи с Киево-Печерским монастырем. Такие объяснения представляются неубедительными, поскольку не подтверждаются источниками. Предлагаем объяснять термин «Печерний град», исходя из мерянской топонимики. В окрестностях Владимира известен ряд угро-финских гидронимов (угро-финские ойконимы почти не сохранились) с корнем «печ», что значит ‘сосна’. В этом районе, действительно, произрастают сосны. Наверняка они росли и на высоком берегу Клязьмы. На ближайшем западном всхолмии береговой линии Клязьмы сосновая роща существует до настоящего времени (ныне микрорайон Сосенки). Полагаем, что мерянское поселение на высоком плато имело название с корнем «печ», что отразилось в наименовании этой части средневекового Владимира — Печерний град.

Ранняя история города Владимира представляется следующим образом. На высоком берегу Клязьмы в XI — первой половине XII в. (вполне вероятно, что и ранее) существовало мерянское поселение, в названии которого фигурировало слово «печ» — сосна. Можно предположить, что это поселение имело защитные укрепления. В конце XI или в начале XII в. на соседнем прибрежном холме появилась древнерусская крепость Владимир. Ее строительство с большой степенью вероятности следует относить ко времени пребывания в Ростово-Суздальской земле Владимира Мономаха, то есть к 1098–1113 г. В правление Юрия Долгорукого в крепости построили каменную Георгиевскую церковь. Приглашенный владимирцами в 1157 г. князь Андрей Боголюбский объединил оба поселения, построил в бывшей мерянской крепости Успенский собор и укрепил город валами и крепостными стенами. При этом двухчастная структура города сохранилась. Печерний град включал в себя мерянское поселение и прилегающую к нему с севера территорию до реки Лыбедь. Археологические раскопки последних лет показывают, что северная часть валов Печернего града была устроена около середины XII в. на заброшенной пашне. Новый град также был существенно больше первоначальной древнерусской крепости. В разные годы в результате археологических раскопок были обнаружены фрагменты валов внутри Нового града. Возможно, это остатки фортификационных сооружений первоначальной крепости.

Е. Р. Сквайрс (МГУ)

О ЯЗЫКОВОЙ РАБОТЕ КАНЦЕЛЯРИЙ ГАНЗЫ НАД ТЕКСТАМИ ПОСЛАНИЙ В НОВГОРОД

На протяжении большей части периода новгородско-ганзейских отношений (с середины XIII до середины XV в.) взаимопонимание между партнерскими сторонами в языковом аспекте обеспечивалось немцами; в том числе ганзейские канцелярии обеспечивали успешное общение и в письменном обмене документами и корреспонденцией, выполняя функцию двустороннего перевода: делая немецкие переводы текстов русских инстанций и самостоятельно составляя письма на русском языке для отправки в Новгород.

В 2017 г. в архиве Таллина найдена фотокопия русского письма Ревеля в Новгород 1425 г., по содержанию тождественная известному ранее немецкому документу. Обнаружение этих «парных текстов» впервые предоставляет возможность сравнить магистратский проект и его русский перевод, сделанный ганзейскими писцами, что позволяет не только подтвердить на конкретном текстовом материале, что немцы писали письма по-русски, но и проследить языковые стратегии и качество филологической работы

ганзейских переводчиков. Материал письма демонстрирует правильный выбор русских эквивалентных формул, учет культурных различий при упоминании имен и реалий, нестандартные решения ганзейского переводчика при передаче важных юридических понятий, не имеющих параллельных русских обозначений.

А. Е. Соболева (ИРЯ РАН, РГБ, МДА)

О НЕИЗВЕСТНЫХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО XVI в.: ИСТОЧНИКИ, ЯЗЫК, ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Все известные на данный момент редакции Жития Александра Свирского (далее — ЖАС) восходят к тексту, написанному игуменом Иродионом [Соболева]. Однако в сборнике РГБ. Ф. 304/I. № 804 (далее — ТСЛ 804) обнаружен отличный текст, не введенный в научный оборот: «Ꙗвление ст҃гѡ ѿца александра старцу нѣкоему фотѣю именемъ въ третѣ ноць по преставлѣнии ег҃» (Л. 240; далее — Явление), в сопровождении четырех посмертных чудес преподобного. Текст написан на бумаге третьей четверти XVI в.; рукопись составная, упомянута в описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г. под № 393 (Сергиево-Посадский музей-заповедник. № 289. Л. 299 об.)[1].

Явление сообщает о неизвестных из ЖАС событиях. Оно начинается с просьбы прп. Александра: «вы ж да не погребаите до третѣю дню убогагѡ тѣла моегѡ» (Л. 240), которую нарушает его духовный отец Исайя: «и бѣ же Исаиꙗ ѡц҃ дх҃вныи ст҃го… и по преставлѣнїи ж ст҃го гл҃ше: брати, ꙗко землꙗ е҃с, и в землю ж паки погребено да будет. Братꙗ же въспоминаюци ему ѡч҃ю к нему заповед, ѡнже не послуша ѡ сем братїи… и ѿпѣвъ над моцими ст҃го, и гробу предав» (Л. 240 об.). После этого преподобный явился иноку монастыря Фотию: «ѡ фотѣе… не рѣх ли вама, ꙗк по моем преставлѣнїи до третѣю дн҃ю да не погребаите тѣла моег҃. Вы ж ꙗко преслушаюце заповѣданаꙗ вам, и ускористе мꙗ погрести и гробу предат» (Л. 241—241 об.). Фотий, желая оправдать действия братии послушанием Исайе, прямо говорит: «прѡсти ны, ѡч҃е, ꙗк не мы сътворихом сїе, но ѡц҃ твои дх҃вныи Исаиꙗ ускори погрести тꙗ, а мы пред ним властїи ѡ сем не имамы» (Л. 241 об.).

Исайя известен из Минейной редакции ЖАС, Фотий — новое имя в текстах о преподобном. Повествование строится от третьего лица, но спорадически обнаруживает следы устного рассказа самого Фотия: «И в третѣю ж ноц҃и по преставлѣнїи ст҃гѡ… ꙗвисꙗ прп҃дбныи александръ старцу нѣкоему фотѣю именем. Бдꙗцу ему и молꙗцу Бг҃а ѡ спс҃нїи дш҃а своеꙗ, и се внезапу ѡтвориша двери кѣлиꙗ… и абие входит ст҃ыи, и аз же убо смиреныи фотѣе ѿ страха падох на землю» (Л. 241).

Четыре чуда, сопровождающие Явление, также неизвестны Минейной редакции: (1) Ѹюдо ст҃аг(о) ѿца александра, како изцѣли болнагѡ; (2) Ѹюдо ст҃го александра, како избави ч҃лка ѿ потоплѣнꙗ; (3) Ѹюдо ст҃гѡ александра, како избави люди ѿ потопа; (4) Ѹюдо ст҃го ѿц҃а александра, како избави ѿ потопа.

(1) и (3) объединены с Явлением общим мотивом явления преподобного терпящим беды. Подобные чудеса типичны для ЖАС (см. посмертные чудеса «о жене расслабленной Марине», «о явлении преподобного старцу Савватию», «о муже расслабленном Потапие», «о жене расслабленной Татияне» и чудо XVII в. «о болящей жене Марии»).

Чудеса (2), (3) и (4) составляют единый блок, повествуя о помощи терпящим бедствие при потоплении — это уникальный мотив для житийных текстов преподобного.

(2) Бꙗше убо нѣкии купец Иван именем… прилучис ему ѣхати в ладьи с товаром по Ѡнѣгу ѡзеру… и вста бурꙗ велиꙗ, и вѣтрило раздрасꙗ и стыр сломи (Л. 245—245 об.).

(3) Бꙗху ж убо мужїе ѿ студенагѡ морꙗ з двинскиꙗ страны… прилучи же с(ꙗ) убо имъ нѣкогда по морю ѣхати… приде на ны бурꙗ вѣтрена велиꙗ зило (Л. 246 об.—247).

(4) Прилучис нам ѣхати из Великого Новагорода по Ладожскому езеру в малои ладицы… и внезапу ж прїиде вѣтръ ѿ езера и бурꙗ велиꙗ, и ѡбыдоша ны леди многи и хотꙗце ладицу нш҃у разламати (Л. 249).

В (3) упоминаются прп. Зосима и Савватий Соловецкие, в чьих посмертных чудесах XVI в. мотив спасения от потопления частотен [Минеева, с. 393, 407, 415, 425, 427, 428]. Описание явления старцев на корме лодки созвучно описанию в чуде прп. Зосимы Соловецкого:

«Внезапу ꙗвишас на ладїи три старцы столѣпны зило. И един же ею сѣде на кормѣ… И един же ею вѣтрила правлꙗше, другиї ж ꙗко путѣшествиꙗ показуꙗ, сѣдꙗи ж старец на кормѣ простирꙗꙗ манатѣю, юж на себѣ носꙗ… И к тому невидими быша… И тако достигохом пристаница тиха и изыдохом на брег и начахом повѣдати друг другу ѡ видѣнїи и поможенїи ст҃ых и прп҃дбных ѡц и тако на мног час чюдꙗщимсꙗ нам и веселꙗщимсꙗ (Л. 247 об.—248 об.) — И внезапу обрѣтеса въ ладїи нашеи старецъ,

[1] Благодарю в.н.с. РГБ Т. В. Анисимову за предоставленный материал.

на кормѣ сѣдя... Старецъ же простираше воскрилїе мантїи своеа обѣма рукама на обѣ страны ладїи, и соблюдаше ю ѿ волнъ... и невидимъ бысть... Достигшимъ намъ пристаниця тиха и на брѣгъ исшедшимъ, повѣдоваше другъ другу ѡ видѣнїи старца... и чюдящимся на многъ часъ. [Минеева, с. 393].

Это чудо, вместе с устными рассказами, могло быть источником для текстов ТСЛ 804.

Чудеса с тем же мотивом, упоминанием Студеного моря, прп. Зосимы и Савватия встречаются в новоявленном чуде прп. Сергия Радонежского XVII в. [Клосс, с. 475].

Только в завершении первого чуда говорится об авторе: «и еж аз Родиѡн слышахъ ѿ устъ самогѡ Ивана Дмитриевиѿ, то и написах» (Л. 245). Имя Иродиона звучит неожиданно, сразу же отсылая к игумену Иродиону, автору ЖАС, что рождает большой вопрос: не сохранил ли сборник предварительные тексты посмертных чудес, не включенные игуменом Иродионом по каким-либо причинам в Минейную редакцию?

Орфография текстов отражает диалектные черты писца или же протографа — и на месте ударного ѣ, ѣ на месте ударного и: и зилнѣ съкрушахуся (Л. 240 об.), ѿ зилнагѡ вѣтродыханиа (Л. 245 об.), Бжїа нѣкая сѣла (Л. 246 об.). Написание е на месте ѣ: Сверскїи (Л. 244, 246, 247 об.), Сверское (Л. 246), Свер (Л. 249 об.) при Свѣр (Л. 245 об.). Е. А. Галинская отмечает подобное в памятниках деловой письменности, созданных в Тихвинском Успенском и Александро-Свирском монастырях [Галинская, с. 48–50]. Хотя часть текстов ТСЛ 804 восходит к РГБ. Ф. 173/I. № 77 [Турилов], наиболее вероятно, что эти житийные тексты возникли в монастыре преподобного и списаны местным писцом.

Литература

Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 2.
Соболева А. Е. Житие Александра Свирского: от Великих Миней Четьих до первого печатного издания // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Документы и материалы». СПб., 2016. Вып. 3. С. 55–72.
Турилов А. А. «Иакова, брата Господня, шестоднев» // ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 558–559.

Н. В. Соколова (ИСл РАН)

НИЖЕГОРОДСКИЕ ДОЗОРНЫЕ КНИГИ 1587/1588 Г. В ЗЕРКАЛЕ СМУТЫ (К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И ЛОКАЛИЗАЦИИ ЕДИНСТВЕННОГО СПИСКА)

«Список с дозорной книги государевых дворцовых, бортных, оброчных и посопных сел и деревень в уезде, писма и дозора Василья Федоровича Борисова и подьячаго Третьяка Аврамова» уже в XIX в. был включен в опись документов МАМЮ[1]. Краткая археографическая характеристика рукописи была дана лишь в 1929 г.: «Книга в полдесть на 99 лл. старой нумерации. По листам скрепа дьяка Василия Семенова, бывш. (по любезному указанию С. К. Богоявленского) в Новгородской Чети с 121 по 128 г.» [Гераклитов, с. 53]. Опубликовавший текст в 1977 г. Г. Н. Анпилогов датировал список «первой четвертью XVII в.», отметив, что книга написана «скорописью начала XVII в.» и имеет скрепу «дьяка Василия Семенова, служившего в 1613–1615 гг. в Нижегородской четверти»[2]. В «Каталоге писцовых книг Русского государства» список «датируется по дьячеству В. Семенова» — временем «не ранее 1613 г.»[3].

Новое обращение к списку дозорных книг 1587/1588 г. из фонда Поместного приказа РГАДА[4] обусловлено необходимостью локализации рукописи, уточнения ее датировки и обстоятельств создания. Рукопись в 4^0, на 99 листах, в позднем картонном переплете. Сигнатуры отсутствуют, возможно, были отрезаны при поновлении переплета, так как даже более древняя из двух фолиаций (кириллическими цифрами в правом верхнем углу листа) не производит впечатления одновременной тексту. Список написан четкой приказной скорописью начала XVII в. Большая часть книги выполнена на бумаге с водяным знаком, который отдаленно подобен № 235 (1620 г.) каталога «Филиграни XVII века по рукописным

[1] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869. Кн. I. № 1699. С. 166.
[2] *Анпилогов Г. Н.* Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М., 1977. С. 5–6.
[3] Каталог писцовых книг Русского государства (Документы земельного кадастра и землеустройства XVI–XVII вв. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ): [Справочник]. М., 2018. Вып. 6. Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. № 434. С. 193.
[4] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514.

источникам ГИМ» и № 981–982 (1619 и 1622 г.) в каталоге И. Каманина и О. Витвицкой. Ближе к концу рукописи (Л. 62, 79 и далее) появляется бумага с филигранью типа «двуглавый орел под короной», близкой № 1010 (1623 г.) того же гимовского каталога[5].

Словесное описание, точно передающее детали первой филиграни, было обнаружено в предисловии к изданным С. Б. Веселовским нижегородским приходным книгам 1607/1608 и 1611/1612 г.: «Книга 120 г. вся написана на одной бумаге с знаком: щитообразная фигура, в середине которой ромбовидная гроздь винограда; сверху буквы С и Z, а снизу подставка в виде буквы А»[6]. Изучение рукописей в архиве подтвердило тождество бумаги. При этом было установлено, что в действительности в «платежнице» использована бумага трех видов[7]. Один из не упомянутых С. Б. Веселовским водяных знаков оказался тождественен бумаге последних тетрадей изучаемой рукописи. Была выдвинута гипотеза о происхождении рукописей из одного скриптория.

Анализ автографов «справных» подьячих списка дозорной книги и «платежницы» 1611/1612 г. показал не только определенное сходство почерков (насколько об этом вообще можно судить для таких фрагментов), но и сохранение порядка рукоприкладств, по-видимому, отражающего корпоративную иерархию. Очевидно, что справщиков было четверо, а не двое, как можно думать, будучи знакомым с источником лишь по публикации Г. Н. Анпилогова. Трое из них, Федор Русинов, Федор Чирков, Наум Терентьев, по различным источникам были идентифицированы как нижегородские подьячие.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 99.	«Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.»
Справливали подьячие	Справливали подьячие
Федька …[с]..,	Федька Русин(ов),
Федька Чирков,	……ков,
…тьев,	Наумко Терентьев
Митька Бо…	

Список дозорных книг и опубликованные С. Б. Веселовским «нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.» также объединяет скрепа «Ди|ок Ва|си|лей Се|ме|но|в». С пометой «за приписью дьяка Василья Семенова» в 1626 г. были описаны нижегородские «платежница» 7117 г. и «сметные списки» 7116, 7117, 7118, 7119 г.[8] В качестве дьяка Нижегородской четверти в Москве документы фиксируют его после 3 января 1613 г. [Лисейцев, с. 622, 673; Рыбалко, с. 311–312]. В совокупности с изложенными выше наблюдениями это позволяет в качестве локализации списка рассматривать Нижний Новгород. С высокой вероятностью, его можно датировать последними месяцами 1612 г., то есть временем завершения работы над «платежницей» 1611/1612 г., включая оформление сведений о недоимках за предшествующие годы, но до отъезда дьяка в Москву.

Как представляется, изготовление рукописи следует рассматривать в общем контексте истории Смуты. Ввиду отсутствия в Нижегородском уезде «черных волостей» именно дворцовые земли являлись для правительства источником новых раздач поместно-вотчинных земель своим сторонникам. Состояние московских приказных архивов потребовало обращения к хранившейся в уездных приказных избах кадастровой документации, в данном случае — к дозорным книгам 1587/1588 г.

Литература

Гераклитов А. А. Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 г. // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 49–53.
Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.
Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011.

[5] *Каманін І., Вітвіцька О.* Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566–1651). Київ, 1923; Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988.
[6] Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изданные Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1910. Вып. 7. С. V.
[7] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Курмыш. № 1.
[8] Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. С. IV; Опись дел приказа Новгородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г. // ЧОИДР. 1905. Кн. 1 (212). М., 1905. V. Смесь. С. 16–17, 35–40.

К. Н. Станков (РГАДА, ПСТГУ)

МИССИЯ В. Т. ПОСТНИКОВА В ЛОНДОН 1687 г. В РУССКИХ И БРИТАНСКИХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ

История русско-британских отношений в XVII столетии издавна привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. Однако она с разной полнотой изучена по отдельным периодам. Основное внимание советских историков в силу идеологического фактора было сконцентрировано на перипетиях сношений двух стран в годы Английской революции середины XVII в. [Архангельский; Кобзарева; Любименко; Рогинский, 1958; Рогинский, 1959; Рогинский, 1960; Рогинский, 1966].

Вместе с тем остается практически не изученным посольство в Англию 1687 г. дьяка Посольского приказа Василия Тимофеевича Постникова — единственной русской дипломатической миссии в Англию в период правления британского монарха Якова II Стюарта (1685–1688). До настоящего времени существует лишь одна работа, посвященная этой проблеме, — небольшая статья британской исследовательницы Линдси Хьюз, которая полностью построена на британских архивных материалах — документах из фондов Национальных архивов и отдела рукописей Британской библиотеки [Hughes].

В фонде 35 («Отношения с Англией») РГАДА хранится комплекс документов посольства В. Т. Постникова, который позволяет существенно расширить наши знания об истории русско-британских отношений во второй половине XVII в. В частности, в архивохранилище представлены верительная грамота русских царей Иоанна и Петра британскому королю Якову II Стюарту и его ответная грамота, подробный наказ главе русской дипломатической миссии В. Т. Постникову о том, как «чинить посольство», статейный список В. Т. Постникова и следственное дело над ним, которое включает несколько документов: «Описку из Лондона о бытии на придворе и на отпуске у аглинского короля», «Помету в статейном списке Василия Постникова о допросе, что он, будучи у аглинского короля посольство правил не по наказу», «Допрос против пометы» В. И. Украинцева, «Выписку против допросу Василия Постникова и с прежних статейных списков великих послов, которые бывали у аглинского короля и у курфюрста Бранденбургского».

В верительной грамоте русских царей Иоанна и Петра содержится предложение Якову II вступить в Священную лигу и оказать помощь России в борьбе против Турции[1].

Большой интерес представляет наказ В. Т. Постникову о том, как «править» посольство. В. Т. Постникову предписывалось добиваться аудиенции лично у короля и не ограничиваться контактами со вторыми лицами. В. Т. Постников обязывался зорко следить за тем, какой почет будет оказан посольству (а значит, и царскому имени)[2]. По дипломатическому церемониалу после поднесения грамоты следующим шагом являлся расспрос государя, который давал аудиенцию, о здоровье правителя, от которого прибыло посольство. В наказе содержалось строжайшее указание, чтобы король спрашивал о «государевом здравии» «встав с трона и шляпу сняв». Детально расписывалось, как нужно вести переговоры с англичанами[3].

Несмотря на столь тщательную подготовку, миссия, в целом, не удалась. В ответной грамоте русским князьям Яков II заявляет: «Мы находимся столь далеко, что не можем… разделить честь этих славных походов»[4]. Яков II, пользуясь случаем, обращается с просьбой вернуть английским коммерсантам торговые привилегии, которые были отменены в связи с казнью Карла I[5].

В деле 20 фонда 35 содержится статейный список В. Т. Постникова. Этот документ состоит из трех частей, каждая из которых посвящена одной из стран, в которых он «правил посольство»: Англии, Нидерландам и Бранденбургу. Также из архивных документов известно, что В. Т. Постников посетил Флоренцию. Но в его статейном списке пребывание в этой североитальянской торговой республике не отражено.

Как упоминалось выше, в фонде 35 сохранилось несколько документов следственного дела над В. Т. Постниковым, который по возвращении в Россию был обвинен в «умалении чести» русских государей вследствие несоблюдения наказа, как «чинить посольство». В частности, перед аудиенцией русским дипломатам не прислали не только празднично убранную карету, но даже лошадей: В. Т. Постников с «товарищами» отправился ко двору «пеш». «А пришед на двор, был в особой палате и дожидавшегося

[1] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 255. Л. 1–3 об.
[2] Там же. Л. 34–35.
[3] Там же. Л. 17–18.
[4] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 114. Л. 2 об.
[5] Там же.

королевского выхода долгое время». Русское посольство приводили не прямо к руке короля, а оставляли дожидаться в особых покоях, предназначенных для гостей, пока король решал другие вопросы. Далее «король о здравии великих государей спрашивал и грамоту их, государей, принял сидя и на отпуске приказал к ним, великим государям, поклон и грамоту дал сидя»[6].

Еще одним документом, содержащим некоторые сведения о миссии В. Т. Постникова, является ответный отпуск на грамоту короля Вильгельма III «о вступлении его и супруги его королевы на аглинский престол» (1690 г.). В документе помимо прочего сообщается об «обидах» русских царей Иоанна и Петра на прежнего «короля Якобуса», среди которых упоминается об аресте русских послов в 1687 г. в Лондоне и досмотре их багажа: «Его, Васильевы, сундуки открывали, и все его пожитки осматривали силно, будто для смотра товаров»[7].

Таким образом, материалы, хранящиеся в фонде 35 РГАДА, позволяют достаточно полно осветить русскую миссию в Лондон 1687 г. Данные документы дают возможность установить ее причины и предпосылки, основную цель и итоги. Большой научный интерес представляют свидетельства о встрече-диалоге двух культур — русской позднесредневековой и западноевропейской постренессансной, которые выразились в столкновении двух дипломатических церемониалов. Источник свидетельствует об архаичности русского посольского обычая и, что существеннее, о различии интересов России и Британии.

Литература

Архангельский С. И. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // Исторические записки. М., 1939. С. 118–140.
Кобзарева Е. И. Англия и Россия в период Английской революции (1640–1660 гг.) // Проблемы британской истории. М., 1990. С. 95–96.
Любименко И. И. Англо-русские отношения в период Английской буржуазной революции (до конца 50-х годов) // Английская буржуазная революция XVII века. М., 1954. Т. 2. С. 90–118.
Рогинский З. И. Из истории англо-русских отношений в период Протектората Кромвеля // Новая и новейшая история. 1958. № 5. С. 71–78.
Рогинский З. И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. Ярославль, 1959.
Рогинский З. И. Лондон 1645–1646 годов. Новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. Ярославль, 1960.
Рогинский З. И. Миссия лорда Колпепера в Москву // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). М., 1966. С. 84–102.
Hughes L. V. T. Postnikov's 1687 Mission to London: Anglo-Russian Relations in 1680s in British Sources // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. № 3. P. 447–460.

[6] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 19. Л. 413.
[7] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 259. Л. 6–35.

А. Н. Старицын (ИНИОН РАН)

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ЛЕКСИНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Изучению внутреннего устройства женского поселения на реке Лексе посвящены статьи Е. В. Барсова, П. С. Смирнова и Е. М. Юхименко [Барсов; Смирнов; Юхименко]. Авторы статей, справедливо считавшие Лексинское общежитие монастырем, сосредоточили свое внимание на изучении церковного обихода и культурных традиций обители, на выявлении должностных лиц и их обязанностей. Монастырь понимался исследователями без учета эсхатологических особенностей идеологии староверов, заключавшейся в том, что староверы воспринимали переживаемое ими время как «последнее». Исходя из этого обстоятельства целесообразно обратиться к проблеме типологии Лексинского поселения.

И. Филиппов в «Истории Выговской пустыни» назвал основанное в 1706 г. женское общежительство на Лексе «девическим монастырем» и добавил, что выговцы дали им: «устав против своего братскаго Выговскаго монастыря всенепременно»[1].

Исследователями признавалось, что устройство Лексинского женского общежительства копировало устройство Выговского мужского монастыря, потому что было основано, по наблюдению П. С. Смирнова, как отделение этого монастыря [Смирнов, с. 145]. Однако не совсем понятно, в чем состояло своеобразие устройства Лексинского монастыря.

[1] *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 134–135.

«Выгорецкий Чиновник»[2], который содержит 17 документов, посвященных Лексинскому женскому общежительству (№ 4–10, 12–15, 17, 33, 42, 43, 45, 46), предоставляет возможность расширить существующие знания об устройстве поселения на Лексе и разрешить возникшие недоумения.

При разработке правил внутреннего распорядка для девической обители Андрей Денисов за основу взял устав общежительного монастыря, творения святых отцов Василия Великого, Никона Черногорца, Иосифа Волоцкого, то есть те же самые произведения, что и для устава мужской обители[3]. В уставах для женщин (документы № 9, 12, 13, 14) много места отведено общей трапезе как главному отличительному признаку общежительного монастыря. Прием пищи должен быть только общим, ничего не разрешалось приносить с собой и уносить. Запрещалось держать в кельях какие-либо съестные припасы. Пища была для всех одинаковая, но строго регламентированная в соответствии с уставом[4].

В уставах (документы № 7, 9, 12, 14) и посланиях (документы № 4, 6, 15, 17) названы практически все должности, существовавшие в Лексинском монастыре в 1706–1730 г.: управляющие монастырем — матка-старица или начальная матка, строительница, казначея, келарь; отвечающие за церковную службу — уставщик, учительница, псалтырщицы, крылошанки; отвечающие за хозяйственную деятельность и порядок в монастыре — надзирательницы, нарядницы, стольницы, хлебницы, коровницы, челядницы, привратницы, сторожа. При сравнении структуры управления женского и мужского монастыреЫй выявляются не только близкие черты, но и особенности, присущие исключительно Лексинской обители, на которые следует обратить внимание.

Можно заметить, что в женском монастыре, так же как и в мужском, существовал круг начальственных лиц, ближайших помощниц матери-настоятельницы: «преимущие» или «большие и повелевающие». Начальственные и должностные лица, исполнявшие одинаковые обязанности в мужском и женском монастырях, обладали схожим статусом, но на Лексе они имели одно существенное отличие, заключавшееся в двойном подчинении лексинских насельниц как своему, так и выговскому начальству.

О зависимом положении Лексинской обители, которая подчинялась решениям малого собора Выговского монастыря, свидетельствуют документы, датированные 1718–1719 г. В приговоре малого выговского собора от 4 мая 1718 г. говорится о назначении на должность надзирательницы в женский монастырь Агафьи Григорьевой и о ее обязанностях (документ № 12)[5]. Из документа следует, что должности в Лексинском монастыре замещались только с разрешения выговских руководителей. Главное, на что делался упор в подробно расписанных в 16 статьях должностных инструкциях, — это поддержание основных правил благочиния, предусмотренных монастырским общежительным уставом.

В указаниях келарю о соблюдении благочиния среди начальников среднего звена Андрей Денисов настаиЫвал на обращении к настоятелям Выговского общежительства[6]. Такое требование свидетельствует о том, что высшее руководство Лексинским монастырем находилось в руках выгорецких настоятелей, а окончательное решение по наиболее значимым вопросам принимал общий церковный собор. Так как в представлении староверов Церковь — это не иерархическая организация (в то время находящаяся на службе у антихриста), а все люди, исповедующие православное вероучение, то под общим церковным собором следует понимать большой выговский собор, представлявший все население Выговского суземка.

Создатели женского поселения на Лексе, исходя из эсхатологических представлений о «последних» временах, устраивали быт его насельниц по монастырским правилам, которых в равной степени придерживались и монахини, и белицы. В устройстве монастыря заметны такие важные признаки общежития, как запрет отдельно питаться и иметь личные запасы пищи, общее место для приема пищи, наличие должностей келаря и казначея. Лексинская обитель не была самостоятельным женским монастырем, а входила в структуру Выго-Лексинского общежительства, являясь его составной частью. Руководители Лексинского монастыря получали указания из Выговского общежительства как из высшей начальственной инстанции.

Литература

Барсов Е. В. Уложение братьев Денисовых // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 г. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 95–116.

Смирнов П. С. Лексинская безпоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христианское чтение. 1910. Февраль. С. 145–172; Март. С. 310–333.

Юхименко Е. М. Лексинская обитель: церковный обиход и культурные традиции // Женщина в старообрядчестве: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск, 2006. С. 7–13.

[2] *Маркелов Г. В.* Выгорецкий Чиновник. СПб., 2008. Т. 2.
[3] Там же. С. 109.
[4] Там же. С. 87–92, 103, 106, 110–111.
[5] Там же. С. 103–105.
[6] Там же. С. 91.

П. С. Стефанович (НИУ ВШЭ, ИРИ РАН)

ОБ УБИЙЦАХ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

В литературе, посвященной истории Ростово-Суздальской земли во второй половине XII в. и касающейся гибели Андрея Боголюбского в 1174 г., есть некоторая противоречивость в определении социального статуса лиц, составивших заговор против него. С одной стороны, вслед за прямыми показаниями источников признается, что Андрей погиб от руки своих «милостников» или «паробков», а с другой — утверждается, что у него был глубокий конфликт с местным боярством и что оно так или иначе участвовало в заговоре против него (см., например: [Лимонов, с. 84–96]). В докладе доказывается, что более достоверные данные указывают именно на мелкую знать («младших дружинников», «министериалов») как заговорщиков, а упоминания бояр как убийц связаны с позднейшим осмыслением событий.

Среди летописных текстов, сообщающих о гибели Андрея, древнейшим надо считать известие Новгородской 1-й летописи 6682 г.[1] Это известие было записано летописцем архиепископа Ильи, вероятно, в том же 1174 г. или вскоре [Гиппиус, с. 210–215]. Здесь сказано, что князя убили «свои милостьници», и ни о каких боярах не говорится. Под «милостниками» надо понимать княжеских слуг-министериалов или мелкую знать, сильнее (по сравнению с высшей знатью — боярами) зависимую от «милостей» князя [Тихомиров].

«Повесть об убиении Андрея Боголюбского» была составлена в первоначальном виде, вероятно, для владимирского свода 1185 г. [Насонов, с. 144–158]. Однако дошла она до нас с переделками в двух редакциях в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях[2]. В обеих редакциях в начале приводятся имена трех убийц: Петра Кучкова зятя, Анбала Ясина и Якима Кучковича (в Радзивиловской летописи и Летописце Переяславля Суздальского, представляющих редакцию Лаврентьевской летописи, указано еще одно имя: Ефрем Моизич). Если отвлечься от этого сообщения с именами, из Повести нельзя извлечь никаких указаний на участие в заговоре лиц высшей знати. Редакция Лаврентьевской летописи упоминает, что грабежи после смерти Андрея в Боголюбове осуществляли «горожане» и «дворане». Ипатьевская говорит о «паробках» и «милостниках» как участниках событий ночи убийства и нескольких следующих дней, причем упоминаются «милостьные» кони и оружие. «Дворяне» (см.: [Назаров]) и «паробки» (см.: [Горский, с. 241–242]) — это та же социальная категория княжеских слуг / мелкой знати (фактически синоним «милостников»).

Недавно было обнаружено граффити в Переяславском Спасском соборе с сообщением об убийстве Андрея и проклятием его убийцам [Гиппиус, Михеев]. По сути, мы имеем дело с двумя надписями в двух столбцах: собственно сообщение об убийстве и список убийц. В сообщении об убийстве говорится, что князь был «убьен своими паробкы». В списке же убийц приведены имена с «вичами», указывающие скорее на бояр, — те же имена, что и в летописной Повести, а также еще несколько. Таким образом, между указанием на «паробков» и именами в двух соответствующих надписях есть явное противоречие — носители этих имен не могли принадлежать социальной категории «паробков». Объяснить это противоречие можно, на мой взгляд, тем, что две надписи были сделаны в разное время: сначала, вскоре после гибели Андрея, написали об убийстве, а позднее, когда осудили определенных лиц за это преступление, высекли список этих лиц. Этот список попал и в летописную Повесть. Осуждение убийц надо относить ко времени после решительных побед Всеволода и владимирцев над их политическими противниками летом 1177 г. и весной 1178 г. — побед, которые завершили ожесточенную борьбу городов и князей, развернувшуюся после смерти Андрея. Это осуждение было произведено ex post; осужденные лица, указанные в надписи с «вичами», либо изменили свой статус после 1174 г. (из «паробков» превратились в бояр), либо не участвовали непосредственно в убийстве (то есть были осуждены вследствие политических интриг).

Литература

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2006. С. 114–251.

Гиппиус А. А., Михеев С. М. Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 31–32.

Горский А. А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. СПб., 2019.

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. А. Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 34, 223.

[2] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 369–371; СПб., 1908. Т. 2. Стб. 580–595.

Назаров В. Д. Двор и дворяне по данным новгородского и северо-восточного летописания XII–XIV вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123.
Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969.
Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси в XII в. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 100–104.

С. В. Стрельников (ЛГУ им. А. С. Пушкина, СПбГЭУ)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СУДЕБНИКА 1497 г.

В работах, посвященных Судебнику 1497 г., необходимо выделить точку зрения К. В. Петрова и А. А. Калашниковой, из которой следует, что законодательные нормы не применялись в судебной практике первой половины XVI в., а решения судей не содержали прямых ссылок на Судебник при отправлении правосудия [Калашникова, с. 287, 293; Петров, 2005; Петров, 2016, с. 305]. Судебник упоминался лишь для взимания судебных пошлин. Сами законодательные нормы в средневековой Руси были не общеобязательными, а носили рекомендательный характер [Петров, 2018].

В качестве доказательства последнего утверждения К. В. Петров приводит ст. 27 Судебника 1497 г., согласно которой бессудные грамоты, выдаваемые в случае неявки одной из сторон в суд, должны были выдаваться с восьмого дня от назначенного судом срока. Исследователь полагает, что такие грамоты на практике могли выдаваться как сразу, то есть в день неявки одной из сторон в суд, так и по прошествии трех или даже пяти недель. Однако выданная сразу бессудная грамота, на которую ссылается К. В. Петров, относится к середине 80-х годов XV в., то есть до принятия Судебника 1497 г. Следовательно, с принятием Судебника 1497 г. устанавливалась единая норма выдачи бессудных грамот для всего Русского государства — с восьмого дня, а не на восьмой день и позже, но не ранее, что допускалось до принятия Судебника (сразу, на шестой день и т. д.).

Можно добавить, что и появление в Судебнике 1497 г. знаменитой ст. 57 о Юрьеве дне, устанавливавшей для всего государства единый срок крестьянского перехода за неделю до и неделю после Юрьева дня, то есть двухнедельный срок, связано с унификацией существовавших на разных территориях в период раздробленности разных традиций срока крестьянского перехода.

Еще один аргумент К. В. Петрова о неприменении норм Судебника 1497 г. в практике судов первой половины XVI в. [Петров, 2005] связан с судебным решением по хорошо известному в историографии делу о поджоге деревни Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, где, по мнению ряда исследователей, была нарушена законодательная норма, выраженная в ст. 9 Судебника Ивана III: «А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью». Однако в упомянутом судебном деле 1503 г. виновное в поджоге лицо (то есть поджигатель), которого исследователи квалифицируют как «зажигалника» из ст. 9 Судебника, понесло наказание в виде денежного штрафа.

По мнению К. В. Петрова, «“закон” не был нарушен судьей С. Б. Морозовым, поскольку “закон” не имел той силы, какой он имеет сейчас» [Петров, 2005, с. 172]. Судья при вынесении судебного решения применил не закон, а обычай. По мнению исследователя, данный казус — это «пример конкуренции источников права (закона и обычая). Решение по “казусу 1503 г.” было вынесено судьей в порядке судейского усмотрения» [Петров, 2005, с. 172].

Впрочем, допустимо и другое толкование статьи о «зажигальнике». «Зажигалник» ст. 9 понимается С. Герберштейном как «qui incendio homines affligunt», что в дословном переводе А. И. Малеина означает ‘те, кто поджигают людей’. Сама ст. 9 находит аналогию (хотя и неполную) в ст. 4 главы II Соборного уложения: «А будет кто умышлением и изменою город зажжет, или дворы, и в то время, или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия»[1]. Проводя аналогию, «зажигалник» из Судебника — это поджигатель города и дворов, что может привести к массовой гибели людей.

Итак, законодательная норма ст. 9 не была нарушена при рассмотрении судебного дела 1503 г., где имело место лишь нанесение материального ущерба, не угрожавшего жизни других людей. Если же действия «зажигалника» трактовать как «любой поджог», то смертная казнь за поджог имущества была бы явно несоразмерной деянию.

[1] Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 86.

Кроме того, до нас дошло еще одно судебное дело, датированное мартом 1503 г.[2] (условно назовем «второй казус 1503 г.») и, видимо, выпавшее из поля зрения исследователей.

Как следует из материалов дела, крестьяне села Прилуки Троице-Сергиева монастыря подали иск на крестьянина села Павловского Гридку Тевелгу о краже сена. Местные крестьяне из обоих сел, выступавшие в судебном процессе, заявили о том, что Гридка Тевелга — «лихой человек, тать и поклепца, а то ему не первая татьба»[3]. Поскольку подсудимый оказался рецидивистом, судья Гридку Тевелгу «обвинил и судил его в тати и выдал его исцем на казнь по Судебнику, а истцево велел доправити поселскому из его статков»[4].

Итак, Гридка Тевелга оказался «лихим человеком», «татем» и «поклепцой» (лжецом, клеветником), который ранее уже привлекался к суду за кражу и о котором знали окружающие люди, то есть был «ведомым лихим человеком». Совершенная «татьба» (кража) сена оказалась рецидивом, что влекло за собой применение законодательной нормы ст. 11: «А поимают татя вьдругые с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изь его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с ысцеву гыбель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью».

В деле Г. Тевелги судья не разъясняет мотивы своего решения, а сразу отсылает к Судебнику, то есть выносит судебное решение на основании законодательной нормы [Стрельников].

Итак, имеющиеся в распоряжении исследователей источники не позволяют утверждать, что в судебных решениях не применялись законодательные нормы. Сами нормы носили общеобязательный характер.

Литература

Калашникова А. А. К вопросу о применении норм Судебника Ивана III // Грани русского Средневековья: Сб. статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 286–293.

Петров К. В. Значение «закона» в средневековом русском праве XVI–XVII вв. // Cahiers du monde russe. 2005. № 1–2. С. 167–174.

Петров К. В. Судебный процесс после принятия Судебника 1497 г. // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 294–307.

Петров К. В. Юридическая природа Судебника 1497 г. // Правовая культура Московской Руси (XV–XVII вв.): к 520-летию первого общерусского Судебника: сб. научных трудов. СПб., 2018. С. 47–50.

Стрельников С. В. К вопросу о применении законодательных норм в российской судебной практике начала XVI в. // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3 (53). С. 84–95.

[2] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 409–414.
[3] Там же. С. 413.
[4] Там же.

Л. Б. Сукина (Ин-т программных систем РАН)

ДАНИИЛ ПЕРЕСЛАВСКИЙ И «УЧЕНИКИ ЕГО» В КОММЕМОРАЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ ТРОИЦКОГО ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ

Многочисленные монастырские синодики-помянники XVI–XVII в., несмотря на регулярно появляющиеся в последнее время издания отдельных памятников, как источники остаются недооцененными историками русского Средневековья. Но родовые поминания синодиков могут дать интересные сведения, касающиеся монастырских коммеморационных практик и имеющие отношение к истории церкви и русской культуры в целом.

При фронтальном просмотре поминальных разделов синодиков Троицкого Данилова монастыря 1672 и 1706 г., хранящихся в собрании Переславль-Залесского музея-заповедника (ПЗМ-4288 и ПЗМ-4185), нами были обнаружены любопытные записи, связанные с поминанием на церковных службах основателя обители, преподобного Даниила Переславского. Благодаря имени Даниила, бывшего восприемником от крестильной купели сыновей Василия III, Ивана и Юрия, и поддерживавшего связи с известными церковными деятелями своего времени, такими же, как и он, постриженниками Пафнутьева Боровского монастыря [Усачев], переславская обитель процветала. Историк Троицкого Данилова монастыря В. Г. Добронравов в свое время пришел к обоснованному заключению, что память о его первом игумене не ослабевала, а возрастала со временем, переходя в его почитание как святого [Добронравов, с. 32].

Несомненно, и в монастырских синодиках поминание Даниила изначально должно было выделяться среди поминальных записей других настоятелей и старцев, а также знатных и именитых вкладчиков. Но прямых подтверждений этого у нас нет, так как монастырские синодики второй половины XVI в. не сохранились. В имеющихся в нашем распоряжении синодичных рукописях последней четверти XVII — начала XVIII в., составленных после открытия мощей Даниила (1653) и официального установления патриархом Никоном его почитания (1654), он значится «преподобным» и «чудотворцем». Но еще В. Г. Добронравов обнаружил, что так Даниил Переславский именовался уже в данных грамотах царей Ивана Грозного и Федора Ивановича 1570—1580-х годов [Добронравов, с. 32]. Косвенно на то, что поминальные записи могли быть скопированы из более ранних синодиков, указывает помета на поле листа Синодика 1672 г.: «нынѣ во (с)(вя)тыхъ почивающаго».

Обращает на себя внимание необычная форма поминальных записей Даниила Переславского. В синодике 1672 г. поминание помещено на отдельном листе (без пагинации). Запись занимает лицевую сторону и оборот. В верхней части лицевой стороны листа находится заставка старопечатного стиля, в центре которой в картуше — ростовое изображение святого в монашеской мантии. Запись включает род преподобного игумена Даниила, чудотворца, создателя «сея святыя обители», а также поминание «учеников его». В «роду» преподобного поминаются имена самого Даниила, игуменов Кирилла и Маркела, а также Дионисия, Константина, Ксении и Феодосии, инока Ионы. Осмелимся предположить, что Константин и Федосия из этого перечня — родители Даниила, так как их имена известны нам из его Жития, а Иона — его «сродник», игуменствовавший в переславском Никитском монастыре [Смирнов].

Перечень поминаемых в монастыре «учеников» Даниила довольно пространен: иноки Герасим и Левкий, архимандрит Илларион, иноки Марк, Сильвестр, Нил, Евстратий, Иринарх, Феодосий, Исайя, Феофил. Из них опознаются по именам Герасим — основатель нескольких монастырей в смоленской земле Герасим Болдинский, а также упоминаемые в Житии Даниила известные своей подвижнической жизнью троицкие монахи: «родом немчин» Нил, Марк, Мисаил Устинов, Федосий Скудобрадатый. Архимандрит Илларион сменил своего учителя на посту игумена Троицкого монастыря в 1539 г. [Строев, стб. 667]. Примечательно, что в списке «учеников» Даниила нет самого известного из них — уроженца Переславля-Залесского, митрополита всея Руси и составителя Степенной книги Андрея-Афанасия. Вероятно, это связано с тем, что митрополиту Афанасию полагалось другое поминание по синодику — среди высших иерархов русской церкви.

В Синодике 1706 г. (Л. 28 об.) формула поминальной записи отличается от рассмотренного выше ее более раннего варианта. Запись озаглавлена несколько витиевато, с использованием тавтологии как «Род чюдотворца отца игумена Даниила создателя святыя обители сея преподобнаго отца игумена Даниила и ученикъ его». В поминании имена «учеников» святого предшествуют именам его «сродников». Перечни одних и других никак не отделяются друг от друга и представляют собой сплошной текст. Список «учеников» полностью совпадает с аналогичным в более раннем синодике, но список «сродников» дополнен. Новые имена внесены в него другим почерком.

Интересно, что на соседней странице Синодика 1706 г. (Л. 29) отдельно записан «Род преподобнаго Даниила» уже без «учеников». Эта запись включает только уже известный нам по Синодику 1672 г. перечень родственников святого, без указанного выше позднейшего дополнения. В основе этой записи, как и первой части записи на л. 28 об., был какой-то протограф XVI в., так как упоминаемая в них некая Ксения отмечена как еще находящаяся «в живе» (в Синодике 1672 г. рядом с ее именем такого примечания нет).

Поминальные записи «рода» Даниила Переславского в синодиках Троицкого Данилова монастыря уникальны. Они включают имена не только кровных «сродников» святого, но и его учеников-последователей, которых монашеская братия поминала на протяжении как минимум двух веков совокупно с основателем обители.

Литература

Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908.
Смирнов М. И. Житие прп. Даниила, Переславского чудотворца. Повесть об обретении мощей и чудеса его. М., 1908.
Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
Усачев А. С. Начало возвышения Андрея-Афанасия и церковно-политическая ситуация в России первой половины XVI в. // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2012. № 4 (84). С. 20—31.

А. Е. Тарасов, А. А. Манохин (МГУ)

О ПСКОВСКОЙ ПОДБОРКЕ 14 АРХИЕРЕЙСКИХ ГРАМОТ XV в.

Существование этой подборки впервые было установлено Я. Н. Щаповым [Щапов, с. 230–231, 274]. М. В. Печников показал, что подборка состояла не из 13, а из 14 грамот [Печников, 2005; Печников, 2014, с. 116, примеч. 55]. Именно столько грамот читается в сборнике архиепископа Новгородского Макария[1], июльском томе Софийского[2] и Успенского[3] комплектов Великих Миней Четиих, кормчей 20–40-х годов XVI в.[4] (далее — Рогож. 256). Нами обнаружен еще один список Псковской подборки в сборнике третьей четверти XVI в.[5] Во всех известных ныне списках Псковской подборки количество и порядок посланий одинаковы, разночтения несущественны.

Почему же Я. Н. Щапов, а вслед за ним и М. В. Корогодина [Корогодина, 2011; Корогодина, 2015, с. 193, 203–204; Корогодина, 2017, т. 1, с. 246–251, 262] указывали 13 посланий? Они строили рассуждения на основе анализа указанной выше кормчей Рогож. 256, в которой Псковская подборка дефектна. В ней под одним заголовком объединены два послания Фотия (первое и второе в полной подборке). Так, на последней строке л. 688 об. читается: «…о Воздвижении Честнаго Креста, что в канон…», далее текст переходит на л. 689, где должно читаться «…дни и въ самый тый день мяса не ядять». Но перед нами другие строки: «…смирения, многоуверение и ползу душевную имею, слыша ваше благочестие». Это почти самое начало грамоты во Псков от 23 сентября 1416 г. (второй), отсутствуют ее заголовок, intitulatio, inscriptio и salutatio. Таким образом, в Рогож. 256 исчезли около 3/4 текста послания «А си грамота еже от Рождества Господа нашего Исуса Христа…» и начало послания «А си грамота о стриголничех». Дефект легко объясняется: в рукописи утрачены четыре из восьми листов 89-й тетради, а именно третий, четвертый, пятый и шестой. На это указывает соотношение нумерации тетрадей, проставленной на нижнем поле в древности, и поздней кириллической фолиации: л. 687 является первым листом 89-й тетради, а л. 691 относится уже к первому листу 90-й тетради.

На позднейшую утрату части листов указывает и частично воспроизведенная писцом Рогож. 256 оригинальная нумерация посланий Псковской подборки. Нумерация начинается с послания «А си грамота о брацех законных и незаконных и о венчании и о детином крещении и о попе неставленом и о питьи до обеда»[6]. На поле, рядом с киноварным заголовком грамоты, стоит кириллическое число «5». Именно пятым читается данный текст в полной подборке архиерейских посланий, хотя по счету кормчей после утраты листов он должен был бы идти под номером «4». Дальнейшая нумерация текстов соответствует полной подборке и сохраняется вплоть до послания «А се о службе и о священьи церковном да и о Святей Троици» (номер «12»), у двух последних посланий номера отсутствуют.

Требует уточнения и вопрос об изначальном количестве посланий Псковской подборки в Псковской кормчей конца 1450-х — 1460-х годов (далее — Тих. 536/539)[7]. Во-первых, во всех списках Псковской подборки, включая дефектный Рогож. 256, один и тот же порядок расположения грамот. Но в Тих. 536/539 за посланием «А си грамота еже от Рождества Господа нашего Исуса Христа…» (первое в подборке) сразу следует послание «А что судят попов ротою…» (десятое в подборке). Причем автор Тих. 536/539 указал рядом с киноварным заголовком послания «А что судят попов ротою…» его правильный номер — «10». Во-вторых, текст в рукописи расположен в два столбца. Оба архиерейских послания помещены одно за другим, без каких-либо отступов между ними. Нет отступа и между предыдущим текстом, содержащим правила Собора 879 г. в Константинополе (18-я глава «Собрания в 70 главах»), и первым посланием «А си грамота еже от Рождества Господа нашего Исуса Христа…». Однако послание «А что судят попов ротою…» завершается первым столбцом на л. 137 об., вторая половина листа пустая. То есть там, где, по принципу размещения материала, должен был бы читаться новый текст во втором столбце, изначально не было продолжения.

Таким образом, нарушенный порядок посланий (за 1-м сразу следует 10-е), пустая часть листа в месте ожидаемого расположения второго столбца с текстом (писец закончил 10-е послание, но к новому

[1] РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 204. Л. 399–448 об.
[2] РНБ. Софийское собр. № 1323. Л. 350–364 об.
[3] ГИМ. Синодальное собр. № 996. Л. 620–636.
[4] РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 256. Л. 687 об. и далее.
[5] РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 215. Л. 76 об.–118; см. также: РГБ. Ф. 98. Собрание рукописных книг Е. Е. Егорова. Описание. Т. 3. С. 36 (данный том описания, подготовленный Т. В. Анисимовой в 2014 г., пока не опубликован, но выложен на сайте РГБ: https://dlib.rsl.ru/viewer/01004712884#?page=1019 (дата обращения: 07.12.2018)).
[6] РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 256. Л. 701.
[7] ГПНТБ СО РАН. Собр. М. Н. Тихомирова. № 536/539. Л. 133 об.–137 об.

не приступил), наличие правильного номера у 10-го послания (хотя оно 2-е в рукописи) свидетельствуют как о выборочном характере включения архиерейских посланий в Тих. 536/539, так и о том, что в рукописи их всегда было два. Более того, надо думать, что с окончанием грамоты «А что судят попов ротою…» заканчивался целый раздел кормчей. Из всего сказанного следует, что Псковская подборка появилась ранее Тих. 536/539, а не создавалась специально для включения в ее состав.

Литература

Корогодина М. В. Церковное управление в Пскове и канонические сборники XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Псков, 2011. С. 255–273.
Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII вв. как исторический источник. Дисс. … д-ра истор. наук. СПб., 2015.
Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII веков. В 2-х тт. СПб., 2017.
Печников М. В. Сборник XVI в. – вклад митрополита Макария в Пафнутиев-Боровский монастырь // Боровск: страницы истории. Историко-краеведческий сборник. Боровск, 2005. Вып. 5. С. 94–107.
Печников М. В. Церковь и стригольники в Пскове в конце XIV – первой трети XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 107–122.
Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

С. Н. Темушев (Белорусский гос. ун-т)

АНАЛИЗ БЫЛИННЫХ СЮЖЕТОВ, СВЯЗАННЫХ С ДАННИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

В историографии на протяжении более полутора столетий то разгораются, то затухают дискуссии по вопросу об историзме былин. Сложился целый спектр мнений от признания прямой связи содержания былин с исторической действительностью (Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, А. П. Скафтымов, Б. А. Рыбаков, М. М. Плисецкий, В. П. Аникин, С. Н. Азбелев) до утверждения о формировании в былинах особого эпического мира, неадекватного историческим реалиям и, следовательно, не имеющего с ними непосредственной связи (Б. Н. Путилов, В. Я. Пропп, С. Ю. Неклюдов, Н. Г. Черняева). Не отрицая, что по отношению к реальной действительности эпический мир – форма ее художественного отображения, одна из форм исторической памяти народа о далеком прошлом, в то же время необходимо согласиться с мнением Д. С. Лихачева о том, что «строительные материалы для построения внутреннего мира художественного произведения берутся из действительности».

Один из ключевых принципов прочтения былин, обнаруживаемых специалистами, заключается в признании того обстоятельства, что уже на начальном этапе своего существования они представляли собой не только то, что явным образом повествуется, но и в значительно большей степени то, что современникам ясно без слов, само собой разумеется, то есть то, что неявным образом подразумевается. Именно сфера фискальных отношений относится к такой неявной, подразумеваемой информации. Тем не менее можно обнаружить две былины, сюжет и отдельные мотивы которых напрямую связаны с функционированием налогово-даннической системы Древней Руси. Это былины «Вольга и Микула» и «Михайло Потык». Глубоко запечатлелись в народной памяти события монгольского нашествия на Русь 1237–1241 г. и последующая данническая зависимость русских земель от Орды, что нашло отражение в широко представленном былинном мотиве выполнения богатырями поручения князя Владимира по транспортировке дани в Орду («во земли в Сорочинские») (былина «Добрыня и Василий Казимиров»).

Исследователями давно отмечено отсутствие корреляции между именами действующих лиц и географическими названиями, с одной стороны, и «фабулами, к ним прикрепленными» – с другой. Во всех случаях «хронологические и топографические даты», как и имена исторических лиц, не позволяют делать выводы о времени и месте сложения былин. В целом мнение о том, что предметный мир былин свидетельствует об их создании в X–XII в., в любом случае «не позже татарского владычества», требует проверки в каждом конкретном случае. Так, целый ряд разнообразных признаков (имена персонажей – Батуй/Ботиян, Василий Казимирович, топография – Большая Орда, земля литовская, терминология – ярлыки, стрельцы и, главное, отдельные мотивы – выплата дани Орде) не оставляет сомнений в том, что былина «Добрыня и Василий Казимиров» была создана во времена ордынского господства. Но и

в этом позднейшем произведении можно обнаружить явные архаичные элементы (например, участие дружины — «дружинушки» — в фискальных отношениях), уходящие корнями в домонгольскую эпоху. Из содержания былины «Добрыня и Василий Казимиров» можно почерпнуть интересные наблюдения о способах транспортировки дани («Целы корабли золота тащит») и о ее понимании как контрибуции — выплаты, гарантирующей безопасность от набегов («Принимай от меня да дани-пошлины / Да без бою, без кроволития»).

Былина «Вольга и Микула», несомненно, содержит очень древние пласты, раскрывающие начальный этап становления налогово-даннической системы Древней Руси. В целом эта былина позволяет сделать важные выводы о роли завоевания в формировании даннических отношений (что хорошо известно и из летописных сообщений, например, о мероприятиях князя Олега), об использовании наряду с дружиной народного ополчения в ходе подчинения новых территорий. Содержание былинного эпоса не оставляет сомнений в исключительных княжеских (причем князя стольно-киевского) полномочиях по накладыванию даннических обязательств и последующему распоряжению собранными материальными благами.

Еще один важный аспект, который обнаруживается благодаря анализу содержания былин, но слабо представлен в летописных и литературных памятниках домонгольской Руси, относится к характеру взаимоотношений носителей власти (то есть тех, кто накладывает даннические обязательства) с рядовым свободным земледельческим населением. Вполне определенно можно говорить об отношениях равных, при этом для князей было чуждо чувство превосходства и пренебрежения к земледельцам («мужикам», плательщикам дани).

В былинах четко просматривается характерная для фольклора в целом универсальная семантическая оппозиция «свой — чужой». Но весьма показательно, что в былине «Вольга и Микула» богатыри сражаются с «мужиками», оказавшими вооруженное сопротивление представителям стольно-киевского князя, не как с вражеским войском (которое в былинах обычно полностью уничтожается). Плательщики дани не воспринимаются как «чужие», иноплеменники, к ним направляются богатыри (в случае с былиной «Вольга и Микула» — во главе с племянником князя) с карательной целью. Иная картина предстает в былине «Михайло Потык»: богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Михайло Иванович Потык направляются киевским князем Владимиром «повыправить» дани-выходы в чужих землях — Каменной Орде, Золотой Орде и Подольской земле. С большой долей уверенности можно предположить, что данная былина сохранила мотив о даннических отношениях Руси с периферийными балтскими и финно-угорскими народами.

Таким образом, былины, которые нельзя рассматривать в качестве полноценных источников, позволяют прояснить некоторые аспекты налогово-даннических отношений домонгольской Руси. Составители былин проявляли интерес к сфере межличностных отношений (не только междукняжеских), истории повседневности, обыденным явлениям и сюжетам, которые мало интересовали летописцев.

С. Ю. Темчин (Ин-т литовского языка, Вильнюс)

БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОКИ «ПРЕДСМЕРТНОЙ» ФРАЗЫ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Статья 1014 г. Повести временных лет (далее — ПВЛ) содержит «предсмертную» фразу киевского князя Владимира Святославича: «и реч҃ Володимеръ. требите путь и мостите мостъ. хотѧшеть бо на Ꙗрослава ити на сн҃а своюго. но разболѣсѧ» (Лаврентьевский список)[1]; «и рче Володимиръ. теребите путь и мосты мостите. хотѧше бо ити на Ꙗрослава. на сн҃а своего. но разболѣсѧ» (Ипатьевский список)[2]. Выражение «мостите мостъ» Лаврентьевской летописи появилось вторично из первоначального *«мостите мосты» (ср. Ипатьевскую летопись) в результате влияния предшествующего контекста «требите путь» (где существительное употреблено в единственном числе)[3].

По летописи, так Владимир среагировал на отказ своего сына Ярослава, княжившего в то время в Новгороде, давать ему в Киев традиционную новгородскую дань. Это последняя фиксируемая ПВЛ фраза крестителя Руси: следующая погодная статья сообщает о том, что Владимир, послав своего сына Бориса против печенегов, умер. Читатели летописи вполне могли оценивать эту фразу как «предсмертную», ведь после нее в тексте прямая речь Владимира уже не встречается.

[1] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 130.
[2] ПСРЛ. Пг., 1923. Т. 2. Стб. 114.
[3] Подробнее об этом текстологическом явлении см.: [Темчин, 1998].

Исследователи обычно воспринимают эту фразу как вполне реальную, считая ее одним из наиболее ранних описаний подготовительных стратегических действий: предварительное наведение мостов и расчистка пути были необходимы для последующего военного похода. В качестве дополнительного свидетельства приводилась фраза из «Слова о полку Игореве»: «А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому» [Лихачев, с. 395]. Однако последняя фраза не обязательно должна пониматься в смысле неприготовленых (в результате целенаправленных человеческих действий) дорог: они вполне могли быть неготовыми по естественным причинам, например, из-за сезонной непогоды либо еще не просохшими после дождя и т. п. Этим она отличается, например, от библейского стиха Иер 18: 15 «они <…> споткнулись на путях своих, оставили пути древние, чтобы ходить по стезям пути непроложенного», который, судя по контексту, сам имеет не прямое, а переносное значение. Сопоставление же этого стиха с «предсмертной» фразой Владимира приводит к заключению, что раз киевский князь приказал требить путь и мостить мосты перед походом на Новгород, то, следовательно, старого (уже проторенного) сухопутного пути туда из Киева в 1014 г. еще не было, что сомнительно.

Таким образом, остается непонятным, действительно ли в домонгольское время производились подготовительные работы перед военными походами в виде наведения мостов и расчистки пути. В реальности подобных действий можно усомниться, ведь овраги и заросшие дебри можно обойти, а реки форсировать без наведения мостов. Более того, практическое значение подобных подготовительных действий сводится на нет их явным характером, благодаря которому их легко обнаружить противнику, что практически исключает внезапность военного нападения, которая во все времена была и остается исключительно важным тактическим элементом.

При реалистическом понимании фразы, якобы сказанной киевским князем в начале его конфликта с собственным сыном из-за неуплаты им новгородской дани, остается непонятной мотивация ее включения в ПВЛ, где тут же сообщается о болезни Владимира, но умалчивается о том, было ли выполнено распоряжение требить путь и мостить мосты: дальнейшее повествование не сообщает о каких бы то ни было последствиях этого княжеского приказа.

В принципе таким последствием можно было бы считать информированность Ярослава о военных намерениях Владимира, которая проявилась в ответном наборе варяжского войска. Однако она могла стать следствием не только явной подготовки киевского войска к походу на Новгород, но и конфиденциального сообщения, которое могло быть послано Ярославу его киевскими сторонниками, ср. тайное известие о коварных намерениях Святополка, сообщенное Ярославу из Киева сестрой Передславой после смерти Владимира (в «Сказании о Борисе и Глебе»).

Если же последствия «предсмертной» фразы Владимира в ПВЛ не прописаны и читателю не ясны, то зачем она здесь вообще упомянута?

Видимо, потому, что она должна пониматься не столько в реалистическом, сколько в символическом ключе. Так, И. Н. Данилевский предложил считать ее косвенной цитатой (то есть парафразом) ветхозаветного стиха Ис 57: 14: «И сказал: поднимайте, поднимайте, ровняйте путь, убирайте преграду с пути…», помогающей понять мотивацию поступка Владимира и объясняющей, что в поведении Ярослава его не устроила жадность, поскольку далее в библейском тексте имеется стих Ис 57: 17 «За грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его…» [Данилевский, с. 121].

Предложенный исследовательский подход действительно продуктивен, но выбор библейского стиха для сравнения заслуживает комментария. Во-первых, автор не процитировал последние два слова стиха Ис 57: 14: «И сказал: поднимайте, поднимайте, ровняйте путь, убирайте преграду с пути народа Моего», которые показывают, что здесь имеется в виду не конкретная личность (как в случае с Ярославом), а целый народ, поэтому предложенная ветхозаветная параллель к древнерусской исторической ситуации оказывается довольно приблизительной. Во-вторых, Книга пророка Исаии содержит и иные стихи с подобным смыслом (Ис 42: 16 «и поведу слепых дорогою, которой они не знают, неизвестными путями буду вести их; мрак сделаю светом пред ними, и кривые пути — прямыми: вот что Я сделаю для них и не оставлю их»; Ис 62: 10 «Проходи́те, проходи́те в ворота, приготовляйте путь народу! Ровняйте, ровняйте дорогу, убирайте камни, поднимите знамя для народов!»), так что выбор именно Ис 57: 14 выглядит произвольным. Более того, совокупность этих библейских стихов ясно показывает, что здесь имеется в виду: избранный народ, водимый Господом, должен расчистить дорогу к Нему для иных народов, еще не познавших Его, причем сам Господь будет лично участвовать в этой расчистке (Ис 42: 16 «мрак сделаю светом пред ними, и кривые пути — прямыми: вот что Я сделаю для них и не оставлю их»), так что в указанных библейских контекстах «выпрямление пути» имеет не реальный, а символический смысл.

При этом Книга пророка Исаии содержит аналогичный контекст с призывом расчистить дорогу не для иных народов, а для самого Господа: Ис 40: 3–5 «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да

понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть [спасение Божие]; ибо уста Господни изрекли это».

Именно этот контекст следует считать библейской параллелью к «предсмертной» фразе Владимира. Во-первых, он оказывается наиболее развернутым (и, следовательно, наиболее содержательным и представительным) по сравнению приведенными выше стихами Книги пророка Исаии. Во-вторых, из-за указанных особенностей этот ветхозаветный контекст играет важную роль в Новом Завете (Мф 3: 3, Мк 1: 3, Лк 3: 4–6, Ин 1: 23). Здесь, как известно, слова пророка Исаии вкладываются в уста единственного новозаветного пророка — Иоанна Предтечи, который разразился гласом вопиющего в пустыни перед приходом Иисуса Христа.

Такой библейский контекст (не собственно ветхозаветный стих, а его новозаветное преломление) напрямую соотносит киевского князя Владимира с Иоанном Крестителем, а новгородского князя Ярослава Владимировича — с самим Иисусом Христом. Подобная интерпретация верифицируется и типологически подкрепляется иными древнерусскими текстами древнейшего (домонгольского) периода, поскольку соотнесение Владимира Святославича с Иоанном Предтечей обнаруживается в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона [Темчин, 2019], а соотнесение Ярослава Мудрого с Иисусом Христом — в «Сказании о Борисе и Глебе» [Темчин, 2012]. Указанное схождение трех древнерусских текстов дополнительно усиливается также использованием одинакового художественного приема, а именно имплицитного способа соотнесения древнерусских исторических деятелей с новозаветными персонажами: последние не упоминаются по имени, но опознаются благодаря характерным цитатам из церковной богослужебной литературы — не только библейской, но и гомилетической.

Предложенная интерпретация позволяет понять смысл включения в ПВЛ рассматриваемой фразы Владимира: она оказывается исключительно важной не в прямом смысле (как реальное распоряжение начать подготовительные работы перед военным походом), а по своему символическому значению: князь Владимир, перефразируя, подобно Иоанну Предтече, известное выражение пророка Исаии, пророчески «предсказал» пришествие в Киев своего сына Ярослава, который мыслится как соответствие самому Иисусу Христу[4]. Таким образом, креститель Руси становится пророком и предтечей Ярослава Мудрого. Несомненно, что такое понимание древнерусской ситуации было возможно лишь в правление Ярослава.

Итак, «предсмертная» фраза Владимира Святославича играет в ПВЛ исключительно важна, поскольку, будучи вложенной в уста самого крестителя Руси, выполняет роль его посмертного завещания: «предсказывает» и легитимизирует «предстоящее» киевское княжение Ярослава Мудрого.

Литература

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2001.

Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 375–466.

Темчин С. Ю. Текстологическая семья Мстиславова евангелия: новые данные о группировке древнерусских списков полного апракоса // Slavistica Vilnensis. 1998. (Kalbotyra 47 (2)): XII Межд. съезд славистов (Краков, 27 августа — 2 сентября 1998 г.). Доклады литовской делегации. Вильнюс, 1998. С. 214–217.

Темчин С. Ю. «СЕ НЕСТЬ УБИЙСТВО, НО СЫРОРЕЗАНИЕ»: Агиографический образ Вифлеемских младенцев как концептуальная основа борисоглебского культа // Именослов: История языка. История культуры / Под ред. Ф. Б. Успенского. М., 2012. (Труды Центра славяно-германских исследований Института славяноведения РАН. Вып. 2). С. 216–230.

Темчин С. Ю. Владимир Креститель как Иоанн Предтеча в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2019. С. 416–427.

[4] Более того, поскольку «Сказание о Борисе и Глебе» посредством гомилетической цитаты соотносит гибель Бориса и Глеба с избиением вифлеемских младенцев, то одновременное пребывание Ярослава в Новгороде ставится в соответствие с бегством Иисуса Христа в Египет. В свете такого сопоставления приказ Владимира *требить путь и мостить мосты* в преддверии триумфального прихода в Киев Ярослава оказывается также функциональным эквивалентом иного ветхозаветного пророчества (Ос 11: 1 «Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего»), также использованного в Новом Завете (Мф 2: 15 «Из Египта воззвал Я Сына Моего»).

И. Тирет (Кентский ун-т, Огайо)

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПОЧИТАНИИ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СТОЛОБЕНСКОГО В XVII в.: СРАВНЕНИЕ ДВУХ ЦИКЛОВ ЧУДЕС СВЯТОГО НИЛА

Изучение чудес святых позволяет историкам, занимающимся периодом Средних веков и раннего Нового времени в Западной Европе и России, расширить знания о мирской и монашеской религиозности, о гендерных аспектах христианской духовности и о развитии синкретизма язычества и христианства. Несмотря на то что стереотипный язык, используемый в рассказах о чудесах, требует осторожности при работе с подобного рода агиографическим материалом, черновые описания чудес, составлявшиеся в монастырях или церквах и служившие основой для агиографических литературных произведений, содержат ценные детали, способные углубить наше понимание других сложных вопросов, таких как причины развития культа определенных святых. В данной работе рассматриваются два цикла таких черновых описаний чудес Нила Столобенского, московского святого с запада Руси. Сравнение этих двух циклов, написанных в периоды с 1598 по 1620 и с 1667 по 1687 г. в Нило-Столобенской пустыни на Столбном острове на озере Селигер во второй половине XVII в., показывает, что культ преподобного Нила, появившийся в XVII в. исключительно на местном уровне, после обретения мощей святого в 1667 г. начал привлекать внимание представителей самых разных социальных слоев из более обширных западных регионов, а также из столицы Московской Руси. Изучение этих чудес показывает, что на изменение восприятия преподобного Нила повлияли почитатели святого, превратившие его из обычного чудотворца в заботливого и сострадающего целителя.

Обретение мощей Нила Столобенского 27 мая 1667 г. глубоко затронуло души его мирских почитателей. В период с июня 1667 по апрель 1687 г. преданные почитатели селигерского святого сообщили о двенадцати чудесах, из которых все, за исключением одного, включали посещение больным мощей Нила Столобенского. Девять чудес произошли в год, последовавший за обретением мощей святого, а остальные три — с 1685 по 1687 г. Первые девять чудес (РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 351. Л. 7–11) были добавлены к составленному в Ниловой пустыни списку из шестнадцати чудес, произошедших с 1598 по 1620 г. (РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 351. Л. 1–4). Информация о последних трех чудесах (РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 372. Л. 1–2; Д. 374. Л. 1–2) доступна благодаря рассказам, записанным со слов получателей исцеления в период службы настоятелем игумена Пахомия (1679–1696).

Чудеса, совершенные Нилом Столобенским в XVII в., свидетельствуют о количественных и качественных изменениях культа этого святого. Статистический анализ чудес показывает, что за время, прошедшее между двумя циклами (длительностью почти в пять десятилетий), группа благочестивых почитателей святого, изначально состоявшая исключительно из местных крестьян и рыбаков Селигерского региона, обрела более обширную географию, охватывавшую западные и северо-западные регионы страны, включая столицу Московской Руси. Среди новых почитателей святого Нила были жители деревень Ржевского уезда, расположенных на расстоянии от 20 до 70 км от Нило-Столобенской пустыни, а также жители города Торопец и его окрестностей, находившихся примерно в 140 км от монастыря. В Торопце и других городах культ селигерского святого привлекал представителей новых социальных групп, таких как посадские люди (портные и красильники). По мере расширения географического и социального масштаба культа Нила Столобенского менялось и восприятие чудотворных способностей святого, а также его отношений с почитателями. Культ святого процветал благодаря контакту с другими религиозными традициями, такими как поклонение местным иконам, чья слава способствовала повышению репутации Нила Столобенского, о чем говорит, например, ассоциирование культа преподобного Нила с поклонением чудотворной иконе Страстной Богоматери, привезенной царем Михаилом Федоровичем в Москву в 1641 г. Кроме того, сформировать культ святого помогли сами почитатели Нила, рассказывая ниловским монахам о целительных способностях святого. При этом в их рассказах не повторялись стандартные топосы чудес Нила, описанных в предыдущем цикле и сконцентрировавшихся на способности Нила исцелять нервно-мышечные заболевания, такие как расслабление и трясовица, но делался упор на способности святого исцелять бесный недуг, что, возможно, является отражением повысившегося во второй половине XVII в. интереса к теме демонических нападок на человеческую плоть, о чем свидетельствует популярность Повести о бесноватой жене Соломонии. Также, в то время как в первом цикле чудес все исцеления происходили во время посещения больными раки преподобного Нила, свидетели последующего цикла представляли Нила сострадающим целителем и другом, дававшим личные советы и даровавшим физическое облегчение, являясь в видениях. Таким образом, черновые описания чудес Нила Столобенского предоставляют редкую возможность заглянуть в религиозное сознание обычных православных верующих Московской Руси и проследить изменение восприятия селигерского святого в их среде.

В. В. Ткаченко (МГУ)

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ В «ЖИТИЯХ СВЯТЫХ» ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

Четырехтомные «Жития Святых» (Четьи-Минеи) святителя Димитрия Ростовского были выдающимся обобщающим трудом, систематизировавшим обширный комплекс русского средневекового агиографического наследия. Помимо первого издания (1689–1705 г.) [1] на протяжении XVIII в. они 7 раз переиздавались синодальной типографией в Москве (1754, 1762, 1764, 1767, 1782, 1789 и 1796 г.) и 2 раза в Киеве (1757 и 1764 г.). В известных случаях их тиражи составляли 2400 экземпляров [Гусева, с. 72–79], что значительно превышало тиражи каких-либо светских сочинений. Кроме того, тексты «Житий» распространялись в рукописной традиции.

Воспринимаясь как важный этап развития русской агиографической традиции [Крылов], «Жития Святых» Димитрия Ростовского ранее почти не рассматривались исследователями как памятник историописания [Моисеева; Янковска]. Между тем количество освещенных в этом сочинении исторических событий очень велико.

Подход святителя Димитрия к созданию и редактированию своего труда методологически похож скорее на работу историка, нежели средневекового агиографа. Скрупулезно сопоставляя данные доступных ему сочинений, он значительно перерабатывает их тексты, отмечает разночтения, проставляет комментарии на полях.

Целый ряд исторических вставок, помещенных свт. Димитрием в текст «Житий», относится не просто к светской, а к дохристианской истории Руси. Среди них рассуждения о хазарах (в Житии Кирилла и Мефодия, 11 мая); о легендарном новгородском князе Гостомысле, призвании варягов, походах Олега на Киев и Игоря на Царьград, убийстве Игоря древлянами, войнах князя Святослава и его гибели от рук печенегов (в Житии княгини Ольги, 11 июля); о языческом периоде жизни князя Владимира — приходе к власти в результате междоусобицы и поставлении идолов с их подробным перечислением (в Житии князя Владимира, 15 июля). Все эти исторические детали не имели прямого отношения к истории церкви и отсутствовали в соответствующих проложных житиях. При составлении житий свт. Димитрий опирался на Повесть временных лет и «иностранные летописцы» (вероятно, польские хроники) [Абрамович; Янковска]. Учитывая безусловный интерес свт. Димитрия к истории, в дальнейшем проявившийся в его работе над «Келейным летописцем»[2] и неоконченным сочинением «О начале древнего славенского народа»[3], можно предполагать, что, составляя книгу «Житий», он сознательно стремился зафиксировать доступные ему сведения не только о русских святых, но и о русской истории вообще.

В «Четьих-Минеях» Димитрия Ростовского затрагиваются и дальнейшие события отечественной истории. Период княжеских междоусобиц получил отражение в житиях Бориса и Глеба (2 мая), дружинников князя Бориса Моисея Угрина (26 июля) и Ефрема Новоторжского (28 декабря), убитого киевлянами князя Игоря Ольговича (5 июня) и др. Батыево нашествие и ордынское иго — в житиях Михаила Черниговского и его боярина Феодора (20 сентября), Евфросинии Суздальской (25 сентября), Меркурия Смоленского (24 ноября), Василька Ростовского (4 марта), Александра Невского (23 оября), Михаила Тверского (22 ноября), Сергия Радонежского (25 сентября), Никона Радонежского (17 ноября), празднествах в честь Донской иконы Божьей Матери (19 августа) и Сретения Владимирской иконы Божьей Матери (26 августа). Стояние на Угре и избавление от ордынского ига — в «Празднестве пресвятой Богородице избавления ради Москвы от Ахмата, Ордынского царя» (23 июня). Борьба с Казанским ханством и взятие Казани — в житиях Макария Желтоводского (25 июля), Гурия Казанского и Варсонофия Тверского (4 октября), празднестве в честь Казанской иконы Божьей Матери (8 июля).

Любопытно, что известное по Прологам празднество «Пресвятой Богородицы избавления ради от ляхов» (22 октября)[4] по не вполне ясным причинам в собрание Димитрия Ростовского не вошло. Можно лишь предполагать, что этот важный для Москвы праздник не был столь почитаем в Киевской митрополии, где служил Димитрий во время написания первого тома «Житий».

В XVIII в. книги «Житий» были дополнены известиями о Северной войне (в тексте празднества в честь перенесения мощей Александра Невского, 30 августа).

---

[1] Книга житий святых. Киев, 1689–1705.

[2] Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского… с присовокуплением Келейной летописи… М., 1784.

[3] *Димитрий Ростовский*. О начале древнего славенского народа // Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1849. Т. 4. С. 44–45.

[4] Пролог. Сентябрь — март. М., 1675. Л. 185 об.–187.

Таким образом, в «Четьих-Минеях» Димитрия Ростовского оказались освещены почти все ключевые события русской истории. Учитывая многочисленные переиздания, тиражирование и крайне широкое распространение «Житий Святых» Димитрия Ростовского, кажется уместным пересмотреть общепринятое мнение о том, что «Синопсис» Иннокентия Гизеля (1674 г.) до середины XVIII в. был единственной печатной книгой, отражавшей сведения об истории Древней Руси.

Литература

Абрамович Д. И. Літопісні джерела Четьіх-Міней Дмитра Ростовського // Науковий зб. за рік 1929. Киев, 1929. С. 32–61.
Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга. М., 2010.
Крылов А. О. Четьи-Минеи митрополита Димитрия Ростовского: (К вопросу о конфессионализации в России рубежа XVII–XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2013. № 1. С. 51–64.
Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. С. 41–43.
Янковска Л. А. «О Русіи, отколи Русь почалася» в «Книге Житий Святых» и в «Летописе Келейном» Святителя Димитрия Ростовского (к вопросу о польских хрониках как одном из источников) // История и культура Ростовской земли. 1997: (Материалы научной конференции, 28–30 октября 1997 г.). Ростов, 1998. С. 179–185.

Н. В. Трофимова (МПГУ)

СОСТАВ И ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ В ЮЖНОРУССКОМ И ВЛАДИМИРСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XII–XIII в.

Библейские цитаты широко использовались летописцами с момента возникновения регулярных исторических записей. Их состав в Повести временных лет (далее – ПВЛ) выявлен и основательно изучен. Предметом данного исследования стали цитаты, вошедшие в своды, которые следуют за текстом ПВЛ в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях (Киевский, Галицко-Волынский и так называемая «Суздальская летопись»).

Состав цитируемых библейских книг в целом сходен: это те тексты, которые были известны летописцам рассматриваемой эпохи по богослужебным книгам и толковым переводам Ветхого Завета. Среди источников основным была Псалтирь как самая известная и многофункциональная по ее использованию на Руси книга Писания. Широко цитируются также Евангелия и Послания апостолов: Петра (1-е), Павла Римлянам, 1-е и 2-е Коринфянам, 2-е Тимофею. При этом соотношение цитирования ветхозаветных и новозаветных источников, Евангелий и Посланий различно в разных сводах.

Наибольшее количество цитат встречается во владимирском летописании, где особенно широк круг источников в сопоставлении с рассматриваемыми частями Ипатьевской летописи, к тому же многие цитаты повторяются в разных частях свода. Среди текстов, цитируемых владимирскими и не использовавшихся южнорусскими летописцами, Книги пророков Иоиля, Захарии и Послания Галатам, Ефесянам, Филиппийцам, 1-е Фессалоникийцам. Только в Киевской летописи встречается по одному заимствованию из Первого соборного послания апостола Иоанна и Песни Песней, в Галицкой – из книги Бытия, в Волынской – из Книги премудрости Иисуса сына Сирахова.

Формы введения цитируемых текстов различаются количественно. В южнорусском летописании преобладают неточные указания на источники текстов (*яко же книги глаголють, и помянувше слово глаголющее, якоже писание глаголеть, тѣмь же речеть ся, еже притьчею глаголють книги, якоже пишеть во книгахъ* и др.) и включение цитат без ссылок; во владимирском чаще встречаются указания на определенного автора или книгу (*подобаше намъ со Иовомъ глаголати, Исаия бо пророкъ глаголеть, якож глаголеть Соломонъ, яко ж рече Приточник, и пакы Давидъ глаголеть, глаголаше Павлово слово поминая* и пр.)

Во владимирском летописании цитаты способствуют раскрытию мотивов происхождения княжеской власти как богоданной, ее справедливости, покровительства Господа праведному князю, идеального княжеского правления, искупления грехов и посмертного воздаяния, «доброго пастыря», Божьих казней, последствий поражений в битвах и стихийных бедствий. В Киевском своде преобладающее количество цитат связано с мотивами смирения перед Божьим промыслом, справедливого воздаяния за грехи, княжеской власти как данной от Бога, силы христианской веры, идеального правителя. В Галицкой летописи немногочисленные цитаты определены мотивами тщеты человеческих усилий без помощи

Бога, возмездия за грехи, надежды на Господа. В Волынском своде заимствования сосредоточены в основном в повествовании о болезни и смерти Владимира Васильковича и связаны с мотивом идеального правления.

Цитаты во владимирском летописании чаще всего используются в похвалах князьям и поучениях летописцев, сопровождающих многие повествования о событиях. В похвалах, включенных в южнорусские своды (количественно этот жанр представлен в них скромнее), также содержится значительное количество цитат, при этом комплексы заимствований могут совпадать с аналогичными текстами владимирского летописания (например, в похвале Андрею Боголюбскому). Большое количество цитат в южнорусских текстах приходится на воинские повести и повести о княжеских преступлениях, где они звучат не только в авторских рассуждениях, но и в речах персонажей. В сходных фрагментах предсмертных молитв князей, входящих в Киевскую и Волынскую летописи (статьи 6655, 6683, 6796 г.), встречаются повторяющиеся заимствования. Значительно меньше, чем во владимирском, в южнорусском летописании авторских поучений, к тому же они, как правило, лаконичны, соответственно, и цитат в них немного.

При сравнении частей Ипатьевского сборника обнаруживается, что авторы Киевской летописи чаще используют Писание, могут не только приводить обширные цитаты, но и сочетать несколько фрагментов в связи с одной мыслью. Галицкие летописцы сдержанны в обращении к Библии, предпочитают краткие афористичные заимствования. В Волынском своде цитаты пространны, иногда объединяются в группы, как в ряде текстов, входящих во владимирскую и киевскую летописи. Особенно обширна цитата в отрывке, рассказывающем о гадании Владимира Васильковича по Библии под 6784 г., где «выняся ему пророчьство Исаино» (Ис 61: 1–4), истолкованное князем как одобрение его желания поставить город за Берестьем.

Сфера назначения цитат в сводах в целом сходная. Общими и наиболее распространенными во всех рассматриваемых летописях можно считать функции объяснения хода событий, подтверждения авторитетными источниками и выражения мыслей летописцев, характеристики исторических лиц, оценки событий и действий персонажей. Эмоционально-выразительная функция присуща в наибольшей мере текстам владимирских летописцев, в южнорусских сводах цитаты такого предназначения встречаются реже. В функции описания событий одиночные цитаты использованы во владимирском (6711, 6745 г.) и галицком (6729, 6748 г.) летописании.

Различия в использовании библейских текстов, по-видимому, связаны с замыслом летописей. Установка владимирских летописцев на создание дидактического повествования обусловила широкий круг многофункциональных, часто повторяющихся заимствований, в то время как в южном летописании основная задача — детальное последовательное повествование, в разных частях которого появляются необходимые для оформления текста и редко повторяющиеся заимствования из Библии.

А. С. Усачев (РГГУ, МГИМО)

СОСТАВ ЗАКАЗЧИКОВ РУКОПИСНЫХ КНИГ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-СЛУЖИЛОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ XVI В.

На XVI в. приходится складывание системы центрального и местного управления, а также военно-служилой элиты. Ее формирование, с одной стороны, испытало на себе влияние непростого и в этом столетии еще далекого от завершения процесса создания единого государства и его институтов, с другой — само оказало влияние на него. Привлечение новых источников, ранее систематически не привлекавшихся для изучения служилых людей, дает возможность нанести дополнительные штрихи на полотно истории складывания благородного сословия в России. К их числу относятся датированные выходные записи на книгах. 734 известные нам записи содержат информацию о многих сотнях писцов и заказчиков манускриптов [Усачев].

В книжную культуру России XVI в. в роли заказчиков, писцов, читателей и владельцев книг так или иначе были вовлечены представители самых различных слоев населения. Неизбежен вопрос: представители каких социальных групп в нее не были включены или были включены в наименьшей степени? Ответ на него важен для изучения не только истории книжной культуры, но и отдельных социальных групп. Ниже свое внимание мы сосредоточим на служилых землевладельцах, составивших костяк военно-политической элиты Русского государства.

Нам удалось выделить 48 заказчиков соответствующего статуса. Книги по их поручению переписывали на всей территории страны на протяжении всего XVI в. Среди них мы находим

Рюриковичей, Гедиминовичей, прочих выходцев из Литвы, представителей родов нетитулованной старомосковской знати, а также менее знатных служилых землевладельцев русского происхождения [Усачев, т. 1, с. 375–410]. Нам не удалось обнаружить заказчиков манускриптов из среды служилых татар, счет которым на русской службе в XVI в. шел на тысячи. С чем это может быть связано? Обратим внимание на ряд обстоятельств.

1. Хотя татары начали переходить на службу к московским князьям еще в XIV в., массовый характер переходы приобрели лишь с середины XVI в. Это было обусловлено присоединением к России в 1550-е годы территории Среднего и Нижнего Поволжья. Обратим внимание на исключительно важный факт из истории русского книгописания. В условиях относительно благополучного социально-экономического развития России в 1500–1550-е годы производство рукописных книг велось наиболее интенсивно. Вторая половина XVI в. (за исключением 1590-х годов) характеризуется резким спадом книгописных работ по всей стране. Это диктовалось глубоким социально-экономическим кризисом. Лишь 1590-е годы в стране, которая в той или иной степени преодолела кризисные явления в социально-экономической сфере, отмечены новым всплеском активности писцов. Таким образом, время перехода значительного числа татар на русскую службу совпало с периодом, который характеризовался падением темпов книгопроизводства.

2. Меньше всего сохранилось манускриптов, произведенных на Юго-Западе, Юге, в Среднем и Нижнем Поволжье [Усачев, т. 1, с. 196]. Именно в этих регионах — прежде всего, на территории Мещеры, Казанского и некоторых других уездов — в XVI в. было испомещено большинство служилых татар. Впрочем, значительные их земельные владения располагались и в иных регионах, сохранность книг которых существенно выше: на территории Новгородской земли, Ростовского, Ярославского, Московского, Коломенского, Владимирского и особенно Романовского уездов, а также других.

3. Хотя какая-то часть рукописных книг — как правило, богослужебных — создавалась для личного пользования, основная их часть предназначалась для вклада в церкви и монастыри. Среди перешедших в XVI в. на русскую службу татар число новокрещенов было сравнительно невелико. В ряде уездов даже в XVII в. речь шла о считаных процентах от общего числа. Это было связано с гибкостью политики властей «Третьего Рима», которые в отличие от правителей Византии довольствовались политической лояльностью инородцев, не требуя их немедленной и тем более насильственной христианизации [Шукуров; Моисеев]. Она могла вызвать рост недовольства значительной части служилых людей, лояльность которых была необходима в период постоянных войн [Беляков]. В условиях еще только формирующегося центрального аппарата управления и включения в состав страны в 1550-е годы значительных анклавов, населенных по преимуществу неправославным населением, прагматично настроенное русское правительство было готово мириться со значительными элементами социокультурного разнообразия.

4. Следует учитывать и незавершенность процесса культурной интеграции принявших крещение татар. Как правило, переходя на русскую службу, они крестились уже в достаточно зрелом возрасте, будучи длительное время связанными с мусульманской культурой. На степень глубины и специфику культурно-конфессиональной интеграции крещеных татар указывают хозяйственные книги монастырей, фиксирующие незначительное число вкладов служилых татар. Очевидно, что процесс их социальной интеграции (получение земельных владений, установление родственных связей с представителями русской знати, продвижение по службе и т. д.) значительно опережал процесс культурной интеграции в русское общество.

Литература

Беляков А. В. Крещение мусульман и проблема их интеграции в России XVI–XVII веков // Национальная политика России в контексте современных вызовов: идеи, практики, перспективы. Сборник трудов по итогам работы научно-исследовательских секций «Конгресса народов России — 2015». Н. Новгород, 2015. С. 56–74.

Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // Questatio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 37–54.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1–2.

Шукуров Р. М. Россия, Византия и чужаки // Российская история. 2013. № 3. С. 30–34.

И. А. Устинова (ИРИ РАН)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЧИНОВ ПОСТАВЛЕНИЯ ЕПИСКОПА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Важным источником по истории Русской церкви XIV–XVII в. являются Чины поставления епископов. Их изучение породило обширную литературу. В последнее время увидел свет один из древнейших Чинов [Желтов]. Наиболее сложной проблемой при изучении этого источника является его датировка, выявление и хронологическая «привязка» текстологических изменений [Неселовский; Плигузов; Корогодина; и др.]. Одной из перспективных методик при решении данных задач представляется текстологическое сравнение Чинов с другими источниками, возникавшими при проведении хиротонии русских архиереев, в частности хиротонийных обещаний. Последние представляют собой тексты исповедания веры и «присягу» главе Русской церкви и действующим решениям церковных соборов (наиболее важным), которые поставляемые в сан епископа, архиепископа и митрополита произносили в Успенском соборе перед патриархом и «властьми» во время хиротонии. Тексты архиерейских обещаний входят в состав Чинов поставления епископов (кроме самых ранних из них). Кроме того, в качестве своеобразных «присяжных» записей за подписью поставляемого они хранились в патриаршем архиве. Так, в сборнике последней четверти XVII в. из Синодального собрания Отдела рукописей ГИМ[1] содержатся тексты хиротонийных обещаний всех русских архиереев (34), поставленных с 1674 по 1700 г. в Московской патриархии (описание см.: [Горский, Невоструев, с. 441–444]).

Большая часть текстов обещаний совпадает дословно, но их текстологическое сравнение позволяет говорить о серьезном редактировании содержания этого документа на протяжении последней трети XVII в. Первый вариант первой редакции обещания в сборнике представлен пятью текстами августа 1674 – апреля 1681 г., второй вариант первой редакции, отличающийся небольшими сокращениями, представлен текстами 10 исповеданий ноября 1681 – февраля 1685 г. Наконец, четыре обещания марта 1686 – августа 1688 г. отличаются лишь расширенной титулатурой патриарха (добавлен фрагмент «и северных стран»). Вторая редакция Хиротонийного обещания в сборнике № 1044 представлена 15 исповеданиями февраля 1691 – августа 1700 г. [Устинова].

Чин поставления епископа в XVII в. продолжал регулярно переписываться и переиздаваться, подвергаясь редактуре (задача сравнительного исследования текстов Чинов XVII в. в настоящее время не решена). Известны чины патриарха Филарета Никитича 1620-х годов[2] и 1630 г.[3], чины второй половины XVII в.: «Чин и устав на избрание епископа»[4], «Чин избрания, исповедания и хиротонии архиерея»[5] (описание см.: [Горский, Невоструев, с. 440]) и др. Выдвинуть предположение о времени составления Чинов поставления епископов второй половины XVII в. (сборники № 115 ОР РГБ и № 344 ОР ГИМ) позволяет сравнение текстов Исповеданий веры, входящих в их состав, с одной стороны, с хиротонийными обещаниями русских архиереев последней трети XVII в., зафиксированными в сборнике № 1044 ОР ГИМ, – с другой.

Сборник № 115 (ОР РГБ) имеет подпись по нижнему полю л. 3–35: «Сий чиновник дому всесвятейшаго патриарха архидьякона Ионы Григорова, а подписано 1695 году априлия 5 в 12 дня». Чиновник подписан 1695 г., однако текст Исповедания в нем принадлежит ко второй версии первой редакции Хиротонийного обещания из сборника № 1044. Такое обещание произносилось архиереями, поставленными между ноябрем 1681 и мартом 1686 г. Можно предположить, что Чин поставления епископа из сборника № 115 действовал в этот период и был составлен с учетом решений церковных соборов 1681–1682 г., поскольку основное изменение в тексте касается редактуры отрывка о приверженности решениям Большого Московского собора 1666–1667 г.

Исповедание веры и Чин поставления епископа в сборнике № 344 из ОР ГИМ текстологически совпадает со второй редакцией Хиротонийного обещания из сборника № 1044, которое впервые зафиксировано в феврале 1691 г. В период с августа 1688 по февраль 1691 г. в Москве не было совершено ни одной архиерейской хиротонии. С другой стороны, именно в этот период произошла смена патриарха – после смерти патриарха Иоакима был поставлен патриарх Адриан (август 1690 г.) В этом контексте оправданным представляется предположение, что новая редакция Хиротонийного обещания

[1] ГИМ. Синодальное собр. № 1044.
[2] РГБ. Ф. 304/I. № 741. Л. 3–45; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 4. № 1. С. 1–11.
[3] Чин избрания епископа. [М.: Печатный двор, ок. 1630].
[4] РГБ. Ф. 173/III. № 115. Л. 2–75.
[5] ГИМ. Синодальное собр. № 344. Л. 1–48 об.

и, соответственно, Чина поставления епископа была создана по поручению нового патриарха не позднее февраля 1691 г.

Таким образом, Чины поставления епископов в XVII в., вероятно, обновлялись в связи со сменой патриархов или принятием важных решений церковными соборами. Дальнейшее исследование подобных источников позволит расширить наши представления об этом процессе.

Литература

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3. Ч. 2.
Желтов М. С. Чины рукоположений по древнейшему славянскому списку: рукопись РНБ. Соф. 1056, XIV в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. 2005. № 14. С. 147–157.
Корогодина М. В. Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 113–117.
Неселовский А. Чины хиротесий и хиротоний. Каменец Подольский, 1906.
Плигузов А. И. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1988. Ч. 4. С. 920–927.
Устинова И. А. Сборник хиротонийных обещаний русских архиереев последней трети XVII в. из Синодального собрания ГИМ // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г. М., 2019. С. 404–406.

Е. В. Уханова (ГИМ)

О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОТЕКИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Древнейший список Синайского Патерика (ГИМ. Син. 551), выполненный 11 писцами, вероятно, в Южной Руси в последней трети XI – начале XII в., оформлен как скромная монастырская книга. Однако одна из записей на ней отсылает нас к иному заказу. При поновлении переплета первые защитные листы пергамена были заменены на новые, вероятно, по причине их ветхости или сильного загрязнения. На одном из них, входящем в центральный парадный разворот с началом текста, помещена запись середины XV в.[1] владельческого характера: **нꙁѧслаѣ н владнмеръ / + хвалю тѧ ѿн ꙗ҃ ꙗ҃ хе . ꙗко спо҆бнлъ мѧ есн / прїꙗтн мнлостынѫ ѿ свонѝ домо/чѧдець . нмене твоего радн:**–. Глава семейства выражает свое удовлетворение поднесенным его домочадцами Изяславом и Владимиром подарком – Синайским Патериком. Торжественность записи подчеркнута красивым торжественным полууставом, красным цветом ее первой строки и местом ее расположения – по середине левой страницы центрального разворота. Если мы попытаемся найти среди живущих в XV в. упомянутых Изяслава и Владимира, то столкнемся с непреодолимой трудностью: в это время такие имена давно уже не использовались по причине их нехристианского происхождения [Экземплярский]. Согласно летописям и другим историческим источникам, время Изяславов закончилось перед монгольским нашествием в первой половине XIII в. Такие имена использовались ранними представителями аристократических родов. В то время имянаречение имело династический характер, а выбор имени был одним из инструментов передачи власти [Литвина, Успенский, с. 8]. Сочетание этих имен встречается в летописях лишь дважды: ими были отец Владимир Святой и его старший сын Изяслав Полоцкий, а также два брата Ярославича – киевский князь Изяслав (1054–1078, с перерывами) и новгородский князь Владимир (1034–1052). Несомненно, к Владимиру Святому как к домочадцу и дарителю этой рукописи наша запись не относится, а вот дети Ярослава Мудрого могли преподнести своему отцу такой редкий подарок. Хрестоматийным стало сообщение ПВЛ под 1037 г. о собирании Ярославом Мудрым многочисленных переводчиков и переписчиков для создания «книг многих», которые впоследствии были переданы в Софию Киевскую[2]. Это событие трактуется как организация первого крупного великокняжеского скриптория, возникновение древнерусской переводческой школы и упоминание первой библиотеки. Запись на подаренной Ярославу рукописи Синайского Патерика могла быть сделана от его имени, например, его библиотекарем, отметившим источник поступления книги. Дошедший до нас кодекс Син. 551, скорее всего, более поздний список с нее. Учитывая палеографическую датировку самой записи, ее тем более можно рассматривать как копийную, перенесенную с замененных защитных листов на новые по причине ее важности для владельцев.

[1] Благодарим в.н.с. Отдела рукописей РГБ Т. В. Анисимову за помощь в датировке почерка этой записи.
[2] ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 151–153.

В ранних древнерусских рукописях существовала традиция копирования вместе с основным текстом авторитетных записей, указывающих на значимость его происхождения. С именем упомянутого в Син. 551 Владимира Ярославовича связано, например, переложение на Руси с глаголицы на кириллицу текста толковых Пророков писцом Упырем Лихим. Об этом свидетельствует еще одна копийная запись в списках XV–XVI в., где поп Упырь пишет: **Слава тебѣ Г(оспо)ди, ц(а)рю н(е)б(е)сныи, ꙗко сподоби мѧ написати книги си ис коуриловицѣ кнѧзю Володимирꙋ Новѣгородѣ кнѧжащю, с(ы)н(о)ви ꙗрославлю большемꙋ, почах же ѣ писати в лѣто гфне** (6555)… [Столярова, с. 11–12]. Установлено, что выражение «написать книги ис куриловице» могло означать ‘написать книги кириллицею’ [Калугин, с. 153]. Примечательно, что часть формуляра этой записи перекликается с формуляром записи на нашем списке Синайского Патерика, что вместе с совпадением личности заказчика прочно связывает протографы этих двух произведений. Распространенный тезис о новгородском происхождении кириллического протографа толковых Пророков неочевиден. В самой записи писец специально разъяснил, что он написал книгу тому Владимиру, что княжит в Новгороде, и добавил для ясности, что тот является старшим сыном киевского князя, которого без регалий называет просто Ярославом. Новгородский писец не стал бы так характеризовать ни своего князя, ни великого киевского, а для киевского переписчика, напротив, такая формулировка естественна. А. А. Гиппиус предложил корректировку даты в этой записи с 1047 на 1042 г.: по его мнению, четвертую в дате букву **ѥ** следует читать не под титлом как цифру «5», а как окончание предшествующего десятка, то есть не «в лето 6555», а «в лето 6550-е». Эта поправка на 5 лет не является принципиальной для датировки в целом пропавшего кодекса, но, с нашей точки зрения, важна, так как приближает его создание к условной летописной дате начала создания Ярославом Мудрым своей библиотеки — 1037 г.

Обе записи можно рассматривать как свидетельство целенаправленной деятельности сыновей Ярослава по разысканию и переписке редких произведений в контексте мероприятий Ярослава Мудрого по созданию древнейшей книгописной школы и первой княжеской библиотеки. По высокой оценке Ярославом подарка — протографа Синайского Патерика — можно предположить, что формирование библиотеки было непростым процессом: приобретение каждой книги было целенаправленным, а многие произведения существовали в единственном экземпляре. Из еще одной записи середины XV в. на лицевой стороне того же листа Син. 551 следует, что данный список в то время принадлежал тверскому великому князю Борису Александровичу (1426–1461): «**ѿ великого кнѧ҃ ѡлекса** /» Аналогичные пометы делались на авторитетных рукописях, присланных по запросу на время для копирования. Это может свидетельствовать о том, что с XI по середину XV в. Син. 551 переходила из одной княжеской библиотеки в другую. В 1661 г. она попала к патриарху Никону, который вложил ее в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, из собрания которого она перешла в начале XX в. в Синодальную библиотеку.

Литература

Калугин В. В. Глаголица в Книгах пророков (по спискам XV–XVI вв.) // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии. Мат-лы межд. научной конф. 26–28 ноября 2013 года. М., 2013. С. 151–153.
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.
Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2.

А. Н. Федорина (ИА РАН), А. М. Красникова (ГИМ)

СЕЛЬСКИЕ КЛАДБИЩА XIII–XV В. В ОКРУГЕ СУЗДАЛЯ. ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Устройство кладбищ, их соотношение с жилыми зонами и погребальная обрядность сельского населения XII–XV в., времени сложения русской православной погребальной практики, по-прежнему изучены недостаточно. Для Владимиро-Суздальского Ополья выборка особенно не велика: даже охранные работы не позволяют существенно ее расширить, так как они сосредоточены в городских центрах региона. В настоящей работе авторы демонстрируют некоторые результаты раскопок последних лет (Кибол 3, Шекшово 2, Михали 3), а также показывают возможные пути расширения источниковой базы.

М. К. Ферро (Университет им. Г. д'Аннунцио, Кьети-Пескара)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАКСИМА ГРЕКА. О ПОНЯТИЯХ «СУДЬБА» И «СВОБОДНАЯ ВОЛЯ»

Лингвистические исследования являются одним из основных направлений изучения наследия Максима Грека. В связи с этим наибольшее внимание уделяется морфосинтаксическому анализу его сочинений, который позволил выделить некоторые особенности языковой личности автора (см., например: [MacRobert, 2008; MacRobert, 2017; Olmsted; Вернер, 2010; Вернер, 2017]). Благодаря этим особенностям Максим Грек заслуженно считается первым нормализатором церковнославянского языка. Однако особенности его употребления лексики не получили заслуженного внимания, и систематическое исследование на эту тему не проводилось.

Богатый жизненный опыт Максима Грека, его пребывание в разных культурных средах, его активная переводческая деятельность в Италии и в Московии, а еще его забота о распространении знания греческого языка позволяют предположить, что в его работах может иметь место лексическое своеобразие, то есть использование традиционных лемм в новых значениях и сочетаниях или введение новых терминов под влиянием современной ему гуманистической западной культуры и религиозного возрождения, с которыми он имел возможность познакомиться в Италии.

В целях выделения особенностей языковой личности Максима Грека было бы целесообразно заняться изучением понятий, навеянных идеями гуманизма, основных понятий монашеской жизни (где предположительно отражается разница между западной и восточной традицией), а также идей, определяющих практику православной традиции (см.: [Ферро, 2018; Ферро, в печати]).

В докладе обращается внимание на использование некоторых терминов, выражающих понятия «судьба» и «свободная воля», которые встречаются чаще всего в произведениях против астрологии.

Употребление наиболее значимых терминов описывается посредством лексикографического анализа произведений, опубликованных в первых двух томах современного издания его сочинений[1], а также путем сравнения полученных результатов с употреблением отдельных терминов в сочинениях иных авторов, установленным на основе анализа примеров из Древнерусского и Старорусского корпусов Национального корпуса русского языка[2] и словарей старославянского и церковнославянского языков[3].

Литература

Вернер И. В. Лингвистические особенности перевода латинских книг Геннадиевской библии 1499 г. // Studi Slavistici. 2010. С. 7–31.

Вернер И. В. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология // Славяноведение. 2017. № 2. С. 40–54.

Ферро М. К. Особенности использования интеллектуальной лексики в произведениях Максима Грека. Постановка вопроса // Славянский мир. Язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции: 28–29 ноября 2018 года, Москва. М., 2018. С. 161–163.

Ferro M. C. Per un'analisi lessicale delle opere di Massimo il Greco // Studi Slavistici. 2019/II. (в печати)

MacRobert C. M. Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic // Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists. Ohrid, 2008. P. 45–63.

MacRobert C. M. Maksim Greek in linguistic context // Latinitas in the Slavic World / Ed. V. S. Tomelleri, I. V. Verner (Specimina Philologiae Slavicae. 192). Leipzig, 2017. S. 173–205.

Olmsted H. M. Recognizing Maksim Grek: Features of his Language // Paleoslavica. 2002. T. X. № 2. P. 1–26.

[1] Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н. В. Синицыной. М., 2008. Т. 1; М., 2014. Т. 2.

[2] URL: http://ruscorpora.ru/search-old_rus.html.

[3] *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1900; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912 (репр. изд.: М., 2003); Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994; Československa Akademie Ved. Ustav jazyku a literatur. Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae / A cura di J. Kurz, Z. Hauptova. Praha, 1966–1997 (reprint: SPb., 2006). I–IV; Lexicon Paleoslovenico-Graeco-Latinum emendatum auctum / Ed. Fr. Miklosich. Wien, 1862–1865; *Liddell H. G., Scott R.* Greek-English Lexicon. New York, 1969; Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae / Ed. J. Kurz, Z. Hauptová. Praha, 1966–1997 (reprint: SPb., 2006).

Г. Ю. Филипповский (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

К ИСТОКАМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ХРИСТИАНСКО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕНТРА РУСИ

Северо-Восточная Русь была христианизована в княжение Владимира — Крестителя Руси, наряду с другими ведущими центрами и регионами Русской земли. История христианизации и градостроительства этого региона Руси достаточно хорошо изучена в трудах М. Н. Тихомирова, В. А. Кучкина, О. М. Рапова, Н. Н. Воронина, И. В. Дубова, М. В. Седовой, А. М. Сахарова, А. Н. Насонова, Ю. А. Лимонова, А. Д. Варганова. Лаврентьевская летопись отмечает, что в 988 г. в Ростов отцом был поставлен новгородский князь Ярослав — не только покровитель скандинавов (в дружинах были и христиане), но и выдающийся просветитель Руси, строитель новой христианской культуры. Здесь, на севере Руси, он строил храмы из дуба, в отличие от каменных (в византийской плинфяной технике) соборов юга Руси: в Ростове «чудная» многоглавая церковь епископа Феодора простояла до 1060 г.; в Новгороде дубовый храм Иоакима Корсунянина с характерным для севера Европы резным декором и тоже многоглавием (13 глав, как 12 апостолов и Христос) — до 1045 г. (когда сгорел и был заменен еще при жизни Ярослава сохранившимся доныне каменным Софийским собором); дубовые Ильинские и Никольские храмы были поставлены в возрожденных и христианизованных Ярославом Суздале и Ярославле на Волге.

Георгиевские (тезоименитые) храмы и монастыри построены Ярославом Мудрым в Ладоге, Киеве, в Новгороде (Юрьев монастырь), рядом с Ростовом у оз. Неро в Белогостицах (Георгиевский монастырь, впоследствии возобновленный в переименованном виде) — на р. Вёкса-Которосль, водном пути от Ростова к Волге. Великий Балтийский путь на Восток по Волге IX—XI в. через реки Ростово-Суздальской Руси (путь скандинавов за арабским серебром) окончился эпохой Ярослава Мудрого, но по его завещанию регион Залесской Руси оставался вотчинным для потомков Всеволода Ярославича — Мономашичей. Здесь были построены новые города: в 1024 г. при подавлении движения волхвов в Суздале князем Ярославом уничтожено старое языческое городище IX—X в. и построены новые феодально-христианские сооружения; назван в свое имя новый город-крепость, построенный на Волге, — Ярославль; братья-князья Ярослав и Борис воздвигли не только «чудный» собор, но и новый центр Северо-Восточной Руси — город Ростов — взамен старого городища на р. Саре — племенного центра мерян.

Столетием позже Владимир Мономах строит новый город Владимир на Клязьме, в перспективе столичный центр всей Русской земли, новый Киев. На рубеже XI—XII в. Мономах и его епископ Ефрем строят новые соборы, монастыри, новые городские укрепления в Суздале и Ростове, а в 40—50-е годы XII в. Юрий Владимирович Долгорукий строит многие новые города Залесья: Москву, Дмитров, Звенигород, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский, Кострому, Городец на Волге. Андрей Юрьевич Боголюбский, развивая стратегические замыслы городского строительства своего деда Владимира Мономаха, а также отца Юрия Долгорукого на северо-востоке Руси, строит Владимир на Клязьме уже как столичный город: трехчастный, высоко над Клязьмой, с семью воротами (в том числе Золотыми, Серебряными и Медными, как в эпосе), с городским собором, повтором киевских реалий: Печерний город, Лыбедь, Ирпень, с претензией на митрополию. В верховьях Волги, в глубине Руси тщанием и трудами христианских князей Владимира-Крестителя, Ярослава Мудрого, его детей, внуков и правнуков с X до XIII в. неуклонно формировался новый стратегический центр Руси — Ростово-Суздальская, затем Владимиро-Суздальская Русь, предтеча Московской Руси.

А. И. Филюшкин (СПбГУ)

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ

К числу нерешенных проблем изучения Лицевого летописного свода (далее — ЛЛС) относится вопрос о рефлексии этнических представлений древнерусского книжника в миниатюрах ЛЛС (ср.: [Мартынюк, 2018]).

Учеными неоднократно отмечался факт отсутствия выраженных этнических маркеров в одежде, доспехах, прическах и лицах представителей разных народов в ЛЛС. Это факт констатировался, но объяснялся достаточно уклончиво. Причиной была установка на поиск каких-то соответствий миниатюр

историческим реалиям. Так, парадоксальное изображение монголо-татар в древнерусском доспехе объясняли тем, что доспехи были в принципе одинаковые и шлемы-шишаки у русских и татар были похожи [Арциховский, с. 62]. Современные попытки увязать сходство изображений русских и татар с идеей «принадлежности Востоку» и идеологической преемственности Руси и Орды [Мартынюк, 2004] нуждаются в дополнительных доказательствах.

Оценки эвристического потенциала миниатюр ЛЛС в плане этничности несколько упростила в целом необычайно обстоятельная и фундированная работа А. В. Арциховского. Ученый явился автором концепции «восточной» и «западной» моделей описания доспеха. К «восточной», маркированной шишаками, А. В. Арциховский относил изображения русских, татар, византийцев, болгар и т. д. К «западной», маркированной европейскими шлемами-саладами, ученый-археолог причислил немцев (Тевтонский орден), шведов, поляков, литовцев, чехов и т. д. [Арциховский, с. 61–64]. Эта схема благодаря авторитету А. В. Арциховского была принята и получила развитие в дальнейших работах, в частности, А. В. Мартынюка [Мартынюк, 2011].

Однако если проанализировать весь массив миниатюр ЛЛС, а не преимущественно последние тома (как было сделано А. В. Арциховским), то вывод получается не столь однозначным. В первых томах, посвященных русской истории, в шишаках и древнерусском доспехе изображены греки, византийцы, персы, «латины», половцы, поляки (ляхи), торки и берендеи, сербы, хорваты, венгры, европейские рыцари, бравшие Константинополь в 1204 г., чудь, емь, литовцы, волжские болгары, мордва, шведы, чехи. Сходство этих образов требует более серьезного объяснения, чем отсылка на «характерное для Средневековья» общее внешнее сходство доспеха, тем более что в ней присутствуют ляхи, чехи, литовцы и европейские рыцари, относимые А. В. Арциховским к «западной» модели. Немцы же на ранних миниатюрах изображаются как в шлемах, похожих на шишаки, так и в округлых, ближе к бацинетам (без удлиненных затыльников).

Для миниатюристов ЛЛС этнические общности — это прежде всего библейские «языци», возникшие после разрушения Господом Вавилонского столпа. Этот сюжет отражен в нескольких миниатюрах. Примечательно, что книжник осознает существование разных «языцев», но не очень представляет, как эту разницу изобразить. На соответствующей миниатюре ЛЛС, изображающей несколько десятков «языцей», образовавшихся после разделения людей Богом, представители народов изображены группками по 2–3 человека с разными прическами, формами растительности на лице, цветом волос, разными комбинациями цветов одежды. Но все эти варианты — «вариации ради вариаций», они не имеют никакой привязки к реальным визуальным воплощениям этничности. То есть миниатюрист знал, что есть «языцы», что они — разные. Но канона, как изобразить эту разницу, не существовало, поэтому художник просто делал разнообразные рисунки. Искать в них отражения реальных этнических различий не стоит.

Видимо, этим и объясняется использование одних и тех же визуальных образов в ЛЛС для изображения разных народов. В изображении костюма, доспеха миниатюристы строго шли за каноном (прежде всего иконописными подлинниками). Поскольку не было образцов — они изобретали новые изображения минимально и в основном применительно к близким к ним эпохам. Древние народы и народы до XIII в. изображаются, как правило, одинаково, несмотря на их обозначение в тексте разными названиями. Первые специальные этнические признаки в изображениях народов появляются в миниатюрах применительно ко второй четверти XIII в. Под 1225 г. говорится о походе Ярослава Всеволодича с новгородцами на Колывань (Ревель), и здесь мы впервые видим на миниатюре немца-ревельца в характерных западноевропейских полосатых штанах. На последующих страницах элементы европейского костюма появляются в изображении жителей Риги, в изображении европейцев, везущих хлеб в северо-западные области Руси под 1232 г., и т. д. Таким образом, первые признаки этнически маркированных изображений появляются применительно к ливонским немцам, потом они распространяются на немцев вообще, шведов, частично — литовцев и т. д. По мере приближения повествования к эпохе, современной создателям миниатюр и составителям ЛЛС, в изображениях появляется все больше реальных черт (точнее, реминисценций реальности). И вот здесь, применительно к XIV–XVI в., в самом деле все чаще встречается отмеченное А. В. Арциховским маркирование этнических идентичностей по головным уборам, костюмам, доспехам (вплоть до появления редких изображений тюрбанов). Этот феномен вполне объясним: рисовать условных татар или условных литовцев (которых в их этнических костюмах все встречали на московских улицах) в XVI в. было бы нелепо. Это, конечно, были нереалистичные изображения, но в них утвердились визуальные маркеры, указывающие на этничность.

Возникает вопрос: почему в фокусе этничности изначально оказываются именно немцы? Напрашивается объяснение, что это можно связать с убедительной гипотезой Ю. А. Неволина [Неволин]

о немецких книжных гравюрах как возможных источниках образов ЛЛС. Образцы немецкой одежды и доспеха могли быть взяты оттуда.

Полностью согласиться с этой концепцией мешает то, что на европейских гравюрах легко найти образы мусульман в характерных тюрбанах и халатах, но создатели ЛЛС изначально оказались к ним невосприимчивы и образы восточных одежд в некоторых миниатюрах, посвященных событиям XVI в., взяли явно не из немецких гравюр — отчего такая избирательность?

Представляется наиболее вероятным вывод, что визуальные образы этничности в миниатюрах больше зависели от контаминации этнических образов из каких-то внешних образцов, чем являлись визуальной рефлексией этнических образов, сформированных в нарративе. То есть чисто художественные моменты преобладали над концептуальными и идеологическими, что свидетельствует о недостаточной развитости представлений об этнической идентичности в XVI в.

Литература

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
Мартынюк А. В. Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования. Минск, 2004. Вып. 1. С. 61–70.
Мартынюк А. В. История Великого княжества Литовского в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века // Lietuvos pilys. 2010. Nr. 6. Vilnius, 2011. Lk. 149–159.
Мартынюк А. В. Формы и уровни идентичностей в визуальных нарративах Лицевого свода // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории. М., 2018. С. 190–207.
Неволин Ю. А. Три лицевые рукописи XVI в., оформленные кремлевским мастером, знатоком и интерпретатором западноевропейской гравюры // Конференция по истории средневековой письменности и книги. Тезисы докладов. Ереван, 1977. С. 67–68.

А. А. Фролов (ИВИ РАН)

ПИСЦОВАЯ КНИГА БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ ПИСЬМА И. Д. ВЕЛЬЯМИНОВА 538/1539 Г.: К ИСТОРИИ РУКОПИСИ[1]

Книга письма Ивана Даниловича Вельяминова — одна из немногих писцовых книг XVI в., о происхождении которых можно судить по сопровождающей ее записи. Из этой записи, сделанной почерком середины XVI в. на двух листах (Л. 2а и 3), следует, что ее доставил в Новгород из Москвы 19 февраля 1546 г. подьячий Нечай Александров. Изготовлена книга была тоже в Москве: дописывать ее (вероятно, в связи со смертью И. Д. Вельяминова) пришлось Афанасию Соловцову вместе с тем же подьячим[2].

Кодикологическое изучение рукописи книги письма И. Д. Вельяминова, хранящейся в РГАДА[3] (далее — Новг. 6), позволяет рассмотреть вопрос о том, представляет ли она собой экземпляр, присланный из Москвы 19 февраля 1546 г., или это список, изготовленный уже в Новгороде и включивший запись, приложенную к оригиналу, в своем основном тексте. В Новг. 6 выделено три почерка, которыми написаны 141, 178 и 300 листов соответственно (Л. 4–622). Почерк записи о присылке книги в Новгород не соотносится ни с одним из основных, что позволяет считать Новг. 6 оригиналом писцовой книги, присланным из Москвы.

Как отразилось на его облике «дописывание» книги Афанасием Соловцовым и Нечаем Александровым? Предварительно процесс работы над рукописью реконструируется на основе кодикологических наблюдений. Примечательной особенностью Новг. 6 является полное отсутствие подчисток и исправлений в тексте, любого рода выносок, дополняющих текст. Это демонстрирует отношение к тексту как к официальному юридически утвержденному документу, фиксирующему актуальное состояние земельного фонда на определенный момент.

Новг. 6 сохранила несколько систем нумерации тетрадей, часть номеров утрачена вследствие переплетных и реставрационных работ. Лучше всего сохранилась сквозная нумерация тетрадей, нанесенная после завершения всей работы (всего выделено 80 тетрадей), хуже — частная нумерация, принадлежащая подьячему, переписавшему свою часть книги — «урок»[4]. Уроки составляли части рукописи,

[1] Работа написана при поддержке РФФИ, грант № 18-09-00189А.
[2] Новгородские писцовые книги. СПб., 1906. Т. VI. Стб. 35–36. Судьба собрания новгородских книг конца XV — XVI в. в целом освещена в специальном исследовании [Фролов, с. 73–125].
[3] РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 6. Л. 1–622. Формат бумаги — в четверку.
[4] Отмечено также деление Новг. 6 на «статьи», в основном по 24–26 листов. Но оно однотипно с делением рукописей рубежа XV–XVI в. [Фролов, с. 485], которое датируется серединой XVII в. и к исследуемой теме отношения не имеет.

которые тоже нумеровались, но уцелел только номер последнего урока: 1. Л. 7–85 (поч. 1); 2. Л. 86–170 (поч. 2); 3. Л. 171–248 (поч. 1); 4. Л. 249–318 (поч. 3); 5. Л. 319–411 (поч. 2); 6. Л. 412–622 (поч. 3). Конец рукописи утрачен, текст последней тетради обрывается на названии одной из деревень. Но сохранившаяся часть Новг. 6 в очень хорошем состоянии: судя по симметрии листовых формул и содержанию, между л. 4 и 622 утрачено всего лишь 14 листов. Вскоре после переписывания текст сверялся с оригиналом, результатом чего стало появление в большинстве тетрадей, на нижнем поле оборотной стороны их последнего листа, пометы «прав». Несколько пар листов в результате такой сверки пришлось переписать, после чего проверка могла проводиться еще раз — на некоторых замененных внешних листах тетрадей помета «прав» также выявлена. Переписаны замененные пары листов обычно той же рукой, что и остальные листы тетради, отличаясь от последних манерой письма, цветом чернил и сортом бумаги. Несколько тетрадей заменены были целиком.

Из трех подьячих, принимавших участие в изготовлении Новг. 6, третий играл, несомненно, ведущую роль: им была переписана почти половина всех сохранившихся листов книги, в том числе две тетради, подлежавшие замене в уроке первого подьячего; исключительно важно то, что его же почерком написано оглавление к книге (Л. 4–7) и преамбула в начале л. 7, сообщающая о том, что «лета 7053 года книги Ноугородцкие Бежитцкые пятины писма Ивана Даниловича Вельяминова с товарыщи, писал Офонасей Григорьевич Соловцов, а в них писаны великого князя села и деревни за князми и за детми за боярскими в поместьях». Два другие почерка уступают третьему и в профессионализме. Исходя из этих наблюдений, обладатель третьего почерка предположительно может быть отождествлен с подьячим Нечаем Александровым.

Однако нет оснований говорить о его «вторжении», в связи с «дописыванием» книги, в ранее подготовленный текст. Наблюдения о сортах бумаги, использованных тремя подьячими, свидетельствуют о том, что третий работал параллельно с остальными: сначала в ход шла бумага с филигранью «монограмма» (уроки 1, 2). Первый подьячий для нового урока (3) опять взял бумагу этого сорта. У второго подьячего для урока 5 также еще оставалось немного такой бумаги, но в основном урок написан уже на бумаге с филигранью «кувшин с литерами» двух разновидностей. Урок 4, взятый в переписку третьим подьячим, был написан на другой бумаге — с филигранью «единорог», однако его же урок 6 сначала использовал бумагу с филигранью «монограмма» (19 тетрадей), которая сменяется затем бумагой с «кувшином с литерами» тех же двух разновидностей, что была у первых двух подьячих. Для замен целых тетрадей и отдельных листов использованы либо те же сорта бумаги, либо разрозненные остатки других партий.

Основная работа по «дописыванию» книги осталась, видимо, за рамками процесса выбеливания и происходила ранее — на этапе серьезной переработки полевых материалов И. Д. Вельяминова и редактирования чернового текста. Как показал анализ структуры данных книги, Новг. 6 является наиболее последовательным образцом второй, так называемой «подлинной» редакции писцовой книги, в которой материал самого письма представлен в переработанном виде, некоторая избыточная информация удалена, а произошедшие после полевых работ изменения учтены [Фролов, с. 268–274].

Литература

Фролов А. А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб., 2017.

Д. А. Хитров (МГУ)

МОСКОВСКИЙ УЕЗД В МАТЕРИАЛАХ ВАЛОВОГО ПИСЬМА 1620–1640-х ГОДОВ: К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПИСЦОВЫХ КНИГ

Как известно, валовое писцовое описание 1620-х годов является первым сохранившимся общим описанием территории страны. Систематическая обработка его материалов, однако, сталкивается с большими сложностями. Одна из важнейших среди них состоит в том, что, хотя в целом материалы описания сохранились неплохо, они слабо систематизированы, представляют собой обширную коллекцию, сосредоточенную в первой описи фонда Поместного приказа в РГАДА, и большое количество рассыпанных по другим коллекциям и архивам книг и фрагментов описания. Коллекция изобилует дублями, разновременными и нередко лишь частично пересекающимися списками.

Кроме того, сами составители описания не всегда были склонны сводить все материалы по тому или иному уезду в единый комплекс. Части, относящиеся к разным типам землевладения, могли существовать отдельно друг от друга, и, следовательно, некоторые из них могли теряться. Чаще всего из общего массива материалов изымались описания дворцовых вотчин; кроме того, нередко отсутствуют порозжие земли, ямские слободы, погосты, владения иноземцев. Более того, отдельные владения, почему-либо не описанные в общем массиве, могли затеряться и иногда обнаруживаются в составе книг, относящихся в другому уезду или иному времени; вотчины таких землевладельцев, как Троицкий Сергиев монастырь, иногда писались в особые книги. Все это делает систематизацию фонда писцовых материалов сложнейшей задачей.

В последние десятилетия большая работа в этом направлении была проделана авторским коллективом «Каталога писцовых книг Московского государства» под руководством М. Ю. Зенченко [Каталог]. Однако материалами «Каталога» пока охвачена не вся территория государства, и, в частности, им не покрывается Московский уезд, крупнейший в стране, область привилегированного землевладения и место расположения большого количества дворцовых вотчин.

Уезд делился на Замосковную и Зарецкую половины, а те — на волости и станы. Описание происходило в несколько этапов, его материалы фрагментированы и сохранились не полностью. В 1622–1624 г. в уезде работал писец Лаврентий Кологривов, одновременно с ним Семен Колтовский и подьячий Анисим Ильин действовали в юго-западных станах уезда. Затем Зарецкая половина описывалась Федором Пушкиным и дьяком Андреем Строевым в 1627–1629 г., а Замосковная — Гаврилой Бобрищевым-Пушкиным и подьячим Гаврилой Непейцыным. В 1628–1630 г. Федором Уваровым и дьяком Жданом Ромодановым дописывались пропущенные ранее владения.

Разобраться в этих материалах можно только путем локализации описанных поселений и пустошей — это позволит «на местности» увидеть очертания сохранившихся и утраченных частей описания. В распоряжении исследователей имеются великолепные карты В. С. Кусова, охватывающие Московскую губернию в ее границах 1780-х годов и составленные на основе планов Генерального межевания, — они существенно облегчают эту задачу [Кусов].

Однако имеются и две существенные сложности. Во-первых, уезд велик, расположение станов и волостей в нем известно только приблизительно (карты В. С. Кусова показывают административное деление после реформы 1775 г., когда станы прекратили существовать), и при поиске того или иного поселения приходится рассматривать в качестве возможного места его нахождения довольно обширную территорию; нередко на ней обнаруживаются несколько «подходящих» мест. Во-вторых, бурный рост Москвы в XVII–XVIII в. привел к сильному изменению топонимики; в особенности это касается тех локаций, которые в момент писцового описания были пустошами.

Стоящую перед нами задачу существенно облегчает то, что Генеральное межевание в Московской провинции Московской губернии началось сразу после манифеста 1765 г., и к моменту открытия наместничества межевые работы не только были закончены, но и были составлены итоговые материалы. Тома Экономических примечаний по уездам Московской провинции сохранились в коллекции ВУА в РГВИА, а соответствующий им атлас, включающий в себя уездные планы и планы городов, — в фонде картографических материалов Сената в РГИА (Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 4). Этот памятник был введен в научный оборот В. М. Кабузаном [Кабузан], но до сих пор почти не использовался в литературе. Между тем на его картах имеются детальные границы станов. Хотя само становое деление к XVIII в. существенно укрупнилось, их учет при локализации значительно упрощает эту работу и делает ее гораздо более точной.

В докладе представлены первые результаты работы по локализации топонимики писцового описания 1620-х годов и показаны возможности, которые открывает перед исследователями использование ранних межевых материалов.

Литература

Кабузан В. М. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. М., 1981. С. 45–56.

Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2004–2018. Т. 1–6.

Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII в. Атлас. М., 2004.

А. П. Хмелевская (КФУ)

МАРГИНАЛИИ КОДЕКСА ГАНКЕНШТЕЙНА: ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ[1]

Кодекс Ганкенштейна — это Октоих древнерусского письма галицко-волынского происхождения. Основной текст относят к рубежу XII–XIII в.; его дополняют записи на полях XIII–XIV в. и 2 листа первой половины XV в. [Lyubashchenko]. Ряд текстов принадлежит к числу «весьма редких и являющихся древнейшими в совокупной славянской или в древнерусской традиции» [Турилов, с. 412]. Графико-орфографические особенности основного текста были описаны ранее [Khmelevskaya, Zholobov, Molkov], графика и орфография маргиналий рассматриваются впервые.

Графико-орфографические системы основного текста и маргиналий резко различаются. Эти расхождения отражают эволюцию фонетического строя древнерусского языка и ярче всего выступают в употреблении редуцированных. Если основной текст последовательно сохраняет редуцированные, то в маргиналиях представлены результаты их утраты.

Тексты на полях книги содержат:

а) степенны, седальны, троичны, светильны, стихиры и канон Николаю Мирликийскому (Л. 1–154);

б) месяцеслов на год с указаниями (Л. 154–186);

в) службы на богородичные и господские праздники (Л. 187–277) [Темчин, с. 115].

Текст написан на полях киноварью, редко чернилами: л. 8 об.–9; 80 об.–84 об.

Записи на полях сделаны уставом. Размер меньше букв основного текста. Все маргиналии сделаны одним писцом, кроме двух листов XV в.

Буквы в маргиналиях отличаются по начертанию. Так, в частности, м пишется с округлой петлей, которая свисает ниже уровня строки, мачты параллельны друг другу. ѡ имеет округлые бока и высокую середину. Часто в середине слова пишется прописной вариант Т для экономии места. Лигатура ѿ представляет собой единый символ, в отличие от основного текста Октоиха, в котором между ѡ и т был разрыв.

Слов с сокращениями в маргиналиях намного больше, что связано с ограниченностью пространства на полях. Титла такие же, как в основном тексте.

Выносные буквы прорисованы четко, не заменяются точкой, как в основном тексте. Буквы выносятся наверх также в конце строки, если слово не умещалось в строке.

Две точки традиционно ставятся над буквами, обозначающими гласные звуки, если они стоят в начале слова или слога: съ ӓдамомъ ї разѹбѡнннкꙋ 13, небноё 24 об.

В конце целостного фрагмента ставятся четыре точки, образующие ромб. Внутри отрезки высказываний разделяются точкой, лежащей внизу на строке.

Пропущенные буквы или буквы правки выносятся над строкой. Исправления делаются и в тексте: писец дорисовывает букву до сходства с правильной.

Соседние буквы в ряде случаев образуют новые лигатуры для экономии места в строке. Чаще других это соединения букв м, л, п с буквой ѹ и буквой р на короткой ножке в строке.

Звук [у] после согласных передается ижицей, что говорит о более позднем происхождении записей на полях. Такое написание распространяется во второй половине XIII в., что позволяет отнести маргиналии Октоиха к этому времени (см.: [Жолобов, с. 57]). В начальной позиции встречается лигатура ѹ с надстрочной ижицей, записанной с разрывом.

В рукописи в ряде случаев представлено смешение графем в и ѹ, отражающее билабиальный [w]: втѣшѣньёмь 13 об., вповаиьё 24, ѹ мнрѣ 155 об. и под. Это явление начинает широко отражаться в галицко-волынских рукописях второй половины XIII в. (см.: [Zholobov, p. 48]).

Буква ѥ используется в единичных случаях на месте нового ятя в новозакрытых слогах (възведенъ 4, їз ложнєсѣ 15 и др.), тогда как новый ять передается последовательно. Эта мена указывает на і-образный приступ в артикуляции ѣ. В позиции начала слова и после гласного пишется є широкое с удлиненным языком. В остальных случаях выступает обычная узкая графема є. Параллель данному употреблению — аллографы о и о. В отдельных случаях используется особый аллограф: о широкое пишется с вертикальной линией посредине буквы — как ѳ (но без точек).

Буква ꙗ встречается очень редко (главным образом в слове ꙗко), вместо нее используется ѧ.

[1] Рукопись Cod. Hankensteinianus Vind. slav. 37 известна также как Венский Октоих. Копия рукописи предоставлена нам CIMA (https://hrsm.cvl.tuwien.ac.at/) в рамках совместного проекта с любезного разрешения Австрийской национальной библиотеки.

І встречается в маргиналиях намного чаще, чем в основном тексте, что связано с необходимостью использовать сжатое письмо; чаще пишется с двумя точками вверху.

Яркая примета маргиналий — употребление ѡ, которая имеет архаичное написание с высокой серединой. В отличие от других рукописей этого времени, ѡ в Октоихе используется не в начале слов, а в середине после согласных в новозакрытых слогах. Таким образом, перед нами ранний пример обозначения сужения и дифтонгизации гласного [о] в новозакрытых слогах параллельно с развитием нового ѣ (прѣже кѡнца 16 об., рѡдъ 25 об., жнвѡтъ 156 и др.). Несмотря на необходимость сжатого письма, переписчик употребляет широкую графему, чтобы передать новую фонетическую реальность.

Литература

Жолобов О. Ф. Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 51–75.
Темчин С. Ю. Церковнославянский Недельный октоих как функциональная разновидность Общей Минеи // Slavistica Vilnensis. 2003. № 52 (2). С. 101–129.
Турилов А. А. Ганкенштейна кодекс // ПЭ. М., 2005. Т. 10. С. 411–412.
Khmelevskaya A. P., Zholobov O. F., Molkov G. A. Paleography and Orthography of Hankenstein Codex // National Academy of Managerial Staff of Culture and Arts Herald. 2017. № 4 (2). P. 115–119.
Lyubashchenko V. Religious manuscripts of Halych-Volhynian Rus' of the 12th – 14th centuries: an attempt to generalization // Княжа доба: історія і культура. 2011. № 4. С. 65–99.
Zholobov O. The corpus of the Old Russian copies of the Paraenesis of Ephraem Syrus, II: RNB, Pogod. 71a // Russian Linguistics. 2009. Vol. 33. № 1. P. 37–64.

О. И. Хоруженко (ИРИ РАН)

«НОВГОРОДСКАЯ ВЕЧЕВАЯ ПЕЧАТЬ» В НАЧАЛЕ XVIII в.

При вступлении в должность воеводам Великого Новгорода XVI–XVII в. передавался ларец, а «в ларце великих государей Новгородцкого государства печать серебряная... Другая печать серебряная меншая городовая»[1]. Применение большой новгородской печати, вероятно, было редким; ее оттиски пока не обнаружены. Есть все основания предполагать, что именно ее описание помещено в летописной статье 1565 г.: «место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а с другую сторону рысь, а под местом рыба»[2].

Оттиски «меньшей городовой» печати представлены в значительном количестве. Самый ранний документ с такой печатью датирован 1593 г. (воевода В. И. Шуйский). На протяжении XVII в. она скрепляла документы новгородских воевод И. Б. Репнина, В. Г. Ромодановского, И. П. Пронского и прочих. Печати имеют диаметр около 3 см, все оттиснуты на черном воске. Круговая надпись гласит «Печать господарьства Великого Новаграда». Это изображение, отличаясь от летописного описания отсутствием фигур медведя и рыси, полностью совпадает с описанием в Росписи печатей царя Алексея Михайловича: «место (т.е. город), а на месте посох, под местом озеро да три рыбки» [Соболева, с. 168].

Один из оттисков «меньшой городовой» печати средней сохранности оказался в распоряжении А. Б. Лакиера (1855), что породило весьма жизнеспособную мифологему. Автор прочитал круговую надпись как «Печатъ го[сподина Великого Новгоро]да». По его мнению, печать либо принадлежала периоду новгородской независимости, либо восходила к соответственно датированному образцу. А. Б. Лакиер полагал, что печать сохранила изображение новгородской «вечевой степени» (разумеется, автор не мог иметь представления о том, как это гипотетическое сооружение выглядело в реальности) и архиепископского посоха [Лакиер, с. 156; табл. XIV, рис. 5].

В 1862 г. М. В. Толстой вновь опубликовал печать «господина Великого Новгорода», датировав ее уже XV в. Нет никаких сомнений в том, что источником для новой публикации послужила работа А. Б. Лакиера: печать содержит те же самые утраты. В своей датировке М. В. Толстой также исходил из текста А. Б. Лакиера, который полагал, что «по присоединении Новгорода к Москве», то есть после 1478 г., эмблемы вечевой печати перешли в печати «воевод новгородских XVI и XVII веков». В публикации М. В. Толстого фрагментированная лакиеровская печать была дополнена до круглой формы, утраты обозначены штриховкой [Толстой, с. 16 (2-я пагин.); титул. лист]. С тех пор печать стала фигурировать в литературе как «восковая печать XV в. из собрания М. В. Толстого».

[1] Новгородский росписной список 7196/1688 [г.] // Новгород двести лет тому назад (материалы для истории города). Новгород, 1888. С. 7, 8.
[2] ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13. 2-я пол. С. 398.

В работах 1938–1946 г. А. В. Арциховский, исходя из интерпретации изображений, предложенных А. Б. Лакиером, сформулировал свою версию эволюции «республиканских эмблем» новгородской «вечевой» печати (вечевой степени, «посоха степенного посадника») в монархические — трон, царский жезл, то есть в официально утвержденный вариант новгородского герба [Арциховский, с. 49–53]. Тем самым завязалась дискуссия А. В. Арциховского с Н. Г. Порфиридовым. Последний указал, что все известные к тому времени изображения «новгородской вечевой печати» восходят к рисунку из работы А. Б. Лакиера, воспроизводившему фрагментированный оттиск. В то же время известны полные оттиски с той же матрицы XVII в. с уверенно читаемой легендой [Порфиридов, с. 33–36].

В «Очерках по истории СССР» (1953), а затем в «Советской исторической энциклопедии» (1967) была опубликована реконструкция «новгородской вечевой печати», стилизованная под фотографию с воскового оттиска. Иллюстрация позволяет прочитать необходимую для поддержания концепции А. В. Арциховского легенду «Печать господина Великого Новагорода». Было даже указано место хранения печати — Государственный исторический музей.

С этих пор «новгородская вечевая печать» стала восприниматься как несомненный атрибут Новгородской республики, удостоверявший письменные решения новгородского веча, надежный источник, позволяющий судить о конструкции новгородской «вечевой степени», внешнем виде посадничьего посоха.

Одновременно с бытованием воеводских печатей возникла вторая традиция новгородской эмблемы. Она основана на альтернативной интерпретации описания — «место» понималось как ‘трон, престол’. Впервые новая эмблема появилась в Титулярнике 1672 г., в особых вариантах отмечается в документах конца XVII в. (жалованные грамоты Ф. В. Шилову, И. С. Мазепе) и позднее закрепилась в качестве утвержденного герба Новгорода. Последний случай употребления новгородской «вечевой» печати зафиксирован 12 декабря 1702 г., когда она была приложена к выписи новгородской приказной палаты[3]. В 1708 г. Г. С. Волконский, полковник Новгородского драгунского полка, использовал печать с гербом Новгорода в традиции Титулярника[4]. Князья Голицыны, претендовавшие на новгородский герб в качестве потомков князя Патрикия Наримунтовича, в начале XVIII в. использовали эмблему, лишь отдаленно напоминавшую герб Новгорода в традиции Титулярника. Она изображала двух зверей (возможно, львов), скрестивших мечи[5]. Позднее она была отредактирована в соответствии с утвержденным вариантом новгородского герба.

Мифологема о «новгородской вечевой печати» оказалась устойчивой перед аргументами Н. Г. Порфиридова, так и не опровергнутыми по существу. Значительно пополненный археологами корпус новгородских средневековых печатей также не поколебал тезиса о мнимой «печати из собрания М. В. Толстого» как о памятнике периода самостоятельности Великого Новгорода.

Литература

Арциховский А. В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 93. С. 43–67.
Лакиер А. [Б.] Русская геральдика. СПб., 1855. Кн. 1. Ч. 1–3.
Порфиридов Г. Н. Очерки памятников новгородской сфрагистики: печати Великого Новгорода // НИС. Новгород, 1940. Вып. 8. С. 18–37.
Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981.
Толстой М. В. Русские святыни и древности. М., 1862. Ч. 3.

[3] Описание актов, хранящихся в архиве Императорской Археографической комиссии / Сост. М. Г. Курдюмов // Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1906 год. СПб., 1908. С. 153 (3-я пагин.).
[4] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 7. Л. 442 об.
[5] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 45. Л. 294а; Кн. 50. Л. 176б об.; Кн. 51. Л. 187 и др.

А. Н. Хохлов (ИА РАН)

ТОПОГРАФИЯ ТВЕРИ XII–XIV в.: ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА

Традиционно письменные источники являются основными для изучения топографии древнерусского города. В последние десятилетия все активнее в подобной работе используются результаты комплексного анализа исторических планов, геологических и гидрологических изысканий, а также археологические материалы, которые позволяют не только точно локализовать отдельные здания или элементы оборонительных сооружений, но и в случае значительной археологической изученности города предоставляют новую точную информацию о расположении как усадеб, улиц, храмов, приходских кладбищ, так и значительных по площади участков городской застройки, из которых состояли крупные градостроительные элементы города — слободы, посады, крепость (кремль).

Археологическое изучение Твери позволило локализовать на территории кремлевского мыса, при впадении в р. Волгу р. Тьмаки, участки культурного слоя, содержащие материалы XII–XIV в. Исследованные на этом мысу срубы датируются методом дендрохронологии 1149 и 1150 г. В раскопе 2018 г. выявлено кладбище при неизвестном ранее храме. Предварительно, наиболее ранние погребения этого некрополя могут быть отнесены к концу XII — началу XIII в. Выявленное кладбище в своей северной части примыкало к значительной по площади подболоченной западине, которая постепенно засыпалась в процессе функционирования застройки на прилегающей территории. К концу XIV столетия площадь этой западины значительно сократилась, а на отсыпанных и таким образом осушенных участках городской территории не позднее начала XV столетия появилась плотная застройка.

Застройка мысовой части раннего времени состояла не только из отдельных срубов, но включала в себя ограды-частоколы, а также элементы благоустройства — мостовые (или вымостки) как на внутридворовом пространстве, так и на территории между усадьбами-домовладениями.

Со стороны берега р. Тьмаки площадка кремлевского мыса ограничивалась крепостной стеной крюковой (гаковой) конструкции, сооруженной из дубовых бревен. Позднее эту раннюю дубовую стену сменила оборонительная сгоревшая деревянная стена, которая была сменена сооружением более сложной конструкции — основу ее нижней части составили сосновые полусрубы, засыпанные грунтом. Порубочные даты бревен этих полусрубов позволяют отнести возведение данного оборонительного сооружения ко времени после 1238 г.

Высотные отметки древнего рельефа существенно повышались от оконечности кремлевского мыса к высокой водораздельной гряде, завершавшейся в своей западной части участком всхолмления, на котором уже в середине — второй половине XII — начале XIII столетий располагалась деревянная церковь, известная по летописным источникам последней трети XIII в. как храм Козьмы и Дамиана. Раскопом изучены многочисленные захоронения приходского некрополя при этой церкви. Именно на месте этого деревянного храма в 1285 г. был заложен каменный Спасо-Преображенский собор, который был закончен строительством в 1290 г. Спасский холм и территории к востоку от каменного собора должны были с напольной стороны уже с 1285 г. находиться под защитой кремлевских укреплений, которые были значительно перестроены и усилены в 1317 г.

Уже с конца XIII в. письменные источники упоминают княжий терем, а со второй половины XIV столетия и владычный двор, расположенный к северу от Спасского собора. Именно в это время закладывается деление кремлевской территории Твери на княжескую сторону — к югу от собора, в сторону долины р. Тьмаки, и владычную сторону — к северу от собора, в сторону р. Волги.

Археологически исследованы несколько деревянных мостовых, формировавших основные направления улиц в кремле — с юга на север — от долины р. Тьмаки к берегу р. Волги, и с запада на восток, от р. Тьмаки к воротам, которые вели на территорию Загородского посада и далее, по Владимирской, позднее — Московской дороге.

Участки культурного слоя с материалами XIII–XIV в. выявлены на значительном удалении к востоку от напольной линии укреплений кремля в его границах XIV–XVII столетий на территории Загородского посада. Археологическим раскопом вскрыто русло древнего ручья, имевшего сток в р. Тьмаку, которое было почти полностью засыпано уже к XV столетию, а на его территории в XV–XVI в. располагались погребения приходского кладбища при храме неизвестного посвящения. Далее к востоку выявлены остатки жилой и хозяйственной застройки XIII–XIV в.

Особо следует отметить локализованную в виде отдельного пятна культурного слоя с материалами и погребениями некрополя не позднее XIV в. территорию, известную по писцовым книгам как Спас-Высокий монастырь. А также территорию, с материалами не позднее конца XIII — начала XIV столетия и погребениями обширного некрополя, связанного с Михайло-Архангельским монастырем, в котором встречали тела великих тверских князей, убитых в Орде в начале XIV в.

Культурный слой с материалами XII–XIII–XIV в. на значительной площади выявлен и на территории Затьмацкого посада. Ранняя застройка Затьмачья, вероятно, тяготела к Волжскому берегу, рассеченному руслом ручья, по берегам которого и фиксировались наиболее ранние постройки и культурный слой с материалом XII столетия, в том числе вислыми свинцовыми печатями. Застройка XIII–XIV в., судя по археологическим материалам, вытягивалась и вдоль берега р. Тьмаки. На острове в устье р. Тьмаки уже в первой трети XIV столетия был возведен каменный храм Федоровского монастыря.

Береговая линия территории Заволжского посада была рассечена несколькими долинами ручьев, впадавших как в р. Тверцу, так и в р. Волгу.

Так, территория тверского Отроча монастыря с его каменным собором с севера была ограничена широкой долиной ручья, впадавшего в р. Тверцу, которая служила естественной границей монастырской

территории с востока. С юга такой границей служил волжский берег, а с запада — долина ручья, который позднее получил название Арефьевского. Напротив кремлевского мыса в Волгу впадал ручей, известный по источникам XIV столетия в связи с названием храма Николы-над-ручьем.

Таким образом, уже в XII — на рубеже XII–XIII в. Тверь предстает как город с несколькими храмами и приходскими кладбищами, расположенными в кремле (крепости), и по меньшей мере двумя посадами — Загородским и Затьмацким, в которых тоже выявлены жилая застройка и приходские кладбища. В XIV в. также фиксируются монастырские комплексы и церкви за Волгой, которые, вероятно, отражают процесс формирования территории Заволжского посада Твери. В это же время формируются и территории подгородних (пригородных) монастырей и их слобод, входивших в ближнюю городскую округу.

А. Н. Хохлов, И. А. Сафарова, А. Б. Иванова, С. А. Кунгурцева (ИА РАН)

ТВЕРСКОЙ КРЕМЛЬ В XII–XV В. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

С 2012 г. на территории Тверского кремля возобновлены систематические археологические раскопки. Среди новых материалов, которые позволяют принципиально по-иному, чем ранее, реконструировать историю и планиграфию Тверского кремля, следует отметить такие, как материалы по древнейшим оборонительным сооружениям, располагавшимся на берегу р. Тьмаки, — древо-земляной стене «гаковой конструкции» из дубовых бревен. Укрепления именно на этом рубеже обороны позднее неоднократно возобновлялись, в том числе и после разгрома города в 1238 г. Следы разгрома города читаются в нескольких раскопах, но особенно отчетливо в виде угольной прослойки — остатков пожара города — зафиксированы в раскопе на Волжском проезде.

Дендродаты и серия радиоуглеродных дат позволяют считать, что застройка на территории кремля появилась не позднее первой половины XII в. Выявлены как материалы кладбищ при приходских храмах, известных по письменным источникам, так и материалы некрополя при неизвестном по письменным источникам храме, расположенном к востоку от Спасского холма, наиболее ранние погребения которого были совершены, вероятно, на рубеже XII–XIII столетий. Древние кладбища, располагавшиеся на церковной земле при приходских храмах, фиксируют «узлы» древней градостроительной структуры Твери.

В результате работ выявлены многочисленные находки, которые свидетельствуют о высоком уровне материальной и духовной культуры жителей Твери как XII–XIII в., так и XIV–XV столетий.

Р. П. Храпачевский (Центр по изучению военной и общей истории)

ЮАНЬСКИЕ ИСТОЧНИКИ XIII в. О ПОХОДАХ МОНГОЛОВ НА РУСЬ И ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

Известия о походах монголов на Русь и Восточную Европу находились в документах Монгольской империи. Хотя их оригиналы не сохранились, их содержание известно по переводам на другие языки, распространенные в империи (персидский и китайский). В литературе на русском и вообще на европейских языках используются их китайские варианты, в основном взятые из «Юань ши» (далее — ЮШ), опубликованной в 1370 г.[1] Определение первоисточников ЮШ, восходящих к записям монгольской каанской канцелярии, при этом не производится. Работа посвящена этим китайским первоисточникам середины — конца XIII в., сведения которых проистекали из синхронного монгольского официоза. В большом своде текстов «Цюань Юань вэнь (Полное собрание литературных текстов Юань)» (далее — ЦЮВ) автором обнаружены такие источники. Введение их в научный оборот — это также цель данной работы.

Про использование первоисточников из каанской канцелярии середины XIII в. прямо сообщается в ЮШ. В биографии Мэнгусара в цз. 124 сказано, что «государь для доведения до всеобщего сведения дал высочайший указ его сыновьям, краткое содержание которого таково»[2]. Далее авторами ЮШ приводится

[1] 元史 . 北京, 1997 (Юань ши. Пекин, 1997).
[2] Там же. С. 3056.

весь китайский перевод оригинального указа Мэнгу (данного около 1254 г.)[3], где есть сообщение, что Мэнгусар в 1237–1242 г. «был с нами в карательном походе по усмирению городов русских, асов и олберлик-кипчаков»[4]. В приложениях ЮШ и в жизнеописании Юй Цзи в цз. 181 также сообщается, что при составлении ЮШ использовался «Цзин-ши дадянь», то есть свод всех государственных установлений, где были собраны переводы на китайский язык указов, эдиктов и рескриптов каанов, с Угэдэя и до Ток-Тэмура (ум. 1332 г.). Данный указ Мэнгу от 1254 г. взят именно оттуда.

Первые сообщения о Руси в монгольском официозе связаны с походом корпуса Чжэбэ и Субэдэя в 1222–1224 г. Сохраненные в текстах жизнеописаний Субэдэя в составе ЮШ (цз. 121 и 122), они часто используются в литературе. В этих же жизнеописаниях есть сообщения о походе Бату на Русь и Восточную Европу. Однако их первоисточник до сих пор в литературе не указывался. Таковым же является обширный текст стелы храма предков Субэдэя, который содержит послужные списки самого Субэдэя, его сына Урянхатая и внука Ачжу. Он был написан в 1295 г. по указу каана Тэмура юаньским историографом Ван Юнем и ныне сохранен в составе ЦЮВ. В нем присутствует большое предисловие, в котором описан весь процесс его составления: текст прошения каану от сына Ачжу, обоснование необходимости его удовлетворить со стороны высших чинов империи и поручение историографическому департаменту о работе над ним (этапы датированы). Это позволяет нам видеть всю «кухню» создания подобных юаньских первоисточников для будущей ЮШ. Благодаря сличению текста Ван Юня с текстами жизнеописаний Субэдэя возможно выявление ошибок и неверных трактовок авторами ЮШ сведений первоисточника. В частности, это касается произвольной датировки ими похода на кипчаков Бачмана 1236 годом (в тексте Ван Юня эта дата отсутствует) и прочих «заполнений» ими лакун в датах у Ван Юня. К другим их ошибкам приводило состояние сохранности текста Ван Юня, который переписывался с эстампажа стелы храма (со всеми ее дефектами от времени и повреждений). Также в тексте Ван Юня есть подробности, которые авторы ЮШ не поместили в жизнеописание Субэдэя. Например, там сказано, что «***чжуван*** Бату принял повеление [Угэдэя] пойти походом на русских и был ими разбит. Он атаковал город Ту-ли-гэ и оказался не в состоянии взять»[5], что отличается от более комплиментарных к Бату пассажей в цз. 121 ЮШ.

Другим выявленным первоисточником является текст юаньского сановника и историка Яо Суя (создан в 1304/1305 г.), где приводятся сведения о походах Бату и Субэдэя на Русь. Текст представляет собой вид эпитафии (так называемая «стела на пути духа») титулованного знатного лица Юань (имевшего титул Гаочан-вана), с перечислением его предков и их свершений. В частности, там говорится об участии его деда Сары-Охана, бывшего под началом у Субэдэя, в походе Бату в Восточную Европу. Там под 1236 г. сказано: «дошли до Кул-тенгиза (Каспийское море. — *Р. Х.*) и соединились с главой всех князей крови Бату для карательного похода на кипчаков и русских»[6]. Далее сообщается о подвигах Сары-Охана при взятии аланского города Магас (транскрипция его названия сходна с той, что есть в «Сокровенном сказании», где в монгольском тексте столица алан названа «Мегет»). Любопытно отметить, что своего сына он назвал Субэдэй-Даба[7]. В предисловии к эпитафии и потом в авторском примечании к ее тексту сообщается, как он создавался и каковы его первоисточники. В частности, там упоминается, что за много лет до получения Яо Суем указа каана о составлении данной эпитафии уже была создана стела, восхваляющая деяния рода первого из получивших титул Гаочан-вана. Министры Тэмура предложили выделить сотни солдат, чтобы доставить эту стелу, но каан отклонил это предложение, сказав, что прикажет сделать 10 эстампов с нее и передать Яо Сую и его сотрудникам для использования в написании новой эпитафии. Таким образом, текст 1304/1305 г. свидетельствует о том, что его основой были сведения со стелы второй половины XIII в., которые были почерпнуты из синхронных документов монгольской каанской канцелярии.

Следует заключить, что приведенные свидетельства доказывают, что основой для сведений династийной истории «Юань ши» о походах на Русь в 1220-х и в 1230–1240-х годах являются аутентичные документы монгольской канцелярии середины XIII в., которые были переведены на китайский язык и обработаны юаньскими историографами третьей четверти — конца XIII в. Дошедшие до нас юаньские тексты, послужившие первоисточниками для ЮШ, позволяют нам более точно понимать сообщения этой династийной истории и проводить ее необходимый критический анализ.

---

[3] Его полный русский перевод см.: Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. Китайские и монгольские источники. С. 237–239.

[4] 元史 (Юань ши). С. 3056.

[5] 王惲, 大元光禄大夫平章政事兀良氏先廟碑銘 // 全元文 第6冊, 南京, 1999 (*Ван Юнь*. Мемориальная стела прежнего храма предков высшего сановника Великой Юань, начальника департамента политических дел [Центрального имперского секретариата], бывшего из рода урянхай // ЦЮВ т. 6, Нанкин, 1999). С. 384.

[6] 姚燧, 皇元高昌忠惠王神道碑銘, 全元文 第9冊, 南京, 1999 (*Яо Суй*. Стела на пути духа Гаочан-вана августейшей Юань, с [почетным именем] «Верный и милостивый» // ЦЮВ т. 9, Нанкин, 1999). С. 549.

[7] Там же.

В. В. Хухарев (Кировский историко-краеведческий музей)

КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ ЖИЗДРИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ XII–XIV в.

Каменные кресты Жиздринского Полесья (бассейн р. Болвы, включающий юго-западные районы Калужской области и северной части Брянской области) как зримые памятники христианизации края уже более ста лет остаются в сфере исследовательского интереса. Отметим их немногочисленность и фиксацию близ с. Вщиж, Погост, Бережки, дер. Щепихино и г. Козельске.

Интерес к ним на региональном уровне явно усилился после обсуждения обобщающих докладов и последующих публикаций проф. И. А. Шляпникова (1906) и А. А. Спицына (1903). Публикации с мест Н. И. Булычова (1903) и В. Б. Яшкиной (1998), В. Г. Пуцко (1996, 2004), Г. В. Кропачева (2002), автора настоящей работы (2004, 2011), Г. П. Полякова и В. В. Миненко (2004) и др. на сегодня не только очертили круг этих памятников, но и наметили проблематику их исследования. Отметим, что важность их изучения состоит не только в учете их перемещений с мест первоначального нахождения, но и нередкой последующей мифологизации сопутствующих сведений, а также в слабости первичной публикации (отсутствие обмеров, указаний массы, материала, исследования надписей, способа их нанесения и т. д.). Между тем каменные кресты — ценнейший исторический источник с большими информативными возможностями. Они отражают этапы христианизации местных земель, развитие местной палеографии (при наличии надписей), степень вовлеченности памятников в сферу народного православия, феномен их вторичного использования в качестве надгробных памятников или местночтимых священных объектов. Обследование и описание этих древностей, как и соотнесение с существующими сводками и сведениями о них, приводимыми А. А. Спицыным (1903), В. В. Седовым (1982), А. Л. Потравновым и Т. Ю. Хмельник (2018), позволит не только уточнить этапы славянской колонизации этих земель, но и более зримо изучить место участия большей части этих объектов в курганном обряде погребения, а также последующем использовании в качестве поклонных крестов или местночтимых святынь.

Д. О. Цыпкин (СПбГУ), А. Н. Алексеева,
Е. А. Ляховицкий, Е. С. Симонова, М. А. Шибаев (РНБ)

К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЕРГАМЕНА ДРЕВНЕРУССКИХ КОДЕКСОВ КОНЦА XIV – XV в.[1]

Доклад представляет промежуточные результаты проекта комплексного исследования древнерусского пергамена. Задача проекта — определить информационный потенциал древнерусского пергамена и разработать методическую базу для его реализации в исследованиях по истории русской письменной культуры. В ходе работы над проектом были исследованы 24 точно датированные рукописи конца XIV – XV в., в том числе все датированные пергаменные кодексы XV в. в собраниях Отдела рукописей РНБ.

Одним из основных направлений работы в рамках проекта является исследование *артефактов производства*, под которыми понимаются детали шкуры, которые, в целом, устранялись при производстве, в первую очередь остатки шерсти; следы инструментов, оставшиеся на готовом пергаменном листе; к артефактам производства могут быть также отнесены следы линования.

В результате исследования остатков шерстяного покрова были получены следующие основные результаты:

Для всех исследованных рукописей конца XIV – XV в. удалось выявить отверстия, на краях которых наблюдается сохранившаяся шерсть (не только луковицы волос, но и их стержни), что указывает на относительно слабую химическую обработку кож.

В кодексах, созданных до 1430-х годов, доминируют рукописи с относительно большой долей листов, на которых (при наблюдении в видимой области спектра) наблюдаются волосяные луковицы (более 19 %). В рукописях, созданных в 1430-х годах и позднее, такое явление оказывается исключением — доминируют рукописи, для которых этот показатель составляет менее 5 %.

В результате анализа следов инструментов были выявлены следующие основные типы:

Следы ножей — *стругов и тупиков*, использовавшихся на этапах удаления волос, мездрения, шелушения. Данные следы представляют собой относительно крупные по площади и объему утраты поверхности кожи, которые в зависимости от интенсивности воздействия могут выглядеть как широкая царапина, надрез или отверстие. Такие следы не несут идентификационной информации.

[1] Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-04157 офи_м.

Следы скребков-*циклей* с зубцами, которые представляют собой регулярно (через равные промежутки) расположенные борозды. В отличие от первой группы, данные следы содержат значительный объем информации, потенциально имеющей идентификационное значение при определении (различении) мастеров — производителей пергамена. В ряде случаев, при хорошей сохранности трасс, возможно судить о ширине орудия и количестве и ширине зубцов цикли, а также их дефектах. Следы такого рода позволяют восстановить направление и протяженность движений скребка-*цикли*, то есть содержат информацию о специфике производственных навыков мастера-кожевенника, связанных с использованием данного орудия.

Следы *пемзы* отражают финальный этап обработки пергамена. Они могут проявляться в виде плоскостных царапин или неглубоких борозд. В отличие от следов скребка-*цикли*, эти борозды характеризуются неодинаковой выраженностью на протяжении трассы. Это может быть связано, во-первых, с неравномерностью нажима в процессе обработки пергамена или с локальным выступанием жира из шлифуемой кожи, во-вторых, с нерегулярностью промежутков между ними. Описываемые следы могут быть частыми, покрывающими значительный участок листа, или представлять собой группу из нескольких трасс. Важным признаком, характеризующим технологические «установки» мастера, выделывавшего пергамен, является характер взаиморасположения следов данного вида. Так, борозды могут быть однонаправленными, цельными, или, при тщательном шлифовании, разнонаправленными, пересекающими и как бы затирающими друг друга вплоть до уничтожения.

Все эти типы следов представляют собой результат ошибок и небрежностей при производстве, поэтому частота, с которой они встречаются в кодексе, является важным показателем качества выделки пергамена. Древнерусские рукописи сильно разнятся по этому параметру. Так, в Апостоле Погод. 26, Минее Соф. 205, Уставе ОСРК F.п.I.25 следы инструментов почти не встречаются и слабо выражены. Напротив, в Минеях Соф. 191, 196, 200, 207 и в Прологе ОСРК F.п.I.48 они встречаются практически на каждом листе.

Второе основное направление работ в рамках проекта представляют инструментальные измерения пергаменных листов, в первую очередь измерение их толщин.

Толщина фиксировалась посредством аналогового толщиномера (погрешность измерения — 0,05 мм). Для каждого листа рукописи делалось по три промера. Из полученных величин выводилась простая средняя арифметическая для каждого листа. Для ряда средних значений по листу высчитывался коэффициент вариации, который дает возможность оценить вариативность толщин внутри рукописи — интегральный показатель, позволяющий оценить как стабильность выделки листов, так и отбор материала для данной партии пергамена. Исследование показало применимость данного критерия для характеристики древнерусского пергамена. Характерно, что наименьший показатель коэффициента вариации среди исследованных рукописей выявлен в пергамене Апостола 1391 г. (Погод. 26) — роскошного богато иллюминированного кодекса.

О. В. Чадаева (Университет им. Палацкого, Оломоуц)

СПОРЫ О МИРОЗДАНИИ В РОССИИ В XVII в.

XVII в. в западноевропейской интеллектуальной истории прошел под знаменем «коперниковской революции». В сравнении с бурными спорами о гелиоцентризме в Европе, интерес русских книжников к проблематике мироустройства был значительно слабее, что нередко служило поводом для оценочных суждений со стороны исследователей [Райков, с. 154]. Тем не менее изучение источников показывает, что представления о строении Вселенной, а также понимание процесса миропознания были важной составляющей интеллектуального дискурса в России в XVII в.

Одним из первых эпизодов, когда проблематика описания мира стала предметом полемики, стали прения Лаврентия Зизания с московскими справщиками игуменом Илией и Григорием Онисимовым по поводу «Большого катехизиса» в 1627 г. В ходе третьего прения был поднят вопрос устранения справщиками фрагмента, в котором объяснялось строение мироздания, по всей видимости, построенное

на схоластической адаптации модели Аристотеля — Птолемея. По сообщению справщиков, удаление фрагмента было основано на подозрении в заимствовании информации из языческих источников, а также на присвоении небесным объектам имен, о которых не сообщается в Священном Писании. Кроме того, справщики рекомендовали объяснять движение небесных тел действием ангельских сил[1]. Отказ московских справщиков принимать известную уже по текстам Дамаскина и Иоанна экзарха Болгарского астрономическую терминологию и возврат к буквалистской трактовке миропонимания на основании библейских текстов свидетельствуют как об охранительских настроениях периода реакции во время патриаршества Филарета, так и об особом значении, приписываемом номинации и денотации в первой половине XVII в.

Иной характер носила почти полвека спустя критика Евфимия Чудовского по отношению к «Венцу веры» Симеона Полоцкого. Скрупулезно выписав все сомнительные пассажи из трактата, Чудовский обратил особое внимание на компилятивное описание Вселенной, представленное Полоцким в схоластическом ключе и снабженное значительным количеством «фактографии», то есть сведений о расстояниях небесных тел до Земли и т. п. (ГИМ. Син. 286. Л. 33–36 об.). Именно эта информация и стала для Чудовского основным объектом критики (ГИМ. Син. 396. Л. 27 об.), позже практически целиком приведенной в полемическом сочинении «Остен», осуждавшем труды Полоцкого[2]. Смещение направления критики с номинации на числовое выражение представлений о мироздании свидетельствует о сдвиге гносеологического фокуса в культуре второй половины XVII в. к вопросу о математической познаваемости мира.

При этом сам Полоцкий также критически высказывался в отношении представлений других авторов о мироздании. Помимо известного спора о стихиях с Николаем Спафарием [Голубев, с. 298–299], примечательна критика Полоцким «Зерцала богословия» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, в которой довольно значительную часть заняли упреки в отношении космологических вопросов, включая порядок сотворения отдельных составляющих мира, понимание стихий и их воздействий, состава небесных светил (ГИМ. Син. 130. Л. 246–248). Внимание, уделенное Полоцким вопросам интерпретации элементов мироздания, говорит о том, что данный вопрос являлся для него ключевым в мировоззренческом отношении.

Споры о космосе при этом возникали и в раскольничьей среде. Ярчайшим примером может служить полемическое сочинение протопопа Аввакума «Снискание и собрание о божестве и о твари». В данном тексте Аввакум, полемизируя с «Беседой трех святителей», получившей распространение среди его единомышленников, сочетает аргументацию, основанную на обращении к авторитетным для него источникам, включавшим Священное Писание, Хронограф, Палею, и на собственном объяснении природы и составляющих мироздания, основанном на здравом смысле[3]. Упрощенная картина мира, приводимая Аввакумом, является синтезом архаичных представлений и рационального подхода к описанию мира.

Хотя лишь в двух из рассмотренных эпизодов речь идет о полемике с участниками обеих сторон дискуссии, источники демонстрируют, что споры о мире, его строении, отдельных его составляющих возникали в разных средах и упор в них делался на разных аспектах миропонимания. Данный факт приводит нас к заключению, что, несмотря на отсутствие связи с «коперниковской революцией» XVII в., представления о космосе были важной составляющей дискурса переломного периода русской культуры.

Литература

Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 294–301.

Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947.

[1] Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катехизиса // Летописи русской литературы и древностей, изданные Н. С. Тихонравовым. М., 1859. Т. 2. Отд. 2. С. 94–95.

[2] *Евфимий Чудовский*. Остен: памятник русской духовной письменности XVII века. СПб., 2006. С. 105.

[3] Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; [Вступ. статья И. Н. Заволоко]. Л., 1975. С. 92–103.

С. Б. Чебаненко (СПбГУ)

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ ГРИГОРИЯ ЧУДОТВОРЦА В ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ: «МАЛЫЙ ОГРАДЕЦ», «ДРЕВА ПЛОДОВИТА»

Одной из влиятельных фигур Печерского монастыря последней трети XI в. был монах Григорий Чудотворец. Патерик сообщает: «Имеаше же сей блаженный малъ оградець, иде же зелие сеаша и древа плодовита»[1]. Другие же монахи занимались сельскохозяйственной деятельностью только в рамках выполнения общих работ. Также известно, что Григорию приходилось сталкиваться с разного рода преступниками и в этих случаях он являл чудеса. Сообщается о трех встречах с ними, и те дважды посягали на результаты земледельческих трудов Григория.

Так, однажды воры пожелали украсть «зелия» и плоды «древ плодовитых» из его «малого оградца», но после кражи были обездвижены на месте на двое суток и в итоге остались в монастыре. В другой раз мошенники сначала выпросили у Григория книги якобы на выкуп от смерти своего товарища, а затем отправились ночью воровать яблоки, которые выращивал монах (в результате чего и погиб их товарищ). Они тоже остались при монастыре[2].

Несмотря на то что в Киево-Печерском патерике широко используются агиографические штампы и заимствования из других патериков и житий, в основе большинства сказаний лежат реальные ситуации.

Мог ли Григорий иметь «свой» огород и сад? М. Д. Присёлков резко высказывался против этого, полагая, что в соответствии с общежитийным уставом, который последовательно вводил Феодосий Печерский и которого строго придерживались после него, владение частным имуществом было запрещено, в том числе в собственности братьев не могло быть и «малого оградца» [Присёлков, с. 145–146].

Вопрос о том, какой именно вариант (варианты) общежитийного устава был положен Феодосием в основу устава Киево-Печерского монастыря, остается предметом дискуссии [Поппэ, с. 25–28, 33; Артамонов, с. 368, 385]. В любом случае, устав Феодосия, требуя общности и равенства труда всех монахов, конечно, не содержал специального запрета на заведение кем-то из монахов отдельных огородиков или разведение плодовых деревьев. А это после смерти Феодосия могло послужить основанием для подобной деятельности сверх общих обязанностей.

Представляется, что вряд ли у Григория мог быть какой-то свой огородик-садик в том смысле, как об этом (отрицая такую возможность) писал М. Д. Присёлков. Судя по всему, это не был личный сад-огород — хотя, надо полагать, Григорий и завел его по своей инициативе — он им лишь заведовал. Урожай же шел на общий стол. На это указывает судьба воров, которые пытались украсть «зелие» и «плоды» из «малого оградца». Они остались жить в монастыре, «оградъ предръжаще», их труд шел «на потребу» всех[3]. Так же и жулики из рассказа о мошенниках — похитителях яблок: после общения с Григорием они «питали» своим трудом «инех» монахов, то есть тоже занимались земледелием[4].

Принимая мнение, что сельскохозяйственные занятия Григория противоречили представлениям Феодосия о монастырской жизни, нужно сказать, что после смерти последнего, учредителя и поборника общежитийных порядков, эти порядки смягчились. Как писал Е. Е. Голубинский, довольно скоро после Феодосия «истинное общежитие исчезло в самом Печерском монастыре» [Голубинский, с. 628, 628–632; Топоров, с. 702]. Это делает вероятным предположение о заведении Григорием отдельного «малого оградца» после смерти Феодосия.

Воры постоянно пытаются лишить Григория результатов земледельческих трудов. В одном случае говорится, что воры покусились на «зелие» и «древа плодовита»[5]. «Зелие» — это злак, трава. А под «древами плодовитыми» здесь, скорее всего, подразумеваются яблони. На это указывает одна деталь из другой истории о проходимцах, которые выманивали ценности на «спасение» товарища: они увидели у его кельи «древеса плодовита» и решили поживиться их «плодами», а ниже выясняется, что они обрывали именно яблони[6]. Таким образом, дважды из трех случаев знакомства Григория с ворами они пытаются украсть яблоки. Такое внимание воров к плодам яблони вовсе не случайно и объясняется не только их злонамеренной природой.

Выращивание плодовых деревьев не было характерно для монастырского хозяйства до Григория, равно как для структуры сельского хозяйства Руси в целом. Из продуктов растительного происхождения

[1] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 97.
[2] Там же. С. 97–98.
[3] Там же. С. 97.
[4] Там же. С. 98.
[5] Там же. С. 97.
[6] Там же. С. 98.

для приготовления пищи монахи использовали злаки, возможно, бобовые, овощи[7]. О наличии в их рационе «плодов» ничего неизвестно.

Но именно в XI в., по-видимому, получает распространение на Руси яблоня домашняя (Malus domestica Borkh). До того в Среднем Поднепровье произрастал только дикорастущий вид — яблоня лесная (Malus sylvestris (L.) Mill) [Помология, с. 48]. Ее плоды мелкие, горькие, самостоятельно в пищу практически не употреблялись. В то время как плоды яблони домашней —крупные, с большой массой, сладкие или кисло-сладкие. Таким образом, плоды яблони домашней были в то время необычным и редким лакомством.

Яблоня домашняя была привозной культурой и была выведена за пределами Руси. Одним из путей проникновения яблони домашней было распространение ее из Греции по Днепру [Помология, с. 55]. Рассказ о Григории подтверждает эти данные, вероятнее всего, он познакомился с культурой яблони домашней благодаря тесным контактам, которые поддерживал Печерский монастырь с Афоном.

Литература

Артамонов А. Ю. «Гипотеза, выстроенная на гипотезах»: по поводу нового исследования А. Поппэ // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 361–387.
Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1904. Т. 1. 2-я пол.
Помология. Орел, 2005. Т. 1. Яблоня.
Поппэ А. Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Киев, 2011.
Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.
Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1.

[7] Там же. С. 26–27, 41, 42, 95, 106–107 и др.

М. С. Черкасова (ВоГУ)

ПОДОРОЖНАЯ ГРАМОТА ИВАНА III

В собрании Белозерского музея хранится оригинал грамоты великого князя Ивана Васильевича, выданной «лета девять десят седмого» (1488/1489 г.) Юрию Греку. Грамота была опубликована более 10 лет назад в краеведческом сборнике и до сих пор остается малоизвестной, нуждается в дополнительном палеографическом и текстологическом исследовании[1]. Какие-либо позднейшие списки или копии данного документа нам неизвестны. Судя по приведенной в публикации фотокопии, грамота была написана полууставом, имя дьяка в ней отсутствует, как и самоназвание — подорожная или проезжая. В грамоте отмечены три «земли» — Московская, Тверская и Новгородская, что невольно напоминает хронологически близкую Белозерскую уставную наместничью грамоту 1488 г.[2] В подорожной великий князь предписывал, чтобы по пути следования от Москвы по Тверской земле до Торжка и далее до Новгорода Великого и обратно посланному с Юрием Греком Кульпу Оксентьеву «от яму до яму давали по две подводы».

Дипломатика подорожных-проезжих грамот изучена еще недостаточно. Вероятно, первоначально они формировались на основе княжеских указных грамот (то есть актов договорно-распорядительного вида) наместникам, волостелям и «всем пошлинником» о беспрепятственном пропуске разных ездоков — ратных или торговых людей, послов (литовских, новгородских, татарских), православных старцев с Балкан, приезжавших на Русь за милостыней. В документальном наследии Ивана III подорожные-проезжие грамоты как таковые (входящие в комплекс дипломатической документации) встречаются не часто, больше сохранилось актов по ямской гоньбе либо по освобождению монастырских крестьян от «яма и подводы»[3]. В жалованной грамоте Ивана III по Дмитровскому уезду всяким ездокам и гонцам запрещалось брать подводы и проводников, «опроче того, кто погонит с моей грамотою *подорожною*»[4]. Что же касается возможного названия грамот как проезжих, то оно восходило к соответствующей повинности ордынской эпохи. «Татарские проезды» фигурируют в указной грамоте Ивана III в Переславль о неперекладывании расходов по *татарским проездам* с черных волостей на села Троице-Сергиева монастыря[5]. Отражением повинностей ордынской эпохи можно считать упоминание «татарского проезда», наряду с ямом и подводой, в жалованной грамоте суздальских князей В. Ю. и Ф. Ю. Шуйских Спасо-Евфимиеву монастырю и Васильевской Гороховецкой пустыни 1445/1446 г.[6] В 1482 г. по грамоте Ивана III крестьяне вологодской Николо-Мокрой пустыни на р. Сухоне не привлекались к «яму и подводе»,

[1] *Соснина М. Н.* Белозерская земская почта // Белозерье. Краеведческий альманах. Вологда, 2007. Вып. 3. С. 216.
[2] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 22.
[3] Там же. № 262, 263, 278; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 361–362.
[4] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 393.
[5] Там же. С. 384.
[6] АСЭИ. Т. 3. № 491.

что было подтверждено спустя почти 100 лет при Иване IV в 1577 г.[7] О том же читаем в жалованной тарханно-несудимой грамоте Ивана III 1484 г. другому вологодскому монастырю — Спасо-Рабангскому, что подтверждалось и ему в 1509, 1534 и 1551 г.[8]

Упомянутый в анализируемой грамоте Юрий Грек — это крупный дипломат, представитель известной греческой фамилии Траханиотов. Он же в документах фигурирует как Юшко и Юрий Старый. В феврале 1469 г. от имени римского кардинала Виссариона Юрий вел переговоры в Москве о браке Ивана III и дочери Морейского деспота Фомы Палеолога Софьи (Зои). Известен также и его брат Дмитрий Мануилович Траханиот — дипломат, публицист, переводчик. В составе свиты Софьи Юрий и Дмитрий присутствовали в 1472 г. на ее бракосочетании с великим князем московским [Хорошкевич, с. 178; Лурье]. У ее отца Д. М. и Ю. М. Траханиоты были боярами. В родословной росписи Греков-Траханиотовых говорится, что князь великий их пожаловал, велел им у себя служить[9]. Я. С. Лурье считает, что их переход на московскую службу мог произойти в 1479 г., когда состоялся визит в столицу Андрея Палеолога [Лурье]. В 1486/1487 г. Юрий Траханиот был послом в Италии, где посетил Милан, Рим, Венецию [Хорошкевич, с. 189].

Дмитрий и Юрий Мануиловичи были участниками кружка новгородского архиепископа Геннадия. На основе упоминания Юрия в рассуждении «О летах седмой тысящи» Я. С. Лурье приписывал авторство этого произведения Дмитрию Траханиоту. Возможно, прозвище Старый применительно к Юрию потребовалось для отличия от его племянника, также дипломата и книжника — Юрия Малого, печатника Ивана III, упомянутого в его духовной 1504 г., сына Дмитрия Траханиота [Буланин].

В проезжей грамоте Юрий Грек упомянут вместе с Кульпом Оксентьевым, с которым он отправляется «в немцы». Здесь речь должна идти о посольстве 22 марта 1489 г. от Ивана III к императору Священной Римской империи Фридриху III. 25 июля 1489 г. оно было принято им на рейхстаге во Франкфурте. В состав посольства входили Юрий Траханиот Грек, Иван Халепа и Костя Аксентьев [Хорошкевич, с. 96]. Последний, вероятно, и должен пониматься под отмеченным в подорожной грамоте Кульпом Оксентьевым. Еще один Аксентьев — Федор — известен как участник посольства в Молдавию в 1490 г. [Алексеев, с. 297].

Литература

Алексеев Ю. Г. У кормила российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.
Буланин Д. М. Траханиот Юрий Мануилович // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 438–439.
Лурье Я. С. Траханиот Дмитрий Мануилович // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 435–437.
Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

[7] Там же. № 278.
[8] Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260. Оп. 1. № 1. Стб. 4.
[9] Россия и греческий мир в XVI в. / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2004. Т. 1. Дополнение. № 14. С. 372.

С. З. Чернов (ИА РАН)

ДВА «ПОГОСТА» — ОДНО «ПЛЕМЯ»: МИРОВАЯ ГРАМОТА 1375 г. И МЕХАНИЗМЫ КОЛОНИЗАЦИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Средневековый погост Новгородской земли всегда остро интересовал исследователей как элемент расселения, управления, судопроизводства и как корпорация крестьянского населения. Полноценные данные на этот счет имеются лишь на период конца Новгородской независимости (1478), когда большая часть территории погостов уже была обращена в боярские вотчины. Акты XIV–XV в. отражают внутреннюю жизнь лишь тех погостов, которые оказались в зоне поземельных интересов новгородских монастырей. Изучение новгородских актов осложнено тем, что отразившаяся в них система юрисдикции и судопроизводства не пережила рубежа XV–XVI в., что усложняет адекватное понимание текстов.

Между тем за пять веков (X–XV в.) погосты Новгородской земли претерпели значительные изменения. Масштаб этих изменений (но отнюдь не их содержание) становится ясным при сравнении с результатами исследований погостов и волостей Северо-Восточной Руси, где был выделен этап сложения волостей как «служебных организаций» — корпораций крестьян, обязанных выполнять государственные повинности. Трансформация новгородского погоста в XIII–XIV в. и формирование погоста как корпорации крестьянского населения пока совершенно не изучены, хотя о существовании таких корпораций говорят грамоты Новгорода и князей, датируемые с 1264 г.: «а кто смерд, тот посягнет в свой погост»[1]. По мнению Н. И. Платоновой, о том, что подобная корпорация смердов имела определенные

[1] ГВНП. С. 13, 16, 20.

права на распоряжение землей, говорит новгородская берестяная грамота № 211 второй половины XIII в. [Платонова, с. 375–376, 379].

Совершенно неожиданные возможности для изучения новгородского погоста XIII–XIV в. на уровне социальной организации и его роли в колонизации открылись в связи с находкой, сделанной Б. И. Чибисовым в ходе его монографического исследования этнической картины Новгородской земли в XV в. посредством выделения неславянских этнических групп по антропонимам и топонимам новгородских писцовых книг конца XV – XVI в. [Чибисов, с. 15]. Эта находка связана с новым пониманием Мировой грамоты жителей Челмужского погоста с боярином Григорием Семеновичем и его детьми 1375 г., которая сохранилась в составе архива Палеостровского монастыря (на острове Палей к северу от Заонежского полуострова) (рис. 1)[2]. Загадкой этой грамоты являлось участие со стороны смердов Челмужского, Толвуйского и Шунгского погостов в качестве более высокой инстанции старосты «Вымоченского погоста» Артемия Ори. Б. И. Чибисову удалось идентифицировать погост грамоты 1375 г. с Имоченским погостом на нижнем течении р. Ояти в южном Приладожье, в верховьях которой вепсское население фиксируется описанием 1495/1496 г. и где вепсы проживают до наших дней. Учитывая вепсские прозвища челмужских смердов (Стоивор, Игоча) и самого Артемия, Б. И. Чибисов высказал предположение о том, что жители Челмужского погоста были по своему происхождению вепсами, переселившимися с берегов р. Ояти в южном Приладожье. В таком случае становится понятным, почему без участия старосты Имоченского погоста и его «племени» сделка не считалась бы действительной.

В работе предпринято изучение Челмужского погоста на уровне структуры поселений по данным писцовой книги 1563 г. Эта структура была сопоставлена с границами земель, которые на основании грамоты 1375 г. переходили к Григорию Семеновичу и его детям. Сопоставление показало, что в состав боярщины вошла вся территория погоста с обширными рыбными ловлями на Онежском озере. Как показывает исследование рода Григория Савельевича, проведенное В. Л. Яниным, к концу новгородской независимости (1478) боярщина, образованная в 1375 г., была поделена между его потомками [Янин, с. 238–244]. Доля Савелия (южная часть погоста с Пудожской горой) была передана во владение новгородского Хутынского монастыря, доля Обакума (центральная и северная части погоста) перешла к праправнуку Обакума – Семену Ермолину.

Таким образом, Мировая грамота 1375 г. фиксирует определенную стадию развития новгородского погоста, сопоставимую с кормленными волостями центральной России, в которых использовалась архаическая форма наделения землей волостных крестьян – членов корпорации [Чернов].

Совершенно исключительный интерес представляет свидетельство этого документа об участии крестьян погоста-метрополии в решении земельных вопросов дочернего погоста. Археологические памятники нижней Ояти фиксируют здесь вепсское население в X – начале XIII в. (рис. 1) [Назаренко]. Оказывается, что вепсы в 1375 г. не только сохраняли свое присутствие на нижнем течении Ояти, но и продолжали контролировать дочерние погосты в Заонежье. Следовательно, освоение вепсами верхнего течения реки и их ассимиляция в нижнем течении имели место в XV в.

Свидетельства Мировой грамоты 1375 г. имеют большое значение для понимания механизмов функционирования погостов XII–XIII в. и других территорий Древней Руси, которые недостаточно освещены письменными свидетельствами. В частности, в западной части Волго-Окского междуречья, которая до 1130-х годов управлялась из Новгорода, на протяжении длительного времени могли сохраняться отношения погоста – метрополии и дочернего погоста, которые не могли не учитываться их новыми сюзеренами – князьями Северо-Восточной Руси.

Литература

Назаренко В. А. Приладожская чудь // Финны в Европе. VI–XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. М., 1990. Вып. 2. С. 82–93.

Платонова Н. И. Древнерусские погосты – новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 328–388.

Чернов С. З. Мужи Площевичи: владения землей в раннемосковской волости XIV–XV вв. (археологическая экспертиза разъезжей грамоты АСЭИ – I – 422) // История. Электронный научно-образовательный журнал. М., 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). URL: http://history.jes.su/s207987840001984-1-1 (дата обращения: 01.05.2018).

Чибисов Б. И. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы). АКД. М., 2018.

Янин В. Л. Новгородские акты XII. - XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

[2] Там же. С. 285.

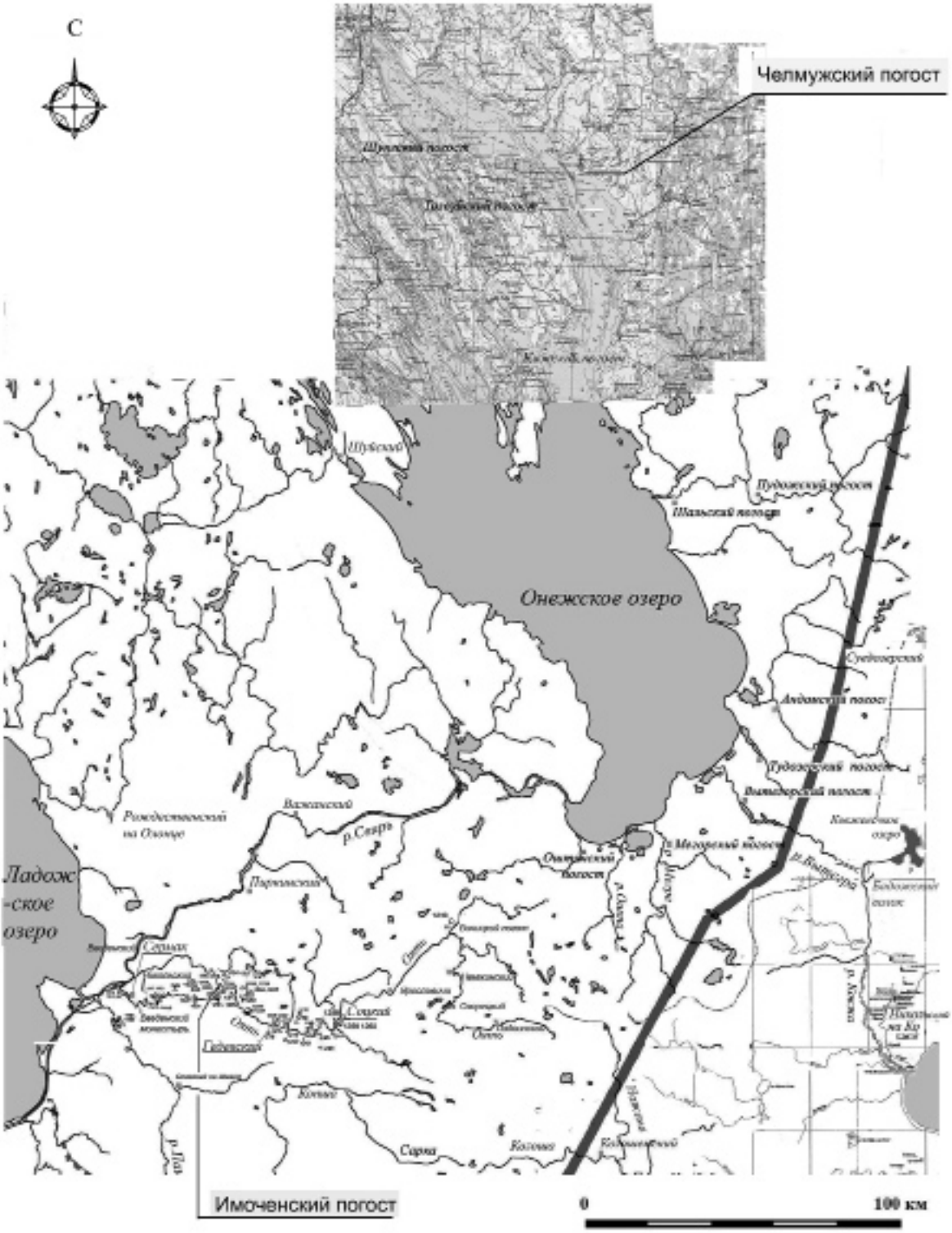
С
Челмужский погост
Онежское озеро
Ладож
-ское
озеро
Имоченский погост
0
100 км

Рисунок 1.

Н. П. Чеснокова (ИВИ РАН)

О РОЛИ ЦАРСКИХ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ ГРЕЧЕСКИМ ИЕРАРХАМ И МОНАСТЫРЯМ В XVIII в.[1]

Сведения о жалованных грамотах грекам (под «греками» источники подразумевают всех православных подданных Османской империи) с правом приезда в Московское царство за милостыней составляют важную часть фонда «Сношения России с Грецией» (РГАДА) XVI–XVII в. Как правило, они хорошо сохранились, встречаются регулярно, что и обуславливает их источниковедческое значение. К концу XVII в. приезды просителей материальной помощи с православного Востока, которая в документах традиционно именуется милостыней, становятся все более редкими, в основном из-за военных действий. В начале XVIII в. с переносом российской столицы в Санкт-Петербург, а затем с введением Палестинских штатов условия получения милостыни меняются. С 1700-х годов новые грамоты практически не жаловались. Если таковые и появлялись, то они давались преимущественно греческим купцам с правом жить и торговать в России, а также грекам, живущим в Нежине, с подтверждением их прав, гарантированных гетманскими универсалами. Из монастырей был пожалован грамотой только сербский Архангельский монастырь (июнь 1701 г.), благодаря иеромонаху этой обители Григорию. Во время переговоров с турками российского дипломата Б. П. Возницына Григорий оказал ему значительные услуги, добывая необходимую политическую информацию.

С 1735 г. порядок приезда в Россию за жалованием, а также его стоимостное выражение регламентировали Палестинские штаты. Однако значение жалованных грамот в этот период не уменьшается. Их наличие по-прежнему являлось одним из главных условий проезда иностранцев в Россию. Кроме жалованной грамоты, просители материальной помощи должны были предъявить рекомендации от восточных патриархов, а также подорожную от русского резидента в Константинополе. Эта информация была необходима, чтобы подтвердить, что обитель, которую представляет ее посланец, не разорена и существует на самом деле. Впрочем, еще до введения императрицей Анной Иоанновной Палестинских штатов ее предшественники пытались упорядочить приезд в Россию просителей милостыни.

Обращение к царям за жалованными грамотами объяснялось не только финансовыми трудностями православных иерархов Высокой Порты, но и желанием заручиться моральной и политической поддержкой Москвы. Жалованные грамоты, как и раньше, оставались важным инструментом взаимодействия между русскими государями и Вселенскими патриархами, однако судьба этих актов была различной. В 1718 г. царь Петр Алексеевич даровал Константинопольскому патриарху Иеремии III право ежегодного получения от казны соболями на 3 тысячи рублей. В отличие от грамот XVII в., в этом акте была определена точная сумма царского жалования. Через пять лет тот же патриарх снова обратился к российским властям, из его сообщения выяснилось, что жалованная Петром I грамота оказалась в Нежине, очевидно, у греческих купцов. Патриарх просил разыскать грамоту и оставить ее на хранение в России, а положенные ему деньги пересылать через русского резидента в Константинополе. Однако розыски документа в Нежине результата не дали, и судьба единственной жалованной грамоты Вселенскому патриаршему престолу, засвидетельствованной источниками, остается пока неизвестной. В 1726 г. Антиохийский патриарх Сильвестр писал к императрице Екатерине I о внутрицерковных и материальных проблемах своей кафедры, а также сообщал, что жалованная грамота, данная царем Алексеем Михайловичем Макарию Антиохийскому с правом приезда в Россию за милостыней, утрачена. Он просил о возобновлении старой или пожаловании вместо нее новой грамоты. Состояние архивов в то время было таковым, что отпуск грамоты Алексея Михайловича не был найден, хотя он и по сей день хранится в бумагах Посольского приказа. В 1732 г. в правление Анны Иоанновны возобновились контакты и с Александрийским патриархатом. С просьбой о «государския руки подаянии» к императрице обратился патриарх Козьма. В его патриархии сохранились жалованные грамоты царя Алексея Михайловича 1669 г. и его преемников, Иоанна и Петра Алексеевичей, 1683 г., с которыми и прибыли в Россию представители патриарха. В конце XVII – начале XVIII в. Иерусалимский патриарх Досифей поддерживал активные связи с русским правительством и Московскими патриархами, но жалованная грамота, данная Иерусалимской кафедре еще в 1585 г. царем Федором Иоанновичем, в переписке не упоминалась. Ее история, так же как и история грамоты Константинопольским патриархам, остается неизученной.

Что касается грамот, данных иностранным православным монастырям, то по Палестинским штатам была определена материальная помощь 47 обителям. Практически все они были включены в «Реестр

[1] Исследование подготовлено по гранту РФФИ, проект № 17-01-00381-ОГН.

жалованным грамотам греческим духовным и светским людям», составленный Н. Н. Бантыш-Каменским (РГАДА. Ф. 52. Оп. 3), то есть обладали грамотами XVI–XVII в. Девять из них — это монастыри Афона: Ватопедский, Хиландарский, Дионисиев, Зограф, Георгиевский Павловский, Ивирон, Филофеев, св. Пантелеимона, Лавра св. Афанасия. Каждому монастырю полагалось жалование 35 рублей в год (175рублей за пять лет), однако Благовещенскому Ватопедскому монастырю давали по 100 рублей в год (500 рублей за пять лет), в память о привезенных оттуда при Алексее Михайловиче священных реликвиях. В Свято-Пантелеимонов монастырь, называемый Русским, в 1703 г. было пожаловано на милостыню 150 рублей и в 1706 г. — такая же сумма, то есть 150 рублей за три года (50 рублей в год).

Если при Алексее Михайловиче и его ближайших преемниках жалованные грамоты гарантировали приезд в Россию с различной периодичностью, а сумма милостыни определялась по обычаю и не фиксировалась в актах, то с Петра Алексеевича основное внимание уделялось сумме пожалования от казны, а приезды из всех монастырей ограничивались пятилетним сроком. Патриархи могли присылать за милостыней раз в три года. В целом после упорядочения выдачи жалования патриаршим кафедрам и отдельным монастырям на Христианском Востоке русское правительство не видело смысла в возобновлении прежних жалованных грамот, хотя для определения иерархов и монастырей, получавших «милостинную дачу» по Палестинским штатам, такие грамоты были необходимы.

П. В. Чеченков (Нижегородский гос. технический ун-т им. Р. Е. Алексеева)

ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА НИЖЕГОРОДСКОЙ СЛУЖИЛОЙ КОРПОРАЦИИ ПО СПИСКУ 1667 г.

Среди книг Разрядного стола Владимирского приказа есть Список служилых людей Нижегородского, Муромского, Юрьев-Польского, Луховского, Гороховского (Гороховецкого), Переславль-Залесского, Волоколамского и Рузского уездов 1667 г. Составление документа относится к моменту окончания Русско-польской войны 1654–1667 г.[1] В ходе исследования нижегородской служилой корпорации, результаты которого представлялись на страницах журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», нас не мог не заинтересовать данный список [Чеченков, 2011; Чеченков, 2015; Чеченков, 2017]. К сожалению, первые три листа, с которых начинается перечисление нижегородцев, сильно повреждены. Некоторые данные утрачены, в том числе предисловие. Назначение списка не вполне ясно. Это не десятая и не разборный список. Никакой информации о служилых людях, кроме чина и оклада, он не содержит. В ряде случаев отмечены повышения поместного и денежного оклада за «литовскую службу» 1654–1656, 1664, 1665 г. Начальная часть списка содержит имена дворян и детей боярских, поверстанных земельным окладом. Здесь составителями оставлено достаточно свободного места, возможно, для внесения помет. На каждый лист занесены две-три персоны. Последующие листы с именами неверстанных заполнены более плотно — по семь человек.

Исключая некоторые очевидные повторы, обнаруживаем, что в документе записано 362 человека. Вопросы, которые возникают при рассмотрении данного списка: имел ли он целью зафиксировать всю уездную корпорацию, или какую-то ее часть и, соответственно, возможно ли его привлечение для изучения численности и состава служилого «города»? Для ответа сопоставим полученные сведения с более ранними данными. Ближайшие из сохранившихся документов, разборные списки 1630 г. (частично нами реконструированные), описывали чуть более 330 человек. Алфавиты к несохранившимся (или невыявленным) спискам 1648/1649 и 1663/1664 г. упоминают 408 и 379 персон соответственно[2]. Некоторые колебания численности, особенно когда мы имеем дело с данными о несохранившихся документах, вполне объяснимы особенностями составления (включение/невключение недорослей, отставленных, умерших и т. п.). По всей видимости, интересующий нас список отражает общее количество служилых нижегородцев «по отечеству».

По разборным спискам 1630 г., количество людей, несших службу, было 316 (или 317). В конце списка 1667 г. содержатся разделы недорослей (3) и отставленных (21). Без них остается 338 человек. Таким образом, к концу Русско-польской войны 1654–1667 г. данный служилый «город» немного вырос по сравнению с кануном Смоленской войны. Поэтому выводы о значительном уменьшении численности корпорации к середине 1660-х годов носят локальный характер [Лаптева, с. 131]. Более того, Нижний

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6Б. Д. 4. Л. 106.
[2] РГАДА. Ф. 210. Алфавиты десятен «старые». Кн. 8. Л. 70–74, 79–83 об.

Новгород к этому времени количественно восстановился после потрясений Смутного времени, вернувшись к численности начала XVII в. [Чеченков, 2012].

Структурно список 1667 г. делится на традиционные группы: выбор (33), дворовые (33), городовые (86), новики (6). Далее следуют разделы, неожиданные или совершенно новые для Нижнего Новгорода. Обращает на себя внимание огромное число неверстанных служащих с отцовских поместий. За 1665–1667 г. в новичными окладами было поверстано всего шестеро. Предыдущие списки не знают такого мизерного количества новиков. Неверстанных же оставалось 172. К ним примыкает раздел «По приезду», включающий 20 человек. Видимо, речь идет о не учтенных предыдущими списками Разрядного приказа и зафиксированных явочным порядком. Неверстанные дети боярские служили резервом для записи в полки нового строя. В исследуемый список внесены группы рейтар и солдат. Однако они невелики: 19 и 11 человек соответственно.

Судя по списку 1667 г., продолжилась тенденция количественного роста высших чинов «города» и размывания их статусности. Списки выбора и дворовых увеличились на десяток каждый по сравнению с 1630 г. Но если выбор комплектовался представителями фамилий, уже к 1630 г. выдвинувшимися на первый план, то среди дворовых видим фамилии, чьи обладатели ранее и близко не стояли к высшим позициям в иерархии. Полагают, что рейтарская и особенно солдатская служба считалась менее престижной по сравнению с традиционной и являлась уделом служилой бедноты. Действительно, в рейтары оказались записаны дети боярские, отцы которых занимали в 1630 г. довольно скромные места в своей среде с окладами от 100 до 350 четей. Некоторые были бедны. При этом у рейтар, как правило, много родственников, в том числе с высокими окладами. Отцы же солдат почти поголовно были бедны, а родственники редки. В остальном же клановых групп в составе корпорации не наблюдается. Представители даже влиятельных старинных нижегородских фамилий встречаются в самых разных частях списка.

В отношении фамильного состава нижегородский служилый «город» демонстрирует устойчивость на протяжении всего XVII в. В списке 1667 г. обнаружены только два носителя новых для Нижнего Новгорода фамилий.

Литература

Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.

Чеченков П. В. О реконструкции фамильного состава нижегородской служилой корпорации первой половины — середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 126–127.

Чеченков П. В. Нижегородская уездная корпорация служилых людей «по отечеству» в первой четверти XVII в. (по данным десятен): численность, структура, фамильный состав // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7 (15). URL: https://history.jes.su/s207987840000198-6-1.

Чеченков П. В. Формирование землевладения и фамильный состав нижегородской служилой корпорации первой половины — середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 60–75.

Чеченков П. В. Численность и структура нижегородской служилой корпорации по разборным спискам 1630 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 163–164.

Л. Е. Шабаев (РГАДА)

ЧЕЛОБИТНЫЕ «ПО РОДСТВУ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

В работе рассматриваются так называемые челобитные «по родству», один из подвидов, если придерживаться классификации С. М. Каштанова, частно-публичных документов просительного вида [Каштанов, с. 154]. Основной период появления таких документов — 20–30-е годы XVII в. Они представляют интерес сразу с нескольких позиций. С одной стороны, отражают юридические аспекты продвижения по службе в этот период. С другой стороны, содержат генеалогические подробности о большом количестве родов, в том числе и родов общего происхождения. Косвенно некоторые сведения фрагментарно дополняют утраченные в Смуту и в московском пожаре 1626 г. документы.

Твердого ответа на вопросы о причинах появления челобитных «по родству» в большом количестве (на данной момент их выявлено несколько сотен) и о том, почему также резко их поток пошел на спад, пока нет, для полной уверенности нужно дополнительное изучение всего комплекса факторов, как

исторических, так и юридических, предшествовавших этому периоду и относящихся к нему. Но все же можно сделать достаточно серьезные и обоснованные предположения об истоках возникновения такого рода документов.

Сыграли роль тут, по-видимому, несколько факторов.

После долгого периода Смуты ряды служилого дворянства оказались сильно потрепаны, в том числе это сказалось на количестве дворовых и выборных во многих уездах, особенно сильно затронутых предшествовавшими событиями Смутного времени, что вызвало естественное желание многих служилых по городу подняться в чине, заняв освободившиеся места, что могло не только продвинуть по службе, но и поправить материальное положение. Такой возможности благоприятствовало и то, что еще в конце XVI — начале XVII в. было прекращено верстание в дети боярские из других сословий и складывались принципы верстания «по родству»: «от отцов детей, и от братьев братьев, и от дядей племянников» [Козляков, с. 152–153].

Этими нюансами и воспользовались многочисленные городовые и часть дворовых, которые имели в родне или в фамилиях одного с ними происхождения родственников, служивших в более высоких чинах: в дворовых, выборных или по московскому списку, с тем, чтобы выпросить себе чин не меньший, чем у родни, «чтоб я, холоп твой, перед своею дядьею и братьею в позоре не был».

Практически ни одна из выявленных на данный момент челобитных не получила отказа. Даже в случаях, когда не удавалось выявить сведений по родне челобитчика (причиной чаще всего оказывалась утрата документов в Смутное время или в московский пожар 1626 г.), его просьба удовлетворялась.

Текст челобитной начинается со вступительной формулы обращения к государю: «Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии челом бьет холоп твой…». Заканчивается стандартной формулой «Царь государь, смилуйся, пожалуй». Иногда слово «пожалуй» опускается. Челобитчик делает указание на свой город: «коломнетин», «олексинец», «Юрьева Полского» и т. п. В отдельных случаях челобитчик опускает название города перед именем, указывая его далее в описании своей службы: «А я, холоп твой, служу тебе, государю, с Резани по дворовому». Нередко встречаются и челобитные сразу от двух челобитчиков-родственников, чаще всего братьев.

Выписка о службе челобитчика производится обыкновенно из «подлинного» списка того же года, в котором челобитчик подает свое прошение. Указываются его статус и поместный оклад.

Выписка о родственниках начинается со стандартной формулы: «А родства его сыскано». Далее, в зависимости от приведенных в челобитной сведений, делаются выписки по спискам того же года, а иногда и из десятен либо боярских списков более ранних лет. При указании челобитчика на родных, служащих или служивших по Москве, приводятся выписки из боярских книг и жилецких списков. Далее челобитчик указывает на степень родства с тем или иным выявленным лицом.

Решение выписывается по склейкам листов дела. Для решения по делу нет определенной формулы. Текст решения в разных делах слегка видоизменяется по форме, но не меняется по смыслу. Начинается с даты указа, по которому государь жалует челобитчика, а далее идет указание на пожалование. Решение может быть как в краткой форме — только само пожалование с отметкой, что жалуется проситель по родству, так и в более пространной, с указанием в нем имени и фамилии челобитчика.

Некоторые отличия проявляются в тех случаях, когда родство челобитчика «не сыскано», и тогда из списков выписываются служилые люди других фамилий, служащие в тех чинах, на которые ссылается проситель в своей челобитной. В этом случае в решении обычно указывается пожалование не по родству, а по службе.

С генеалогической точки зрения материалы дел, связанные с рассмотрением челобитных, интересны тем, что многие дела содержат сведения о родне во втором и третьем колене, иногда и о более дальнем родстве. Дополнительный интерес вызывают дела, в которых, помимо фамилии челобитчика, делаются выписки и по другим, общего происхождения с просителевой. Так, например, в деле Владимира Полтинина[1] челобитчик, за неимением в более высоких чинах однофамильцев, приводит сведения о родственных фамилиях Суминых, Михалковых и Чередовых. В деле Афанасия Яковлева сына Поросукова[2], в котором он просит повелеть служить ему по дворовому списку, помимо его родного брата, Смирного, служащего дворовым, и родного дяди Ивана Федорова сына Савостьянова Поросукова, служащего по выбору, приводятся сведения о представителях семей Яковлевых и Глебовых, имеющих с Поросуковыми происхождение от общего предка. Ссылки на родственные роды имеются в делах Уваровых, Коптевых и др.

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Ед. хр. 15. Л. 32–35.
[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 47. Л. 245–249.

Практически весь массив выявленных на данный момент челобитных представлен в столбцах Московского, Владимирского и Новгородского столов[3]. В описях столбцов эти материалы проходят в рубрике «Дела о служилых людях» в общей смеси с другими документами, поэтому выявление всего комплекса представляет собой некоторую задачу. В качестве вспомогательного средства при выявлении подобного рода дел можно использовать алфавитные указатели к столбцам фонда.

Литература

Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988.
Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9, 10, 11.

Т. А. Базарова (СПбИИ РАН), С. М. Шамин (ИРИ РАН)

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК «КАЛЯЗИНСКОЙ ЧЕЛОБИТНОЙ»: К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ИСТОРИИ И ДАТИРОВКЕ ПАМЯТНИКА

«Калязинская челобитная» является одним из хрестоматийных произведений русской книжности XVII в. Однако изучение ее литературной истории далеко от завершения. По сути, работа остановилась на уровне, достигнутом В. П. Адриановой-Перетц в середине прошлого века. Она выделила «старейшую» редакцию памятника, включающую восемь списков, и «статейную», связанную, с лубочным изданием XVIII столетия. Последняя редакция, кроме лубка, включает шесть списков [Адрианова-Перетц, 1954, с. 206–207]. Эти же сведения приводит Словарь книжников и книжности Древней Руси. Мы можем прибавить к рукописям «старейшей» редакции еще три текста первой четверти XVIII в. (СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. № 180. Л. 67–70; РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 9. Л. 320 об.; РГБ. Ф. 179. № 9279. Л. 20–22 об.). Кроме того, С. В. Алпатов любезно указал нам две копии конца XVIII в. (ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3. № 9. С. 601–605; РГБ. Ф. 218. № 900. Л. 52–57). Рискнем предположить, что при целенаправленном поиске может быть выявлено значимое число неизвестных списков, которые позволят более полно представить историю памятника.

По-новому взглянуть на ранний период бытования «Калязинской челобитной» позволяет список памятника, выявленный в рукописи начала XVIII в. (СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. № 180. Л. 67–70)[1]. Самой важной особенностью этого списка является указание адресата челобитной — «преосвященному **митрополиту** Тверскому и Кашинскому». В известных В. П. Адриановой-Перетц копиях она адресована «преосвященному Симеону **архиепископу** Тверскому и Кашинскому». Дело в том, что Симеон умер в июле 1681 г. До осени тверская кафедра вдовствовала, а 6 сентября на нее с саном митрополита возвели Варсонофия. Его правление продолжалось недолго. Уже в декабре 1681 г. данное назначение отменили, а Тверская епархия так и не стала митрополией [Стефанович]. Получается, что, хотя большинство сохранившихся списков восходят к грамоте, обращенной к Симеону, по крайней мере одну из копий челобитной успели переписать с обращением к Варсонофию.

Причину появления в челобитной двойной адресации помогают понять наблюдения И. Г. Пономаревой. Она установила, что в период с конца 1680 по ноябрь 1681 г. в монастыре происходил острый конфликт между сторонниками келаря Макария (Злобина) и архимандритом Гавриилом. Дело разбиралось в Москве [Пономарева]. Выявленный И. Г. Пономаревой конфликт начался при архиепископе Симеоне, а закончился при митрополите Варсонофии. Найденная рукопись позволяет предположить, что «Калязинская челобитная» была памфлетом, распространявшимся сторонниками архимандрита Гавриила в период разбирательств по его делу. Происходило ли это в форме подметных писем, или же имя автора было известно читателям, сказать сложно. В любом случае, перед нами произведение, созданное в качестве «летучего листка», а не книжного памятника.

Текстологические наблюдения подтверждают это предположение. В. П. Адрианова-Перетц писала: «Текст “Калязинской челобитной” в рукописях мало меняется: небольшие пропуски и сокращения совершенно не меняют характер памятника — и идеологически и стилистически он сохраняет в общем свой первоначальный вид. Таким образом, говорить о сознательной редакторской работе над ним не приходится» [Адрианова-Перетц, 1936, с. 170–171]. Сразу отметим, что это касается лишь текстов «старейшей» редакции. Лубочный вариант памятника появился в результате целенаправленной переработки. Если

[1] Подробнее см.: [Базарова].

же сравнивать опубликованный В. П. Адриановой-Перетц текст и список из рукописи СПбИИ РАН, то мы действительно видим не направленное редактирование, а множество незначительных различий, которые возникают при многократном копировании сочинения.

Поскольку обращенный к митрополиту Варсонофию список отделился от других ветвей уже в 1681 г., отличий в нем особенно много. Хотя каждое из них незначительно, в целом они существенно меняют облик текста. К примеру, В. П. Адрианова-Перетц приводит по разным спискам три варианта имени старца, который ходит с дубинкой и стучит в двери келий, будя монахов: Умор, Уар, Иор. В нашем списке видим четвертый вариант — Сидор. Очевидно, что такие разночтения пошли из-за того, что в одном из списков имя было написано небрежно — из всех букв четко читалось лишь окончание «ор». Вероятнее всего, «Сидор» — правильное чтение изначального варианта. Очень часто встречаются не имеющие смыслового значения перестановки слов: «черной дьякон Дамаско с товарыщами» и «дьякон Дамаско чернец с товарыщи», или замена фраз на идентичные по смыслу: «он корысти не учинил» и «мало добытку получил». Однако в некоторых случаях даже простые перестановки текста оказывают существенное влияние на его литературоведческий анализ. К примеру, характеристика архимандрита Гавриила через нравы жителей различных городов в публикации В. П. Адриановой-Перетц выглядит так: «и он, архимарит, родом ростовец, а нравом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец», а в рукописи СПбИИ РАН — «и он, архимарит, родом поморец, а нравом ростовец, а умом коргаполец». Имеется также значительное число добавок и сокращений.

В заключение остановимся на датировке памятника. Сложно сказать, был ли он создан в указанном в тексте 7185 (1676/1677) г. Однако к 1681 г. челобитная уже не только существовала, но и редактировалась. Таким образом, время создания памятника сужается до нескольких лет.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Очерки из истории русской сатирической литературы XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 153–193.

Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954.

Базарова Т. А. «Книга-журнал» петровского офицера Алексея Топорнина из собрания Санкт-Петербургского Института истории РАН // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXXII Межд. научной конф. Москва, 11–12 апреля 2019 г. М., 2019. С. 52–55.

Пономарева И. Г. О возможной исторической основе сюжета «Калязинской челобитной» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 269–275.

Стефанович П. С. Варсонофий (Чертков Василий Григорьевич) // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 684.

И. Н. Шамина (ИРИ РАН)

АРХИВ ТРОИЦКОГО БЕЛОПЕСОЦКОГО МОНАСТЫРЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII в.

Одними из наиболее информативных источников для изучения архивов русских монастырей являются переписные книги и описи имущества. Попытки реконструкции монастырских архивов, в том числе и с привлечением данных переписных книг, уже предпринимались исследователями [Амосов, 1974; Амосов, 1975; Топычканов; Черкасова; Башнин; и др.]. История Белопесоцкого монастыря также неоднократно привлекала внимание ученых, публиковались и монастырские акты[1]. Однако специально состав монастырского архива до сих пор не изучался.

В настоящем исследовании, взяв за основу переписную книгу 1702 г. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 40. Л. 401–441 об.), я попытаюсь охарактеризовать архив Троицкого Белопесоцкого монастыря на рубеже XVII–XVIII в. Незадолго до составления описания, в 1700 г., по указу Петра I обитель была приписана к Троице-Сергиеву монастырю. Этим событием можно объяснить некоторые особенности составления источника. В частности, его составителем, в отличие от подавляющего большинства других переписных книг начала XVIII в., являлся не стольник, специально для этого направленный Монастырским приказом, а подьячий Троице-Сергиева монастыря.

В переписной книге приведен самый ранний, известный на сегодняшний день список принадлежащих Белопесоцкому монастырю документов. Все они в источнике разделены на две группы. Первая группа — «Жалованные грамоты великих государей царей и великих князей… на вотчины и на всякие угодья Белопесотцкого монастыря, что на Кошире». Перечисленные здесь 39 документов на момент описания

[1] ААЭ; Акты российского государства. 1505–1526 гг. М., 1975; [Дедук]; и др.

находились за пределами монастыря: «по указу государей властей и по грамоте те жалованныя грамоты и вотчинные всякие крепости взяты все в Троецкой Сергиев монастырь в Болшой». Об этих бумагах составитель переписной книги написал достаточно подробно. Указаны типы документов (жалованные, тарханные, данные грамоты и др.), приведены конкретные географические ориентиры — уезд, волость. Из описаний можно узнать о кратком содержании грамот.

Подавляющее большинство документов датированы. Самый ранний из них — жалованная тарханно-оброчная грамота великого князя Василия Ивановича на починки Ступинское, Крутовражье и др. 5 февраля 1507 г.[2] Наиболее поздний — 1698/1699 г. Больше всего документов отмечено за первую половину XVII в. — 14; за первую половину XVI в. — 12; за вторую половину XVII в. — 10; за вторую половину XVI в. — всего 4, причем все они относятся к 1550-м — 1561 г. После 1561 г. до конца XVI в. ни одного источника не зафиксировано. Актовые материалы представлены 28 документами. В отдельную группу следует отнести материалы писцового делопроизводства (11 единиц) — выписи из писцовых и межевых книг на села и деревни монастырской вотчины. К настоящему времени из документов первой группы сохранились 14 (36 %).

Эти документы, вероятно, являлись наиболее ценными и важными для их владельца. Они позволяют проследить этапы и способы формирования монастырской вотчины и развитие монастырского хозяйства, а также изучить землевладение монастыря и динамику сельского расселения.

Вторая группа документов — те, что «явились налицо», то есть в момент описания находились в монастыре. Это также различные грамоты, заемные кабалы, памяти и др. Точное их количество установить сложно, поскольку описание некоторых из них весьма обобщенно, не всегда можно установить и содержание грамот, далеко не все из них датированы. Приблизительно в монастыре на хранении осталось не менее 43 документов. Ни один из них пока не выявлен. Самый ранний из датированных относится к 1679/1680 г. В общей сложности архив Белопесоцкого монастыря, по данным переписной книги, к началу XVIII в. составляли не менее 82 единиц хранения.

Известны как минимум 19 грамот, не отмеченные в переписной книге в числе вывезенных в Троице-Сергиев монастырь. Возможно, часть из них входила в состав 23 «государевых» грамот «из розных приказов о розных делех», которые в источнике по отдельности не расписаны. Возможно также, что они находились за пределами Белопесоцкого монастыря — в осадном монастырском дворе в Кашире или в Москве. На сегодняшний день известны также фрагмент описи имущества XVII в. (РГБ. Ф. 303. Архив Троице-Сергиевой лавры. Разд. 13. № 476) и хранящаяся в Государственном музее истории религии вкладная книга.

Таким образом, архив Троицкого Белопесоцкого монастыря в начале XVIII в. составляли более 100 документов. В переписной книге 1702 г. приведено и описано значительное их количество, однако на основании только этих сведений оценить размер монастырского архива и полноту сохранности бумаг вряд ли возможно. Описи фиксировали лишь систематизированный перечень выделенных к описанию документов. Внимание составителя переписной книги Белопесоцкого монастыря 1702 г. было сосредоточено на фиксации актов, подтверждающих монастырские права на землю и льготы.

Литература

Амосов А. А. О методике исследования описей монастырских архивов (на примере анализа описей архива Антониево-Сийского монастыря XVII–XVIII вв.) // Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974. Ч. 2. С. 75–78.

Амосов А. А. Архивы двинских монастырей. Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций. АКД. М., 1975.

Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: Исследование и тексты. СПб., 2016.

Дедук А. В. Из истории административно-территориального деления Каширского и Тульского уездов в первой половине XVI в. // Историк и источник: Сб. статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018. С. 219–238.

Топычканов А. В. Из истории архивов приказных изб и монастырей (на примере Саввино-Сторожевского монастыря и Измайловской приказной избы 1670-х – 1680-х гг.) // Отечественные архивы. 2007. № 4. С. 41–47.

Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

[2] Акты российского государства. № 29.

Б. Л. Шапиро (РГГУ)

МОСКОВСКИЙ ВСАДНИК В КОНЦЕ XVII СТОЛЕТИЯ (ПО ОПИСЯМ ИМУЩЕСТВА В. В. ГОЛИЦЫНА 1679 И 1689 г.)

О материальной культуре московского всадника конца XVII в., когда «служилого человека оценивали по его коню» [Седов, с. 249], можно сделать некоторые выводы по конюшенному хозяйству боярина князя Василия Васильевича Голицына. Он находился при московском дворе с 1658 г. [Буганов, с. 145]. После смерти царя Федора Алексеевича (апрель 1682 г.) занял ведущее положение при дворе: с началом стрелецких казней (май 1682 г.) назначен главой Посольского приказа; в октябре того же года пожалован титулом, равным канцлеру [Лавров, с. 65].

Представление о конюшенном хозяйстве Голицына можно составить благодаря двум описям. Первая, от 1679 г., имела домашнее назначение [Седов]. Вторая представляла имущество «канцлера», конфискованное после его политического падения в 1689 г.

Согласно этим материалам, конюшенным хозяйством Голицына заведовал конюший Лев Самойлов[1]. Хозяйство состояло из нескольких конюшен. Основная располагалась при московском дворе в Белом городе; шатер жилой палаты над воротами двора был увенчан прапором, украшенным фигурой всадника [Тихонов, с. 58]. Здесь же, в казенной палате, хранились документы хозяйства[2].

Конюшня и конюшенная палата располагались поодаль от двухэтажного господского дома. В конюшне стояли лучшие лошади Голицына, преимущественно серой масти и ее отмастков — серые, темно- и светло-серые, серо-пегие [Седов, с. 255][3].

Конюшенная палата хранила многочисленные конские уборы (в описях обозначены как «лошадиные наряды»)[4]:

1. мундштучные и трензельные оголовья («муштуки» и «узды»), в том числе украшенные перьями, «лысинами», начелками и т. п.; комплектом шли паперсти и пахви;
2. арчаки и седла с седельным сбором — подпругой, путлищами, стременами и т. д. (то есть со «снастями»);
3. разные покровы — попоны, в том числе «с грудми», «с каптуры», чалдары, чепраки, наметы, платы, покровцы, снимальники и др., в том числе меховые и кожаные («бабры и барсы»).

Материалом для изготовления «лошадиных нарядов» выступали:

1. металл — серебро в различной обработке (не только гладкое, но и прорезное, резное, сканое, черненое, чеканное, с полной или частичной позолотой), позолоченная медь или железо, «насекано золотом и серебром», опаянное серебром или позолоченное;
2. кожа — сафьян (чаще красный), хоз (красный, зеленый, черный, белый, желтый), ящер и бахтарма;
3. ткани — бархат гладкий и «рытый», травчатый, копытчатый, клетчатый, байберек, алтабас, атлас, сукно. По цвету это, прежде всего, обширная группа красных (собственно красный, алый, червчатый, малиновый), черный и белый, группа желтых (лимонный, рудожелтый), синих (таусинный, голубой), золотосеребряные материи.

Весьма многообразна отделка убранства:

1. кайма из контрастной или золотной материи;
2. шитье золотом и (или) серебром (волоченым и пряденым), шелком (чаще красным и зеленым), в том числе «высоким швом»;
3. роспись золотом и красками;
4. аппликация: «по ящуру наклеены травы», «нашивано красное сукно», «по белому атласу вшиваны розных тафт»;
5. бахрома (золотная, серебряная, шелковая, гарусная), кисти, бубенцы («набор бубенчатый») и декоративные узлы;
6. шелковая тесьма (красная, вишневая, зеленая, многоцветная, часто тканая с золотом и (или) серебром), гладкая и прорезная (ажурная), галун (золотный и серебряный, шелковый, гарусный), лента, шнур;

[1] Дело об отписке на царей поместий, вотчин и пожитков князей Василия и сына его Алексея Голицыных // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 467.

[2] Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1893. Т. 4. Стб. 93–94.

[3] Там же. Стб. 119–120.

[4] Там же. Стб. 139–162.

7. металлическое кружево (золотное, серебряное, «с городы»);
8. финифть;
9. драгоценные или полудрагоценные камни в золотой или серебряной оправе (сердолик, бирюза, изумруд, яшма, «лалы» и «яхонты», «корольки» белые и красные), их имитация («смазни»), раковины.

Имелись у Голицына и привозные конские вещи: седла гусарское и немецкое, арчаки калмыцкий и турецкий, «луки высокие», арабские удила, бухарские пахви, турецкие и немецкие подковы.

Отдельно нужно упомянуть убранство «привозу кравчего князя Бориса Алексеевича Голицына человека его Ивашки Угримова» — богатые и редкие вещи, которые, в силу их ценности, хранились отдельно «в сундуке дубовом, окрепленом железом черным»[5]. Здесь часто встречается отделка чистым золотом, алмазами, изумрудами, топазами («тунпазами»). Много финифти (на ввязках, ворворках, стременах), золотосеребряной материи (алтабаса, бархата, изорбафа, атласа, объяри), дорогого кружева «с городы», кованого кружева. В качестве отделки упоминаются фантазийная витая бахрома, «узлы кафимские». Есть привозные вещи — турецкий покров, немецкое седло, черкасский, турецкий и калмыцкий арчаки, арабские и черкасские удила, «длинные» греческие стремена.

Максимальная стоимость одного предмета — в пределах 70 рублей (вопреки истории с «седлом с уздою с каменьем оправным, ценою в тысечю в двести рублев», якобы взятым Голицыным у грека Дмитрея Хатцы[6]), что ненамного уступало стоимости царского конского убранства.

Судя по описям имущества В. В. Голицына, принадлежавшее ему содержимое конюшен и конюшенной палаты было многочисленным, разнообразным и аттрактивным; по своим качествам оно могло составить предмет особой гордости высокопоставленного московского придворного конца XVII в.

Литература

Буганов В. И. «Канцлер» предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10. С. 144–156.
Лавров А. С. Василий Васильевич Голицын // ВИ. 1998. № 5. С. 61–72.
Седов П. В. «Аргамаки в чести, и нашу братью выносят в честь» (конюшня московского придворного XVII в.) // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4 (16). С. 247–266.
Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства. М., 2011.

[5] Там же. Стб. 321.
[6] Дело об отписке на царей поместий… Стб. 417–418.

М. А. Шибаев (РНБ)

О ПРИНЦИПАХ РАЗЛИНОВКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕРГАМЕННЫХ КОДЕКСОВ XIV–XV в.[1]

Разлиновка древнерусских пергаменных рукописей весьма редко становилась объектом подробных описаний, не говоря уже о попытках комплексных обобщений в рамках специальных кодикологических штудий. Между тем систематизация данных о разлиновках, выражающаяся не только в построении схем и учете количества строк на листе, но и в изучении характера разлиновочных борозд, проколов на полях, орудий и способов их нанесения, может дать очень серьезное подспорье при изучении и атрибуции древнерусского рукописного наследия. Разлиновка, проводимая в начале изготовления тетрадей, задает определенный ритм всей рукописи. Налицо очевидная корреляция между уровнем исполнения письма самой рукописи, ее украшений и точностью, качеством и сложностью применяемой разлиновки. В нашей работе обобщены результаты исследования более трех десятков датированных древнерусских рукописей XIV–XV в. в основном из Отдела рукописей РНБ, а также нескольких кодексов из собраний отделов рукописей РГБ и ГИМ.

Можно выделить несколько видов разлиновочных систем, применяемых книжниками в рассматриваемый период. Самым редким видом является способ разлиновки вообще без использования проколов (к этой группе мы не относим рукописи, которые утратили проколы в результате сильной обрезки полей в ходе бытования). К такому виду можно пока отнести только одну рукопись — РНБ. Софийское собр. № 2 (Евангелие-апракос, широко датируемое временем архиепископства новгородского владыки Моисея — между 1325 и 1359 г.). Кодекс переписан уставным письмом, но исключительно невысокого

[1] Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-04157 офи_м.

уровня. Крайне неумело выполнены полихромные заставки и заглавные буквицы. Отсутствие проколов и разлиновка «на глазок» привели даже к тому, что на л. 133–136 край зеркала текста следом за ошибочно проведенной разлиновочной вертикальной линией визуально значительно отклоняется от вертикали.

Однако самый распространенный вид разлиновки основывался на проведении вертикальных и горизонтальных линий между проколами на полях. При этом в большинстве случаев проколы наносились с лицевой стороны первого листа тетради через все листы. То есть линование происходило уже когда листы писчего материалы были подрезаны по размеру, согнуты пополам и собраны в тетради. В ряде случаев можно установить даже характер орудия и степень его заточки. Наиболее часто орудиями проколов служили: 1) нож с односторонней или двусторонней заточкой, в результате применения которого оставались треугольные вытянутые в один из углов следы с одной тупой стороной или надрезы разной степени длины; 2) граненое или округлое в сечении шило, оставляющее округлые, овальные или многоугольные проколы. Необходимо отметить, что древнерусские писцы при изготовлении одного кодекса могли параллельно использовать два разлиновочных орудия, и в одних тетрадях могут фиксироваться проколы, характерные для ножа, а в других для шила. В ряде случаев имеет место даже дублирование разных по форме разлиновочных отверстий на полях рукописи. После нанесения проколов обычно линовался двойной развернутый лист. При этом в большинстве рукописей, разлинованных по данной схеме, первичные разлиновочные борозды наблюдаются на первом и четвертом листах тетради, в то время как второй и третий листы тетради отражали уже соответственно вторичную разлиновку.

Третий вид разлиновки обнаруживается во многих новгородских пергаменных рукописях XV в. форматом в полдесть. Однако самая ранняя фиксация такого типа разлиновки установлена нами в рукописи из Москвы 1403 г. (ГИМ. Синодальное собр. № 275 – Изборник 1073 г.). При применении такого вида разметки для письма следы первичной разлиновки читаются системно на лицевой или оборотной стороне каждого листа. По сравнению с первыми двумя видами разлиновки наблюдается прерывистая, иногда почти не читаемая борозда, более широкая и менее глубокая, с округлыми краями. Особенностью этого вида разлиновки является и то, что при пересечении вертикальными горизонтальных линий они никогда не выходят за пределы последних, образуя замкнутые контуры, в отличие от описанных выше разлиновок. При сильном увеличении изображения с применением микроскопии и цифровой фотографии можно отметить, что в ряде случаев мы видим не равномерную по сечению борозду, а ребристую, как будто оставленную предметом, имеющим мелкие зазубрины. В качестве предположения можно высказать гипотезу, что в данном случае наблюдается след от витой проволоки. Весьма вероятно, что мы имеем дело с шаблоном, приблизительным аналогом керамсы, только используемым при разлиновке пергаменных рукописей. Поскольку идеально ровно прижать доску, с образованными на ней металлической проволокой выпуклостями, к листу пергамена невозможно, этим и объясняется отмеченная прерывистость разлиновочных линий. Применение такого типа инструмента, с одной стороны, позволяло сильно экономить время создателям книг, с другой стороны, говорило о возросшем техническом потенциале древнерусских книжников на рубеже XIV и XV в.

Н. В. Штыков (СПбГУ)

СОЮЗНИКИ ТВЕРИ ВО ВРЕМЯ МОСКОВСКО-ТВЕРСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

В первой половине XIV в. князья Северо-Восточной Руси принимали активное участие в борьбе за власть на стороне Москвы и Твери. Судьба ханского ярлыка на великое княжение Владимирское решалась в Орде. Вместе с тем значительную роль в московско-тверском соперничестве играла поддержка союзников. Наряду с церковью и великокняжеским боярством, выступившими на первом этапе противостояния на стороне Твери, большое значение имела позиция русских князей. Выяснение вопроса о союзниках Москвы и особенно Твери позволяет уточнить различные аспекты противостояния двух сильнейших в XIV в. русских княжеств.

Большинство правителей малых княжеств Руси поддержали Михаила Ярославича Тверского, однако конфликты с Новгородом, ухудшение отношений с митрополитом Петром и изменение политической обстановки в Орде привели к потере Михаилом Тверским великокняжеского ярлыка и его гибели. Новый великий князь Юрий Данилович Московский опирался на поддержку митрополита, Новгорода и, как великий князь, на князей Северо-Восточной Руси. При этом тверские князья продолжали опираться на поддержку части своих прежних союзников.

Недолгий триумф сыновей Михаила Тверского сменился страшным опустошением Твери во время подавления антиордынского выступления 1327 г., что значительно уменьшило число их сторонников на Руси. Тем не менее в 30-е годы XIV в. у Александра Михайловича были возможности изменить соотношение сил в свою пользу. К союзникам Твери в этот момент можно причислить князей Дмитрова и Галича. Однако казнь в Орде Александра Михайловича и его старшего сына Федора привела к усилению позиций Москвы и прекращению на долгое время московско-тверского конфликта.

Л. Л. Щавинская (ИСл РАН)

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА ГРОДНЕНСКОЙ ЗЕМЛИ – КОЛОЖСКОЙ ЦЕРКВИ XII в.

Открытия археологов последних десятилетий вносят много принципиально нового в историю гродненского православного каменного храмостроительства, которое было одним из наиболее активных в самый ранний период истории Древней Руси. Вместе с тем стоящая на высоком правом берегу Немана Коложская Борисоглебская церковь XII в. — древнейший зримый многовековой символ православной культуры этой западной части Белоруссии, издревле находившейся в непосредственном взаимодействии с католическим миром. Конечно же, к утверждению современных польских историков о том, что «со второй половины XV в. церковь эта была центром жизни ордена базилиан» [Wrzeszcz, szpt. 166], можно относиться лишь как к курьезному недоразумению, но с XVII в. храм действительно был опекаем базилианскими монахами, пока в конце 1830-х годов вновь не стал православным.

В 1870 г. в Вильно выходит 9-й том известного «Археографического сборника документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», содержащий «Летописи или Хроники двух древнейших первоначально Православных, а потом униатских, монастырей — Супрасльского и Коложского (Литовской епархии)». Подготовкой тома, в том числе переводом текстов рукописей, с которых осуществлялась публикация, «заведовал учитель Литовской семинарии Андрей Демьянович», местный уроженец, выпускник Петербургской духовной академии. Рукопись, содержащая материалы о Коложской церкви, хранилась тогда в Виленской публичной библиотеке и включала как бы две части «Inwentarz» («Инвентарь») и «Kronika» («Хроника»). По каким-то причинам А. П. Демьянович не стал публиковать всю эту рукопись целиком и на полтора столетия лишил исследователей целой серии весьма важных документов по истории Коложской церкви.

В настоящее время оригинал рукописи, с которой осуществлялась публикация А. П. Демьяновича, хранится в Отделе рукописей РНБ, куда его в 1903 г. передал И. А. Шляпкин[1]. В нем всего 23 листа в обложке из плотной серо-голубоватой бумаги, на первом из которых читается: «Inwentarz klasztoru Bazylianskiego w Grodnie na Kołoży od dawnych czasow ufundowanego. Przez mnie Ignacego Kulczyńskiego Zakonu S.O.N. Bazylego W. S. Theolog. Doktora Rzymskiego, a teraz Archimandrytę Grodzieńskiego ze wszelką pilnoscią y należytym porządkiem w R.P.1738. Sporządzony» («Инвентарь Базилианского монастыря в Гродно на Коложе основанного в давние времена. Мною Игнатием Кулчиньским Ордена Святого Отца Нашего Василия Великого Святой Теологии Доктора Римского, а ныне Гродненского Архимандрита со всею тщательностью и соответствующим порядком в Року Господнем 1738. Составлен»).

А. П. Демьянович исключил из публикации все сведения о священных предметах и книгах, хранившихся в Коложской церкви, а также о монастырской собственности вне стен обители. Составитель «Инвентаря» архимандрит Игнатий Кулчиньский, автор целого ряда важнейших работ на латинском, итальянском и польском языках о судьбах униатства, специально отмечал все те предметы, которые были приобретены в бытность его настоятельства, насчитывавшего к тому времени всего два года (1736—1738). За столь короткий период было значительно дополнено книжное собрание Коложской церкви, имевшей в 1736 г. всего восемь книг: допечатанный в 1695 г. в Супрасле Служебник в роскошном переплете со многими серебряными украшениями; печатная Триодь цветная; прекрасного письма Ирмологион большого формата; второй рукописный Ирмологион; печатная Псалтырь; печатный Тестамент малого формата; напечатанный в Супрасле Требник малого формата; напечатанный в Супрасле Часослов малого формата (Л. 3 об.).

Помимо наведения общего порядка в библиотеке Коложской церкви, в том числе выразившегося в переплетении книг, Кулчиньский к 1738 г. приобрел еще шесть новых: напечатанный в Супрасле

[1] РНБ. Фонд Польских рукописей. F.I.52.

Служебник большого формата; три напечатанных в Супрасле Служебника краткой редакции; большого формата печатный Трифологион; печатный Осмогласник большого формата (Л. 3 об.). В общем, создается впечатление, что А. П. Демьянович вполне сознательно исключил подробности тогдашней внутримонастырской жизни, представляющей для исследователей несомненный интерес, но тогда, в пору серьезного православно-католического противостояния, излишние, по его мнению, в данной археографической публикации. Те несколько листов собственноручной рукописи Игнатия Кулчиньского, которые не воспроизведены в 9-м томе «Археографического сборника», к сожалению, по сей день остаются неизвестными изучающим как историю Коложской церкви и монастыря, архив которого за униатский период почти не сохранился[2], так и наследие его именитого настоятеля-базилианина [Суша], скончавшегося в Гродно около 1747 г. [Rechowicz].

Литература

Суша А. Книжкова спадщина Ігнатія Кульчинського // Вісник Львівського університету. Серія книгознавство. 2008. Вип. 3. С. 45–64.
Rechowicz M. Kulczyński Ignacy // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971. T. XVI. S. 138–139.
Wrzeszcz M. Grodno // Encyklopedia katolicka. Lublin, 1993. T. 6.

[2] Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. Ф. 128.

А. В. Энговатова (ИА РАН)

ЯРОСЛАВЛЬ ПОСЛЕ РАЗОРЕНИЯ ВОЙСКАМИ БАТУ-ХАНА
(вторая половина XIII – XV в.) (по археологическим данным)

В работе представлены результаты археологических исследований ИА РАН последних десятилетий в историческом центре Ярославля, где были изучены археологические объекты XI–XVIII в., в том числе остатки деревянных построек, элементы древней фортификации. Наиболее многочисленные находки относятся к началу удельного периода. Установлено, что к 1238 г., когда Ярославль был разорен войсками Бату-хана, он находился в состоянии экономического расцвета.

Анализ качественных и количественных характеристик культурных отложений и артефактов показал, что материалы конца XIII – XVII в. находятся по большей части в переотложенном состоянии и значительно нарушены при планировании территории в ходе городского строительства XVIII–XIX в. Домонгольские слои (XI – начало XIII в.) в центральной исторической части города содержат намного больше артефактов, чем отложения послемонгольских периодов. Археологам удалось изучить несколько важных археологических объектов, датируемых 2/2 XIII – XV в.

В ходе исследований было выявлено местоположение летописного княжеского двора, где в 1215 г. построена каменная церковь Успения, а также сменившие ее в дальнейшем здания. Изучен некрополь при церкви Иоанна Златоуста, который начал формироваться еще вокруг деревянной церкви в конце XIV – XV в. В слоях 2/2 XIII – XIV в. содержатся фрагменты импортных восточных сосудов.

М. К. Юрасов (ИРИ РАН)

ВЕНГРЫ И АЛАНЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ХАЗАРИИ (IX в.)

Древнейшая прародина венгров находилась в Западной Сибири, в средней части бассейна р. Оби. В ходе постепенной миграции в западном направлении протомадьяры сменили несколько «промежуточных прародин», пока, наконец, не осели на рубеже IX–X в. в Среднем Подунавье. В ходе этого процесса венгерские племена испытывали влияние различных встречавшихся им на пути этносов, иногда вбирали в себя неродственные им этнические группы, оставаясь при этом народностью, говорившей на одном из угорских языков, вобравшем в себя многочисленные слова из языков тех племен и народностей, с которыми венграм приходилось контактировать. Одну из таких народностей представляли аланы – предки современных осетин. Все слова современного венгерского языка, имеющие иранские корни, заимствованы венграми у алан.

Исследователями высказывались различные версии относительно того, когда и где венгры впервые контактировали с аланами. Поскольку ареал расселения древних алан в первые века н. э. простирался до южных предгорий Урала, считается, что протомадьяры именно там познакомились с аланами. Однако в то время венгерские племена еще не представляли собой сплоченную этнополитическую общность, поэтому влияние алан на них было незначительным. Наиболее же сильно оно проявилось в середине VIII — начале IX в., когда венгры проживали по соседству с населением, создавшим на Среднем и Нижнем Дону салтово-маяцкую культуру. В межвоенную эпоху у историков была популярна концепция, согласно которой названную археологическую культуру создали венгры, а ее ареал соответствует легендарной стране Леведии, упоминаемой Константином Багрянородным в трактате «Об управлении империей», но в середине XX в. было доказано, что основным населением салтово-маяцкой культуры были аланы.

Сведения о древних венгерско-аланских контактах сохранились в исторической памяти средневековой венгерской народности. В латиноязычных исторических сочинениях королевства Венгрии содержится легенда о чудесной оленихе, показавшей древним венграм дорогу к «болоту Меотиды» (Азовскому морю), после которой следует не менее легендарный эпизод о похищении венгерскими вождями Хунором и Могором дочерей вождя аланов Дулы. В этом сказании отобразилась реальная история появления венгров в начале IX в. в Приазовье, откуда остававшиеся недостаточно сплоченными венгерские племена вскоре расселились по всему Северному Причерноморью вплоть до низовьев Дуная. Исследователи до сих пор оценивают рассматриваемые легенды лишь как свидетельство тесных связей, существовавших между венграми и аланами в указанное время, хотя при соотнесении этого несомненного научного факта с результатами ряда последних исследований можно предположить, что эти легенды содержат и некоторые более конкретные сведения.

Мне уже приходилось писать о том, что одна из «промежуточных прародин» венгров располагалась на территории современной Воронежской области, где обнаруживаются топонимы предположительно венгерского происхождения. Ареал расселения тогдашних мадьяр на юге ограничивала салтово-маяцкая культура. Именно в это время (вторая половина VIII в.) венгерско-аланские контакты были наиболее интенсивными. При этом проживавшие южнее венгров аланы — как подданные хазарского кагана — могли выполнять функцию сдерживания семи венгерских племен от проникновения на рубежи Внутренней Хазарии («каганского домена»). Судя по отсутствию в источниках сведений о венграх в Северном Причерноморье до начала IX в. (первые полностью достоверные известия о пребывании их на Нижнем Дунае датируются около 836 г.), население салтово-маяцкой культуры успешно справлялось с этой задачей. Однако главным источником поддержания стабильности на землях Внешней Хазарии было наличие сильной центральной власти в каганате, способной удерживать в подчиненном положении различные этносы, проживавшие в Подонье, Среднем Поволжье и других областях названного региона. Как известно, даже правители Волжской Булгарии платили дань хазарскому кагану.

Такая ситуация продержалась до начала IX в., пока в Хазарии не начались события, которые ряд исследователей называет «гражданской войной». Большинство историков считают главной ее причиной объявление хазарской правящей верхушкой иудаизма государственной религией каганата. Наиболее вероятное время принятия такого решения — первое десятилетие IX в. Дестабилизация ситуации во Внутренней Хазарии не могла не сказаться на положении народностей, проживавших во Внешней Хазарии. Именно тогда могли произойти события, отразившиеся в легендах о чудесной оленихе и похищении Хунором и Магором дочерей аланского вождя Дулы. Непосредственно граничившие с землями «каганского домена» аланы могли быть втянуты в «гражданскую войну», а венгерские племена, воспользовавшись этим, переселились из бассейна Верхнего Дона в Приазовье. Поскольку путь к «болоту Меотиды» лежал через ареал распространения салтово-маяцкой культуры, венгры, скорее всего, вступили в конфликт с аланами, что отразилось в легенде о похищении дочерей аланского вождя.

В докладе на предыдущей конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» мной был сформулирован вывод о сознательном искажении средневековыми венгерскими хронистами древнейшей истории венгров, выражавшемся в замалчивании факта нахождения венгерских племен в зависимости от хазарского кагана. По моему мнению, это объясняется двумя причинами: 1) ранним появлением у венгров этнического самосознания, в чем они опередили другие народности Внешней Хазарии; 2) низким социальным статусом хазар, проживавших в раннесредневековой Венгрии: поскольку они были частью «черных мадьяр», хронисты сочли нецелесообразным напоминать о том, что когда-то семь венгерских племен подчинялись правителям Хазарии. В случае со сведениями об аланах, содержащимися в средневековых латиноязычных исторических сочинениях королевства Венгрии, ощущается аналогичный подход.

Е. М. Юхименко (ГИМ)

НОВОНАЙДЕННЫЙ МАЙСКИЙ ТОМ ВЫГОВСКИХ ЧЕТИИХ МИНЕЙ (СОБРАНИЕ М. С. БЫВШЕВА)

Легендарный Выговский книжный свод, явившийся результатом большой собирательской работы старообрядческих книжников начала XVIII в., долгое время считался утраченным. В 1915 г. его видел у настоятельницы филипповского Братского двора инокини Парасковии (Кокушкиной) и кратко описал Е. В. Барсов [Барсов], но уже к тому времени из 12-томного комплекта Выговских Миней Четиих было утрачено две книги: тома за март и май (тома за март не было и в Череповце, где в 1864 г. приобретались книги; том за май был утрачен по дороге в Москву). Позже пропала еще одна книга: том за январь был украден из книжницы Братского двора. Таким образом, Е. В. Барсов смог кратко описать только 9 томов. Как оказалось позже, два тома — за сентябрь и июнь — удалось заполучить в свою коллекцию Ф. А. Каликину, старообрядцу филипповского согласия, имевшему тесные и давние связи с Братским двором, иконописцу, реставратору и собирателю [Юхименко, 2011; Юхименко, 2016]. Однако сам свод как единое целое был практически утрачен, лишь наша находка 2009 г. еще шести томов — за октябрь, ноябрь, декабрь, февраль, апрель, июль — позволила начать работу по исследованию этого уникального оригинального труда выговских книжников [Юхименко, 2011; Юхименко, 2013; Юхименко, 2017].

Нами было установлено, что работа по составлению свода велась под руководством первого уставщика Выго-Лексинского общежительства Петра Прокопьева в 1712—1715 г. Временем составления свода датируются шесть книг из числа сохранившихся (тома за сентябрь, ноябрь, февраль, апрель, июнь, июль). Два тома из восьми (за октябрь и декабрь) были написаны позже, на рубеже 80—90-х годов XVIII в., и являются копиями с более ранних оригиналов.

Изучение содержания всех восьми томов привело нас к выводу о том, что основой, своеобразным «каркасом» для составления выговского свода стал Софийский список Великих Миней Четиих. Вместе с тем выговцы сознательно стремились включить в свой труд как можно больше текстов, посвященных русским святым. Прославление сонма русских подвижников имело для поморцев особое значение: оно подчеркивало непрерывность сохраняемой старообрядцами церковной традиции. Выговцы целенаправленно собирали жития, изображения и устные предания о русских, в особенности местночтимых святых. В итоге они существенно расширили «русскую часть» свода. Таким образом, Выговские Четии Минеи стали самым полным собранием памятников отечественной агиографии.

Находка майского тома Выговских Четиих Миней (рукопись была приобретена в свое собрание М. С. Бывшевым)[1] является важным фактом для формирования полноценного и по возможности полного представления обо всем компендиуме. Майская книга Е. В. Барсовым описана не была, поэтому ее состав нам совершенно не известен.

Том, который теперь вводится в научный оборот, выполнен на бумаге с белой датой «1830». По всей видимости, он не входил в тот исходный комплект, который с 1864 г. хранился на Братском дворе. Недавно обнаруженная «Тетрадь рабочих и поминальных записей “грамотной кельи” на Лексе» за 1829—1837 г. позволяет говорить о том, что в лексинском скриптории, работавшем на заказ и на продажу, отдельные тома Выговских Четиих Миней на протяжении указанного периода неоднократно копировались, в том числе майский том, переписка которого зафиксирована под 1834 г. [Агеева, Юхименко]. Нам известен еще один список Выговской Четии Минеи за октябрь на бумаге с «белой» датой «1829» и «1830», который находился в библиотеке известного московского старообрядца-поморца В. Е. Морозова (МИАР); согласно «Тетради», октябрьский том переписывался в 1833 г. По всей видимости, оба эти тома — за октябрь и май — выполнили лексинские писицы в рамках своей текущей работы по копированию книг и настенных листов. Без сомнения, оригиналом служил ранний комплект, частично восполненный на рубеже 80—90-х годов XVIII в.

Таким образом, за отсутствием майского тома среди сохранившихся книг первоначального комплекта новонайденный том приобретает важное значение, поскольку только он и позволяет судить о составе выговской подборки на этот месяц.

Рукопись включает 42 жития. Из числа памятников отечественной агиографии в нее входят: Житие преподобного Пафнутия Боровского (1 мая), Киево-Печерский патерик (3 мая), Жития преподобных Ефрема игумена Перекомского, новгородского чудотворца (16 мая), Корнилия Комельского (19 мая), Никиты Переяславского (24 мая), Обретение мощей преподобного Макария игумена Колязинского

[1] Искренне благодарю собирателя за предоставленную возможность работать с этой ценной рукописью.

чудотворца (26 мая), Житие преподобного Ферапонта, «иже на Беле озере обитель составльшаго» (27 мая).

Новонайденный том Выговских Четиих Миней за май существенно расширяет возможности всестороннего комплексного исследования книжного свода в целом и углубленного изучения рукописной традиции перечисленных древнерусских житий.

Литература

Агеева Е. А., Юхименко Е. М. Лексинский скрипторий в 20–30-е гг. XIX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2013. Вып. 5. С. 270–311.
Барсов Е. В. Четии Минеи братьев Денисовых // Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 663–708.
Юхименко Е. М. Четии Минеи братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. С. 302–308.
Юхименко Е. М. Традиция составления Четиих Миней в старообрядческой среде // Slavia Orientalis. 2013. Т. 62. № 1. S. 87–97.
Юхименко Е. М. Два тома Выговских Четиих Миней из собрания БАН в контексте истории уникального книжного свода начала XVIII в. // Современные проблемы археографии. СПб., 2016. Вып. 2. С. 467–475.
Юхименко Е. М. Выговские Четии Минеи и богослужебный устав Выговского общежительства // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 149–156.

О. Янссон (Упсальский ун-т)

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ДВОРА ЦЕСАРЯ ТУРЕЦКОГО» Ш. СТАРОВОЛЬСКОГО

Книга польского писателя Шимона Старовольского «Dwor cesarza tureckiego, y residencya iego w Konstántynopolu» (первое издание – 1646 г.) известна в шести русских переводах XVII в. Первый из них был сделан в 1649 г. в Посольском приказе. Факт осуществления перевода в приказной среде был установлен Е. М. Иссерлин по результатам анализа его лексики при использовании списка РНБ. Q.XVII.21 [Иссерлин, с. 26]. Однако остается еще целый ряд вопросов, связанных с первым переводом «Двора турецкого султана», которые требуют разрешения.

Одним из не решенных до сегодняшнего дня оставался вопрос: какой именно перевод следует считать первым? Е. М. Чистякова упоминает две даты ранних переводов «Двора»: перевод 1646 г. из РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1646. № 3 (находка Н. А. Смирнова), а также привоз книги Старовольского в 1649 г. в Посольский приказ и отражение ее в рукописи РНБ. Q.XVII.21 [Чистякова, с. 351]. В начале перевода РГАДА содержится дата его осуществления 1649 г., а также дата выхода его источника, прочитываемая как 1646 г. Последняя оказалась на титульной странице, добавленной позже, во время упорядочения архива. Именно она и была внесена в опись РГАДА и заставила исследователей предполагать существование еще одного, более раннего перевода «Двора» 1646 г. На самом деле речь идет об одном и том же переводе 1649 г., который, соответственно, и следует считать первым. В отличие от других пяти переводов, этот содержит минимум структурно-композиционных и небольшое число содержательных вмешательств в текст оригинала (полностью переведено предисловие, незначительные следы «деполонизации»). Точная передача информации как главная стратегия переводчика объясняет, с одной стороны, следование пословному переводу, а с другой – наблюдающуюся в отдельных местах редукцию художественного дискурса текста и его стилистическое упрощение.

Текстуальное изучение рукописи РГАДА и ее сравнение с другими известными списками перевода 1649 г., РНБ. Q.XVII.21 (последняя четверть XVII в.) и РНБ. Q.IV.57 (1715 г.), позволило нам также выяснить их связь и соотношение. Как оказалось, список РГАДА, содержащий неполных 16 глав, представляет собой черновик перевода, начиная со столбца 29, полные списки которого и отражены в указанных выше рукописях РНБ. Столбцы 1–28 РГАДА переписаны несколькими подьяческими почерками, но содержат множественные правки, сделанные рукой переводчика. Практически все правки последовательно отражены в обоих списках РНБ, что свидетельствует об их текстуальной близости. Наличие в них одинаковых ошибочных чтений, по сравнению с черновиком из РГАДА, указывает на возможность существования общего для них источника в виде списка-посредника между РГАДА и РНБ.

Предполагать, что РНБ. Q.IV.57 скопирован с РНБ. Q.XVII.21 нет оснований ввиду множественности описок и ошибок в последнем и наличии правильных чтений в РНБ. Q.IV.57, соответствующих тексту-источнику. В обоих списках РНБ имеются небольшое вступление и оглавление, состоящее из перечня всех 24 глав. Неполногласные формы, которые мы наблюдаем в этом добавочном фрагменте, в отличие от полногласных в основном тексте (*град — город*), указывают на то, что он вряд ли принадлежит самому переводчику. При этом как в польском оригинале, так и в рукописи РГАДА преамбула и оглавление отсутствуют. Использованная в этом кратком предисловии традиционная русская формула «В сеи книге…» и вставка перечня глав отражают процесс последующей структурной адаптации польского текста к русской текстуальной традиции.

Анализ почерка черновика позволил нам также разрешить еще одну проблему первого перевода — его авторство. Автором перевода, по нашему мнению, является польский переводчик Посольского приказа Иван Максимов (см.: [Янссон]).

В то же время сравнение трех списков первого перевода поставило перед нами новый вопрос: какое из изданий книги Старовольского попало в Посольский приказ в 1649 г. и было переведено на русский язык? В 1649 г. в Кракове вышло уже третье издание «Двора». Первое издание (1646 г.), как уже отмечалось, было указано в тексте перевода: «…напечатано ах҃ms го*ду* римск*им* числ*ом*», и, казалось бы, не вызывало лишних вопросов. Они возникли, однако, сразу же после ознакомления с текстом в конце списков РНБ, содержащих переведенную отсылку к году издания книги: «Напечатана в Кракове […] лѣта гсдня ах҃мз *г*» (1647 г., когда вышло второе издание книги). Решение этой проблемы может предоставить сравнение изданий 1646 и 1647 г. Первую попытку выяснения различий между изданиями 1646, 1647 и 1649 г. осуществила Э. Малэк, отметив, что «…издание 1649 года практически дословно повторяет издания 1646 и 1647 годов, хотя набрано заново» [Małek, с. 39]. Обнаруженные исследовательницей орфографические отличия не отражаются в переводе и не дают оснований сделать вывод о времени выхода использованного издания. Однако нами было зафиксировано два случая искажения текста в издании 1647 г., отражающиеся в переводе и подтверждающие, что переводчик Посольского приказа пользовался именно вторым изданием. Указанный в начале текста 1646 г. может быть результатом ошибки как переписчика, так и самого переводчика, особенно включая специфику написания переводчиком графемы *з* как *s*, поскольку в числовом значении эти графемы отвечают, соответственно, цифрам семь и шесть.

Литература

Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка второй половины XVII века (по материалам переводных и других памятников «среднего стиля»). Дисс. … докт. филол. наук. Л., 1961. Т. I.

Małek E. Двор цесаря турецкого Шимона Старовольского в переводе кн. Михаила Кропоткина (исследование и издание текста). Warszawa, 2018.

Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 348–357.

Янссон О. Иван Максимов — переводчик «Двора цесаря турецкого» // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетий. М., 2019 (в печати).

М. Р. Яфарова (ИРИ РАН)

К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ МОСКОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НАКАНУНЕ РАТИФИКАЦИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДОГОВОРА В СТАМБУЛЕ В 1682 г.[1]

Окончание первого прямого вооруженного конфликта между Московским государством и Османской империей 1677–1681 г. и заключение в 1681 г. Бахчисарайского перемирия должны были стать важной вехой в изменении характера отношений между Москвой и Стамбулом. Бахчисарайский договор впервые официально зафиксировал территориальное разграничение владений Московской и Османской держав. Более того, заключенный тремя сторонами — Россией, Турцией и Крымским ханством, договор, как представляется, должен был внести существенные перемены в саму систему международных отношений в этой части восточноевропейского региона. Дело в том, что он предполагал непосредственный контакт России и Турции, при котором Крымское ханство выступало в качестве вассала Порты. Поскольку внешняя политика Крымского ханства оказывалась подчинена договорным обязательствам Стамбула, речь могла идти об установлении долгосрочных мирных отношений.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00496 (а).

Общий ход переговоров о заключении Бахчисарайского договора был рассмотрен в историографии, однако вопрос об их итогах является спорным [Соловьев, с. 221; Ходырева, с. 214; Смирнов, с. 167–168]. Как представляется, расхождение во взглядах связано с отсутствием четких представлений о позиции московского правительства, касающейся прежде всего вопросов разграничения территории двух держав. В фонде 89 Посольского приказа «Сношения России с Турцией» в РГАДА сохранился комплекс посольской документации, включающий копии грамот к турецкому султану Мехмеду IV и великому визирю Кара Мустафе-паше, наказ и царские грамоты П. Б. Возницыну, а также статейный список посла. Он позволяет восполнить этот пробел.

В распоряжении П. Б. Возницына находилось несколько документов, которыми он должен был руководствоваться при переговорах с османским правительством. Речь идет об общем царском наказе, составленном в Москве 28 мая 1681 г., а также о нескольких царских грамотах, полученных дьяком во время его пребывания в Стамбуле. Следуя наказу, русское посольство изначально должно было настаивать на передаче Москве части территории Правобережья: послам «велено домогатца той межи, как написано Василью Тяпкину в болшом наказе»[2]. При этом московское правительство было готово выкупить эти земли у османского правительства за 30 тысяч золотых и соболей на 20 тысяч рублей. Дипломатам следовало особо подчеркнуть, что «царское величество желает того не для пространства государства своего земель, но для крепчайшей сь его салтановым величеством дружбы»[3]. Такая позиция обосновывалась необходимостью казацким подданным Московского государства вести промыслы на правом берегу Днепра, где они имеют «всякие свои угодья», что, в свою очередь, могло привести к возможной конфронтации на границе. Если отстоять эту позицию не получалось, следовало настаивать на том, что правый берег Днепра должен оставаться незастроенным и незаселенным.

В русско-турецкий договор было необходимо включить пункт о «казацких вольностях», «чтоб подданным его царского величества заднепрским и киевским жителем волно было на сю [правую] сторону для всяких потреб выезжать»[4]. П. Б. Возницыну также следовало расширить статью о близлежащих к Киеву городках: к Триполью, Стайкам и Василькову добавить местечки Дедовшин и Радомышель, которым «с селами их и деревнями быть в державе великого государя»[5]. Предстояло послу поднять вопрос и о принадлежности Запорожья со всеми «звериными и рыбными ловлями, и солеными озерами», причем Москва настаивала на расширении прав запорожских казаков, которым османы должны были позволить свободно и безопасно плавать до устья Днепра и переходить на правый берег «для ловли всякого зверя»[6]. Важной представляется попытка Москвы внести изменения во внешнеполитическую систему этой части восточноевропейского региона, в частности, путем прямого вовлечения османского правительства в вопросы регулирования русско-крымских отношений — московским дипломатам следовало поставить вопрос о прекращении набегов крымцев в мирное время, причем предполагалось, что запрет должен исходить непосредственно от турецкой стороны.

В целом, по мысли московского правительства, задача посольства состояла прежде всего в размежевании границы: «должно для утвержения крепчайшей междо обоими великими государи дружбы написать ныне во обещателной салтанова величества грамоте попространнее, чтоб ни за что меж великими государи недружбы не было»[7]. В том случае, если османы «учинитца спор, и никакими мерами устоять будет… по наказом немочно… велено, те спорные статьи делать и приводить к совершению и ко укреплению, выбирая из обоих наказов и из указных наших, великого государя, грамот, как бы нашей государской чести было к повышению и государствам нашим к разширению, такъже бы и нашего царского величества подданному, Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману, и всему Войску Запорожскому, и посполитому народу малоросийскому, и Войска Низового Запорожского казаком ко утешению и к доброй прибыли»[8]. В целом Москва была заинтересована в мирном разрешении конфликта и утверждении перемирных статей.

---

[2] Речь идет о территориях, начинающихся с предместий Киева и уходящих на запад до берега реки Роси, «тут же блиско имеет вестися до реки Ирденя, а по берегу Ирденя до реки Тясмины, а по берегу Тясмины, приведчи ниже Чигирина в миле, где речка Чюта впадает […] и по под лесом Чютою с того боку от Чигирина до верху речки Малого Ингулца, а по над Ингулцем сим боком от Днепра имеется провадити мимо Сечи и ниже Сечи против речки Насаковки, в Днепр впадаючей, а против Насаковки, пришедчи опять от Ингулца Малого до верха Насаковки, поделать полем копцы, а Насаковкою притти до самого Днепра» (см.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 169 об.–170; Кн. 20. Л. 701 об.–706, 790 об.).

[3] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 112.

[4] Там же. Л. 112 об.–113.

[5] Там же. Л. 113 об.–114.

[6] Там же. Л. 114 об.–115.

[7] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 720.

[8] Там же. Л. 553–553 об.

Как известно, ратификация договора османской стороной в 1682 г. выявила значительные противоречия в позиции двух государств, связанной прежде всего с вопросами определения государственных границ. Характер указаний, данных П. Б. Возницыну, говорит в целом о том, что московское правительство по-прежнему неверно оценивало планы османской стороны относительно судьбы Правобережной Украины и плохо представляло себе ситуацию при стамбульском дворе.

Литература

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 2.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. Т. 13–14.
Ходырева Г. В. Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ

ААЭ —	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1–4.
АДД —	автореферат докторской диссертации
АЕ —	Археографический ежегодник
АКД —	автореферат кандидатской диссертации
АСЭИ —	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.
АФЗХ —	Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. I (подгот. Л. В. Черепнин). М., 1951; Ч. II (подгот. А. А. Зимин). М., 1956
БАН —	Библиотека Академии наук
БЛДР —	Библиотека литературы Древней Руси
ВВ —	Византийский временник
ВИ —	Вопросы истории
ВИД —	Вспомогательные исторические дисциплины
ВМЧ —	Великии Минеи Четии
ГВНП —	Грамоты Великого Новгорода и Пскова (под ред. С. Н. Валка). М.; Л., 1949
ГИМ —	Государственный Исторический музей
ГРМ —	Государственный Русский музей
ГТГ —	Государственная Третьяковская галерея
ДДГ —	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л., 1950
ЖМНП—	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИА —	Исторический архив
ИВИ —	Институт всеобщей истории
ИЗ —	Исторические записки
ИРИ —	Институт российской истории
ИРЯ —	Институт русского языка
ИРЛИ —	Институт русской литературы
ИОРЯС —	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИФ —	Институт философии
КСИИМК —	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЗАК —	Летопись занятий Археографической комиссии
МГУ —	Московский государственный университет
МПГУ —	Московский педагогический государственный университет
НИС —	Новгородский исторический сборник
ОИДР —	Общество истории и древностей российских при Московском университете
ПЛДР —	Памятники литературы Древней Руси. М.
ПСРЛ —	Полное собрание русских летописей
ПЭ —	Православная энциклопедия
РАН —	Российская Академия наук
РГАДА —	Российский государственный архив древних актов
РГБ —	Российская государственная библиотека
РИБ —	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.; Пг.; Л., 1872–1927. Т. 1–39.
РНБ —	Российская национальная библиотека
СГГД —	Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813–1894. Ч. 1–5.
СККДР —	Словарь книжности и книжников Древней Руси
ТОДРЛ —	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Л.; СПб.
ЧОИДР —	Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.

Издательство «Индрик»
http://indrik.ru

Научное издание

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материалы
X Международной научной конференции

Верстка: к.и.н. И. С. Агафонов
Корректор: к.ф.н. А. В. Духанина

Почтовый адрес издательства:
127521 г. Москва, Старомарьинское шоссе д. 16, оф. 16

Отпечатано с оригинал-макета в типографии CherryPie.
115114, Москва 2-й Кожевнический пер., 12.
www.cherrypie.ru
Усл. печ. л. 31
Тираж 400 экз.